18571 Н. Каблуковъ. 99.1.18.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ

233.

РАЗВИТІЯ

№135.

КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА

ВЪ РОССІИ.

(Очерки по экономіи сельскаго хозяйства).

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

МОСКВА.
Изданіе магазина „КНИЖНОЕ ДѢЛО".
Моховая, домъ Бенкендорфъ.
1899.

ВК

Прок 45

По опредѣленію Юридическаго Факультета печатать разрѣшается. 8-го мая 1898 года. *Деканъ В. Легоцинъ.*

БИБЛІОТЕКА
ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
227
30

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К°.**
Пименовская улица, собственный домъ.
1899.

Посвящается

моей жене,

верному, неизменному товарищу

и другу.

Предлагаемое произведеніе представляетъ собою не изслѣдованіе въ обычномъ смыслѣ этого понятія, а результаты цѣлаго ряда изслѣдованій, произведенныхъ различными лицами, отчасти и авторомъ настоящаго труда. Въ 1877 г. я, впервые, въ качествѣ земскаго статистика, приступилъ, совмѣстно съ покойнымъ В. И. Орловымъ, къ ознакомленію съ условіями русской экономической дѣйствительности и въ частности крестьянскаго хозяйства, путемъ непосредственнаго наблюденія и тщательнаго изученія хозяйственныхъ явленій на мѣстахъ, въ самихъ селеніяхъ, на сельскомъ сходѣ, въ отдѣльномъ дворѣ. Съ тѣхъ поръ и по настоящее время мысль моя неотступно работаетъ надъ вопросомъ объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства, надъ вопросомъ о томъ, представляетъ ли оно элементы живучести и дальнѣйшаго преуспѣянія, заключаютъ ли въ себѣ условія нашей дѣйствительности данныя для упадка и разрушенія крестьянскаго хозяйства, или же, наоборотъ, для его дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія, въ чемъ состоятъ эти данныя, на какія его стороны и какія именно условія вліяютъ въ томъ или иномъ направленіи и какой путь намѣчаютъ для его дальнѣйшей эволюціи. Мысль моя невольно работала надъ этими вопросами и при изслѣдованіи частновладѣльческаго хозяйства въ Россіи, и при изученіи положенія сельскаго хозяйства въ Германіи, Англіи, Франціи, и при разработкѣ разныхъ теоретическихъ вопросовъ. Съ 1885 г. я, опять въ качествѣ земскаго статистика, изъ года въ годъ продолжаю слѣдить за ходомъ всѣхъ измѣненій, совершающихся въ крестьянскомъ хозяйствѣ Московской губерніи, причемъ неоднократно изучалъ различныя стороны этого хозяйства путемъ непосредственнаго наблюденія и изслѣдованія на мѣстахъ. Въ то же время, постоянное ознакомленіе съ тѣмъ матеріаломъ, который доставляла и доставляетъ богатая земско-статистическая литература послѣдняго 20-тилѣтія, изображающая условія крестьянскаго хозяйства въ самыхъ различныхъ мѣст-

ностяхъ Россіи, расширяла, углубляла и видоизмѣняла тѣ заключенія, къ которымъ приводили непосредственныя наблюденія и всѣ предшествующія работы. Результатомъ всей этой продолжительной и разнообразной работы явилось у меня опредѣленное представленіе „объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи“,—представленіе, выработанное, можетъ-быть, и не мною однимъ, но не получившее однако до сихъ поръ въ нашей литературѣ своего опредѣленнаго выясненія въ одномъ цѣломъ произведеніи, а между тѣмъ значительно отличающееся отъ тѣхъ, которыя имѣютъ уже такое систематическое выраженіе. При такихъ условіяхъ мнѣ казалось не лишнимъ свести въ одно цѣлое всѣ результаты, къ которымъ меня привело все предшествующее, и путемъ ихъ опубликованія попытаться обратить вниманіе на многія стороны вопроса, до сихъ поръ недостаточно разработанныя, а въ то же время доставить возможность и самому себѣ провѣрить свои заключенія, подвергнувъ ихъ широкой, безпристрастной, научной критикѣ, являющейся лучшей союзницей каждаго, стремящагося къ уясненію истины.

Чтобы болѣе полно и многосторонне освѣтить условія, вліяющія на развитіе крестьянскаго хозяйства въ томъ или иномъ направленіи, я нашелъ наиболѣе цѣлесообразнымъ составить рядъ „очерковъ по экономіи сельскаго хозяйства“, изъ коихъ каждый посвященъ выясненію того или другого основного условія, вліяющаго на складъ экономическихъ отношеній въ сельскохозяйственномъ производствѣ. Когда же „комиссія по организаціи домашняго чтенія“, ознакомившись съ общимъ планомъ и содержаніемъ моего труда, включила его въ свою программу какъ единичное необходимое пособіе для изученія экономіи сельскаго хозяйства, то первому очерку, заключающему въ себѣ постановку вопроса всего изслѣдованія, я придалъ вмѣстѣ съ тѣмъ такое содержаніе, чтобы онъ выяснялъ „значеніе и задачи экономіи сельскаго хозяйства“. Сообразно съ этимъ назначеніемъ моей книги и остальные очерки ея пополнены такого рода данными, безъ которыхъ нельзя обойтись въ руководствѣ по экономіи сельскаго хозяйства, но которыя не являются необходимыми для выясненія основного вопроса всего изслѣдованія. Этой же задачей—дать въ то же время руководство по основнымъ вопросамъ экономіи сельскаго хозяйства—объясняется главнымъ образомъ и почти полное отсутствіе ссылокъ на первоисточники. Я предпочиталъ повсюду ссылаться на такого

рода произведенія, которыя, не искажая матеріала первоисточниковъ, представляютъ собою въ то же время систематическую переработку ихъ, что̀ давая читателю болѣе цѣльное представленіе о предметѣ и знакомя его съ литературой вопроса, не мѣшаетъ ему далѣе обратиться къ первоисточникамъ, если онъ пожелаетъ самостоятельно поработать надъ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Такимъ образомъ, по характеру ссылокъ, трудъ мой не имѣетъ внѣшности, столь обычной для научныхъ трудовъ. Помимо указанной причины это вызвано отчасти и тѣмъ, что мнѣ приходилось работать надъ моей книгой среди множества другихъ занятій и потому нерѣдко, въ видахъ сбереженія времени, ссылаться на то, что̀ было подъ руками, коль скоро не было сомнѣнія въ правдивой передачѣ того, что заключаетъ подлинный матеріалъ. Эта же невозможность удѣлить достаточно времени обработкѣ нѣкоторыхъ очерковъ сказывается, можетъ-быть, и на краткости въ развитіи отдѣльныхъ положеній, что̀ меня, однако, не особенно смущаетъ, такъ какъ, говоря словами великаго учителя современныхъ экономистовъ, „я, конечно, предполагаю читателя, который желаетъ научиться чему-нибудь новому, а слѣдовательно—захочетъ и самъ подумать“.

По поводу общаго содержанія моего труда, остается еще замѣтить, что соотвѣтственно тѣмъ окончательнымъ результатамъ, къ которымъ меня привело все предшествующее изученіе вопроса, я останавливаю преимущественное вниманіе на тѣхъ сторонахъ и условіяхъ дѣйствительности, въ которыхъ коренится жизненность крестьянскаго хозяйства и изъ которыхъ вытекаетъ его дальнѣйшее развитіе; поэтому освѣщенію темныхъ сторонъ современнаго положенія крестьянскаго хозяйства и безплодной гибельности ихъ вліянія, что уже сдѣлано многими солидными изслѣдованіями, у меня удѣлено сравнительно мало вниманія. Моя задача состояла въ томъ, чтобъ обратить вниманіе на тѣ положительныя стороны дѣйствительности, которыя, несмотря на современную безотрадную картину крестьянскаго хозяйства, обусловливаютъ его жизненность и дальнѣйшее прогрессивное развитіе.

Съ чувствомъ глубокаго удовольствія приношу мою благодарность: проф. К. А. Вернеру, Д. И. Гомбергу, проф. Н. А. Карышеву, А. А. Кауфману, проф. В. Ф. Левитскому, Н. В. Левитскому, Николаю - ону и проф. А. Ф. Фортунатову. Всѣ эти лица, ознакомившись съ общимъ планомъ и содержаніемъ моего труда, поспѣшили подѣлиться со мной своими соображеніями,

замѣчаніями, указаніями и нѣкоторыми матеріалами, чѣмъ оказали мнѣ не малую помощь въ постановкѣ и выясненіи отдѣльныхъ вопросовъ изслѣдованія. Общее стремленіе къ выясненію истины совершенно устранило здѣсь всякія соображенія личнаго характера, которыя могли бы имѣть мѣсто, хотя бы по вопросу о пріоритетѣ въ выясненіи того или иного положенія.

Съ особымъ чувствомъ признательности я обращаюсь здѣсь къ проф. А. В. Горбунову и проф. А. И. Чупрову, иниціатива и нравственное содѣйствіе которыхъ вызвали въ свѣтъ настоящее изданіе моего труда.

Н. Каблуковъ.

Москва. 1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	V—VIII
I. Значеніе и задачи экономіи сельскаго хозяйства	1
II. Вліяніе природныхъ условій на строй экономическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ	19
III. Значеніе международнаго рынка для сельскаго хозяйства	46
IV. Землевладѣніе:	
1. Значеніе размѣровъ землевладѣнія	69
2. Формы землевладѣнія	78
3. Распредѣленіе поземельной собственности въ Европейской Россіи	107
V. Землепользованіе	123
Нѣкоторыя общія замѣчанія по поводу двухъ предшествующихъ очерковъ	144
VI. Распредѣленіе земли по угодьямъ	149
VII. Системы земледѣлія и формы хозяйства	156
VIII. Мертвый и живой инвентарь	195
IX. Трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ	208
X. Условія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ и задолженность землевладѣнія	223
XI. Товарищества въ сельскомъ хозяйствѣ и ихъ значеніе	243
Заключеніе	264

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ И ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ:*
13	8 и 9 сверху	дѣйствительностии	дѣйствительности и
18	12 „	дѣятеля.	дѣятеля въ Россіи.
18	27 „	изъ	ихъ
37	15 и 16 снизу	страдаетъ	страдаютъ
—	16 „	снвыгодно	невыгодно
58	21 сверху	продаваться	производнться
—	22 „	производиться	продаваться,
68	12 снизу	явлевіе	явленіе
75	22 сверху	гекторовъ	гектаровъ
82	21 „	Н. Н. Черенкова,	Н. Н. Черненкова,
89	23 „	положенй,	поколѣній.
90	3 „	землевладѣлецъ;	земледѣлецъ;
91	19 снизу	землевладѣнію	земледѣлію
92	8 сверху	этитъ	этимъ
—	9 и 10 сверху	демонстратинныя	демонстративныя
94	8 снизу	на его,	не его,
98	21 и 22 снизу	передѣлкахъ	передѣлахъ
106	12 „	эволиціи	эволюціи
108	8 „	налѣловъ,	надѣловъ,
110	25 сверху	общинная	надѣльная
116	2 снизу	въ 1877—78 гг.	къ 1877—78 гг.
129	12 и 13 сверху	необходимости	необходимость
135	2 снизу	излѣдованнымъ	изслѣдованнымъ
136	7 сверху	и мною	мною и
157	3 „	находищейся	находящейся
173	17 „	происходиъ	происходитъ
175	10 снизу	вндимъ	видимъ
176	13 сверху	Меньшенство	Меньшинство
179	11 „	соотвѣтственное увеличеніе	соотвѣтственнаго увеличенія
184	22 „	исключитель	исключительно
190	22 снизу	доволно	довольно
191	26 и 27 сверху	осуществеиныхъ	существенныхъ
197	17 снизу	49% слѣдовательно болѣе	54,6%, слѣдовательно около
208	15 сверху	49%	43%
211	15 снизу	крестьнинъ	крестьянинъ
214	24 и 25 сверху	извѣстно	извѣстной
217	9 снизу	подтверждаютъ это.	подтверждаютъ сказанное тамъ.
248	10 „	ихъ число.	число товариществъ
251	17 сверху	Тогда, можетъ быть, тѣ	Тогда тѣ
252	23 снизу	и обнаруживаетъ	обнаруживаетъ
258	15 „	покупка,	покупки
270	10 сверху	реньше	раньше
286	12 „	и даетъ	даетъ
298	13 „	колебатьсл	колебаться
298	1 снизу	и въ крупномъ	въ крупномъ

I. Значеніе и задачи экономіи сельскаго хозяйства.

Въ экономіи сельскаго хозяйства, какъ показываетъ самое названіе, рѣчь должна итти главнымъ образомъ, о явленіяхъ сельскохозяйственной жизни. Едва ли нужно много говорить о *значеніи* этихъ явленій въ примѣненіи къ Россіи. Оно довольно понятно каждому безъ особенно пространныхъ объясненій, въ особенности въ настоящее время, когда начиная съ злополучнаго 1891 г., рѣчь о сельскохозяйственномъ кризисѣ, объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства не сходитъ со столбцовъ газетъ и страницъ журналовъ. Результаты урожая текущаго 1897 г., во многомъ напоминающіе положеніе дѣлъ въ 1891 г., должны еще болѣе привлекать вниманіе къ положенію сельскаго хозяйства у насъ въ Россіи. Эти результаты, сопровождаемые обычнымъ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ при плохомъ урожаѣ, отстранили совершенно на задній планъ еще такъ недавно сильно волновававшій заинтересованные круги вопросъ о значеніи низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ. А между тѣмъ вопросъ объ условіяхъ вызывающихъ паденіе ихъ, вопросъ о вліяніи ихъ на интересы разныхъ классовъ населенія и на весь строй сельскаго хозяйства имѣетъ не только временное и проходящее значеніе. По тѣсной и постоянной связи явленій сельскохозяйственной жизни со всѣми другими экономическими условіями выясненіе этого вопроса, въ особенности по отношенію къ Россіи, затрагиваетъ всѣ стороны экономическаго быта, и то или другое направленіе въ движеніи хлѣбныхъ цѣнъ не можетъ не отразиться такъ или иначе на общемъ ходѣ развитія экономическихъ отношеній въ странѣ. Разъясненіе же этого вопроса стоитъ въ неразрывной связи со всей совокупностью тѣхъ явленій, изученіе которыхъ составляетъ предметъ экономіи сельскаго хозяйства. Уже изъ сказаннаго должно вытекать, что безъ изученія экономіи сельскаго хозяйства, знакомство съ экономическими явленіями будетъ далеко неполно и односторонне. Въ частности по отношенію къ Россіи спеціальный интересъ ознакомленія съ условіями и положеніемъ сельскаго хозяйства въ ней создается еще тѣмъ, что она до сихъ поръ признается страной по преимуществу земледѣльческой.

И это несомнѣнно такъ, если имѣть въ виду, что нашъ за-

граничный вывозъ выражается почти исключительно въ продуктахъ сельскаго хозяйства. А именно въ общей цѣнности нашего заграничнаго вывоза въ 642.121.140 руб. (среднее за 1885—94 г.г.) цѣнность вывоза сельскохозяйственныхъ продуктовъ составляетъ 517.334.900 руб. или 80,71%. Если же оставить въ сторонѣ продукты животноводства и лѣсоводства, а ограничиться лишь продуктами полевой, садовой и огородной культуры, то и тогда цѣнность вывозимыхъ нами продуктовъ земледѣлія составитъ 66,57% или двѣ трети цѣнности всего нашего вывоза («Производительныя силы Россіи» С.-ПБ. 1896). То же впечатлѣніе преобладающаго значенія земледѣлія дается и перевѣсомъ сельскаго населенія, которое составляетъ, какъ это свидѣтельствуетъ и послѣдняя перепись, болѣе, 85% всего населенія; говоритъ же о томъ, что среди сельскаго населенія преобладаетъ занятіе земледѣліемъ, которое является у насъ довольно распространеннымъ и среди городского, конечно, нѣтъ надобности. При этомъ, само собой разумѣется, возникаетъ вопросъ насколько правильно называть земледѣльческой такую страну, въ которой земледѣліе далеко не стоитъ на такой высотѣ, чтобы давало ей въ этомъ отношеніи преимущество передъ другими. Но именно это обстоятельство, т.-е. низкій уровень производительности земледѣльческаго труда въ связи съ преобладающемъ значеніемъ этого занятія болѣе чѣмъ для $^4/_5$ всего населенія, и придаетъ тѣмъ большее значеніе изученію экономическихъ условій сельскаго хозяйства въ Россіи. Но, кромѣ того, какъ отмѣчено выше, это изученіе имѣетъ значеніе и для яснаго представленія о всемъ строѣ экономическихъ отношеній страны. Съ этой послѣдней точки зрѣнія знакомство съ экономіей сельскаго хозяйства важно и для пониманія явленій экономической дѣйствительности и въ другихъ странахъ, не отличающихся преобладаніемъ въ нихъ земледѣлія или же и вовсе отличающихся преимущественнымъ развитіемъ другихъ отраслей приложенія труда. Какое значеніе имѣетъ для всѣхъ другихъ странъ сельское хозяйство и вообще условія, въ какія поставлено оно, это достаточно свидѣтельствуется тѣмъ, что и тамъ аграрные вопросы, вопросы сельскаго хозяйства, сельскохозяйственный кризисъ, хлѣбныя цѣны, положеніе труда въ сельскомъ хозяйствѣ, положеніе крестьянства, задолженность землевладѣнія и т. д. и т. д., т.-е. все вопросы, составляющіе предметъ экономіи сельскаго хозяйства, являются постоянной темой научныхъ трудовъ, законодательныхъ работъ и журнальной литературы.

Сказаннымъ опредѣляется то практическое, прямо жизненное значеніе, какое имѣютъ вопросы экономіи сельскаго хозяйства. Но это еще не даетъ сколько-нибудь опредѣленной характеристики этого значенія. Поэтому къ выясненію его надо подойти и инымъ путемъ.

Теоретическая политическая экономія знакомитъ съ общими началами этой науки. Какъ теорія, такъ и исторія политической экономіи выясняютъ: 1) что начала политической экономіи въ

томъ видѣ, какъ они излагаются теперь, выработались не сразу, а постепенно, и 2) что ихъ можно подраздѣлить на двѣ категоріи: а) начала, обнимающія дѣятельность человѣка, направленную на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей,— общія всѣмъ стадіямъ экономическаго развитія, и б) начала, регулирующія эту дѣятельность при данной общественной структурѣ экономическихъ отношеній.

Извѣстно, что нашъ, такъ сказать, первоучитель—Ад. Смитъ, писавшій свою книгу въ тотъ моментъ развитія европейскихъ обществъ, когда складывалось современное капиталистическое хозяйство, придавалъ открытымъ имъ началамъ всеобщее значеніе. Еще сильнѣе это сказывалось у мыслителя, который началамъ Ад. Смита придалъ болѣе стройную и законченную форму— у Рикардо. Каждый изъ читавшихъ его могъ видѣть, что, говоря о капиталѣ въ его современномъ значеніи, Рикардо почти постоянно для поясненія роли капитала прибѣгаетъ къ примѣру *дикаря, изобрѣтшаго лукъ и стрѣлы* и противопоставляетъ его дикарю, не имѣющему такого *капитала*. Съ дальнѣйшимъ однако развитіемъ науки о народномъ хозяйствѣ, съ увеличеніемъ запаса ея наблюденій, съ точнымъ выясненіемъ тѣхъ хозяйственныхъ условій, которыя имѣлъ въ виду Рикардо, и на основѣ установленныхъ имъ же положеній выработалось представленіе о томъ, что условія для дѣятельности человѣка, направленной на удовлетвореніе его матеріальныхъ потребностей, не представляютъ чего-либо постояннаго, а подлежатъ непрерывному измѣненію, соотвѣтственно съ чѣмъ измѣняются и способы удовлетворенія потребностей, и взаимныя отношенія дѣятелей производства, и отношеніе человѣка къ продуктамъ своего производства и къ условіямъ для приложенія своего труда. Стало ясно, наприм., что если даже дикарь не обходится безъ какихъ-либо орудій для удовлетворенія своихъ потребностей, хотя бы этимъ орудіемъ былъ грубо обточенный кремень или рыбья кость, то тѣмъ не менѣе эти орудія первоначально играютъ, такъ сказать, подчиненную роль по отношенію къ труду, пока не становятся *капиталомъ*, подчиняющимъ себѣ не только трудъ, но и многія условія жизни человѣка. Еще болѣе выяснилось, что нельзя тѣ общественныя и производственныя отношенія, которыя имѣютъ мѣсто при натуральномъ хозяйствѣ, прилагать къ условіямъ, гдѣ существуетъ раздѣленіе труда и товарное хозяйство. Намѣтился цѣлый рядъ ступеней, по которымъ совершается переходъ отъ чисто-натуральнаго хозяйства къ чисто-капиталистическому, которое въ свою очередь мы должны разсматривать только какъ ступень въ экономической эволюціи, не представляющую собою чего-либо законченнаго и вѣчнаго.

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ стали обращать больше и больше вниманія на исторію экономическихъ явленій, стали изучать бытъ различныхъ народовъ и господствующія у каждаго народа экономическія отношенія, стало уже невозможнымъ начала, опредѣляющія экономическія отношенія одного народа, безъ дальнѣй-

шей провѣрки примѣнять къ объясненію явленій экономической жизни въ другомъ народѣ. Стало ясно, что экономическія явленія и отношенія, какъ и все въ жизни, подлежатъ измѣненію и развитію Нельзя говорить о народномъ хозяйствѣ, какъ о чемъ-то одинаковомъ для всѣхъ временъ; необходимо имѣть въ виду *данную* ступень развитія экономическихъ отношеній; въ смѣнѣ же этихъ ступеней происходитъ извѣстная послѣдовательность, и каждая ступень характеризуется своими чертами, отличающими ее какъ отъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ ступеней развитія.

Правда, мы находимъ и у Ад. Смита нѣсколько главъ, посвященныхъ краткому изображенію развитія и установленія тѣхъ отношеній, которыя онъ наблюдалъ въ современной ему Европѣ. Но затѣмъ, дойдя до этихъ послѣднихъ отношеній, онъ останавливается на нихъ, какъ на чемъ-то незыблемомъ и постоянномъ, и тѣ законы и отношенія, которыя имѣютъ примѣненіе къ нимъ, обобщаетъ и распространяетъ на всѣ времена и народы. Кромѣ того, у него замѣтно какъ бы отсутствіе нѣкоторой исторической перспективы, т.-е. онъ разсматриваетъ предшествующую эпоху такъ, какъ бы въ ней существовали тѣ же отношенія, но въ менѣе развитомъ видѣ: разсуждая о естественномъ развитіи благосостоянія, онъ говоритъ все время и о прибыли и о рентѣ, т.-е. имѣетъ предъ собой тѣ же условія распредѣленія, тѣ же мѣновыя отношенія, которыя характеризуютъ и его время; онъ какъ бы упускаетъ изъ виду періодъ отсутствія мѣновыхъ отношеній, отсутствія частной собственности, когда существуетъ лишь родовая и общинная собственность. Дальнѣйшее изученіе, какъ извѣстно, выяснило, что съ теченіемъ времени измѣняются формы производства, взаимное отношеніе участниковъ его, орудія производства, измѣняется отношеніе человѣка къ послѣднимъ и вообще къ условіямъ производства. И измѣняется все это въ такой степени, что уже не орудія производства становятся орудіемъ человѣка въ его борьбѣ съ природой, а онъ самъ становится какъ бы орудіемъ ихъ (въ машинномъ производствѣ), становится рабомъ созданнаго имъ капитала, такъ какъ внѣ послѣдняго онъ не можетъ уже достигнуть удовлетворенія своихъ потребностей. Такимъ образомъ, освобождая себя все болѣе и болѣе отъ подчиненія природѣ, человѣкъ ставитъ себя въ зависимость отъ созданныхъ имъ же условій. И трудъ, и орудія производства, и силы природы, и взаимное отношеніе всѣхъ элементовъ, необходимыхъ для созданія продукта труда, существовали всегда, но *общественное* значеніе каждаго изъ нихъ, положеніе человѣка среди нихъ, его отношеніе къ орудіямъ и продуктамъ труда, взаимныя отношенія людей, все это видоизмѣняется подъ вліяніемъ постоянныхъ измѣненій въ характерѣ самого производства, вызываемыхъ естественнымъ ростомъ населенія и его потребностей.

По мѣрѣ углубленія въ изученіе условій экономической дѣя-

тельности человѣка, при чемъ кругъ наблюдаемыхъ явленій расширялся во времени и пространствѣ, стали намѣчаться различные типы хозяйствъ, отличающіеся между собою по всему складу существующихъ въ нихъ отношеній. Оказалось немыслимымъ начала, установленныя для одного типа хозяйствъ, распространять на другія. Явилось, наприм., какъ я уже указалъ, представленіе о рѣзкомъ, коренномъ различіи между натуральнымъ и денежнымъ хозяйствомъ. Но теоретическое построеніе относительно этихъ различій не таково, чтобы его безъ всякихъ поправокъ можно было непосредственно прилагать къ тому или иному типу хозяйствъ. Дѣйствительность не даетъ намъ ни одного типа въ чистомъ видѣ. Изучая явленія въ пространствѣ и во времени, мы безпрестанно встрѣчаемся съ различными по степени смѣшеніями различныхъ хозяйственныхъ типовъ. Даже въ такой ультракапиталистической странѣ, какъ Англія, служащей преимущественнымъ объектомъ для изученія законовъ капиталистическаго хозяйства, мы встрѣчаемъ, наприм., въ заработной платѣ земледѣльческихъ рабочихъ элементы вознагражденія натурой, въ видѣ извѣстнаго, крайне ограниченнаго клочка земли «allotmen»—для огорода и избы (коттеджа), а это, привязывая рабочаго до извѣстной степени къ мѣсту его занятій, нарушаетъ то представленіе о свободѣ передвиженія рабочаго, на которомъ построены извѣстныя положенія объ условіяхъ, регулирующихъ заработную плату. Тамъ же мы еще встрѣчаемъ, правда, уже вымирающихъ, но все еще существующихъ теперь ручныхъ ткачей. Обращаясь къ другой изъ старѣйшихъ по культурѣ странѣ—Франціи, мы найдемъ здѣсь, при полномъ и рѣзко выраженномъ господствѣ капиталистическаго строя, еще болѣе отступленій отъ типа его. Мы встрѣчаемъ здѣсь массу типичнаго крестьянскаго населенія, строй хозяйства котораго характеризуетъ другую, докапиталистическую эпоху, гдѣ въ одномъ лицѣ соединяется расчлененное теперь представленіе о землевладѣльцѣ, капиталистѣ и работникѣ, и гдѣ, слѣдовательно, ученіе о заработной платѣ, о прибыли, о рентѣ получаетъ совершенно иное строеніе Здѣсь, такимъ образомъ, мы, помимо классовъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ-предпринимателей и рабочихъ, встрѣчаемъ своеобразный классъ—крестьянство, не накладывающій, однако, своего преобладающаго отпечатка на строй экономическихъ отношеній въ странѣ. Обращаясь къ Германіи, мы опять найдемъ въ одной и той же странѣ на общемъ фонѣ преобладанія капиталистическихъ началъ двѣ несходныя части: одну—съ преобладаніемъ крестьянства, другую—крупнаго землевладѣнія. Въ Италіи и Австріи такое смѣшеніе еще сильнѣе. Но вытекающія отсюда осложненія еще значительнѣе, если имѣть въ виду, что то же самое крестьянство является въ извѣстныхъ предѣлахъ и въ роли предпринимателя, имѣющаго своихъ наемныхъ рабочихъ.

Мы подошли, такимъ образомъ, къ границамъ Россіи, и я не знаю, говорить ли о томъ, еще болѣе сложномъ и неподдаю-

щемся безъ ближайшаго анализа подведенію подъ общеустановленныя теоретическія начала, характерѣ русскихъ экономическихъ отношеній, которыя мы наблюдаемъ.

Съ одной стороны, какъ это было уже указано и будетъ полнѣе охарактеризовано въ послѣдующихъ очеркахъ, мы имѣемъ въ Россіи такое преобладаніе крестьянскаго населенія, которое въ настоящее время не встрѣчается ни въ одной изъ европейскихъ странъ. Съ другой стороны, это преобладаніе крестьянства не представляетъ собою чего-либо такого, чего не имѣли бы раньше и другія страны. Если, слѣдовательно, были какія-то условія, которыя повели за собою и продолжаютъ вести постепенное сокращеніе представителей крестьянства въ западно-европейскихъ странахъ, то какія же основанія говорятъ за то, что эти условія не имѣютъ мѣста въ Россіи и не приведутъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ? А въ такомъ случаѣ есть ли какая-либо надобность въ выше отмѣченномъ ближайшемъ анализѣ русскихъ экономическихъ отношеній для того, чтобы подвести условія ея развитія подъ общія условія развитія западно-европейскихъ странъ и на основаніи этого примѣнить къ ней цѣликомъ общеустановленныя теоретическія начала?

Остановимся нѣсколько на выясненіи этого вопроса, чтобы этимъ путемъ выяснить значеніе и задачи прикладной экономіи, и въ частности экономіи сельскаго хозяйства.

Изъ приведеннаго не задолго передъ симъ указанія нѣкоторыхъ чертъ различія въ составѣ населенія по его хозяйственному положенію въ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи, Австріи, можно усмотрѣть, что и тамъ для объясненія тѣхъ или иныхъ *конкретныхъ* явленій экономической жизни каждой изъ этихъ странъ недостаточно знакомства съ одними теоретическими началами, но и необходимо знаніе условій экономической дѣйствительности каждой изъ этихъ странъ, хотя бы все различіе этихъ условій и объяснялось лишь различіемъ въ исторической ступени ихъ развитія. Дѣло въ томъ, что эти различныя ступени историческаго развитія экономическихъ отношеній въ каждой изъ этихъ странъ совпадаютъ *съ различной исторической обстановкой*, и это должно обусловливать различія и въ дальнѣйшемъ развитіи. «Съ тѣхъ поръ, какъ въ экономической наукѣ, благодаря трудамъ К. Маркса, установилось прочно ученіе о преемственности всѣхъ экономическихъ явленій въ жизни общества, и затѣмъ вскрытъ процессъ образованія современнаго экономическаго строя, отмѣченнаго имъ названіемъ «капиталистическаго», для экономистовъ наступаетъ новый и притомъ, надо полагать, плодотворный путь изслѣдованія. Процессъ образованія капиталистическаго строя въ странахъ цивилизованнаго міра изъясненъ въ его ближайшихъ причинахъ и послѣдствіяхъ. Этимъ объяснено происхожденіе того экономическаго строя, который мы наблюдаемъ въ Западной Европѣ. Намѣчены также и тѣ существенныя стороны его, которымъ предстоитъ играть роль и въ дальнѣйшей судьбѣ западно-европейскихъ обществъ. Но во

всемъ этомъ капитализмъ разсматривается лишь съ точки зрѣнія его *мірового значенія*. Опредѣлена лишь общая роль его, ходъ развитія и *историческое значеніе въ общемъ ходѣ развитія человѣчества*. Но относительная роль и значеніе его, а также *послѣдовательный ходъ развитія его въ каждой новой странѣ*, вступающей въ фазу капитализма, и тѣ *условія, которыя при этомъ имѣютъ значеніе* и опредѣляютъ тотъ или иной ходъ, то или иное направленіе этого развитія, *совершенно не выяснены*. Между тѣмъ понятно, что *условія эти въ каждой странѣ различны*, и поэтому ходъ развитія капитализма *не можетъ повторяться* съ одинаковой правильностью *и быть вполнѣ тожественнымъ во всѣхъ странахъ*. Въ этомъ отношеніи, помимо различія въ *природныхъ* и *историческихъ* условіяхъ, мѣшающихъ сложиться въ каждой странѣ вполнѣ тожественнымъ отношеніямъ, должно играть роль и то обстоятельство: *въ какой моментъ развитія* капитализма въ передовыхъ странахъ вступаетъ въ капиталистическій періодъ своего развитія новая страна. Въ зависимости отъ этого находится вся внѣшняя обстановка и условія ея производства. При международной конкурренціи она поставлена, наприм., иначе, нежели страны, вступившія ранѣе на стезю капиталистическаго развитія и иначе, нежели страны, которымъ еще предстоитъ вступить на этотъ путь». («Юрид. Вѣстн.» 1883 г. № V Экономическая хроника, Н. Каблукова).

Приведенной выдержкой опредѣляется въ общихъ чертахъ, почему въ ходѣ и развитіи экономическихъ отношеній каждой страны должны происходить различія, несмотря на то, что историческія ступени развитія могутъ быть однѣ и тѣ же. Дѣло въ томъ, что въ исторіи нѣтъ и не можетъ быть повторенія явленій въ томъ же самомъ видѣ. Допускать возможность такого повторенія значило бы отрицать исторію, значило бы не признавать воздѣйствія на дальнѣйшій ходъ развитія тѣхъ измѣненій, которыя производятся *предшествующими* историческими явленіями, и предполагать, что въ каждой странѣ измѣненія, происходящія подъ вліяніемъ другихъ странъ, не имѣютъ своихъ послѣдствій, и въ ней должно произойти все такъ же, какъ будто бы этихъ вліяній совсѣмъ не было. Въ дѣйствительности же каждое историческое явленіе представляетъ собой результатъ такой сложной комбинаціи фактовъ, что вторичное повтореніе ихъ въ тѣхъ же соотношеніяхъ немыслимо. Разъ произошло извѣстное явленіе, то оно уже имѣетъ свое вліяніе на послѣдующее и, слѣдовательно, это послѣдующее, если даже допустить тожество всѣхъ остальныхъ условій, имѣетъ въ предшествующемъ еще и такое условіе, какого не имѣло предыдущее. Въ особенности это должно имѣть значеніе теперь, когда страны живутъ настолько *неизолированно*, что, какъ мы увидимъ ниже, приходится говорить о всемірномъ хозяйствѣ. А эта неизолированность подчиняетъ каждую страну дѣйствію такихъ вліяній сосѣдней страны, какихъ не было для странъ, развившихся до извѣстныхъ отно-

шеній еще при отсутствіи тѣхъ живыхъ сношеній между ними, какія существуютъ въ настоящее время. Эти то вліянія и составляютъ для странъ запоздавшихъ въ своемъ развитіи новое условіе, не существовавшее раньше для другихъ странъ. А коль скоро появляется такое новое условіе, то не въ видѣ только предположенія, но навѣрное можно сказать, что остальной ходъ развитія долженъ быть не таковъ, какъ тамъ, гдѣ этого новаго условія не существовало. «Событія *поразительно аналогичныя*, но происходящія въ средѣ *исторически различной*, приводятъ къ результатамъ совершенно несходнымъ.. Моему критику непремѣнно надо преобразовать мой очеркъ происхожденія капитализма въ западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія, въ теорію, которой *фатально* должны подчиняться всѣ народы, *каковы бы ни были историческія условія, въ которыхъ они находятся*, чтобы въ концѣ концовъ придти къ такому экономическому строю, который обезпечиваетъ наибольшую свободу проявленія производительныхъ способностей общественнаго труда и всестороннее развитіе человѣка. Но прошу у него извиненія. Это значитъ дѣлать мнѣ много чести и въ то же время много безчестія». (Письмо К. Маркса, «Юрид. Вѣстн.» 1888 г. № 10).

Если отъ отвлеченныхъ соображеній, предопредѣляющихъ необходимость различія въ ходѣ экономическаго развитія разныхъ странъ, мы обратимся къ дѣйствительности, то увидимъ, что, наприм., начало и толчокъ развитію капиталистическаго строя въ Англіи дали не тѣ обстоятельства, что въ Германіи, и что внутренній строй отношеній въ Англіи былъ въ то время не таковъ, каковъ онъ былъ въ соотвѣтствующее время въ Германіи; не таковъ онъ во многихъ отношеніяхъ и въ настоящее время: если не считать Ирландіи, то въ Великобританіи нѣтъ крестьянскаго вопроса, но и въ Ирландіи онъ существуетъ не въ той формѣ, какъ въ Германіи. Нельзя, наконецъ, просто не признать существеннымъ то различіе въ этихъ странахъ, въ силу котораго въ одной изъ нихъ нѣтъ крестьянскаго населенія, въ другой есть, что обусловливаетъ собою, наприм., различіе въ программахъ дѣятельности фабричныхъ рабочихъ тамъ и тутъ и создаетъ въ Германіи существованіе соціальнаго вопроса въ болѣе сложной формѣ и вообще образуетъ иное сложеніе и иное отношеніе силъ въ той и другой странѣ.

Наблюдая отношенія различныхъ классовъ Европы, мы дѣйствительно замѣчаемъ сокращеніе въ числѣ крестьянскаго населенія. Отсюда какъ будто неоспоримымъ является выводъ, что то отдѣленіе человѣка отъ условій приложенія его труда, которое наблюдается въ капиталистическомъ строѣ, совершается все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ и обѣщаетъ, превративъ все населеніе въ одинъ классъ рабочихъ, за исключеніемъ небольшого класса капиталистовъ, привести затѣмъ къ уничтоженію дѣленія общества на классы и превращенію производства изъ частнаго въ общественное. Таковъ путь, которымъ идетъ

капиталистическое производство въ Западной Европѣ, и притомъ въ примѣненіи ко всѣмъ отраслямъ *обрабатывающей* промышленности. Но и тамъ мы наблюдаемъ уже, что по мѣрѣ примѣненія машиннаго производства, ведущаго за собой потребность въ меньшемъ числѣ рабочихъ, подъ вліяніемъ различныхъ другихъ обстоятельствъ и особенностей сельскаго хозяйства, о чемъ придется говорить позднѣе, въ послѣднемъ происходитъ также уменьшеніе количества рабочихъ рукъ, не возмѣщаемое, однако, усиленіемъ требованія ихъ на фабрики. То тяжелое положеніе, которое создается этимъ путемъ, находитъ пока себѣ выходъ въ эмиграціи, но и послѣдняя встрѣчаетъ все болѣе и болѣе ограниченій. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ, не поведетъ ли указанное стеченіе обстоятельствъ, вмѣстѣ съ ростомъ сознанія массъ, къ измѣненію созданныхъ самимъ же человѣкомъ условій труда, но уже инымъ путемъ, нежели путь, выработанный предшествующимъ развитіемъ капитализма?

Но если мы имѣемъ основанія поставить такой вопросъ по отношенію къ Западной Европѣ, не умѣя, правда, отвѣтить на него, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ мы можемъ поставить его по отношенію къ Россіи, или вѣрнѣе говоря, мы не можемъ не поставить его по отношенію къ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ это твердо установлено, ростъ числа рабочихъ въ Западной Европѣ отстаетъ отъ роста производства, т.-е. увеличеніе послѣдняго не сопровождается *такимъ же* увеличеніемъ количества первыхъ; если, такимъ образомъ, по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства, *замедляется* превращеніе остального населенія въ классъ рабочихъ; если затѣмъ, какъ это также твердо установлено, такая капиталистическая страна, какъ Англія, теряетъ свое прежнее значеніе при развитіи всемірнаго хозяйства; если доля ея участія въ торговлѣ всего міра падаетъ и она уже сбываетъ на международномъ рынкѣ относительно менѣе продуктовъ своего производства, чѣмъ прежде *),— то въ какомъ видѣ все это представляется по отношенію къ Россіи?

Въ послѣдней капиталистическое производство и до сихъ поръ не можетъ обойтись безъ сильнаго покровительства, и предѣлы его сбыта ограничены почти однимъ внутреннимъ рынкомъ. Это, конечно, нисколько не говоритъ о невозможности развитія у насъ капитализма, такъ какъ для послѣдняго все равно, имѣетъ ли

---

*) По вычисленіямъ Неймана Спалларта и позднѣйшимъ въ 1867—68 гг. всемірная торговля оцѣнивалась въ $44,_2$ милліарда марокъ, въ чемъ на долю Англіи приходилось $10,_6$ млр мар., т.-е $24^0/_0$; въ 1874—75 гг. при абсолютномъ увеличеніи оборотовъ всемірной торговли до $54,_8$ млр. м., Англіи принадлежитъ $13,_1$ млр. мар., т.-е. тѣ же $24^0/_0$; въ 1882 г., когда обороты всемірной торговли оцѣнивались въ $61,_3$ млр. мар.—участіе Англіи упало и абсолютно (13 млр. м.) и относительно—$19,_5{}^0/_0$, на 1884 г. ея доля во всемірной торговлѣ опредѣляется уже $12,_5$ млр. мар. Въ 1889—90 гг. процентъ ея участія въ оборотахъ всемірной торговли остается почти безъ измѣненія—$19,_6{}^0/_0$; въ 1894 г. онъ составляетъ $18,_7{}^0/_0$.

онъ передъ собой внутренній или внѣшній рынокъ, лишь бы этотъ рынокъ постоянно расширялся. Но отъ степени этого расширенія зависитъ возможность превращенія все большей и большей части населенія въ фабричныхъ рабочихъ. Между тѣмъ, при указанномъ выше положеніи даже Англіи и при необходимости защиты нашего капитализма отъ иностраннаго соперничества, онъ можетъ расширяться лишь въ предѣлахъ допускаемыхъ расширеніемъ нашего внутренняго рынка и врядъ ли можетъ разсчитывать на такое распространеніе, чтобы занять во всемірномъ хозяйствѣ мѣсто сколько-нибудь близкое къ занимаемому Англіей. А въ такомъ случаѣ онъ не въ состояніи превратить въ классъ фабричныхъ рабочихъ, и только рабочихъ, такую часть населенія, какую удалось, наприм., Англіи, имѣющей въ этомъ отношеніи и право первородства, и долгій опытъ, и широкую практику. Съ другой стороны, тѣ условія, которыя вызываютъ повсюду для капитализма необходимость примѣненія техническихъ усовершенствованій, сокращающихъ число рабочихъ, существуютъ и для нашего капитализма и влекутъ за собой не столько ростъ, сколько сокращеніе числа рабочихъ относительно всего населенія.

Сводя результатъ всего сказаннаго до сихъ поръ, можно отмѣтить слѣдующее. Теоретическія начала политической экономіи, выработавшись въ періодъ сложенія капиталистическихъ отношеній и характеризуя послѣднія, не могутъ имѣть прямого, непосредственнаго приложенія къ такимъ стадіямъ экономическаго развитія, *когда еще не сложилось капиталическое производство* и обусловленное имъ распредѣленіе дохода.

Въ отношеніи къ странамъ, *гдѣ уже господствуетъ капитализмъ*, общія теоретическія начала не могутъ быть прилагаемы безъ значительныхъ поправокъ, вызываемыхъ условіями дѣйствительности. Такъ, теорія имѣетъ въ виду обыкновенно распредѣленіе дохода на ренту, прибыль и заработную плату, изслѣдуетъ законы, опредѣляющіе каждую изъ этихъ долей дохода, и если допускаетъ соединеніе ихъ, то опять-таки и въ этомъ соединеніи исходитъ изъ существованія какъ бы отдѣльныхъ долей дохода; при этомъ соединеніе ихъ является какъ бы обстоятельствомъ случайнымъ. Между тѣмъ почти во всѣхъ странахъ, помимо трехъ классовъ: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, существуетъ особый классъ—крестьянство, гдѣ упомянутыя доли дохода не выдѣляются одна отъ другой. Доходъ крестьянина не является суммой трехъ видовъ дохода, а наоборотъ, изъ одного цѣльнаго дохода, выражаемаго въ продуктѣ труда, приходится искусственно выдѣлять упомянутые виды дохода и его источники, до такой степени искусственно, что приходится говорить, наприм., о капиталѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, тогда какъ крестьянинъ не имѣетъ такого представленія. Для него основа его дохода—трудъ; земля составляетъ необходимое условіе для приложенія труда; орудія труда также мало разсматриваются имъ, какъ капиталъ, какъ никто изъ насъ не

станетъ называть капиталомъ. наприм., перо. при помощи котораго мы пишемъ. И это по той простой причинѣ, что орудія труда у крестьянина-землепашца не составляютъ особаго вида имущества, которое само по себѣ, безъ приложенія его труда. даетъ ему особый видъ дохода. Отсюда понятно, что здѣсь существуетъ особый родъ отношеній и иныя основанія для опредѣленія дохода. Поэтому можно сказать. что крестьянское хозяйство представляетъ собою рѣшительное противорѣчіе съ капиталистическимъ строемъ. И такъ какъ въ послѣдующихъ очеркахъ почти исключительное вниманіе будетъ отведено *явленіямъ русской дѣйствительности,* а въ ней видное мѣсто занимаетъ *крестьянство,* въ благосостояніи котораго, какъ будетъ указано ниже, и заключаются основы всего нашего экономическаго развитія, то я и считаю нужнымъ здѣсь же остановиться еще нѣсколько на условіяхъ нашего экономическаго развитія, тѣмъ болѣе, что это всего яснѣе дастъ понятіе о томъ, какое отношеніе имѣетъ прикладная политическая экономія къ общимъ теоретическимъ началамъ науки о народномъ хозяйствѣ.

Крестьянское хозяйство въ томъ видѣ. какъ я только-что говорилъ о немъ, представляетъ собою *натуральное* хозяйство; въ настоящее время въ этомъ чистомъ видѣ оно уже не существуетъ и подъ вліяніемъ различныхъ условій превращается въ *товарное* хозяйство. На основѣ товарнаго хозяйства, какъ показываетъ исторія другихъ странъ, развилось капиталистическое, но послѣднее получило свое полное развитіе, главнымъ образомъ, въ обрабатывающей промышленности; въ земледѣліи по условіямъ. на которыя будетъ указано въ послѣдующихъ очеркахъ, капитализмъ не получилъ такого широкаго развитія. Исходя изъ этого, мы должны заключить, что въ Россіи, гдѣ земледѣліе составляетъ занятіе преобладающей массы населенія. гдѣ въ то же время, въ силу техническихъ усовершенствованій въ фабричномъ производствѣ, прилагаемыхъ въ настоящее время, не можетъ быть занято этимъ производствомъ такое количество рукъ, какое отвлекалось въ свое время въ Западной Европѣ. въ которой переходу къ капитализму съ машиннымъ производствомъ предшествовалъ довольно длинный періодъ мануфактурнаго производства,—въ Россіи, повторяю, обрабатывающая промышленность не въ силахъ поглотить такую массу населенія, какъ тамъ, иначе говоря—не въ состояніи дать занятіе такой массѣ населенія, совершенно отклонивъ его отъ земледѣлія, чтобы создать такое же отношеніе между классомъ фабричныхъ рабочихъ и земледѣльческимъ, какъ на западѣ Европы.

И дѣйствительно, если мы возьмемъ моментъ послѣ отмѣны крѣпостнаго права, которая была вызвана требованіями развивающагося товарнаго хозяйства и развязала руки послѣднему, то увидимъ, что ростъ нашего фабричнаго производства былъ таковъ:

По фабрикамъ съ производствомъ на сумму не менѣе 1.000 р.

Годъ	Число фабрикъ		Число рабочихъ		Цѣнность производства.	
1865	14,257 (кромѣ горн. зав)	100%	392,718	100%	296 мил.	100%
1880	16,564 „	116%	616,925	157%	731 „	247%
1890	17,542 „	122%	716,792	182%	903 „	305%
	или въ общей сложности:					
		23% (1+10+6)		83%		206%

На фабрикахъ, занятыхъ обработкой волокнистыхъ веществъ, произошли слѣдующія измѣненія:

	Число фабрикъ уменьшилось на	Число рабоч. на нихъ увеличилось на	Производ. возросло на
къ 80 г.	8%	39,8%	119,7%
„ 90 „	4%	21,0%	51,0%

Рабочіе къ 65 г. составляли 829.573 чел. (безъ горнораб.), ко всему населенію (61,42 мил.) составляли 1,35%.

Къ 90 г. составляли 875.764 чел. (безъ горнораб.), ко всему населенію (91 мил. мил.)—0,96%.

Или къ тому же 90 г. составляли 1.203.714 чел. вмѣстѣ съ горнораб., ко всему населенію—1,32%.

По даннымъ «Свода статист. матер.» (изд. Канц. Министр. С.-ПБ. 1894 г.) число фабричн. рабочихъ безъ горнорабочихъ составляло къ 1892 г.—867611 чел., а съ горнорабочими 999203 чел.; если же брать и производства на сумму менѣе 1000 руб., но не обложенныя акцизомъ — 1094776 чел. По послѣднему изд. Мин. Фин. («Перечень фабрикъ и заводовъ» С.-ПБ. 1897 г.) число фабричныхъ рабочихъ къ 1897 г. еще менѣе.

Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ ясно видно, что ростъ числа фабричныхъ рабочихъ у насъ отстаетъ отъ роста цѣнности производимыхъ продуктовъ, т.-е. отъ роста капитализаціи прозводства, и съ ростомъ послѣдняго происходитъ не только *относительное*, а повидимому *) даже и абсолютное уменьшеніе числа

*) Говорю „повидимому“, такъ какъ всѣ этого рода данныя въ русской статистикѣ отличаются значительной неполнотой и неточностью, что зависитъ, и можетъ быть главнымъ образомъ, отъ несогласованности того, что принимается за фабрику и заводъ. Это не колеблетъ однако общаго вывода, вытекающаго уже изъ самой тенденціи фабричнаго производства и подтверждаемаго, какъ

фабричныхъ рабочихъ, а отсюда прямо напрашивается заключеніе, что въ Россіи путемъ такого же хода капиталистическаго развитія, какимъ оно совершалось на Западѣ, не можетъ быть достигнуто то обобществленіе, какое совершается путетъ сосредоточенія все большей и большей массы населенія на фабрикахъ. Разсчитывать при этихъ условіяхъ на то, что «мужикъ выварится въ фабричномъ котлѣ», очевидно, значитъ закрывать глаза на *реальныя* отношенія современной экономической дѣйствительности и сознательно уклоняться отъ выясненія существующихъ условій развитія экономическихъ отношеній. Это значило бы впадать въ полный утопизмъ и обрекать себя на безплодныя и безконечныя мечтанія.

При этомъ надо имѣть въ виду общее положеніе фабричнаго рабочаго на Западѣ и у насъ въ Россіи. Тогда какъ на Западѣ трудъ на фабрикахъ составляетъ для рабочаго единственный источникъ существованія, у насъ, за сравнительно небольшими исключеніями, рабочій считаетъ трудъ на фабрикѣ побочнымъ занятіемъ, онъ еще привязанъ къ землѣ, и при неблагопріятныхъ условіяхъ уходитъ съ фабрики. Въ силу этого далеко не вся часть фабричныхъ въ Россіи можетъ быть заинтересована одинаковымъ образомъ въ томъ, чтобы поставить свой трудъ на фабрикѣ въ болѣе выгодныя условія: та часть рабочихъ, для которыхъ работа на фабрикѣ даетъ добавочный заработокъ къ тому, что выручается отъ земледѣлія, можетъ довольствоваться меньшимъ заработкомъ сравнительно съ тѣми, которые живутъ исключительно фабричнымъ трудомъ; въ такомъ случаѣ на заработную плату этихъ послѣднихъ можетъ давить предложеніе рабочихъ рукъ со стороны первыхъ. Но возможно и другое, а именно, что рабочій, идущій на фабрику изъ такой крестьянской семьи, гдѣ другіе члены ея занимаются земледѣліемъ, и, слѣдовательно, обезпеченный въ удовлетвореніи части своихъ потребностей, не склоненъ продавать свой трудъ такъ дешево, какъ это было бы при иныхъ условіяхъ, когда всѣ средства и источники его существованія вытекаютъ лишь изъ найма на работу. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ соединеніе на фабрикѣ рабочихъ, существованіе которыхъ поставлено не въ одинаковую зависимость отъ хода фабричныхъ дѣлъ, менѣе способно вызывать въ нихъ сознаніе солидарности ихъ интересовъ, и условія объединенія для фабричныхъ рабочихъ уже въ силу этого обстоятельства могутъ быть не такъ благопріятны, какъ въ другихъ странахъ. Къ этому присоединяется и то, что при сколько-нибудь благопріятныхъ моментахъ для земледѣлія, при возможности покинуть фабричный трудъ, значительная часть рабочихъ уходитъ снова на землю.

увидимъ въ заключительномъ очеркѣ, данными фабричной статистики западно европейскихъ государствъ, такъ что вытекающія отсюда послѣдствія имѣютъ примѣненіе не къ одной Россіи и вносятъ поправки въ представленіе о томъ пути, по которому совершается измѣненіе экономическихъ отношеній при современныхъ условіяхъ развитія капитализма.

Такъ, данныя текущей статистики относительно Клинскаго уѣзда, Московской губ., свидѣтельствовали, что при заминкѣ въ фабричной промышленности многіе рабочіе съ фабрикъ вернулись къ землѣ. Перепись 1892 г. вполнѣ подтвердила это: въ 1878 году процентъ хозяевъ, не обработывавшихъ своихъ надѣловъ, составлялъ 24,7%, а въ 92 г.—14,5% т.-е. процентъ значительно понизился; очевидно, 10.2% вернулись съ фабрики и начали заниматься земледѣліемъ.

Такимъ образомъ, примѣръ Россіи показываетъ, что теоретическія начала не могутъ быть прилагаемы цѣликомъ къ русской дѣйствительности. Онъ указываетъ, что тутъ имѣетъ значеніе различіе условій и историческаго момента, что конечно справедливо въ примѣненіи не къ одной только Россіи.

У насъ нѣтъ данныхъ, которыя позволяли бы утверждать, что измѣненіе экономическихъ отношеній, несомнѣнно происходящее въ Россіи, какъ во всякой прогрессирующей странѣ, происходитъ и будетъ происходить именно тѣмъ путемъ, какимъ оно происходило на Западѣ. Намъ поэтому и недостаточно останавливаться на тѣхъ путяхъ рѣшенія экономическихъ вопросовъ, на какихъ останавливаются тамъ. Мы видимъ, что экомическая и общественная обстановка наша—иная, и притомъ, въ силу того историческаго момента, который переживаемъ мы, не можетъ сдѣлаться такой же, какъ западно-европейская, такъ какъ, съ одной стороны, внѣшнія историческія условія, которыя зависятъ не отъ насъ, а произведены предшествующими поколѣніями, съ другой—развитіе техники, высокая степень которой захватила насъ еще въ періодъ, можно сказать, варварства,—представляютъ собой нѣчто такое, чего нельзя поворотить назадъ. Намъ предстоитъ поэтому, пользуясь успѣхами знаній и на основѣ выработанныхъ ими пріемовъ изученія дѣйствительности, показавшихъ свою силу и значеніе, самостоятельно изучить и опредѣлить условія нашего экономическаго развитія. Только тогда мы въ состояніи будемъ правильно прилагать къ явленіямъ русской дѣйствительности положенія теоретической политической экономіи.

Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, такое явленіе, какъ низкія цѣны на хлѣбъ, составлявшія еще недавно у насъ такую злобу дня. Для производителя, естественно, выгодны высокія цѣны, и потому отовсюду слышатся жалобы, что низкія цѣны подрываютъ сельское хозяйство. Казалось бы, это вполнѣ справедливо и безусловно приложимо къ такой земледѣльческой странѣ, какъ Россія. Но анализъ условій дѣйствительности, показывающій, что большинство русскаго земледѣльческаго класса (крестьянъ) вынуждено покупать значительную долю своего хлѣбнаго продовольствія, ограничиваетъ въ значительной мѣрѣ это положеніе и дѣлаетъ его неприложимымъ къ массѣ хозяйствъ. Изученіе же условій Германіи показываетъ, что и тамъ большая часть крестьянства заинтересована также въ низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ (См.: Вліяніе урож. и хлѣбн. цѣнъ. Т. I. Ст. Н. Каблукова. С.П.-Б. 1897).

Возьмемъ въ связи съ этимъ другой вопросъ. Извѣстно. что высота заработной платы опредѣляется уровнемъ потребностей рабочаго и не можетъ надолго падать ниже его. Если, слѣдовательно, главный продуктъ потребленія—хлѣбъ дешевъ, денежная заработная плата должна понизиться. И однако замѣчается, что въ Россіи она выше въ годы низкихъ цѣнъ хлѣба и, наоборотъ, въ годы хлѣбной дороговизны очень низка. Если мы возьмемъ въ расчетъ только что указанное обстоятельство. что большинство крестьянскаго населенія прикупаетъ хлѣбъ, то намъ станетъ понятнымъ это явленіе. Часть продуктовъ крестьянинъ имѣетъ отъ своего хозяйства, часть ихъ долженъ купить. Чѣмъ выше урожай, сопровождаемый обыкновенно низкими цѣнами, тѣмъ меньшую часть хлѣба надо купить, и тѣмъ меньшая часть крестьянъ нуждается въ его покупкѣ. Предложеніе рабочихъ рукъ уменьшается, да и нужда у ищущихъ заработка не такъ велика, и потому они не такъ склонны продавать свой трудъ за ничтожную плату. Спросъ же на рабочія руки въ такіе годы растетъ, ибо когда крестьянинъ съ хлѣбомъ, то онъ стремится къ удовлетворенію другихъ потребностей и предъявляетъ большій спросъ на продукты обрабатывающей промышленности. Все это и ведетъ къ увеличенію заработной платы. (См. ст. Плотникова въ кн. «Вліяніе урожаевъ» и т. д.) Такимъ образомъ, исходя изъ положеній теоріи же, мы объясняемъ это явленіе удовлетворительно, но лишь при томъ условіи, что взяли въ расчетъ ту среду, въ которой, такъ сказать, преломляется данное теоретическое положеніе, выведенное также изъ наблюденія явленій дѣйствительности и ихъ объясняющее, но явленій, происходящихъ въ другой средѣ, при другихъ условіяхъ; а если бы мы не обратили вниманія на нашу дѣйствительность, то исходя лишь изъ теоретическаго положенія, сдѣлали бы невѣрный выводъ, что съ удешевленіемъ хлѣбныхъ продуктовъ въ Россіи должна понижаться денежная заработная плата.

Все сказанное до сихъ поръ должно показать, что различныя страны поставлены далеко не одинаково относительно условій и хода развитія въ нихъ экономическихъ отношеній и въ частности капитализма. Но что именно играетъ при этомъ существенную роль, каково относительное значеніе каждаго изъ факторовъ, и какимъ образомъ, въ какомъ направленіи дѣйствуетъ каждый изъ нихъ—все это остается до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ, а стало быть, неизвѣстенъ и весь послѣдовательный ходъ преемственности явленій въ развитіи экономическихъ отношеній вообще; такимъ образомъ, изученіе молодыхъ странъ и наблюденіе надъ первыми шагами капитализма въ нихъ представляютъ большой интересъ и съ научной стороны.

«Россія въ этомъ отношеніи представляетъ богатое поле для наблюденія еще и потому, что для нея возможность наступленія капиталистической эпохи существуетъ сравнительно еще недавно, а именно съ момента уничтоженія крѣпостного права

Когда другія страны находились въ соотвѣтствующемъ моментѣ своей исторіи, тогда въ наукѣ еще не было представленія о томъ процессѣ измѣненій, которыя происходятъ подъ вліяніемъ новыхъ условій. Самое представленіе о преемственности явленій экономической жизни не было выработано. Вслѣдствіе этого многимъ явленіямъ, характеризующимъ процессъ измѣненій, не придавалось особой важности и значенія и они вовсе ускользали отъ наблюденія. Для примѣра укажемъ хоть на процессъ измѣненій въ системѣ полеводства, который совершенно почти не изученъ въ его исторической послѣдовательности. Недостатокъ наблюденій надъ всѣмъ этимъ оставляетъ, конечно, въ наукѣ много пробѣловъ. Россія же въ настоящее время представляетъ богатое поле для подобныхъ наблюденій. Слѣдовательно, теперь когда значеніе такихъ наблюденій уже опредѣлено, изученіе совершающихся въ Россіи экономическихъ явленій въ связи въ вопросомъ о происхожденіи и значеніи капитализма даетъ основаніе для провѣрки и научныхъ теорій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу историческихъ и бытовыхъ особенностей Россіи, а также въ силу того, что въ ней условія, внѣ которыхъ немыслимо появленіе капатализма, осуществились лишь тогда, когда онъ получилъ уже свое развитіе въ другихъ странахъ, чего не существовало для странъ передовыхъ, Россія, повидимому, должна представлять много особенностей въ развитіи въ ней капитализма. Наблюденіе этихъ особенностей должно выяснить, такимъ образомъ, вліяніе ихъ на развитіе капитализма». (Юрид. Вѣстн. 1883 г. № V. Экономич. хроника Н. Каблукова)

Такимъ образомъ, изучая явленія дѣйствительности, мы производимъ двойную плодотворную работу. Съ одной стороны, собирая и обобщая факты русской дѣйствительности, наблюдаемые при такой исторической обстановкѣ, при которой они не существовали въ другихъ странахъ, да и при ихъ исторической обстановкѣ не были наблюдаемы такъ, какъ они наблюдаются у насъ, мы обогащаемъ тѣмъ наблюденія ученыхъ всего міра и даемъ матеріалъ для дальнѣйшаго развитія и установленія законовъ нашей науки. Съ другой стороны, провѣряемъ положенія этой науки и опредѣляемъ ихъ относительное значеніе, т.-е. получаемъ матеріалъ для выясненія, насколько и какія положенія экономической науки имѣютъ общее приложеніе и какія относятся къ данному складу экономическихъ отношеній, къ извѣстной сферѣ развитія ихъ. Только этимъ путемъ изученіе русской дѣйствительности можетъ служить наукѣ и въ то же время уяснять намъ, какое приложеніе имѣютъ положенія, выработанныя теоретической политической экономіей при различныхъ хозяйственныхъ условіяхъ и въ частности къ условіямъ русской дѣйствительности. Только этимъ путемъ, только знакомясь съ дѣйствительностью во всѣхъ ея подробностяхъ и частностяхъ, мы въ состояніи выяснить, что въ ней составляетъ проявленіе *общихъ началъ, установленныхъ путемъ отвлеченія отъ нея*, и что представляетъ собою временное, *мѣстное значеніе*, и

какъ эти послѣднія стороны, т.-е. условія, имѣющія временное и мѣстное значеніе, видоизмѣняютъ и ограничиваютъ приложеніе общихъ началъ.

Таково, стало быть, значеніе и задачи прикладной политической экономіи. Внѣ ея, *внѣ изученія дѣйствительности*, не можетъ быть и теоретической политической экономіи, какъ равно и обратно, *внѣ послѣдней*, не можетъ быть правильнаго и толковаго изученія дѣйствительныхъ экономическихъ отношеній, такъ какъ тогда мы рискуемъ безъ нея, какъ безъ путеводной нити, запутаться въ томъ разнообразіи явленій, которое представляетъ дѣйствительность. Но и при изученіи дѣйствительности съ путеводной нитью теоретическихъ началъ мы бы рисковали запутаться, еслибы въ свою очередь не систематизировали этого изученія. Явленія дѣйствительности крайне разнообразны, и намъ приходится разбивать ихъ на группы по тѣмъ характеристическимъ признакамъ, которые отличаютъ каждую изъ нихъ. Такъ, еслибы мы имѣли передъ собою общество, въ которомъ отсутствовало бы раздѣленіе занятій, то и тогда бы не трудно было подмѣтить, что условія, въ которыхъ стоитъ трудъ, прилагаемый къ добыванію предметовъ продовольствія, къ обработкѣ земли, отличаются многими существенными чертами отъ условій приложенія труда къ обработкѣ сырыхъ матеріаловъ, уже добытыхъ предшествующимъ трудомъ. Въ дальнѣйшихъ очеркахъ будутъ болѣе или менѣе подробно указаны тѣ особенности, которыми отличается сельскохозяйственное производство отъ обработывающей промышленности. Здѣсь же достаточно лишь отмѣтить, что экономія сельскаго хозяйства именно и имѣетъ своей задачей выясненіе тѣхъ спеціальныхъ условій, которыми отличается приложеніе труда къ этой отрасли хозяйственной дѣятельности человѣка, причемъ это выясненіе сопровождается изображеніемъ и самыхъ условій сельскаго хозяйства въ ихъ конкретномъ видѣ; мы ограничимся при этомъ въ нашихъ очеркахъ по преимуществу ознакомленіемъ съ экономическими условіями русскаго сельскаго хозяйства. Но то изученіе дѣйствительности, которое имѣетъ своимъ предметомъ экономія сельскаго хозяйства, отличается отъ простого наблюденія и систематизированія. Послѣднее выполняетъ *статистика*. Въ экономіи сельскаго хозяйства мы, имѣя, съ одной стороны, матеріалъ уже собранный и систематизированный статистикой,— съ другой, начала теоретической экономіи, сводимъ ихъ, такъ сказать, на очную ставку, повѣряемъ одно другимъ и, уясняя себя при помощи теоретическихъ началъ характеръ и значеніе явленій дѣйствительности, повѣряемъ послѣднею теоретическія начала и отыскиваемъ ихъ для тѣхъ явленій, которыя еще не освѣщены теоріей.

Памятный всѣмъ намъ 1891 неурожайный годъ показалъ, какъ мало мы знаемъ условія нашей дѣйствительности и какъ мало мы умѣемъ пользоваться наукой, чтобы быстро и правильно устранять пораждаемыя такими годами бѣдствія, и это при тѣхъ

условіяхъ снабженія хлѣбомъ всемірнаго рынка, которыя существуютъ въ настоящее время, и о которыхъ придется говорить въ одномъ изъ послѣдующихъ очерковъ. Во-вторыхъ, уже отмѣчено, какое значеніе должно имѣть наибольшее распространеніе знаній по экономіи сельскаго хозяйства для такой страны, какъ Россія, гдѣ до $^{4}/_{5}$ ея населенія имѣютъ въ основѣ своего существованія земледѣліе и связанныя съ этимъ занятія. Этого кажется достаточно, чтобъ имѣть полное основаніе сказать, что экономія русскаго сельскаго хозяйства и, по скольку для уясненія ея нужно, знакомство съ экономіей сельскаго хозяйства и другихъ странъ имѣютъ значеніе не только для юриста, но и для каждаго общественнаго дѣятеля. Какъ можетъ обойтись безъ знанія ея *законодатель*, коль скоро предначертанія его имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ дѣйствительности и могутъ повліять на нее такъ, что самыя благодѣтельныя намѣренія обратятся во зло, если не приняты во вниманіе какія-либо особенности экономическихъ отношеній, если изданный законъ затруднитъ развитіе и, слѣдовательно, нарушитъ правильный ходъ его въ томъ, что по складу экономическихъ отношеній подлежитъ развитію и наоборотъ, затормозитъ вымираніе того, что въ измѣнившихся условіяхъ потеряло право на дальнѣйшее существованіе. Какъ можетъ обойтись безъ нея *администраторъ*, которому надлежитъ приводить въ исполненіе законъ, соображаясь въ примѣненіи его съ условіями дѣйствительности? Какъ обойдется безъ нея *финансистъ*, которому надо опредѣлить и податныя силы, и условія собиранія налоговъ, и предметы изъ обложенія, если онъ не знаетъ экономическихъ отношеній дѣйствительности? Правильно ли истолкуетъ договоръ *судья*, коль скоро ему не ясны тѣ экономическія отношенія и ихъ общественное значеніе, изъ которыхъ возникъ договоръ? Ему остается тогда поступить лишь по правилу: summum jus— summa injuria (наприм., аграрныя преступленія, преступленія противъ лѣсныхъ уставовъ и т. п.)! Возможно ли рѣшить правильно вопросъ о *всеобщемъ*, *профессіональномъ* и всякомъ иномъ обученіи для массы населенія, не зная склада ея экономическихъ отношеній? Нужно ли говорить о томъ, что *врачу*, особенно *земскому*, приходится на каждомъ шагу считаться съ экономическимъ положеніемъ массъ, которое обусловливаетъ и самую организацію земской медицины и санитарныя мѣропріятія, и что, такимъ образомъ, знаніе прикладной экономіи необходимо для него, если онъ желаетъ, чтобъ его работа отвѣчала задачамъ его дѣятельности. Наконецъ, русскіе *естествоиспытатели* только при знакомствѣ съ экономическими условіями нашего сельскаго хозяйства могутъ приходить на помощь послѣднему указаніями на то, что изъ успѣховъ знанія можетъ быть съ большею пользой утилизировано въ данныхъ условіяхъ.

Не напрасно ли, однако, сдѣлано все это перечисленіе? Выше я указалъ, что отъ знакомства съ нашею дѣйствительностью и

отъ выясненія того, что изъ теоретическихъ началъ приложимо къ ней, отъ пониманія того, какія имѣются въ ней положительныя условія для дальнѣйшаго развитія, отъ всего этого зависитъ и правильное отношеніе къ ней, проведеніе именно тѣхъ началъ, которыя нужно проводить. Но развѣ экономическое развитіе совершается при помощи спеціально для того назначенныхъ лицъ? Развѣ оно не зависитъ отъ пониманія условій дѣйствительности самими дѣятелями этихъ отношеній? Развѣ направленіе его хода не слагается изъ суммы усилій самихъ дѣятелей этихъ отношеній? Развѣ оно совершается не всѣми классами общества, не всей массой населенія, и развѣ въ этомъ не заинтересованы всѣ? А въ такомъ случаѣ можетъ ли быть кто-либо изъ членовъ общества избавленъ отъ необходимости понимать условія окружающей его экономической дѣйствительности? Можетъ ли кто-либо, помимо самого населенія, создать нужныя для него условія существованія? Слѣдовательно, ясно, насколько знаніе и пониманіе этихъ отношеній необходимо для каждаго, какъ и вообще та степень просвѣщенія, въ зависимости отъ которой находится сознательное руководство процессомъ общественнаго развитія.

Примѣчаніе: Значительный матеріалъ для выясненія условій развитія русскаго сельскаго хозяйства въ настоящее время можно найти въ книгѣ **Николая—она:** „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства". СПБ. 1893 г., представляющей собою, кстати сказать, *единственный* трудъ, въ которомъ на основаніи изученія и систематизированія явленій нашей дѣйствительности твердо установленъ фактъ и освѣщены условія развитія капитализма въ Россіи.— Данныя, характеризующія современное положеніе русскаго сельскаго хозяйства, сгруппированы въ изд. Деп. Землед. и Сельск. Пром.: „Сельское и лѣсное хозяйство Россіи" СПБ. 1893 г. и въ книгѣ **А. Ф. Фортунатова:** „Сельскохозяйственная статистика Европейской Россіи". М. 1893 г. Для другихъ странъ см. „Землевладѣніе и сельское хозяйство", статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". М. 1896 г.

II. Вліяніе природныхъ условій на строй экономическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ.

Въ предыдущемъ очеркѣ было указано, между прочимъ, что знаніе условій нашей дѣйствительности необходимо для того, чтобъ имѣть возможность выяснить тотъ процессъ эволюціи экономическихъ отношеній, который совершается у насъ, и соотвѣтственно тому выработать правильное отношеніе къ различнымъ экономическимъ явленіямъ нашей жизни, безъ чего не можетъ быть правильной экономической политики. Но сказанное имѣетъ одинаковое отношеніе какъ къ экономіи сельскаго хозяйства, такъ и промышленности вообще. А такъ какъ предметомъ моихъ очерковъ является экономія сельскаго хозяйства, то необходимо предварительно отмѣтить особенности послѣдняго, т.-е. отличіе его отъ другихъ отраслей производства и экономическое значеніе этихъ особенностей. Это имѣетъ спеціальное

значеніе еще при томъ условіи, что мы сосредоточимъ главное наше вниманіе на экономіи *русскаго* сельскаго хозяйства. Въ Россіи, вслѣдствіе того, что земледѣліе составляетъ основное занятіе рѣзко преобладающей части ея населенія, эти особенности накладываютъ свой отпечатокъ на весь ходъ ея экономическаго развитія, а въ частности и на фабричную промышленность. Для уясненія послѣдняго укажу на то, что нашей фабричной промышленности приходится считаться съ такимъ фактомъ, какъ уходъ значительнаго числа рабочихъ съ фабрики на лѣтнее время *), что почти совершенно не встрѣчается въ такихъ западно-европейскихъ государствахъ, какъ Англія, Германія, Франція, хотя еще существуетъ въ Австро-Венгріи, многія мѣстности которой по нѣкоторымъ чертамъ своего экономическаго строя напоминаютъ наши условія. Эта особенность нашего положенія не есть, такимъ образомъ, какая-либо черта, свойственная исключительно особымъ условіямъ землевладѣнія или національнаго характера. Нѣтъ, она вытекаетъ прямо изъ особенностей сельскаго хозяйства вообще, стоящихъ въ связи въ данномъ случаѣ съ нѣкоторыми особенностями экономическаго строя и даже, какъ увидимъ впослѣдствіи, извѣстнаго момента въ экономическомъ развитіи.

Поставимъ себѣ такой вопросъ: что представляетъ собою сельское хозяйство? Когда мы говоримъ: горнозаводская промышленность или фабричное производство, — то у насъ создается довольно отчетливое представленіе о томъ, какого рода это производство, какіе опредѣленные предметы являются продуктомъ его, какія опредѣленныя отношенія могутъ тамъ существовать и т. д. Не то по отношенію къ сельскому хозяйству. Мы даже затруднимся провести рѣзкую границу между нимъ и другими отраслями производства. Что, въ самомъ дѣлѣ, сыроваренье составляетъ ли отрасль сельскаго хозяйства или обрабатывающей промышленности? Положимъ, мы отнесли бы его къ послѣдней. Но тогда возникаетъ вопросъ: а маслодѣліе? Послѣднее уже врядъ ли кто отнесъ бы къ обрабатывающей промышленности, а вѣдь между первымъ и вторымъ существенной разницы нѣтъ. Положимъ, въ этомъ случаѣ является и обратное—трудность опредѣлить границу для обрабатывающей промышленности, но этого не будетъ для крайнихъ ступеней ея, наприм., для бумагопрядильныхъ фабрикъ, въ которыхъ никто уже не найдетъ чего-либо общаго съ земледѣліемъ. Но возьмемъ крайнія ступени земледѣлія и получимъ не то: тамъ всегда найдемъ элементъ *обработки* продукта. Когда говорятъ о земледѣліи, то обыкновенно имѣютъ въ виду такой родъ занятій, ко-

*) По даннымъ Дементьева („Фабрика, что она даетъ и т. д.), если брать рабочихъ фабричныхъ — исключительно крестьянъ—по различнымъ производствамъ уходятъ съ фабрики на лѣто среди рабочихъ 18 л. и старше—отъ $2{,}_{7}{}^{0}/_{0}$ до $83{,}_{1}{}^{0}/_{0}$ всѣхъ рабочихъ, при чемъ на срокъ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, т.-е. почти на всѣ полевыя работы уходитъ $42{,}_{5}{}^{0}/_{0}$ уходящихъ и $19{,}_{6}{}^{0}/_{0}$, т.-е. почти $^{1}/_{5}$ на срокъ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, что составляетъ вмѣстѣ съ предыдущей группой $62{,}_{1}{}^{0}/_{0}$. т.-е. почти $^{2}/_{3}$ (стр. 24, 25 и 30).

торый имѣетъ назначеніемъ изготовленіе пищевыхъ продуктовъ (такое представленіе обыкновенно въ умѣ говорящаго), но каждый тотчасъ же согласится, что имѣется въ виду нѣчто болѣе широкое, а именно *добыча сырья при помощи обработки земли.* Это послѣднее условіе—при помощи именно обработки земли—отличаетъ добычу сырья въ земледѣліи отъ добычи его въ горнозаводской, наприм., промышленности, гдѣ *обработки* земли, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не происходитъ. Но занимался ли когда-либо человѣкъ въ земледѣліи только добычей сырья, не подвергаетъ ли онъ послѣдняго или части его даже и теперь, въ странахъ съ самымъ сильнымъ раздѣленіемъ труда, извѣстной переработкѣ? И если это такъ теперь, то какъ было при переходѣ людей къ земледѣлію?

Земледѣліе или—болѣе широкое понятіе, если хотите—сельское хозяйство явилось для человѣчества въ свое время, тѣмъ занятіемъ, которое первоначально прикрѣпило человѣка къ землѣ и имѣло то преимущество предъ рыболовствомъ и охотой, что дало человѣку возможность полнѣе и равномѣрнѣе удовлетворять *всѣмъ* своимъ потребностямъ, а не въ одной только пищѣ, какъ полагаютъ обыкновенно. Тогда не было раздѣленія занятій между различными хозяйствами и существовало оно лишь въ предѣлахъ семьи или рода, въ зависимости отъ пола и возраста. Но каждое хозяйство, было ли оно родовое, или общинное, или семейное, представляло собой одно цѣлое—своего рода *микрокосмъ*, въ которомъ не было мѣновыхъ отношеній. Добыча сырья, производившаяся въ благопріятное для того по климатическимъ условіямъ время года, смѣнялась въ остальную часть года обработкой его; ленъ обрабатывался на пряжу и шелъ на приготовленіе холста въ томъ же хозяйствѣ его же членами для своихъ собственныхъ потребностей. То же дѣлалось, наприм., съ овечьей шерстью. Ранняя весна, поздняя осень и зима обыкновенно и посвящались приготовленію одежды, обуви и многихъ другихъ предметовъ, доставляемыхъ теперь спеціализированной обрабатывающею промышленностью.

Такимъ образомъ, когда говорятъ о переходѣ къ земледѣлію, то включаютъ въ это понятіе всѣ роды перечисленныхъ занятій. Но затѣмъ, когда говорятъ о земледѣліи въ *настоящее* время, о прелестяхъ и достоинствахъ занятія имъ, о важности сохраненія крестьянства, то совершенно забываютъ, что то идиллическое представленіе о немъ, которое создалось подъ вліяніемъ изображенія состоянія земледѣлія въ его прежнемъ видѣ, нисколько не соотвѣтствуетъ той дѣйствительности, которую оно представляетъ въ настоящее время. Силою разныхъ обстоятельствъ, а главнымъ образомъ путемъ наростанія населенія увеличившейся плотности его, поставившей людей въ иныя взаимныя отношенія, земледѣліе, удовлетворявшее раньше всѣ нужды даннаго хозяйства, постепенно стало превращаться *исключительно* въ земледѣліе, которое доставляетъ сельскому хозяину уже одни сырые необработанные продукты. Изъ него

мало-по-малу начали выдѣляться различныя отрасли труда въ особый видъ занятій, изъ которыхъ и создались ремесла, затѣмъ мануфактурная и, наконецъ, фабричная промышленность. Но если эти отрасли занятій были для земледѣльца такими, которымъ онъ удѣлялъ зимнее время, то только потому, что лѣтнее время по необходимости должно было удѣляться на обработку земли; по существу же самыхъ этихъ занятій они могли бы съ такимъ же, а подчасъ и большимъ удобствомъ производиться и въ лѣтнее время, отчего лицами, избравшими ихъ своею профессіей, они и стали производиться круглый годъ. Пока обмѣнъ и раздѣленіе занятій не развились еще значительно, до тѣхъ поръ земледѣлецъ продолжалъ еще по зимамъ предаваться своимъ прежнимъ занятіямъ. Затѣмъ, когда послѣднія спеціализировались еще болѣе, да и потребности самого земледѣльца приняли такой видъ, что многія изъ нихъ онъ уже не могъ удовлетворять продуктами собственнаго хозяйства, тогда онъ, помимо занятія земледѣліемъ, въ зимнее время тоже спеціализировался на изготовленіи опредѣленныхъ продуктовъ, которые служили ему для сбыта и пріобрѣтенія нужныхъ ему предметовъ потребленія, не производившихся въ его собственномъ хозяйствѣ. Такъ, еще въ настоящемъ столѣтіи, при значительномъ развитіи фабричнаго бумажнаго ткачества, въ Англіи продолжало существовать ручное ткачество, которымъ занимались зимою сельскіе рабочіе, имѣвшіе свои земельные участки. Такую же роль играютъ наши кустарные промыслы у сельскаго населенія. Распространеніе ихъ ставятъ обыкновенно въ зависимость отъ недостатка продуктовъ земледѣлія для существованія ими въ теченіе всего года. И подтвержденіе этому какъ будто бы находится въ томъ, что кустарные промыслы распространены именно въ средней и сѣверной Россіи, гдѣ дѣйствительно земледѣліе не приноситъ такихъ щедрыхъ даровъ, какъ на югѣ. Это объясненіе имѣетъ, конечно, свое значеніе. Но нельзя упускать изъ виду и того, что въ сѣверной и средней Россіи лѣто и вообще время, которое можно удѣлить полевымъ работамъ, значительно короче, чѣмъ на югѣ. Вотъ метеорологическія данныя нѣкоторыхъ станцій, опредѣляющія число дней въ году съ средней температурой выше 0°, т.-е. приблизительное число дней, когда возможны полевыя работы (1), и число дней съ средней температурой выше 6° когда возможенъ ростъ злаковъ (2), какъ, напримѣръ, ржи и ячменя:

	(1)	(2)
Архангельскъ	185	125
Вологда	200	150
Вятка	200	150
С.-Петербургъ	215	155
Уфа	205	160
Москва	220	165
Симбирскъ	210	165
Оренбургъ	210	170
Могилевская губернія	225	170
Митава	245	180
Воронежъ	225	180
Саратовъ	220	180
Варшава	255	195
Кіевъ	240	200
Екатеринославская губ.	245	200
Астрахань	260	210
Ставрополь	280	210
Каменецъ-Подольскъ	265	215
Кишиневъ	285	225
Одесса	285	225
Баку	365	285
Ялта	365	285
Поти	365	370

Здѣсь мѣстности расположены по увеличивающемуся числу дней, когда возможенъ ростъ злаковъ. И мы видимъ, что это число дней, которое въ дѣйствительности нѣсколько меньше, повышается по направленію къ югу и западу и падаетъ по направленію, главнымъ образомъ, къ сѣверу, и въ то же время, занятіе кустарными промыслами распространено, главнымъ образомъ, въ сѣверо-восточной и центральной части Россіи. По направленію же къ югу, гдѣ число дней доступныхъ для занятія земледѣліемъ составляетъ полгода и болѣе, распредѣлены тѣ губерніи, которыя считаются земледѣльческими, и гдѣ населеніе еще до настоящаго времени подвергаетъ переработкѣ въ собственномъ хозяйствѣ значительную часть продуктовъ земледѣлія, гдѣ вообще еще продолжаетъ существовать выдѣлка суконъ, домашней пряжи и тканья для собственнаго потребленія даже изъ покупного сырья. Это и даетъ основаніе предполагать, что переходъ къ издѣлію предметовъ изъ матеріаловъ, не всегда добываемыхъ при помощи собственнаго земледѣлія, вызванъ былъ именно невозможностью приложить весь свой трудъ къ землѣ и обработкѣ продуктовъ собственнаго земледѣлія тамъ, гдѣ періодъ земледѣльческихъ работъ въ теченіе года слишкомъ кратокъ. Тамъ же, гдѣ онъ длиннѣе, гдѣ, стало-быть, на обработку земли можно было потратить болѣе времени и добыть изъ нея болѣе разнообразные продукты, зимнее время могло быть занято обработкой этихъ продуктовъ, и, такимъ образомъ, потребности земледѣльца могли удовлетворяться соединеніемъ земледѣлія и промысловъ въ своемъ собственномъ хозяйствѣ для своихъ собственныхъ нуждъ, что и даетъ работу въ теченіе всего года. Исключительное же занятіе земледѣліемъ въ такой, наприм., центральной мѣстности, какъ Московская губ., можетъ совершаться въ году въ теченіе менѣе полугодичнаго времени, если не считать ухода за скотомъ, на который требуется уже значительно меньше рабочихъ силъ. Но при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ прилагается трудъ, человѣкъ не въ состояніи полугодичною работой окупить все свое годичное содержаніе, если только на него не работаютъ другіе; тѣмъ болѣе это немыслимо для наемнаго рабочаго, относительно котораго мы знаемъ, что вознагражденіе его бываетъ не свыше того, что необходимо для удовлетворенія минимальныхъ въ данномъ обществѣ потребностей. Слѣдовательно, исключительное выдѣленіе земледѣлія въ особую отрасль занятія, является само по себѣ ненормальнымъ, неосуществимымъ уже въ силу климатическихъ условій, т.-е. такихъ силъ природы, относительно которыхъ до настоящаго времени ничто не даетъ основанія предполагать, чтобы человѣкъ въ состояніи былъ воспользоваться ими въ такой формѣ, чтобы вести земледѣльческое занятіе круглый годъ. По отношенію же къ другимъ отраслямъ хозяйственной дѣятельности человѣка климатъ такой роли не играетъ.

«Разница между временемъ производства и рабочимъ временемъ проявляется съ особенною очевидностью въ сельскомъ

хозяйствѣ. Въ нашемъ умѣренномъ климатѣ земля приноситъ хлѣбъ разъ въ годъ. Сокращеніе и удлиненіе *періода производства* (для озими, въ среднемъ, 9 мѣсяцевъ), находится, съ своей стороны, въ зависимости *отъ хорошей или дурной погоды даннаго года*, поэтому онъ *не подчиняется контролю* и заранѣе опредѣленъ быть не можетъ, *какъ въ остальныхъ отрасляхъ промышленности*..... Поэтому въ сельскомъ хозяйствѣ, *чѣмъ неблагопріятнѣе климатъ, тѣмъ болѣе*, съ удлиненіемъ періода производства, *сокращается рабочій періодъ*, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ въ меньшій промежутокъ времени приходится затрачивать болѣе труда и капитала. Возьмемъ Россію. Тамъ, въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ, полевыя работы возможны только въ продолженіе 130—150 дней въ году. *Понятно, какой убытокъ должна терпѣть Россія*, когда 50 мил. изъ 65 всего ея европейскаго населенія, остаются безъ занятія въ продолженіе 6—8 зимнихъ мѣсяцевъ, когда всѣ полевыя работы должны быть прекращены. Кромѣ крестьянъ, которые работаютъ на фабрикахъ, вездѣ по деревнямъ развился домашній и кустарный промыселъ..... Отсюда видно, что несовпаденіе періода производства и рабочаго періода—причемъ послѣдній образуетъ только часть перваго—представляетъ *естественное основаніе для соединенія земледѣльческаго съ другими сельскими побочными промыслами*.....Капиталистическая промышленность, производя отдѣленіе мануфактуры отъ земледѣлія, ставитъ сельскаго рабочаго въ бо́льшую и бо́льшую зависимость отъ чистослучайныхъ побочныхъ занятій, ухудшая этимъ его положеніе» («Капиталъ» т. II с. 172—3).

Но вѣдь это значеніе климата вліяетъ на возможность приложенія не только *труда*, но и *капитала*. Въ современномъ строѣ, потому именно и называемомъ капиталистическимъ, что въ немъ созданіе человѣка — капиталъ управляетъ трудомъ, а не наоборотъ,—климатъ является не только сильнѣе труда, но и капитала. Въ томъ первобытномъ земледѣліи, которое не было имъ исключительно, орудія земледѣльческаго производства были такъ несложны и просты, что человѣкъ нисколько не затруднялся оставить ихъ на зиму безъ приложенія къ дѣлу; не затруднялся, главнымъ образомъ, и потому, что созданія его же собственной изобрѣтательности не подавляли его; онъ управлялъ орудіями труда, а не они имъ; они были ему нужны каждое для удовлетворенія опредѣленной потребности и по удовлетвореніи ея оставались въ покоѣ впредь до надобности въ нихъ, нисколько не смущая тѣмъ человѣка. Тогда для человѣка ясно было представленіе, что орудія его труда служатъ только для удовлетворенія его же потребностей при производствѣ и другого назначенія не имѣютъ. Не сокрушается и теперь кустарь, что орудія его несложнаго производства остаются лѣтомъ безъ дѣла. Не смущается владѣлецъ экипажа, предназначеннаго для собственнаго пользованія, если экипажъ его нѣкоторое всемя остается безъ употребленія и т. д. Словомъ, вездѣ такъ стоитъ дѣло —

и это кажется совершенно естественнымъ, — гдѣ рѣчь не идетъ о капиталѣ въ его специфическомъ значеніи, т.-е. какъ средствѣ извлеченія прибыли. Какъ только орудія труда получили это послѣднее значеніе, всякій моментъ ихъ покоя, моментъ, когда они не исполняютъ своего провиденціальнаго назначенія—извлекать прибыль,—является прямымъ убыткомъ.

И вотъ въ то время, какъ въ обработывающей промышленности капиталъ—и постоянный, и перемѣнный—не только можетъ прилагаться къ дѣлу въ теченіе всего года, но и цѣлыхъ сутокъ, въ земледѣліи онъ долженъ оставаться въ покоѣ не только ночью вообще, но и значительную часть года, захватывающую собой даже до $^2/_3$ всего годичнаго періода.

«Въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ рабочее время образуетъ только часть времени производства, (т.-е. въ сельскомъ хозяйствѣ) затраты оборотнаго капитала производятся въ теченіе года крайне неравномѣрно между тѣмъ, какъ выручка ихъ происходитъ въ срокъ, разъ на всегда опредѣленный естественными условіями. Поэтому, при тѣхъ же размѣрахъ предпріятія, т.-е. при той же величинѣ затраченнаго оборотнаго капитала, онъ долженъ быть вложенъ одновременно *въ большемъ количествѣ и на болѣе продолжительный срокъ*, чѣмъ въ предпріятіяхъ съ безостановочными рабочими періодами. Въ этомъ случаѣ продолжительность затраты основного капитала также значительно разнится отъ того времени, въ продолженіе котораго онъ играетъ роль *дѣйствительно производительную*. Конечно, при разницѣ между рабочимъ временемъ и временемъ производства *прерывается* постоянно — на болѣе или менѣе продолжительный срокъ—*время потребленія затраченнаго основного капитала*, наприм., въ земледѣліи рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій, машинъ. Насколько дѣло идетъ объ основномъ капиталѣ, состоящемъ въ рабочемъ скотѣ, то онъ постоянно *требуетъ тѣхъ же или* почти тѣхъ же *расходовъ* на кормъ и проч., *какъ и въ то время, когда онъ работаетъ*. Что же касается до мертваго инвентаря, то *неупотребленіе ведетъ* также *къ* извѣстному *обезцѣненію его*. Слѣдовательно, вообще происходитъ *вздорожаніе продукта* вслѣдствіе того, что передача цѣнности продукту исчисляется не по тому времени, пока основной капиталъ дѣйствуетъ, но по тому, въ продолженіе котораго онъ теряетъ свою цѣнность..... Вслѣдствіе естественныхъ условій, а также вслѣдствіе быстраго возрастанія богатства въ другихъ отрасляхъ труда, землевладѣльцы, монополизировавшіе земли всего государства, тѣмъ не менѣе не въ состояніи избавить ни себя, ни своихъ слугъ, фермеровъ, отъ судьбы самыхъ зависимыхъ людей въ странѣ». (Тамъ же стр. 173—174).

Такимъ образомъ, если для *рабочаго* земледѣліе не можетъ быть исключительнымъ средствомъ существованія (за немногими исключеніями), то и для *капиталиста* оно не можетъ быть исключительнымъ средствомъ извлеченія прибыли. Но этимъ не ограничивается то значеніе климата, которое создаетъ рѣзкія

особенности для земледѣлія, въ отличіе отъ другихъ отраслей труда. Послѣднія не только могутъ вестись въ теченіе всего года, но при томъ занятіе ими можетъ распредѣляться въ теченіе всего года равномѣрно, соотвѣтственно чему и требуется въ продолженіе всего года одинаковое количество труда и средствъ для его приложенія, а это создаетъ правильныя точныя основанія для всякихъ расчетовъ по производству, если только они не будутъ нарушены условіями сбыта. Въ земледѣліи же, какъ извѣстно, по характеру полевыхъ работъ, рабочія силы не могутъ распредѣляться равномѣрно въ теченіе всего сезона ихъ: время жатвы, уборки требуетъ много бо́льшаго количества силъ, чѣмъ обработки полей; оставляя на зиму необходимое число рабочихъ, нужно имѣть въ виду, что весной ихъ потребуется больше, а въ страду еще больше. Но такъ какъ это все такія обстоятельства и условія, которыя извѣстны напередъ, то допустимъ, что они могутъ быть приняты въ расчетъ, и что жизнь путемъ разныхъ вліяній урегулируетъ такъ соотношеніе экономическихъ силъ, что онѣ распредѣлятся по времени сообразно требованіямъ земледѣлія, какъ это и существуетъ, напримѣръ, у насъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, къ которому возвращаются на время страды плотники, наприм., извощики и даже фабричные рабочіе. Кромѣ того, такъ какъ рабочій земледѣльческій годъ не одинаковъ въ разныхъ мѣстахъ, то отработавшіе свою страду въ одномъ мѣстѣ переходятъ въ другое; такъ извѣстно у насъ ежегодное движеніе рабочихъ на югъ ко времени косовицы и жатвы. Но и при полной правильности такого движенія, еслибъ она существовала, очевидно, что положеніе предпринимателя-земледѣльца иное, чѣмъ фабриканта - предпринимателя. Первый долженъ имѣть въ разное время года не одинаковое количество капитала для оплаты труда рабочихъ; слѣдовательно, долженъ имѣть его опредѣленное время въ запасѣ, а въ тоже время земледѣлецъ не можетъ выручать его въ продуктахъ своего производства постепенно, по мѣрѣ изготовленія, какъ это можетъ дѣлать фабрикантъ, который можетъ даже ежедневно отправлять на рынокъ товаръ, ибо тотъ находится *одновременно* во всѣхъ стадіяхъ своего производства и, слѣдовательно, ежедневно появляется въ готовомъ видѣ. Земледѣлецъ можетъ сбыть продуктъ только разъ въ году, изготовляя его въ теченіе всего рабочаго періода, такъ какъ здѣсь не можетъ быть того, что на фабрикѣ. Тамъ, въ хлопчатобумажномъ производствѣ, наприм., одна часть хлопка очищается, сортируется, другая, передъ тѣмъ только-что отсортированная, находится уже въ пряжѣ, третья переходитъ уже на ткацкій станокъ, четвертая складывается въ куски, пятая везется на рынокъ, шестая сбывается покупателю, а тѣмъ временемъ пятая поступила на ея мѣсто и т. д. Здѣсь же нельзя въ одномъ мѣстѣ пахать, въ другомъ въ то же время сѣять рожь, въ третьемъ въ тоже время жать ее и т. д. Если, такимъ образомъ, въ обрабатывающей промышленности человѣкъ съумѣлъ раздѣлить такъ трудъ раз-

ложить производство на такіе отдѣльные моменты его, что для него является возможнымъ, благодаря сотрудничеству, производить одновременно всѣ операціи по изготовленію извѣстнаго продукта, то въ земледѣліи климатъ и условія произростанія злаковъ, т.-е. качества и свойства самого продукта не позволяютъ этого, и это составляетъ еще особенность, отличающую земледѣліе отъ обработывающей промышленности.

Но, даже и въ указанныхъ предѣлахъ, въ земледѣліи немыслимы разсчеты для хозяина, такъ какъ въ указанномъ выше распредѣленіи работъ въ теченіе рабочаго сезона могутъ происходить и обыкновенно происходятъ по климатическимъ же условіямъ такія нарушенія, для которыхъ совсѣмъ нѣтъ мѣста въ обработывающей промышленности. Время жатвы, наприм.. означаетъ извѣстный моментъ, когда хлѣбъ созрѣлъ и его надо снимать съ поля, и при этомъ одновременно, такъ какъ онъ весь поспѣваетъ къ опредѣленному моменту. Но этотъ моментъ при каждой данной величинѣ хозяйства можетъ быть и день и недѣля и болѣе, смотря по тому, благопріятствуетъ погода жатвѣ или нѣтъ, благопріятствуетъ она послѣдующей уборкѣ жатвы съ поля или нѣтъ. А тѣмъ временемъ рабочіе или уйдутъ. и затѣмъ настанетъ моментъ, когда ихъ добыть нельзя, что неблагопріятно для хозяина и не только нарушаетъ всѣ разсчеты, но подвергаетъ риску весь результатъ годового труда и затратъ,—или же, если рабочіе не уйдутъ, то должны проживать безъ дѣла, что уже неблагопріятно для нихъ.

Насколько это обстоятельство, т.-е. вліяніе основныхъ климатическихъ условій на распредѣленіе сельскохозяйственныхъ занятій—неблагопріятно отражается на положеніи рабочихъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ процессъ отдѣленія земледѣлія отъ другихъ отраслей производства достаточно подвинулся впередъ, рельефно видно изъ слѣдующихъ данныхъ. По германской переписи безработныхъ, произведенной 14 іюня (т. е. лѣтомъ) 1895 г., общее число безработныхъ составляло 299352 ч.; по всеобщей же переписи, произведенной 2 декабря (т.-е. зимой, когда нѣтъ сельскохозяйственныхъ работъ) того же года—число безработныхъ возросло болѣе чѣмъ въ два съ половиною раза—ихъ было насчитано 771005 человѣкъ. Если исключить изъ того и другого числа—не имѣвшихъ работы по болѣзни, то получимъ для лѣта 179004 ч. безработныхъ, а для зимы—553640 ч., т.-е. отношеніе остается почти тоже. Общія промысловыя условія въ тотъ и другой моментъ были одинаковы, такъ что относить это увеличеніе безработныхъ зимою на измѣненіе въ ходѣ промышленности не приходится. Отсюда уже есть основаніе предположить, что увеличеніе числа безработныхъ зимою падаетъ на лишившихся работы, вслѣдствіе прекращенія сельскохозяйственнаго производства. Это и подтверждается прямыми данными. Изъ занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ безработные составляли въ іюнѣ 14,98 % всѣхъ безработныхъ, а зимою % ихъ увеличился—безработные изъ занимающихся въ сельскомъ хозяйствѣ составляли въ декабрѣ

31,17 %, т.-е. почти одну треть всего числа безработныхъ, тогда какъ по остальнымъ видамъ занятій % безработныхъ зимой уменьшился сравнительно съ лѣтнимъ временемъ; такъ занятые въ промышленности составляли лѣтомъ 56,06 % всѣхъ безработныхъ. а зимою 47,87 %, въ торговлѣ 11,9 %, а зимою 7,02 % и т. д. Эти данныя ясно свидѣтельствуютъ, насколько немыслимымъ является для населенія исключительное занятіе земледѣліемъ. Данныя англійской статистики безработныхъ за цѣлый рядъ лѣтъ также свидѣтельствуютъ, что въ январѣ (зимою) безработныхъ болѣе чѣмъ лѣтомъ (въ іюлѣ). Такъ въ 1891 г. безработныхъ зимою было 98.794, лѣтомъ—85.397; въ 1892 г.—99.534 и 92.859 въ 1893 г.—107.178 и 93.949; въ 1894 г. зимою, 116.478 и лѣтомъ—95.163. (Herkner: die Arbeiterfrage стр. 103). Эти послѣднія данныя въ то же время свидѣтельствуютъ: 1) что общее число безработныхъ растетъ; 2) что разница между числомъ безработныхъ лѣтомъ и зимой становится болѣе рѣзкой. То и другое положеніе врядъ ли требуютъ комментарій.

Можетъ представиться не совсѣмъ послѣдовательнымъ, что посвящая настоящій очеркъ особенностямъ земледѣлія, я въ то же время, какъ бы отвлекаясь отъ этого предмета, говорю то о о значеніи ихъ для предпринимателя, то для рабочаго, то для крестьянина-земледѣльца. Но для насъ важны эти особенности постольку, поскольку онѣ имѣютъ экономическое значеніе, по скольку, слѣдовательно, онѣ обусловливаютъ собою то или иное приложеніе труда и средствъ его и вліяютъ на нихъ, а приложеніе того и другого мы можемъ—и въ особенности по предмету данныхъ очерковъ по прикладной политической экономіи — разсматривать не отвлеченно, а въ приложеніи къ фактически существующимъ условіямъ, при чемъ, такъ какъ эти особенности получаютъ свое *экономическое* значеніе и даже выраженіе лишь при томъ условіи, что земледѣліе составляетъ особое спеціальное занятіе, выдѣленное изъ другихъ, а это выдѣленіе оно получаетъ въ наиболѣе рѣзкой формѣ въ капиталистическомъ строѣ, гдѣ передъ нами являются и предприниматели и рабочіе,— то и приходится говорить, главнымъ образомъ, о значеніи этихъ особенностей при тѣхъ условіяхъ, при какихъ онѣ проявляются наиболѣе рельефно, т.-е. при выдѣленіи земледѣлія въ занятіе особаго класса лицъ.

Послѣ этого отступленія, необходимаго, однако, для яснаго представленія о значеніи указываемыхъ обстоятельствъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ особенностей земледѣлія и ихъ экономическаго значенія.

Въ силу того же основного значенія климата, урожай продуктовъ сельскаго хозяйства колеблется чрезвычайно значительно изъ года въ годъ, хотя съ теченіемъ времени путемъ улучшенной культуры колебанія эти и принимаютъ не столь рѣзкія уклоненія. Тѣмъ не менѣе они продолжаютъ существовать даже въ странѣ столь раціональной культуры, какъ Англія. Урожаи и тамъ случаются два-три года подъ-рядъ плохіе и при томъ

настолько, что это обстоятельство, наприм., давало основаніе въ концѣ 70-хъ годовъ объяснять сельскохозяйственный кризисъ въ Англіи плохими урожаями, бывшими тамъ въ періодъ 70-хъ годовъ. Что же касается Россіи, то о размѣрахъ колебанія урожаевъ въ ней уже за послѣднія 50 лѣтъ, кончая 89-мъ годомъ, можно судить по діаграммѣ урожаевъ ржи, составленной проф. А. Ф. Фортунатовымъ и помѣщенной въ изд. Деп. Сельск. хоз. «Сельское и лѣсное хозяйство Россіи».

Изъ нея видно, что нѣтъ двухъ лѣтъ подъ-рядъ, когда-бы сборъ ржи былъ сколько-нибудь одинаковъ. По отдѣльнымъ же годамъ онъ колеблется отъ 2,6 четв. до 9,2 четв. съ десятины, т.-е. послѣдняя величина слишкомъ въ $3^1/_2$ раза превышаетъ первую. Но что значитъ такое колебаніе урожаевъ?

Вѣдь урожай—это, такъ сказать, выходъ продуктовъ, результатъ производства. Представьте же себѣ веденіе какого-либо промышленнаго предпріятія при такихъ условіяхъ, что при одномъ и томъ же размѣрѣ помѣщеній, при однѣхъ и тѣхъ же машинахъ, при одной и той же затратѣ сырого матеріала, при одномъ и томъ же количествѣ рабочихъ,—словомъ, при одинаковости всѣхъ затратъ на производство, въ одномъ случаѣ получалось бы на каждый, скажемъ, ткацкій станокъ 260 арш. ткани, въ другомъ 920. Мыслимы ли были бы при этомъ какіе-либо правильные расчеты, какія-либо регулярныя затраты для расширенія предпріятія, коль скоро неизвѣстно, дадутъ ли они повышенное количество продукта, или меньшее сравнительно съ прежнимъ, производившимся при меньшихъ затратахъ. А между тѣмъ въ земледѣліи дѣло стоитъ именно такъ. При однѣхъ и тѣхъ же затратахъ въ одномъ году десять десятинъ даютъ 26 четв. ржи, а въ другомъ -92 четв., въ одномъ году 130 р., а въ другомъ—460 р., при условіи, конечно, что цѣна четверти останется та же, а между тѣмъ бываетъ и такое совпаданіе, что при меньшемъ урожаѣ цѣна бываетъ ниже, тогда какъ такой урожай можетъ получиться при наибольшихъ затратахъ, такъ какъ то же условіе — неблагопріятная погода, ухудшая урожай, требуетъ нерѣдко большаго числа дней на уборку его. Замѣчу при этомъ, что тѣ колебанія, которыя приведены въ діаграммѣ, представляются средними для массы хозяйствъ, тогда какъ въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ они являются еще болѣе рѣзкими, т.-е. результаты сбора еще болѣе уклоняются одинъ отъ другого и, слѣдовательно, правильные расчеты еще менѣе возможны. «Производительная сила труда, которая въ обрабатывающей промышленности опредѣляется *заранѣе, въ земледѣліи* и добывающей промышленности *зависитъ* также и *отъ естественныхъ условій, находящихся внѣ человѣческаго воздѣйствія.* Съ помощью *одного и того же*, (курсивъ автора) количества труда можно добыть больше или меньше металловъ, смотря по тому насколько сравнительно часто или рѣдко встрѣчаются эти металлы въ земной корѣ. *Одно и тоже* (курсивъ автора) количество труда можетъ воплощаться *въ одномъ или*

двухъ бушеляхъ пшеницы, *въ зависимости отъ* менѣе или болѣе благопріятной *погоды*". (К. Марксъ: Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. М. 1896 г. стр. 12) *).

При такихъ условіяхъ само собой является то соображеніе, что расчеты не могутъ быть основаны на урожаѣ одного года, и въ сельскомъ хозяйствѣ обыкновенно въ основаніе ихъ кладется средняя урожайность за 10 лѣтъ. Но изъ статистики извѣстно, что при выводѣ средней обыкновенно отбрасываются рѣзкія отклоненія отъ нея. Между тѣмъ та же діаграмма показываетъ, что нѣтъ ни одного десятилѣтія, которое бы не отмѣчалось такими рѣзкими уклоненіями **). А въ такомъ случаѣ насколько далека отъ дѣйствительности должна быть средняя, положенная въ основаніе разсчета? При этомъ самъ собою является вопросъ: какимъ же образомъ возможно при этихъ условіяхъ существованіе земледѣлія вообще? Тѣ колебанія урожаевъ, на которыхъ мы теперь останавливаемъ вниманіе, существуютъ одинаково, какъ въ отношеніи къ земледѣльческому предпріятію на капиталистической основѣ, такъ и ко всякой иной формѣ его; можно даже сказать, что при капиталистической основѣ предполагается болѣе раціональная постановка земледѣлія, и тогда колебанія должны быть рѣже и не столь значительны, слѣдовательно, и условія для веденія земледѣлія болѣе благопріятны. Такъ повидимому стоитъ дѣло.

Въ дѣйствительности, однако, такое разсужденіе будетъ неправильно. Возьмемъ случай, когда *земледѣліе не отдѣлилось отъ другихъ занятій* и служитъ лишь первою ступенью ихъ, т.-е. составляетъ трудъ, прилагаемый къ добыванію матеріала для дальнѣйшей переработки, что̀ и дало физіократамъ основаніе говорить, что оно даетъ produit net, т.-е. чистый доходъ. При этомъ, однако, введемъ другое еще условіе, котораго мы до сихъ поръ не брали въ расчетъ, но которое въ дѣйствитель-

---

*) Въ этой цитатѣ устанавливается совершенно вѣрно значеніе естественныхъ условій и для добывающей промышленности, отсюда какъ будто вытекаетъ и для послѣдней существованіе особыхъ условій, отличающихъ ея отъ обработывающей промышленности. И это совершенно вѣрно, все равно, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности — имѣютъ значеніе климатическія условія, наприм., при постройкахъ, создавая и для нихъ опредѣленный сезонъ. Но ни въ какой отрасли производства, кромѣ земледѣлія, не соединяется вмѣстѣ такая *совокупность* вліяній естественныхъ условій, которою опредѣляется и выборъ продукта (произрастаній) и періодъ производства и періодъ рабочаго времени и результатъ производства и перерывы въ немъ, причемъ, кромѣ выбора произрастаній, все остальное или не можетъ быть опредѣленно заранѣе или же опредѣляется съ весьма отдаленной и колеблющейся степенью приближенія.

**) Въ десятилѣтіе 1840—49 г. крайніе урожаи: $2_{,6}$ ч. и $8_{,8}$ ч.: 1850—59 г.— $4_{,8}$ ч. и $8_{,2}$ ч.; 1860 — 69 г. — $5_{,3}$ ч. и $9_{,1}$ ч.; 1870 — 79 г. — $6_{,4}$ ч. и $9_{,2}$ ч.; 1880—89 г.—$6_{,4}$ ч. и $9_{,1}$ ч Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что начиная съ 61 г. (отмѣна крѣпостнаго права) урожаи (исключая 1891 г.) не падаютъ такъ низко, какъ до тѣхъ поръ и по этой причинѣ колебанія ихъ не столь значительны; въ среднемъ съ того времени урожаи выше, чѣмъ до тѣхъ поръ.

ности всегда существуетъ. Если въ обработывающей промышленности приложимо то раздѣленіе труда, которое позволяетъ вести производство *одного продукта одновременно во всѣхъ стадіяхъ его приготовленія*, то въ земледѣліи какъ бы соотвѣтствуетъ ему та организація, при которой въ немъ, въ силу самыхъ условій его, въ томъ числѣ климатическихъ, а главнымъ образомъ почвенныхъ, существуетъ извѣстный плодосмѣнъ, т.-е. *одновременное изготовленіе различныхъ продуктовъ*. Если мы возьмемъ довольно примитивную систему такого земледѣлія — трехпольную, то найдемъ въ ней: 1) *рожь*, 2) *яровое поле*, въ которомъ можетъ быть рядомъ и овесъ, и ячмень, и картофель, и горохъ, и греча, даже яровая пшеница и т. д., и, наконецъ, помимо 3) *пара*, на которомъ нѣтъ ничего, еще сборъ сѣна съ луговъ на кормъ какъ рабочему, такъ и продуктивному скоту, который также составляетъ продуктъ сельскаго хозяйства. Раньше не было надобности вводить это условіе, такъ какъ оно ничего не измѣняло въ тѣхъ выводахъ относительно экономическаго значенія особенностей сельскаго хозяйства, на которыя мы указывали. Теперь же введеніе его необходимо не только для уясненія явленія, но и потому, что оно измѣняетъ нѣсколько приведенное выше заключеніе относительно колебанія выхода продукта. Дѣло въ томъ, что одни и тѣ же явленія погоды никогда не отражаются или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко отражаются на всѣхъ произрастаніяхъ одинаково, и плохой урожай ржи можетъ соединиться съ хорошимъ урожаемъ овса, или травъ, или какихъ-либо другихъ растеній. Соотвѣтственно же организаціи земледѣльческаго производства расчетъ хозяина и строится не на урожаѣ какого-либо одного продукта, а всѣхъ высѣваемыхъ, при чемъ уже такого рѣзкаго колебанія не получается, хотя оно и не устраняется совершенно ни для одного года. Кромѣ того, не одно и то же — основывать ли разсчетъ на выходѣ одного продукта или нѣсколькихъ разнаго достоинства и цѣнностей, при чемъ выходъ каждаго изъ нихъ не вѣренъ и размѣръ его не можетъ быть предопредѣленъ заранѣе. Первое, конечно, гораздо проще и вѣрнѣе.

Такимъ образомъ, при натуральной формѣ хозяйства земледѣлецъ имѣлъ въ результатѣ своего годового труда нѣсколько продуктовъ, такъ что для зимняго занятія у него всегда что-либо да получалось. Въ случаѣ избытка какого-либо продукта онъ оставался съ запасомъ на слѣдующій годъ на случай неурожая. Бывало, конечно, и такъ, что неурожай повторялся два и три года подъ-рядъ и запасы истощались, являлся голодъ. На такіе-то случаи общественная власть и организовала мѣры для устройства общественныхъ продовольственныхъ запасовъ, которыя практикуются у насъ и до настоящаго времени. Кромѣ того, при свободномъ пользованіи землею, при избыткѣ ея, и на основаніи опыта, засвидѣтельствовавшаго, что при посѣвѣ, разсчитанномъ, наприм., на 20 четв. сбора, можетъ получиться только 10 и менѣе, земледѣлецъ могъ высѣвать столько,

чтобы разсчитывать на бо̀льшій сборъ—уже не 20, а 30 и 40 четвертей, такъ какъ этимъ путемъ онъ получалъ не менѣе 20 четвертей или около того, въ случаѣ плохого сбора; при хорошемъ же сборѣ избытокъ не тяготилъ его и оставался запасомъ на случай неурожая. Устроить дѣло такъ или иначе—зависѣло лишь отъ обилія свободныхъ земель и количества рабочихъ силъ семьи. Всѣ разсчеты ограничивались этимъ. Затѣмъ, такъ какъ высота урожая зависитъ не только отъ климата, но и отъ качества почвы и обработки ея, то въ связи съ измѣняющимися обстоятельствами мѣнялись и пріемы обработки земли, что и породило различныя системы земледѣлія и извѣстную послѣдовательность въ замѣнѣ одной системы другою, причемъ каждая можетъ быть примѣнена только при наличности извѣстныхъ условій. Здѣсь, такимъ образомъ, излишекъ продукта не причинялъ и не могъ причинять никакого убытка.

Иныя послѣдствія и иное положеніе создаетъ колебаніе урожаевъ при хозяйствѣ *исключительно земледѣльческомъ и разсчитанномъ только на сбытъ*. Тутъ уже играетъ существенную роль не столько *количество* продукта, сколько *цѣна*, по которой онъ будетъ проданъ, такъ какъ именно отношеніе ея ко всей суммѣ затратъ на производство и опредѣляетъ, будетъ ли получена прибыль и какъ она будетъ высока. Извѣстно, что цѣнность продукта опредѣляется общественно-необходимымъ временемъ, потребнымъ на производство его при данномъ уровнѣ техническихъ условій производства. На рынкѣ мѣновая цѣнность продукта выражается въ цѣнѣ, представляющей собою тѣ или иныя уклоненія отъ цѣнности. Если, какъ выяснено выше, въ другихъ отрасляхъ производства можно разсчитывать на опредѣленный выходъ продукта при приложеніи опредѣленнаго количества труда, то тамъ можно, зная установившуюся на рынкѣ цѣну продукта, напередъ предопредѣлить, покроетъ ли эта цѣна необходимыя издержки производства и прибыль, т. е. оправдаются ли расчеты предпринимателя. Въ сельскомъ же хозяйствѣ, при колебаніи урожаевъ, даже при разсчетѣ на опредѣленную цѣну (что, какъ увидимъ, здѣсь гораздо труднѣе), нельзя предопредѣлить, покроетъ ли урожай расходы или нѣтъ, и нельзя именно потому, что результатъ даннаго труда и издержекъ можетъ быть очень различенъ: выше ихъ и ниже ихъ при установленной заранѣе рыночной цѣнѣ продукта. Если я при затратѣ, скажемъ, 30 часовъ труда получилъ 30 четв., и цѣнность часа труда опредѣляется рублемъ, то я могу продать четверть по 1 р. и не быть въ убыткѣ; если у меня вышло 45 четвертей, то я уже могу продавать четверть по 75 к.; если же я собралъ лишь 15 четвертей, то долженъ уже продавать ее по 2 р. Но цѣнность опредѣляется общественно-необходимымъ временемъ, и, слѣдовательно, я долженъ продавать по той цѣнѣ, которая установилась на рынкѣ, приводящемъ, такъ сказать, къ среднему уровню представленіе объ этомъ общественно-необходимомъ времени и дающемъ ему выраженіе въ цѣнѣ. Если

на рынкѣ цѣна опредѣлилось, наприм., въ 80 к. за четверть, то я не получу ни одной изъ приведенныхъ цѣнъ и въ одномъ случаѣ буду въ большомъ убыткѣ, въ другомъ—въ барышѣ.

Само собой разумѣется, здѣсь есть общее съ положеніемъ фабричнаго производства въ томъ отношеніи, что и тамъ цѣна опредѣляется не по стоимости производства для отдѣльнаго предпринимателя. Но дѣло въ томъ, что фабричное производство въ данной странѣ и при данной затратѣ средствъ на него даетъ результаты весьма близкіе и настолько сходные между собой, что стоимость производства аршина сукна извѣстнаго сорта на одной фабрикѣ, если не существуетъ какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствъ, можетъ быть совершенно приравнена къ стоимости производства такого же сукна на другой. Въ сельскомъ же хозяйствѣ при тожествѣ остальныхъ условій можетъ получиться различный сборъ даже съ двухъ рядомъ лежащихъ участковъ, въ зависимости, въ данномъ случаѣ, если не отъ *климата*, то отъ *топографическаго* положенія ихъ, присутствія или отсутствія *склона*, обращенія послѣдняго на *югъ* или на *сѣверъ* и т. п. Насколько это замѣчаніе справедливо, можно судить по тому, что можно наблюдать въ гористыхъ мѣстностяхъ, какъ это мнѣ самому приходилось неоднократно наблюдать въ Германіи гдѣ по южному склону небольшой горы расположены виноградники, а по сѣверному той же самой—лишь картофель. Если здѣсь существуетъ такая рѣзкая разница въ родѣ культуръ, то понятно, что при посѣвѣ одного и того же растенія, хотя и при менѣе крутомъ склонѣ, должна быть большая разница въ урожаѣ его, что и подтвердитъ каждый наблюдательный хозяинъ и что въ концѣ концовъ сводится къ разницѣ климатическаго характера, такъ какъ тутъ все зависитъ отъ количества и направленія солнечныхъ лучей, падающихъ на данную поверхность. При мѣстныхъ изслѣдованіяхъ условій сельскаго хозяйства нерѣдко приходится встрѣчаться съ указаніями крестьянъ одного и того же селенія, что на такомъ то полѣ у нихъ хлѣбъ родится хуже въ сухой годъ, наприм., вслѣдствіе такихъто условій въ положеніи поля. Понятно послѣ этого, насколько сильно можетъ быть различіе урожая въ двухъ рядомъ лежащихъ хозяйствахъ, а тѣмъ болѣе въ различныхъ хозяйствахъ одной губерніи и, наконецъ, страны. И дѣйствительно, въ Сѣверо-америк. Соединенныхъ Штатахъ за послѣднія 10 лѣтъ колебанія въ сборѣ земледѣльческихъ продуктовъ по отдѣльнымъ штатамъ составляютъ:

для	ржи	отъ	2,1	чт.	до	7,2	чт.,	при среднемъ сборѣ	въ	5,1	чт.	съ	десят.
„	овса	„	4,3	„	„	16,1	„	„	„	„	12,1	„	„	„
„	картоф	„	2,5	„	„	53,6	„	„	„	„	34,2	„	„	„

и т. д.

Въ Россіи колебанія:

для	ржи	отъ	2,9	чт.	до	6,9	чт.,	при среднемъ сборѣ	въ	4,1	чт.	съ	десят
„	овса	„	3,8	„	„	9,6	„	„	„	„	6,9	„	„	„
„	картоф.	„	17,9	„	„	62,2	„	„	„	„	34,2	„	„	„

(Сельск. и лѣсн. хоз. въ Россіи, стр. 131).

«Отъ *погоды* зависитъ въ большей части случаевъ *исходъ всего производства земледѣльческихъ продуктовъ; отъ результатовъ этого производства — покупательная сила* заинтересованныхъ въ немъ широкихъ круговъ *населенія*. Исторія кризисовъ много разъ показывала, какъ неблагопріятный урожай ускоряетъ наступленіе носящагося въ воздухѣ кризиса, а хорошій, наоборотъ,—даетъ толчекъ къ переходу отъ продолжительнаго застоя къ значительному развитію. Часто слишкомъ низко оцѣниваютъ значеніе урожая, такъ какъ колеблется не столько цѣнность его, сколько величина сбора. Но это обстоятельство, однако, не можетъ уменьшить вліянія урожаевъ на развитіе кризисовъ. Если повышеніе цѣнъ сглаживаетъ для производителей земледѣльческихъ продуктовъ незначительность сбора, то повышеніе цѣнъ на необходимые жизненные продукты обусловливаетъ уменьшеніе покупательной силы другихъ классовъ населенія по отношенію къ произведеніямъ промышленности, и этотъ результатъ оказываетъ въ количественномъ отношеніи одинаковое дѣйствіе съ уменьшеніемъ покупательной силы самихъ производителей земледѣльческихъ продуктовъ. Убытокъ отъ неурожая только переносится съ послѣднихъ на другихъ лицъ. Статистика неурожаевъ не позволяетъ, впрочемъ, сомнѣваться, что сборъ картофеля, рыночныхъ растеній, плодовъ, вина и проч. легко падаетъ въ одинаковой мѣрѣ и что не можетъ быть возмѣщенъ чрезъ повышеніе цѣнъ на эти продукты. Поскольку возвышеніе цѣнности распространяется также на запасы отъ прежнихъ урожаевъ, повышеніе цѣнъ часто болѣе выгодно для торговли, чѣмъ для сельскаго хозяйства. Въ такомъ случаѣ происходитъ уменьшеніе покупательной силы какъ на сторонѣ сельскаго населенія, такъ и на сторонѣ промышленныхъ классовъ.

«Чтобы подкрѣпить сказанное нѣкоторыми статистическими данными, мы укажемъ на то, что въ Баденѣ, при незначительныхъ различіяхъ обрабатываемыхъ площадей, сбирается, въ *среднемъ*, въ годъ *672.542* тонны картофеля; между тѣмъ какъ урожай 1874 г. далъ только *214.350*, а 1885 г.—*1.034.300* тоннъ. Еще значительнѣе колебанія въ винодѣліи: въ *среднемъ*, оно даетъ *566 610* гект., въ 1880 г.—***50.270*** гект., 1875 г.—***1.405.500*** гект. Сборъ плодовъ равнялся въ 1885, 1886, 1887 и 1888 гг.—143.500, 80.100, *28.000* и *312.300* тоннамъ. Во Франціи урожай винограда въ 1877 г. былъ $56_{,4}$ мил. гект., а въ 1879 г.—$25_{,7}$ мил. Въ Австро-Венгріи было собрано въ 1878 г.—14.806.000 гект. противъ 4.157.000 гект., полученныхъ въ 1880 г. Въ Остъ-Индіи плантаторы получили въ 1874 г. *111* ф. хлопка на акръ, а въ 1883 г.—*38* фунтовъ». («Промышленность». Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. Стр. 86—87).

Сказаннымъ достаточно опредѣляется, насколько, независимо отъ всякихъ условій рынка, являются невѣрными результаты годовой работы сельскаго хозяина. Въ силу этого, если онъ желаетъ обезпечить себя, онъ собственно долженъ организовать дѣло такъ, чтобы разсчитывать на сборъ не того количества

четвертей, которое ему нужно при среднемъ урожаѣ, а большаго, т.-е. если ему нужно собрать, наприм., 20 чт., то необходимо засѣять столько, чтобы при среднемъ урожаѣ имѣть 25—30 чт., такъ какъ въ дѣйствительности можетъ получиться урожай ниже средняго, и при этомъ разсчетѣ онъ получитъ не болѣе 20 необходимыхъ ему четвертей. Такого собственно разсчета и долженъ держаться каждый хозяинъ. Но если всѣ будутъ разсчитывать такъ, и получится урожай только средній, не выше его, то получится громадное перепроизводство, не говоря уже о томъ, что въ этомъ случаѣ сельскій хозяинъ сравнительно съ фабрикантомъ имѣетъ ту невыгоду, что долженъ производить большія затраты, чтобы быть увѣреннымъ въ получении того количества продукта, какое ему безусловно необходимо, и при этомъ сознательно итти на то, что если продукта выйдетъ больше, то наступитъ перепроизводство, т.-е. время, затраченное на производство, оказалось выше общественно-необходимаго. По климатическимъ условіямъ даннаго года нужно было затратить то количество общественно-необходимаго времени, которое дало бы, скажемъ 1.000 чт., по разсчету 20 чт. на долю нашего хозяина, а затрачено такое количество его, которое дало 1.500 чт., или для нашего хозяина 30 чт. Если на 1.000 чт. нужно было затратить 1.000 единицъ труда, скажемъ — рублей, то онѣ должны стоить 1.000 руб.; общество и располагаетъ отдать за нужный ему хлѣбъ 1.000 руб., и если хозяева истратили 1.250 руб. и получили 1.500 чт., то каждая четверть обошлась имъ не въ 1 руб., а лишь съ небольшимъ въ 83 коп. (1250:1500); но общество даетъ имъ всего только 1.000 руб. за всѣ 1.500 чт., т.-е. всего по 66 коп. за четверть или, если хотите, по 1 руб. за четверть, но беретъ только 1.000 чт., а 500 чт. остается на рукахъ у производителей, при чемъ имъ не возвращается 250 руб., излишне издержанныхъ на эти 500 чт. Возможенъ и обратный случай, когда наступаетъ неурожай и, слѣдовательно, цѣна четверти поднимается выше стоимости ея производства, т.-е. тѣ же 1.000 руб. будутъ предлагать за меньше, количество, т.-е. не за 1.000 чт., а за 750 или еще меньшее Расчеты нисколько не измѣняются въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что цѣна четверти и вообще общественно-необходимое время на производство ея опредѣляется по тому же разсчету. согласно которому, чтобы получить 20 чт., надо его затратить такъ, какъ будто бы разсчитывалось получить 25 чт.; только тогда цѣна четверти, согласно общественно-необходимому времени на производство ея, будетъ не 1 руб., а 1 руб. 25 коп., и если вмѣсто 20 чт. получится 25, то цѣна понизится, т.-е. за все произведенное количество четвертей будутъ отданы тѣ же 1.250 руб.; и обратно, при меньшемъ количествѣ ихъ будетъ отдана та же сумма денегъ — цѣна повысится. Въ этомъ находится объясненіе колебаніямъ цѣны на товаръ при неизмѣняющихся условіяхъ его производства, т.-е. затратъ на его производство.

Но то что мы здѣсь приняли для одного хозяйства или для

всѣхъ хозяйствъ одной страны, т.-е. урожай выше или ниже нормы, проявляется въ дѣйствительности для всѣхъ хозяйствъ вмѣстѣ взятыхъ въ различной мѣрѣ въ одномъ и томъ же году. Мы видѣли выше, каковы колебанія урожаевъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, а это означаетъ, что если для страны нужно 1.000 чт. и если въ ней 50 хозяйствъ и каждое можетъ произвести 20 чт., при чемъ четверть можетъ продаваться по 1 руб., то въ однихъ изъ этихъ хозяйствъ произведено будетъ по 15, въ другихъ по 10, въ третьихъ по 20, далѣе—по 25, по 40 и даже по 50 чт., а во всѣхъ вмѣстѣ можетъ выйти норма, т.-е. 1000 чт. И, слѣдовательно, въ то время, когда одно хозяйство, затративъ 20 руб. на производство 20 чт., получитъ всего 10 или 15 руб. за продуктъ своего производства, другія получатъ до 50 руб. при затратѣ тѣхъ же 20 руб. Такъ именно и будетъ при томъ условіи, что цѣна четверти вездѣ будетъ по 1 руб. Если же получится общій сборъ не 1.000, а болѣе четвертей, то положеніе получившихъ всего 10 или 15 чт. будетъ еще хуже; не выручатъ своего получившіе и 20 чт. А при капиталистическомъ хозяйствѣ. гдѣ все разсчитано на прибыль, такъ вести дѣло нельзя; нельзя его вести и тогда, когда, не заботясь о прибыли, необходимо всѣ затраты произвести въ деньгахъ, а эти послѣднія надо выручить въ цѣнѣ продукта. Такимъ образомъ, при чисто товарномъ хозяйствѣ въ земледѣліи, хорошій урожай въ странѣ можетъ быть разореніемъ для отдѣльныхъ хозяйствъ, и это при условіи неизмѣннаго состоянія рынка и въ силу лишь того, что въ сельскомъ хозяйствѣ все подчинено такимъ условіямъ природы, регулировать которыя человѣкъ не въ силахъ непосредственнымъ путемъ.

«Если цѣна *сырого матеріала* повысится, то возмѣщеніе его вполнѣ изъ стоимости товара, по вычетѣ изъ нея рабочей платы, можетъ оказаться невыполнимымъ. Сильныя колебанія цѣнъ вызываютъ поэтому въ процессѣ воспроизводства перерывы, большія потрясенія и даже катастрофы. Такимъ колебаніямъ цѣнъ подвержены именно *продукты земледѣлія* въ собственномъ смыслѣ—сырые матеріалы, ведущіе свое происхожденіе отъ органической природы — *вслѣдствіе измѣненія величины урожая* и пр. ...Вслѣдствіе благопріятныхъ и неблагопріятныхъ *стихійныхъ условій, не подчиняющихся человѣческой власти, тоже самое количество труда можетъ* при этомъ *представлять самыя разнообразныя количества потребительной стоимости*, а опредѣленное количество этихъ потребительныхъ стоимостей будетъ поэтому имѣть *крайне различную цѣну*». (Капиталъ т. III, стр. 80. Почти тоже самое на стр. 675).

При этомъ, однако, совершенно естественно является мысль, что мною какъ бы упущено вліяніе закона ренты, согласно которому цѣна хлѣба опредѣляется по стоимости его производства при наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Но извѣстно, что свободное дѣйствіе этого закона проявляется при такихъ условіяхъ, какъ ограниченность земель, свободное передвиженіе ка-

питала, труда, т.-е. при условіяхъ, совмѣщеніе которыхъ въ дѣйствительности не бываетъ. Законъ ренты выражаетъ лишь тенденцію, направленіе, по которому должна складываться цѣна хлѣба, что́ и отражается на ней. Для дѣйствія этого закона надо, чтобы хлѣба было произведено именно не болѣе того, что нужно, и чтобы въ обработку вошли уже такія земли, которыя дѣйствительно не могутъ дать больше извѣстнаго количества четвертей; вообще онъ предполагаетъ участки *разной* производительности, будетъ ли то зависѣть отъ свойства почвы, или отъ разстоянія, или отъ другихъ условій, опредѣляющихъ различное приложеніе труда и капитала для полученія одного количества продуктовъ. Я же въ своемъ примѣрѣ взялъ въ расчетъ участки *одной* производительности, требующіе одинаковаго капитала и труда для полученія одинаковаго продукта, но количество послѣдняго получилось *разное* въ силу разнаго вліянія на нихъ климатическихъ явленій даннаго года, т.-е. на слѣдующій годъ можетъ при другихъ атмосферическихъ вліяніяхъ получиться обратный результатъ: гдѣ было худо теперь, будетъ лучше на будущій годъ и обратно, и въ десятилѣтній срокъ производительность и тѣхъ и другихъ окажется одинаковой. Иначе говоря, для устраненія осложненій при выясненіи интересующаго насъ вопроса, я ввелъ уже напередъ въ цѣну хлѣба вліяніе ренты. Кромѣ того, какъ увидимъ, въ силу условій образованія ренты, такъ и должно быть, что при развитіи торговли хлѣбомъ, вводящемъ въ кругъ ея все большее и большее число земель съ наиболѣе благопріятными условіями для его производства, цѣна его опредѣляется по стоимости производства въ странѣ или странахъ, наиболѣе его производящихъ. При ввозѣ американскаго хлѣба, болѣе дешеваго, въ Англіи стало сокращаться производство его, ибо онъ сталъ продаваться ниже стоимости его производства въ ней, хотя урожайность его въ Англіи выше, нежели въ Америкѣ (на единицу пространства).

Итакъ, если зависимость отъ условій природы отражается невыгодно на производителяхъ, то, съ другой стороны, страдаетъ отъ этого интересы и потребителей, которые не могутъ разсчитать напередъ предстоящаго расхода на главную часть бюджета—пищу. Если при этихъ усовіяхъ хозяйство, выдержавшее плохое положеніе дѣлъ, можетъ разсчитывать поправиться въ послѣдующіе годы, когда измѣненіе произойдетъ въ обратномъ отношеніи, такъ что за 10 лѣтъ, наприм., уравняются прибыль и убытокъ въ такой мѣрѣ, что получится нормальная прибыль, то опасеніе недостачи хлѣба на потребителей дѣйствуетъ такимъ образомъ, что вызываетъ даже при опасеніи только неурожая, представленіе о бѣдствіяхъ голода и ведетъ къ сильному подъему цѣнъ, чѣмъ однако успѣваютъ воспользоваться не столько хозяева, сколько торговцы хлѣбомъ. Въ силу всего этого является стремленіе измѣнить такую зависимость отъ вліянія климата. Измѣненіе ея для потребителя, какъ увидимъ изъ слѣдующаго очерка и совершается съ развитіемъ всемірной

хлѣбной торговли, которая устраняетъ вліяніе климата на снабженіе хлѣбомъ отдѣльной страны тѣмъ путемъ, что создаются сношенія со странами, въ которыхъ, въ силу вліянія климата же, урожай и сборъ происходятъ не одновременно и, такимъ образомъ, создается ежемѣсячное снабженіе хлѣбомъ, т.-е. почти съ такою же правильностью, какъ и продуктами фабричнаго производства.

Само собою разумѣется, что потребители выигрываютъ отъ этого, такъ какъ снабженіе ихъ пищею не становится уже въ зависимость отъ каприза, такъ сказать, природы и является обезпеченнымъ, благодаря чему устраняется также и колебаніе цѣнъ по времени года, такъ какъ опассніе неурожая въ данномъ году въ данной странѣ, вліявшее прежде на непомѣрное повышеніе цѣны хлѣба, какъ бы парализуется до извѣстной степени представленіемъ о немыслимости повсемѣстнаго неурожая и возможности привоза хлѣба изъ странъ, гдѣ неурожая нѣтъ. Но то самое, что составляетъ здѣсь благопріятное условіе для потребителя, не является таковымъ для производителя, положеніе котораго чрезъ это, какъ увидимъ, еще болѣе ухудшается. Прежде если онъ могъ выждать время, то могъ разсчитывать поправить свои дѣла тѣмъ, что цѣна хлѣба поднимется; онъ зналъ, что годы урожая, когда хлѣбъ дешевъ, смѣняются годами неурожая, когда онъ дорогъ; зналъ, что дешевая осенью цѣна можетъ подняться сильно весною; могъ, такимъ образомъ, не измѣняя своего хозяйства, размѣровъ его и способовъ производства и разсчитывая только на измѣненіе цѣнъ во времени, въ зависимости отъ измѣненія высоты урожая, продолжать вести дѣло. Теперь онъ не можетъ разсчитывать на это, такъ какъ неурожай въ данной странѣ можетъ сопровождаться такимъ урожаемъ въ сосѣдней ввозящей, что цѣна хлѣба можетъ быть ниже даже цѣны урожайнаго года, какъ тому уже и были примѣры, хотя и обратно—при хорошемъ урожаѣ случались высокія цѣны.

Такимъ образомъ, если по отношенію къ потребителю стихійныя условія климата могутъ считаться побѣжденными съ развитіемъ всемірной хлѣбной торговли, то для производителя они остаются въ силѣ и къ нимъ еще присоединяются условія рынка, принимающія также стихійный характеръ, поскольку они не могутъ быть приняты во вниманіе и введены въ расчетъ.

Но съ развитіемъ всемірной хлѣбной торговли для потребителя должны явиться и другія благопріятныя послѣдствія, понижающія для него вообще цѣну хлѣба. Это должно произойти также въ связи съ вліяніемъ климатическихъ условій.

Прежде пищевые продукты производились повсюду, сообразно съ потребностью производителя и потребителя, независимо отъ того, являлись ли эти продукты наиболѣе подходящими для данныхъ климатическихъ условій или нѣтъ. Съ развитіемъ всемірнаго рынка и съ необходимостью считаться съ болѣе усиленнымъ соперничествомъ, при чемъ стало усиливаться про-

изводство, если не исключительно, то по преимуществу для сбыта, производитель приводится къ тому, что долженъ выбирать для производства продукты, наиболѣе отвѣчающіе мѣстнымъ природнымъ условіямъ, т.-е. такіе, которые при наименьшихъ усиліяхъ даютъ бо́льшій результатъ, и, слѣдовательно, на рынокъ должны поступать въ бо́льшей массѣ продукты, произведенные при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, потому болѣе дешевые и, въ силу соперничества и преобладающаго количества ихъ, опредѣляющіе цѣны на тѣ же продукты, произведенные при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Тотъ, кто производитъ при этихъ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, долженъ также стремиться къ удешевленію издержекъ производства, а это не можетъ достигаться въ сельскомъ хозяйствѣ безъ выбора продуктовъ, наиболѣе отвѣчающихъ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ; слѣдовательно, удешевленіе однихъ продуктовъ должно вести за собою удешевленіе и другихъ, распредѣляя сельскохозяйственное производство наиболѣе соотвѣтственно климатическимъ условіямъ каждой мѣстности. Такова въ сущности должна быть тенденція въ распредѣленіи земледѣльческихъ культуръ при развитіи всемірнаго хозяйства, но проявляется ли она въ дѣйствительности или нѣтъ—это зависитъ отъ цѣлаго ряда условій.

При всемъ этомъ, однако, производитель можетъ терять, такъ какъ при распредѣленіи культуръ, сообразно климатическимъ условіямъ, выборъ производителя не свободенъ. Изъ всѣхъ родовъ культуръ онъ выбираетъ ту, которая оказывается наиболѣе производительной при данныхъ климатическихъ условіяхъ, скажемъ, рожь; но въ другой мѣстности другой производитель, руководствуясь тѣмъ же, выбираетъ также рожь, урожай которой, однако, въ этой послѣдней мѣстности не только выше урожаевъ всѣхъ другихъ хлѣбовъ, но и выше нежели урожай ея въ первой мѣстности; если при этомъ рожь явится на рынкѣ въ избыткѣ, то, понятное дѣло, она будетъ продаваться по наименьшей цѣнѣ, какую можетъ взять производитель мѣстности, гдѣ урожай выше, что для перваго будетъ убыточно, но выхода ему нѣтъ, если только онъ не доведетъ при помощи какихъ-либо усовершенствованій стоимость производства ея до меньшей цѣны, выгодами чего и воспользуется, пока усовершенствованія эти не получатъ всеобщаго примѣненія. Между тѣмъ климатическія условія создаютъ именно такое положеніе для многихъ мѣстностей, что тамъ не можетъ быть рѣчи о выборѣ той или иной культуры, а прямо доступной оказывается только культура опредѣленныхъ растеній, наприм. ячменя на сѣверѣ или риса въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Италіи и т. п.,—тогда уже и совсѣмъ нѣтъ выбора, а въ то же время оставить производство нельзя. Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, оставить его? Оно связано съ землей, съ извѣстнымъ имуществомъ, имѣющимъ извѣстную цѣнность, составляющимъ собственность производителя, на пріобрѣтеніе которой затраченъ извѣстный капиталъ. Между тѣмъ подъ влія-

ніемъ измѣнившихся условій, цѣнность земли сильно понизилась, да и по этой-то цѣнности нельзя найти покупателя, такъ какъ послѣдній станетъ въ такія же неблагопріятныя условія. Кромѣ того, оставить это дѣло значитъ приняться за другое, а для этого надо и знаніе его и умѣнье вести его. Наконецъ, это значитъ поставить себя въ зависимость отъ еще болѣе, можетъ быть, случайныхъ обстоятельствъ. Все это и является тормазомъ къ правильному, соотвѣтствующему природнымъ условіямъ, распредѣленію культуръ, и въ тоже время продолжаетъ удерживать земледѣліе на той ступени, которая мѣшаетъ ему стать въ положеніе производства, настолько же широко развивающагося, какъ и обработывающая промышленность.

Если, такимъ образомъ, вліяніе климатическихъ условій оказывается въ значительной степени побѣжденнымъ для потребителя, то нельзя того же сказать о производителѣ. И это понятно. Потребитель имѣетъ дѣло непосредственно съ рынкомъ, на которомъ реализируются результаты производства. Послѣднее, чтобы вестись съ успѣхомъ, т.-е. съ наибольшимъ извлеченіемъ прибыли, должно было тотъ аппаратъ, чрезъ посредство котораго оно входитъ въ общеніе съ потребителемъ, приспособить къ тому, чтобы достигнуть наиболѣе успѣшнаго при наличныхъ условіяхъ сбыта товаровъ, а для этого и надо завербовать потребителя той степенью доступности для него товаровъ, которая только можетъ быть достигнута при современной организаціи производственныхъ отношеній. Но само производство, принявъ характеръ общественнаго въ томъ смыслѣ, что продукты производятся сообразно съ потребностями не производителя, а общества, остается еще на ступени частнаго, такъ какъ и размѣръ производства и родъ его опредѣляются частнымъ, отдѣльнымъ лицомъ по его индивидуальному усмотрѣнію и силамъ. Это противорѣчіе и производитъ тормозящее вліяніе.

Само собою разумѣется, это тормозящее вліяніе существуетъ и въ обработывающей промышленности, но тамъ нѣтъ той зависимости отъ климатическихъ условій, которая здѣсь связываетъ руки и мѣшаетъ земледѣлію стать на чисто-капиталистическую почву, какъ въ обработывающей промышленности. Вотъ это-то и надо постоянно имѣть въ виду при изученіи экономіи сельскаго хозяйства. Законы развитія капиталистическаго хозяйства обыкновенно прилагаются ко всѣму производству безъ различія, между тѣмъ какъ они выработаны изъ наблюденія явленій въ области обработывающей промышленности, что обусловливалось тѣмъ, что наибольшее проявленіе они получили въ этой послѣдней. Земледѣліе же, составляющее до сихъ поръ еще преобладающее занятіе для большинства населенія почти во всѣхъ странахъ, если и отражаетъ на себѣ тѣ измѣненія въ строѣ общества, которыя производятся капитализмомъ, то все же само, какъ производство, еще не охвачено производительнымъ капиталомъ въ такой мѣрѣ, какъ обработывающая промышленность, и ведется по преимуществу массой населенія въ

формѣ, такъ сказать, полутоварнаго производства, а потому и отсутствуетъ достаточный матеріалъ для изученія законовъ капиталистическаго производства въ земледѣліи. «Выводы К. Маркса не могутъ быть переносимы непосредственно (ohne weiteres) въ область земледѣлія. Онъ сказалъ много существеннаго также и о земледѣліи, но его теорія развитія... вполнѣ приложима только къ развитію индустріи. Для объясненія развитія земледѣлія она не разработана, и мнѣ кажется, что только *научное изслѣдованіе* (курсив. нашъ) въ состояніи наполнить тотъ пробѣлъ, который относительно этого во всякомъ случаѣ существуетъ». (W. Sombart: Socialismus und sociale Bewegung in 19. Jahrhundert. Jena. 1896, стр. 112).

Изъ всего до сихъ поръ выясненнаго, конечно. слѣдуетъ, что 1) нельзя прилагать *цѣликомъ* законы капиталистическаго развитія къ земледѣлію и, 2) изучая ихъ отраженія на немъ, надо постоянно имѣть въ виду то условіе, отражающееся на нихъ, котораго нѣтъ въ обработывающей промышленности, т.-е. *климатъ*. Но кромѣ климата въ земледѣліи играютъ большую роль и другія природныя условія. Такова *почва*. На значеніи и вліяніи ея я, однако, не буду останавливаться подробно, такъ какъ этотъ факторъ значительно поддается воздѣйствію человѣка. Когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію системъ земледѣлія, мы увидимъ. какъ человѣкъ постепенно овладѣваетъ все болѣе и болѣе почвой и, по мѣрѣ изученія ея, умѣетъ придавать ей тѣ свойства, которыя нужны для его цѣлей, даже. можно сказать, создавать ее, а въ послѣднее время съ примѣненіемъ искусственныхъ удобреній власть его въ этомъ отношеніи очень широка. Положимъ, и относительно устраненія вреднаго вліянія климата человѣкъ не совсѣмъ безсиленъ. Такъ, онъ можетъ устраивать и устраиваетъ искусственное орошеніе и даже съ очень давнихъ временъ, и благодаря этому получаетъ хорошіе урожаи тамъ, гдѣ бы иначе ихъ не было совсѣмъ; здѣсь появленіе дождя составляетъ даже явленіе нежелательное, ибо нарушаетъ ту регулярность въ ходѣ дѣла, которая введена уже съ примѣненіемъ искусственнаго орошенія. Но это почти и все, что можно сказать по поводу воздѣйствія на атмосферическія условія. Достигнуть обратнаго, т.-е. прекращенія дождей, когда ихъ не надо, человѣкъ не умѣетъ, не умѣетъ предохранить себя и отъ града, не можетъ вызвать искусственнаго дождя тамъ, гдѣ почему-либо искусственное орошеніе текучими водами непримѣнимо. Не можетъ. наконецъ, измѣнить температуры воздуха, если не брать такихъ случаевъ, которые не могутъ быть общимъ правиломъ, какъ тепличное выращиваніе овощей на продажу (наприм., въ Клинск. у. Московск. губ.), или тѣхъ климатическихъ измѣненій, которыя не преднамѣренно производятся уничтоженіемъ лѣсовъ, при чемъ и тутъ еще много спорнаго относительно того, при какихъ условіяхъ уничтоженіе лѣсовъ и какое производитъ вліяніе, спорно и обратное: вліяніе лѣсонасажденія на измѣненіе климатическихъ условій; при томъ все это во всякомъ случаѣ имѣетъ очень от-

носительное значеніе и лишь въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ, не уничтожая того основного экономическаго значенія вліянія климата, которое отмѣчено раньше. Воздѣйствіе же на почву болѣе значительно, почему она и не кладетъ такихъ неустранимыхъ предѣловъ сельскому хозяйству, какъ климатъ.

Но насколько все-таки особенности почвы имѣютъ значеніе въ экономіи сельскаго хозяйства, это ясно уже изъ того, что именно онѣ дали основаніе ученію о рентѣ въ политической экономіи, хотя сама рента, какъ особый видъ дохода, составляетъ, конечно, результатъ общественнаго отношенія къ землѣ. И если нѣсколько выше я указалъ на то, что почва не налагаетъ такихъ препятствій, какъ климатъ, то экономическое значеніе ея различій остается въ силѣ. Рѣзкое вліяніе климатическихъ условій сказывается въ томъ, что извѣстный климатъ совершенно не допускаетъ опредѣленныхъ видовъ растительности, а затѣмъ другіе виды растительности имѣютъ въ климатѣ болѣе или менѣе благопріятное условіе для своего произрастанія, соотвѣтственно чему, при одной и той же затратѣ труда, урожай, сборъ продуктовъ будетъ болѣе или менѣе значителенъ. Вліяніе почвы имѣетъ характеръ сходный съ этимъ послѣднимъ вліяніемъ климата, такъ какъ приведеніе ея въ то или иное состояніе требуетъ большей или меньшей затраты труда и средствъ. Если же имѣть въ виду, что то направленіе, въ которомъ вліяетъ почва, можетъ совпадать или не совпадать съ вліяніемъ климата, то сложность вліяній природы на сельскохозяйственное производство станетъ понятною, тѣмъ болѣе, что она проявляется на всемъ ходѣ его, начиная съ подготовки почвы и кончая сборомъ и уборкой продуктовъ.

Такимъ образомъ, и климатическія, и почвенныя условія, въ концѣ концовъ, вліяютъ на отношеніе между количествомъ прилагаемаго труда и результатомъ его, т--е. количествомъ и качествомъ полученнаго продукта. Еслибъ эти условія сказывались повсемѣстно одинаково на сельскохозяйственномъ производствѣ, то значеніе ихъ существовало бы въ той мѣрѣ, въ какой это отличаетъ земледѣліе отъ обрабатывающей промышленности, и обнаруживалось бы лишь въ необходимости затрачивать относительно больше труда на производство продуктовъ сельскаго хозяйства, сравнительно съ производствомъ продуктовъ обработывающей промышленности, и намъ пришлось бы говорить о нихъ лишь для того, чтобъ объяснить, почему годовая затрата труда въ сельскомъ хозяйствѣ даетъ хлѣба, скажемъ, на годъ, а производство продуктовъ обработывающей промышленности даетъ ихъ на большее время, подобно тому, какъ и въ этомъ послѣднемъ производствѣ, при равной затратѣ труда получается количество продуктовъ, не одинаковое время удовлетворяющее потребности общества, т. е. извѣстное число часовъ, потраченное на изготовленіе предметовъ одѣянія, скажемъ, даетъ послѣднихъ на двухгодичное требованіе, а затраченное на производство жилища на десятилѣтнѣе и т. д. А это только и опредѣляло бы

собою то количество рабочихъ силъ, которое должно быть удѣлено на удовлетвореніе различныхъ потребностей, — не больше. Но дѣло въ томъ, что всѣ указанныя природныя условія, при не одинаковости ихъ вліянія въ цѣлой обширной мѣстности или въ различныхъ, оказываютъ тамъ же, въ тѣхъ же мѣстностяхъ различное, неоднородное вліяніе на производство предметовъ обрабатывающей промышленности и на производство продуктовъ сельскаго хозяйства. Тогда какъ первая, т.-е. обрабатывающая промышленность, стоитъ въ этомъ отношеніи въ извѣстной степени независимости, сельское хозяйство находится въ самой тѣсной зависимости отъ природныхъ условій, а это, сводя на одномъ рынкѣ всѣхъ сельскохозяйственныхъ производителей, стоящихъ въ весьма разнообразныхъ условіяхъ, воздѣйствіе на которыя лежитъ внѣ ихъ предпримчивости, внѣ различій въ техникѣ производства, ставитъ ихъ, при одинаковости рыночной цѣны для всѣхъ, въ весьма неравныя условія для конкуренціи, помимо тѣхъ причинъ неравенства, которыя здѣсь могутъ существовать въ такой же мѣрѣ, какъ и въ обрабатывающей промышленности.

Но все это ставитъ и капиталъ, направленный на земледѣльческое производство, въ неравныя условія съ капиталомъ, направленнымъ на производство предметовъ обрабатывающей промышленности. Пока для капитала еще есть поле приложенія внѣ земледѣлія, онъ и не направляется на послѣднее. Въ земледѣліи, по указаннымъ выше причинамъ, для отдѣльныхъ предпринимателей не только не осуществляется тенденція капитала къ равенству въ прибыли, но наоборотъ, это равенство не только постоянно нарушается, но даже напередъ предусматривается неравенство, а потому естественно, что сельское хозяйство менѣе обращаетъ на себя вниманіе капиталистовъ, менѣе интересуетъ ихъ. Но въ то же время при развитіи капитализма оно получаетъ иное значеніе, чѣмъ при другомъ строѣ отношеній. Какъ извѣстно, капиталистическое производство исполнено противорѣчій. Такъ и здѣсь, развитіе капитала въ обрабатывающей промышленности, вызывая необходимость все большаго и большаго рынка для сбыта ея произведеній, ведетъ за собою внѣдреніе капиталистическихъ отношеній въ страны еще мало населенныя и мало культивированныя, что вызываетъ въ послѣднихъ расширеніе земледѣльческаго производства и заваливаніе европейскихъ рынковъ дешевымъ хлѣбомъ изъ другихъ странъ. При такихъ условіяхъ европейскому земледѣлію приходится уже считаться съ такими факторами, которые не даютъ возможности установить цѣну земледѣльческихъ продуктовъ по стоимости производства ихъ въ Европѣ, и это ведетъ къ разрушенію европейскаго земледѣлія, къ невозможности прилагать къ нему капиталъ съ расчетомъ на полученіе такой же прибыли, какъ въ другихъ отрасляхъ производства. Такимъ образомъ, развитіе промышленнаго капитализма въ области обрабатывающей промышленности въ культурныхъ странахъ ведетъ не только къ упадку въ нихъ земле-

дѣлія, но и тормозитъ или совершенно устраняетъ примѣненіе къ нему капиталистическаго производства.

Первоначальныя причины всего этого лежатъ въ природныхъ условіяхъ, какъ уже отмѣченныхъ, такъ и другихъ. Среди послѣднихъ не малое значеніе играетъ необходимость распредѣлить самое производство на значительномъ пространствѣ и невозможность сосредоточить его по произволу. Это обусловливается уже самымъ характеромъ того, съ чѣмъ необходимымъ образомъ имѣется дѣло въ земледѣліи и что частію служитъ въ немъ сырымъ матеріаломъ, частію играетъ роль орудія производства, т.-е. земля. Но такъ какъ объ условіяхъ землевладѣнія въ виду именно особой роли его въ сельскомъ хозяйствѣ, придется говорить отдѣльно и подробно, то здѣсь пока и покончимъ на этомъ.

Всѣмъ сказаннымъ до сихъ поръ далеко не исчерпываются всѣ особенности сельскаго хозяйства. Здѣсь имѣлось въ виду главнымъ образомъ, отмѣтить значеніе климата и притомъ именно той стороны его вліянія, которая раскалываетъ годъ земледѣльца на двѣ части: рабочую, земледѣльческую и не земледѣльческую. Для такихъ странъ, какъ Россія, это имѣетъ особенное значеніе въ томъ отношеніи, что прямо-таки обусловливаетъ и поддерживаетъ въ ней существованіе, такъ называемыхъ, кустарныхъ промысловъ. На это указываютъ всѣ изслѣдователи послѣднихъ (см. между прочимъ: Корсакъ «О формахъ промышленности» въ особен. стр. 227 — 229); отмѣчается это, какъ мы видѣли, и во 2-мъ т. «Капитала». Обстоятельство это имѣетъ то значеніе, что, съ одной стороны, указываетъ на значеніе развитія и поддержанія кустарныхъ промысловъ въ интересахъ поддержанія крестьянскаго земледѣлія, которое только и можетъ процвѣтать въ томъ случаѣ, если у крестьянина зимнее время не пропадаетъ безъ дѣла. А въ такомъ случаѣ страна, гдѣ существуетъ, хорошо или худо, крестьянство, бо́льшая часть котораго не можетъ быть превращена въ фабричныхъ рабочихъ и необходимымъ образомъ занимается зимою разными промыслами, представляетъ и должна представлять уже по этой только причинѣ въ дальнѣйшемъ ходѣ своего экономическаго развитія значительныя особенности сравнительно съ страной, гдѣ условія не таковы, чтобы вызывать для земледѣльца въ такой степени необходимость зимнихъ промысловыхъ занятій.

Намъ пришлось въ настоящемъ очеркѣ довольно долго останавливаться на выясненіи такихъ сторонъ и условій сельскохозяйственнаго производства, которыя въ сущности довольно очевидны и настолько элементарны, что понятны безъ особенно долгихъ объясненій. Но мы не могли не остановиться на нихъ въ тѣхъ предѣлахъ, которыя считаемъ даже минимальными. Дѣло въ томъ, что вліяніе ихъ сказывается въ сельскомъ хозяйствѣ *на каждомъ шагу*, отъ момента перваго удара лопаты и до ссыпки зерна въ закромъ или поставки его на рынокъ. Такимъ образомъ, въ зависимости отъ природныхъ условій въ

сельскомъ хозяйствѣ находятся всѣ экономическія отношенія— они представляютъ собою основной факторъ. Между тѣмъ нѣтъ ни одного писателя, который бы въ объясненіи *экономическихъ* явленій сельскохозяйственнаго производства клалъ въ основу природныя условія. Обыкновенно на этотъ факторъ обращается вниманіе, но какъ бы на случайный: исходя изъ общихъ теоретическихъ положеній политической экономіи, трактуютъ объ условіяхъ приложенія труда, капитала, и тутъ, какъ бы попутно, въ видѣ еще одного изъ частныхъ условій вводится и вліяніе климата. Такъ это мы видимъ въ лучшей до сихъ поръ сельскохозяйственной экономіи на русскомъ языкѣ — Людоговскаго, тоже у Шишкина и др. Такимъ образомъ, никто не игнорируетъ того, что мною развито въ настоящемъ очеркѣ, который, поэтому, ничего новаго и не даетъ въ этомъ отношеніи, но въ тоже время никто не отводитъ этимъ условіямъ того *общаго* значенія и вліянія, которыя они имѣютъ. И только у Рошера во 2-мъ т. мы находимъ особую главу, которая спеціально отмѣчаетъ значеніе климата и природныхъ условій въ земледѣліи, но и тамъ это дѣлается довольно обще и больше въ смыслѣ того вліянія, которое это имѣетъ на характеръ сельскихъ жителей, о чемъ говоритъ еще и А. Смитъ слѣдующими словами: «Никогда не приходило никому въ голову, чтобы для земледѣлія, составляющаго главное занятіе сельскаго населенія, необходимо было обученіе. Однако же, за исключеніемъ того, что называютъ свободными науками и искусствами, быть можетъ, нѣтъ занятія, которое требовало бы такихъ разнообразныхъ свѣдѣній и такой опытности. Безчисленное множество книгъ, написанныхъ о земледѣліи на всѣхъ языкахъ, доказываетъ несомнѣннымъ образомъ, что самые благоразумные и просвѣщенные народы смотрѣли на него не иначе, какъ на предметъ, требующій самаго серьезнаго обученія. И все-таки, едва ли бы мы нашли во всемъ написанномъ то количество разнообразныхъ и сложныхъ свѣдѣній, требуемыхъ этимъ занятіемъ, какимъ обладаетъ вообще самый обыкновенный земледѣлецъ, какъ бы презрительно ни относились къ нему нѣкоторые легкомысленные писатели, писавшіе о земледѣліи... Необходимо гораздо болѣе познаній и смышленности при занятіяхъ, измѣняющихся *съ каждою перемѣною времени года* и зависящихъ отъ безчисленнаго множества другихъ обстоятельствъ, нежели для работъ остающихся всегда или почти-что всегда одинаковыми... Человѣкъ, пашущій землю лошадьми или быками, употребляетъ въ дѣло животныхъ, здоровье, силы и темпераментъ которыхъ бываютъ весьма различны при различныхъ обстоятельствахъ. Обработываемая имъ почва подвержена не меньшимъ перемѣнамъ, какъ и употребляемыя имъ животныя: та и другая требуютъ особеннаго благоразумія и осторожности; и нельзя сказать, чтобы этими качествами постоянно не обладалъ земледѣлецъ, хотя его и принимаютъ за образецъ тупости и невѣжества». (Книга I, гл. X, стр. 290—291).

Въ общихъ руководствахъ по политической экономіи также

рѣдко отмѣчаются особенности экономическихъ отношеній въ сельскомъ хозяйствѣ въ зависимости отъ природныхъ условій, и только К. Марксъ, прослѣживая различныя условія извлеченія прибыли, никогда не позабываетъ отмѣтить вліянія природныхъ условій на время производства, періодъ обращенія (т. II, гл. 12—15), на прибыль (т. III, стр. 27, 29, 30 и 37). Въ отдѣлѣ о рентѣ особенности условій земледѣльческаго производства отмѣчаются у него, можно сказать, на каждомъ шагу, и въ одномъ мѣстѣ прямо говорится: «надо принять въ соображеніе *своеобразный* характеръ земледѣлія» (стр. 632). Этотъ-то своеобразный характеръ земледѣлія и причины и условія его нигдѣ не упускаются имъ изъ виду, тогда какъ у другихъ писателей это отмѣчается, какъ бы между прочимъ. Въ дѣйствительности же это представляетъ основное условіе, вліяющіе на весь строй и на все развитіе экономическихъ отношеній въ земледѣліи. Такимъ образомъ, въ очеркахъ, посвященныхъ спеціально экономіи сельскаго хозяйства, представляется совершенно необходимымъ съ самаго начала выяснить экономическое значеніе такого основного условія, почему мы и сочли нужнымъ отвести этому довольно много мѣста.

Но современное сельское хозяйство принимаетъ все болѣе и болѣе форму товарнаго, причемъ особое опредѣляющее значеніе имѣетъ рынокъ, вліяніе котораго здѣсь отмѣчается, въ силу значенія природныхъ условій въ сельскохозяйственномъ производствѣ, особыми чертами сравнительно съ тѣми и независимо отъ тѣхъ, которыя имѣютъ мѣсто по отношенію къ обработывающей промышленности. Итакъ какъ это вліяніе, хотя и не одинаково, но отражается на всѣхъ хозяйствахъ, какія бы различія они ни представляли въ другихъ отношеніяхъ, то прежде чѣмъ говорить о значеніи землевладѣнія и др. экономическихъ факторахъ, остановимся на значеніи международнаго рынка или, въ данномъ случаѣ, всемірнаго хозяйства.

Примѣчаніе. Нѣкоторыя другія особенности сельскохозяйственнаго производства, которыхъ приходилось касаться въ этой главѣ какъ бы мимоходомъ, отмѣчены нѣсколько подробнѣе въ моей книгѣ: „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“. М. 1884. гл. V. „Особенности сельскохозяйственнаго производства и ихъ экономическое значеніе“.

III. Значеніе международнаго рынка для сельскаго хозяйства.

Согласно наблюденіямъ надъ развитіемъ экономическихъ отношеній можно сказать, что общее направленіе въ развитіи ихъ состоитъ въ томъ, что *раздѣленіе занятій* есть то необходимое условіе, черезъ которое проходитъ производство, мало по малу обобществляясь въ своемъ процессѣ. Это развитіе привело въ Англіи къ капитализму, который вырабатываетъ формы общественнаго производства.

Представляетъ ли однако капитализмъ единственный путь, при посредствѣ котораго производство становится общественнымъ и одинакова ли его роль во всѣхъ видахъ производства — это остается далеко еще не рѣшенымъ вопросомъ. Независимо отъ этого, какъ уже то и отмѣчено, та или иная историческая обстановка, среда значительно видоизмѣняетъ дѣйствіе одного и того же начала. Поэтому для яснаго представленія объ условіяхъ развитія какой либо страны или отдѣльной отрасли производства въ ней нельзя подходить къ рѣшенію вопроса съ какимъ либо готовымъ шаблономъ, сотканнымъ лишь изъ общихъ теоретическихъ началъ. Необходимо предварительно выяснить ту историческую среду, при которой имѣетъ мѣсто изучаемое явленіе. Такъ и въ данномъ случаѣ необходимо выяснить какими особенностями отличаются тѣ общія, созданныя предшествующей экономической исторіей, условія, вліяніе которыхъ сказывается на сельскомъ хозяйствѣ каждой страны, какова та историческая обстановка, при которой совершается развитіе сельскохозяйственныхъ отношеній въ настоящее время.

Ад. Смитъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи „О природѣ и причинахъ богатства народовъ", какъ извѣстно, первыя же главы посвящаетъ значенію раздѣленія труда. Оно для него является тѣмъ факторомъ, который обусловливаетъ успѣшность и быстроту производства, оно же вызываетъ раздѣленіе занятій въ обществѣ и, слѣдовательно, дѣленіе послѣдняго на классы, оно же обусловливаетъ возможность и необходимость мѣновыхъ торговыхъ сношеній. Но, отмѣчая все это, Ад Смитъ былъ далекъ еще отъ того, чтобы указать на послѣдствія раздѣленія труда въ томъ обширномъ и всемірномъ значеніи ихъ, которое приходится наблюдать въ современномъ хозяйствѣ. И это понятно. Въ политической экономіи, какъ и во всякой наукѣ, можно выяснять и обобщать только тѣ явленія, которыя подлежатъ нашему наблюденію, и лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ они доступны ему, будетъ ли это наблюденіе производиться при посредствѣ опыта, какъ въ другихъ наукахъ, или путемъ простого констатированія фактовъ, проявляющихся внѣ сознательнаго воздѣйствія изслѣдователя. Между тѣмъ, во времена Ад. Смита, то общеніе между людьми, та обширность и постоянство сношеній между ними, которыя составляютъ основное условіе широкаго раздѣленія занятій, не только не были развиты въ такой мѣрѣ, какъ теперь, но отсутствовали даже данныя для того, чтобы составить сколько нибудь приблизительное представленіе о томъ, до какой степени можетъ развиться всемірное раздѣленіе труда. Достаточно напомнить о томъ, что Ад. Смитъ наблюдалъ раздѣленіе труда по преимуществу въ мануфактурѣ, и всѣ тѣ изобрѣтенія, которыя повели къ образованію крупнаго машиннаго производства, въ его время частію не существовали, частію не имѣли еще такого широкого приложенія, какого достигли въ послѣдующее время. Уже одного этого достаточно было бы, чтобы значительно дополнить и расширить

многое изъ установленнаго Ад. Смитомъ по поводу раздѣленія труда. Но текущее столѣтіе и, главнымъ образомъ, вторая половина его создали такія усовершенствованія, которыя вызвали международное раздѣленіе занятій въ такихъ размѣрахъ, что какой бы области экономическихъ явленій мы ни коснулись, мы не можемъ упустить изъ виду *всемірнаго хозяйства*. Усовершенствованія, о которыхъ я только что упомянулъ, состоятъ въ приложеніи пара къ передвиженію на сушѣ и на водѣ. Чтобы судить о томъ, въ какой мѣрѣ примѣненіе пара къ передвиженію способствовало сближенію людей и ихъ произведеній, приведу слѣдующія цифры:

	кил. жел. дор
въ 1830 году на всемъ земномъ шарѣ было проложено	332

(километръ = 0,93 версты)

и притомъ лишь въ Англіи, Франціи и Сѣверо-Америк. Штатахъ;

	кил жел дор
въ 1845 году въ Европѣ и Америкѣ существовало уже	16690
» 1855 г. во всѣхъ пяти частяхъ свѣта было	66277
» 1865 г.	144951
» 1875 г.	295936
» 1885 г.	487923

а въ настоящее время — свыше 670000 километровъ или около 625000 верстъ. Изъ этого количества на Европу приходится свыше одной трети—болѣе 233 т. килом. и болѣе половины на Америку—354 т. килом.

Подобный же, если не болѣе сильный ростъ наблюдается въ *числѣ* и *вмѣстимости* паровыхъ судовъ. Укажу для примѣра, что въ Великобританіи и Ирландіи вмѣстѣ числилось:

	паров. судовъ	вмѣстимостью
въ 1860 году	2000	454 тыс. тоннъ.
» 1870 »	3178	1113 » »
» 1891 »	7720	5307 » »

Объ огромномъ значеніи измѣненій, произведенныхъ развитіемъ парового передвиженія, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1889 году въ Сѣв.-Америк. Соединен. Штатахъ перевезено по желѣзнымъ дорогамъ—495.124.764 пассажир. и 619.135.237 тоннъ товар.; а въ 1893 году—свыше 595 милл. пассажир., т. е. почти въ 9 разъ больше всего населенія Союза, и 745 милл. тоннъ товаровъ, или болѣе 45.000.000.000 пудовъ (тонна = слишкомъ 61 пуд.).

Желѣзныя дороги Европы въ 1875 году перевезли 1371 милл. пассажир., т.. е. число почти равное числу населенія всего земного шара, и 715 милл. тоннъ товаровъ; чрезъ 10 лѣтъ, т. е. въ 1884 г.— 781 милл. тоннъ и болѣе 1500 милл. пассаж. Въ

1892 г.—2247 мил. пассажировъ и 994 мил. тонъ товаровъ. По желѣзнымъ же дорогамъ всего земного шара въ 1875 г. въ среднемъ передвигалось *ежедневно* 4 милл пассаж. и 2,2 милл. тоннъ тов., а черезъ 10 л. въ 1884 г. въ теченіе года уже— 1262 милл. тоннъ тов. и 2030 милл. пасс., что составляетъ ежедневно болѣе 3,5 милл. тоннъ товар. и болѣе 5,5 милл. пассажировъ. Въ теченіе же 1894 г. по всѣмъ дорогамъ земнаго шара перевезено 3135 мил. пассажировъ и 1790 милл. тоннъ товаровъ, т.-е. въ среднемъ *ежедневно* около *9 милл.* пассажировъ и *300 милл пудовъ* товара. («Handwörterbuch der Staatswissenschaften» B. III и V, «Übersichten» von Juraschek B. VI и G. Mulhall. 1896 г.)

Если мы припомнимъ, какое великое значеніе имѣло *переселеніе народовъ,* измѣнившее лицо Европы и положившее начало совершенно иному порядку вещей, то намъ станетъ ясно, насколько сильныя измѣненія должно вести за собой такое ежедневное, *постоянное передвиженіе людей и ихъ произведеній,*— измѣненія тѣмъ болѣе глубокія и рѣзкія, что, они производясь ежедневно, такъ сказать, мало-по-малу, не бросаются сразу въ глаза, а становятся замѣтными лишь тогда, когда приходится имѣть дѣло съ результатами ихъ, являющимися продуктами цѣлаго ряда накопившихся перемѣнъ, повлекшихъ за собою и дальнѣйшія. «Если мы захотимъ характеризовать настоящее время, то это приходится сдѣлать слѣдующими словами: Прежде всего въ немъ господствуетъ такая *живость,* какой нельзя и представить для какого-либо предшествующаго времени. Черезъ современное общество проходитъ такой жизненный токъ, какого не знало никакое прежнее время, и чрезъ это возможна такая быстрота соприкосновенія отдѣльныхъ членовъ общества, какая прежде была немыслима. Это вызвано современными средствами сообщенія, созданными капитализмомъ. Возможность въ настоящее время съ разныхъ концовъ огромной страны обмѣняться мыслями въ теченіи немногихъ часовъ черезъ посредство телеграфа, телефона, газетъ; возможность при современныхъ средствахъ передвиженія перебрасывать громадныя массы людей съ одного мѣста на другое, все это породило состояніе общенія болѣе крупныхъ массъ и чувство повсемѣстнаго присутствія, незнакомаго всѣмъ прежнимъ временамъ. Чрезъ это чрезвычайно возрасла легкость большихъ массовыхъ движеній. И на ряду съ этимъ въ массахъ выросло то, что мы обыкновенно называемъ образованіемъ: знанія, а вмѣстѣ съ ними новые запросы и потребности» (W. Sombart. Socialismus u. sociale Bevegung». Jena. 1896 стр. 10—11).

Если близкое сосѣдство людей и извѣстная плотность населенія составляютъ одно изъ основныхъ условій для появленія раздѣленія труда, то сближеніе между странами, которое производится паровыми средствами передвиженія и какъ бы уничтожаетъ разстояніе между ними, должно вести за собою дальнѣйшее и болѣе широкое раздѣленіе занятій и, какъ послѣдствіе

его, измѣненіе хозяйственныхъ и экономическихъ отношеній. И ни въ какой отрасли занятій развитіе путей сообщенія не повело къ такимъ глубокимъ измѣненіямъ, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Послѣднее, представлявшее собою тотъ родъ занятій, который прикрѣпилъ человѣка къ опредѣленному мѣсту, служило первоначально для удовлетворенія всевозможныхъ хозяйственныхъ потребностей человѣка. Съ теченіемъ времени изъ него выдѣлились въ особую вѣтвь различные виды обрабатывающей промышленности, которыя и распредѣлились въ различныхъ мѣстностяхъ, смотря по тѣмъ или другимъ условіямъ, благопріятствовавшимъ ихъ развитію. Земледѣліе же, предназначенное главнымъ образомъ для производства пищевыхъ продуктовъ, продолжало вестись повсемѣстно, гдѣ селились люди, и не допускало рѣзкаго распредѣленія его по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Съ одной стороны потребность въ пищѣ представляется настолько настоятельной, что человѣкъ опасается не имѣть подъ руками продуктовъ и средствъ для удовлетворенія ея, а съ другой стороны боится поставить удовлетвореніе этой потребности въ зависимость отъ чего либо стоящаго внѣ его. Даже въ настоящее время, когда страны, ввозящія хлѣбъ извнѣ, поставлены относительно снабженія хлѣбомъ въ условія болѣе благопріятныя, чѣмъ вывозящія, въ ученыхъ трактатахъ и произведеніяхъ, какъ на основной мотивъ для поддержанія земледѣлія, указывается на то, что оно производитъ такого рода продукты, что невозможно ставить присутствіе или отсутствіе ихъ въ зависимость отъ случайностей ввоза, хотя, какъ увидимъ ниже, ввозъ составляетъ теперь не случайность, а нѣчто такое, что повторяется съ гораздо большею правильностью, нежели урожаи. Другое обстоятельство, обусловливавшее повсемѣстное производство пищевыхъ продуктовъ—это *громоздкость* ихъ, не допускавшая перевозки на дальнія разстоянія.

Съ развитіемъ же парового движенія и вообще съ перемѣнами въ средствахъ и путяхъ сообщенія, какъ бы уничтожавшихъ *дальность* разстоянія, препятствія къ перемѣщенію продуктовъ сельскаго хозяйства изъ дальнихъ странъ уничтожились, и пищевые продукты явились *всемірными* въ томъ смыслѣ, что отдаленность потребителя отъ мѣста производства хлѣба перестала имѣть какое либо существенное значеніе. Вслѣдствіе этого лондонскій житель, напримѣръ, получилъ такую же возможность, а иногда даже и большую, питаться австралійскою или индѣйскою пшеницей, какъ и мѣстный житель. Хлѣбъ для каждой страны сталъ продуктомъ не ея хозяйства, а всемірнаго. Распредѣленіе его по странамъ, доля участія каждой страны въ потребленіи его и въ его производствѣ, стали опредѣляться всемірнымъ рынкомъ. Цѣна хлѣба стала опредѣляться также не стоимостью его производства въ той или другой странѣ, а условіями международнаго рынка, внѣ зависимости ея отъ стоимости производства хлѣба въ отдѣльной странѣ, тѣмъ менѣе въ отдѣльномъ хозяйствѣ. Во время Адама Смита можно было гово-

рить о народномъ или *національномъ* хозяйствѣ въ смыслѣ опредѣленнаго отношенія различныхъ индивидуальныхъ хозяйствъ, тѣсно связанныхъ и соединенныхъ между собою раздѣленіемъ труда. Въ настоящее же время, когда пути сообщенія связали весь міръ и ведутъ къ распредѣленію по немъ различныхъ производствъ, соотвѣтственно наиболѣе благопріятствующимъ условіямъ для каждаго изъ нихъ, тѣмъ самымъ создаются опредѣленныя хозяйственныя отношенія между всѣми странами міра; послѣднія соединяются какъ бы въ одно цѣлое, и мы можемъ уже говорить о всемірномъ хозяйствѣ въ этомъ смыслѣ и изучать тѣ общія условія, которыя оно создаетъ для хозяйства каждой отдѣльной страны и для ея отдѣльныхъ хозяйствъ или группъ ихъ, связанныхъ еще какими либо общими условіями болѣе частнаго характера. И если для Ад. Смита исходнымъ фактомъ для выясненія существовавшихъ экономическихъ отношеній служило раздѣленіе труда, то въ настоящее время не только для выясненія явленій въ области сельскаго хозяйства, но и во всякой другой отрасли экономической дѣятельности человѣка, необходимо исходить изъ условій всемірнаго хозяйства, международнаго рынка, такъ какъ онъ представляетъ то общее явленіе, съ которымъ должно считаться каждое хозяйство страны, принимающей участіе въ международномъ обмѣнѣ.

По отношенію же къ сельскому хозяйству считаться съ условіями международнаго рынка тѣмъ болѣе необходимо, что существованіе всемірнаго рынка образовало для него совершенно иныя условія, отличныя отъ прежнихъ, создало почти не существовавшую прежде для него возможность развиваться и совершенствоваться сообразно условіямъ почвы и климата. Зависимость сельскохозяйств. производства отъ мѣстныхъ, почвенныхъ и климатическихъ условій гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой либо другой отрасли производства. Но безусловно слѣдовать этой зависимости, т. е. ограничиваться производствомъ продуктовъ, которымъ наиболѣе благопріятствовали мѣстныя условія, при неразвитыхъ путяхъ сообщенія не было возможности, ибо это значило бы производить то, что не могло найти сбыта, и въ то же время лишить себя необходимаго. Международный обмѣнъ, создавшій широкій сбытъ для всѣхъ сельскохозяйственныхъ произведеній и обезпечившій снабженіе хлѣбомъ странъ, не производящихъ его, тѣмъ самымъ уничтожаетъ прежнюю зависимость, вызывавшуюся отсутствіемъ сношеній, и ставитъ производителя лицомъ къ лицу съ тѣми мѣстными природными условіями, отъ наличности которыхъ зависитъ успѣшность того или другого производства. Но въ то же время это создаетъ для потребителя возможность пріобрѣтать продукты не по цѣнѣ, въ которую они обходятся при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ ихъ производства, а, наоборотъ, по цѣнѣ ихъ при наиболѣе благопріятныхъ для того условіяхъ.

Международный рынокъ, такимъ образомъ, долженъ вызывать въ каждой странѣ развитіе сельскаго хозяйства въ направленіи

наиболѣе отвѣчающимъ ея условіямъ, и, слѣдовательно, расширить производство многихъ такихъ продуктовъ, которые производились въ другихъ странахъ, но при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, а затѣмъ повѣсти и къ сбыту ихъ въ этихъ странахъ. Развитіе путей сообщенія повело за собой обращеніе подъ сельскохозяйственную культуру пустовавшихъ дотолѣ земель Америки, Остъ-Индіи, Австраліи, Африки и вызвало кризисъ, переломъ въ сельскомъ хозяйствѣ не только тѣхъ государствъ Европы, которыя производили количество хлѣба недостаточное для внутренняго потребленія и прибѣгали къ ввозу его извнѣ, но и въ тѣхъ, которыя имѣли возможность вывозить хлѣбъ и встрѣтили на міровомъ рынкѣ новыхъ конкурентовъ, производящихъ хлѣбъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и готовыхъ сбыть его по болѣе дешевой цѣнѣ

Такъ, открытіе Суэзскаго канала, облегчивъ доставку изъ Остъ-Индіи, вызвало усиленный привозъ оттуда риса и имѣло слѣдствіемъ тяжелый сельскохозяйственный кризисъ для Италіи, производившей его при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Точно такое же дѣйствіе вызвало во всѣхъ европейскихъ странахъ усиленіе ввоза американскаго хлѣба. О размѣрахъ дѣйствія, которое оно произвело, можно судить по тому, что вывозъ пшеницы изъ Америки съ $52^1/_2$ милл. бушелей въ 1870 г. дошелъ къ 1880 г. до 183 м. б.; весь вывозъ продуктовъ сельскаго хозяйства съ цѣнности въ 124 м. дол. въ 1850 г. достигъ въ 1880 г. $748^1/_2$ м. д.; число акровъ подъ пшеницею съ 13 м. въ 1863 г. достигло въ 1880 г. 32 милл. акровъ, что дало вмѣсто 173 м. буш. пшеницы сборъ въ 420 м. буш. Число акровъ подъ кукурузой за то же время возросло съ 15 мил. до 51 м. акр., или за 20-лѣтіе 1860—1880 гг.:

населеніе возросло на	58%
производство пшеницы на . .	154,%
вывозъ пшеницы на	4.111,8%
производство маиса на . . .	72,9%
вывозъ его на	2.917,3% и т. д.

Вывозъ пшеницы изъ Остъ-Индіи за время 1872—1880 гг. также возросъ на 1.609% и т. д.

Съ 1880 г., который преставляетъ высокую точку развитія сельскохозяйственнаго вывоза изъ С. Штатовъ, цѣнность его къ концу прошлаго дѣсятилѣтія вдвое понизилась противъ его начала, но за то же время значительно возросъ вывозъ изъ Остъ-Индіи, Австраліи, Канады, Египта, Южной Америки и Австро-Венгріи. Вывозъ одной только пшеницы изъ Британской Индіи возросъ съ 1.073.000 центнеровъ въ 1874—75г. до 22.264.000 цент. въ 1886—87 гг. (M. Wirth. Krisis in der Landwirthschaft.)

Таковы результаты развитія путей сообщенія для сельскохозяйственныхъ странъ, отдаленныхъ отъ Европы, для странъ *новой культуры*. Какъ должно было это обстоятельство отразиться на сельскомъ хозяйствѣ европейскихъ странъ, странъ

старой культуры, не трудно предвидѣть. Достаточно указать, что, по вычисленіямъ Неймана-Спалларта, въ 1852—59 гг. еще $73_{3}^{0}/_{0}$ потребности въ пшеницѣ покрывалось въ Великобританіи внутреннимъ производствомъ ея, въ 1860—67 гг. уже лишь $59,_{77}^{0}/_{0}$, въ 1868—75 гг. внутреннее производство пшеницы покрывало лишь $51,_{9}^{0}/_{0}$ потребности въ ней, въ 1876—78 гг. уже $42,_{6}^{0}/_{0}$, а въ началѣ 1880 г. уже до $^{3}/_{4}$ потребностей въ ней покрывалось ввозомъ. Въ 1891—94 гг. въ среднемъ потребленіе пшеницы составляло на голову населенія въ Великобританіи $6,_{2}$ бушеля; изъ этого лишь $1,_{6}$ буш. покрывалось собственнымъ урожаемъ. (Handwortenbuch. der Staatsw. Erster Supplementband.)

Такое быстрое сокращеніе потребленія пшеницы внутренняго производства, очевидно, могло быть лишь результатомъ сокращенія внутренняго производства, что и подтверждаютъ данныя англійской сельскохозяйственной статистики*). А такое быстрое сокращеніе производства опредѣленнаго продукта въ сельскомъ хозяйствѣ и характеризуется, какъ крутой переломъ въ немъ, представляющій то, что и именуется совершенно справедливо *кризисомъ*. Первое и неизбѣжное послѣдствіе его состоитъ въ томъ, что *цѣнность* земель падаетъ и представитель цѣннаго имѣнія превращается въ лицо, получающее очень небольшую ренту съ него, если еще приходится ее получать. Въ то же время это вызываетъ нарушеніе цѣлаго ряда денежныхъ обязательствъ со стороны землевладѣльцевъ и вынужденную продажу имѣній; затѣмъ уменьшеніе *аренды* земель и количественно и въ цѣнѣ ея, забрасываніе многихъ хозяйствъ и, наконецъ, ростъ задолженности имѣній, вызываемый необходимостью получить въ ссуду оборотный капиталъ на дальнѣйшее веденіе дѣла, такъ какъ упадокъ сбыта или обезцѣненіе продукта не даетъ получавшихся прежде средствъ.

Разумѣется, съ теченіемъ времени послѣдствія кризиса сглаживаются путемъ различнымъ мѣръ. И все то, что рекомендуется какъ средство для его поправленія, имѣетъ въ виду именно лишь смягченіе этого остраго состоянія дѣлъ. Обыкновенно указываютъ, съ одной стороны, на необходимость развитія внутреннихъ путей сообщенія и вообще средствъ, имѣющихъ цѣлью уменьшить издержки на доставку хлѣба на рынокъ. Несомнѣнно, это средство имѣетъ большое значеніе, такъ какъ, при равенствѣ прочихъ условій, въ лучшемъ положеніи стоитъ тотъ, кто ближе къ рынку, и въ этомъ смыслѣ законъ ренты, установленный Рикардо и Тюненомъ, сохраняетъ вполнѣ свою силу. Второй рядъ мѣръ относится къ производству, къ необходимости поставить его соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ, иначе говоря—распредѣлить его соотвѣтственно характеру почвы, климата и другимъ условіямъ,

*) Въ 1869 г. подъ посѣвомъ пшеницы находилось въ Великобританіи $3,_{7}$ милл. акровъ, въ 1879 г.—$2,_{9}$ м. акр , въ 1888 г.—$2,_{5}$ м. акр. и въ 1894 г.—$1,_{9}$ милл. акр. (Handwörterbuch. i. S. Erst. Supplem).

благопріятствующимъ производству опредѣленныхъ продуктовъ. Примѣненіе этого средства требуетъ уже сельскохозяйственныхъ знаній, ведетъ къ примѣненію раціональнаго земледѣлія,— словомъ, ставитъ его на прочный базисъ науки и вызываетъ распредѣленіе сельскохозяйственныхъ культуръ по странѣ и по странамъ міра соотвѣтственно условіямъ, наиболѣе благопріятствующимъ производству тѣхъ или другихъ продуктовъ.

Таковы первыя послѣдствія образованія всемірнаго хозяйства въ земледѣліи. Но ими не ограничиваются они, и указанныя мѣры, сами по себѣ необходимыя и существенныя, не ведутъ еще къ устраненію того положенія сельскаго хозяйства, которое въ настоящее время переживается почти повсюду и которое нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ кризисомъ, нельзя назвать и depression—угнетеннымъ состояніемъ, какъ его характеризуютъ англичане. Вѣрнѣе всего его опредѣлить какъ *неустойчивое состояніе* сельскаго хозяйства.

Состояніе это вытекаетъ изъ всего строя тѣхъ отношеній, которыя на основѣ стараго, прежняго способа веденія сельскаго хозяйства путемъ самостоятельной частной предпріимчивости, создали всемірное распредѣленіе его продуктовъ и выработали для нихъ одну цѣну, установляемую международнымъ рынкомъ. Это обстоятельство уже само по себѣ создаетъ совершено иное положеніе сравнительно съ прежнимъ. Какъ извѣстно, цѣны на сельскохозяйственные продукты колебались и ранѣе, и въ очень сильныхъ предѣлахъ. Неурожаи постигали также всѣ страны; и притомъ съ послѣдствіями болѣе тяжелыми, чѣмъ въ настоящее время, обильные урожаи также роняли цѣну продукта нерѣдко ниже стоимости его производства, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ хозяйства могли разсчитывать на подъемъ цѣнъ въ такое время года, когда запасы хлѣба истощались и цѣна на него росла. Въ настоящее время не можетъ быть разсчета на это.

Именно въ такомъ положеніи оказались въ началѣ 70-хъ годовъ германскіе хозяева, которые разсчитывали на подъемъ цѣнъ къ зимѣ, когда обыкновенно привоза хлѣба не бываетъ, какъ появившійся остъ-индійскій хлѣбъ нарушилъ всѣ ихъ разсчеты.

Въ настоящее же время такихъ разсчетовъ даже и не можетъ быть, ибо на международномъ рынкѣ нѣтъ такого мѣсяца въ теченіе года, когда бы не производилась жатва.

Въ самомъ дѣлѣ, въ январѣ производится жатва въ Австраліи, Новой Зеландіи, Чили и Аргентинѣ.

Въ февралѣ и мартѣ—въ Остъ-Индіи и верхнемъ Египтѣ.

Въ апрѣлѣ—на Кипрѣ, въ Сиріи, М. Азіи, Персіи, Индіи, Мексикѣ и Кубѣ.

Въ маѣ—въ Алжирѣ, Средн. Азіи, Средн. Китаѣ, Японіи, Техасѣ и Флоридѣ.

Въ іюнѣ—въ Турціи, Греціи, Италіи, Испаніи, Португаліи, южн. Франціи, Калифорніи, южн. и западн. штатахъ Сѣверн. Америки.

Въ іюлѣ—въ Дунайскихъ княжествахъ, Австро-Венгріи, южн.

Россіи, Германіи, Швейцаріи, Франціи, южн. Англіи. сѣверовост. штатахъ Сѣв. Америки и Канадѣ.

Въ августѣ—въ Бельгіи, Голландіи, Великобританіи, Даніи, Польшѣ, Сѣв. Россіи, нижней Канадѣ и Колумбіи.

Въ сентябрѣ и октябрѣ—въ Шотландіи, Швеціи и Норвегіи.

Въ ноябрѣ—въ Южной Америкѣ.

Въ декабрѣ—въ Бирмѣ.

Правда, не во всѣ эти мѣсяцы жатва приходится на страны, играющія крупную роль въ международной хлѣбной торговлѣ, но все же въ первой четверти года даютъ жатву Австралія, Остъ-Индія, Аргентина, занимающія уже теперь крупную роль въ международной торговлѣ, при чемъ доля участія ихъ постепенно растетъ и опредѣленіе предѣла этого участія еще преждевременно, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время потокъ европейскихъ переселенцевъ направляется въ Аргентину, вызывая въ ней усиленіе производства. Во второй четверти года жатву даютъ Алжиръ, Сѣв. Америка, въ третьей – Сѣв. Америка, Дунайскія княжества, Австрія и Россія. Придерживаясь господствующихъ среднихъ вычисленій сбора пшеницы въ главныхъ странахъ, получимъ, что

	Гектолитровъ.
въ 1-ю четверть года собитается	127 мил.
» 2-ю » » »	227 »
» 3-ю » » »	424 »

(В. И. Касперовъ. «Международный хлѣбный рынокъ»).

Такое распредѣленіе сбора пшеницы, конечно, какъ нельзя болѣе благопріятно для потребителей, приравнивая производство хлѣба къ фабричному: оно обезпечиваетъ возможность постояннаго полученія этого продукта, предупреждаетъ возможность голода и недостачи хлѣба, дѣлаетъ излишнимъ скопленіе большихъ запасовъ и затрату на это средствъ и, слѣдовательно, способствуетъ и этимъ путемъ пониженію цѣны продукта. Но на производителѣ все это отзывается иначе.

Конечно, еслибы мы представили себѣ, что одинъ производитель получилъ возможность не пріурочивать производства всего нужнаго хлѣба къ одному моменту времени, а можетъ производить его ежемѣсячно, постепенно въ теченіе года, то тогда бы всѣ трудности, сопряженныя теперь съ веденіемъ сельскаго хозяйства, сами собой уничтожились бы. Но вѣдь производитель-то этотъ является въ видѣ множества отдѣльныхъ сельскихъ хозяевъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ, различныхъ по національности, по размѣрамъ землевладѣнія и по цѣлому ряду другихъ обстоятельствъ, и только продуктъ ихъ заботъ или труда попадаетъ на одинъ и тотъ же международный рынокъ, который устанавливаетъ на него цѣну для даннаго момента, отражающуюся на цѣнѣ продукта и на спросѣ его также и на внутреннемъ рынкѣ. Какъ, наприм., и какая нормальная цѣна можетъ быть установлена для тѣхъ гектолитровъ пшеницы,

которые появляются въ первую четверть года, когда ожидается большое количество ея во вторую четверть и еще больше въ третью? Какъ, въ свою очередь, сообразоваться съ цѣною для этой 3-й четверти, когда уже начинаетъ поступать на рынокъ продуктъ слѣдующихъ мѣсяцевъ? Такъ, наприм., Австралія и Остъ-Индія, появившись не особенно давно на международномъ хлѣбномъ рынкѣ, сразу понизили цѣну хлѣба на ту часть ея, которая падала на сохраненіе его въ запасахъ, ибо ихъ урожай какъ разъ пришелся въ серединѣ европейской безхлѣбицы—въ январѣ, февралѣ и мартѣ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются низкія цѣны на хлѣбъ, наприм., въ Германіи въ періодъ 1879—81 гг., несмотря на то, что въ эти годы Германію постигли неурожаи.

Такимъ образомъ прежде, до существованія мірового рынка на хлѣбъ колебанія цѣнъ на него могли быть и болѣе значительны чѣмъ теперь, но они не отличались такой внезапностью и неправильностью и подъемъ цѣны и паденіе ея пріурочивались къ извѣстному, опредѣленному времени года, въ зависимости отъ момента жатвы и ея результатовъ; теперь же этотъ подъемъ и упадокъ можетъ происходить въ каждомъ мѣсяцѣ года, но въ какомъ именно мѣсяцѣ и что именно произойдетъ подъемъ или упадокъ — опредѣлить заранѣе нельзя, а тѣмъ самымъ затрудняется и рѣшеніе вопроса *когда* выгоднѣе сбыть хлѣбъ, такъ какъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ цѣна на него можетъ подняться, а можетъ и упасть. Для примѣра укажемъ на неурожайный 1897 г., когда цѣна на пшеницу, рожь и другіе хлѣба, поднявшись въ іюлѣ и августѣ, снова упала въ сентябрѣ; тоже было въ $189^1/_2$ гг., когда она, однако опять поднялась и достигла высокой точки въ январѣ, чтобы затѣмъ опять опуститься, хотя и съ колебаніями, несмотря на плохія ожиданія урожая какъ въ 1892 г., такъ и теперь въ 1898 г («Статистич. Ежегодникъ по Московской губ. за 1897 г. Цѣны»). Понятное дѣло какъ это все должно также благопріятствовать спекуляціи, вліяніе которой мы не разсматриваемъ, но которая также должна отзываться невыгодно на производителяхъ. Отмѣтимъ еще разъ, что такія же постоянныя и въ то же время не въ одномъ направленіи — колебанія цѣны продукта существуютъ и въ обрабатывающей промышленности, но тамъ существуетъ и возможность (правда, постепенно уменьшающаяся съ увеличеніемъ въ производствѣ капитала въ видѣ дорого стоющихъ машинъ и т. п.) постояннаго принаровленія производства къ требованіямъ рынка. Здѣсь же самой природой и оборотъ производства данъ годовой—время жатвы и посѣва нельзя придвинуть или отодвинуть и стало-быть нельзя ранѣе опредѣленнаго срока посѣвъ одного продукта замѣнить другимъ; наоборотъ—результатъ урожая опредѣлить заранѣе нельзя—онъ можетъ быть и выше и ниже, а это скажется и на цѣнѣ продукта и на отношеніи ея къ издержкамъ производства.

Итакъ, соотвѣтственно постоянному потребленію пшеницы

является постоянное же снабженіе ею. Такимъ образомъ, тѣ климатическія условія, которыя дѣлаютъ для человѣка немыслимымъ постоянный сборъ жатвы, пріурочиваютъ ее къ опредѣленному моменту года,—чѣмъ земледѣліе рѣзко отличается отъ фабричнаго производства—на международномъ рынкѣ побѣждаются, и хлѣбъ становится предметомъ такого же правильнаго снабженія, какъ и продукты фабричнаго производства. При этихъ условіяхъ беря, такъ сказать, отвлеченнаго потребителя, мы можемъ сказать, что для него не должно быть опасеній о плохомъ урожаѣ, о недостаткѣ хлѣба, о голодѣ. Въ одной странѣ, въ особенности при малыхъ размѣрахъ ея, можетъ быть повсемѣстный неурожай; во всѣхъ странахъ земного шара одновременный неурожай немыслимъ. При такихъ условіяхъ потребителю, являющемуся въ то же время и производителемъ, нѣтъ надобности заботиться о производствѣ именно хлѣба, если условія его мѣстности болѣе благопріятствуютъ производству чего-либо другого. Задача его будетъ заключаться въ томъ, чтобъ изучить эти мѣстныя условія, опредѣлить ихъ пригодность для производства тѣхъ или другихъ продуктовъ и построить свое производство соотвѣтственно этому.

Прежде производитель былъ поставленъ въ необходимость производить то или другое ради удовлетворенія собственныхъ потребностей. Если онъ и сознавалъ, что производство какого-либо другого продукта дастъ большой результатъ, то не производилъ этого продукта по невозможности сбыть его, обмѣнить на необходимое, и такимъ образомъ, находясь въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, долженъ былъ подчинить имъ свое хозяйство. Теперь же именно возможность сбыта и даже необходимость его, развязывая производителю руки въ одномъ отношеніи, ставятъ его въ такую зависимость отъ сбыта, что онъ, не имѣя возможности освободиться отъ нея, лишается въ то же время устойчивой почвы для опредѣленія того, въ какомъ направленіи вести свое хозяйство, на производство какихъ продуктовъ направить свои производительныя силы.

Существованіе мірового рынка и участіе, такимъ образомъ, всѣхъ странъ въ производствѣ всѣхъ нужныхъ для человѣчества продуктовъ создаютъ такое положеніе для производителя, при которомъ онъ можетъ обратиться къ производству продуктовъ, наиболѣе отвѣчающихъ условіямъ данной страны, не рискуя остаться безъ необходимыхъ для пропитанія продуктовъ. Но современныя условія, строй хозяйственныхъ отношеній въ каждой странѣ, не даютъ возможности осуществиться на практикѣ тому, въ чемъ состоитъ тенденція развитія всемірнаго хозяйства. Само собой разумѣется, что какъ будто выгоднѣе воздѣлывать тѣ хлѣба, культурѣ которыхъ способствуютъ мѣстныя условія: такое производство должно обойтись дешевле, и потому на рынкѣ побѣдить легче. Но такой продуктъ (теперь, наприм., пшеница) можетъ производиться одновременно во многихъ странахъ, и возможно его чрезмѣрное удешевленіе. Надо стало-быть

присматриваться къ тому, что происходитъ на рынкѣ и, сообразуясь съ нимъ, производить то, на что теперь можетъ быть спросъ, хотя бы это и представлялось не тѣмъ продуктомъ, котораго требуетъ раціональная постановка земледѣлія. Такимъ образомъ, если международный рынокъ, съ одной стороны, ведетъ къ возможности осуществленія раціональнаго земледѣлія, то, съ другой стороны, его же требованія, при данномъ строѣ экономическихъ отношеній внутри каждой страны, мѣшаютъ осуществленію такого земледѣлія, такъ какъ вызываютъ постоянное колебаніе цѣнъ въ такомъ направленіи (или вѣрнѣе сказать безъ всякаго направленія), что примѣниться къ этому направленію невозможно, а стало-быть нельзя и приспособить къ тому производство, которое все болѣе и болѣе ведется на сбытъ и слѣдовательно находится въ прямой зависимости отъ цѣнъ продукта.

Въ самомъ дѣлѣ, міровой рынокъ опредѣляетъ спросъ на продукты и цѣны на нихъ. Конечно, не все количество произведенныхъ продуктовъ поступаетъ на него, но отъ запроса мірового рынка зависитъ и то, какія отношенія предложенія и спроса, а также и цѣны на продукты установятся на внутреннемъ рынкѣ. Такимъ образомъ, міровой рынокъ является опредѣлителемъ того, что должно продаваться, въ какомъ количествѣ и по какой цѣнѣ будетъ производиться. Слѣдовательно, каждый производитель сельскохозяйственнаго продукта (я имѣю въ виду здѣсь только его) долженъ прислушиваться къ тому, что происходитъ на этомъ рынкѣ. Если цѣна на извѣстный продуктъ очень низка вслѣдствіе избытка въ производствѣ его, производитель правильно умозаключаетъ, что надо приступить къ производству другого продукта, цѣна котораго такова, что покрываетъ издержки производства и доставляетъ прибыль. И вотъ производитель, вооруженный знаніемъ, капиталомъ, достаточнымъ количествомъ земли, анализируя условія своего хозяйства, выбираетъ изъ продуктовъ, приносящихъ прибыль, тотъ, къ производству котораго наиболѣе приспособлены всѣ условія его хозяйства, и является торжествующимъ на міровой рынокъ: получается полная удача. Эта удача даетъ возможность расширить дѣло еще болѣе въ томъ же направленіи, что и дѣлается. *Результатъ* оказывается однако совершенно *обратный*. Дѣло въ томъ, что въ положеніи нашего производителя стоитъ, какъ въ той же, такъ и въ другихъ странахъ, масса другихъ производителей, которымъ ничто не мѣшаетъ умозаключать и поступать совершенно такъ же, на которыхъ можетъ быть повліялъ его же прошлогодній примѣръ; и вотъ они явились на рынокъ съ тѣмъ же продуктомъ и сбили на него цѣну.

Подобные примѣры не рѣдки. Такъ, когда стало невыгоднымъ производство пшеницы въ нашей центральной землѣдѣльческой полосѣ, перешли къ производству картофеля, но результатомъ такого перехода явилось его перепроизводство. На югѣ у насъ наблюдалось перепроизводство многихъ растеній. («Сельское Хозяйство и Лѣсоводство».)

Упадокъ цѣнъ и уменьшеніе доходности вызвали въ Сѣв.-Америк. Соедин. Штатахъ изслѣдованіе, и данныя, полученныя отъ 25.000 сельскихъ хозяевъ, показываютъ, что издержки не окупаются производствомъ. Это показываетъ слѣдующій приблизительный разсчетъ:

На 1 акръ земли подъ пшеницу затрачивается:

на поземельную ренту	2,81	доллара.
» удобреніе	2,16	»
» обработку почвы	1,87	»
» посѣвъ	0,96	»
» уборку и молотьбу	2,76	»
» храненіе	0,17	»
» расходы по продажѣ	0,76	»
Всего . .	11,49	доллара.
Выручка же отъ акра	11,13	доллара.

Слѣдовательно, не только не окупаются издержки производства, но еще недовыручается 36 центовъ. Вслѣдствіе этого площадь посѣва въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ сократилась съ 40 мил. акровъ до 34,6 мил. акровъ. Все это потому, что явилась возможность производить пшеницу съ меньшими издержками въ Аргентинѣ и Остъ-Индіи. Между тѣмъ подъ вліяніемъ американской конкуренціи цѣны въ Англіи падали слѣдующимъ образомъ:

1871—75 гг.	въ	Лондонѣ	цѣна	пшеницы	за	кварт.	54 ш.	8 пен.
76— 80 гг.	»	»	»	»	»	»	47 ш.	6 пен.
93 г.	»	»	»	»	»	»	26 ш.	4 пен.

Въ періодъ съ 91 по 93 г. цѣна пшеницы понизилась на 10 ш. 8 пенс., а въ 94 г. дошла даже до 18 ш.

Если каждый изъ производителей, лишь въ небольшой мѣрѣ, примется за производство того или другого прибыльнаго продукта, то скоро уже явится избытокъ снабженія рынка, а съ нимъ и упадокъ цѣны. Допустимъ, что въ томъ или другомъ случаѣ хозяева были не особенно дальновидны. Каждый изъ нихъ могъ предусмотрѣть, что разъ на извѣстный продуктъ цѣны стоятъ высокія, то, очевидно, многіе найдутъ для себя выгоднымъ производить его, и потому не слѣдуетъ безусловно разсчитывать на него. Такъ обыкновенно и поступаютъ, если даже не по разсчету, то въ силу необходимости, такъ какъ по условіямъ сельскаго хозяйства требуется существованіе плодосмѣна и, слѣдовательно, одновременное производство разныхъ продуктовъ; по этому разсчетъ ведется на производство нѣсколькихъ продуктовъ. Однако и здѣсь можетъ быть и обыкновенно бываетъ такъ, что является перепроизводство и упадокъ цѣны на продукты, сбытъ которыхъ годъ тому назадъ былъ выгоденъ, и наоборотъ, можетъ случиться, что тотъ хозяинъ, который, слѣдуя рутинѣ, продолжалъ производить то, что и

ранѣе производилъ, можетъ выгадать вслѣдствіе того, что наиболѣе предпріимчивые сосѣди обратились къ производству другихъ продуктовъ, тогда какъ въ первомъ оказался недостатокъ.

Съ перваго взгляда все только-что сказанное мной представляется невѣроятнымъ. такъ какъ при современномъ развитіи статистики можно имѣть точныя свѣдѣнія какъ о размѣрахъ посѣва тѣхъ или иныхъ растеній въ той или другой странѣ. такъ и сбора ихъ. Но дѣло въ томъ, что свѣдѣнія эти получаются обыкновенно и могутъ быть получены лишь послѣ того, какъ посѣвы произведены. Впрочемъ, если бы даже имѣлись предварительно свѣдѣнія о размѣрахъ посѣва, то они еще не даютъ полнаго основанія для разсчетовъ, такъ какъ нельзя напередъ предусмотрѣть сборъ жатвы, а слѣдовательно и размѣръ предложенія того или другого продукта. Нельзя также предусмотрѣть стоимость уборки, которая находится въ зависимости не только отъ состоянія погоды, а слѣдовательно, отъ той поспѣшности, съ которой уборка должна быть произведена, но и отъ спроса на трудъ въ другихъ отрасляхъ производства.

Дѣло въ томъ, что каждый хозяинъ ведетъ разсчетъ отдѣльно, соображаясь съ условіями своего индивидуальнаго хозяйства, и не имѣетъ возможности войти въ разсчеты даже своего сосѣда, не говоря уже о разсчетахъ хозяина иной части свѣта; онъ поставленъ въ этомъ отношеніи въ совершенно такія же условія, какъ и въ томъ случаѣ, если бы неожиданно для него сосѣдъ изобрѣлъ и примѣнилъ какое-либо усовершенствованіе, понизившее вдвое стоимость уборки, вслѣдствіе чего поставилъ бы и его въ необходимость продать продукты своего производства по этой пониженной стоимости. Между тѣмъ при такой индивидуализаціи производства и всѣхъ разсчетовъ его, которая вполнѣ отвѣчала условіямъ того времени, когда каждый стремился произвести въ своемъ хозяйствѣ все необходимое только для себя,—въ настоящее время міровой рынокъ создаетъ иное распредѣленіе продукта. На міровомъ рынкѣ подводится итогъ всему производству и опредѣляется потребность въ тѣхъ или иныхъ продуктахъ и цѣна ихъ. Общественный характеръ сбыта продуктовъ и частный способъ производства ихъ стоятъ въ коренномъ противорѣчіи между собою. Это ведетъ къ тому, что то, что первоначально проявлялось какъ кризисъ, отъ времени до времени. впослѣдствіи съ большимъ развитіемъ общественнаго характера сбыта продуктовъ, но при сохраненіи индивидуальнаго строя всего хозяйства, распространяетъ это противорѣчіе на все большее и большее число хозяйствъ и, обостряя его, создаетъ для сельскихъ хозяевъ уже *постоянное колебаніе* производства и сбыта.

Необходимо имѣть въ виду, что такая неустойчивость, существующая какъ уже нѣчто постоянное для странъ старой культуры, мало-по-малу переходитъ и на другія страны по мѣрѣ того, какъ все новыя и новыя земли поступаютъ подъ обработку. «Цѣна зерна, произведеннаго на *лучшей* почвѣ (т.-е.

обошедшагося дешевле), можетъ оказаться регулирующей, такъ какъ отъ *количества* произведеннаго на ней продукта зависитъ то, насколько остается регулирующей земля худшаго плодородія.... Въ этомъ смыслѣ цѣны американскихъ зерновыхъ продуктовъ регулируютъ англійскія» («Капиталъ» т. III, стр. 543). Между тѣмъ подъ обработку, какъ извѣстно, захватываются все новыя и новыя земли, еще нетрогавшіяся плугомъ, и старыя, хотя и въ новой странѣ, начинаютъ уступать имъ, ибо новыя-то земли почти не требуютъ издержекъ на воздѣлываніе; «объ этомъ позабитилась сама природа.... Къ тому же рѣшающимъ моментомъ при этомъ оказывается не качество, а количество земли» (тамъ же, стр. 553—554). «Океанскіе пароходы и сѣверо-южно-американскія и индійскія желѣзныя дороги поставили совершенно особенныя земли въ такое положеніе, что онѣ получили возможность конкурировать на европейскихъ хлѣбныхъ рынкахъ. Съ одной стороны это сѣверо-американскія преріи, аргентинскіе пампасы, степи, самою природою предназначенныя для запашки,—цѣлина, которая много лѣтъ даетъ обильные урожаи даже при первобытной обработкѣ и безъ удобренія. Затѣмъ это были земли русскихъ и индійскихъ общинъ, которыя принуждены были продавать часть своего продукта, именно часть постоянно возрастающую, для того, чтобы пріобрѣсти деньги на уплату податей. Продукты эти продаются по цѣнамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ стоимости производства,—по цѣнамъ, которыя даютъ торговцы, такъ какъ крестьянину ко времени платежа податей деньги нужны безусловно. И противъ такой конкуренціи.... европейскій арендаторъ и крестьянинъ при прежнихъ размѣрахъ рентъ оказался безсиленъ. Часть земель въ европейскихъ странахъ совершенно перестала воздѣлываться подъ зерновые продукты, рента повсюду понизилась *)... Понижающіяся цѣны и понижающаяся производительность дополнительныхъ затратъ капитала стала въ Европѣ явленіемъ обычнымъ, а отсюда вопли аграріевъ, раздающіеся отъ Шотландіи до Италіи и отъ южной Франціи до восточной Пруссіи. Еще далеко не всѣ степныя земли находятся подъ запашкой; ихъ имѣется еще достаточно для того, чтобы разворить все крупное европейское землевладѣніе, да въ добавокъ и мелкое» (тамъ же, стр. 597—598).

Таковы тѣ общія условія, которыя создаетъ міровой рынокъ и съ которыми приходится считаться современному сельскому хозяину. Ориентироваться среди нихъ и справиться съ ними было бы, можетъ быть, не такъ затруднительно, еслибъ эти условія, разъ данныя, оставались постоянными, или измѣнялись бы въ одномъ и томъ же опредѣленномъ направленіи. Тогда бы могла быть рѣчь о возможности приспособиться къ этимъ усло-

*) Подробное изображеніе этихъ явленій въ Англіи на основаніи множества статистическихъ данныхъ находится въ гл. I моей книги „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“.

віямъ путемъ измѣненія системы хозяйства соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ транспорта и, слѣдовательно, соотвѣтственно установленной этими условіями близости или отдаленности той или другой страны отъ опредѣленнаго рынка, соотвѣтственно установившейся стоимости провоза и т. д. Но дѣло въ томъ, что современное мировое хозяйство представляетъ собою зрѣлище постоянныхъ перемѣнъ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ: измѣняются мѣста спроса, мѣста предложенія въ связи какъ съ условіями измѣненія транспорта, такъ и со многими другими, зависящими уже отъ внутреннихъ условій каждой данной страны. Въ 1891 г. Россію, какъ извѣстно, постигъ огромный неурожай, вызвавшій голодъ. Цѣны на хлѣбъ поднялись до невѣроятной высоты. Это обстоятельство служило, повидимому, указаніемъ, что Россія, вывозящая обыкновенно хлѣбъ, не стоитъ однако въ такихъ условіяхъ, чтобъ ей самой не грозилъ недостатокъ въ хлѣбѣ, а потому расширеніе производства его казалось естественнымъ при такихъ условіяхъ. Въ результатѣ получилось, что въ 1894 году, при урожаѣ, не представлявшемъ ничего выдающагося по своей высотѣ, при не особенно высокомъ урожаѣ въ Европѣ и Америкѣ, что должно было вызвать большой спросъ на хлѣбъ,—цѣна его упала до 20 коп. за пудъ ржи, такъ что многіе хозяева предпочли скармливаніе посѣвовъ скоту, или вовсе не снимали ихъ, ибо стоимость уборки не покрывалась упомянутою цѣной, такъ что выгоднѣе представлялось потерять стоимость обработки и посѣва, чѣмъ присоединять сюда стоимость уборки. Такимъ образомъ, явилось перепроизводство хлѣба. Но это не единственная причина, вызвавшая такое паденіе цѣнъ на хлѣбъ. Къ этому присоединяется упадокъ спроса на него въ предшествовавшемъ году, явившійся результатомъ того, что исключеніе Россіи изъ мірового рынка въ 1891 г. повело за собой для странъ, ввозившихъ до сихъ поръ хлѣбъ изъ Россіи, отысканіе новыхъ рынковъ, сдѣлавшихъ русскій рынокъ уже не столь существеннымъ. Въ самой Россіи 1891 г. повелъ къ созданію новыхъ рынковъ для внутренняго потребленія и, слѣдовательно, понизилъ роль прежнихъ, а въ то же время и слѣдующій за 1891-мъ годъ заставилъ расширить запашки въ ожиданіи большаго спроса, вслѣдствіе истощенія запасовъ предшествующаго года; но такъ какъ такого спроса не послѣдовало, то накопленіе запасовъ и вызвало пониженіе цѣнъ въ слѣдующемъ году.

Отсюда, между прочимъ, мы видимъ, что сельскому хозяину приходится считаться и съ условіями внутренняго рынка, снабженіе котораго зависитъ отъ условій, въ которыя поставлено производство внутри страны. Слѣдовательно какъ внѣшній, такъ и внутренній рынокъ путемъ колебанія цѣнъ, которое ни предусмотрѣть, ни предотвратить нельзя, повергаютъ сельское хозяйство въ постоянное неустойчивое положеніе и мѣшаютъ распредѣленію культуръ сообразно наибольшему соотвѣтствію ихъ естественнымъ условіямъ; такимъ образомъ тенденція къ тако-

му распредѣленію, о которой говорено выше какъ въ этомъ очеркѣ, такъ и въ предшествующемъ (стр. 39) и которая можетъ проявляться при условіяхъ, создаваемыхъ именно всемірностью рынка, въ дѣйствительности не осуществляется по условіямъ, въ которыя ставятся производители тѣмъ же рынкомъ. «Зависимость культуры тѣхъ или другихъ продуктовъ земледѣлія отъ колебаній рыночныхъ цѣнъ, и постоянное измѣненіе этихъ культуръ сопровождающее такія колебанія цѣнъ, составляющее всю сущность капиталистическаго производства, имѣющаго ближайшею непосредственною цѣлью денежную выгоду,—находится въ противорѣчіи съ земледѣліемъ, которое имѣетъ въ виду управленіе совокупностью всѣхъ постоянныхъ условій существованія тѣсно между собою связанныхъ человѣческихъ поколѣній. Поразительный примѣръ этого представляетъ лѣсное хозяйство, которое иногда ведется до нѣкоторой степени сообразно общественнымъ интересамъ, если составляетъ не частную собственность, а подчинено государственному управленію» («Капит.» III; 509).

Все сказанное до сихъ поръ установляетъ лишь общее направленіе, въ которомъ дѣйствуетъ международный рынокъ и вліяетъ на производство страны вообще и на сельскохозяйственное въ частности. Но сельское хозяйство не есть что-либо однороднее. Я только что говорилъ о противоположенности общественнаго характера сбыта и индивидуальнаго характера производства, и это основано на томъ, что даетъ намъ дѣйствительность, въ которой имѣются отдѣльныя индивидуальныя хозяйства. А въ такомъ случаѣ неизбѣженъ вопросъ: проявляется ли эта тенденція въ воздѣйствіи международнаго рынка, ведущая къ постояннымъ перемѣнамъ и отсутствію устойчивости въ положеніи отдѣльнаго хозяйства, на всѣхъ хозяйствахъ въ одинаковой мѣрѣ, въ чемъ заключается различіе этого воздѣйствія и чѣмъ это различіе обусловливается?

Мы все время исходили изъ положенія, что вліяніе международнаго рынка опредѣляется тѣмъ, что это—рынокъ, т.-е. мѣсто сбыта товаровъ, и, слѣдовательно, тѣмъ, какъ именно отражается сбытъ на производствѣ. Отсюда само собой слѣдуетъ заключеніе, что вліяніе его должно отражаться прямо и непосредственно на тѣхъ хозяйствахъ, которыя работаютъ только на сбытъ, а затѣмъ, если и должно отражаться на другихъ, то лишь косвенно. Но какія хозяйства поставлены въ исключительную зависимость отъ сбыта, т.-е. вынуждены работать почти исключительно на сбытъ? Здѣсь въ противоположенность обработывающей промышленности, гдѣ какъ крупныя, такъ и мелкія хозяйственныя единицы работаютъ на сбытъ, хотя и не стоятъ въ одинаковыхъ условіяхъ по отношенію къ нему, приходится различать такія, которыя работаютъ всецѣло на сбытъ, и такія, которыя лишь частію имѣютъ его въ виду. Первыя—это, разумѣется, крупныя хозяйства. Даже во времена крѣпостного права, когда въ такихъ хозяйствахъ производились не только сы-

рые продукты, но были и свои мастера, хозяйства эти не могли существовать безъ отчужденія на сторону извѣстной доли своихъ продуктовъ съ цѣлью пріобрѣсти то, что не производилось внутри хозяйства. Съ отмѣной крѣпостного права (я говорю о Россіи) положеніе такихъ хозяйствъ измѣнилось въ томъ направленіи, что они поставлены были въ необходимость производить бо́льшую часть продуктовъ своего хозяйства для сбыта, какъ потому, что лишились дворовыхъ людей, бывшихъ различнаго рода мастерами, такъ и потому, что отчуждать продукты своего хозяйства нужно было уже не только для пріобрѣтенія предметовъ, не производившихся въ своемъ хозяйствѣ, но и для найма рабочихъ. Правда, они получили оборотныя средства въ формѣ выкупныхъ свидѣтельствъ или оброка временно-обязанныхъ крестьянъ, но допустимъ, что эти средства были затрачены на пріобрѣтеніе инвентаря, такъ какъ въ большинствѣ хозяйствъ до тѣхъ поръ обработка производилась барщиннымъ путемъ, т.-е. инвентаремъ крестьянъ, и теперь надо было пріобрѣсти его. А въ такомъ случаѣ нужны были оборотныя средства. Такъ или иначе, но въ концѣ концовъ всѣ некрестьянскія хозяйства поставлены въ необходимость считаться съ условіями сбыта и, слѣдовательно, ходъ ихъ производства, его направленіе, находится въ прямой зависимости отъ рынка и диктуемыхъ имъ предписаній, сила которыхъ состоитъ въ томъ, что каждый не исполнившій такого предписанія подлежитъ неминуемой отвѣтственности, а между тѣмъ предписаніе это приходитъ внезапно, не оставляя почти времени на приготовленіе для исполненія его.

Но величина хозяйства, часто совпадающая съ размѣрами землевладѣнія, не дающая возможности производить предметы лишь для своего потребленія, а обязывающая вести производство для сбыта, создаетъ и другія условія, затрудняющія возможность приспособленія къ требованіямъ рынка. Крупное хозяйство требуетъ значительнаго инвентаря, крупныхъ оборотныхъ средствъ, и всякая перемѣна въ строѣ его, вызываемая недостаткомъ сбыта или сбытомъ по цѣнѣ, не покрывающей издержекъ производства, не даетъ средствъ на переходъ къ новой системѣ хозяйства и къ посѣву новыхъ растеній. Слѣдовательно, если нѣтъ запасныхъ оборотныхъ средствъ, нуженъ кредитъ, и притомъ достаточно льготный и долгосрочный, чтобы изъ произведенныхъ за счетъ его затратъ выручить необходимую въ данномъ году уплату процентовъ и погашенія. Но, съ одной стороны, крупные сельскіе хозяева и ранѣе были уже обременены долгами, а съ другой—при показанныхъ выше условіяхъ рынокъ не всегда оправдываетъ произведенныя затраты, да и не всякій хозяинъ рѣшится на нихъ именно въ виду тѣхъ неожиданныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть продиктованы рынкомъ: можетъ случиться, что произведенныя затраты не будутъ возмѣщены, и тогда задолжавшій хозяинъ попадаетъ въ еще худшее положеніе.

Но и на этомъ не кончается та сложность условій, которыя дѣлаютъ для крупнаго хозяина вопросомъ жизни и смерти то или иное, подчасъ ничтожное колебаніе рыночныхъ отношеній. Крупный хозяинъ имѣетъ землю; сдача этой земли въ наемъ можетъ давать ему тѣ оборотныя средства, о необходимости которыхъ я говорилъ выше; а такъ какъ арендная цѣна этой земли находится также въ зависимости отъ условій сбыта и также не избѣгаетъ вліянія колебаній рыночныхъ отношеній, то даже и такой хозяинъ, который не имѣлъ надобности въ кредитѣ для полученія оборотныхъ средствъ, не можетъ быть обезпеченъ въ притокѣ къ нему оборотныхъ средствъ въ опредѣленномъ количествѣ, тѣмъ болѣе, что условія сбыта не только вліяютъ на величину арендныхъ цѣнъ, но и на количество сдаваемыхъ въ аренду земель, на составъ ихъ и, наконецъ, вслѣдствіе вліянія того же рынка на арендаторовъ, на исправность уплатъ съ ихъ стороны. Конечно, въ обезпеченіе этихъ уплатъ земледѣльцу могутъ быть предоставлены продукты этихъ земель, но вѣдь они то именно и не имѣютъ въ такое время выгоднаго сбыта, а потому и не могутъ быть превращены въ оборотный капиталъ.

Но если даже такого тяжелаго положенія не случится, то крупному хозяину приходится еще постоянно считаться съ однимъ условіемъ: *ему надо имѣть рабочія руки*. И въ этомъ отношеніи положеніе его совершенно иное, нежели положеніе предпринимателей фабричнаго производства. Эта разница въ положеніи зависитъ отъ такихъ условій, устраненіе которыхъ также не въ его силахъ. Сельскія работы, какъ извѣстно, не могутъ производиться въ теченіе всего года. У насъ въ Россіи наприм., какъ это уже отмѣчено въ предыдущемъ очеркѣ, число дней съ температурой свыше 6^0 тепла, т.-е. такихъ, когда возможенъ ростъ злаковъ, составляетъ по мѣстностямъ отъ 125—330 дней въ теченіе года, причемъ послѣднее число дней падаетъ лишь на Баку, Ялту и Поти; для всѣхъ остальныхъ мѣстностей Россіи оно поднимается не выше 225 дней (для Московской губ. лишь 165 дней, т.-е. менѣе полугода). Число же дней съ температурой выше 0^0, т.-е. когда возможны полевыя работы обнимаетъ лишь для отмѣченныхъ уже 3-хъ пунктовъ полный годъ; для остальныхъ же мѣстностей оно колеблется отъ 185—285 дней въ теченіе года (для Московской губер. 220 дней, т.-е. менѣе $^2/_3$ года). Этими условіями сельскій хозяинъ поставленъ въ такое положеніе, что за исключеніемъ нѣкоторой части рабочихъ, нужныхъ для ухода за скотомъ и потому необходимыхъ въ теченіе всего года, онъ долженъ остальныхъ рабочихъ имѣть лишь на лѣтнее время, при чемъ въ теченіе этого послѣдняго онъ также не всегда имѣетъ надобность въ одномъ и томъ же количествѣ рабочихъ рукъ. А это создаетъ такое положеніе, что или онъ долженъ имѣть ихъ постоянно болѣе, чѣмъ нужно въ извѣстные періоды лѣта, или рискуетъ не имѣть ихъ, сколько нужно, или по выгодной цѣнѣ въ та-

кой моментъ, когда каждый часъ работы дорогъ, а такіе моменты всегда неизбѣжны въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ работы не могутъ быть распредѣлены разномѣрно не только въ теченіе года, но даже и лѣтняго времени.

Все это создаетъ постоянную необезпеченность рабочими не только въ смыслѣ количества, но и качества ихъ Если нельзя имѣть постоянныхъ рабочихъ, а только временныхъ, то это обусловливаетъ слишкомъ мѣняющійся составъ рабочихъ, что болѣе невыгодно въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ производствѣ, такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ очень многое зависитъ отъ знакомства рабочихъ съ мѣстными условіями: рабочій въ сельскомъ хозяйствѣ всегда играетъ въ производствѣ болѣе самостоятельную роль, чѣмъ на фабрикѣ при машинахъ.

Кромѣ того, та необезпеченность въ занятіяхъ, которая создается, въ свою очередь, для рабочаго тѣмъ, что онъ не можетъ имѣть въ сельскомъ хозяйствѣ постояннаго заработка, въ связи съ наименьшей оплатой труда въ земледѣліи, ведетъ къ тому, что изъ послѣдняго отливаютъ лучшія рабочія силы и въ то же время число земледѣльческихъ рабочихъ убываетъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ то допускаютъ потребности земледѣлія. Сельскому хозяину, такимъ образомъ, въ строѣ своего хозяйства приходится считаться не только съ условіями рынка, но и съ возможностью имѣть необходимое количество соотвѣтствующихъ рабочихъ силъ, а это затрудняетъ и безъ того не легкіе счеты съ состояніемъ рынка. Между тѣмъ положеніе повсюду таково. Укажу для примѣра на Швецію, экономическія условія которой по сравненію съ другими государствами Европы наиболѣе приближаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ нашимъ. Послѣ аграрныхъ реформъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1807 г. и поведшихъ за собой переходъ къ болѣе интенсивному земледѣлію, число сельскихъ рабочихъ росло до 1850 г.: составляя въ 1810 г.— 290 тыс., не считая поденщиковъ, оно достигло въ 1850 г. уже 458 т. Съ тѣхъ поръ оно пошло на убыль и въ 1860 г. выражалось уже въ числѣ 407 т., въ 1870 г.—374 т., 1880 г.— 355 т. и по переписи 1890 г еще менѣе, хотя точно цифра ихъ еще не опредѣлена. Проф. Фальбекъ, изъ реферата котораго я заимствую эти свѣдѣнія, говоритъ по поводу этого, что *короткое лѣто и длинная зима дѣлаютъ* въ Швеціи болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, *земледѣліе сезоннымъ производствомъ*, при чемъ, со времени перехода къ раціональному хозяйству съ большими затратами капитала и примѣненіемъ машинъ, этотъ харкатеръ земледѣлія выступаетъ еще сильнѣе, *слѣдствіемъ чего является сокращеніе постоянныхъ рабочихъ и замѣна ихъ поденщиками.* И теперь уже въ Швеціи существуетъ для хозяевъ вопросъ о рабочихъ въ формѣ жалобъ на недостатокъ соотвѣтствующихъ рабочихъ силъ.

Всѣ эти условія дѣлаютъ существованіе кризиса наиболѣе чувствительнымъ для крупныхъ сельскихъ хозяйствъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что вліяніе международнаго рынка ограничивается крупнымъ землевладѣніемъ и крупными хозяйствами. Всѣ указанныя условія существуютъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, и по отношенію къ мелкимъ хозяйствамъ. Разница, однако, получается здѣсь весьма существенная. Такъ, вопроса о рабочихъ для мелкихъ хозяйствъ почти не существуетъ, т.-е. 1) онъ существуетъ далеко не для всѣхъ такихъ хозяйствъ и 2) даже и для тѣхъ, для которыхъ существуетъ далеко не въ такой мѣрѣ, такъ какъ въ каждомъ такомъ хозяйствѣ есть свои рабочія силы, на которыхъ основано такое хозяйство и сообразно которымъ складывается и величина его и размѣръ землепользованія. Въ особенности это справедливо по отношенію къ такой формѣ землевладѣнія, при которой земля распредѣляется по рабочимъ силамъ семьи, т.-е. при общиной. Но въ силу тѣхъ же обстоятельствъ при этой формѣ землевладѣнія въ меньшей мѣрѣ существуетъ и другое условіе—необходимость производить исключительно на сбытъ. Независимо отъ этого мелкое хозяйство, разсчитанное на рабочія силы, положенныя въ основу его, допускаетъ извѣстное расширеніе и увеличеніе приложенія рабочихъ силъ внѣ притока ихъ извнѣ; допускаетъ даже возможность съ тѣмъ же инвентаремъ, т.-е. безъ увеличенія этой части капитала, расширить производство до извѣстныхъ предѣловъ и, слѣдовательно, легче справиться съ тѣми перемѣнами, которыя вызываются требованіями рынка.

Изъ всего этого, однако, не слѣдуетъ, что при господствѣ рыночныхъ отношеній и при развитіи международнаго рынка мелкія хозяйства не втягиваются въ сферу его вліянія. Съ одной стороны, вызываемое имъ усиленіе спроса на извѣстные продукты и подъемъ цѣнъ на нихъ порождаютъ естественное стремленіе усилить производство ихъ въ такомъ хозяйствѣ, которое не является исключительно натуральнымъ и уже затронуто товарнымъ обращеніемъ. А это послѣднее примѣнимо въ настоящее время ко всѣмъ хозяйствамъ, не исключая и находящихся въ самыхъ малоизвѣстныхъ частяхъ Африки. Необходимость сбыта для каждаго хозяйства обусловливается уже тѣмъ, что при раздѣленіи труда ни одно хозяйство не въ состояніи внутри себя производить всѣ роды предметовъ потребленія и, слѣдовательно, что-либо да должно производить для сбыта. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ раздѣленія труда такое положеніе становится все болѣе необходимымъ и вызываетъ въ каждомъ хозяйствѣ все болѣе и болѣе глубокое раздѣленіе труда. Слѣдствіемъ этого является то, что все меньшая и меньшая часть продуктовъ, снимаемыхъ съ своего поля, подвергается переработкѣ въ своемъ хозяйствѣ, соотвѣтственно съ чѣмъ сокращается посѣвъ такого рода продуктовъ, которые подвергаются этой переработкѣ, наприм., льна, въ мѣстностяхъ, гдѣ прежде существовала выработка домашняго холста, сокращеніе овцеводства тамъ, гдѣ существовала выработка домашняго сукна. Сокращеніе же обработки льна, наприм., вызываетъ необходи-

мость занять площадь изъ-подъ него какимъ-либо другимъ растеніемъ, сбытъ котораго можетъ возмѣстить тотъ расходъ, который нуженъ на пріобрѣтеніе изготовлявшагося прежде дома холста. Хорошо еще, если при этомъ освобожденное отъ выработки холста время можетъ быть экономически производительно примѣнено къ чему-либо; въ противномъ случаѣ убытокъ, получаемый вслѣдствіе невозможности приложенія къ чему-либо труда во время зимы, долженъ быть также покрытъ усиленіемъ сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства, а въ такомъ случаѣ упадокъ цѣны на эти продукты, не позволяющій выручить за нихъ то, что необходимо для поддержанія и дальнѣйшаго веденія хозяйства, можетъ вести къ полнѣйшему разоренію.

Тѣмъ не менѣе, насколько въ этомъ случаѣ благопріятнѣе условія мелкаго замлевладѣнія и хозяйства *), свидѣтельствуетъ, напримѣръ, сообщеніе сельско-хозяйственнаго общества рейнскихъ провинцій («Socialpolitisches Centralblatt». 1894.), заявляющее, что продолжать земледѣліе при теперешнихъ цѣнахъ можетъ только мелкій крестьянинъ, имѣющій достаточно рабочихъ силъ въ своей семьѣ. Конечно, работа такого крестьянина, если несчитать даже, чтобы получалась рента, оплачивается хуже, нежели фабричнаго рабочаго, что ясно изъ того, что образъ жизни горнозаводскихъ и фабричныхъ рабочихъ, не имѣющихъ никакого владѣнія, все же лучше, нежели такихъ мелкихъ крестьянъ. Только когда такой крестьянинъ при избыткѣ рабочихъ силъ имѣетъ еще внѣземледѣльческій заработокъ, его образъ жизни начинаетъ приближаться къ образу жизни фабричнаго рабочаго.

Уже изъ этого можно видѣть, что и мелкое хозяйство не при всѣхъ условіяхъ стоитъ въ болѣе благопріятномъ положеніи относительно вліянія на него тѣхъ колебаній, которыя создаются условіями всемірнаго хозяйства. При этомъ не трудно замѣтить, что если въ крупномъ хозяйствѣ неблагопріятное

*) Многочисленныя данныя въ подтвержденіе этого заключаются въ англійскихъ синихъ книгахъ, представляющихъ результаты изслѣдованія причинъ сельскохозяйственнаго кризиса въ Англіи за послѣдніе годы. Данныя эти, между прочимъ, весьма обстоятельно использованы въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщавшихся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ подъ заглавіемъ: Паденіе цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства въ Англіи“. Авторъ этихъ статей г. А. М. на основаніи изученія указаннаго матеріала приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Кризисъ, переживаемый въ настоящее время англійскимъ сельскимъ хозяйствомъ, показываетъ, что это явленіе, замѣчаемое и въ другихъ европейскихъ государствахъ, въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи, непосредственно связано съ условіями мирового рынка. 2) Затрудненія, къ которымъ приводитъ этотъ кризисъ, не могутъ быть устранены и повтореніе ихъ не можетъ быть предупреждено при существующей въ Англіи организаціи народнаго хозяйства вообще и сельскаго въ частности, разсчитаннаго на производство для рынка. 3) Опытъ Англіи показываетъ, что для борьбы съ подобными кризисами, какъ нынѣшній, мелкое хозяйство оказывется болѣе способнымъ, чѣмъ крупное. 4) Спеціальныя государственныя мѣры, не устраняющія зависимости сельскаго хозяина отъ рынка, могутъ явиться только паллативами, изъ которыхъ заслуживаетъ особаго вниманія регламентація арендныхъ отношеній“. („Русск. Вѣд.“ 1894 № 313.)

условіе состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что, при невозможности занять нужныя лѣтомъ рабочія силы въ теченіе всего года, послѣднія уплываютъ отъ него, то и въ мелкомъ значеніе этого обстоятельства проявляется съ неменьшею силой, но *въ другой формѣ*, а именно—при невозможности занять рабочія силы въ теченіе всего года создается рискъ, что силы эти зимой останутся праздными, отъ чего и мелкое сельское хозяйство становится въ не менѣе рискованное положеніе. Слѣдовательно, если выше пришлось отмѣтить несоотвѣтствіе общественнаго характера сбыта индивидуальному строю хозяйства, то здѣсь приходится отмѣтить и другое несоотвѣтствіе существующей экономической организаціи хозяйства тѣмъ отношеніямъ, которыя вырабатываются складывающейся организаціей всемірнаго хозяйства.

Отсюда слѣдуетъ, что если положеніе дѣлъ, создающееся отношеніями всемірнаго хозяйства, держитъ крупныя сельскохозяйственныя предпріятія въ постоянно колеблющемся и непрочномъ положеніи, то и мелкія далеко не являются неуязвимыми, и при томъ въ весьма сильной степени и во многихъ отношеніяхъ.

Вотъ тѣ элементы каждаго хозяйства, которые стоятъ въ такомъ соотношеніи со всемірнымъ, что послѣднее вліяетъ на отдѣльное хозяйство при посредствѣ каждаго изъ нихъ. Но элементы эти въ каждомъ хозяйствѣ играютъ не одинаковую роль, въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій: отъ системы хозяйства, отъ того, является ли оно экстенсивнымъ или интенсивнымъ, въ какомъ взаимномъ отношеніи стоятъ въ каждомъ изъ нихъ затраты труда и капитала, насколько устойчиво доставляетъ хозяйство тѣ продукты, для производства которыхъ оно существуетъ, что въ свою очередь зависитъ отъ многихъ условій.

Такимъ образомъ, вліяніе всемірнаго хозяйства на каждое индивидуальное сельскохозяйственное предпріятіе различно по формѣ и характеру его, въ зависимости отъ особыхъ условій индивидуальнаго хозяйства. Здѣсь имѣетъ значеніе и величина землевладѣнія, и форма его, и способъ пользованія землей (аренда), и величина хозяйства, и система земледѣлія, ходъ хозяйства, отношеніе въ немъ рабочихъ силъ, капитала и цѣлый рядъ другихъ условій. Все это и составляетъ тѣ явленія и отношенія, ознакомленіе съ которыми и входитъ въ прямую задачу экономіи сельскаго хозяйства.

IV. Землевладѣніе.

1. Значеніе размѣровъ землевладѣнія.

Земля, какъ я уже раньше упоминалъ, представляетъ собой въ сельскомъ хозяйствѣ, съ одной стороны, сырой матеріалъ,

поскольку изъ нея извлекаются питательные элементы, входящіе въ составъ производимаго продукта, съ другой стороны— она является и орудіемъ производства, переработывая въ свою очередь тотъ сырой матеріалъ, который попадаетъ въ нее, наприм., въ видѣ сѣмянъ. Въ этомъ случаѣ мы можемъ сравнить ее съ ретортой при химическихъ процессахъ. При этой двоякой роли земли понятно, насколько крупное значеніе должно имѣть не только по отношенію къ сельскому хозяйству, но и ко всему экономическому строю распредѣленіе земли между населеніемъ: какая часть послѣдняго владѣетъ землей и, слѣдовательно, можетъ непосредственно пользоваться ею въ отмѣченныхъ свойствахъ, имѣющихъ народохозяйственное значеніе, какъ распредѣлено это пользованіе, въ какой формѣ производится оно и т. д. Для выясненія всего этого и надо разсмотрѣть условія землевладѣнія, которыя, однако, какъ и все въ экономической области, развились исторически. Я не буду, однако, касаться здѣсь исторіи землевладѣнія и образованія современныхъ формъ его. Укажу лишь, что на первоначальныхъ ступеняхъ человѣческаго быта земля не являлась объектомъ частной собственности, что стояло въ связи со всѣми условіями того времени. При переходѣ къ земледѣлію, земля въ зависимости, между прочимъ, отъ затруднительности и непосильности обработки ея для отдѣльнаго лица оставалась предметомъ общаго и общиннаго владѣнія. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій и различной группировки общественныхъ силъ, образовались различные виды землевладѣнія. Не входя въ дальнѣйшія разъясненія того, какъ образовалось обладаніе землей отдѣльными лицами, замѣчу лишь, что въ настоящее время мы наблюдаемъ землю во владѣніи государства — *государственныя* земли, частныхъ лицъ и учрежденій —*частновладѣльческія* и, наконецъ, во владѣніи общинъ — *общинныя* земли. При этомъ исторически же образовалось различное и далеко не равномѣрное, какъ по отдѣльнымъ странамъ, такъ и внутри одной страны, распредѣленіе земли по пространству между отдѣльными владѣльцами, и выработалось понятіе о крупномъ, мелкомъ и среднемъ землевладѣніи. Понятіе это не слѣдуетъ смѣшивать съ мелкимъ, среднимъ или крупнымъ хозяйствомъ. Если крупный землевладѣлецъ, наприм., не ведетъ крупнаго хозяйства, а раздаетъ мелкіе участки своей земли арендаторамъ,—получается мелкое хозяйство. Если же, имѣя небольшой участокъ земли, владѣлецъ для веденія своего хозяйства пріарендовываетъ значительное количество земли, то мы имѣемъ дѣло съ крупнымъ хозяйствомъ.

Повидимому, въ экономіи сельскаго хозяйства приходилось бы говорить о мелкомъ и крупномъ хозяйствѣ, а не о мелкомъ и крупномъ землевладѣніи. Но различіе въ послѣднемъ до извѣстной степени обусловливаетъ различіе и въ первомъ не только въ величинѣ хозяйства, но и во многомъ другомъ, такъ какъ не одно и то же, имѣть ли постоянное право на пользованіе

землей, или лишь временное и зависимое отъ усмотрѣнія другого. Кромѣ того, въ зависимости отъ преобладанія того или другого вида землевладѣнія находится и количество населенія, занятаго или могущаго заниматься земледѣліемъ.

Если смотрѣть съ точки зрѣнія интересовъ массы населенія, то, принимая во вниманіе, что земля—сырой матеріалъ и орудіе производства, приходится заключить, что мелкое землевладѣніе представляется болѣе выгоднымъ, такъ какъ отъ крупнаго оно отличается тѣмъ, что при немъ земля распредѣляется между большею частью населенія, которому, такимъ образомъ, представляется возможность прилагать свой трудъ къ находящемуся у него подъ руками источнику производства. Необходимо, однако, предварительно замѣтить, что раздѣленіе на мелкое и крупное землевладѣніе носитъ условный характеръ: то, что при однихъ условіяхъ является мелкимъ землевладѣніемъ, при другихъ будетъ крупнымъ, и наоборотъ. Отнесеніе даннаго участка къ той или другой категоріи будетъ зависѣть отъ той или иной культуры, интенсивности обработки почвы, величины прилагаемаго къ землѣ капитала и пр. Участокъ, который считается крупнымъ, наприм., въ Англіи, не можетъ при извѣстныхъ условіяхъ считаться крупнымъ въ Россіи; крупный въ земледѣльческомъ быту участокъ не будетъ таковымъ въ пастушескомъ; при залежной системѣ требуется для достиженія однихъ и тѣхъ же результатовъ гораздо большій участокъ, чѣмъ при трехпольной. Итакъ, говоря объ Англіи, Франціи, Германіи и Россіи, мы подъ крупнымъ участкомъ будемъ разумѣть не одно и то же. Но даже и на пространствѣ одной Россіи однообразное подраздѣленіе участковъ по ихъ размѣрамъ на крупные и мелкіе было бы невѣрно: участокъ, который принято считать крупнымъ въ Крыму, будетъ мелкимъ въ Пермской или Вологодской губ.

Отрѣшаясь, такимъ образомъ, отъ дѣленія участковъ на крупные и мелкіе по однимъ только размѣрамъ ихъ даже въ предѣлахъ одной страны, мы будемъ считать мелкимъ участкомъ такой, на которомъ собственникъ можетъ вполнѣ использовать рабочія силы свои и своей семьи. Это будетъ максимальный предѣлъ мелкаго участка. Крупнымъ участкомъ мы будемъ считать такой, на которомъ можно вести хозяйство на предпринимательскихъ началахъ съ наемнымъ трудомъ, безъ приложенія своего непосредственнаго труда и даже своего труда по управленію. Все же, что будетъ лежать между этими двумя предѣлами, мы будемъ считать средними участками. Такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи необходимо имѣть въ виду, что условія для опредѣленія мелкаго и крупнаго землевладѣнія—общія и неопредѣленныя.

Выше я уже замѣтилъ, что съ точки зрѣнія интересовъ массы населенія мелкое землевладѣніе представляется болѣе выгоднымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ большее количество лицъ получаетъ возможность непосредственно прилагать свой трудъ

къ землѣ. Это и есть то основное положеніе, въ силу котораго мелкое землевладѣніе, т.-е. распредѣленіе земли между наибольшимъ числомъ населенія, слѣдуетъ признать имѣющимъ громадное преимущество передъ крупнымъ. Всѣ остальные доводы за или противъ крупнаго или мелкаго землевладѣнія скорѣе относятся къ крупному или мелкому хозяйству, но пріурочиваютъ ихъ къ тому или другому виду землевладѣнія въ силу того, что между размѣрами землевладѣнія и хозяйства нерѣдко существуетъ совпаденіе. Такъ, хотя мы и можемъ предположить соединеніе многихъ мелкихъ участковъ земли въ одно крупное хозяйство, но обыкновенно мелкому землевладѣнію въ настоящее время соотвѣтствуетъ такое же хозяйство. Нельзя сказать того же о крупномъ землевладѣніи: весьма часто оно раздробляется на много, если не мелкихъ, то среднихъ хозяйствъ, такъ что крупному землевладѣнію не всегда соотвѣтствуетъ крупное хозяйство. Но, съ другой стороны, съ крупнымъ хозяйствомъ мы имѣемъ дѣло большею частью при крупномъ землевладѣніи. Имѣя это въ виду, и говорятъ, что хотя при мелкомъ землевладѣніи валовой доходъ и выше, но та доля продукта, которая относится къ чистому доходу, значительнѣе при крупномъ землевладѣніи и, слѣдовательно, вся нація въ совокупности извлекаетъ въ этомъ случаѣ больше отъ сельскаго хозяйства. Но, во-1-хъ, это приложимо далеко не ко всѣмъ видамъ земледѣльческой культуры; во-2-хъ, это зависитъ не столько отъ размѣровъ землевладѣнія, сколько отъ соединеннаго нерѣдко съ нимъ обладанія капиталомъ, который можетъ прилагаться къ культурѣ земли; въ-3-хъ, чистый доходъ смѣшивается здѣсь нерѣдко съ тѣмъ, что получаетъ собственникъ въ видѣ прибавочной стоимости, извлекаемой отъ приложенія большого количества рукъ и собираемой въ одинъ фокусъ, что при мелкомъ землевладѣніи распредѣляется по многимъ мелкимъ собственникамъ и не представляется столь замѣтнымъ; и, наконецъ, въ 4-хъ, никто не оспариваетъ, что при мелкомъ землевладѣніи приложеніе труда носитъ болѣе интенсивный характеръ, въ результатѣ чего и получается болѣе валового продукта, т.-е. изъ земли извлекается гораздо больше.

Далѣе, въ пользу крупнаго сельскаго хозяйства указываютъ на то, что при немъ возможно болѣе широкое раздѣленіе труда, чѣмъ при мелкомъ. Но при сравненіи условій и обстановки, въ которыхъ производятся различныя операціи сельскохозяйственнаго производства и фабричнаго, оказывается, что въ первомъ раздѣленіе труда можетъ быть проведено далеко не въ такой степени, какъ въ послѣднемъ. Объясняется это тѣмъ, что продолжительность, а часто и размѣръ операцій сельскохозяйственнаго производства въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ времени года, климатическихъ и другихъ природныхъ условій, отъ которыхъ фабричное производство можетъ быть почти совсѣмъ изолировано подъ крышей фабричнаго зданія. Указанною сейчасъ разницей въ зависимости того и другого производства

отъ природныхъ условій обусловливается то обстоятельство, что сельскохозяйственное производство не можетъ вестись съ такою планомѣрностью, а вслѣдствіе этого и раздѣленіе труда не можетъ здѣсь итти такъ далеко, какъ въ производствѣ фабричномъ, на что и указано уже раньше. При такихъ условіяхъ въ крупномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ не существуетъ преимуществъ въ отношеніи раздѣленіи труда въ той мѣрѣ, въ какой они присущи крупному фабричному производству. Но кромѣ того необходимо имѣть въ виду, что этотъ доводъ относится не столько къ крупному землевладѣнію, сколько къ крупному по формѣ хозяйству, имѣющему, конечно, и въ земледѣліи свои преимущества, но не при тѣхъ условіяхъ, которыя отожествляютъ его съ крупнымъ землевладѣніемъ, при которомъ все производство разсчитано исключительно на обмѣнъ и ведется при помощи наемняго труда, что, какъ показано раньше, въ земледѣліи, по крайней мѣрѣ до сего времени, не даетъ тѣхъ же преимуществъ, какъ въ обрабатывающей промышленности.

Далѣе, какъ на преимущество крупнаго землевладѣнія, указываютъ на возможность приложенія здѣсь большаго капитала. Но это вовсе не связано непремѣнно съ крупнымъ землевладѣніемъ. Въ Англіи, наприм., странѣ крупнаго землевладѣнія, приложеніе капитала къ землѣ происходитъ со стороны фермеровъ, а не владѣльцевъ земли. Еслибъ былъ правильно и широко организованъ кредитъ, то выгода отъ приложенія капитала одинаково распространялась бы и на мелкое землевладѣніе. Въ Бельгіи, Италіи, гдѣ землевладѣніе мелкое, мелкіе землевладѣльцы вступаютъ въ союзы для соединенія своихъ капиталовъ съ цѣлью производства такихъ улучшеній, которыя требуютъ значительныхъ затратъ. То же замѣчается и у насъ въ Россіи, гдѣ крестьяне при общинномъ землевладѣніи производятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осушеніе и другія улучшенія, недоступныя единичнымъ силамъ. Вообще же, если сравнимъ цѣлый рядъ странъ въ отношеніи размѣровъ землевладѣнія и высоты культуры, то увидимъ, что въ странахъ съ мелкимъ землевладѣніемъ, какъ, напримѣръ, въ Бельгіи, Швейцаріи, земледѣльческая культура стоитъ выше, чѣмъ въ странахъ съ крупнымъ землевладѣніемъ.

Указываютъ еще на сокращеніе издержекъ по управленію, какъ на выгоду крупнаго землевладѣнія, но это относится главнымъ образомъ къ крупному хозяйству, а не къ крупному землевладѣнію.

Переходя теперь къ условіямъ, при которыхъ существуетъ земледѣліе въ цивилизованныхъ странахъ, можно указать на спеціальныя выгоды мелкаго землевладѣнія. Въ настоящее время сельское хозяйство переживаетъ кризисъ, происходящій отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, что значительно уменьшаетъ доходы собственниковъ земли. Происходитъ это отъ того, что все больше необработывавшихся прежде земель поступаетъ въ обработку, что въ значительной степени замѣчается, напримѣръ, въ Америкѣ и Австраліи. Въ зависимости отъ поступленія новыхъ земель въ хозяй-

ственный оборотъ, преобразовывается въ нѣкоторыхъ странахъ и самое земледѣльческое хозяйство, и невозможно предвидѣть, какую оно приметъ форму. Въ Англіи, наприм., земледѣліе принимаетъ теперь иной характеръ: земли забрасываются подъ пастбища для скота. Этотъ кризисъ на мелкихъ собственникахъ не отражается такъ сильно, какъ на крупныхъ, потому что мелкій собственникъ имѣетъ въ виду не рынокъ исключительно, а главнымъ образомъ собственное потребленіе. Если онъ владѣетъ землей и орудіями производства, то ему выгоднѣе вмѣсто того, чтобы продавать свой трудъ, прилагать его къ своей землѣ. Говорятъ, что если производство хлѣба въ данномъ мѣстѣ обходится дороже, нежели въ другомъ, то въ первомъ случаѣ его невыгодно производить, надо обратиться къ другому, болѣе выгодному въ этомъ мѣстѣ, производству, хлѣбъ же покупать. Но въ дѣйствительности это было бы справедливо только тогда, еслибы каждый владѣлецъ мелкаго участка могъ всегда найти выгодное приложеніе своего труда; на дѣлѣ же такая возможность далеко не всегда представляется. Всякому ясно, какія послѣдствія могли бы произойти, еслибы всѣ мелкіе собственники бросились на фабрики: не только огромное большинство изъ нихъ не получило бы возможности приложить свой трудъ, но чрезмѣрнымъ предложеніемъ они понизили бы плату уже занятыхъ въ производствѣ рабочихъ и, слѣдовательно, ухудшили бы ихъ положеніе. При такихъ условіяхъ существованіе мелкой земельной собственности имѣетъ то значеніе, что держитъ заработную плату фабричныхъ рабочихъ на извѣстной высотѣ. Послѣ сказаннаго не трудно предвидѣть послѣдствія, какія произошли бы, если бы мелкіе участки сосредоточились въ рукахъ немногихъ собственниковъ. Масса бывшихъ мелкихъ собственниковъ, оторванныхъ отъ земли, не имѣя въ большинствѣ случаевъ возможности найти заработокъ на фабрикахъ, должна была бы снова обратиться къ земледѣлію: либо въ качествѣ батраковъ у крупныхъ собственниковъ, либо въ качествѣ арендаторовъ своихъ прежнихъ участковъ, перешедшихъ въ руки новыхъ владѣльцевъ. Но крупные собственники, какъ видимъ, страдаютъ отъ кризисовъ болѣе мелкихъ и превращаютъ свои пашни въ пастбища; слѣдовательно и у нихъ не было бы работы. Какія изъ всего этого проистекали бы послѣдствія, это уже не трудно предвидѣть. Въ виду всего этого въ послѣднее время замѣчается переворотъ во взглядѣ экономистовъ, которые до недавняго времени видѣли за крупнымъ землевладѣніемъ большія преимущества и прославляли институтъ частной собственности на землю. Въ силу этого существовала тенденція превратить всѣ государственныя земли въ частныя. Въ послѣднее время и въ этомъ отношеніи наступили перемѣны: уже не считается задачей государственной политики наибольшее отчужденіе государственныхъ земель въ руки частныхъ собственниковъ, а наоборотъ, замѣчается тенденція разсматривать ихъ, какъ фондъ для надѣленія землей наростающаго населенія.

Изъ фактическихъ данныхъ, иллюстрирующихъ значеніе мелкаго и крупнаго землевладѣнія для интересовъ населенія и для сельскаго хозяйства, отмѣтимъ слѣдующія: въ восточной Пруссіи, гдѣ происходило и происходитъ наибольшее сосредоточеніе земельной собственности, нежели въ другихъ частяхъ Германіи, эмиграція населенія гораздо значительнѣе. Такъ, на 100.000 жителей выселилось:

	за 1875—79 г.	за 1880—84 г.	за 1885—90 г.	за 1890—94 г.
изъ вост. провинц.	446	2.254	1.305	1.225
во всей Пруссіи	364	1.763	1.073	835,

т.-е. во всѣ періоды выселеніе значительнѣе оттуда, гдѣ преобладаетъ при прочихъ общихъ условіяхъ крупная земельная собственность. Оттуда же сильнѣе и выселеніе жителей въ города. Очевидно, крупное землевладѣніе образуетъ избыточное населеніе, не поглащаемое ни потребностью въ трудовыхъ силахъ въ крупныхъ хозяйствахъ, ни на фабрикахъ — и это при томъ быстромъ промышленномъ ростѣ Германіи, который вызываетъ въ настоящее время тревогу даже въ Англіи.

По отношенію къ сельскому хозяйству отмѣчается фактъ абсентеизма землевладѣльцевъ, т.-е. въ сущности отсутствіе личнаго интереса въ веденіи сельскаго хозяйства у наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ. По мѣрѣ возрастанія размѣровъ имѣнія отъ 100 гекторовъ возрастаетъ процентъ владѣльцевъ, не живущихъ въ имѣніи, отъ 11,23% до 33,33%. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ процентъ имѣній, сдаваемыхъ въ аренду и управляемыхъ наемными лицами, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ, относящихся къ Германіи:

	въ имѣніяхъ: до 1000 гект. разм.	въ имѣніяхъ свыше 1000 гект. разм.	вообще.
% имѣній, необитаемыхъ владѣльцами	21,68	74,11	40,74
% имѣній, сдаваемыхъ въ аренду	11,60	35,99	20,47
% имѣній, управляемыхъ наемными лицами	18,15	38,65	25,60

Если же взять лишь имѣнія свыше 10.000 гектар., то % необитаемыхъ среди нихъ поднимается до 97,08, сдаваемыхъ въ аренду до 57,35 и управляемыхъ наемными лицами до 39,04, (М. Соболевъ: «Мобилизація земельной собственности» М., 1898). То же подтверждаютъ и данныя, относящіеся къ Россіи. Такъ въ среднихъ имѣніяхъ, имѣющихъ запашку, % отсутствующихъ владѣльцевъ лишь 7,9%, а въ крупныхъ — 45,2%; въ имѣніяхъ же, гдѣ не ведется запашка, отсутствующіе владѣльцы составляютъ въ среднихъ имѣніяхъ 58,4%, а въ крупныхъ 86,5% (Хорольскій у.); съ увеличеніемъ размѣровъ имѣній увеличивается также и процентъ имѣній, управляемыхъ наемными лицами. («Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ,» т. I, «Значеніе хлѣбныхъ цѣнъ для частнаго землевладѣнія»).

Замѣтимъ здѣсь, что, противопоставляя мелкое землевладѣніе крупному, мы подъ послѣднимъ разумѣли крупное частное землевладѣніе, а не общинное или государственное. Это и понятно.

Выгоды мелкаго землевладѣнія, какъ я уже говорилъ, заключаются, между прочимъ, въ томъ, что оно предполагаетъ распредѣленіе земли между бо́льшимъ количествомъ лицъ, давая послѣднимъ возможность непосредственнаго приложенія труда. Преимущество это достигается и въ томъ случаѣ, когда крупные участки земли находятся въ распоряженіи общины или государства, такъ какъ послѣднія имѣютъ возможность распредѣлять землю между бо́льшимъ количествомъ лицъ. Съ другой стороны, подъ мелкимъ землевладѣніемъ мы разумѣемъ не то, которое въ Германіи носитъ названіе «карликоваго», и на которомъ, вслѣдствіе его незначительныхъ размѣровъ, невозможно вести земледѣльческое хозяйство, которое могло бы занять всѣ трудовыя силы земледѣльца и его семьи. Такой клочокъ земли скорѣй служитъ добавочнымъ источникомъ существованія при наличности другихъ какихъ-либо занятій, и часто даже наоборотъ, можетъ прямо служить къ невыгодѣ населенія. Положимъ, напримѣръ, лицо работаетъ на фабрикѣ: клочокъ земли покрывалъ бы часть его расходовъ и этимъ понижалъ бы заработную плату. Такія условія можетъ создавать наше надѣльное землевладѣніе тамъ, гдѣ надѣлы слишкомъ малы. Не покрывая всѣхъ своихъ расходовъ доходами съ земли, крестьянинъ вынужденъ искать какихъ-нибудь другихъ занятій. Если 3—4 мѣсяца онъ можетъ существовать на доходъ отъ земли или же покрывать этимъ доходомъ часть своего ежемѣсячнаго содержанія, то, очевидно, на фабрикѣ ему достаточно будетъ получить заработокъ, который обезпечивалъ бы ему лишь недостающую на полное содержаніе часть. Если рядомъ съ нимъ работаетъ на фабрикѣ другой, который надѣльной земли совсѣмъ неимѣетъ и для котораго, слѣдовательно, фабрика служитъ источникомъ существованія въ теченіе цѣлаго года, то первый, сравнительно болѣе обезпеченный, можетъ удовлетвориться меньшимъ заработкомъ и, такимъ образомъ, можетъ вліять на пониженіе заработной платы второго.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что къ такого рода выводамъ и заключеніямъ нужно относиться крайне осторожно, коль скоро они не провѣрены фактическими данными. Дѣло въ томъ, что понятіе необходимаго для существованія крайне растяжимо и такъ какъ не рабочій ставитъ условія, а ему ихъ ставятъ, то совсѣмъ ничѣмъ необезпеченный рабочій готовъ согласиться на меньшее, нежели такой, который, имѣя отъ клочка земли хоть что-нибудь, болѣе свободенъ въ выборѣ. Вообще, вопросъ о вліяніи размѣра надѣла на высоту заработной платы далеко еще не выясненъ и можно лишь сказать одно, что чѣмъ крупнѣе надѣлъ, тѣмъ выше обезпеченность крестьянина и тѣмъ болѣе онъ способенъ принимать условія, сообразуясь съ своими интересами, а не подъ вліяніемъ одной нужды. Вліяетъ ли при этомъ

малый клочекъ земли сравнительно съ совершеннымъ отсутствіемъ его на повышеніе или пониженіе заработной платы— это остается вопросомъ и приведенныя соображенія имѣютъ назначеніемъ не рѣшить вопросъ, а возбудить его и вызвать стремленіе къ рѣшенію его путемъ изученія явленій дѣйствительной жизни. Обращаясь же къ послѣднимъ, мы видимъ, что въ Германіи, напр., замѣчается «стремленіе среди сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ, ремесленниковъ и т. п. къ пріобрѣтенію небольшого клочка земли, который былъ бы для нихъ извѣстной опорой въ жизни и пособіемъ въ доходахъ... Развитіе индустріи и домашнихъ промысловъ, давая возможность соединять земледѣльческій доходъ съ промышленнымъ, ведетъ къ большему дробленію земли, чѣмъ какое возможно въ чисто земледѣльческомъ округѣ». (М. Соболевъ: «Мобилизація» и т. д., стр. 45). Итакъ, это стремленіе, ведущее, конечно, къ привязыванію рабочаго къ извѣстному мѣсту и ограничивающее свободу его передвиженія, что должно стѣснять въ выборѣ занятій, повидимому, однако, соотвѣтствуетъ интересамъ того класса населенія, интересы котораго, по теоріи, требуютъ свободы передвиженія. Отсюда не трудно видѣть насколько тутъ еще много невыясненнаго. Конечно, это не опровергаетъ теоріи, которая уясняетъ лишь въ какомъ направленіи дѣйствуютъ извѣстныя силы, что нисколько не исключаетъ возможности вліянія противодѣйствующихъ силъ и отсутствія *видимаго* проявленія дѣйствія опредѣленной силы, такъ какъ оно можетъ затемняться и задерживаться тѣми явленіями сложной дѣйствительности, среди которыхъ прилагается дѣйствіе данной силы. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ обезпеченіе даваемое клочкомъ земли, очевидно, перевѣшиваетъ выгоды свободы передвиженія, что конечно не уничтожаетъ еще значеніе этой свободы вообще, тѣмъ болѣе, что она этимъ не уничтожается окончательно. Во всякомъ случаѣ отсюда, какъ и изъ многихъ другихъ случаевъ видно, насколько при примѣненій теоретическихъ положеній къ объясненію явленію дѣйствительности необходимо имѣть въ виду ту среду, къ которой приходится прилагать теоретическое объясненіе, причемъ нерѣдко получается обратное тому, что даетъ теорія въ ея отвлеченномъ построеніи.

Все приведенное до сихъ поръ относительно значенія размѣровъ землевладѣнія приводитъ къ заключенію, что и мелкое землевладѣніе можетъ имѣть различное значеніе, смотря по *размѣрамъ* его и по сочетаніямъ съ тѣми или иными хозяйственными условіями. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что все, что здѣсь говорилось о преимуществахъ мелкаго землевладѣнія, относилось именно къ нему, а не къ мелкому хозяйству, которое, какъ увидимъ ниже, смотря по роду культуръ и по нѣкоторымъ другимъ условіямъ, имѣетъ и свои невыгодныя стороны, хотя и здѣсь это послѣднее можетъ относиться къ мелкому хозяйству, переходящему при данныхъ условіяхъ почвы, климата и рода культуръ за извѣстный минимальный предѣлъ.

2) Формы землевладѣнія.

Помимо размѣровъ землевладѣнія, которые обусловливаютъ собою владѣніе землею немногими или массой населенія, важны еще и формы землевладѣнія, которыя такъ или иначе отражаются на сохраненіи земли въ рукахъ массы населенія и на условіяхъ, способахъ и доступности пользованія ею. Остановимся поэтому на различіи между частной и общинною собственностью на землю.

Юридически это различіе сводится къ тому, что въ первомъ случаѣ отдѣльное лицо имѣетъ право полнаго и свободнаго распоряженія землею, а во второмъ—право это принадлежитъ цѣлой совокупности лицъ, и отдѣльное лицо только пользуется землею, не имѣя права продать или заложить ее, что и даетъ ему юридическую возможность всегда обратиться съ приложеніемъ своего труда къ землѣ, поскольку это приложеніе зависитъ отъ обладанія землею. Отсюда видно, что самое юридическое положеніе общинника опредѣляется тѣмъ, насколько такое право на землю является экономическою необходимостью; иначе говоря, *пока для массы населенія существуетъ экономическая необходимость прилагать свой трудъ къ землѣ, до тѣхъ поръ существуютъ и основанія для такихъ юридическихъ нормъ, которыя давали бы возможность осуществленію этихъ экономическихъ требованій.* Такимъ образомъ, здѣсь различіе юридическое, обусловливаясь экономическими причинами, въ то же время сливается съ экономическимъ различіемъ. Но послѣднее идетъ и далѣе, опредѣляя собою цѣлый рядъ различій въ хозяйственныхъ условіяхъ и послѣдствіяхъ при общинномъ и частномъ землевладѣніи.

Если мы представимъ себѣ группу въ 20 дворовъ, владѣющихъ вмѣстѣ 200 дес. земли и имѣющихъ каждый по одному взрослому рабочему, то при общинномъ землевладѣніи земля между ними будетъ распредѣлена поровну по 10 дес., при частномъ же мы встрѣтимъ крайнее разнообразіе въ размѣрахъ. Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ всѣ дворы будутъ въ одинаковыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, насколько послѣднія зависятъ отъ размѣровъ землевладѣнія. Но кромѣ того, при общинномъ землевладѣніи каждый будетъ одинаково надѣленъ землей и по качеству ея, ибо каждый получитъ по равному участку земли каждаго сорта, качества и положенія, вслѣдствіе чего не будетъ и разницы въ плодородіи земли у каждаго двора, поскольку оно зависитъ отъ качества земли; слѣдовательно, не будетъ и обусловливаемой этимъ для каждаго отдѣльнаго землевладѣльца возможности получать ренту, тогда какъ при частномъ землевладѣніи (подворномъ) у одного будетъ земля лучшаго, у другого худшаго качества, вслѣдствіе чего и доходъ, выраженный въ сборѣ продукта или цѣнѣ его, будетъ различенъ, внѣ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ хозяина

и способа веденія имъ хозяйства *). Возможно, конечно,—что обычно и бываетъ,—что при подворномъ владѣніи, возникшемъ изъ общиннаго, остается тотъ же раздѣлъ земли по качеству, т.-е. остается та же черезполосица, что и при общинномъ, но уже нѣтъ того равенства, ибо достаточно пройти одному поколѣнію, чтобы при отсутствіи даже продажъ земли, дробленіе и распредѣленіе полосъ въ разныхъ мѣстахъ поля, въ силу только перехода по наслѣдству, сдѣлалось болѣе значительнымъ, чѣмъ при общинномъ землевладѣніи. Но разница будетъ еще въ томъ, что дробленіе въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. при общинѣ, сокращается при слѣдующемъ коренномъ передѣлѣ, нерѣдко

*) Это обстоятельство рельефнѣе всего указываетъ, насколько рента есть не результатъ различія плодородія въ почвѣ, а результатъ человѣческихъ отношеній. При общинѣ нѣтъ ренты для отдѣльныхъ членовъ ея въ силу такого устройства ихъ отношеній, которое ведетъ къ равномѣрному распредѣленію условій производства. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, у двухъ, напр., рядомъ лежащихъ общинъ, рента будетъ существовать для членовъ одной общины по отношенію къ членамъ другой, ибо между тѣми и другими нѣтъ уже тѣхъ отношеній, которыя вызываютъ равномѣрное распредѣленіе условій производства Отсюда не слѣдуетъ думать, что общинное владѣніе не создаетъ ренты вообще; оно исключаетъ лишь возможность ея для членовъ одной и той же общины въ предѣлахъ пользованія землею внутри общины. Тамъ же, гдѣ противопоставляются два собственника земли другъ другу или собственникъ земли не собственнику—непремѣнно есть рента, которая и вытекаетъ изъ отношеній, на которыхъ основывается собственность на землю.

Насколько, однако, важно для благосостоянія членовъ *данной* общины отсутствіе между ними установленія ренты, можно видѣть изъ разсчетовъ и соображеній, приводимыхъ въ III т. „Капитала“, на стр. 545. Согласно этимъ расчетамъ, если мы имѣемъ землю 4-хъ сортовъ, причемъ 1-й сортъ даетъ 1 кварт. пшеницы, другой 2 кварт., 3-й—3 кварт., 4-й — 4 кварт. и стоимость полученія этихъ квартеровъ съ каждаго сорта равняется 60 шиллингамъ; то съ 4-хъ сортовъ получится 10 квартеровъ, въ дѣйствительности стоющихъ 240 шиллинговъ или по 24 шиллинга за квартеръ. Въ примѣненіи къ общинѣ это значитъ, что каждый членъ ея имѣетъ возможность получить скажемъ, квартеръ пшеницы при такихъ условіяхъ, что онъ обойдется ему въ 10 шиллинговъ, такъ какъ онъ имѣетъ землю въ каждомъ изъ сортовъ. Если же земля, принадлежащая общинѣ, была бы подѣлена между отдѣльными лицами такъ, что каждый бы имѣлъ землю разнаго качества, т.-е. въ приведенномъ примѣрѣ одинъ имѣлъ бы землю только 1-го сорта, другой только 2-го и т. д., то первый бы получилъ 1 квартеръ за 60 шилл., 2-й—за 30 шилл. (2 квартера за 60 шилл.), третій—за 20 шилл. (3 кварт. за 60 шилл.) и четвертый за 15 шилл. (4 кварт. за 60 шилл.). При продажѣ на рынкѣ, гдѣ цѣна, согласно закону ренты, устанавливается по стоимости ея на 1-мъ (худшемъ участкѣ) цѣна каждому квартеру будетъ 60 шилл., а всѣмъ 10-ти — 600 шилл., т.-е. дороже на 250%, т.-е. „*общество пріобрѣтаетъ земледѣльческій продуктъ, отдавая за* него рабочее время въ два съ половиною раза большее, чѣмъ сколько содержится въ немъ самомъ“. Отсюда также слѣдуетъ, что если бы рыночная цѣна хлѣба опредѣлялась цѣною хлѣба, производимаго на общинной землѣ, то она могла бы быть и ниже, т.-е. общество отдавала бы за хлѣбъ меньше. Отсюда какъ бы слѣдуетъ и другое, что крестьяне общинники стоятъ на рынкѣ не въ равныхъ условіяхъ съ частными землевладѣльцами при опредѣленіи цѣны своего продукта, но это имѣло бы гибельное значеніе для нихъ въ томъ случаѣ, еслибы цѣна продукта *на рынкѣ* установлялась для нихъ одна, для частныхъ землевладѣльцевъ другая, что если и бываетъ, то уже въ зависимости совершенно отъ другихъ условій. Кромѣ того—выше было уже выяснено, въ зависимости отъ чего устанавливается цѣна земледѣльческихъ продуктовъ *при современныхъ условіяхъ мірового рынка.*

имъ и вызываемомъ, чего при подворномъ владѣніи не бываетъ, почему дробленіе и разбросанность участковъ и ведетъ къ продажѣ ихъ, что еще болѣе усиливаетъ неравенство въ положеніи отдѣльныхъ членовъ. Вотъ въ краткихъ и общихъ чертахъ различіе между частнымъ и общиннымъ землевладѣніемъ. Дальнѣйшая разница выясняется при разсмотрѣніи доводовъ за и противъ общиннаго землевладѣнія. Каковы же послѣдствія той и другой формы въ соціальномъ отношеніи, это ясно уже и изъ сказаннаго.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію доводовъ за и противъ общиннаго землевладѣнія.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи получилъ у насъ особое значеніе передъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Тогда же былъ поставленъ вопросъ, слѣдуетъ ли освобожденныхъ крестьянъ надѣлить землей или нѣтъ. Второй вопросъ былъ скоро рѣшенъ утвердительно, но первый еще долго служилъ предметомъ горячихъ споровъ какъ къ литературѣ, такъ и въ редакціонной коммиссіи. Извѣстно было, что на Западѣ общинное землевладѣніе почти уничтожено и что западные экономисты высказываются противъ общины, какъ стѣсняющей свободную иниціативу лица и тормозящей развитіе сельскаго хозяйства. Славянофилы, находившіе въ русской жизни ей одной свойственныя особенности, полагали, что общинное землевладѣніе присуще славянскому племени вообще и въ частности русскому народу, и потому считали необходимымъ сохраненіе общиннаго землевладѣнія. За сохраненіе послѣдняго стояли и западники. Считая необходимымъ усвоеніе плодовъ западно-европейской цивилизаціи, они тѣмъ не менѣе не могли не видѣть того огромнаго зла, которое представлялъ все растущій на Западѣ пролетаріатъ, не могли не видѣть того невыгоднаго положенія, въ которомъ стоялъ западно-европейскій рабочій. Это зло, по мнѣнію западниковъ, не могло бы принять такихъ широкихъ размѣровъ, еслибы масса населенія была обезпечена землей. Обезпеченное орудіями и средствами производства, населеніе не выбрасывало бы на рынокъ такой массы незанятыхъ рабочихъ, которые, при отсутствіи какого бы то ни было матеріальнаго обезпеченія, вынуждены были взаимною конкуренціей понижать заработанную плату до невозможно низкихъ предѣловъ, чтобы хоть какъ-нибудь отстоять свое существованіе. Отсюда, заключали западники, несомнѣннымъ является тотъ выводъ, что наша экономическая политика должна предохранить Россію, если къ тому представляется возможность, отъ нарожденія такой массы пролетаріевъ; а эта возможность и можетъ быть осуществлена при условіи сохраненія общиннаго землевладѣнія, которое не позволяетъ отдѣльному лицу, подъ вліяніемъ иногда временной нужды, продать свой участокъ и остаться пролетаріемъ. При общинномъ же землевладѣніи это немыслимо, такъ какъ общинникъ не можетъ продать своего участка; онъ можетъ отъ него отказаться, но въ такомъ слу-

чаѣ дѣти его сохраняютъ право на надѣлъ. За отсутствіемъ, однако, у насъ въ то время фактическихъ данныхъ приходилось доводы за и противъ общиннаго землевладѣнія строить почти исключительно на однихъ теоретическихъ положеніяхъ. Противники возражали, что община не есть какая-нибудь особенность русской именно жизни, что она наблюдалась почти у всѣхъ народовъ, что во многихъ странахъ она совсѣмъ исчезла, въ другихъ наиболѣе отсталыхъ, гдѣ еще наблюдаются остатки ея, она продолжаетъ исчезать, такъ какъ существованіе ея тормозитъ развитіе земледѣлія, препятствуя улучшеніямъ въ немъ, на что сторонники общины представляли свои возраженія, видя въ общинѣ не только обезпеченіе населенія отъ развитія пролетаріата, но и зародышъ новыхъ экономическихъ формъ, лучше удовлетворяющихъ интересамъ массы населенія, нежели развитіе частной собственности на землю.

Поднятый тогда въ литературѣ споръ объ общинѣ продолжается и до сихъ поръ. Въ настоящее время, однако, онъ перешелъ въ иную фазу. На Западѣ, гдѣ въ то время почти всѣ ученые высказывались противъ общины, начинаютъ раздаваться голоса въ пользу нея. Наоборотъ, въ Россіи со времени освобожденія масса крестьянъ успѣла обезземелиться, и многіе, бывшіе еще недавно безусловными сторонниками общины, перестали видѣть въ ней средство, какъ полагали раньше, противъ нарожденія пролетаріата. Обезземеленіе части крестьянъ послѣ освобожденія и разныя неустройства въ общинѣ дали поводъ противникамъ послѣдней еще рѣзче выступить противъ нея. Создалось убѣжденіе, что наша русская община, представляя переживаніе первобытной, стираетъ всякую индивидуальность ея членовъ, а это одно уже лишаетъ ее права на дальнѣйшее существованіе, такъ какъ переходъ къ высшей формѣ общежитія возможенъ только для такого общества, члены котораго вполнѣ развили и сознали свою индивидуальность, иначе говоря, только чрезъ индивидуазизмъ возможенъ переходъ къ свободнымъ общественнымъ соединеніямъ. Въ этомъ послѣднемъ разсужденіи невѣрно, что будто именно *общинное владѣніе землей* служитъ препятствіемъ къ развитію общественныхъ формъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ препятствіе это лежитъ въ цѣломъ рядѣ другихъ общихъ условій нашей жизни, и ошибка, слѣдовательно, заключается въ неумѣньи всю сумму явленій, при которыхъ развитіе общественныхъ формъ задерживается, расчленить на такія, которыя дѣйствительно имѣютъ такое задерживающее значеніе, и на такія, которыя только сосуществуютъ съ первыми и даже, пожалуй, сами часто подъ ихъ вліяніемъ теряютъ до извѣстной степени свой характеръ и свое назначеніе. Этимъ объясняется, что всѣ бѣды въ общинѣ часто сваливаются на *общинное владѣніе* землей.

Что касается приведеннаго выше замѣчанія антиобщинниковъ, что община не спасла Россію отъ пролетаріата, то его можно принять съ большими, однако, оговорками. Община дѣйстви-

тельно не спасла Россію безусловно отъ появленія въ ней пролетаріата, да въ ней и нельзя было видѣть панацею отъ всѣхъ золъ. Но, съ другой стороны, община несомнѣнно не дала возможности развиться пролетаріату до тѣхъ грозныхъ размѣровъ, до какихъ онъ могъ бы дойти при отсутствіи общиннаго землевладѣнія. Наконецъ, еще одно обстоятельство назначено служить при общинномъ землевладѣніи предохранительнымъ средствомъ противъ чрезмѣрнаго роста пролетаріата: лицо, порвавши съ землей и обратившись къ какому-нибудь другому занятію, можетъ, въ случаѣ какой-нибудь неудачи въ этомъ послѣднемъ, снова вернуться въ общину, получить тамъ земельный надѣлъ и хотя до нѣкоторой степени избавить армію безработныхъ отъ чрезмѣрнаго приращенія. Въ дѣйствительности такія предположенія оправдывались не разъ. Такъ было, наприм., въ Московской губерніи: во время промышленнаго застоя, когда работы на фабрикахъ сокращались, нѣкоторые изъ рабочихъ снова возвращались къ землѣ. Тотъ же возвратъ подтверждаютъ многія данныя относящіяся какъ къ другимъ центральнымъ промышленнымъ, такъ и къ черноземнымъ губерніямъ (Саратовской— сравнительныя данныя по переписи Петровскаго у. въ 1884 и 1894 г. Докладъ Н. Н. Черенкова, читанный въ засѣданіи статистическаго отд. Московск. Юридическ. Общества 11 февраля 1898 г.).

Остановимся, однако, подробнѣе на возраженіяхъ противъ общиннаго землевладѣнія и на доводахъ въ пользу него. Но что такое возраженія противъ общиннаго землевладѣнія? Каждый институтъ существуетъ и развивается или падаетъ въ зависимости отъ его соотвѣтствія данному сочетанію экономическихъ интересовъ и силѣ преобладанія того или другого изъ нихъ. Такъ точно и общинное землевладѣніе, представляя собой извѣсный оплотъ сохраненію земли въ рукахъ массы населенія, отвѣчаетъ интересамъ послѣдней. Но при рѣшеніи вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права на сцену выступило столкновеніе интересовъ разныхъ классовъ. И по скольку интересы извѣстныхъ классовъ не совпадали съ интересами массы населенія, по стольку они и являлись противниками общиннаго землевладѣнія. Въ зависимости отъ силы и значенія этихъ интересовъ въ законодательство и проникли такого рода положенія, которыя, при общемъ признаніи необходимости сохранить за населеніемъ землю, поставили этому извѣстныя ограниченія и положили основу дѣйствію противуположныхъ тенденцій. И вотъ «Положеніе» 19 февраля 1861 г. признало необходимымъ сохраненіе общиннаго землевадѣнія, но ввело 2 такихъ пункта, которые указывали на то, что законодательствомъ если не вполнѣ, то хотя отчасти принято было мнѣніе и противниковъ общины. По первому изъ этихъ пунктовъ двумя третями членовъ общины можетъ быть постановленъ приговоръ о переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному; по второму пункту— допущенъ былъ выкупъ надѣльной земли въ теченіе извѣстнаго

времени, послѣ котораго земля поступаетъ въ собственность лицъ, выкупившихъ ее. Крестьянамъ предоставлена была земля въ надѣлъ съ обязательствомъ уплачивать ежегодно помѣщикамъ оброкъ за него: это были временно-обязанные крестьяне. Но помѣщикъ могъ также капитализировать этотъ оброкъ и получить всю сумму сразу изъ выкупного учрежденія; крестьяне же должны были вносить деньги въ это послѣднее, становясь, такимъ образомъ, въ извѣстныя обязательственныя отношенія къ правительству; въ этомъ случаѣ они назывались крестьянами на выкупѣ, и каждый, кто уплачиваетъ извѣстное число лѣтъ выкупную ссуду за землю, которая прежде разсматривалась какъ не подлежащая торгу, смотритъ на нее какъ на собственность, оплаченную его личнымъ трудомъ, что и измѣняетъ отношеніе къ ней. Допускался также для крестьянъ единовременный взносъ всей выкупной суммы. Лицо, выкупившее сразу свой надѣлъ, могло требовать отъ общины выдѣла выкупленнаго участка. Это также открывало возможность перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному. На практикѣ, однако это обстоятельство особенно большого значенія не имѣло. Такъ выразилось въ законодательствѣ вліяніе интересовъ, удовлетворенію которыхъ не отвѣчаетъ охрана крестьянскаго землевладѣнія. И само собой разумѣется, то или другое отношеніе законодательства къ общинѣ можетъ способствовать развитію ея или тормозить его, но самое сохраненіе ея будетъ зависѣть отъ соотвѣтствія ея интересамъ населенія и хозяйственнаго развитія страны, и потому слѣдуетъ разсмотрѣть отношеніе ея къ этимъ послѣднимъ. Но тутъ уже каждому ясно, что разъ община болѣе, чѣмъ частная собственность, обезпечиваетъ населенію сохраненіе земли, то тѣмъ самымъ рѣшается и вопросъ объ отношеніи ея къ его общимъ интересамъ. Поэтому всѣ возраженія и сводятся къ тому, что она задерживаетъ развитіе земледѣльческихъ улучшеній, препятствуетъ имъ и обрекаетъ земледѣльческую культуру на застой, что при увеличеніи населенія ухудшаетъ его положеніе. Разсмотримъ же, что говорится по этому поводу.

Противъ общиннаго землевладенія возражаютъ: во 1-хъ) что оно препятствуетъ разнообразнымъ улучшеніямъ въ земледѣліи. Земля въ общинѣ передѣляется на извѣстное число лѣтъ, заранѣе опредѣленное, а часто и совсѣмъ неопредѣленное. Слѣдовательно, разъ земля остается недолго въ пользованіи общинника, или если онъ не увѣренъ, какъ долго участокъ будетъ оставаться въ его распоряженіи, то у него нѣтъ побужденій заботиться о своемъ надѣлѣ такъ, какъ это дѣлаетъ собственникъ.

Во 2-хъ) при общинномъ владѣніи невозможенъ переходъ къ болѣе высокимъ полевымъ культурамъ для отдѣльныхъ членовъ, еслибъ они даже того захотѣли, потому что для всѣхъ обязательна одна и та же система полевого хозяйства. Напримѣръ, послѣ жатвы обыкновенно скотъ пасется на сжатомъ полѣ; поэтому, еслибы кто-нибудь изъ общинниковъ захотѣлъ ввести такой плодосмѣнъ, что на его полѣ хлѣбъ долженъ былъ бы

оставаться, тогда какъ у другихъ уже снятъ, то онъ не могъ бы этого сдѣлать; въ противномъ случаѣ, либо его хлѣбъ былъ бы поврежденъ, либо другимъ не пришлось бы пускать скотъ на сжатое поле.

Въ 3-хъ) такъ какъ община при раздѣлѣ земли стремится къ уравненію качества отводимой земли, а достигнуть этого было бы совершенно невозможно, еслибы земля отводилась каждому въ одномъ только мѣстѣ, ибо въ разныхъ мѣстахъ земля бываетъ совершенно различнаго качества, то приходится одному лицу отводить землю въ разныхъ мѣстахъ. Отсюда—черезполосица владѣнія, составляющая новое препятствіе къ разнаго рода улучшеніямъ.

Въ 4-хъ) при общинномъ владѣніи существуетъ рискъ послѣ цѣлаго ряда передѣловъ, при естественномъ ростѣ населенія, дойти до такихъ ничтожныхъ участковъ, на которыхъ вести самостоятельное хозяйство уже будетъ невозможно.

Остановимся на первомъ возраженіи, что при отсутствіи права собственности на землю у временнаго владѣльца нѣтъ побужденій и даже разсчета относиться заботливо къ землѣ. Въ принципѣ, это, конечно, невѣрно, хотя на практикѣ могутъ встрѣчаться такіе случаи, вызванные непродолжительностію или даже неопредѣленностью срока владѣнія. Но изъ этого можетъ слѣдовать только необходимость регулированія передѣловъ, а не уничтоженіе общиннаго владѣнія. На дѣлѣ же въ большинствѣ случаевъ происходитъ иначе. Каждый дѣйствуетъ подъ вліяніемъ собственнаго интереса, а этотъ интересъ подсказываетъ и нашему общиннику, что чѣмъ больше труда онъ вложитъ въ землю, чѣмъ больше необходимыхъ затратъ онъ произведетъ, тѣмъ больше онъ можетъ получить, съ условіемъ, однако, что должно пройти столько времени, чтобъ онъ былъ въ состояніи окупить свои затраты.

Какъ же этотъ послѣдній вопросъ рѣшается на практикѣ?

Дѣло въ томъ, что каждый общинникъ знаетъ, на какое время должна быть передѣлена земля: онъ знаетъ, напримѣръ, въ теченіе какого времени дѣйствуетъ удобреніе, и при рѣшеніи вопроса о томъ, передѣлять ли землю, каждый будетъ исходить изъ того соображенія, окупилъ ли онъ свои затраты или нѣтъ. При трехпольной системѣ въ теченіе 12 лѣтъ совершается 4 оборота, и крестьянинъ знаетъ, что въ этотъ періодъ онъ успѣетъ выбрать изъ земли все, что онъ въ нее вложилъ. Самые передѣлы вызываются не случайными причинами, а стремленіемъ избѣгнуть такихъ возникающихъ съ теченіемъ времени неудобствъ которыя дѣлаютъ невозможнымъ дальнѣйшее веденіе хозяйства. Если, наприм., крестьянинъ получилъ такое количество земли, которое необходимо для приложенія рабочей силы 2-хъ человѣкъ, затѣмъ произошло измѣненіе въ составѣ его семьи, уменьшеніе или увеличеніе, то оставаться долгое время на прежнемъ надѣлѣ для него бываетъ часто прямо затруднительно, и тогда является необходимость въ *частномъ передѣлѣ*, при ко-

торомъ, если у него составъ семьи убавился, часть надѣленной ему земли назначается въ пользу двора, гдѣ произошло соотвѣтственное увеличеніе семьи; такимъ образомъ, у послѣдней семьи эта новая часть будетъ находиться не рядомъ со всѣми ея надѣльными долями, а тамъ, гдѣ придется. Понятно, что съ теченіемъ времени отъ цѣлаго ряда такихъ частныхъ передѣловъ у разныхъ семей увеличивается черезполосица и разбросанность участковъ, возникаетъ цѣлый рядъ затрудненій въ полевыхъ работахъ. Тогда наступаетъ необходимость въ *общемъ передѣлѣ*. Каждый, сообразуясь съ произведенными имъ затратами на землю и другими хозяйственными выгодами и невыгодами, подаетъ голосъ въ вопросѣ о передѣлѣ. Слѣдовательно, еслибъ явилось у общины сознаніе необходимости какихъ-либо улучшеній, то она могла бы для слѣдующаго передѣла назначить такой срокъ, въ теченіе котораго произведенная затрата могла бы вполнѣ окупиться.

Если мы станемъ сравнивать общинное и подворное владѣніе, то увидимъ, что послѣднее (въ особенности мелкое) вовсе не стоитъ въ лучшихъ условіяхъ для производства различныхъ улучшеній, а часто прямо въ менѣе благопріятныхъ. Въ особенности это относится къ такимъ капитальнымъ улучшеніямъ, которыя требуютъ средствъ болѣе значительныхъ, чѣмъ какими располагаютъ отдѣльныя лица. Въ такихъ случаяхъ мелкіе землевладѣльцы или совсѣмъ не производятъ такихъ дорого стоющихъ улучшеній, или для производства ихъ соединяютъ свой трудъ и капиталы. Но въ этомъ отношеніи преимущество въ большинствѣ случаевъ на сторонѣ общины, такъ какъ у членовъ ея гораздо больше солидарности въ интересахъ, чѣмъ у мелкихъ собственниковъ; связь у первыхъ во всякомъ случаѣ тѣснѣе и продолжительнѣе, чѣмъ у послѣднихъ, и потому соединиться для такихъ цѣлей гораздо легче членамъ одной общины. На практикѣ случалось не разъ, что общины предпринимали соединенными усиліями корчеваніе, проведеніе канавъ и другія дорого стоющія улучшенія, Препятствіе часто являлось въ недостаткѣ средствъ, но это затрудненіе существуетъ и для мелкихъ собственниковъ-необщинниковъ. И дѣйствительно можно привести цѣлый рядъ фактовъ изъ жизни русской общины, относящихся къ самымъ различнымъ мѣстностямъ, свидѣтельствующихъ, что община, какъ живой институтъ видоизмѣняетъ свои порядки соотвѣтственно требованіямъ жизни и не представляетъ чего либо рутинно неподвижнаго. Такъ въ Саратовской губ. въ общинахъ, гдѣ начинается примѣненіе удобренія назначаются болѣе долгіе сроки для переверстки удобряемыхъ полосъ, тоже въ Воронежской, Тамбовской, Орловской, Курской, Рязанской и др. губерніяхъ. (В. В. Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. С. П. Б. 1892. Стр. 124—126). Тамъ же приведены данныя объ общинныхъ работахъ по осушенію болотъ, объ облѣсеніи песчаныхъ пространствъ и т. д. (стр. 205, 208 и др.) Такого же рода данныя приведены въ

книгѣ того же автора: Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Крестьянская община. М. 1892. Въ изслѣдованіяхъ относящихся къ Сибирской общинѣ встрѣчаемъ тѣже указанія. «Сѣверозападная окраина Ишимскаго округа и прилегающія къ ней мѣстности Тобольскаго и Ялуторовскаго округовъ представляютъ въ настоящее время картину постепеннаго упроченія и развитія хозяйства съ удобреніемъ. Какъ отдѣльные хозяева лишь постепенно убѣждаются въ необходимости унаваживанія пашенъ и лишь мало по малу начинаютъ проводить это убѣжденіе въ жизнь, такъ и община не сразу начинаетъ считаться съ новыми способами хозяйства... Гдѣ вопросъ о пользѣ унаваживанія успѣлъ уже вполнѣ выясниться, гдѣ поэтому ближнія пашни унаваживаются большинствомъ крестьянъ, *община* радикально *измѣняетъ* свое отношеніе къ судьбѣ удобряемыхъ пашень: ближнія пашни, удобныя для вывозки удобренія, начинаютъ выдѣляться при передѣлахъ въ особый пай или сортъ» (А. А. Кауфманъ: Крестьянская община въ Сибири СПБ. 1897 стр. 235—236). „Въ 80-хъ годахъ въ этой мѣстности передѣлъ произведенъ былъ только въ одной мѣстности и здѣсь особымъ приговоромъ было постановлено: ни подъ какимъ видомъ, не сживать хозяевъ съ полосъ, *если послѣднія недостаточно вознаградили трудъ по ихъ удобренію;* на этомъ основаніи ближнія пашни оставались за прежними владѣльцами, если съ нихъ послѣ вывозки навоза было снято менѣе четырехъ, дальнія—если было снято менѣе шести и даже семи хлѣбовъ“ (тамъ же стр. 243). Фактъ достаточно рельефный, чтобы засвидѣтельствовать насколько община стремится оградить интересы и дать возможность вознаградиться труду отдѣльнаго лица, не нарушая самыхъ основъ общинныхъ порядковъ. Да и какъ это можетъ быть иначе, когда то и другое соотвѣтствуетъ интересамъ самихъ членовъ общины; неужели же они сами станутъ нарушать ихъ! Такимъ образомъ передѣлы не только не мѣшаютъ фактически улучшеніямъ, но и сроки ихъ видоизмѣняются соотвѣтственно съ требованіемъ, чтобы извѣстная затрата окупилась произведшимъ ее. Наоборотъ есть факты свидѣтельствующіе, что община ускоряетъ переходъ къ улучшеніямъ. Да оно и такъ понятно: разъ *большинство* членовъ общины сознало необходимость извѣстныхъ улучшеній, то они и должны быть произведены, чего не можетъ быть при частномъ пользованіи, гдѣ каждый воленъ продолжать вести свое рутинное хозяйство. „Найдя возможнымъ обратить въ пашню... участокъ земли, община дѣлитъ его на душевыя полосы, причемъ каждый общественникъ не только получаетъ *право,* но даже косвеннымъ образомъ *понуждается* расчистить всю отведенную ему полосу“ (тамъ же стр. 246). Тамъ же приводятся указанія на общинныя работы по осушенію (стр. 248—249). Но, помимо приведенныхъ фактовъ, ниже, въ очеркѣ о системахъ земледѣлія намъ придется указать не мало другихъ, свидѣтельствующихъ о совершающемся теперь во многихъ мѣ-

стахъ переходѣ цѣлыми общинами къ инымъ системамъ земледѣлія съ сохраненіемъ основъ общинныхъ порядковъ. Долженъ впрочемъ замѣтить, что боюсь утомлять вниманіе читателя такими фактами и главнымъ образомъ потому, что приводя ихъ просто ощущаешь нѣкоторую неловкость и передъ читателемъ, да и по отношенію къ той наукѣ, во имя которой говоришь. Въ самомъ дѣлѣ, неужели нужно доказывать, что общинное землевладѣніе и передѣлы не препятствуютъ улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ, когда у каждаго на глазахъ то явленіе, что община и связанные съ ней передѣлы существуютъ въ Россіи какъ тамъ, гдѣ существуетъ трехполье и связанное съ нимъ удобреніе, такъ и тамъ, гдѣ наблюдаются еще болѣе примитивныя системы земледѣлія, которыя предшествовали появленію трехполья съ удобреніемъ тамъ, гдѣ оно уже существуетъ давно. Если, такимъ образомъ, община и передѣлы не помѣшали переходу къ трехполью съ удобреніемъ, представляющему уже не первую ступень въ земледѣліи и замѣтное улучшеніе, то какія же существуютъ основанія для того, чтобы утверждать, что общинное землевладѣніе препятствуетъ сельскохозяйственнымъ улучшеніямъ?

Чтобы покончить съ 1-мъ возраженіемъ, остановимся нѣсколько на весьма интересныхъ данныхъ по этому вопросу, которыя приводитъ А. С. Посниковъ въ своей книгѣ „Общинное землевладѣніе“. Онъ беретъ Англію, страну крупнаго частнаго землевладѣнія. Владѣльцы сами хозяйства не ведутъ, а раздаютъ землю участками арендаторамъ, фермерамъ. Такъ какъ на этихъ участкахъ ведется высокое интенсивное хозяйство, требующее значительныхъ затратъ на разнаго рода улучшенія, часто даже не скоро окупающіяся, то Посниковъ и разсматриваетъ, кѣмъ производятся эти улучшенія. Оказывается, что всегда это дѣлается фермерами, несмотря на то что право пользованія землей для нихъ не больше обезпечено, чѣмъ при нашемъ общинномъ владѣніи, такъ какъ въ рѣдкихъ случаяхъ срокъ аренды опредѣленный, большею же частью совсѣмъ неопредѣленный. Слѣдовательно, если утверждаютъ, что собственникъ ведетъ свое хозяйство лучше, чѣмъ временный владѣлецъ, то на примѣрѣ Англіи это не оправдывается. «Самое тщательное изслѣдованіе дѣйствительно существующихъ способовъ произведенія улучшеній не дало намъ ни малѣйшаго повода заключать къ тому, что они обусловливаются «введеніемъ частной собственности на землю». Напротивъ, характеръ приведенныхъ нами свидѣтельствъ склоняетъ къ выводу, что значеніе поземельнаго собственника въ земледѣльческомъ прогрессѣ Соединеннаго Королевства сводится къ роли безучастнаго зрителя, главнѣйшая обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы не мѣшать фермеру расходовать свой капиталъ на улучшеніе земли» (А. Посниковъ: «Общинное землевладѣніе», вып. I. Ярославль, 1875 г., стр. 55). Для позднѣйшаго времени это также подтверждается цѣлымъ рядомъ данныхъ, приведенныхъ въ трудѣ А. Мануилова: «Аренда земли

въ Ирландіи». М. 1895 г., гл. 7. Съ другой стороны, указываютъ, что при долгосрочной арендѣ сельское хозяйство ведется лучше, чѣмъ при арендѣ краткосрочной или на неопредѣленный срокъ. На дѣлѣ же цѣлый рядъ случаевъ долгосрочнаго арендованія земли, приводимый Посниковымъ, показываетъ, что при арендѣ, напримѣръ, на 21 годъ фермеръ въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ до окончанія срока аренды не только не производитъ никакихъ улучшеній, но даже, наоборотъ, въ своемъ стремленіи взять изъ покидаемой земли все, что только можно, часто совершенно истощаетъ ее. Это же обстоятельство по отношенію къ Ирландіи прекрасно выяснено въ только что упомянутомъ трудѣ А. А. Мануилова (гл. 2). Факты эти убѣждаютъ, что долгосрочная аренда вовсе не является столь благопріятной для сельскаго хозяйства, какъ это принято думать.

Итакъ, не долгосрочная аренда даетъ возможность англійскимъ фермерамъ вести такое интенсивное хозяйство, какое тамъ наблюдается. Что же, спрашивается, при такой необезпеченности владѣнія служитъ гарантіей фермеру, что необходимыя при такомъ хозяйствѣ большія затраты, окупающіяся только въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, не будутъ потеряны для него, если почему-либо владѣлецъ земли не пожелаетъ продлить срокъ аренды до того времени, когда затраты, произведенныя фермеромъ, будутъ полностью возвращены ему отъ эксплоатаціи земли? Въ англійскихъ поземельныхъ отношеніяхъ мы и находимъ дѣйствительно такую гарантію: владѣлецъ земли обязанъ въ такомъ случаѣ возмѣстить фермеру не вырученныя еще отъ земли затраты. Это обстоятельство сообщаетъ англійскому фермерскому хозяйству значительную устойчивость: широко развитымъ тамъ меліоративнымъ кредитомъ гораздо въ большей степени пользуются фермеры, чѣмъ землевладѣльцы. Такимъ образомъ, на примѣрѣ Англіи мы видимъ, что ни непродолжительность, ни неопредѣленность срока пользованія землей не служатъ препятствіемъ къ производству даже самыхъ капитальныхъ улучшеній, разъ только есть увѣренность, что издержки будутъ возмѣщены арендатору, даже въ случаѣ преждевременнаго прекращенія аренды.

Если теперь, имѣя въ виду сказанное объ англійскомъ фермерскомъ хозяйствѣ, перейдемъ къ русскому общинному землевладѣнію, то увидимъ, что здѣсь непродолжительность владѣнія землей служитъ еще меньшею помѣхой для различныхъ затратъ на капитальныя улучшенія, вродѣ орошенія, напримѣръ, чѣмъ для англійскаго фермера. Послѣдній въ томъ случаѣ, когда инициатива преждевременнаго прекращенія арендныхъ отношеній исходитъ отъ него, а не отъ владѣльца, иногда все-таки рискуетъ потерять свои затраты, тогда какъ общинникъ переходитъ отъ одного участка къ другому въ предѣлахъ той же общины, на которую предпринятое улучшеніе распространилось и, слѣдовательно, въ другомъ участкѣ воспользуется тѣми же выгодами, какія въ первомъ давало ему произведенное на общин-

ной землѣ улучшеніе. Изъ сказаннаго не трудно видѣть, насколько неосновательно утвержденіе, будто при общинномъ владѣніи у членовъ общины не можетъ быть такихъ побужденій, какъ у собственниковъ, производить различныя улучшенія, безъ которыхъ часто невозможно правильное развитіе сельскаго хозяйства.

Напротивъ, все приведенное до сихъ поръ, какъ и другіе факты, которые будутъ приведены далѣе, свидѣтельствуетъ, что община, при извѣстныхъ условіяхъ, открываетъ даже бо̀льшій просторъ для улучшеній. Если же, какъ то и несомнѣнно, возвышеніе производительности земледѣльческаго труда, какъ и вообще поднятіе производительности составляетъ основное условіе улучшеніе экономическаго положенія населенія, то это одно составляетъ уже достаточное основаніе, чтобы видѣть въ общинномъ землевладѣніи одну изъ наиболѣе существенныхъ гарантій подъема производительности нашего земледѣлія и соотвѣтственно съ тѣмъ содѣйствовать укрѣпленію того сознанія о значеніи общиннаго землевладѣнія, которое одно въ состояніи гарантировать прочное развитіе благосостоянія населенія, матеріальнымъ интересамъ котораго наиболѣе соотвѣтствуетъ такая форма землевладѣнія, согласно которой земля не есть источникъ накопленія, а источникъ существованія какъ настоящихъ, такъ и будущихъ положеній.

Перейдемъ ко 2-му возраженію: при общинномъ владѣніи, говорятъ, отдѣльный членъ не можетъ отступить отъ принятой системы полевого хозяйства; всѣ полевыя работы въ одно время начинаются и одновременно же кончаются, такъ какъ на сжатомъ полѣ пасется скотъ. Каждый долженъ вести такой же сѣвооборотъ, какъ и другіе. Но вина здѣсь не въ общинномъ владѣніи. Крестьяне хорошо знаютъ, что жнитво не представляетъ хорошаго питанія для скота, и если, тѣмъ не менѣе, такая пастьба производится, то дѣлается это въ силу необходимости, по недостатку другого пастбища, по недостатку, слѣдовательно, земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ.

При отсутствіи общиннаго землевладѣнія затрата на пастьбу скота гораздо больше. На югѣ Германіи обычно можно видѣть мальчика или дѣвочку, стерегущихъ одну корову, которая пасется на незначительномъ клочкѣ земли. При общинномъ землевладѣніи весь скотъ пасется на одномъ полѣ и за нимъ слѣдитъ одинъ пастухъ. Не трудно видѣть, что въ послѣднемъ случаѣ является значительное сбереженіе личныхъ силъ. Но уже вовсе не имѣетъ значенія это возраженіе при болѣе интенсивной культурѣ, когда скотъ содержится въ стойлѣ и, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о стѣсненіи черезъ посредство пастьбы скота.

Но кромѣ того надо имѣть въ виду, что разъ наступаютъ условія, вызывающія необходимость перехода къ интенсивной культурѣ, то онъ не можетъ не произойти, такъ какъ переходъ такой не есть нѣчто случайное. Нѣмецкій экономистъ Тюненъ

выяснилъ, какъ совершается переходъ отъ одной системы земледѣлія къ другой: онъ происходитъ независимо отъ того, хочетъ или не хочетъ этого землевладѣлецъ; онъ является въ силу неизбѣжныхъ условій, порождаемыхъ развитіемъ рынка. Но и тогда такой переходъ совершается не сразу. Необходимо убѣжденіе въ томъ, что новыя культуры, предлагаемыя вмѣсто старыхъ, дѣйствительно отличаются какими-нибудь преимуществами предъ ними, иначе говоря, необходимъ опытъ. Обыкновенно говорятъ на это, что при общинномъ владѣніи нѣтъ возможности испробовать посѣвъ. На дѣлѣ, однако, такой невозможности не существуетъ. Усадебная земля, по закону считающаяся наслѣдственной, передѣлу не подлежитъ и находится въ полномъ хозяйственномъ распоряженіи владѣльца. Здѣсь онъ можетъ производить какіе угодно опыты, пробовать какіе угодно посѣвы. Этой возможностью и пользовались нѣкоторые. Въ Московской, Смоленской, Тверской и др. губ. наблюдается, что за послѣднія 10—15 л., а въ особенности за послѣднія 5 л. крестьяне стали заводить травосѣяніе, которое знаменуетъ переходъ отъ трехпольной къ четырехъ- и многопольной системѣ. Раньше началось травосѣяніе на усадебныхъ земляхъ. Примѣру однихъ стали слѣдовать другіе, и когда у всѣхъ созрѣло сознаніе выгодъ отъ травосѣянія, въ нѣкоторыхъ обществахъ стали выдѣлять для этого участки, раньше не пахавшіеся; сѣмена пріобрѣтались на средства общинъ. Такъ какъ новые опыты давали каждый разъ только новое подтвержденіе полезности травосѣянія, то послѣднее ввели въ сѣвооборотъ, нисколько не нарушивъ этимъ общинныхъ принциповъ. Въ Московской и Тверской губерніяхъ такихъ примѣровъ не мало. Достаточно было сдѣлать это одной общинѣ, какъ другія уже заводили травосѣяніе на общинныхъ пахатныхъ поляхъ. Въ Ямбурскомъ у., Петербургской губ., четырехпольный сѣвооборотъ замѣнилъ трехпольное въ 14% общинъ. Ростовскій у., Ярославской губ., издавна славится огородничествомъ, которое ведется на приусадебной землѣ. (В. В.: «Прогрессивныя теченія», стр. 156, 157, 179, см. тамъ же стр. 191, 201 и др.). «На крайнемъ сѣверѣ Тобольской губ. хозяйство ведется по двухпольной системѣ, и общинныя пашни распредѣлены на двѣ смѣны. Такая система полеводства, повидимому, представляется болѣе соотвѣтствующею суровому климату и почвеннымъ условіямъ, нежели преобладающее нѣсколько южнѣе трехполье. И вотъ на границѣ трехполной и двухпольной полосъ изслѣдованіемъ константированъ рядъ случаевъ, когда общины, ранѣе державшіяся обязательнаго трехполья, послѣ ряда *опытовъ*, произведенныхъ *отдѣльными хозяевами* на «новинныхъ» земляхъ, не вошедшихъ въ разгороженныя смѣны, установляли у себя обязательное двухпольное хозяйство... съ другой стороны, тамъ, гдѣ уже издавна установилось принудительное двухпольное хозяйство, крестьянство тяготится необходимостью оставлять не засѣянною половину всей пахатной земли; въ виду этого, *отдѣльные хозяева почти повсюду* дѣла-

ли на «новинныхъ» пашняхъ *опыты* заведенія трехпольнаго хозяйства» (Кауфманъ: «Крест. Общ. въ Сибири,» стр. 251). И такъ, на этотъ разъ факты говорятъ за то, что общинное землевладѣніе не представило препятствій переходу къ новой культурѣ.

Могутъ на это сказать, что приведенныя условія распространенія травосѣянія на общинныхъ земляхъ, а равно и другіе факты, какъ разъ и могутъ служить подтвержденіемъ, что рядомъ съ общиннымъ должно быть и частное землевладѣніе. такъ какъ первоначально дѣлались опыты на усадьбахъ, составляющихъ какъ бы отдѣльное владѣніе, или же опыты производились отдѣльными хозяевами на «новинныхъ» земляхъ. Но такой выводъ будетъ невѣренъ. Важно, чтобы была возможность ознакомиться на опытѣ съ тѣмъ или другимъ улучшеніемъ, а для этого нѣтъ надобности имѣть свой участокъ; гораздо цѣлесообразнѣе одинъ общій, на которомъ каждый могъ бы видѣть, что и какъ дѣлается, и это будетъ производительнѣе и цѣлесообразнѣе, потому что избавляетъ отъ надобности ждать, пока у отдѣльнаго лица явятся охота, время и средства на производство опытовъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ знакомство съ новыми культурами. Первоначально подобныя знанія получаются изъ наблюденій и потомъ, послѣ нѣсколькихъ примѣненій на опытныхъ и демонстративныхъ поляхъ, входятъ въ сельскохозяйственную практику. До послѣдняго времени почти исключительно при однихъ только сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ имѣлись такія опытныя поля для неиспытанныхъ еще растеній и демонстративныя для испытанныхъ уже. Вполнѣ понятно, что при этихъ условіяхъ такія знанія раньше всего и легче распространялись среди болѣе образованныхъ сельскихъ хозяевъ. По отношенію къ крестьянскому землевладѣнію такихъ мѣръ до послѣдняго времени не существовало, въ чемъ уже нисколько не повинна община, такъ какъ въ условіяхъ ея нельзя найти ничего, что мѣшало бы распространенію хозяйственныхъ и иныхъ знаній. Но разъ этихъ знаній не было, никакихъ мѣръ для ознакомленія съ новымъ не принималось, то понятно, что крестьяне не рѣшались на опыты частью вслѣдствіе неувѣренности въ ихъ выгодѣ, а частью по недостатку средствъ. Случалось также, что неудача въ одномъ случаѣ (при травосѣяніи, наприм., неуспѣхъ иногда зависѣлъ отъ незнакомства съ техническими условіями), отразившись тяжело на крестьянскомъ бюджетѣ, рѣшительно возстановляла другихъ хозяевъ противъ подобнаго нововведенія. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло явиться много смѣльчаковъ, готовыхъ дѣлать опыты, и если они все-таки являлись, то это показываетъ, что община не лишаетъ и духа предпріимчивости, что крестьянинъ-общинникъ не такой рутинеръ, какъ объ этомъ распространено мнѣніе, что будто бы онъ ни за что не разстанется со своимъ первобытнымъ хозяйствомъ, чтобы перейти къ высшему. Въ

дѣйствительности вовсе не замѣчается такого упорнаго застоя въ крестьянскомъ хозяйствѣ: выше мы уже указывали, что нѣкоторыя общины переходятъ къ высшимъ полевымъ культурамъ; нерѣдко также крестьяне отыскиваютъ новыя сѣмена, чтобы замѣнить ими старыя; пріобрѣтаютъ новыя земледѣльческія орудія, а нѣкоторыя, сравнительно дорого стоющія, какъ наприм. молотилки, покупаютъ даже цѣлыми общинами.

Въ послѣднее время земства идутъ на встрѣчу этимъ запросамъ въ крестьянствѣ: приглашаютъ агрономовъ, заводятъ демонстративныя поля, устраиваютъ склады сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій. И крестьяне нерѣдко сами приходятъ на эти поля изъ дальнихъ селъ, чтобы познакомиться съ какимъ-либо новымъ орудіемъ или новымъ посѣвомъ, часто являются въ склады за покупкой сѣмянъ или орудій, въ особенности въ томъ случаѣ, если земство какимъ-нибудь способомъ облегчаетъ пріобрѣтеніе тѣхъ и другихъ, хотя до нѣкоторой степени устраняя, такимъ образомъ, одно изъ главныхъ препятствій, тормозящихъ крестьянское хозяйство. И нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ именно общинное-то землевладѣніе и способствуетъ гораздо болѣе быстрому введенію улучшеній, чѣмъ это могло бы быть при подворномъ. При общинѣ, разъ извѣстный опытъ произведенъ, демонстрированъ, разъ большинство членовъ общины наглядно ознакомилось съ предлагаемымъ улучшеніемъ,—оно вводится по взаимному соглашенію всѣхъ общинниковъ на *всей* общинной землѣ. Если бываютъ случаи (совершенно исключительные) несогласія на это двухъ-трехъ отдѣльныхъ домохозяевъ, то, какъ это показала практика Московскаго земства, такимъ хозяевамъ предоставляется вести дѣло по старому на своихъ участкахъ, а затѣмъ улучшеніе вводится у остальныхъ. При подворномъ же землевладѣніи не только о такомъ единовременномъ введеніи улучшенія у всѣхъ домохозяевъ даннаго селенія не можетъ быть и рѣчи, но даже нѣтъ условій для возникновенія мысли о необходимости соглашенія. А въ такомъ случаѣ, при томъ же пространствѣ земли, у одинаковаго количества подворныхъ землевладѣльцевъ улучшеніе распространится медленнѣе по всему этому пространству, да и случаевъ практикѣ, вырабатывающей сознаніе общности и солидарности интересовъ—меньше.

Приведенными соображеніями мы вовсе не хотѣли указать на *быстрое* развитіе земледѣльческой техники въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но вѣдь такого быстраго развитія не замѣчается и въ хозяйствахъ многихъ крупныхъ частныхъ владѣльцевъ, хотя у нихъ и средствъ больше, и уровень сельско-хозяйственныхъ знаній выше. Очевидно, существуетъ цѣлый рядъ условій, лежащихъ внѣ самаго факта общиннаго владѣнія землей, задерживающихъ техническій прогрессъ въ земледѣліи. А разъ это такъ, разъ, съ одной стороны, въ нѣкоторыхъ общинахъ мы наблюдаемъ развитіе земледѣльческаго хозяйства, а съ другой — въ нѣкоторыхъ частновладѣльческихъ крупныхъ хозяйствахъ, а

тѣмъ больше въ мелкихъ, мы наталкиваемся на ту рутинность и косность, въ которой упрекаютъ общину, то само собой падаетъ разсматриваемое возраженіе противъ общиннаго владѣнія землей.

Третье возраженіе основано на тѣхъ невыгодахъ, которыя связаны съ *черезполосицей*. составляющей будто особенность общиннаго землевладѣнія. Черезполосица, какъ мы знаемъ, происходитъ отъ стремленія распредѣлить землю такъ, чтобъ у каждаго были участки земли хорошей, плохой, средней, удобной и т. д., т.-е чтобы каждый былъ поставленъ въ одинаковыя условія приложенія своего труда, поскольку это зависитъ отъ качества, количества и положенія земельнаго участка *). При переходѣ къ подворному землевладѣнію никто не пожелаетъ поступиться своими выгодами и взять себѣ участокъ, имѣющій только неудобства въ своемъ положеніи. и потому та же черезполосность остается обычно и при переходѣ къ подворному землевладѣнію. Но не только остается, а съ теченіемъ времени усиливается, вслѣдствіе перехода частей участковъ въ разныя руки. При этомъ, однако, уже нарушается равенство въ распредѣленіи земли по сортамъ между отдѣльными владѣльцами и слѣдовательно остаются лишь однѣ невыгодныя стороны черезполосицы, при происходящемъ при томъ усиленіи ея. Такое усиленіе ея при подворномъ владѣніи и ведетъ нерѣдко къ необходимости продавать участки, т.-е. къ скупкѣ ихъ въ однѣ руки и къ обезземеленію другихъ, безъ уничтоженія, однако, общей черезполосицы. Въ общинѣ же съ развитіемъ черезполосицы далѣе необходимаго предѣла,—развитіемъ, вызываемымъ перемѣною владѣльцевъ участковъ, вслѣдствіе смерти, наприм.,—наступаетъ общій передѣлъ, при которомъ уничтожается та черезполосица, которая обусловливается не свойствами владѣнія, а переходами его изъ однѣхъ рукъ въ другія. Такимъ образомъ, общинное землевладѣніе имѣетъ въ самомъ себѣ средство противъ черезполосицы, вытекающей за предѣлы необходимаго; подворное же землевладѣніе этого средства не имѣетъ.

Если мы представимъ себѣ при подворномъ землевладѣніи участокъ каждаго лежащимъ въ одномъ мѣстѣ, то встрѣтимся съ *другимъ неудобствомъ*, а именно—съ необходимостью имѣть проѣздъ къ дорогѣ черезъ участокъ другого лица, такъ что и тутъ не избѣгаемъ извѣстнаго вида черезполосицы, связаннаго къ тому же съ неудобствомъ проѣзда.

Тѣсно связано съ приведеннымъ и *послѣднее* возраженіе, именно то, что при общинномъ землевладѣніи развивается большое дробленіе участковъ: земля та же, количество же общинниковъ растетъ. Но здѣсь уже очевидно на общину сваливается то, что, съ одной стороны, является результатомъ чисто-естественныхъ причинъ, роста населенія, а съ другой—малоземелья. Ни

*) Выгоды, происходящія отъ такой черезполосицы отмѣчены, между прочимъ, выше въ примѣчаніи на стр. 79.

отъ перваго, ни отъ второго не свободно и подворное землевладѣніе. Въ случаѣ недостатка земли подворное землевладѣніе, при наслѣдованіи одного участка нѣсколькими наслѣдниками, доходитъ иногда до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, которые совсѣмъ уже не допускаютъ сельскохозяйственной культуры. Община все-таки путемъ передѣловъ регулируетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ владѣніе землей въ зависимости отъ измѣненій, происходящихъ въ семейномъ составѣ хозяйствъ. Предѣлы эти, конечно, ограничены количествомъ земли, находящейся въ распоряженіи общины, но доля земли, приходящаяся на каждаго, уменьшается съ ростомъ населенія при *всякой* формѣ землевладѣнія, что и *вызываетъ измѣненіе системъ* земледѣлія, которое происходитъ *и при общинѣ*. Дробленіе же земли, происходящее при подворномъ владѣніи и являющееся результатомъ переходовъ по наслѣдству, продажъ и т. п., и неравномѣрно, и въ отдѣльныхъ случаяхъ еще болѣе значительно.

Остаются общія замѣчанія о тѣхъ препятствіяхъ, которыя представляетъ наше общинное землевладѣніе переходу къ высшимъ коллективнымъ формамъ. Утверждаютъ, что только на почвѣ послѣдовательнаго развитія индивидуализма, на почвѣ правильнаго развитія въ каждомъ индивидуумѣ ясно выраженнаго сознанія своихъ интересовъ, возможенъ такой переходъ, возможно соединеніе отдѣльныхъ лицъ въ правильно организованные союзы. Но если это вѣрно по отношенію къ лицамъ, не имѣющимъ ничего, кромѣ своего собственнаго труда, то совершенно иначе представляется по отношенію къ подворному мелкому землевладѣльцу. Весь интересъ послѣдняго сосредоточенъ на его ничтожномъ участкѣ, за предѣлами котораго для него не существуетъ никакихъ общественныхъ интересовъ или, вѣрнѣе, онъ всѣ ихъ готовъ принести въ угоду своимъ, рѣзко отдѣляющимся отъ общественныхъ. Тогда какъ въ общинѣ личный интересъ нерѣдко такъ тѣсно сливается съ общественнымъ, что ихъ нельзя отдѣлить,—общинникъ кромѣ своего участка долженъ всегда брать во вниманіе и все общинное владѣніе: участокъ, который находился во владѣніи его сосѣда, можетъ завтра очутиться въ его рукахъ; выгоды и невыгоды общины приходится до извѣстной степени дѣлить и ему. Здѣсь изъ сопостановленія личныхъ интересовъ съ общинными гораздо полнѣе, всестороннѣе, чѣмъ у мелкаго собственника, развивается сознаніе своей индивидуальности и въ тоже время представленіе о соотношеніи своихъ интересовъ къ общимъ интересамъ. Наконецъ общинникъ въ меньшей мѣрѣ собственникъ: земля на его, у него лишь временно для работы опредѣленная доля ея. Слѣдовательно, у него нѣтъ и не можетъ быть того выдѣленія и обособленія своихъ интересовъ отъ интересовъ того цѣлаго, въ составъ котораго онъ входитъ, какъ у собственника земли, имѣющаго лично ему принадлежащее недвижимое имущество, кладущее раздѣльную черту между нимъ и остальной массой трудящагося населенія. По экономическимъ условіямъ, опредѣляю-

щимъ міросозерцаніе крестьянина-общинника, въ особенности, если онъ въ тоже время чередуетъ занятіе земледѣліемъ съ промысловыми заработками—онъ весьма близокъ къ фабричному рабочему. Какъ у послѣдняго—фабрика не его — онъ только одинъ изъ многихъ работающихъ на ней, такъ и у общинника—земля не его—онъ только одинъ изъ многихъ работающихъ на ней и уже въ силу этого для общинника легко перенести его представленіе объ отношеніи къ его средствамъ производства на отношенія вообще къ средствамъ производства.

Итакъ, сводя *всѣ возраженія* противъ общины, приходится сказать, что цѣлый рядъ указаній на невозможность сельскохозяйственныхъ улучшеній въ общинѣ, какъ я это старался показать, представляется неосновательнымъ. Факты дѣйствительности противорѣчатъ этому. Слабое развитіе этихъ улучшеній вначалѣ не служитъ доказательствомъ ихъ невозможности. Анализъ крестьянскаго хозяйства показываетъ, что этому препятствуетъ не самый фактъ общиннаго владѣнія землей, а цѣлый рядъ условій—отсутствіе средствъ, малоземелье, несоотвѣтствіе платежей, лежащихъ на землѣ, съ доходностью ея, и много другихъ. Всѣ эти неблагопріятныя для крестьянскаго хозяйства условія были указаны еще въ 70-хъ годахъ проф. Янсономъ въ его книгѣ «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ» *). Съ тѣхъ поръ литература не разъ останавливалась на анализѣ этихъ условій. Что же касается утвержденій, что община не несетъ въ себѣ задатковъ, которые дѣлали бы возможнымъ переходъ ея къ высшимъ общественнымъ формамъ, то утвержденія эти большею частью основаны именно на перечисленныхъ условіяхъ, т.-е. какъ разъ на тѣхъ, которыя лежатъ не въ самомъ фактѣ общиннаго владѣнія землей, а въ цѣломъ рядѣ другихъ причинъ.

При всемъ этомъ остается не оспариваемымъ лишь одно преимущество общиннаго землевладѣнія — это то, что оно способствуетъ болѣе чѣмъ какая-либо другая форма землевладѣнія (не считая государственнаго) сохраненію земли въ рукахъ обрабатывающаго ея населенія. Конечно, можно разсматривать это не какъ преимущество, но лишь съ двухъ точекъ зрѣнія: или съ той, что это обстоятельство мѣшаетъ сосредоточенію земли въ однихъ рукахъ—въ крупныя помѣстья, что мѣшаетъ будтобы сельскохозяйственной культурѣ. Но мы уже видѣли, кто является творцомъ улучшеній въ крупныхъ землевладѣніяхъ, и кромѣ того

---

*) Кстати отмѣтимъ здѣсь, что для интересующихся ознакомленіемъ съ условіями русскаго крестьянскаго хозяйства всего лучше начинать это съ изученія этой книги Янсона, такъ какъ тамъ обрисовано положеніе крестьянъ непосредственно за отмѣной крѣпостнаго права. Только при такомъ знакомствѣ становится понятнымъ затѣмъ все то, что даютъ земско-статистическіе сборники для уясненія условій крестьянскаго хозяйства. Они же тогда даютъ и отвѣты на многіе вопросы, вызываемые книгой Янсона, вопросы, вытекающіе изъ анализа тѣхъ условій дѣйствительности, которыя онъ рисуетъ весьма рельефно и точно.

намъ еще придется касаться этого въ послѣдующихъ очеркахъ. Другая точка зрѣнія видитъ въ этомъ отсутствіе преимущества въ томъ отношеніи, что это задерживаетъ «естественное развитіе историческихъ теченій», такъ какъ задерживаетъ, тормазитъ болѣе быстрое образованіе безземельнаго пролетаріата, въ классовомъ сознаніи котораго заключается единственный залогъ прогрессивнаго развитія экономическихъ отношеній. Но этого вопроса мы отчасти уже касались выше, отчасти еще придется останавливаться на немъ. При этомъ далѣе утверждается, что въ виду происходящаго процесса капитализаціи и соединеннаго съ нимъ процесса дифференціаціи сельскаго населенія — община все равно обречена на разложеніе. Въ послѣдующихъ очеркахъ намъ придется еще касаться того, насколько путь капитализаціи представляется единственнымъ путемъ обобществленія труда, насколько этотъ путь мыслимъ для Россіи при ея экономическихъ условіяхъ и насколько, слѣдовательно, мыслимо проведеніе дифференціаціи до того предѣла, который сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе общиннаго землевладѣнія при его, какъ мы уже видѣли, способности видоизмѣняться соотвѣтственно требованіямъ дѣйствительности, не нарушая въ то же время той основы его, согласно которой устанавливается равномѣрное для всѣхъ пользованіе землей, принадлежащей общинѣ. Здѣсь же достаточно отмѣтить, что разъ общинное землевладѣніе соотвѣтствуетъ матеріальнымъ, и притомъ ясно сознаваемымъ интересамъ той части населенія, которой по ея экономическому значенію въ Россіи можетъ принадлежать видное мѣсто, то очевидно эти интересы и найдутъ силу сохранить землю за массой населенія, если только у послѣдняго найдется сила и способность сознательно проводить въ жизнь свои интересы, что, какъ извѣстно, стоитъ въ тѣсной связи съ распространеніемъ знаній, способствующихъ сознательному отношенію къ явленіямъ окружающей дѣйствительности.

Разсмотрѣвъ возраженія противъ общины, перехожу теперь къ самымъ порядкамъ общиннаго землевладѣнія въ Великороссіи

Земля считается собственностью всей общины и каждый членъ общины имѣетъ право на извѣстную долю ея. При этомъ наблюдаются различные виды общиннаго землевладѣнія: существуетъ община *простая*, когда цѣлое селеніе владѣетъ отдѣльнымъ участкомъ; *составная* или *сложная*, когда нѣсколько селъ владѣютъ сообща однимъ участкомъ, при чемъ обыкновенно пашня находится въ распоряженіи каждаго селенія отдѣльно, а лѣсомъ пользуются всѣ сообща; эта форма часто наблюдается у бывшихъ государственныхъ крестьянъ; и, наконецъ, община *раздѣльная*, когда въ одномъ селеніи двѣ или нѣсколько общинъ. Послѣднее могло произойти оттого, что вся площадь, прилежащая къ данному селу, до надѣленія крестьянъ землей принадлежала двумъ или нѣсколькимъ владѣльцамъ или, находясь во владѣніи одного лица, была раздѣлена между двумя и болѣе.

Что касается способовъ распредѣленія земли, то прежде всего *усадебная* земля находится въ наслѣдственномъ пользованіи, хотя и она въ извѣстной мѣрѣ можетъ подлежать передѣлу. Въ такомъ случаѣ мѣсто около избы владѣльца сохраняется за нимъ, но ширина приусадебнаго участка можетъ быть измѣнена; происходитъ, такимъ образомъ, какъ бы передвиженіе усадебныхъ участковъ. *Пашня* передѣляется черезъ извѣстное число лѣтъ, причемъ различается передѣлъ *коренной* и *частный*, о чемъ еще придется говорить. Земля подъ *луговъ* не раздѣляется на доли, а совершается передѣлъ во время покоса, такъ какъ качество травы на одномъ и томъ же участкѣ бываетъ изъ года въ годъ различно, въ зависимости отъ климатическихъ условій года. Община, не желая ставить каждаго домохозяина въ зависимость отъ рѣзкихъ колебаній въ томъ, что составляетъ весьма существенную статью въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не находитъ возможнымъ, какъ то дѣлается съ пашней, передѣлять луговую землю на опредѣленное число лѣтъ. *Лѣсъ* либо передѣляется на извѣстный срокъ на опредѣленныя доли, либо дѣлится ежегодно на участки по числу корней.

Чѣмъ же, спрашивается, руководится община, опредѣляя долю каждаго? Основанія для такого дѣленія бываютъ различны. Долгое время передѣлы совершались *по ревизскимъ душамъ:* каждое хозяйство получало столько земли сколько приходилось на него по числу душъ мужского пола въ семьѣ, записанныхъ при послѣдней ревизіи. Если, наприм., въ селѣ 300 десят. земли и 100 ревизскихъ душъ, то, слѣдовательно, на каждую душу мужского пола приходилось 3 десят., и если въ семьѣ 5 такихъ душъ, то она получала 15 десятинъ. Другой способъ передѣловъ состоитъ въ томъ, что земля дѣлится по числу лицъ мужского пола *въ рабочемъ возрастѣ*, какимъ считается возрастъ отъ 18 до 60 лѣтъ.

Основаніемъ для такого распредѣленія служитъ взглядъ на землю, какъ на средство приложенія рабочей силы; надѣляется земля по количеству фактическихъ рабочихъ силъ. Здѣсь съ другой стороны принимается во вниманіе и то обстоятельство, что за землю приходится платить подати, а въ такомъ случаѣ каждое хозяйство должно быть надѣлено землей съ такимъ разсчетомъ, чтобы оно дѣйствительно могло приложить свои рабочія силы къ землѣ и имѣло, такимъ образомъ, возможность нести податное бремя.

Существуетъ и другое дѣленіе земли, когда въ разсчетъ берется *составъ семьи.* Земля здѣсь разсматривается какъ источникъ пропитанія, который долженъ обезпечить семьѣ ея матеріальное существованіе. Передѣлъ производится по числу ртовъ, ѣдоковъ въ семьѣ.

Очень часто община при надѣленіи землей руководится тѣмъ, въ какомъ отношеніи стоятъ *платежи* за землю къ ея доходности: гдѣ доходы больше платежей, гдѣ, слѣдовательно, каждый домохозяинъ стремится удержать землю въ своихъ рукахъ, тамъ

выжидаютъ, пока освободится участокъ за смертью надѣленнаго имъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ, наоборотъ, доходы съ земли не покрываютъ платежей, тамъ стараются эту тягость распредѣлить на большее число лицъ,—берется также во вниманіе имущественное положеніе семьи.

Когда въ 70-хъ годахъ наблюдали общинное землевладѣніе, то усмотрѣли, что передѣлы не совершались съ послѣдней ревизіи, т.-е. съ 1858-го года. Въ этомъ нѣкоторые хотѣли видѣть ослабленіе общинныхъ традицій, такъ какъ, утверждали, потребность въ передѣлахъ за этотъ длинный періодъ назрѣла въ достаточной мѣрѣ въ силу значительныхъ измѣненій въ составѣ и отдѣльныхъ семей и цѣлыхъ общинъ, а разъ передѣлы, несмотря на то, не совершаются, то это можно объяснить только нежеланіемъ общинниковъ приступить къ нимъ. Объясненіе это оказалось однако невѣрнымъ. Не ослабленіе общинныхъ традицій удерживало крестьянъ отъ передѣловъ, а совершенно иныя причины. Во-первыхъ, населеніе все ожидало новой ревизіи, за которой обыкновенно и слѣдовали передѣлы, ибо основаніемъ для распредѣленія земель служила, какъ я уже говорилъ, ревизская душа. Во-вторыхъ, новый складъ хозяйственной жизни крестьянъ, съ отмѣной крѣпостного права, вызвалъ далеко не одинаковое отношеніе къ передѣламъ среди общинниковъ; главной причиною разногласія явилось, конечно, скоро рѣзко обнаружившееся несоотвѣтствіе платежей за землю съ ея доходностью; отсюда одни стремились насколько возможно избавиться отъ земли, другіе не хотѣли брать ее; одни требовали передѣловъ, другіе были противъ нихъ; это разногласіе и задерживало передѣлы, пока, наконецъ, потребность въ передѣлкахъ не назрѣла настолько сильно, что уже пришлось приступить къ нимъ. Было, наконецъ, еще одно препятствіе: когда послѣ реформы 19 февраля крестьяне были надѣлены землей, многіе изъ нихъ сомнѣвались въ томъ, сохранилось ли за ними право передѣловъ. Что именно приведенныя сейчасъ основанія надолго задержали передѣлы, видно изъ того, что уже въ началѣ 70-хъ годовъ сильно возросшая къ тому времени неравномѣрность въ распредѣленіи участковъ и черезполосица привели къ цѣлому ряду передѣловъ. Еще больше ихъ было въ 80-хъ годахъ.

Факты эти представляютъ собою наилучшее доказательство того, что общинное землевладѣніе отвѣчаетъ интересамъ населенія. Послѣднее совершенно добровольно, неувѣренное даже въ своемъ правѣ на совершеніе передѣла, все-таки въ концѣ концовъ приступаетъ къ тому, вынужденное, такъ сказать, силою тѣхъ экономическихъ интересовъ, которые не только удерживаютъ эту форму землевладѣнія, но и заставляютъ ее дѣятельно проявлять себя. Изъ предыдущаго мы видѣли, что общинное землевладѣніе представляетъ собою жизнеспособный инстинутъ, такъ какъ не только не препятствуетъ, но болѣе чѣмъ подворное способствуетъ переходу къ улучшенной системѣ земледѣлія.

Изъ приведенныхъ же теперь фактовъ относительно проявленія его жизнедѣятельности въ передѣлахъ, мы видимъ, что послѣдніе вызываются прямо сельскохозяйственными и экономическими интересами самого населенія: существованіе общиннаго землевладѣнія обусловливается именно этими интересами населенія, занятаго земледѣліемъ, а безъ такого населенія врядъ-ли можетъ обойтись хоть одна страна. Такимъ образомъ, къ отвѣту на поставленный мною раньше вопросъ: что значитъ быть сторонникомъ общиннаго землевладѣнія, можно теперь добавить: это значитъ, признавая благотворность его для интересовъ массы крестьянскаго населенія, не идти въ то же время наперекоръ тѣмъ экономическимъ основаніямъ, которыя сохраняютъ за нимъ силу и даютъ ему жизненность.

Передѣлы совершаются по числу душъ мужского пола, по числу рабочихъ силъ, по числу ѣдоковъ, въ зависимости какъ отъ существующихъ въ данномъ мѣстѣ взглядовъ на землю, о чемъ я уже раньше говорилъ, такъ и отъ отношенія платежей къ доходности земли. Передѣлы, какъ я уже упоминалъ, бываютъ *частные* и *коренные*. Первые, которые могутъ происходить ежегодно, наступаютъ вслѣдствіе измѣненій въ семейномъ составѣ отдѣльныхъ хозяйствъ: убыло или прибыло число лицъ въ семьѣ, уменьшилась или увеличилась нужда въ землѣ, трудоспособность и платежныя силы семьи,—община въ зависимости отъ такихъ измѣненій то урѣзываетъ, то прирѣзываетъ землю на данное хозяйство. Происходитъ эта урѣзка и прирѣзка такимъ образомъ, что часть земли, надѣленной при коренномъ передѣлѣ семьѣ, въ которой теперь произошла убыль душъ, поступаетъ въ пользованіе семьи, въ которой, наоборотъ, произошла прибыль. При этомъ, конечно, нерѣдко участки, вновь данные въ пользованіе этой послѣдней семьѣ, находятся не рядомъ съ находившимися уже въ ея пользованіи. Слѣдовательно, помимо той разбросанности участковъ въ разныхъ мѣстахъ поля, которая происходитъ отъ различія въ качествѣ и положеніи разныхъ частей поля, получается еще разбросанность участковъ, находящихся въ одинаковыхъ по качеству поля мѣстахъ, но зависящая исключительно отъ новаго надѣленія при измѣненіи состава семьи. Но такіе случаи могутъ имѣть мѣсто во многихъ семьяхъ и не разъ. Отсюдо одно и то же хозяйство въ случаѣ увеличенія состава семьи можетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получить нѣсколько новыхъ участковъ сверхъ полученныхъ имъ при послѣднемъ коренномъ передѣлѣ, и притомъ каждый разъ въ разныхъ мѣстахъ. Это послѣднее обстоятельство ведетъ къ большимъ неудобствамъ: участки одного хозяйства могутъ быть уже не въ двухъ-трехъ мѣстахъ одного поля, а въ пяти, шести и болѣе, а такая сильная разбросанность участковъ не можетъ не затруднить въ значительной степени земледѣльческихъ работъ. Съ другой стороны, и самая форма, которую принимаютъ такіе мелкіе участки, является крайне неудобной для работъ. Когда эта разбросанность участковъ каждаго хозяйства, через-

полосица принимаетъ такіе размѣры, что начинаетъ стѣснять общинниковъ и когда необходимо нарѣзать земли еще вновь при бывшимъ душамъ, тогда, съ измѣненіемъ въ числѣ и составѣ населенія, наступаетъ *коренной* передѣлъ.

Послѣдній, устраняя указанное сейчасъ неудобство, можетъ вести и къ иному распредѣленію полей. Вся площадь данной общины можетъ быть различна: по качеству почвы въ разныхъ мѣстахъ, по топографическому положенію, — прилегаетъ ли она къ лѣсу, наприм., къ дорогѣ или рѣкѣ, а съ этимъ обыкновенно связаны извѣстныя удобства и неудобства. Поэтому земля дѣлится на участки, называемые „столбами“, „ярусами“ и т. п., число которыхъ зависитъ отъ принятого сѣвооборота, различія почвы, топографическихъ условій и т. д.

Когда, такимъ образомъ, вся площадь раздѣлена на нѣсколько столбовъ, тогда въ каждомъ столбѣ намѣчается число душевыхъ долей (полосъ), а такъ какъ оно измѣняется сравнительно съ прежнимъ (вслѣдствіе измѣненія въ числѣ душъ), то уничтожаются и всѣ прежнія межи; происходитъ разбивка полосъ по числу душевыхъ долей, принимаемыхъ для передѣла въ данный моментъ. По установленіи ширины душевыхъ полосъ, опредѣляется по составу отдѣльныхъ дворовъ число полосъ для 2—хъ, 3—хъ душевого надѣла и т. д. Всѣхъ имѣющихъ 2-хъ-душевой надѣлъ соединяютъ въ одинъ „осьмакъ“, отдѣляютъ имъ одно мѣсто въ каждомъ ярусѣ и уже жребіемъ рѣшается, гдѣ именно въ томъ мѣстѣ каждому придется его доля. Такъ же поступаютъ съ 3-хъ-душевыми и т. д. Несомнѣнно въ тѣхъ случаяхъ, когда общинная земля, въ зависимости отъ сильнаго разнообразія почвенныхъ, топографическихъ и другихъ условій на данномъ протяженіи дѣлится на значительное число „ярусовъ“,—такое распредѣленіе, предпринимаемое общиной въ цѣляхъ снабженія членовъ равноцѣнными участками, приводитъ къ очень мелкимъ долямъ и черезполосицѣ, особенно невыгодной для тѣхъ, у кого надѣлы малы, а слѣдовательно и доли незначительны. Противъ такихъ неудобствъ община принимаетъ нѣкоторыя мѣры. Такъ, однодушникамъ земля въ нѣкоторыхъ общинахъ отводится либо въ одномъ мѣстѣ, либо въ 2—3-хъ мѣстахъ вмѣсто многихъ; иногда сами общинники путемъ обмѣна между собой узкихъ полосъ увеличиваютъ ихъ ширину и т. д. Такъ совершается передѣлъ пашни.

Что касается *покосовъ*, то при ихъ раздѣлѣ наблюдается иной пріемъ, чѣмъ при раздѣлѣ пашни. Сѣнокосныя угодья не дѣлятся подобно пашнѣ разъ на извѣстное число лѣтъ по качеству почвы, а каждый годъ передъ самымъ сѣнокосомъ дѣлятся на извѣстное число такихъ частей, которыя дадутъ приблизительно одинаковое количество сѣна. Затѣмъ эти части распредѣляются тоже по количеству душъ или рабочихъ силъ, смотря по тому, какое основаніе для дѣленія принято и при разверсткѣ пашни. Разница въ пріемахъ при раздѣлѣ пашни и покоса обусловливается съ одной стороны тѣмъ, что условія приложенія тру-

да въ томъ и другомъ случаѣ весьма различны: тогда какъ пашня требуетъ значительнаго количества труда и продолжительнаго ухода, всѣ работы на сѣнокосныхъ угодьяхъ ограничиваются одной уборкой; естественно поэтому, что и размѣры и мѣстонахожденіе пашни должны быть опредѣлены заранѣе, т.-е. до начала полевыхъ работъ; покосъ же можетъ быть раздѣленъ передъ самой уборкой, такъ какъ здѣсь нѣтъ предварительнаго приложенія труда. Съ другой стороны, и главнымъ образомъ, это вызывается тѣмъ, что, какъ я уже упоминалъ, урожай травъ представляетъ, въ зависимости отъ почвенныхъ и атмосферическихъ условій, весьма рѣзкія колебанія изъ года въ годъ на одномъ и томъ же участкѣ. И вотъ община, не желая ставить, каждое хозяйство въ зависимость прямо, такъ сказать, отъ случая, дѣлитъ покосъ указаннымъ уже мною способомъ. Сравнительно рѣдко наблюдаются случаи, когда сѣно убирается всѣмъ міромъ сообща и потомъ дѣлится между всѣми, соотвѣтственно доли каждаго.

Выгоны находятся въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи всей общины. Пользованіе ими регулируется, да и то только въ послѣднія 10—20 лѣтъ, только на южныхъ и восточныхъ окраинахъ; въ остальныхъ мѣстахъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не принято никакихъ основаній для опредѣленія участія каждаго въ пользованіи выгономъ. Въ послѣднемъ случаѣ это происходитъ потому, что подъ выгонъ отводится земля, не допускающая какой-либо культуры, по крайней мѣрѣ, по данной земледѣльческой техникѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ; а съ другой стороны, каждый крестьянинъ держитъ въ такихъ мѣстахъ только такое количество скота, какое необходимо для его хозяйственныхъ нуждъ, совсѣмъ не занимаясь или занимаясь въ незначительныхъ размѣрахъ продажей продуктовъ скотоводства. Неравенство въ пользованіи выгономъ выступаетъ здѣсь не такъ рѣзко, и потому община не регулируетъ пользованія имъ. Другое дѣло—въ степной полосѣ. Здѣсь крестьяне рядомъ съ земледѣліемъ занимаются скотоводствомъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, сбываютъ продукты его, почему подъ пастбище часто отводятся удобные земли. Неравенство въ пользованіи выгономъ, въ зависимости отъ различнаго количества скота у каждаго, можетъ обнаружиться довольно значительное. Это обстоятельство и вызвало здѣсь въ послѣднія 10—20 лѣтъ стремленіе регулировать пользованіе выгономъ, какъ и другими угодьями. Особый интересъ въ этомъ отношеніи представляютъ наблюденія въ тѣхъ окраинахъ, гдѣ происходитъ переходъ одной формы пользованія землею въ другія; тутъ именно можно видѣть, какъ сооотвѣтственно измѣненію внѣшнихъ условій, видоизмѣняются порядки пользованія землею, причемъ матеріальные интересы большинства ведутъ постоянно къ такому распредѣленію земли, чтобы поставить каждаго земледѣльца въ равныя условія приложенія *труда* къ основному условію земледѣлія—землѣ. «Въ то время, когда по отношенію къ пахатнымъ и сѣнокоснымъ землямъ господствовала типич-

ная *захватная форма пользованія* и владѣніе культурными угодьями пріурочивалось къ отдѣльнымъ заимкамъ, захватное пользованіе существовало—по крайней мѣрѣ отчасти—и по отношенію къ общественнымъ пастбищамъ: каждому заимщику предоставлялось загородить въ поскотину при своей заимкѣ часть общественныхъ пастбищъ и отдѣльная поскотина была необходимою составною частью всякой сколько-нибудь крупной заимки; что касается до скота мелкихъ заимщиковъ и той бѣдноты, которая вовсе не имѣла заимокъ, то онъ соединялся въ общественныя стада и пасся частью въ окружающей самое селеніе деревенской поскотинѣ (которою, впрочемъ, пользовались, буде желали, и заимщики, имѣющіе собственныя поскотины), частью по неогороженнымъ пастбищамъ... (Иркутская и прилегающая къ ней часть Енисейской губ.)... Въ западно-сибирскихъ губерніяхъ, гдѣ чисто захватныя формы пользованія вообще уже близки къ исчезновенію, община либо успѣла уже совершенно упразднить заимочныя поскотины, либо находится на пути къ такому упраздненію... Пока еще не чувствуется «утѣсненія», общество не интересуется вопросомъ о происхожденіи и назначеніи выпускаемаго на пастьбу скота... пока пастбищъ еще очень много, міръ «не препятствуетъ» не только общественникамъ, но даже постороннимъ лицамъ, проживающимъ въ селеніяхъ, пасти на общественномъ пастбищѣ скотъ, закупаемый зажиточными для перепродажи. Но тамъ, гдѣ избытокъ пастбищъ уже не такъ великъ... къ пастбѣ на общественныхъ угодьяхъ допускается уже одинъ только хозяйственный скотъ, а остальной скотъ пасется за особое вознагражденіе или въ пользу общины, или тѣмъ домохозяевамъ, у которыхъ *«не хватаетъ скота противъ нормы»*. (Кауфманъ: «Крест. Общ. въ Сиб.» стр. 205—207) . Такимъ образомъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ матеріальные интересы малоимущихъ, очевидно, проявляютъ себя съ такою силою, что заставляютъ считаться съ ними самымъ дѣйствительнымъ образомъ и не нарушать ихъ, а, напротивъ, признавая ихъ право на землю, уплачивать имъ лишь въ силу того, что они не осуществляютъ этого права въ формѣ пастьбы скота; такой общественникъ, замѣчаетъ изслѣдователь, «какъ бы сдаетъ въ аренду ту часть принадлежащей ему доли пастбищъ, которой не можетъ использовать самъ» (тамъ же, стр. 208). (Очевидно, здѣсь, прибавимъ мы отъ себя, сказывается уже *капиталистическое начало*, но при данныхъ условіяхъ матеріальные интересы большинства заставляютъ его проявляться въ такой формѣ, которая ведетъ къ болѣе рѣзкому проявленію того *начала, въ которомъ коренится общинное землевладѣніе*, т. е. равное распредѣленіе выгодъ, получаемыхъ отъ общинной земли). Далѣе идутъ уже мѣстности, гдѣ главная цѣль содержанія скота—производство навоза, количество скота у каждаго приблизительно пропорціонально размѣрамъ запашекъ и поэтому участіе каждаго въ пользованіи пастбищемъ не подлежитъ никакому особому регулированію (тамъ же, стр. 209).

Передѣлъ *лѣсныхъ угодій* производится, какъ и передѣлъ пашни и покоса, по числу душъ или рабочихъ силъ. Принимаются мѣры къ тому, чтобы каждый участвовалъ въ пользованіи лѣсомъ въ такой же мѣрѣ, въ какой пользуется другими угодьями. Для этого употребляютъ различные пріемы: одни дѣлятъ лѣсъ на участки одновременно съ пашней на извѣстные сроки, другіе дѣлятъ лѣсъ въ натурѣ, т.-е. сосчитываютъ количество деревьевъ, дѣлятъ ихъ по качеству лѣса на равноцѣнныя части и каждому предоставляютъ столько долей, сколькими онъ участвуетъ въ прочихъ угодьяхъ. Существуютъ и другіе способы разверстки лѣса, въ зависимости отъ количества его въ данной общинѣ и его назначенія для топлива или какъ строительнаго матеріала. Таковы порядки общиннаго землевладѣнія по преимуществу въ Великороссіи и центральныхъ губерніяхъ.

На окраинахъ, въ лѣсистыхъ и степныхъ мѣстностяхъ, встрѣчается соединеніе единоличнаго пользованія землею съ общинными принципами. Чѣмъ ближе ко времени занятія этихъ земель, тѣмъ больше преобладаетъ первое, но съ теченіемъ времени тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ ростомъ населенія начинаетъ ощущаться недостатокъ въ земляхъ, замѣчается борьба за болѣе полное проведеніе общинныхъ принциповъ. Въ началѣ заселенія окраинъ свободной земли было много, каждый захватывалъ столько, сколько могъ расчистить и обработать; съ теченіемъ времени такіе заимочные владѣльцы соединяли свои расчищенныя пашни въ общинныя поля, при чемъ каждый имѣлъ свой разъ навсегда опредѣленный участокъ; въ настоящее же время извѣстно не мало случаевъ, когда въ такихъ общинахъ все болѣе развивающееся неравномѣрное распредѣленіе земли приводитъ къ передѣламъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Великороссіи, что и ведетъ къ болѣе уравнительному распредѣленію земли, какъ то видно хотя бы изъ того же труда А. А. Кауфмана, которое мы цитировали не разъ (см. особ. гл. 3 и 4 этого труда). Изученіе условій и формъ землевладѣнія на нашихъ окраинахъ представляетъ, между прочимъ, большой интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность наблюсти, какъ «захватное» владѣніе постепенно переходитъ въ болѣе организованное, общинное и вообще даетъ много матеріала для уясненія исторіи общиннаго землевладѣнія въ Россіи, до сихъ поръ еще весьма недостаточно изученной.

Существуетъ и другой типъ общинъ, въ которыхъ рядомъ съ общинною землей имѣются участки, принадлежащіе отдѣльнымъ крестьянамъ въ частную собственность. Но здѣсь совершенно иныя основанія вызвали существованіе общинныхъ и индивидуальныхъ началъ. Какъ я уже упоминалъ, статья 165-я «Положенія» 19 февраля предоставляетъ крестьянамъ право досрочнаго выкупа ихъ надѣловъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такой выкупъ и былъ произведенъ крестьянами. Нерѣдко, однако, крестьяне, выкупившіе свой надѣлъ, продолжаютъ подчиняться

всѣмъ общиннымъ порядкамъ. Отказаться отъ нихъ представляется для новаго собственника прямо невыгоднымъ. Дѣло въ томъ, что община по справедливости не отвела бы ему его надѣла, въ случаѣ окончательнаго выдѣла, въ лучшемъ мѣстѣ, такъ какъ путемъ такого постепеннаго выдѣла она оставила бы себѣ худшія земли и все бремя платежей, на нихъ лежащихъ. Затѣмъ, естественно, такой крестьянинъ, не неся всѣхъ повинностей, лежащихъ на общинѣ, не имѣлъ бы права пользоваться общиннымъ выгономъ, общиннымъ прудомъ, колодцемъ и всѣмъ прочимъ, что составляетъ достояніе всей общины въ ея совокупности. Этимъ и объясняется, что выкупившій свой надѣлъ нерѣдко остается въ общинѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всѣ общинники, съ тою только разницей, что при передѣлѣ, хотя мѣстонахожденіе его участка и мѣняется, но размѣръ всей его доли въ общинномъ полѣ остается неизмѣннымъ, хотя бы доли другихъ домохозяевъ и стали мельче.

Изъ всѣхъ формъ землевладѣнія въ данномъ очеркѣ я остановился почти исключительно на общинномъ въ виду того, что оно является до сего времени сильно преобладающей формой крестьянскаго землевладѣнія, а послѣднее въ свою очередь, какъ увидимъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ,—преобладающимъ сравнительно съ частнымъ землевладѣніемъ въ Россіи. По тѣмъ же основаніямъ этому отдѣлу пришлось отвести болѣе значительное мѣсто сравнительно съ другими и все-таки онъ даетъ только самое общее представленіе о порядкахъ и условіяхъ общиннаго землевладѣнія. Сказаннаго, однако, думается намъ, достаточно, чтобы уяснить, насколько серьезное значеніе въ интересахъ массы населенія имѣетъ эта форма землевладѣнія и насколько осторожно нужно относиться ко всему, что такъ или иначе затрогиваетъ ея существованіе и мѣшаетъ развитію тѣхъ началъ, на которыхъ держится она. Думается намъ также, что изъ приведенныхъ здѣсь данныхъ не трудно видѣть и другое. Съ одной стороны населеніе несомнѣнно имѣетъ въ землевладѣніи основной источникъ своего существованія, необходимое условіе для приложенія труда и соотвѣтственно съ этимъ матеріальные интересы преобладающей части его ведутъ къ такому распредѣленію земли, которое позволяло бы каждому двору прилагать къ ней свой трудъ соотвѣтственно рабочимъ силамъ двора. Съ другой—это строгое и тщательное распредѣленіе земли между дворами по сортамъ почвы, по мѣстоположенію участковъ, это тщательное разграниченіе моего и твоего—указываютъ, что здѣсь основная причина, заставляющая населеніе держаться за общинное землевладѣніе заключается вовсе не въ общинномъ духѣ, не въ отсутствіи индивидуализма, а именно въ сознаніи большинства крестьянства, что только въ признаніи за *каждымъ земледѣльцемъ* права на пользованіе землею и заключается обезпеченіе сохраненія возможности пользоваться землею для того большинства населенія, которому эта возможность необходима для существованія. Это то вотъ сознаніе въ связи съ

фактической невозможностью обратиться большинству населенія къ обработывающей промышленности и составляетъ препятствіе къ разрушенію общиннаго землевладѣнія. Если бы при всемъ этомъ оно являлось тормазомъ для растущей потребности въ улучшеніи сельскаго хозяйства, то, конечно, въ нѣдрахъ общественной жизни выработались бы такія экономическія силы, которыя повели бы къ его разрушенію. Но такъ какъ оно, какъ это фактически строго доказывается, не является такимъ тормазомъ, то и нѣтъ и не можетъ быть экономическихъ силъ, ведущихъ къ его разрушенію при *данномъ* моментѣ историческаго развитія экономическихъ отношеній. Если въ исторіи западной Европы мы встрѣчаемъ иное, такъ вѣдь то было при другихъ историческихъ условіяхъ, требовавшихъ болѣе сильныхъ средствъ для обезземеленія массъ, даже насильственныхъ мѣръ, *тогдашнія* условія развитія капитализма требовали этого. Для современныхъ условій его развитія нѣтъ уже надобности въ такомъ насильственномъ обезземеленіи, такъ какъ то количество рукъ, которое разными путями освобождается отъ условій своего существованія, совершенно достаточно для потребностей ростущаго капитализма при современныхъ условіяхъ рынка и техническихъ усовершенствованій. Кромѣ того при началѣ капитализма и самая земля играла иную роль въ капитализаціи: она имѣла большее значеніе. Теперь же, какъ источникъ *производства*, которое надо направить соотвѣтственно требованіямъ капитала, земля, находящаяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ фабрикой, совершенно не нужна капиталу, не нужно ему и лишать населеніе земли, такъ какъ въ рабочихъ рукахъ недостатка уже нѣтъ и не можетъ быть. Въ настоящее время къ услугамъ европейскаго капитала, какъ это показано было въ 3-мъ очеркѣ, служатъ обширныя земельныя пространства въ Америкѣ, Азіи, Африкѣ.

Но если по этимъ причинамъ община въ настоящій моментъ не питаетъ въ себѣ зародышей своего разложенія, то въ чемъ же значеніе ея, коль скоро она не предупреждаетъ обезземеленія? Дѣйствительно, какъ это видно будетъ и изъ послѣдующихъ очерковъ, обезземеленіе части населенія происходитъ и при общинѣ. Но, во-первыхъ, не въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ могло бы происходить иначе, а во-вторыхъ, строй общинныхъ порядковъ предупреждаетъ развитіе этого явленія. Можно съ увѣренностью сказать, что не будь общины—масса населенія, пашущая теперь землю, лишилась бы ея, не находя въ тоже время другого источника приложенія своего труда, что даже съ точки зрѣнія чисто интересовъ производства было бы не выгодно, хотя бы для того же капитализма, не говоря уже объ интересахъ самого трудящагося населенія. При этомъ надо имѣть въ виду и то, что община, какъ свидѣтельствуютъ приведенныя данныя и множество другихъ, представляетъ собою живой институтъ, развивающійся соотвѣтственно измѣненію производственныхъ отношеній: измѣняется отношеніе

между населеніемъ и пространствомъ, появляется «утѣсненіе въ землѣ», мѣняются формы и условія пользованія различными угодьями, мѣняются сроки передѣловъ, мѣняются системы земледѣлія, появляется удобреніе, совершается переходъ къ четырехполью, къ травосѣянію; для послѣдняго, какъ увидимъ ниже, совершается нерѣдко соединеніе полосъ въ одно общее поле и производится единовременно общій засѣвъ травы, мѣняются орудія обработки, является требованіе въ молотилкахъ, развивающихъ больше силы, чѣмъ нужно для индивидуальнаго хозяйства отдѣльнаго двора—заводится общественная молотилка. Такимъ образомъ самыя орудія производства, явившіяся вмѣстѣ съ капитализмомъ и служащія въ обработывающей промышленности средствомъ превращенія прежнихъ производителей въ рабочій придатокъ фабрики—здѣсь при общинѣ и, какъ увидимъ дальше и вообще въ земледѣліи, служатъ однимъ изъ средствъ для объединенія разрозненныхъ земледѣльцевъ въ одно объединенное (пока еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ) хозяйственное цѣлое, въ силу хотя бы той особенности земледѣльческаго производства, что здѣсь уже основное то орудіе производства—земля является однимъ общимъ цѣлымъ, которое нельзя разнести по кусочкамъ и свезти куда-либо на фабрику. Но если это такъ, то изъ какихъ же хозяйственныхъ условій и экономическихъ требованій *настоящаго историческаго момента* развитія экономическихъ отношеній можетъ вырабатываться основа для разложенія общиннаго землевладѣнія?

Такимъ образомъ настоящій отдѣлъ этого очерка, какъ и предшествующій, заканчивается вопросомъ, на который, однако, передъ тѣмъ данъ уже опредѣленный отвѣтъ. Давая, однако, этотъ отвѣтъ, я не придавалъ ему значеніе окончательно рѣшающаго. Къ такому отвѣту ведетъ вся совокупность приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ, касающихся общихъ условій развитія капитализма и спеціальныхъ условій развитія его въ Россіи, а также и тѣхъ данныхъ, которыя характеризуютъ современныя условія общиннаго землевладѣнія и происходящихъ въ немъ процессовъ и видоизмѣненій. Для полнаго же выясненія вопроса необходима тщательная и систематическая разработка именно съ этой точки зрѣнія данныхъ о современныхъ условіяхъ общиннаго землевладѣнія и происходящей въ немъ эволиціи, чтобы этимъ путемъ провѣрить тѣ заключенія, которыя вытекаютъ изъ анализа общихъ условій совершающагося экономическаго процесса. Но такая работа выходитъ за предѣлы настоящихъ очерковъ, почему мы и считаемъ нужнымъ, намѣтивъ направленіе совершающихся измѣненій, оставить окончательное выясненіе этого въ видѣ вопроса.

Примѣчаніе. Для ознакомленія съ порядками общиннаго землевладѣнія въ строго-научной систематической обработкѣ нельзя рекомендовать ничего лучшаго, какъ книгу **В. И. Орлова**: „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губ.“ („Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ “. Т. IV, вып. I). Тамъ сведены формы общиннаго владѣнія, способы передѣловъ

и пр. Свѣдѣнія эти имѣютъ значеніе для всѣхъ центральныхъ мѣстностей. Въ виду отмѣченныхъ достоинствъ этой книги съ нея именно всего лучше начинать знакомство съ общиннымъ землевладѣніемъ, чтобы сразу получить представленіе о его порядкахъ въ совокупности.

Съ общинными порядками во всѣхъ формахъ и разновидностяхъ въ Россіи можно познакомиться изъ I т. „Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи“ **В В.** Изслѣдованіе это сдѣлано по даннымъ земской статистики. Весь матеріалъ сведенъ въ извѣстной системѣ. Но выводы, имѣющіеся при каждой главѣ, не вполнѣ оправдываются тѣми фактами, которые сообщаетъ авторъ. Поэтому главнымъ образомъ цѣнна у него сводка.

О книгѣ **А. С. Посникова** „Общинное землевладѣніе“ я уже упоминалъ. Она представляетъ наиболѣе полный, обстоятельный, основанный на фактахъ анализъ возраженій противъ общины.

Для знакомства съ формами и условіями общиннаго землевладѣнія на окраинахъ см. **А. А. Кауфманъ**: „Крестьянская община въ Сибири“ (по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1886—92). СПБ. 1897 . Ц. 1 р. 50 к. Въ ней сведенъ въ систему матеріалъ подробныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, на которыхъ она основана и въ производствѣ которыхъ участвовалъ и авторъ сводки.

Для знакомства съ позднѣйшими данными объ общинномъ землевладѣніи можно рекомендовать отдѣлъ „О землепользованіи“ въ книгѣ **Н. Карышева**: „Трудъ“ СПБ. Ц. 60 к.

Можно указать еще на книгу **Соколовскаго**. „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“.

Съ общиной у другихъ народовъ и въ болѣе раннія времена знакомятъ:

Лавеле Э „Первобытная собственность“.

Менъ Г. „Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ“.

Ковалевскій М. „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“.

Н. Зиберъ „Очерки первобытной экономической культуры“.

Указанными источниками, конечно, далеко не исчерпывается литература о поземельной общинѣ. Кромѣ цѣлаго ряда книгъ, посвященныхъ ей, существуетъ въ нашей періодической печати очень много статей по этому вопросу.

3. Распредѣленіе поземельной собственности въ Европейской Россіи.

Для полноты представленія объ условіяхъ сельскохозяйственнаго производства въ Россіи необходимо здѣсь привести наиболѣе основная фактическія данныя о распредѣленіи поземельной собственности, которыя уяснятъ и освѣтятъ многое изъ сказаннаго до сихъ поръ и изъ послѣдующаго. При этомъ я ограничусь почти исключительно данными для 49 губерній Европейской Россіи (исключая обл. Войска Донскаго), такъ какъ только здѣсь мы имѣемъ болѣе полныя данныя, хотя относящіяся къ концу 70-хъ годовъ и также лишь приблизительной точности.

Въ означенныхъ 49 губерніяхъ числится до 400 милліоновъ десятинъ. Распредѣляется все это количество слѣдующимъ образомъ.

	Мил. д.	%
1. Государствен. земель	150,4	= 38,5
2. Крестьянск. надѣльн.	130,5	= 33,5
3. Част. личн. собствен.	94,1 *)	= 23,8
4. Церковн., монаст. и др. учрежд. . .	8,5	= 2,2
5. Удѣльн.	7,4	= 1,9

*) Цифра эта у насъ нѣсколько выше обычно принятой (93,4 мил. дес.), а предшествующая нѣсколько ниже (131,2 м. дес.), такъ какъ мы выключили изъ

Изъ этой таблички видно, что на долю государственныхъ земель приходится около $^2/_5$ всего количества, на долю крестьянскихъ надѣльныхъ около $^1/_3$, т.-е. почти въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ у частныхъ собственниковъ. Остальнымъ владѣльцамъ принадлежитъ сравнительно немного. Итакъ, около $^2/_5$ всей площади на данномъ пространствѣ составляютъ *государственныя* земли. Замѣчу здѣсь, что государственными землями принято считать тѣ, которыя не имѣютъ прямого, непосредственнаго владѣльца. Нигдѣ въ Европѣ мы не найдемъ такой обширной площади въ рукахъ государства. Господствовавшее въ концѣ прошлаго и первой половинѣ настоящаго столѣтія на Западѣ представленіе, что частная собственность на землю представляетъ наиболѣе выгодъ для успѣховъ сельскаго хозяйства и для благосостоянія населенія, способствовало тому, что большую часть земель государство передало въ частныя руки, чтобы такимъ путемъ вызвать частную предпріимчивость. Въ послѣднее время, однако, воззрѣніе это значительно поколебалось. Россія, всегда отставшая во всемъ отъ Запада, отстала и здѣсь: когда большая часть государственныхъ земель на Западѣ перешла въ частныя руки, въ Россіи это еще не успѣло совершиться. На этотъ разъ, однако, эта отсталость послужила Россіи на пользу, и государство является владѣльцемъ такой огромной площади, которая можетъ служить фондомъ для пользованія землею наростающимъ населеніемъ.

Второе мѣсто послѣ государственныхъ земель занимаютъ *крестьянскія надѣльныя*—33,5%, или около $^1/_3$. Здѣсь мы встрѣчаемся съ очень большимъ разнообразіемъ въ формахъ, правахъ и условіяхъ владѣнія.

До отмѣны крѣпостного права крестьяне дѣлились на государственныхъ, удѣльныхъ, владѣльческихъ и другіе разряды. Государственные крестьяне получали землю не въ собственность, а только въ пользованіе за опредѣленный оброкъ. Съ увеличеніемъ населенія имъ отводилось и большее пространство земли. Лѣсомъ и покосами они надѣлялись по мѣрѣ надобности. Такъ было до 1866 года, когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ надѣленія владѣльческихъ крестьянъ былъ возбужденъ вопросъ и о государственныхъ крестьянахъ. Въ этомъ году имъ, какъ и владѣльческимъ крестьянамъ, были отведены опредѣленные надѣлы за извѣстный оброкъ, который долженъ былъ оставаться неизмѣннымъ въ теченіе 20 лѣтъ. А въ 1886 году они уже окончательно были уравнены въ правахъ съ б. владѣльческими, т.-е. должны были приступить къ выкупу своихъ налѣловъ, и черезъ 44 года, считая съ этого послѣдняго, они становятся собственниками земли.

Владѣльческіе крестьяне получили отъ помѣщиковъ надѣлы, за которые обязаны были платить оброкъ, почему и назывались

первой и прибавили ко второй тѣ слишкомъ 700 т. дес., которыя *куплены* крестьянами до учрежденія крестьянскаго земельнаго банка и потому не могутъ разсматриваться какъ надѣльныя.

временно-обязанными. Но по желанію помѣщика они могли быть переведены на выкупъ. Помѣщикъ въ такомъ случаѣ удовлетворялся изъ выкупного учрежденія, а крестьяне должны были вносить выкупъ въ казну въ теченіе 40 съ лишнимъ лѣтъ. Одни перевели крестьянъ на выкупъ вскорѣ послѣ отмѣны крѣпостного права, другіе продолжали держать ихъ временно-обязанными до 1881-го года, когда для всѣхъ помѣщиковъ сдѣлалось обязательнымъ перевести крестьянъ на выкупъ. Затѣмъ «Положеніемъ» 19 февраля предусмотрѣнъ былъ такой случай, когда крестьяне не пожелаютъ получить полный надѣлъ и платить выкупъ. Имъ предоставлялось тогда получить безъ выкупа, такъ называемый, четвертной, а въ просторѣчіи *нищенскій* надѣлъ, равный $^1/_4$ положеннаго для данной мѣстности надѣла. Въ южныхъ губерніяхъ значительная часть крестьянъ получила такой надѣлъ.

Кромѣ общинныхъ надѣльныхъ земель существуютъ у крестьянъ еще купленныя земли. Когда въ началѣ 80-хъ годовъ выяснилось, что крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крайне недостаточно надѣлены землей, образованъ былъ Крестьянскій поземельный банкъ. Онъ долженъ былъ приходить на помощь крестьянамъ при покупкѣ земель. Ссуда могла быть выдаваема банкомъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, товариществамъ, крестьянскимъ обществамъ, но не свыше опредѣленной суммы на каждый дворъ, или въ извѣстномъ отношеніи къ оцѣнкѣ. Встрѣчаются поэтому цѣлыя общины и отдѣльныя группы домохозяевъ, имѣющія кромѣ общинной земли и купленную. Въ способахъ пользованія той и другой существуетъ, конечно, разница: тогда какъ общинная земля распредѣляется соотвѣтственно тому или иному составу хозяйствъ, въ купленной землѣ обыкновенно каждый участвуетъ пропорціонально внесенной имъ для покупки суммѣ, хотя и по отношенію къ купленнымъ землямъ встрѣчаются случаи пользованія ими по тѣмъ же основаніямъ, какъ и общинными.

Существуютъ и другіе разряды крестьянскихъ владѣній: при заселеніи Новороссіи сюда привлекались колонисты, которые надѣлялись землей на извѣстныхъ условіяхъ, въ Бессарабіи— такъ называемые резеши и др.

Такова пестрота владѣнія у крестьянъ. Оно различно по основаніямъ его и по сроку, по истеченіи котораго крестьяне станутъ собственниками земли, такъ какъ тѣ, которые вышли на выкупъ въ 60-хъ годахъ, станутъ собственниками на много лѣтъ ранѣе тѣхъ, для которыхъ выкупъ наступилъ лишь послѣ 1881 г.—и тогда пестрота крестьянскаго землевладѣнія станетъ еще значительнѣе.

Но она обѣщаетъ еще увеличиться въ силу того, что по закону послѣдняго времени (13 мая 1896 г.), крестьянскія общества, обремененныя недоимкой и вообще находящіяся въ плохомъ экономическомъ положеніи, могутъ ходатайствовать о разсрочкѣ имъ выкупа на болѣе продолжительное и притомъ различные сроки (56 л., 41 г. и 28 л.), такъ что періодъ окон-

чанія выкупа для однихъ можетъ наступить скоро, для другихъ растянуться еще на десятки лѣтъ. Само собою разумѣется, такая разсрочка выкупа благодѣтельна въ томъ отношеніи, что уменьшаетъ бремя платежей, лежащихъ на населеніи въ настоящее время, и распредѣляетъ его и на будущія поколѣнія, для которыхъ выкупается земля. Въ то же время это приближаетъ владѣніе крестьянской землей къ такому, при которомъ собственникомъ земли является государство, а обработывающіе ея—держателями ея, за опредѣленный платежъ государству что, какъ увидимъ ниже, соотвѣтствуетъ новѣйшимъ теченіямъ въ области поземельной политики. Но съ этой точки зрѣнія важно, чтобы въ основу всего землевладѣнія былъ положенъ одинъ принципъ и не было того разнообразія въ юридическихъ основаніяхъ его, которое можетъ вести, какъ и всякое отсутствіе опредѣленности, ко многимъ неблагопріятнымъ практическимъ послѣдствіямъ.

Слѣдующія цифры показываютъ, какъ распредѣляется крестьянское землевладѣніе между общиннымъ и подворнымъ между отдѣльными разрядами крестьянъ.

	Въ общин. влад.	Въ подворномъ.			
У бывш. государствен. .	84,2%	15,8%	всей	удобной	земли.
» удѣльн. . . .	97,6%	2,4%	»	»	»
» владѣльческ. .	72,3%	28,7%	»	»	»
Въ среднемъ около .	84,6%	15,4%	»	»	»

Общинная земля распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Число общинъ.	Число ревизскихъ душъ.	Колич. надѣльн. удобн. земли.
У бывш. государствен. . . .	26,2%	43,1%	48,3%
» удѣльн.	4,0%	4,0%	3,7%
» владѣльческ. . . .	65,5%	44,9%	28,9%
Проч. разряд	4,2%	8,0%	18,5%

Лучше всѣхъ, какъ видимъ, вслѣдъ за «прочими разрядами», надѣлены бывшіе государственные крестьяне, которые, составляя значительно меньшій % общинъ, чѣмъ бывшіе владѣльческіе, и немного меньшій сравнительно съ ними прецентъ ревизскихъ душъ,—имѣютъ, однако, значительно большее количество надѣльной земли. Нужно, однако, замѣтить, что эти данныя относятся къ моменту надѣленія землею, и для настоящаго времени уже значительно не отвѣчаютъ дѣйствительности, хотя и остается вѣрнымъ, что надѣлъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ значительно выше надѣла другихъ разрядовъ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ категорій государственныхъ земель и надѣльныхъ крестьянскихъ, въ приведенный мною раньше таблицѣ дано пространство земель *частной личной собственности*—94,1 м. десят. (23,8%). Этотъ видъ собственности образовался различнымъ образомъ: путемъ покупки, даренія или на-

слѣдованія. Затѣмъ слѣдуютъ земли *церковныя, монастырскія и другихъ учрежденій*, какъ, наприм., желѣзныхъ дорогъ и друг.— 8.572.622 дес. (2,2%). Монастырскія земли предназначаются для пользованія монастырей, церковныя—для причта. Земли эти либо самими владѣльцами обрабатываются, либо сдаются въ аренду. Наконецъ, земли *удѣльныя*—7.367.710 (1,9%). Эти земли принадлежатъ членамъ Императорской Фамиліи на правахъ частной собственности.

Такъ исторически сложились у насъ разныя категоріи землевладѣнія. Прикрѣпленіе крестьянъ, а потомъ ихъ освобожденіе съ надѣлами, пожалованіе земель князьямъ и служилымъ людямъ, заселеніе окраинъ и еще цѣлый рядъ другихъ историческихъ условій—все это привело къ тому разнообразію видовъ и способовъ владѣнія землей, какое мы наблюдаемъ въ настоящее время. Но государство сложилось, измѣнилась вся историческая обстановка, и въ новыхъ условіяхъ съ теченіемъ времени все меньше и меньше оправданія находятъ себѣ всѣ тѣ разнообразныя отношенія къ землѣ, которыя, возникши въ прежнихъ историческихъ условіяхъ, существуютъ и до сихъ поръ: мы встрѣчаемъ теперь и право пользованія землей, и право собственности на нее, и аренду земли въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Все это разнообразіе правъ на землю нисколько не вызывается и не обусловливается назначеніемъ земли— быть источникомъ матеріала для обработки его на нужды человѣка. Этой цѣли не отвѣчаетъ все разнообразіе способовъ присвоенія ея, выработавшееся исторически; а потому все сильнѣе въ науку проникаетъ идея, что земля, какъ основа государства и экономическаго благосостоянія населенія, должна принадлежать государству же, предоставляющему ее въ пользованіе населенію на опредѣленныхъ условіяхъ, отвѣчающихъ назначенію ея и тѣсно связаннымъ съ тѣмъ интересамъ всего населенія.

Разсмотримъ, однако, подробнѣе важнѣйшія категоріи землевладѣнія, какъ онѣ распредѣляются въ настоящее время. Остановлюсь прежде всего на крестьянскихъ *надѣльныхъ* земляхъ, ибо хотя онѣ (33,5%) и уступаютъ въ количествѣ государственнымъ (38,5%), но за то послѣднія преобладаютъ главнымъ образомъ на сѣверѣ Россіи, гдѣ, при весьма значительномъ количествѣ неудобныхъ земель и большихъ лѣсныхъ пространствахъ, сравнительно (со всѣмъ количествомъ) небольшая часть площади находится подъ земледѣльческою культурой; тогда какъ крестьянское землевладѣніе, преобладая въ центральныхъ, восточныхъ, а отчасти южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, находится въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣльческая культура распространена весьма значительно.

Изъ приведенныхъ раньше данныхъ можно видѣть, что если брать только удобную землю, то болѣе $^4/_5$ всей крестьянской земли находится въ общинномъ владѣніи. Но есть губерніи, гдѣ вся крестьянская земля находится въ подворномъ владѣніи, именно въ губ. Ковенской и Виленской. Преобладаетъ послѣднее въ

Бѣлорусскихъ губерніяхъ, въ Гродненской, Полтавской, Черниговской и у четвертныхъ владѣльцевъ Курской губ. Четвертные владѣльцы—это бывшіе служилые люди, которыхъ въ Московскомъ государствѣ отправляли въ качествѣ стражниковъ въ разныя мѣстности. И до сихъ поръ многіе изъ нихъ считаютъ себя дворянами; но такъ какъ участки ихъ весьма незначительны и крѣпостныхъ людей у нихъ не было, то ихъ и называютъ «лапотными» дворянами. Преобладаетъ у нихъ подворное владѣніе, хотя нѣкоторые перешли къ общинному. Въ остальныхъ губерніяхъ, кромѣ перечисленныхъ, подворное владѣніе встрѣчается какъ исключеніе.

Крестьянское землевладѣніе преобладаетъ на востокѣ отъ границъ Архангельской губ. до Каспійскаго моря. Болѣе 50% всей площади оно занимаетъ въ 12 центральныхъ и восточныхъ губ.: Московской, Рязанской, Тульской, Калужской, Воронежской, Курской, Харьковской, Тамбовской, Пензенской, Казанской, Уфимской и Оренбургской. Менѣе 20%—въ Пермской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской, т.-е. въ 4-хъ сѣверныхъ губ.; отъ 20 до 35%—въ С.-Петербургской, Новгородской, Минской, Витебской, Херсонской и Костромской, т.-е. въ 4-хъ сѣверозападныхъ губ., одной центральной и одной южной. Въ остальныхъ 27 губерніяхъ крестьянское землевладѣніе составляетъ отъ 35 до 50%.

Отношеніе это почти не мѣняется, если прибавить къ надѣльнымъ землямъ земли купленныя крестьянами въ частную собственность за свой счетъ и при посредствѣ крестьянскаго земельнаго банка. Эти земли составляютъ по даннымъ на 1 января 1896 г. около 3,2 мил. десят. или 2,45% площади крестьянскаго землевладѣнія.

Вообще же въ черноземной полосѣ крестьянскія надѣльныя земли составляютъ 56,8% всей площади, а въ нечерноземной 20,9%.

Послѣ отмѣны крѣпостного права число *всѣхъ* крестьянскихъ общинъ, надѣленныхъ землей, составляло почти 140 тысячъ; въ нихъ ревизскихъ душъ мужского пола было 22.396.069, а общее количество ихъ надѣльной *удобной* земли 116.854,855 дес., т.-е. въ среднемъ на ревизскую душу 5,2 десят. Но по мѣстностямъ отъ этой средней были весьма значительныя отклоненія, о чемъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ:

Размѣры надѣла.	Ревизскихъ душъ въ %.		Десятинъ въ %.	
Менѣе 1 десят. . .	2,9%		0,4%	
отъ 1 — 2 десят. .	7,6		2,4	
» 2 — 3 » . .	17,4		8,6	
» 3 — 4 » . .	20,8	55,7	14,2	48,6
» 4 — 5 » . .	16,8		14,1	
» 5 — 7 » . .	18,1		20,3	
» 7 —10 » . .	9,8		15,7	
» 10 —15 » . .	3,9		9,1	
болѣе 15-ти » . .	2,7		1,5	

Такимъ образомъ, при освобожденіи крестьянъ, получившіе менѣе 1 десят. составляли около 3% всего числа ревизскихъ душъ, такой же приблизительно % составляли получившіе болѣе 15 десят.; получившіе отъ 10 до 15 десят. составляли около 4%, отъ 7 до 10 десят.—около 10%. Остальные 80% получили отъ 2 до 7 десят.: размѣръ во многихъ мѣстахъ крайне недостаточный.

По губерніямъ разница въ размѣрахъ земельнаго надѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Отъ 2 до 3 десятинъ на душу получили крестьяне въ Кіевской, К.-Подольской, Полтавской и Архангельской губ.

Средній размѣръ отъ 3 до 4 десят. въ 12 губерніяхъ средней полосы: Ярославской, Московской, Калужской, Рязанской, Тульской, Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Орловской, Курской и Черниговской.

Самый крупный надѣлъ свыше 10 десят.—въ Оренбургской, Астраханской и Уфимской губ.

Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что размѣры надѣловъ растутъ по мѣрѣ удаленія отъ центра къ востоку и югу. Не трудно найти объясненіе этому: чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ населеніе было рѣже, а земли больше. При надѣленіи землей принималось, между прочимъ, во вниманіе, сколько можно получить съ извѣстной площади при данной системѣ земледѣлія. А такъ какъ въ мѣстахъ удаленныхъ отъ центра, при рѣдкомъ населеніи и большихъ пространствахъ земли, хозяйство велось почти исключительно экстенсивное, то, понятно, и надѣлы были отведены болѣе значительные. Съ другой стороны, и сами владѣльцы земель, имѣя въ своемъ распоряженіи гораздо больше земли, чѣмъ помѣщики центральныхъ губерній, могли выдѣлить крестьянамъ больше.

Мы разсмотрѣли распредѣленіе земли при отмѣнѣ крѣпостного права между всѣми крестьянами безъ различія разрядовъ. Еще большая неравномѣрность получится, если разсмотримъ распредѣленіе надѣльной земли по разрядамъ крестьянъ.

Бывшіе *владѣльческіе* крестьяне, составлявшіе около 10 милліоновъ мужскихъ ревизскихъ душъ, получили 33.755.759 десятинъ, т.-е. въ среднемъ 3,3 десят. на душу. По мѣстностямъ были, конечно, значительныя отклоненія отъ средней, но здѣсь мы уже не находимъ, какъ выше, такой правильности въ ростѣ надѣловъ къ югу и востоку, такъ какъ многіе въ этихъ мѣстахъ пожелали получить только даровой четвертной надѣлъ, а не полный. Это зависѣло отъ самихъ крестьянъ. Чѣмъ же объясняется отказъ крестьянъ отъ полнаго надѣла? Дѣло въ томъ, что главнымъ образомъ это имѣло мѣсто тамъ, гдѣ преобладало натуральное хозяйство, гдѣ поэтому на сторону почти ничего не отчуждалось и денегъ было очень мало. Свои повинности предъ помѣщикомъ крестьяне здѣсь отбывали въ формѣ барщины и для уплаты давали помѣщику свой трудъ. Съ полученіемъ же собственнаго надѣла характеръ отношеній между крестьянами и

помѣщиками долженъ былъ сразу измѣниться: крестьянинъ долженъ былъ платить помѣщику за землю не трудомъ, а деньгами. Такая уплата при господствѣ натуральнаго хозяйства казалась крестьянину настолько обременительной, что, боясь не справиться съ платежами, онъ предпочиталъ получить даровой, хотя и ничтожный надѣлъ, чѣмъ полный съ лежащими на немъ денежными повинностями. Къ тому же, разсуждали крестьяне, земля отъ нихъ не уйдетъ: помѣщики, лишившись крѣпостныхъ рабочихъ, вынуждены будутъ отдавать имъ ту же землю за обработку своихъ полей. Разсчеты крестьянъ, однако, не совсѣмъ оправдались: земля отъ нихъ, дѣйствительно, не ушла, но и они отъ земли уйти не могли. При отсутствіи промысловъ на югѣ и востокѣ, крестьяне никакимъ инымъ трудомъ, какъ земледѣльческимъ, не могли обезпечить свое существованіе. Имъ ничего не оставалось, какъ арендовать землю, при чемъ условія аренды при такомъ положеніи складывались не въ ихъ пользу. Послѣдствія, дѣйствительно, не замедлили обнаружить какимъ тяжелымъ бременемъ легла аренда на крестьянъ. Наконецъ, еще одно обстоятельство повліяло на то, что крестьяне въ разсматриваемыхъ мѣстахъ отказывались отъ полныхъ надѣловъ. Среди крестьянъ настолько твердо распространено было убѣжденіе, что земля принадлежитъ имъ,— «мы ваши, а земля наша», говорили они помѣщикамъ,—что они рѣшительно не видѣли основаній брать на условіяхъ выкупа землю, которая рано или поздно, по ихъ мнѣнію, перейдетъ къ нимъ и безъ того. Съ другой стороны, здѣсь должно было имѣть свое значеніе различіе въ цѣнности земли въ тѣхъ или другихъ полосахъ Россіи, которое не могло не вліять на большее или меньшее стремленіе отвести въ надѣлъ крестьянамъ ту или иную площадь даннаго владѣнія. Такъ образовалась группа съ недостаточнымъ даровымъ надѣломъ.

Болѣе 8 десят. получили бывшіе владѣльческіе крестьяне въ Астраханской и Орловской губ.; менѣе $2^1/_2$ дес. въ К.-Подольской, Харьковской, Воронежской, Курской и Полтавской губ., а отъ 3-хъ до 2-хъ дес. въ 11 центральныхъ губерніяхъ.

Разсматривая распредѣленіе земель бывшихъ *владѣльческихъ* крестьянъ на всемъ пространствѣ, мы замѣчаемъ, что и число крестьянъ и вся площадь, ими занимаемая, растетъ по направленію отъ юго-запада къ центру, достигая въ послѣднемъ 50—70% всей крестьянской надѣльной земли, такъ какъ здѣсь по преимуществу было развито крѣпостное право. Съ одной стороны это объясняется тѣмъ, что земля въ то время цѣнилась не столько по величинѣ ея площади, сколько по количеству сидящихъ на ней крестьянъ; по мѣрѣ удаленія отъ центра населеніе становилось рѣже, земля имѣла меньше цѣны. Поэтому естественно было стремленіе пріобрѣтать землю въ собственность и получать ее въ пожалованіе возможно ближе къ центру. Соотвѣтственно этому и расположились владѣльческія имѣнія, а въ настоящее время земли бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ. Съ

другой стороны, здѣсь играетъ роль и то обстоятельство, что земли на югѣ и востокѣ сравнительно поздно вошли въ составъ государства и позже заселены.

Вообще же по отдѣльнымъ губерніямъ подъ землями бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ находится отъ 0,8% (Оренбургск. губ.) до 84,1% (Могилевск. губ.) всей надѣльной земли. Менѣе 10% земли бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ составляютъ въ Казанской, Олонецкой, Самарской, Таврической, Уфимской, Астраханской, Вятской и Оренбургской губ. Вовсе нѣтъ земель бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ въ губерніяхъ: Архангельской, Бессарабской, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Въ послѣднихъ трехъ крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости еще въ началѣ настоящаго столѣтія, но на совершенно особыхъ условіяхъ.

Бывшіе удѣльные крестьяне, составлявшіе 900.486 мужск. ревизскихъ душъ, получили 4.333.261 дес., въ среднемъ 4,8 дес. на ревизск. душу. Надѣлъ нѣсколько выше, чѣмъ у бывшихъ владѣльческихъ. Объясняется это тѣмъ, что наибольшее количество ихъ приходится на тѣ губерніи, гдѣ по «Положенію о выкупѣ» самый надѣлъ былъ выше. По губерніямъ надѣлъ бывшихъ удѣльныхъ колеблется отъ 7,7 дес. (Астраханск. губ.) до 2,1 десят. (Московской губ.). Югъ и центръ даютъ меньшее количество удѣльныхъ крестьянскихъ земель. Вовсе ихъ нѣтъ въ 22 губерніяхъ. Наибольшее же количество ихъ — 55% всѣхъ — приходится въ губерніяхъ: Симбирской, Самарской, Вятской и Костромской.

Земли *бывшихъ государственныхъ* крестьянъ располагаются въ обратномъ порядкѣ, нежели бывш. владѣльческихъ: меньше ихъ въ центрѣ, больше на востокѣ и юго-востокѣ. На 9.643.606 мужск. ревизск. душъ госуд. крестьянъ отведено было 57.130.141 дес., т.-е. болѣе 5,9 дес. на душу. По мѣстностямъ размѣръ колеблется отъ 2 дес. (Архангельская губ.) до 16 дес. на душу (Астраханская губ.). Въ большинствѣ же случаевъ имъ отводили либо то количество земли, какое находилось въ ихъ пользованіи до перевода на выкупъ, либо отъ 8 до 15 дес. на душу. Кромѣ того у нихъ въ составъ надѣловъ вошли лѣсныя угодья. Это обстоятельство, даже и помимо болѣе высокаго надѣла, доставшагося бывш. государственнымъ крестьянамъ, рѣзко отличаетъ ихъ отъ бывш. владѣльческихъ. Говоря о послѣднихъ, я не упомянулъ, что помѣщикъ имѣлъ право не отводить крестьянамъ лѣсныхъ угодій, а если лѣсъ приходился на землѣ, которая должна была поступить въ надѣлъ крестьянамъ, то могъ свести его. Впослѣдствіи это очень тяжело отразилось на хозяйствѣ бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, которымъ, не говоря уже о постройкахъ, обыкновенно приходится покупать лѣсъ и на топливо, что составляетъ не малый годовой расходъ, не существующій или же долго не существовавшій для бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Въ общемъ разница въ экономическихъ условіяхъ этихъ двухъ разрядовъ крестьянъ настолько значительна, что

привычный наблюдатель, въѣзжая въ деревню, легко отличитъ, къ какому разряду относятся крестьяне. Разница эта объясняется не только тѣмъ, что государственные крестьяне были лучше надѣлены, но и тѣмъ, что и во времена крѣпостнаго права ихъ экономическое положеніе было выше и, слѣдовательно, въ новыя условія они вступили болѣе обезпеченными, чѣмъ бывшіе владѣльческіе. Преобладаютъ земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ Вятской и Олонецкой губ.—болѣе 90% всей надѣльной; въ Казанской, Астраханской, Воронежской и Харьковской онѣ составляютъ отъ 80 до 90%. Наименьшій % ихъ приходится на Могилевскую, Симбирскую, Бессарабскую, Уфимскую и Оренбургскую губ. Главнымъ образомъ, какъ видимъ, земли бывш. государственныхъ крестьянъ распространены на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, т.-е. дальше отъ центра.

Остальные разряды крестьянъ составляютъ сравнительно съ предыдущими очень незначительное количество—1,8 мил. мужск. рев. душъ, съ надѣломъ 21.635.694 дес., въ среднемъ 12 десят. на душу. Надѣлены они были лучше другихъ разрядовъ. Въ 21 губ. мы ихъ совсѣмъ не встрѣчаемъ, а въ остальныхъ они распредѣляются различно.

Итакъ, разсмотрѣніе крестьянской надѣльной земли показало намъ, что на центральныя промышленныя и земледѣльческія губерніи приходятся минимальные надѣлы, которые растутъ по мѣрѣ удаленія отъ центра, и что изъ трехъ разрядовъ крестьянъ лучше всѣхъ надѣлены землей бывшіе государственные, и уже значительно ниже надѣлы бывшихъ удѣльныхъ и владѣльческихъ.

Несомнѣнно, со времени освобожденія крестьянъ до настоящаго времени произошли измѣненія въ величинѣ надѣловъ и распредѣленіи ихъ. За отсутствіемъ, однако, новыхъ данныхъ для всѣхъ мѣстностей, судить объ этихъ измѣненіяхъ нельзя. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, какія имѣются, можно заключить, что измѣненія произошли въ неблагопріятномъ смыслѣ: увеличилось число безземельныхъ и имѣющихъ недостаточные надѣлы. Такъ должно было произойти уже въ силу естественнаго прироста населенія при томъ же размѣрѣ надѣльной площади. Чтобы судить нѣсколько о томъ, какія измѣненія должны были произойти, укажемъ, что къ 1 января 1892 г. числилось крестьянскаго населенія мужскаго пола въ 49 губ. Европейской Россіи 33.505.042, что даетъ при томъ же надѣлѣ *средній* размѣръ его на душу уже не 5,2 дес., какъ было приведено выше (стр. 112), а *менѣе* $3^1/_2$ (3,48) дес. при общемъ количествѣ крестьянскихъ *дворовъ* въ 10.589.967 и при среднемъ составѣ двора въ 6,3 душъ об. пола. При этомъ однако нужно замѣтить, что уменьшеніе въ среднемъ размѣрѣ надѣла на душу тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше былъ надѣлъ, такъ какъ между приростомъ населенія и размѣромъ надѣла существуетъ соотвѣтствіе. Такъ, въ 1877—78 гг. при надѣлѣ на душу:

менѣе		1	дес.	населеніе	возросло	на	16,3%
отъ 1	до	2	»	»	»	»	17,3 »
» 2	»	3	»	»	»	»	19 »
» 3	»	4	»	»	»	»	21,2 »
» 4	»	5	»	»	»	»	27,6 »
свыше		6	»	»	»	»	30,2 »

(Сводъ стат. матер. касающихся экономич. полож. сельскаго населенія Европ. Россіи. Изд. канцеляріи комитета министровъ СПБ. 1894 г.).

Эти данныя между прочимъ рельефно указываютъ насколько степень обезпеченности земельнымъ надѣломъ обусловливаетъ собою благосостояніе населенія.

На разсмотрѣніи надѣльныхъ земель не приходится, однако, еще кончить съ крестьянскимъ землевладѣніемъ. О немъ приходится еще говорить и при разсмотрѣніи частнаго землевладѣнія. Прежде чѣмъ приступить къ обзору этого послѣдняго, укажу, что если взять надѣльное крестьянское и частное землевладѣніе вмѣстѣ (224,6 мил. дес.), то на долю перваго придется около 60% (130,5 мил. дес.) ихъ общей площади, а на долю второго около 40%. Въ общей площади крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія—*общинное* составляетъ свыше 80%, а въ такомъ случаѣ въ общей площади крестьянскаго и частнаго землевладѣнія вмѣстѣ на долю общиннаго землевладѣнія приходится до 47% или *почти половина* всей площади земли, сосредоточенной въ рукахъ населенія; слѣдовательно, если считать лишь земли частнаго пользованія, не считая земель государственныхъ, удѣльныхъ и учрежденій, то почти половиною земли, находящейся въ его рукахъ, населеніе пользуется на началѣ общиннаго землевладѣнія.

Крестьянское землевладѣніе мы встрѣчаемъ и среди частнаго, причемъ крестьянскимъ нельзя считать только землевладѣніе лицъ, по сословію принадлежащихъ къ крестьянству; такимъ надо считать вообще все землевладѣніе лицъ, непосредственно прилагающихъ свой трудъ къ землѣ. Такъ, наприм., дѣлается на Западѣ, гдѣ распредѣляется земля не по сословіямъ, а по размѣрамъ, обусловливающимъ тотъ или другой способъ веденія хозяйства. Но у насъ дѣленіе на сословныя группы еще довольно устойчиво; поэтому разсмотримъ распредѣленіе землевладѣнія по сословіямъ владѣльцевъ.

Все частное землевладѣленіе въ Россіи составляетъ по даннымъ, относящимся къ 80-мъ годамъ, около 91,5 милл. дес. (не считая землевладѣній обществъ и компаній), т.-е. ок. 23% всей площади, при количествѣ владѣльцевъ свыше 487.000, что составляетъ болѣе ½% всего населенія Европейской Россіи. Въ дѣйствительности количество владѣльцевъ нѣсколько меньше, такъ какъ въ статистикѣ землевладѣнія обычно существуетъ тотъ недостатокъ, что въ счетъ попадаетъ 2 и болѣе разъ одно и то же лицо, если оно имѣетъ землю въ нѣсколькихъ губерніяхъ

или въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ предѣлахъ одной губерніи. Слѣдующая таблица показываетъ, какъ распредѣляется частное землевладѣніе по сословіямъ владѣльцевъ:

Сословія.	Количество владѣній.	Въ %	Количество земли десятинъ.	Въ %	Въ среднемъ на 1 владѣніе десятинъ.
Дворяне	114,7 тыс.	23,8	73,2 м. д.	79,8	637,8
Купцы	12,6 »	2,6	9,8 »	10,7	775,4
Мѣщане	58,0 »	12,1	1,9 »	2,1	32,9
Крестьяне	273,0 »	56,7	5,0 »	5,3	18,0
Остальн. сослов.. .	22,9 »	4,8	1,7 »	1,9	75,5

Сюда не вошло еще около 2 милліон. дес., принадлежащихъ разнымъ акціонернымъ компаніямъ.

Приведенныя здѣсь данныя нѣсколько устарѣли. Насколько можно судить по позднѣйшимъ даннымъ, добытымъ земско-статистическими изслѣдованіями, по крайней мѣрѣ, гдѣ таковыя были произведены, число владѣльцевъ среди дворянъ уменьшается, увеличиваясь среди купцовъ и крестьянъ.

Такъ по Московской губ. съ 1867 по 1895 г. дворянами утрачено болѣе 365 т. дес.; за этотъ періодъ ими продано 66,7% всей продававшейся земли, а куплено лишь 38,1%, тогда какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ процентъ купленныхъ земель превышаетъ процентъ проданныхъ. Въ результатѣ получается, что въ Московской губерніи изъ всей площади частнаго землевладѣнія принадлежало:

	Въ 1867 г.	Въ 1895 г.
Дворянамъ.	92,25%	49,79%.
Купцамъ	5,32 »	32,56 »
Крестьянамъ. . . .	1,62 »	10,41 »
Проч. сослов. . . .	0,81 »	7,24 »

(Статист. ежег. по Московской губ. за 1896 г.).

Однородныя перемѣны констатируютъ данныя по другимъ губерніямъ (см. «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ» *А. И. Чупровъ:* «Вліяніе хлѣбн. цѣнъ и урож. на движеніе поземельной собствен.»). Къ тѣмъ же заключеніямъ приводятъ «Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи». Подъ ред. А. Е. Рейнбота (СПБ. 1896. г). Этотъ матеріалъ относится къ 1893 г. и показываетъ, что *за* этотъ *годъ* по 45 губ. Европ. Россіи землевладѣніе дворянъ сократилось на 987 т. дес.; землевладѣніе крестьянскихъ обществъ увеличилось лишь на $40^1/_2$ т. дес.; отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянъ, пріобрѣтавшихъ крупные участки отъ 250 и свыше 3 т. дес. увеличилось на 140 т. дес., землевладѣніе купцовъ увеличилось на 233 т. дес. Такимъ образомъ теперь въ распредѣленіи землевладѣнія происходятъ очень рѣзкія перемѣны и замѣтно выдвигается новый классъ крупныхъ землевладѣльцевъ изъ среды крестьянъ.

Если возьмемъ общее число частныхъ владѣній, безъ различія

по сословіямъ владѣльцевъ, то преобладающими владѣніями являются такія, размѣръ которыхъ не превышаетъ того, что называется крестьянскимъ землевладѣніемъ. Болѣе 12½% общаго числа владѣльцевъ имѣетъ менѣе 1 дес.; такой размѣръ не можетъ быть отнесенъ къ владѣніямъ, имѣющимъ сельскохозяйственное значеніе. Владѣнія отъ 1 до 10 дес. составляютъ 37,7%, при среднемъ размѣрѣ на одно владѣніе 5 дес.; такое землевладѣніе должно быть отнесено къ крестьянскому; этотъ размѣръ можетъ служить для сельскохозяйственныхъ цѣлей, но пользованіе имъ предполагаетъ, что самъ владѣлецъ прилагаетъ свой трудъ, т.-е. такое хозяйство представляетъ типъ крестьянскаго. Оба разряда вмѣстѣ—50,3%—не превышаютъ 10 дес. на каждое хозяйство.

Слѣдующій затѣмъ разрядъ — владѣнія отъ 10 до 50 дес. составляютъ 22,4%, въ среднемъ на одно владѣніе 23,8 дес. (въ нечерноземн. полосѣ 23,7 дес., въ черноземн.—23,9 дес.; по областямъ колеблется: отъ 21,5 дес. въ Вятск. и Пермск. губ. и до 32,6 дес. въ Прибалтійскомъ краѣ). Въ общемъ въ этой группѣ рѣзко преобладаетъ размѣръ около 20 дес. на одно владѣніе, а при такомъ размѣрѣ эту группу можно также отнести къ крестьянскому землевладѣнію какъ по размѣрамъ, такъ и по способу веденія хозяйства (замѣтимъ, что оно и по сословію здѣсь преобладаетъ). Во всѣхъ нашихъ земско-статистическихъ сборникахъ все землевладѣніе до 50 дес. причисляется, если не по сословію владѣльцевъ, то по условіямъ пользованія землей, къ крестьянскому. Итакъ, соединяя всѣ приведенныя сейчасъ группы частныхъ владѣній, мы видимъ, что почти ¾ (72,7%) составляетъ землевладѣніе, не превышающее 50 дес., или въ среднемъ 23 дес. на 1 владѣніе. Эти цифры въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ о преобладаніи и въ частновладѣльческихъ земляхъ мелкаго землевладѣнія въ Россіи. (»Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ» т. I, ст. Н. Каблукова).

По отдѣльнымъ областямъ, на которыя между прочимъ дѣлятъ Европейскую Россію, владѣнія до 50 дес., безъ различія по сословіямъ владѣльцевъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

въ Пріуральск. губ. . . .	91,8%	къ общему числу владѣній.
на крайнемъ сѣверѣ. . .	89,2 »	»
въ Московск. промышл. .	84,6 »	»
» Малороссійск. губ. . .	82,5 »	»
» Центр. землед. . . .	78,0 »	»
» Пріозерныхъ.	76,3 »	»
» Литовскихъ.	73,9 »	»
» Новороссійск.	57,8 »	»
» Нижневолжск.	46,5 »	»
» Прибалтійск.	62,2 »	» ¼

Въ совершенно обратномъ порядкѣ располагаются крупныя владѣнія свыше 1.000 дес. Замѣтимъ, что число ихъ составляетъ

3,2% къ общему, хотя имъ принадлежитъ около 70% всѣхъ частно-владѣльческихъ земель. Гдѣ повышается % мелкихъ владѣній, тамъ понижается % крупныхъ и наоборотъ, что можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

въ Прибалтійск. губ. . .	11,4%	къ общему числу владѣній.
» Нижневолжск.	14,9 »	»
» Новороссійск.	9,6 »	»
» Юго-западн.	6,3 »	»
» Малороссійск.	1,5 »	»
» Центр. землед.	1,9 »	»
» Московск. промышл. .	1,3 »	»
на крайнеме сѣверѣ . . .	0,8 »	»
въ Пріуральск. губ. . .	3,2 »	»

Вообще же владѣнія свыше 1,000 дес. составляютъ.

Въ черноземной полосѣ	3,9%,	а земля 69,2%.
Въ нечерноземной »	2,5 »	» 71,8 »
Для 49 губерній . . .	3,2 »	» 70,4 »

Число частныхъ владѣльцевъ въ 49 губ. составляетъ менѣе 0,7% всего населенія, а земля ихъ около 23% всей площади этихъ губерній.

Я привелъ данныя о количествѣ частныхъ владѣній. Посмотримъ, какъ распредѣляется по мѣстностямъ частновладѣльческая земля. Въ черноземной полосѣ она составляетъ 31,7% къ общей площади (крестьянская здѣсь занимаетъ 56,8%), въ нечерноземной 19,7% (крестьянская 20,9%). Половину площади частновладѣльческая земля превосходитъ въ 8 губерніяхъ: Минской, Эстляндской, Могилевской, Херсонской, Смоленской, Витебской, Псковской и Таврической. А въ 6 губерніяхъ: Оренбургской, Астраханской, Вятской, Архангельской, Вологодской и Пермской составляетъ менѣе 10%. Средній размѣръ на одно владѣніе для всѣхъ губерній—190 десят.: у купцовъ 775 десят., у дворянъ—638 д., у мѣщанъ—33 д., у крестьянъ—18 д.

Далѣе, крупнымъ собственникомъ является *государство*. По количеству находящихся въ его распоряженіи земель оно занимаетъ даже первое мѣсто среди другихъ владѣльцевъ.

Государственныхъ земель въ Европейской Россіи насчитывается 150.409.977 десят.—38,5% всей площади. Въ нечерноземной Россіи государству принадлежитъ 56,8% земли, а въ черноземной 5,6%, т.-е. въ 10 разъ меньше, при чемъ наибольшій процентъ падаетъ на Архангельскую губ.—97,3%, наименьшій на Эстляндскую—0,2%. Такое значительное количество государственныхъ земель открывало бы ихъ для поселенія крестьянъ, могло бы предохранить послѣднихъ отъ малоземелья. Но дѣло въ томъ, что большая часть государственныхъ земель расположена на сѣверѣ, мало удобна для населенія и сельскохозяйственной культуры. Если изъ общаго количества государствен-

ныхъ земель выключить лѣсныя угодья, то останется всего около 4 милліоновъ десят. удобной земли.

Сводя всѣ данныя о распредѣленіи поземельной собственности въ Россіи, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Среди другихъ категорій землевладѣнія значительно преобладающимъ является *крестьянское надѣльное*. Затѣмъ земля въ Россіи находится въ значительно большемъ количествѣ рукъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ западно-европейскомъ государствѣ. Все это отличаетъ Россію отъ послѣднихъ. Для сравненія съ ними у Янсона приведены данныя, которыя, правда, нѣсколько устарѣли, но все же имѣютъ значеніе, такъ какъ за протекшій съ тѣхъ поръ промежутокъ времени рѣзкихъ измѣненій въ распредѣленіи землевладѣнія по размѣрамъ и по числу лицъ, владѣющихъ землею, не произошло ни въ Западной Европѣ, ни въ Россіи, и общій результатъ сравненія остается правильнымъ и для настоящаго времени. Число лицъ, владѣющихъ землей, и отношеніе его къ населенію составляетъ·

въ	Европейской Россіи . .	20.515.359	или	36,0%	населенія.
»	Соединенномъ королев.	314.827	»	1,1 »	»
»	Франціи	3.799.759	»	10,1 »	»
»	Австріи	1.784.700	»	8,8 »	»
»	Пруссіи	1.525.901	»	7,9 »	»
»	Швеціи	444.229	»	10,4 »	»
»	Норвегіи	149.013	»	8,5 »	»
»	Даніи	206.637	»	10,9 »	»
»	Италіи	4.153.645	»	19,0 »	»
»	Испаніи	2.592.527	»	16,0 »	»

Профессоръ Янсонъ заключаетъ отсюда, что въ Россіи землевладѣніе является наиболѣе демократичнымъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ западно-европейскомъ государствѣ.

Далѣе, если мы обратимся къ размѣрамъ землевладѣнія, то увидимъ, что болѣе $^3/_4$ у насъ должны быть отнесены къ *мелкому*. Если мы будемъ считать мелкимъ владѣніе не болѣе 10 десятинъ, то такое землевладѣніе составитъ:

въ	Россіи . . .	до	$99^1/_2$%	всего количества владѣній.
»	Венгріи . .	»	94,5 »	»
»	Вюртембергѣ	»	91,5 »	»
»	Норвегіи .	»	75,5 »	»
»	Шотланіи .	»	74,0 »	»
»	Уэльсѣ . . .	»	70,0 »	»
»	Ирландіи . .	»	55,0 »	»
»	Франціи . .	»	52,0 »	»

Такимъ образомъ, и по преобладанію мелкаго землевладѣнія Россія занимаетъ 1-е мѣсто среди западно-европ. государствъ.

Не менѣе выгодно поставлена Россія и относительно *государственныхъ* земель, которыя занимаютъ здѣсь болѣе $^1/_3$ всей площади, тогда какъ, наприм.

во Франціи онѣ составляютъ 1,8%
» Пруссіи . . . . . 10,6 »
» Баваріи . . . . . 11,3 »
» Венгріи . . . . . 5,6 »

Остается напомнить еще, что около $^1/_2$ той площади земли, которая находится въ крестьянскомъ и частномъ землевладѣніи вмѣстѣ, находится въ общинномъ владѣніи.

Таковы особенности, отличающія землевладѣніе въ Россіи отъ землевладѣнія въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Я отмѣтилъ факты; не дѣлаю пока выводовъ изъ нихъ, такъ какъ ихъ сейчасъ дѣлать трудно. На основаніи анализа русскихъ экономическихъ условій приходится только отмѣтить, что условія эти настолько рѣзко отличены отъ условій, въ какихъ развился современный строй другихъ западно-европейскихъ государствъ, что переносить къ намъ цѣликомъ выводы, касающіеся ихъ экономическаго развитія, невозможно. Много придется внести поправокъ въ выясненіе того, какимъ путемъ и подъ какими условіями развивается экономическая жизнь. До сихъ поръ выяснены пути развитія, совершившагося на Западѣ уже при отсутствіи тѣхъ условій, какія сохраняются еще въ Россіи.

Чтобы сказать, какъ отразятся эти условія на дальнѣйшемъ развитіи экономическихъ отношеній въ Россіи при всей совокупности остальныхъ современныхъ условій,—для этого надо еще очень и очень многое выяснить, прежде чѣмъ строить какія-либо заключенія.

Примѣчаніе. Данныя о распредѣленіи землевладѣнія въ Россіи находится въ указанномъ уже выше сочиненіи **Фортунатова** и въ изданіи Департ. Земледѣлія и Сельской промышленности. Здѣсь слѣдуетъ еще указать на книгу **Ходскаго**: „Земля и земледѣлецъ“, т. II-й; **Янсона**: „Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ“, т. II; **его же**: „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“. По поводу этой кригѣ см. выше примѣч. на стр. 95. Относительно распредѣленія условій землевладѣнія въ Россіи хорошій сводъ данныхъ заключается въ кн. **Н. А. Карышева**: „Трудъ“ гл. II—Природныя данныя производства, гл. V—Освобожденіе труда и гл. VI—Землепользованіе. Тутъ сведены данныя и по землевладѣнію въ Зап. Европѣ. Болѣе подробно приведены эти послѣднія данныя въ изд. Водовозовыхъ: „Землевладѣніе и сельское хозяйство“. См. въ томъ же изданіи сборникъ статей: „Освобожденіе крестьянъ на Западѣ“.

Когда приведенныя въ этой главѣ данныя о землевладѣніи въ Россіи были уже набраны и оттиснуты я познакомился съ данными относящимися къ 1895 г., истинный источникъ которыхъ остается, однако, неизвѣстнымъ. Согласно этимъ даннымъ въ 50-ти губ. Европейской Россіи числится 429,436 т. д. земли. Исключая изъ нея 24,468 т. д. (5,7%) неудобной земли, получимъ 165,445 т. д. или 38,5% земли въ пользованіи крестьянъ, казаковъ, киргизовъ и т. п. 140,846 т. д. или 32,8% принадлежитъ казнѣ; 84,798 т. д. (19,7%) — частнымъ собственникамъ (кромѣ крестьянъ); 7619 т. д. (1,8%) удѣламъ и 6260 т. д.

(1,5%) городамъ и разнымъ учрежденіямъ. По даннымъ относящимся къ 45 губ. изъ частновладѣльческой земли—дворянамъ принадлежитъ 73% ея или 15% всей земельной собственности 45-ти губерній. Въ 1859 г. площадь дворянскаго землевладѣнія (за исключеніемъ надѣловъ, отведенныхъ крестьянамъ по положенію 19 февраля 1861 г.) составляла въ 45 губ. (только о нихъ и имѣются разработанныя данныя о дворянскомъ землевладѣніи) 79,103 т. д., а къ 1896 г.—55,544 т. д., т.-е. уменьшилось на 30%, что даетъ среднее ежегоднее сокращеніе на 0,8%, причемъ въ первые 18 л. средній ежегодный процентъ убыли былъ 0,7%, въ слѣдующіе 14—1,1% и послѣдніе 4 года 1,3%, т.-е. происходитъ усиливающаяся убыль дворянскаго землевладѣнія. Наибольшая убыль происходитъ при этомъ во владѣніяхъ болѣе крупнаго размѣра. Такъ для владѣній свыше 5000 дес. ежегодный процентъ убыли—1,5%; по мѣрѣ уменьшенія размѣровъ замлевладѣнія онъ падаетъ и для владѣній менѣе 100 дес. составляетъ лишь 0,2% въ годъ. Средняя площадь дворянскаго землевладѣнія, составлявшая въ 1877 г. 613 дес., къ 1896 г. опредѣляется лишь въ 470 дес. Этотъ результатъ вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что въ группахъ дворянъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ *свыше* 100 д. земли произошло уменьшеніе числа владѣльцевъ на 7825; въ группѣ же владѣльцевъ *до* 100 дес. увеличеніе почти на 10 тысячъ, т.-е. произошло увеличеніе числа мелкихъ землевладѣльцевъ и уменьшеніе крупныхъ («Русскія Вѣдомости» 1898 г. № 23 ст. В. В. «Статистика дворянскаго землевладѣнія въ Россіи»). Данныя эти, какъ видимъ, не только не противорѣчатъ выводомъ и заключеніямъ, основаннымъ на данныхъ конца 70-хъ годовъ, приведенныхъ выше, но даже усиливаютъ эти выводы во многихъ отношеніяхъ.

V. Землепользованіе.

Въ предыдущемъ было показано, какъ распредѣляется земельная собственность, въ чьихъ рукахъ она находится.

Я указалъ, что въ Россіи 36% населенія владѣютъ землей, тогда какъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ процентъ этотъ значительно ниже. Но вѣдь мы разсматриваемъ землю съ сельскохозяйственной точки зрѣнія. А съ этой точки зрѣнія одни не могутъ сами использовать обширныхъ площадей своихъ по недостатку соотвѣтствующихъ средствъ или по другимъ какимъ-либо причинамъ, другіе, наоборотъ, не могутъ использовать въ приложеніи къ землѣ своихъ рабочихъ силъ по ограниченности своихъ участковъ. Одни поэтому уступаютъ свои земли цѣликомъ или частью въ пользованіе для сельскохозяйственныхъ цѣлей другимъ, послѣдніе стараются ихъ получить. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ вопросу о *землеполь-*

зованіи, безъ котораго вопросъ о землевладѣніи, при современныхъ, по крайней мѣрѣ, условіяхъ, не получаетъ надлежащаго освѣщенія.

Наблюдаемыя теперь формы пользованія землей, какъ и другія экономическія отношенія, сложились исторически. Когда Европа была занята завоевателями, единственнымъ имуществомъ, которое можно было присвоить, была земля. Они объявляли землю своей и облагали населеніе податями за пользованіе ею. Многія земли оставались пустыми и служили фондомъ для нараждающагося населенія. Такимъ образомъ, исторически, въ силу экомомической необходимости, создалось *пользованіе* на разныхъ условіяхъ чужою землей. Сложившись издавна, эта необходимость прибѣгать къ пользованію чужою землей проходить чрезъ средніе вѣка и до настоящаго времени. Не останавливаясь здѣсь на разсмотрѣніи тѣхъ разнообразныхъ формъ, какія претерпѣло за этотъ длинный періодъ землепользованіе, и тѣхъ различныхъ видовъ отношеній, какія создавались этимъ явленіемъ, ограничусь краткимъ очеркомъ современныхъ условій землепользованія въ Россіи.

Значительная часть собственниковъ, главнымъ образомъ крупныхъ, либо совсѣмъ, либо частью не пользуется своей землей для сельскохозяйственныхъ цѣлей и передаетъ ее для этого на разныхъ условіяхъ другимъ. Этими послѣдними являются тѣ, которые, тяготѣя къ земледѣльческому труду, совсѣмъ не имѣютъ земли или имѣютъ ее въ недостаточномъ количествѣ. Это основное условіе арендованія земли. У насъ въ Россіи необходимость аренды создалась подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Изъ частныхъ собственниковъ болѣе 12% у насъ, какъ мы видѣли, имѣютъ земли меньше 1 десят.; для сельскохозяйственныхъ цѣлей размѣръ этотъ совершенно недостаточенъ, приходится для этого арендовать землю. То же относится къ другимъ 37%, имѣющимъ до 10 десят.; здѣсь возможна сельскохозяйственная культура, но часто также при условіи пріарендованія земли.

Но главную массу мелкихъ собственниковъ у насъ составляютъ надѣльные крестьяне, большая часть которыхъ получила отъ 3 до 5 десят. на душу. Если въ семьѣ, наприм., 3 души, то на нее придется отъ 10 до 15 десят. Такой участокъ можетъ служить семьѣ для сельскохозяйственныхъ цѣлей, но далеко не всегда избавляетъ ее отъ необходимости арендовать землю. Такъ, при наличности 1 рабочей силы, наприм., семья можетъ использовать такой участокъ, но если такихъ рабочихъ силъ три или больше, а другихъ занятій, кромѣ земледѣльческихъ, нѣтъ, то приходится прибѣгать къ арендѣ. Но, кромѣ такихъ общихъ соображеній, такая необходимость у насъ въ Россіи создалась еще по другимъ причинамъ. Когда при освобожденіи владѣльческихъ крестьянъ надѣляли ихъ землей, то почти исключительно принимали во вниманіе одну пашню, не брали въ разсчетъ ихъ нужду въ другихъ угодьяхъ, какъ по-

косъ, лѣсъ и пр. При крѣпостномъ правѣ помѣщикъ отводилъ крестьянамъ, кромѣ пашни, еще лѣсъ и луга. Если по условіямъ даннаго года покосъ оказывался недостаточнымъ, помѣщикъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставлялъ крестьянамъ часть въ своихъ лугахъ. Почти у всѣхъ общинъ значительная часть такихъ угодій была отрѣзана при освобожденіи крестьянъ. Между тѣмъ во многихъ мѣстахъ сельскохозяйственная культура невозможна безъ удобренія; необходимо поэтому имѣть скотъ въ достаточномъ количествѣ, а для этого въ свою очередь нужны и выгоны. А разъ ихъ у крестьянъ недостаточно, то является необходимость арендовать такія «отрѣзныя» земли, даже и при достаточномъ количествѣ пашни. Затѣмъ, я уже указывалъ на категорію, такъ-называемыхъ, дарственниковъ, которые не брали полныхъ надѣловъ, имѣя въ виду арендовать землю у помѣщиковъ.

Такимъ образомъ, уже въ самыхъ условіяхъ надѣленія землей при отмѣнѣ крѣпостного права можно найти цѣлый рядъ основаній для арендованія земли крестьянами. Само собой разумѣется, что ростъ населенія долженъ былъ постепенно усиливать нужду крестьянъ въ землѣ и необходимость прибѣгать къ арендѣ.

Въ нѣсколько иныя условія относительно пользованія лѣсомъ, выгономъ и сѣнокосными угодьями поставлено крестьянское населеніе въ западномъ и юго-западномъ краѣ, чѣмъ и объясняется меньшая надобность тамъ въ арендованіи означенныхъ угодій. Дѣло въ томъ, что въ западномъ и юго-западномъ краѣ и до сихъ поръ существуютъ сервитуты, предоставляющіе крестьянамъ право въ извѣстное время года и въ извѣстныхъ мѣстахъ владѣльческихъ угодій пасти скотъ, производить косьбу. Для владѣльцевъ такое право крестьянъ создаетъ нѣкоторыя неудобства, такъ какъ ограничиваетъ право владѣльца распоряжаться своею землей, если на ней лежитъ сервитутъ: такую землю гораздо труднѣе продать. Поэтому въ настоящее время идетъ законодательная работа объ отмѣнѣ сервитутовъ. Но такая отмѣна должна будетъ невыгодно отразиться на крестьянскомъ хозяйствѣ. Трудно, наприм., оцѣнить право пасти 100 головъ скота въ теченіе извѣстнаго времени. Еслибы даже крестьяне были вознаграждены за уступку этого права извѣстною суммой денегъ, то она все-таки не замѣнитъ имъ выгодъ пастбища, такъ какъ на эту сумму не всегда можно пріобрѣсть землю въ данномъ мѣстѣ. Слѣдовательно, въ западномъ и юго-западномъ краѣ сервитуты до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, уменьшаютъ для крестьянъ необходимость арендовать землю для пастьбы. Въ другихъ же мѣстахъ сразу были раздѣлены права и обязанности помѣщиковъ и крестьянъ, и послѣднимъ приходится прибѣгать къ арендѣ земли для указанной цѣли, не говоря уже о необходимости въ арендѣ пашни тамъ, гдѣ размѣры ея недостаточны.

Итакъ, цѣлый рядъ условій, сложившихся исторически и об-

разовавшихся при ликвидаціи стараго дореформеннаго хозяйства, а еще болѣе осложнившихся впослѣдствіи, вызываетъ теперь нужду въ арендѣ земли.

Въ настоящее время арендованіе вообще весьма распространено, съ одной стороны, тамъ, гдѣ невелико число собственниковъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточены земли, какъ, наприм., въ Англіи; съ другой стороны, гдѣ, какъ въ Россіи, хотя много собственниковъ, но размѣры земли у большинства недостаточные. Я указалъ, что въ Россіи главнымъ мотивомъ для арендованія земли служитъ *недостаточность надѣловъ*, необходимость, слѣдовательно, вести хозяйство на своемъ участкѣ и невозможность ограничиться его размѣрами. Указанный мотивъ не является, конечно, исключительнымъ. Арендуютъ землю и съ *предпринимательскими цѣлями*. Особенно распространено это явленіе въ Англіи, гдѣ существуетъ, съ одной стороны, немногочисленный классъ крупныхъ собственниковъ, а съ другой— классъ фермеровъ-предпринимателей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи свободныя средства, которыя они вкладываютъ въ арендуемую землю точно такъ же, какъ они вложили бы ее въ какое-нибудь торговое или промышленное предпріятіе. Въ Россіи такой видъ аредны развитъ сравнительльно незначительно.

До сихъ поръ я излагалъ условія, которыя надо имѣть въ виду съ точки зрѣнія арендующихъ землю.

Разсмотримъ теперь условія, при которыхъ не у насъ въ Россіи только, но и вообще крупному собственнику земли приходится сдавать землю въ аренду. Крупный собственникъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи большую площадь земли и желающій вести собственное хозяйство, долженъ соотвѣтственно этому имѣть большой капиталъ и наемный трудъ въ достаточномъ количествѣ. Приложеніе того и другого, какъ я уже это старался выяснить во второмъ очеркѣ, сопряжено въ земледѣліи съ бо́льшими затрудненіями, чѣмъ въ фабричной промышленности. Существуютъ поэтому довольно тѣсные предѣлы, до которыхъ можно расширять свое хозяйство, а за этими предѣлами приходится либо, ограничивъ полевое хозяйство, вести какое-нибудь другое на свободной землѣ, обратить ее, наприм., подъ пастбища, либо сдавать эту землю въ аренду. Крупное капиталистическое земледѣліе все болѣе ограничивается въ послѣднее время, съ перемѣной въ условіяхъ сбыта, перевозки хлѣба, конкурренціи на всемірномъ рынкѣ и цѣлаго ряда другихъ условій, которыя особенно рѣзко выдвинулись въ послѣднее время и еще болѣе закрѣпили мысль о невыгодахъ единоличнаго и при томъ товарнаго крупнаго земледѣльческаго хозяйства. А это должно еще болѣе способствовать развитію аренды, и притомъ мелкой, чему, какъ показано будетъ дальше, способствуютъ и еще особыя условія.

Анализъ землепользованія показываетъ, что во многихъ случаяхъ земледѣльческое хозяйство ведется не на собственной, а на арендованной землѣ. Крупные собственники не въ состояніи

вести хозяйство на своихъ обширныхъ пространствахъ, мелкіе — на своихъ ограниченныхъ участкахъ. Первые вынуждены сдавать землю, вторые—снимать.

Въ силу этого развивается арендованіе земли, сущность котораго заключается въ томъ, что лицо или совокупность лицъ получаетъ право пользованія землею, за что принимаетъ на себя опредѣленныя обязательства по отношенію къ собственнику земли. Содержаніе и формы этихъ обязательствъ различны, въ зависимости отъ чего различны и формы арендъ, существующія, наприм., у насъ въ Россіи въ различныхъ мѣстахъ.

Въ зависимости отъ размѣровъ арендуемаго участка, характера его, срока аренды и способа уплаты за нее, различаются разнообразные виды аренды.

По *размѣрамъ* различается: а) мелкая аренда—участокъ небольшой, но самъ по себѣ достаточный для сельскохозяйственныхъ цѣлей, б) также мелкая аренда—участокъ, дополнительный къ недостаточному участку арендатора, в) крупная фермерская—сдается въ аренду цѣлое имѣніе съ угодьями и постройками, при чемъ арендаторъ пользуется уже наемнымъ трудомъ, и, наконецъ, г) также крупная аренда, распространенная въ Англіи, отчасти въ Россіи, а въ особенности въ Ирландіи,— когда большой участокъ арендуется не съ цѣлью вести на немъ хозяйство своими средствамц, а для того, чтобы отъ себя сдавать его мелкими участками другимъ. (Относительно этого вида аренды, условій возникновенія и распространенія ея см. трудъ А. А. Мануилова: Аренда земли въ Ирландіи, М. 1895, гл. 3).

По *характеру* аренды различается: аренда цѣлыхъ имѣній для сельскохозяйственныхъ цѣлей, или аренда только отдѣльныхъ угодій—пашни, покоса и др.

По *срокамъ:* а) Уже мало распространенная вѣчно-наслѣдственная аренда, при которой семья имѣетъ наслѣдственное право пользованія землей, съ уплатой ежегодно опредѣленной суммы. Такая аренда близка къ праву собственности и прекращается либо съ прекращеніемъ рода, или если сама семья откажется отъ нея. Съ ростомъ цѣнности земли этотъ видъ аренды уничтожается. б) Аренда долгосрочная; за ней раньше видѣли большія преимущества, такъ какъ, полагали, что арендаторъ въ этомъ случаѣ можетъ рѣшиться на производство такихъ улучшеній, которыя окупаются только въ цѣломъ рядѣ лѣтъ. Но съ народно-хозяйственной точки зрѣнія этотъ видъ аренды не представляетъ большихъ выгодъ, такъ какъ арендаторъ предъ окончаніемъ срока аренды стремится извлечь изъ покидаемой земли все, что только возможно, и часто оставляетъ землю уже значительно истощенной. в) Безсрочная аренда, въ томъ смыслѣ, что земля не сдается на какой-нибудь опредѣленный срокъ. Онъ устанавливается обычаемъ: земля остается въ пользованіи арендатора изъ года въ годъ до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ не найдетъ для себя болѣе выгоднымъ сдать землю новому арендатору. Гдѣ обычай крѣпокъ, тамъ такое арендованіе представ-

ляетъ значительныя выгоды, въ противномъ случаѣ—большія неудобства для арендаторовъ. г) Краткосрочная, большею частью на годъ; имѣетъ крупныя невыгоды: арендаторъ здѣсь заинтересованъ вложить въ землю возможно меньше, такъ какъ земля остается въ его распоряженіи въ теченіе весьма непродолжительнаго времени. Впрочемъ, такой арендаторъ и средствъ, большею частью, не имѣетъ для какихъ-нибудь капитальныхъ затратъ, такъ какъ къ годичной арендѣ прибѣгаютъ только наименѣе обезпеченные. Итакъ, по срокамъ одни виды аренды представляются невыгодными съ точки зрѣнія интересовъ собственника земли, другіе съ сельскохозяйственной точки зрѣнія. Наиболѣе выгодной въ послѣднемъ отношеніи представляется вѣчная аренда въ томъ видѣ, какъ ее предлагалъ Родбертусъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Но такая аренда не можетъ установиться, пока земля составляетъ частную собственность.

По *способу уплаты* различается уплата: а) денежная, б) довольно распространенная, особенно въ прежнее время, натуральная—за отработки, причемъ формы отработки весьма разнообразны: такъ, наприм., встрѣчается круговая отработка, которая заключается въ томъ, что арендаторъ обязуется произвести у владѣльца цѣлый кругъ работъ—обработать яровое поле, вспахать, убрать, или же обязуется исполнить отдѣльные виды работъ или отработать опредѣленное число дней и т. д. Иногда это бываетъ цѣлый рядъ работъ, не заранѣе опредѣленныхъ, а какія будутъ указаны, т.-е. не опредѣляется напередъ ни характеръ, ни даже время работъ, а только число дней. Такая неопредѣленность въ срокѣ отработки вызывается характеромъ сельскохозяйственныхъ работъ: когда, наприм., стоитъ хорошая погода, землевладѣлецъ спѣшитъ убрать поскорѣй сѣно; въ это время ему необходимо такое количество рабочихъ, какое держать все время онъ не можетъ, такъ какъ у него и работы для нихъ не хватитъ. Для арендатора это представляетъ крупныя невыгоды, такъ какъ ему приходится являться на работу къ владѣльцу земли именно въ такое время, когда и ему самому надо было бы торопиться съ уборкой на своемъ участкѣ. в) Половничество, аренда исполу: арендаторъ получаетъ участокъ земли, иногда еще сѣмяна; за это онъ обязуется обработать землю своимъ трудомъ, орудіями и скотомъ; а урожай дѣлится или пополамъ, или изъ извѣстной доли, смотря по высотѣ арендной платы въ данное время. г) Смѣшанная, когда арендаторъ расплачивается частью деньгами, частью какою-нибудь работой.

Такое разнообразіе въ формѣ арендной платы вызывается различными условіями. Съ одной стороны, владѣлецъ можетъ потребовать отработку, главнымъ образомъ, только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе имѣетъ скотъ, сельскохозяйственныя орудія, т.-е. имѣетъ все необходимое для земледѣльческихъ работъ. Съ другой стороны, населеніе бываетъ иногда даже вынуждено отдавать свой трудъ, когда землевладѣлецъ, нуждаясь въ рабо-

чихъ рукахъ, не соглашается сдавать землю на иныхъ условіяхъ, либо когда населеніе, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хозяйство еще приближается къ натуральному, денежное же развито еще мало, можетъ въ уплату аренды предложить только свой трудъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что тѣ или другія формы аренны существуютъ—каждая при извѣстныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ которыхъ опредѣляется и взаимное отношеніе сдатчиковъ и съемщиковъ земли. Въ то же время не трудно замѣтить, что эти условія въ свою очередь находятся въ связи съ большимъ или меньшимъ развитіемъ товарнаго и денежнаго хозяйства и съ степенью раздѣленія занятій въ обществѣ, въ зависимости отъ чего для населенія опредѣляется или необходимости прилагать свой трудъ исключительно къ землѣ, или возможность обратиться къ другимъ источникамъ существованія. Въ кн. Н.—она: «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства», въ гл. IX указана та историческая послѣдовательность, въ которой смѣняются различныя существующія у насъ формы арендованія земли, куда и отсылаемъ желающихъ нѣсколько ближе уяснить себѣ эту послѣдовательность. Впрочемъ, намъ еще придется коснуться этого, говоря объ условіяхъ найма на сельскохозяйственныя работы, которыя стоятъ у насъ не рѣдко въ такой тѣсной связи съ сдачей земли въ аренду, что совершенно правомѣрнымъ является вопросъ: разсматривать ли арендатора какъ земледѣльца, ведущаго свое хозяйство, или какъ рабочаго, получающаго заработную плату въ формѣ участка земли?

Наконецъ, приходится различать еще, арендуется ли земля цѣлымъ обществомъ или отдѣльнымъ лицомъ. Первое имѣетъ мѣсто у насъ, главнымъ образомъ, по отношенію къ такъ называемымъ *отрѣзнымъ* землямъ, которыя при крѣпостномъ правѣ были въ пользованіи этихъ обществъ и безъ которыхъ имъ обойтись невозможно. Но съ теченіемъ времени арендованіе цѣлыми обществами уменьшается, въ зависимости отъ дифференціаціи въ экономическомъ положеніи членовъ общины: одни совсѣмъ выходятъ изъ нея, другіе не имѣютъ средствъ платить арендныя деньги, когда аренда денежная; или не имѣютъ достаточнаго инвентаря для отработки, когда аренда натуральная. Поэтому аренда цѣлыми обществами постепенно уступаетъ мѣсто арендѣ товариществами или отдѣльными лицами, имѣющими къ тому возможность. Таковы условія аренды.

Останавливаясь на составѣ лицъ арендующихъ, приходится сказать, что почти исключительно распространено у насъ въ Россіи піарендованіе земли крестьянами. Фермерская же аренда, на подобіе англійской, встрѣчается у насъ рѣдко. При этомъ крестьянская аренда у насъ мелкая, на небольшіе сроки, большею частію на годъ, и опять-таки въ значительномъ числѣ случаевъ не за деньги, а за исполненіе различныхъ работъ. Вызывается такой характеръ аренды тѣмъ, что у насъ она является результатомъ не желанія улучшить хозяйство, а стрем-

ленія путемъ аренды избѣжать нужды, удовлетворить своимъ насущнымъ потребностямъ. Больше всего распространена крестьянская аренда пашни на югѣ, гдѣ, во 1-хъ, много даровыхъ надѣловъ и, во 2-хъ, продолжительнѣе періодъ времени, въ теченіе котораго земледѣлецъ можетъ приложить свой трудъ къ землѣ, а слѣдовательно, и къ большему пространству, чѣмъ на сѣверѣ. Кромѣ этихъ причинъ, на большее распространеніе аренды пашни на югѣ вліяетъ еще то обстоятельство, что на сѣверѣ, при существованіи кустарныхъ промысловъ, крестьянинъ можетъ недовырученное отъ земли выручить отъ промысломъ, тогда какъ на югѣ ихъ нѣтъ, и потому, чтобы добыть денегъ для уплаты податей и для своихъ собственныхъ нуждъ, приходится производить хлѣбъ для продажи, а для этого приходится обращаться къ арендѣ, такъ какъ своей земли для всего этого не хватаетъ. Въ нечерноземной полосѣ гораздо меньше распространена аренда пашни, за то часто арендуются сѣнокосныя угодья. Объясняется это тѣмъ, что при арендѣ на годъ, главнымъ образомъ распространенной у насъ, арендаторъ черноземной полосы можетъ засѣять пашню, не прибѣгая къ удобренію, такъ какъ объ удобреніи при годичной арендѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ нечерноземной же полосѣ оставлять пашню безъ удобренія невозможно; для удобренія же необходимо держать скотъ, а для этого—арендовать сѣнокосныя угодья; если тамъ приходится арендовать и пашню, то стараются снять ее уже на нѣсколько лѣтъ, чтобы окупить затраты на удобреніе. Встрѣчается и здѣсь аренда пашни на годъ, но уже не для хлѣба, а преимущественно для льна, и при томъ запущенной пашни, дающей первый годъ хорошій сборъ льна.

Я останавливался до сихъ поръ, главнымъ образомъ, на *внѣнадѣльной* крестьянской арендѣ, т.-е. внѣ крестьянскаго надѣла. Но рядомъ съ такой арендой существуетъ еще аренда надѣльныхъ же земель у своихъ односельчанъ, которые не обрабатываютъ своихъ участковъ, потому что живутъ на сторонѣ, или своего инвентаря не имѣютъ. Наиболѣе зажиточные домохозяева арендуютъ землю у покидающихъ ее, или у продолжающихъ оставаться здѣсь же бѣдняковъ, которые часто поступаютъ въ батраки къ своему же арендатору. Такимъ образомъ, и при общинномъ землевладѣніи фактически, хотя и не формально, можетъ появляться и появляется сосредоточеніе земельныхъ участковъ въ рукахъ болѣе зажиточныхъ домохозяевъ.

Но имѣющіяся данныя не позволяютъ заключить о значительномъ развитіи этого явленія; наоборотъ, замѣчается, что такая сдача надѣльной земли отдѣльному домохозяину, взамѣнъ передачи ея въ общество, составляетъ явленіе временное, при которомъ пользованіе надѣломъ своего односельца не закрѣпляется на долгое время въ рукахъ отдѣльнаго домохозяина, а потому и не создается чего либо похожаго на фермерскую аренду.

Въ сказанномъ до сихъ поръ намѣчены въ самыхъ общихъ чертахъ формы арендованія земли и тѣ условія нашей дѣйствительности, которыя вызываютъ необходимость арендованія земли со стороны массы населенія. Въ тоже время было указано, что распространенность аренды не представляетъ собою чего либо свойственнаго лишь русскимъ экономическимъ условіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что возможность арендовать землю предполагаетъ съ другой стороны стремленіе сдавать ее въ аренду, слѣдовательно—существованіе такихъ экономическихъ условій, которыя вырабатываютъ это стремленіе—дѣлаютъ для собственниковъ земли почему либо болѣе выгоднымъ сдавать землю въ аренду, нежели вести на ней собственное земледѣльческое хозяйство. То что было выяснено во второмъ и третьемъ очеркахъ, какъ то было уже отмѣчено нѣсколько выше, отчасти опредѣляетъ почему въ то время какъ мелкіе собственники, стремятся арендовать землю, т. е. вести на ней собственное хозяйство—крупные наоборотъ стремятся предоставить это занятіе другимъ, довольствуясь лишь полученіемъ арендной платы, неберя на себя риска, сопряженнаго съ производствомъ. Дальнѣйшее выясненіе этого будетъ сдѣлано еще въ нѣкоторыхъ изъ послѣдующихъ очеркахъ («мертвый и живой инвентарь, «сельскохозяйственные рабочіе»). Теперь же остановимся на нѣкоторыхъ общихъ условіяхъ, прямо связанныхъ съ владѣніемъ землей и условіями извлеченія изъ нея дохода, которыя объясняютъ распространенность сдачи земли въ аренду и указываютъ послѣдствія этого какъ для землевладѣнія, такъ и для сельскаго хозяйства.

Освобожденіе труда, т. е. отмѣна крѣпостнаго права была вызвана повсюду требованіями развивающагося капиталистическаго хозяйства, которому нужны были свободныя рабочія руки. Съ другой стороны, товарное обращеніе, составляющее условіе капиталистическаго производства, превращало въ товаръ и землю. Этого требовало тоже развивающее капиталистическое производство, такъ какъ этимъ путемъ земля, какъ источникъ средствъ продовольствія населенія превращалась также въ капиталъ. Мобилизація земли, возможность отчуждать ее за деньги и превращать такимъ образомъ въ свободно обращающійся капиталъ, способствовала съ одной стороны скорѣйшему сосредоточенію капитала и превращенію его въ форму, болѣе пригодную для развитія капиталистическаго производства, съ другой вела къ быстрому обезземеленію населенія и созданію класса рабочихъ, необходимаго для безостановочнаго развитія капиталистическаго производства. Соотвѣтственно этому въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія господствовало ученіе о свободѣ земельной собственности. Въ прусскомъ законѣ 1811 г. «о содѣйствіи земельной культурѣ», мотивы къ которому составлялъ извѣстный агрономъ Теэръ, говорилось: «свобода распоряженія служитъ вѣрнѣйшимъ и лучшимъ средствомъ оградить земельныхъ собственниковъ отъ задолженности, внушить имъ неосла-

бѣвающій и живой интересъ къ улучшенію ихъ имѣній и содѣйствовать обработкѣ всѣхъ земельныхъ пространствъ» (Мануиловъ: «Аренда земли» гл. 1). Тотъ же Теэръ писалъ: «Свобода соединять мелкія владѣнія между собою, или присоединять ихъ къ крупнымъ, и съ другой стороны крупныя владѣнія дробить на участки любой величины и дѣлать то, что каждому представляется въ его положеніи наиболѣе выгоднымъ, будетъ наиболѣе выгодна и для производства и для общаго блага». (Тамъ же. См. доводы, приводившіяся въ пользу этого также во 2-й гл. кн. М. Соболева: «Мобилизація земельной собственности». М. 1898).

Въ интересахъ этого «общаго блага» въ Англіи, какъ извѣстно происходили огораживанія полей и очистка имѣній. (Капит. т. I) Съ теченіемъ времени, однако, потребности развивающагося капитализма стали получать иное выраженіе. Классъ безземельныхъ рабочихъ оказался настолько великъ, что стали отмѣняться ограниченія, сдерживавшія эмиграцію и тѣмъ не менѣе послѣдняя не могла поглотить всего избытка населенія, остававшагося за удовлетвореніемъ потребностей капиталистическаго производства, развитіе котораго въ связи съ техническими улучшеніями получило такую форму, что возрастаніе постояннаго капитала требовало относительно меньшаго количества рабочихъ рукъ, появлявшихся на рынкѣ въ достаточномъ числѣ безъ всякихъ экстренныхъ мѣропріятій къ тому. Съ другой стороны, земля, какъ источникъ извлеченія дохода путемъ приложенія къ ней капитала для производства, стала терять свою привлекательность подъ вліяніемъ выступленія на арену международнаго соперничества въ земледѣліи заокеанскихъ странъ.

При такихъ условіяхъ капиталъ пересталъ такъ гнаться за землею какъ прежде, и это дало возможность интересамъ другихъ классовъ населенія, въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ тѣхъ, которые продолжали существовать отъ приложенія своего труда къ землѣ, найти свое выраженіе и стать замѣтными. Подъ вліяніемъ этого въ наукѣ стало складываться иное воззрѣніе на свободу земельной собственности. Начинаютъ замѣчаться и выдвигаться тѣ факты, тѣ явленія жизни, которые характеризуютъ пользованіе земельной собственностью при капиталистическомъ строѣ и тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ отсюда для сельскаго хозяйства и для «общаго блага». Соотвѣтственно съ этимъ начинаетъ измѣняться отношеніе и къ тѣмъ мотивамъ, которые въ концѣ прошлаго и первой половинѣ истекающаго столѣтія вызвали на Западѣ усиленный переходъ огромныхъ пространствъ земли въ частныя руки: личная инициатива, на которую возлагалось такъ много надеждъ, не могла выполнить возложенныхъ на нее задачъ. Крупное земледѣльческое хозяйство въ своемъ расширеніи было поставлено въ извѣстные предѣлы и должно было прибѣгнуть къ сдачѣ неутилизируемыхъ земель. Эти условія землепользованія были мало благопріятны и для устойчивости землевладѣнія. Мобили-

зація земли наблюдается вездѣ, гдѣ тому не ставятся какія-нибудь искусственныя ограниченія. Такъ, по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ Германіи по отношенію къ мелкой собственности, земля черезъ 3—4 поколѣнія переходитъ въ другія руки. Чтобы спасти крупное землевладѣніе отъ такой неустойчивости, вводится майоратъ. За то здѣсь это обстоятельство вызываетъ цѣлый рядъ другихъ неблагопріятныхъ условій: не желая обдѣлить другихъ дѣтей, отецъ заставляетъ старшаго сына произвести уплату другимъ ихъ доли деньгами; земля обременяется долгами, является задолженность, которая не выдерживается никакою культурой.

Всѣ эти обстоятельства подали мысль Родбертусу («Creditnoth») объ установленіи вѣчной ренты, т.-е. о передачѣ земли въ руки государства, которое уступаетъ ее уже не въ собственность, а только въ пользованіе за извѣстное вознагражденіе. Эта мысль была также развита Л. фонъ-Штейномъ («Die drei Fragen des Grundbesitzes»): съ одной стороны, говоритъ онъ, крупная частная собственность на землю, подтачиваемая мобилизаціей и задолженностью, не представляется ни устойчивой, ни цѣлесообразной съ сельскохозяйственной точки зрѣнія, съ другой—современныя условія аренды вызываютъ цѣлый рядъ невыгодныхъ послѣдствій. При современномъ капиталистическомъ строѣ каждое имущество имѣетъ цѣлью приносить доходъ, и притомъ наибольшій. Въ частности у землевладѣльцевъ существуетъ стремленіе сдать землю въ аренду съ наивозможно большею для себя выгодой, а для этого необходимо вызвать конкурренцію среди снимающихъ, увеличить число имѣющихъ возможность снять, т.-е. надо сдавать въ аренду мелкими участками и притомъ на краткіе сроки.

«Какъ скоро истекаетъ арендный срокъ, установленный договоромъ—и въ этомъ заключается причина, почему вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго производства землевладѣлецъ стремится елико возможно сократить срокъ аренды—улучшенія почвы, какъ нѣчто нераздѣльное съ землею, достаются землевладѣльцу, какъ его собственность. При заключеніи новаго аренднаго договора землевладѣлецъ прибавляетъ къ настоящей земельной рентѣ также процентъ на капиталъ, вложенный въ землю, все равно сдаетъ ли онъ землю тому же арендатору, который произвелъ улучшенія или какому-нибудь другому. Такимъ образомъ рента его растетъ; или если онъ вздумаетъ землю продать... цѣнность ея увеличивается. Онъ продаетъ не только землю, но землю улучшенную, капиталъ, вложенный въ землю, который ему ничего не стоитъ. Это одна изъ тайнъ—совершенно независимо отъ движенія настоящей земельной ренты—увеличивающагося обогащенія землевладѣльцевъ, постояннаго роста ихъ ренты, и возрастающей денежной цѣнности ихъ земель, сопровождающей поступательный ходъ экономическаго развитія... Но это есть въ тоже время одно изъ величайшихъ препятствій раціональнаго земледѣлія, такъ какъ фермеръ избѣга-

етъ дѣлать какія бы то ни было улучшенія и затраты, которыя онъ не можетъ ожидать вполнѣ выручить въ продолженіе аренднаго срока; и мы видимъ, что на это обстоятельство постоянно указываютъ, какъ на препятствіе..... A. A. Walton («History of the Landet Tenures... 1865») относительно этого говоритъ: «Всѣ усилія многочисленныхъ сельскохозяйственныхъ учрежденій нашей страны до тѣхъ поръ не будутъ въ состояніи привести къ сколько нибудь значительнымъ и замѣтнымъ результатамъ, *въ смыслѣ дѣйствительнаго прогресса улучшенія обработки*, пока такія улучшенія будутъ въ значительно большей степени увеличивать цѣнность земельной собственности и высоту ренты землевладѣльца, чѣмъ улучшать положеніе арендатора или наемнаго рабочаго... Арендаторамъ... прекрасно извѣстно, что какъ бы они ни улучшили землю и какъ бы ни повысили ея цѣнность, въ концѣ концовъ существеннѣйшую выгоду это принесетъ землевладѣльцу, въ видѣ повышенія ренты и увеличенія цѣнности земли («Капиталъ», III, стр. 511—512). «При арендѣ земель устанавливается именно такая рента, при которой добавочная прибыль, возникающая вслѣдствіе послѣдовательныхъ затратъ капитала, пока длится срокъ аренднаго договора, идетъ въ карманъ арендатора. Отсюда борьба арендаторовъ за долгосрочную аренду, и наоборотъ, за увеличеніе числа ежегодныхъ арендъ (tenants at will) со стороны большинства землевладѣльцевъ» (Тамъ же, стр. 556).

Таковы основанія для краткосрочности аренды, не дающей никакихъ гарантій арендатору и задерживающей прогрессъ и прочность земледѣльческихъ улучшеній. Тѣ же стремленія, какія вызываютъ ее, ведутъ, и также съ однородными послѣдствіями, къ сдачѣ земли въ аренду мелкими участками, согласно съ чѣмъ Л. фонъ-Штейнъ и установляетъ законъ малыхъ арендъ: для землевладѣльца большею частью представляется болѣе выгоднымъ сдать землю не въ однѣ руки, а по частямъ, небольшими участками многимъ съемщикамъ, такъ какъ чрезъ это увеличивается число лицъ, могущихъ арендовать, усиливается среди нихъ конкуренція и это даетъ возможность повысить арендную плату. Далѣе, населеніе растетъ, спросъ на землю увеличивается, условія аренды становятся болѣе обременительными, а арендуемые участки все мельче, т.-е. становятся уже недостаточными для прокормленія семьи, и арендаторы становятся безсильными. Наступаетъ образованіе латифундій, эмиграція и цѣлый рядъ общественныхъ бѣдствій, связанныхъ съ ними. Единственный выходъ изъ этого положенія, по мнѣнію Л. фонъ-Штейна, какъ и Родбертуса, это—переходъ земли въ руки государства съ предоставленіемъ частнымъ лицамъ права пользованія землей, при чемъ основанія для сдачи земли у государства будутъ уже не тѣ же, что у частныхъ собственниковъ. «Земельная собственность отличается отъ остальныхъ родовъ собственности тѣмъ, что на извѣстной степени развитія, она оказывается излишней и вредной даже съ точки зрѣнія

капиталистическаго способа производства» («Капиталъ», III, стр. 513). «Арендный участокъ, благодаря дробленію, сокращался до такихъ размѣровъ, при которыхъ онъ только возмѣщалъ стоимость рабочей силы съемщика, не давая никакой прибавочной стоимости» (А. Мануиловъ: «Аренда земли въ Ирландіи», стр. 227).

Вотъ тѣ явленія дѣйствительности и тѣ теоретическія основанія, по которымъ наилучшимъ видомъ отношенія къ землѣ является не право собственности на нее, а право постоянной аренды, постояннаго пользованія ею, пока лицо, пользующееся землею, разсматриваетъ ее какъ источникъ приложенія своихъ рабочихъ силъ къ землѣ, а не какъ средство извлеченія изъ нея дохода иными путями. Къ практическому осуществленію этого принципа и приходитъ современное англійское законодательство: «Собственникъ можетъ сдавать или не сдавать свою землю въ арендное пользованіе; но разъ онъ сдалъ ее, его право распоряжаться этой землей и устанавливать условія пользованія ею ограничивается. Эти условія устанавливаются не земельнымъ собственникомъ, а государствомъ, и до тѣхъ поръ, пока арендаторъ выполняетъ ихъ, законъ (Ирландское законодательство объ арендѣ, основой котораго служитъ земельный актъ 1881 г.) обезпечиваетъ за нимъ пользованіе землей. При сдачѣ земли въ аренду государство вмѣшивается въ возникающія отношенія между арендаторомъ и собственникомъ и заступаетъ мѣсто послѣдняго въ важнѣйшихъ его функціяхъ» (А. Мануиловъ: «Аренда» и т. д., стр. 300).

Изложивъ вкратцѣ общія основанія и виды аренды, я приведу теперь нѣкоторыя данныя, характеризующія распространенность аренды вообще въ Россіи и по отдѣльнымъ районамъ. Для опредѣленія общаго количества земли, арендуемой крестьянами въ каждой губерніи, можно воспользоваться данными центральнаго статистическаго комитета. Что же касается количества арендующихъ дворовъ, то данныя по этому вопросу имѣются только въ земско-статистическихъ сборникахъ для 126 уѣздовъ. Такъ какъ земско-статистическія изслѣдованія были произведены въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ Россіи, то это даетъ возможность сдѣлать нѣкоторыя обобщенія изъ этихъ данныхъ. Главнымъ образомъ, внѣнадѣльная аренда распространена на юго-востокѣ, югѣ и западѣ. Въ изслѣдованныхъ 126 уѣздахъ отношеніе арендующихъ дворовъ къ наличному числу всѣхъ дворовъ колеблется отъ 10% до 85%. Еще большія колебанія представляетъ отношеніе арендуемой внѣнадѣльной земли къ надѣльной: отъ 0,9% до 76,6%. Такое подавляющее значеніе, какъ при послѣдней и близкихъ къ ней цифрахъ, аренда имѣетъ въ сравнительно небольшомъ числѣ уѣздовъ, а именно: въ 26 уѣздахъ отношеніе арендуемой земли къ надѣльной составляетъ отъ 30% до 76,6%, въ 45 уѣзд. отъ 15% до 30% и въ 54 уѣзд. не болѣе 15%. На одинъ дворъ въ среднемъ по изслѣдованнымъ уѣздамъ приходится отъ 0,1 десят. до 23,7 десят., при чемъ, если исключить 4 уѣзда, въ которыхъ эта цифра

превышаетъ 10 десят., то максимальнымъ размѣромъ арендуемой земли на 1 дворъ будетъ 9,9 десят.

Я ограничился весьма немногими данными, наиболѣе характерными. Кто желаетъ подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ, тотъ найдетъ много интересныхъ данныхъ въ книгѣ проф. Н. А. Карышева «Крестьянская внѣнадѣльная аренда», откуда и мною приведены сейчасъ нѣкоторыя данныя.

Послѣднія цифры, которыя я приводилъ, показываютъ предѣлы размѣровъ аренды на 1 дворъ. Разсмотримъ теперь, въ какой зависимости стоитъ величина аренды отъ большей или меньшей степени обезпеченности надѣльною землей, а потомъ— рабочими силами семьи и скотомъ.

По первому вопросу, т.-е. относительно зависимости аренды отъ земельнаго надѣла, надо думать, что разъ крестьяне вынуждены арендовать землю для удовлетворенія насущныхъ потребностей, то чѣмъ мельче надѣлъ, тѣмъ большимъ количествомъ дворовъ будетъ арендоваться земля. Это заключеніе вполнѣ подтверждается при сопоставленіи количества арендуемой земли съ размѣрами надѣла у разрядовъ крестьянъ, различно надѣленныхъ землей, т.-е. у государственныхъ, бывшихъ владѣльческихъ и имѣющихъ дарственный надѣлъ. Составленную по такому пріему таблицу мы находимъ у проф. Карышева въ его книгѣ «Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды». Надо раньше замѣтить, что всю территорію онъ раздѣляетъ на полосу меньшихъ и полосу бо̀льшихъ арендъ, смотря по ихъ распространенности въ той и другой. Таблица составлена для каждой полосы отдѣльно:

Разряды крестьянъ.	Число арендующихъ дворовъ.	Размѣръ арендуем. участк. въ десятин.
I. Полоса меньшихъ арендъ:		
Государствен.-душевые	21,9%	1,3
Четвертные	23,8	0,9
б. влад. временно-обязан. . . .	39,3	1,6
» » собственники	46,6	1,6
» » дарственники	66,6	4,3
II. Полоса бо̀льшихъ арендъ:		
Четвертные	35,3%	1,9
Государств.-душевые	36,6	2,9
Казаки	50,3	1,7
б. влад.-собственники	55,9	3,1
б. удѣльные	60,5	5,3
б. влад. временно-обязан. . . .	61,7	4,3
» » дарственники	65,1	6,9

Не трудно видѣть, что количество арендующихъ дворовъ и средній размѣръ на 1 дворъ вездѣ выше у б. владѣльческихъ,

вообще хуже надѣленныхъ, чѣмъ бывш. государственные. Отсюда и заключали, что съ уменьшеніемъ надѣла увеличивается аренда, и что, такимъ образомъ, аренда восполняетъ нужду въ землѣ наименѣе обезпеченныхъ ею.

Иначе разсматриваетъ это явленіе и къ инымъ выводамъ приходитъ проф. Карышевъ въ названной книгѣ. Онъ разсматриваетъ аренду по размѣрамъ надѣла для каждаго разряда крестьянъ. Приведу для наглядности одну такую таблицу:

Камышинскій уѣздъ.

Число десятинъ надѣльной земли на *1 дворъ*.	Арендуется пахота на 1 надѣльный дворъ въ десятинахъ.						
	0	0—2,5	2,5—5	5—10	болѣе 10	болѣе 20	Среднее.
Дарственные	4.6	7.1	9.1	9.2	12.2	17.7	6.7
Собственники. . . .	1.1	3.8	3.7	5.6	10.3	22.0	5.0
Удѣльные	0.5	2.3	3 2	5.5	8.4	47.4	3.8
Государственные . .	1.7	3.3	3.1	4.1	6.2	10.7	5.1
Поселяне собствен. .	0.7	2.3	2.6	4.7	6.8	10.5	6.2

Такимъ же образомъ располагается цѣлый рядъ другихъ уѣздовъ. Получается, какъ видимъ, выводъ обратный тому, какой мы имѣли раньше: теперь съ увеличеніемъ надѣла увеличивается и аренда. Сопоставляя рядъ такихъ таблицъ, проф. Карышевъ приходитъ къ тому заключенію, что въ общемъ по разрядамъ больше земли арендуютъ дѣйствительно разряды, менѣе обезпеченные землей, т.-е., наприм., б. владѣльческіе больше, чѣмъ бывш. государственные, но что внутри этихъ разрядовъ аренда растетъ уже не съ уменьшеніемъ надѣла, а съ увеличеніемъ его. Этотъ фактъ, въ свою очередь, по мнѣнію проф. Карышева, объясняется тѣмъ, что съ увеличеніемъ земельной обезпеченности растутъ и прочіе факторы хозяйственнаго достатка крестьянина, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность расширить свое хозяйство, арендовать землю. Этимъ выводамъ, полагаетъ проф. Карышевъ, нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ общемъ на разрядъ б. владѣльческихъ приходится больше аренды, чѣмъ на б. государственныхъ. Сравнительно высокая общая цифра аренды у первыхъ объясняется тѣмъ, что надѣлы ихъ находятся въ мѣстахъ доступныхъ и годныхъ для арендованія, тогда какъ б. государственные далеко не вездѣ поставлены въ такія условія. Главнымъ фондомъ аренды являются частновладѣльческія земли, а не государственныя, а въ этомъ отношеніи замѣчается, что гдѣ больше аренда, тамъ государственныхъ земель мало; гдѣ преобладаютъ государственные крестьяне, тамъ нѣтъ рядомъ частновладѣльческихъ земель.

Въ результатѣ такого анализа проф. Карышевъ приходитъ къ заключенію, что аренда у насъ находится въ зависимости отъ предложенія земли частными владѣльцами. Нужда въ землѣ въ общемъ настолько велика, что стремленіе къ арендѣ существуетъ при всякихъ условіяхъ, но не вездѣ можетъ осуществиться это стремленіе, не вездѣ существуетъ предложеніе частно-владѣльческихъ земель. Съ другой стороны, величина аренды зависитъ отъ того, насколько дворъ снабженъ рабочими руками и скотомъ, а это, въ свою очередь, находится въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ величиной надѣла, почему и арендуетъ больше тотъ, кто имѣетъ больше земли. Рядъ таблицъ, приводимыхъ проф. Карышевымъ, подтверждаетъ зависимость аренды отъ количества рабочихъ силъ и скота: съ увеличеніемъ рабочихъ силъ на 1 дворъ, аренда растетъ; такой же ростъ аренды замѣчается съ уменьшеніемъ числа безлошадныхъ дворовъ.

Но эта послѣдняя зависимость аренды отъ количества рабочихъ силъ и скота въ хозяйствѣ вноситъ существенное измѣненіе въ то положеніе проф. Карышева, что арендуютъ больше тамъ, гдѣ надѣлы крупнѣе. Если расположить дворы съ разною величиной надѣла, но съ одинаковымъ количествомъ скота, какъ это сдѣлано въ сборникѣ по Хвалынскому у. и какъ это допускаютъ сдѣлать сборники по нѣкоторымъ другимъ уѣздамъ, то получимъ, что чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ больше арендуютъ, что и показываетъ, что разъ аренда земли восполняетъ недостатокъ въ собственной, то потребность въ землѣ съ уменьшеніемъ надѣла растетъ, но внѣшнее выраженіе этой потребности получается различное, въ зависимости отъ состава рабочихъ силъ семьи и рабочаго скота: гдѣ больше надѣлъ, тамъ возможно содержать больше скота, а слѣдовательно возможно арендовать больше земли. Такимъ образомъ, аренда зависитъ не только отъ предложенія земли, но въ то же время и отъ элементовъ двора—рабочихъ силъ и скота. А разъ это такъ, то и положеніе, что арендуемая земля восполняетъ недостаточность надѣловъ остается вѣрнымъ, но при этомъ нельзя ставить аренду въ зависимость только отъ размѣровъ надѣла, надо брать во вниманіе еще рабочія силы и количество скота въ данномъ хозяйствѣ.

Необходимо имѣть въ виду, что для опредѣленія вліянія размѣра надѣла на стремленіе арендовать землю нужно брать размѣръ надѣла *на душу*, а не *на дворъ*, такъ какъ количество надѣльной земли на дворъ при данномъ среднемъ размѣрѣ надѣла на *душу* опредѣляется численностью *двора* и потому совершенно естественно, что при большемъ размѣрѣ надѣла на дворъ, что свидѣтельствуетъ о большей численности двора, въ немъ будетъ больше рабочихъ силъ и слѣдовательно сильнѣе потребность въ арендованіи земли. «Въ хозяйствахъ съ большими надѣлами преобладаютъ семьи многорабочія и многолошадныя,

и потому съ ростомъ надѣла возрастаетъ и аренда»*) (Сборн. стат. свѣд. по Саратовск. г., Хвалынскій у. Саратовъ ,1886, стр. 149). Сопоставленія аренды съ различными экономическими факторами, сдѣланныя по Хвалынскому уѣзду, но допускаемыя и по многимъ другимъ уѣздамъ (Воронежской, Орловской, и друг. губерній), приводятъ къ несомнѣнному заключенію, что аренда земли находится въ тѣсной связи съ недостаточностью надѣла и что для уясненія этого нельзя довольствоваться сопоставленіями лишь съ числомъ десятинъ земли на дворъ. Такъ, по Хвалынскому уѣзду, въ сборникѣ свѣдѣній, въ которомъ эти сопоставленія сдѣланы, оказывается, что если сопоставить аренду съ количествомъ десятинъ на дворъ (хозяйство). то получатся тѣ же результаты, что и по вышеприведенному Камышинскому уѣзду, а именно, на 100 хозяйствъ арендуютъ пашню изъ безнадѣльныхъ 17%, хозяйствъ; изъ имѣющихъ отъ 2,5 до 5 д.—31,5% хоз., отъ 5—10 д пашни—32% хоз., и болѣе 10 д. пашни—35% хоз., т.-е. съ увеличеніемъ размѣровъ надѣла на дворъ растетъ % арендующихъ дворовъ; растетъ и количество арендуемыхъ десятинъ на дворъ, а именно: у безнадѣльныхъ арендуется на 10 хозяйствъ въ среднемъ 6,5 д., у имѣющихъ 2,5—5 дес. — 11,9 дес., у слѣдующихъ — 14,9 д. и, наконецъ, у имѣющихъ болѣе 10 дес. арендуется 24,3 дес. на 10 хозяйствъ. «Итакъ, говоритъ составитель сборника, повидимому, все убѣждаетъ насъ, что ростъ аренды идетъ параллельно съ ростомъ надѣла. Однако мы не будемъ успокоиваться на этомъ выводѣ, зная изъ предыдущаго, что вмѣстѣ съ надѣломъ растутъ и два другіе фактора: рабочій скотъ и рабочій составъ семьи». (тамъ же стр. 142—143). Изъ соотвѣтствующихъ сопоставленій данныхъ оказывается, что въ хозяйствахъ *безъ рабочаго скота* съ ростомъ размѣровъ надѣла на дворъ не только не увеличивается арендованіе земли, но увеличивается количество сдаваемой земли въ аренду, а именно: у имѣющихъ 2,5 дес. надѣльной пашни—*сдача* выражается цифрой 0,5, на десять хозяйствъ, у имѣющихъ 2,5—5 д. над. пашни — 12,8, у имѣющихъ 5—10 д. над.

*) Подтвержденіе этому видно въ слѣдующей таблицѣ, относящейся къ Хвалынскому уѣзду.

На дворъ:	Изъ 100 хозяйствъ: Безъ рабоч скота.	Съ 1 голов. раб.ск.	Съ 2 и б. гол. раб ск.	Изъ 100 хозяйствъ: Безъ работ. м. п.	Съ 1 работ м. п.	Съ 2 работ. м. п.	Съ 3 и б. раб. м. п.
До 2,5 д. пашни	43	29	28	20	58	17	5
2,5—5 „ „	25	49	26	4	76	16	4
5—10 „ „	10	37	53	2	56	32	10
болѣе 10 д. п.	3	13	84	1	25	36	38

Какъ видимъ, съ большимъ размѣромъ надѣла на дворъ (на хозяйство) число не имѣющихъ работника муж. пол. и рабочаго скота уменьшается; число же имѣющихъ болѣе 2-хъ, 3-хъ работниковъ и болѣе 1 головы рабочаго скота увеличивается: число рабочихъ обусловливаетъ большее число душевыхъ надѣловъ на дворъ; оно же обусловливаетъ и большее количество рабочаго скота на дворъ.

пашни—30,2, у имѣющихъ болѣе 10 д. над. пашни—цифрою 56,3, т.-е. у послѣднихъ во 100 разъ больше, чѣмъ у первыхъ. Наоборотъ, у имѣющихъ *2 и болѣе головы рабочаго скота*, но имѣющихъ 2,5 д. над. пашни *аренда* на 10 хозяйствъ выражается цифрой 61,8, у имѣющихъ 2,5—5 д. над. пашни—32,4, у имѣющихъ 5—10 д. над. пашни—22,5, у имѣющихъ болѣе 10 д. над. пашни—19, т.-е. *съ ростомъ надѣла при одинаковомъ количествѣ скота уменьшается пространство земли, арендуемой на 10 хозяйствъ* и въ то же время *при одинаковомъ надѣлѣ съ увеличеніемъ количества скота увеличивается пространство арендуемой земли.*

Все это можно выразить слѣдующими рядами цифръ, гдѣ — будетъ означать *сдачу* земли (разницу между арендой и сдачей), а + аренду земли.

	На 10 хозяйствъ:			
	При 2,5 д. н.	2,5—5 д. н.	5—10 д. н.	Болѣе 10 д. н.
Безъ рабоч. скота. . . .	**— 0,5**	**— 12,8**	**— 30,2**	**— 56,3**
Съ 1 гол. раб. скота. . .	**+ 14**	**+ 2,3**	**— 5**	**— 5,6**
Съ 2 и б. гол. раб. скот.	**+ 61,8**	**+ 32,4**	**+ 22,5**	**+ 19**

Такой же результатъ получается и при сопоставленіи съ числомъ работниковъ (т.-е. лицъ рабочаго возраста мужского пола въ селѣ). Такъ, при одинаковомъ числѣ работниковъ (1 м. п.) и одинаковомъ числѣ скота (одна голова) параллельно съ ростомъ надѣла: до 2,5 д., 2,5—5 д., 5—10 д., б. 10 д. аренда измѣняется такъ +15,4 + 1,7 — 6,8 — 11,1, т.-е. не только *уменьшается количество арендуемой земли съ ростомъ надѣла*, но даже увеличивается затѣмъ сдача ея. То же получается при двухъ работникахъ и 2-хъ головахъ рабочаго скота, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Надѣлъ:	до 2,5 д.	2,5—5 д.	5—10 д.	б. 10 д.
Аренда	+ 65,4	+ 38,7	+ 25,1	+ 13

(тамъ же стр. 143—147).

Отсюда же видно, какое значеніе имѣетъ рабочій скотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ: при одинаковомъ надѣлѣ, но при большемъ количествѣ скота, больше арендуется земли. Но о значеніи скота будемъ говорить въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ. Здѣсь же отмѣтимъ еще разъ, что приведенныя сопоставленія, которыми мы ограничиваемся по одному уѣзду, но которыя можно было бы сдѣлать и по другимъ и изъ другихъ губерній, несомнѣнно удостовѣряютъ, что въ крестьянскомъ хозяйствѣ аренда служитъ дополненіемъ къ недостающему надѣлу и чѣмъ мельче послѣдній, тѣмъ сильнѣе потребность въ арендованіи земли. Это служитъ прямымъ указаніемъ на то, что въ большинствѣ случаевъ земля арендуется крестьянами не съ предпринимательскими цѣлями, а лишь для приложенія своей рабочей силы. Подтвержденіемъ

этому въ особенности служитъ то обстоятельство, что аренда растетъ съ увеличеніемъ рабочихъ силъ въ хозяйствѣ; очевидно. эти избыточныя по отношенію къ размѣру надѣла силы ищутъ своего приложенія къ арендуемой землѣ. Такимъ образомъ возможность арендовать землю служитъ источникомъ использованія своей рабочей силы, а такъ какъ число рабочихъ силъ въ странѣ растетъ, надѣлы же остаются тѣ же, то очевидно: 1) что пользованіе со стороны землевладѣльцевъ землею путемъ сдачи ея въ аренду подъ вліяніемъ растущаго спроса на нее должно являться для нихъ все болѣе и болѣе прибыльнымъ и слѣдовательно побужденій къ собственному хозяйствованію на ней должно быть еще меньше. Но такъ какъ стремленіе арендовать растетъ также съ ростомъ количества рабочаго скота, то въ сохраненіи послѣдняго у крестьянъ заинтересованы не только сами крестьяне, но и землевладѣльцы, включая въ ихъ число и государство, какъ сдатчика земли въ аренду. 2) Усиленіе спроса на арендованіе земли придаетъ все большее и большее значеніе условіямъ арендованія и потому должно вести къ урегулированію арендныхъ отношеній, подобно тому, какъ оно привело къ этому въ Ирландіи. Отсюда очевидна важность этого вопроса для Россіи.

Объ арендной платѣ и срокахъ я уже упоминалъ. Наиболѣе распространенной арендною платой является денежная. Испольная и отработочная аренды преобладаютъ на югѣ и въ центральной земледѣльческой полосѣ. Если мы обратимъ вниманіе на *высоту* арендной платы, то увидимъ, что она колеблется въ зависимости отъ размѣровъ частновладѣльческой земли: гдѣ послѣдней больше, тамъ, слѣдовательно, предложеніе земли больше и арендная плата ниже, и наоборотъ. Съ другой стороны, съ увеличеніемъ взрослаго рабочаго населенія и съ уменьшеніемъ числа безлошадныхъ арендная плата повышается, такъ какъ увеличивается спросъ на землю. Что касается *сроковъ* аренды, то, какъ я уже говорилъ, наиболѣе распространенной является аренда на короткіе сроки. Это указываетъ на то, что аренда главнымъ образомъ производится изъ нужды малоимущими хозяевами, у которыхъ нѣтъ капиталовъ для затратъ, связанныхъ съ долгосрочной арендой, и въ тоже время свидѣтельствуетъ о существованіи и у насъ той же тенденціи при сдачѣ земли въ аренду, которая выяснялась выше, гдѣ ей и дано теоретическое обоснованіе. Для фермерской же, предпринимательской аренды, при этихъ обстоятельствахъ нѣтъ достаточно благопріятныхъ условій.

Вѣчно-наслѣдственная аренда у насъ не распространена. Вѣчно-наслѣдственныхъ арендаторовъ представляли у насъ чиншевики въ Западномъ краѣ. Когда земли тамъ были заняты крупными владѣльцами, явилась необходимость привлечь рабочихъ. Они привлекались на такихъ условіяхъ: владѣлецъ давалъ имъ усадьбу съ разными угодьями, за что они должны были платить чиншъ, а иногда отбывать нѣкоторыя натуральныя по-

винности. Письменныхъ обязательствъ при этомъ не заключали, но такъ какъ потребность въ населеніи была, то послѣднее и оставалось на владѣльческихъ земляхъ. Такъ было до 40-хъ годовъ. Въ это время запрещено было привлекать новыхъ чиншевиковъ. Это дало возможность владѣльцамъ не признавать правъ чиншевиковъ, такъ какъ, по мнѣнію владѣльцевъ, правительство тѣмъ самымъ какъ бы не признавало прежнихъ отношеній. Владѣльцы находили для себя выгоднымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сгонять чиншевиковъ и продавать землю. Поэтому въ 1886 г. изданъ былъ законъ, по которому чиншевикамъ предоставлено было право выкупить въ собственность земли, которыя они занимали. Это право было предоставлено тѣмъ, кто занялъ землю до 40-хъ годовъ. Но такъ какъ сдача земель чиншевикамъ продолжалась и послѣ 40-хъ годовъ, то и этимъ предоставлено было право выкупа, но только если земля ими была занята не позднѣе, чѣмъ за 10 лѣтъ до изданія закона о выкупѣ, и при этомъ на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, чѣмъ первымъ. Для выкупа установленъ былъ срокъ. Государство считало лучшимъ превращеніе вѣчно-наслѣдственной аренды въ право собственности, такъ какъ это обезпечивало крестьянъ отъ притязаній владѣльцевъ.

Я въ краткихъ чертахъ изобразилъ внѣнадѣльную крестьянскую аренду. Но, кромѣ крестьянъ, арендаторами являются, хотя въ значительно меньшей мѣрѣ, и другія сословія. У послѣднихъ другіе мотивы аренды, а потому естественно ожидать, что и условія другія. Такъ какъ земля арендуется ими не изъ нужды, а со спекулятивными цѣлями, то и плата у нихъ ниже, чѣмъ у арендаторовъ-крестьянъ. Сравнительно рѣдко арендуютъ они земли для непосредственной сельскохозяйственной эксплуатаціи. Въ большинствѣ же случаевъ они снимаютъ большіе участки земли, разбиваютъ ихъ на мелкіе и сдаютъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, и здѣсь земля въ концѣ концовъ переходитъ въ пользованіе крестьянъ.

Остается разсмотрѣть, кто у насъ *сдатчики*. Сдаются государственныя земли, удѣльныя и частновладѣльческія. Но первыя двѣ категоріи земель сдаются въ аренду сравнительно мало, и притомъ, главнымъ образомъ, не крестьянамъ, а другимъ сословіямъ, которыя либо сами эксплуатируютъ землю, либо—и это бываетъ очень часто—сдаютъ ее опять-таки крестьянамъ небольшими участками. Что касается послѣдней категоріи,—частновладѣльческихъ земель,—то онѣ арендуются почти исключительно крестьянами. Сдаютъ частные владѣльцы по уѣздамъ отъ 1,2% до 30% всей своей земли, а если брать одну только пашню, которая преимущественно и арендуется, въ особенности въ черноземной полосѣ, то изъ нея сдается отъ $^1/_3$ и болѣе до 57%. Не стану повторять здѣсь мотивовъ, вынуждающихъ частныхъ владѣльцевъ къ сдачѣ земли, такъ какъ объ этомъ я уже говорилъ раньше. Укажу только, что эти данныя и по отношенію къ Россіи подтверждаютъ справедливость всего ска-

заннаго выше объ арендѣ земли и свидѣтельствуютъ, что «землевладѣлецъ изъ руковидителя и властелина процесса производства и всего хода общественной жизни низводится на степень простого сдатчика земли въ аренду, отдающаго въ ростъ землю, и простого получателя ренты; это обстоятельство есть своеобразное историческое слѣдствіе капиталистическаго способа производства» (Капиталъ, III стр. 732). Выше мною было также указано, почему сдаютъ свои земли въ аренду за деньги или отработку больше крупные владѣльцы, чѣмъ средніе. Указанное положеніе частновладѣльческаго хозяйства въ Россіи подтверждается, кромѣ земско-статистическихъ изслѣдованій, еще данными Дворянскаго банка объ оцѣнкѣ заложенныхъ земель. Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что изъ общаго числа заложенныхъ имѣній сдается въ аренду земля въ нечерноземной полосѣ въ 29,7% имѣній, а въ черноземной—въ 28,2%. Изъ остального количества собственными средствами хозяйство ведется далеко не во всѣхъ имѣніяхъ. Такъ, менѣе чѣмъ въ 40% (39,9% въ нечерноземн., 39,2% въ черноземн.) имѣній хозяйство ведется за счетъ владѣльцевъ собственнымъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ; 9% составляютъ имѣнія, гдѣ хозяйство совсѣмъ не ведется. Изъ тѣхъ же свѣдѣній Дворянскаго банка мы узнаемъ, что около 49% всего числа частновладѣльческихъ хозяйствъ не имѣютъ своего скота и, слѣдовательно, въ нихъ приходится прибѣгать къ обработкѣ полей крестьянскимъ скотомъ (см. Вліяніе урож. и хлѣбн. цѣнъ. Т. I). Всѣ эти данныя достаточно убѣдительно говорятъ о томъ, что крупные землевладѣльцы только въ весьма недостаточной степени могутъ у насъ использовать свой земельный фондъ, почему и предоставляютъ большую часть его въ пользованіе крестьянамъ, а съ другой стороны свидѣтельствуютъ о томъ, насколько несамостоятельно ведутъ они свое хозяйство даже въ предѣлахъ собственнаго пользованія своей землей.

Итакъ, фактическія данныя относительно распространенности и условій земельной аренды въ Россіи приводятъ къ тому заключенію, что, помимо огромной площади надѣльной земли, и изъ внѣнадѣльной большая часть поступаетъ для сельскохозяйственныхъ цѣлей въ пользованіе крестьянъ. Если землю и арендуютъ крупные съемщики, то опять-таки въ огромномъ большинствѣ случаевъ не для того, чтобы вести собственное крупное хозяйство, а для пересдачи въ руки тѣхъ же крестьянъ. Такимъ образомъ, какъ разсмотрѣніе землевладѣнія, такъ и землепользованія въ Россіи, даже при бѣгломъ обзорѣ, показываетъ, что главная масса земли на тѣхъ или иныхъ условіяхъ сосредоточена у насъ въ рукахъ массы населенія, прилагающаго къ ней непосредственно свой трудъ, пользующагося ею какъ источникомъ приложенія своего труда и добыванія для себя этимъ путемъ средствъ существованія. Это, конечно, не составляетъ специфической особенности Россіи и представляетъ собою картину прошлаго и многихъ другихъ странъ, значительно

сократившихъ у себя эту массу крестьянства, но... не при тѣхъ историческихъ условіяхъ, не при томъ строѣ и развитіи международнаго рынка и, можно сказать, всемірнаго хозяйства, при которыхъ у насъ въ Россіи существуетъ такая масса земледѣльческаго населенія. И если та значительно меньшая разница въ историческихъ условіяхъ сравнительно съ Англіей, при которой вступили на стезю капиталистическаго развитія Франція, Германія, Австрія, не могла искоренить тамъ крестьянства, то еще менѣе возможности представляется къ тому въ Россіи. А въ такомъ случаѣ и нашему капитализму предстоятъ иные пути развитія, и изученіе этихъ путей, условій, послѣдствій его развитія возможно только путемъ тщательнаго ознакомленія съ условіями нашей дѣйствительности. Впрочемъ, намъ еще придется вернуться къ этому въ дальнѣйшихъ очеркахъ.

Примѣчаніе. Для ознакомленія съ вопросомъ объ арендѣ въ его теоретической постановкѣ, выясняемой на фактахъ дѣйствительной жизни, нельзя рекомендовать ничего лучшаго, какъ книгу **А. А. Мануилова**: „Аренда земли въ Ирландіи“. М. 1895 г. Съ условіями и распространенностью аренды у насъ знакомитъ на основаніи земско-статистическихъ изслѣдованій книга **Н. А. Карышева**: „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды“. Дерптъ, 1892 г.

Нѣкоторыя общія замѣчанія по поводу двухъ предшествующихъ очерковъ.

Описаніемъ землевладѣнія и землепользованія заканчивается одинъ изъ самыхъ существенныхъ отдѣловъ сельскохозяйственной экономіи. Какъ я уже упоминалъ въ прежнихъ очеркахъ, при отмѣнѣ крѣпостного права существовало мнѣніе, что произведенное тогда надѣленіе землей избавитъ Россію отъ тѣхъ тяжелыхъ фазисовъ соціальной эволюціи, которые переживала Западная Европа. Однако, рядъ отступленій отъ первоначальнаго проекта реформы не замедлилъ вскорѣ обнаружить необезпеченность населенія землей, которая съ ростомъ населенія должна была еще постепенно увеличиваться. Не замедлилъ выдвинуться на очередь вопросъ о переселеніи, правильнаго рѣшенія котораго мы не имѣемъ и до сихъ поръ, хотя самый фактъ переселенія не только продолжаетъ существовать, но даже все настойчивѣе требуетъ опредѣленной организаціи. Разъ возникшая земельная необезпеченность постепенно растетъ и въ свою очередь вызываетъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ для экономической жизни послѣдствій. Такъ, цѣлымъ рядомъ изслѣдованій подверждается, что въ прямомъ отношеніи къ величинѣ надѣла стоитъ степень обезпеченности даннаго хозяйства рабочими силами, живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Прежде всего можно отмѣтить, что *населеніе* размножается въ зависимости отъ величины надѣла. По исчисленіямъ за 25 лѣтъ со времени послѣдней ревизіи 1858 года оказывается, что при надѣлѣ до

5 десятинъ на 1 хозяйство приростъ населенія составляетъ 15,7%, отъ 5 до 10 десят.—29,4%, до 15 десят.—35,4%, отъ 15 до 20 десят.—40,8%, болѣе 20 десят.—54,8 десят., въ среднемъ, 31,9%. Приведенныя цифры достаточно ясно иллюстрируютъ указанную зависимость, при чемъ приведенное сопоставленіе одинаково сохраняетъ свою силу для всей Россіи. По отношенію къ *элементамъ хозяйственной жизни* для всей Россіи такого сопоставленія сдѣлать нельзя, но можно отмѣтить по отдѣльнымъ уѣздамъ измѣненіе разныхъ хозяйственныхъ факторовъ въ зависимости отъ величины надѣла въ одномъ направленіи, т.-е. ослабленіе этого фактора съ уменьшеніемъ надѣла, и наоборотъ. Такъ, наприм., съ увеличеніемъ надѣла увеличивается количество *скота* въ каждомъ хозяйствѣ, и наоборотъ, число безлошадныхъ дворовъ увеличивается съ уменьшеніемъ размѣровъ надѣла. Не лишнимъ будетъ указать здѣсь, что число дворовъ безъ рабочаго скота, составляющее 25,3% къ общему числу дворовъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ доходитъ до 40%. Это данныя до 1891 голоднаго года, когда отношеніе это выразилось еще рѣзче и число безлошадныхъ дворовъ увеличилось еще больше. Но затѣмъ нельзя еще признать вполнѣ хозяйственными тѣ дворы, которые имѣютъ только одну лошадь, такъ какъ въ среднемъ на 1 дворъ приходится больше 1 рабочей силы и вести хозяйство съ 1 лошадью далеко не всегда представляется возможнымъ. Если теперь къ 25,3% безлошадныхъ прибавить дворы съ 1 лошадью, то вмѣстѣ это составитъ 51% ко всему числу дворовъ. Остается упомянуть еще, что около 7% составляютъ у насъ бывшіе дворовые, вовсе не получившіе надѣла, и наконецъ, по даннымъ земско-статистическихъ изслѣдованій, относящимся, слѣдовательно, не ко всей Россіи, а только къ цѣлому ряду уѣздовъ, гдѣ эти изслѣдованія были произведены,—не обрабатывающіе своихъ надѣловъ и не сдающіе ихъ въ аренду, а просто забрасывающіе ихъ, составляютъ 2,1%, сдающіе въ аренду весь надѣлъ—5%, сдающіе часть надѣла въ аренду, или весь въ обработку, или часть обрабатывающіе своимъ инвентаремъ, часть наемнымъ—15,6%; къ этому присоединяется еще небольшая группа недостаточно обезпеченныхъ скотомъ на югѣ, гдѣ 2 двора соединяютъ свой инвентарь (воловъ, наприм.) для обработки; такихъ дворовъ—6,8%. (*П. Н. Скворцовъ*: Итоги крестьянскаго хозяйства по земско-статистическимъ изслѣдованіямъ. Юридич. Вѣстн. 1892 г. №№ IX и XI).

И приведенныхъ цифръ достаточно, чтобы ясно видѣть, что и у насъ довольно значительно число лицъ, которыя фактически не имѣютъ возможности приложить свой трудъ къ землѣ или имѣютъ къ тому не полную возможность. Слѣдовательно, и у насъ требуетъ разрѣшенія вопросъ, какія условія создаются существованіемъ этой необезпеченной массы, подобной западноевропейскому пролетаріату? Неурожай 1891 г. и нѣкоторыя экономическія явленія, выразившіяся за послѣдніе годы на поверхности экономической жизни, оживили споры о капитализмѣ:

развивается онъ у насъ или нѣтъ? Я уже говорилъ, что здѣсь невѣрна самая постановка вопроса. Даже независимо отъ изложенныхъ сейчасъ фактовъ, можно рѣшить этотъ вопросъ утвердительно, такъ какъ капитализмъ—явленіе международное, свойственное всѣмъ странамъ, а не отдѣльнымъ только. Но и помимо международнаго характера капитала, помимо того, что капиталы переходятъ изъ Россіи и въ Россію, самая отмѣна крѣпостного права вызывалась тѣмъ, что необходимымъ являлось измѣнить условія производства въ зависимости отъ развитія экономической жизни, требовавшей большаго простора для развитія промышленности, для развитія капиталистическихъ отношеній; къ тому же нѣкоторыя условія владѣнія землей въ то время, а затѣмъ и впослѣдствіи, благопріятствовали по мѣстамъ отдѣленію части населенія отъ земли и переходу на фабрики.

Но если невѣрна такая постановка вопроса, то совершенно правомѣрнымъ является вопросъ: какой путь для развитія капитализма представляютъ условія русской экономической жизни? Изъ существованія этого вопроса не вытекаетъ необходимость полной аналогіи съ другими странами въ его рѣшеніи. Каждое явленіе въ своемъ развитіи выливается въ извѣстныя формы въ зависимости отъ обстановки, при которой оно развивается. Россія въ этомъ отношеніи представляетъ нѣкоторыя экономическія особенности, на которыхъ я неоднократно останавливался въ предшествующихъ очеркахъ. Въ отдѣлѣ *о распредѣленіи поземельной собственности* въ Россіи я указалъ на то, что въ Россіи число лицъ, владѣющихъ землей, составляетъ 36% ко всему населенію, тогда какъ въ другихъ государствахъ, какъ это можно видѣть изъ приведенныхъ въ томъ же мѣстѣ цифръ, отношеніе это въ значительной степени ниже. Это обстоятельство представляетъ отличіе, налагающее особенную печать на русскую экономическую жизнь еще потому, что въ земледѣліи капитализмъ не имѣетъ такой почвы для своего развитія, какъ въ обрабатывающей промышленности. Даже въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ капитализмъ достигъ значительнаго развитія, мы въ земледѣльческомъ хозяйствѣ не находимъ такихъ крупныхъ формъ, какъ въ обрабатывающей промышленности.

Но и помимо того, что въ земледѣліи не замѣчается капитализаціи въ тѣхъ размѣрахъ и въ тѣхъ формахъ, какъ въ обрабатывающей промышленности,—въ немъ при мелкомъ землевладѣніи значительная часть того, что извлекается изъ земли, потребляется самимъ производителемъ. Если мы обратимся къ фабричному или ремесленному производству, то увидимъ, что въ основѣ его лежитъ производство для сбыта, и та часть продуктовъ, которая идетъ непосредственно производителю, составляетъ такую ничтожную долю всего производства, что ее не приходится даже брать въ расчетъ. Производство здѣсь расчитано исключительно на сбытъ, а слѣдовательно благосостояніе рабочаго всецѣло зависитъ отъ состоянія рынка, отъ спроса и

цѣны. Въ земледѣліи по отношенію къ мелкому производителю дѣло стоитъ иначе: если взять небольшой участокъ земли, то большая часть его обрабатывается подъ такіе продукты, которые идутъ на непосредственное потребленіе семьи производителя. Въ особенности рѣзко бросается это въ глаза тамъ, гдѣ земледѣліе не составляетъ исключительнаго промысла населенія, а именно въ промышленной области, гдѣ населеніе, однако, занимается еще земледѣлемъ. Здѣсь мелкій землевладѣлецъ прямо уже ограничиваетъ производство продуктами обычнаго ежедневнаго потребленія; главная, если не единственная задача его земледѣлія—въ удовлетвореніи своихъ пищевыхъ потребностей, а не въ производствѣ на сбытъ, а слѣдовательно и устойчивось его *земледѣльческаго* хозяйства не стоитъ въ такой зависимости отъ рынка, какъ въ обрабатывающей промышленности. Если онъ произвелъ достаточное для себя количество продуктовъ, то онъ и не справляется о состояніи хлѣбнаго рынка. Если даже на рынкѣ хлѣбъ дешевле, чѣмъ ему обошелся, то и тогда онъ не прекращаетъ своего хозяйства, такъ какъ переходъ къ другому занятію былъ бы для него выгоднѣе только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ могъ извлечь тогда больше, но на фабрикѣ ему дали бы не больше того, что необходимо для удовлетворенія его насущныхъ потребностей. Поэтому то и порываютъ съ земледѣліемъ крестьяне въ большинствѣ случаевъ только тогда, когда средства производства ихъ настолько недостаточны, что веденіе собственнаго хозяйства дѣлается уже прямо невозможнымъ. Въ силу сказаннаго, у насъ даже въ среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ преобладающимъ остается потребительное, а не рыночное значеніе производства, а это, при указанномъ уже преобладаніи крестьянскаго хозяйства у насъ, составляетъ опять-таки особенность русской экономической жизни.

Если мы обратимся къ землепользованію, поскольку оно выражается въ *арендѣ*, то и здѣсь мы увидимъ значительную разницу въ существованіи этого явленія у насъ и на Западѣ. Въ Россіи распространенъ тотъ же типъ аренды, что и въ Ирландіи, т.-е. на короткіе сроки, но тамъ аренда производится населеніемъ, не имѣющимъ никакой собственности, а въ Россіи—населеніемъ, которое имѣетъ свою землю. Рядъ неблагопріятныхъ условій, вытекающихъ изъ существованія аренды въ Ирландіи, наблюдается и у насъ, но не въ такой сильной степени, такъ какъ здѣсь имѣетъ мѣсто фактъ пользованія надѣльной землей. Но, съ другой стороны, въ Ирландіи обращено вниманіе на регулированіе арендныхъ отношеній: государство предоставляетъ собственнику сдавать или не сдавать свою землю въ аренду; но разъ она сдана, государство беретъ на себя охрану и регулированіе отношеній собственника и арендатора, и послѣдній всегда можетъ получить то, что онъ затратилъ. У насъ же арендныя отношенія еще не урегулированы и общественное значеніе этого факта еще не признано. Анализъ землевладѣнія и землепользованія въ Россіи приводитъ насъ къ тому заклю-

ченію, что у насъ оба эти явленія соединены въ такой комбинаціи, какой мы не замѣчаемъ на Западѣ.

Я указалъ на нѣкоторыя особенности русской экономической жизни. Не предрѣшая значенія этихъ особенностей, я счелъ необходимымъ указать на нихъ, какъ на status quo нашей экономической жизни, какъ на фактическое состояніе, которое необходимо должно быть принято во вниманіе при различныхъ соображеніяхъ о дальнѣйшемъ развитіи страны. Приведенныя мною указанія далеко не претендуютъ на подробное изображеніе современнаго состоянія Россіи. Не предлагая никакихъ готовыхъ рѣшеній, я хотѣлъ только поставить вопросъ. Подробное и непредубѣжденное изученіе его, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ фактическомъ отношеніи, можетъ вывести на путь болѣе или менѣе правильнаго его разрѣшенія.

По вопросу о развитіи у насъ капитализма въ обрабатывающей промышленности я уже высказался въ свое время. Въ этой области вопросъ этотъ, еще сравнительно недавно вызывавшій сомнѣнія у нѣкоторыхъ, можно считать теперь рѣшеннымъ утвердительно. Другое дѣло—въ сельскомъ хозяйствѣ. И до сихъ поръ нельзя считать выясненнымъ: поскольку сельское хозяйство представляетъ благопріятную почву для развитія промышленнаго капитализма. Но во всякомъ случаѣ эволюція капитализма совершается здѣсь по инымъ путямъ, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности.

А разъ вопросъ этотъ, представляющій особенную важность для Россіи, не выясненъ, разъ болѣе $^1/_3$ населенія у насъ владѣетъ землей, болѣе 80% является земледѣльческимъ и только немного болѣе 1 милліона насчитывается въ фабричной промышленности, тогда какъ въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ въ послѣдней насчитывается болѣе $^1/_3$ населенія, при чемъ не только бо́льшая часть сельскаго, но и значительная часть фабричнаго населенія является у насъ надѣленной землей,—разъ, повторяю, существуютъ рядомъ съ этимъ нѣкоторыя экономическія особенности, на которыя я указывалъ, то заключать отсюда, игнорируя все это, о полной аналогіи съ другими странами экономической эволюціи у насъ, представляется совершенно невозможнымъ.

Если же не обращать вниманія на эти особенности, то нельзя придти и къ правильному выясненію условій и дальнѣйшаго развитія экономическихъ отношеній—и слѣдовательно—это значитъ напередъ обрекаться на неправильную и можетъ быть антипрогрессивную и вредную, и во всякомъ случаѣ, не цѣлесообразную экономическую политику.

Только внимательная провѣрка добытыхъ наукой теоретическихъ положеній на фактахъ русской дѣйствительности, внимательное изученіе, безъ всякой предвзятой мысли, какъ прогрессивныхъ, такъ и регрессивныхъ явленій русской экономической эволюціи, въ зависимости отъ условій времени, мѣста и всей исторической обстановки, могутъ указать намъ путь дѣйстви-

тельнаго развитія, а не какого-нибудь фатальнаго или желательнаго намъ, при чемъ всѣ приведенныя данныя не позволяютъ намъ въ настоящее время намѣтить даже, что предстоящій намъ путь является исполненнымъ меньшихъ или большихъ препятствій, чѣмъ то было на Западѣ. Но само собой разумѣется, что чѣмъ болѣе ясное представленіе выработаемъ мы объ этомъ пути, чѣмъ сильнѣе и отчетливѣе будетъ у массы населенія сознаніе объ условіяхъ развитія экономическихъ отношеній, тѣмъ болѣе это развитіе можетъ совершаться, при равенствѣ прочихъ условій, сообразно интересамъ массы населенія и тѣмъ выше будетъ благосостояніе страны.

Всѣ приведенные въ двухъ предшествующихъ очеркахъ факты свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ: 1) о преобладаніи у насъ государственныхъ и крестьянскихъ надѣльныхъ земель; 2) о преобладаніи и на частно-владѣльческихъ земляхъ крестьянскаго хозяйства, т.-е. мелкаго. Это указываетъ на значеніе условій существованія и развитія мелкаго сельскаго хозяйства для массы населенія у насъ и въ тоже время говоритъ за полную невозможность игнорировать съ любой точки зрѣнія интересы этой массы, за невозможность не считаться съ ними. Но сказаннымъ до сихъ поръ не опредѣляются всѣ условія сельскохозяйственной культуры, равнымъ образомъ остаются еще не выясненными и многія условія крупнаго хозяйства на частно владѣльческихъ замляхъ. А потому, чтобы имѣть полный матеріалъ для выясненія направленія въ эволюціи земледѣлія, надо коснуться и другихъ условій послѣдняго, къ чему и перехожу теперь.

VI. Распредѣленіе земли по угодьямъ.

Говоря о распредѣленіи земли между различными категоріями владѣльцевъ, я бралъ во вниманіе всю площадь, занятую 49 губерніями Европейской Россіи. Обыкновенно же по отношенію къ сельскому хозяйству изъ всей этой площади выдѣляютъ только *производительную поверхность*, которая въ данное время либо занята производительнымъ хозяйствомъ, либо для него предназначается. Но необходимо имѣть въ виду, что понятіе «производительная поверхность» не есть что-то неизмѣнное: производительная въ данное время поверхность можетъ, въ силу какихъ-нибудь естественныхъ условій или вслѣдствіе чрезмѣрнаго истощенія ея человѣкомъ, сдѣлаться непроизводительной, и наоборотъ, непроизводительная теперь поверхность можетъ перейти въ категорію производительныхъ, благодаря воздѣйствію на нее человѣка.

По *естественнымъ* условіямъ не принадлежатъ къ прозводительной поверхности: сыпучіе пески (находятся, однако, такія растенія, которыя вырастаютъ на пескѣ, связываютъ почву и подъ вліяніемъ климатическихъ и атмосферическихъ условій допуска-

ютъ обработку земли), овраги при извѣстныхъ условіяхъ, недоступныя гористыя мѣстности, различныя обнаженія гранита (въ извѣстныхъ случаяхъ и эта поверхность можетъ быть обращена въ производительную). Часть земли относится къ непроизводительной въ сельскохозяйственномъ смыслѣ вслѣдствіе другого хозяйственнаго назначенія ея, какъ-то: площадь подъ городами, селеніями, дорогами. Всѣ перечисленныя категоріи, кромѣ земель подъ городами и селами, носятъ названіе *неудобныхъ* земель. Процентное отношеніе такихъ земель въ каждой странѣ зависитъ отъ природныхъ условій, густоты населенія и, наконецъ, отъ степени сельскохозяйственной культуры. Для нѣкоторыхъ странъ это отношеніе выражается слѣдующими цифрами: въ Великобританіи (по Янсону) производительная поверхность составляетъ 37% изъ общей площади, во Франціи—84%, въ Австріи—95%, въ Пруссіи—86%, въ Баденѣ—99%. Въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи неудобной земли считается около 19%, но по областямъ она распредѣляется далеко не равномѣрно. Наибольшій процентъ (28%) падаетъ на казенныя земли. Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что казнѣ принадлежитъ часть такихъ земель, которыхъ никто не бралъ (солончаки, пески), а съ другой стороны, казенное землавладѣніе преобладаетъ на сѣверѣ, гдѣ большая площадь неудобна для земледѣльческой культуры (тундры). Въ крестьянскомъ землевладѣніи неудобной земли числится около 8%. Вычитаніемъ непроизводительной площади опредѣлится вся площадь, которая можетъ быть предназначена для сельскохозяйственной культуры (около 80%). Въ дѣйствительности же и изъ этой части остается много земли, не подвергающейся сельскохозяйственному пользованію, что зависитъ отъ многихъ условій и между прочимъ отъ условій землевладѣнія.

Удобная земля дѣлится на различныя части, *угодья*, соотвѣтственно ихъ назначенію. Дѣленіе это зависитъ отчасти отъ естественныхъ условій, отчасти отъ характера воздѣйствія человѣка на почву. Примѣромъ перваго можетъ служить лѣсъ, если онъ, что и бываетъ по преимуществу, является результатомъ не искусственнаго разведенія, второго — пашня. Итакъ, соотвѣтственно своему назначенію земля дѣлится на угодья: *лѣсныя*, *луговыя* (покосы заливные, поемные, лѣсные и др.), *пастбищныя или выгонныя*, *пашни*, *сады*, *огороды*, *усадебныя*. Наибольшее значеніе изъ перечисленныхъ угодій имѣетъ *пашня*, такъ какъ она предназначена производить главный предметъ потребленія—хлѣбъ, и кромѣ того она требуетъ больше труда и создана этимъ трудомъ. По пространству, занимаемому пашней среди другихъ угодій, измѣряется интенсивность сельскохозяйственной культуры, и въ силу этого различаются по чередованію пашни: трехпольная, плодоперемѣнная и другія системы полеводства. Всѣ сѣнокосныя угодья предназначаются для корма скота, но и въ пашнѣ встрѣчаются кормовыя травы. Разъ назначеніе пашни—производить пищу для

человѣка, то можно было бы ожидать, что съ увеличеніемъ населенія въ странѣ будетъ расти и количество пашни на счетъ лѣсовъ и выгоновъ. Исторически это, конечно, вѣрно, т.-е. съ теченіемъ времени распахивалось все больше земли. Но еели въ данное время сравнить страны съ различною плотностью населенія, то получатся слѣдующіе выводы: въ Англіи приходится населенія на кв. килом. 100 человѣкъ, во Франціи—60, въ Россіи—17. Между тѣмъ въ Англіи пашня составляетъ 30% всей удобной площади, во Франціи—60%, въ Россіи около 30%, а на каждаго жителя приходится въ Англіи 0,3 килом. пашни, во Франціи—0,6 (Янсонъ).

Такая разница зависитъ, помимо естественныхъ условій (гористая, болотистая, ровная, черноземная мѣстность), еще отъ различной системы культуры, различнаго приложенія труда и капитала. Въ Россіи, напримѣръ, въ значительной степени распространена еще залежная система хозяйства, тогда какъ въ Англіи мы застаемъ сельскохозяйственную культуру на довольно высокой степени. Но приведенныя сейчасъ обстоятельства не даютъ еще полнаго объясненія разсматриваемому явленію. Такъ, если взять страны съ одинаковыми естественными условіями и одинаковой земледѣльческой культурой, то разница въ количествѣ пашни на 1 жителя все же продолжаетъ существовать. Очевидно, кромѣ указанныхъ надо искать еще другихъ причинъ. И дѣйствительно, мы находимъ ихъ въ соціально-экономическихъ условіяхъ страны, въ условіяхъ землевладѣнія. Статистическія данныя показываютъ, что при мелкомъ землевладѣніи пищевая площадь составляетъ большій процентъ, чѣмъ при крупномъ. При первомъ каждый стремится прежде всего произвести пищу для себя. И чѣмъ меньше бюджетъ хозяйства, тѣмъ большій % падаетъ на удовлетвореніе потребности въ пищѣ. Такъ, поданнымъ американской статистики, при общемъ бюджетѣ хозяйства въ 200 долларовъ расходъ на пищу составляетъ 49,6%, при бюджетѣ 200—300 дол.—44,26%, далѣе вмѣстѣ съ ростомъ бюджета этотъ % падаетъ, такъ что, наприм., при бюджетѣ 1.200 долларовъ составляетъ 28,63%, и т. д. Это же явленіе наблюдается и у насъ. Статистическія данныя для Воронежской губ., по Острогожскому уѣзду, показываютъ, что у бывш. государственныхъ крестьянъ, при среднемъ годовомъ бюджетѣ 541 р. 30 к. на хозяйство, расходъ на пищу составляетъ 161,2 руб. у бывш. владѣльческихъ крестьянъ, при бюджетѣ 417 р. 70 к. тотъ же расходъ составляетъ 168 р. 70 к. При такихъ условіяхъ мелкое землевладѣніе прежде всего обезпечиваетъ себѣ пищу, а такъ какъ земли въ данномъ случаѣ немного, то подъ пашню уходитъ больше всего; то или иное количество ея опредѣляется составомъ семьи и наличностью рабочаго скота. Понятно, что для мелкаго землевладѣнія существуютъ иные расчеты, чѣмъ для крупнаго. При пониженіи цѣнъ на хлѣбъ мелкій землевладѣлецъ будетъ продолжать свое земледѣльческое хозяйство, тогда какъ крупный станетъ сокращать запашку, и если, наприм.,

повышается цѣна на мясо, то послѣдній рядомъ съ такимъ сокращеніемъ станетъ расширять пастбищное хозяйство. А въ такомъ случаѣ онъ значительно сокращаетъ количество рабочихъ и рабочаго скота, который онъ не можетъ при земледѣльческомъ хозяйствѣ эксплуатировать круглый годъ.

Изъ слѣдующей таблицы (для Ирландіи) можно видѣть, какъ съ увеличеніемъ всей площади уменьшается относительно часть, находящаяся подъ пашней:

фермы	подъ пустошами	подъ кормами	подъ растит. пищей.
до 0,4 гект.	8,8	5,8	84,3
„ 2	8,3	27,7	63,0
„ 7	8,4	42,7	47,7
„ 12	11,0	47,8	40,7
„ 20	13,5	50,4	35,3
„ 40	15,7	54,1	29,0
„ 80	20,2	56,5	21,3
„ 200	30,4	52,0	12,9
болѣе 200	61,3	32,2	3,2

(Янсонъ, Ср. Стат. т. II.).

Съ ростомъ перваго столбца правильно понижается послѣдній. Вотъ почему въ Англіи, странѣ крупнаго землевладѣнія, болѣе $^3/_4$ всей производительной площади предназначается для корма скота. Рядомъ съ этимъ постепенно сокращается площадь подъ пшеницей, увеличиваясь подъ овсомъ, а главное—подъ пастбищами *). Для англійскаго крупнаго хозяйства при настоящихъ условіяхъ представляется болѣе выгоднымъ сокращать площадь подъ хлѣбами, расширяя пастбища, и извлекать, такимъ образомъ, доходы съ наименьшимъ приложеніемъ труда и капитала, и это несмотря на то, что цѣны на мясо тамъ не растутъ. Иначе представляется все это для мелкаго собственника, который прежде всего долженъ при помощи земледѣлія обезпечить себѣ продовольствіе. Все сказанное мною сейчасъ подтверждается наблюденіями и фактами, относящимися и къ Россіи, къ разсмотрѣнію которыхъ я и перехожу.

Въ Россіи, кромѣ 19,1% неудобныхъ земель, остальная удобная площадь распредѣляется слѣдующимъ образомъ: пахотныя земли составляютъ 26,2%, луга и выгоны—15,9%, лѣса—38,8%, *Лѣсная* площадь преобладаетъ на сѣверѣ (въ Вологодской губ., наприм., 86,3%), въ черноземной полосѣ она составляетъ 15,3%. въ нечерноз.—53,5%. По категоріямъ владѣльцевъ лѣса распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ земляхъ казенныхъ и удѣльныхъ они составляютъ наибольшій %—64,3%, въ частно-

*) Въ 1846 г. въ Англіи числилось подъ посѣвомъ зерна 11,6 мил. акровъ, а подъ пастбищами 22,9 мил. акр., а въ 1895 г. подъ первыми 8,8 мил. акр., а подъ пастбищами 27,8 мил. акр Подъ пшеницей въ 1869 г. было 3,6 мил. акр., въ 1879 г.—2,9 м. акр. въ 1889 г.—2,5 м. въ 1895 г.—1,2 м. акр. (Mulhall).

владѣльческихъ—почти такой же, какъ въ среднемъ для всей Россіи,—37,6%, въ крестьянскихъ всего меньше—10,1%. Если мы обратимся къ *пашнѣ*, то увидимъ здѣсь распредѣленіе обратное распредѣленію лѣсовъ: въ черноземной полосѣ она занимаетъ почти $^1/_2$ этой площади—49,4%, въ нечерноземной—12,6%. Наибольшій % пашни приходится на губ. Курскую (74,2%) и Тульскую (73%), что объясняется характеромъ этихъ мѣстъ, черноземныхъ и безлѣсныхъ, и кромѣ того стоитъ въ связи съ условіями землевладѣнія. Наименьшій % пашни въ Астраханской, Пермской и трехъ сѣверныхъ губ. (въ Архангельской 0,8%). Таково территоріальное распредѣленіе пашни. Далѣе, по категоріямъ владѣній, только 1.7% занимаетъ пашня въ земляхъ казны и удѣловъ, которые извлекаютъ доходъ главнымъ образомъ отъ эксплуатаціи лѣса; у частныхъ владѣльцевъ пашня составляетъ около 27%, а у крестьянъ всего больше—53,7%, при чемъ по полосамъ эта послѣдняя цифра, т. е. пашня у крестьянъ, колеблется отъ 46,1% для нечерноземной полосы до 58,3% для черноземной. Разница, какъ видно, небольшая, тогда какъ у дворянъ % пашни доходитъ до 41,1% въ черноземной полосѣ, составляя только 10,6% въ нечерноземной, т.-е. здѣсь разница почти въ 4 раза (А. Фортунатовъ, Сельскохозяйственная Статистика). Очевидно, предѣлы крестьянской пашни гораздо ближе и не допускаютъ такихъ рѣзкихъ колебаній, какія допускаются болѣе крупными не крестьянскими владѣніями. Наконецъ, даже среди крестьянскихъ земель можно замѣтить, что бывшіе государственные крестьяне, лучше надѣленные, распахиваютъ меньше, чѣмъ бывшіе владѣльческіе, хотя въ данномъ случаѣ надо имѣть въ виду невыгодную сторону чрезмѣрно мелкихъ владѣній: можетъ распахиваться болѣе, чѣмъ то допускаютъ естественныя условія. Изъ слѣдующаго ряда цифръ для частныхъ владѣній нашей черноземной полосы можно еще разъ убѣдиться въ обратной зависимости между общею площадью даннаго владѣнія и количествомъ пашни:

владѣнія	пашня въ %
до 50 дес.	69,4
отъ 50 до 200 дес.	62,5
» 200 » 500	58,2
» 500 » 1000	52,6
свыше 1000	33,4

То же и для нечерноземной полосы.

владѣнія	% пашни
до 50 д.	27,4
отъ 50 до 200 дес.	21,2
» 200 » 500 дес.	16,6
» 500 » 1000 »	14,1
свыше 1000 »	6,9

(Вліяніе урож. и хл. ц., т. I).

Обратимся къ другимъ угодьямъ: *луговымъ* и *пастбищнымъ*. У крестьянъ первыя преобладаютъ надъ послѣдними, такъ какъ они дорожатъ лугами и часть пастбища стараются обратить въ луга, а скотъ пасутъ на пару и жнитвѣ. Частные владѣльцы относительно этихъ угодій стоятъ въ другихъ условіяхъ: у нихъ пастбище преобладаетъ надъ лугомъ и часть его они нерѣдко сдаютъ крестьянамъ въ аренду. Тѣмъ не менѣе по отношенію къ пашнѣ крестьяне бѣднѣе лугомъ, чѣмъ частные владѣльцы, что крайне неблагопріятно отзывается на крестьянскомъ хозяйствѣ: при трехпольной системѣ, наиболѣе распространенной у насъ и требующей достаточнаго количества удобренія, для того чтобы хозяйство велось успѣшно, необходимо, чтобы отношеніе луга къ пашнѣ приблизительно составляло 60 : 40, тогда какъ въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ отношеніе это значительно ниже. И наконецъ, угодья *огородныя* и *усадебныя* у крестьянъ составляютъ 3,6—4% всей площади, у частныхъ владѣльцевъ—1%.

Разсмотримъ теперь подробнѣе *пахотныя* угодья. Здѣсь, при преобладающей у насъ трехпольной системѣ, различается обыкновенно посѣвная площадь, которая находится въ данномъ году подъ посѣвомъ и паръ, который къ нему подготовляется. Но рядомъ съ трехпольнымъ хозяйствомъ у насъ и до сихъ поръ продолжаетъ существовать залежное: распаханная нѣсколько лѣтъ подъ рядъ земля оставляется на болѣе или менѣе продолжительное время, такъ сказать для отдыха, пока снова не подвергнется обработкѣ. Съ одной стороны залежь такъ и входитъ въ систему земледѣлія, съ другой—большое количество залежей у насъ образовалось послѣ отмѣны крѣпостного права: до отмѣны его помѣщики разрабатывали столько земли, сколько при сократившемся количествѣ рабочихъ силъ, послѣ 19-го февраля 1861 г., представлялось невозможнымъ, и масса распаханныхъ къ тому времени земель перестала обрабатываться. Въ среднемъ по всей Россіи изъ 40%, занятыхъ паромъ и залежью, около 25% находится подъ паромъ и около 15% подъ залежью.

У крестьянъ паръ составляетъ относительно, конечно, почти ту же площадь, что и у частныхъ владѣльцевъ, — 25 — 30%. Послѣдняя цифра прямо уже указываетъ на трехпольное хозяйство. Но такъ какъ отклоненія отъ этой средней гораздо чаще встрѣчаются и гораздо рѣзче у частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ у крестьянъ, то остается, слѣдовательно, заключить, что залежное хозяйство болѣе распространено въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, чѣмъ въ крестьянскихъ, что подтверждается и цифровыми данными, по которымъ въ первыхъ залежи составляютъ 21,5%, въ послѣднихъ 12,1%.

За вычетомъ 40%, находящихся подъ паромъ и залежью, остальные 60% пашни составляютъ собственно посѣвную площадь, которая распредѣляется между крестьянами и частными владѣльцами такимъ образомъ, что у первыхъ она въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ у послѣднихъ. Въ посѣвной площади мы замѣ-

чаемъ различные виды посѣва; главные изъ нихъ—зерновые хлѣба: пшеница, рожь, ячмень и овесъ. Названные хлѣба занимаютъ въ среднемъ 91,9% всей посѣвной площади: у крестьянъ—92,9%, у частныхъ владѣльцевъ—89%, при чемъ отношеніе между пространствами подъ этими хлѣбами можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ:

	% въ посѣвной площади.		
	Всего	У крестьянъ	У части. влад.
Рожь	37	38,7	32,2
Пшеница . .	16,6	14,9	21,0
Овесъ. . . .	12,7	12,6	12,7
Ячмень . . .	13,9	20,9	19,9

По полосамъ рожь преобладаетъ въ нечерноземной полосѣ—42,5%, опускаясь въ черноземной до 33%. Почти вся пшеничная площадь приходится на черноземную полосу—95%, и только 5% на нечерноземную (А. Фортунатовъ. Сельскохоз. стат.).

Большая часть посѣвной площади, какъ у частныхъ владѣльцевъ, такъ въ особенности у крестьянъ, занята рожью. Для послѣднихъ это объясняется тѣмъ, что они сѣютъ хлѣбъ главнымъ образомъ для собственнаго потребленія, а для этой цѣли крестьянамъ почти исключительно служитъ рожь. Что же касается частныхъ владѣльцевъ, то преобладаніе ржаныхъ посѣвовъ у нихъ объясняется тѣмъ, что наша рожь очень цѣнится на всемірномъ рынкѣ, куда главнымъ поставщикомъ этого хлѣба является Россія.

Значительно меньше, какъ можно видѣть изъ приведенной таблицы, находится подъ пшеницей, всего 16,6%, при чемъ меньше у крестьянъ—14,9% и больше у частныхъ владѣльцевъ—21,9%, во всей же частновладѣльческой землѣ пшеничная площадь занимаетъ 4,1%.

Далѣе я указалъ, что подъ овсомъ у насъ находится 12,7% всей площади и подъ ячменемъ 13,9%. Надо замѣтить, что ячмень по цѣнѣ выше овса, такъ какъ составляетъ суррогатъ ржи у крестьянъ, идетъ, между прочимъ, на приготовленіе пива, и сѣять его было бы гораздо выгоднѣе, чѣмъ овесъ. Ячмень и занималъ бы поэтому большую площадь, но дѣло въ томъ, что онъ, по наблюденіямъ крестьянъ, прихотливѣе относительно почвы и менѣе выдерживаетъ неблагопріятныя климатическія условія. Кромѣ того, овесъ необходимъ и для содержанія рабочаго скота тамъ, гдѣ зимой существуетъ промыселъ извоза.

Итакъ, я указалъ, какую часть всей площади составляетъ такъ называемая удобная земля, сколько изъ этой послѣдней занято подъ посѣвами, и каковы главнѣйшіе изъ нихъ. При этомъ нетрудно было замѣтить, что съ *уменьшеніемъ* размѣровъ хозяйства *увеличивается* процентъ обрабатываемой площади, иначе говоря, прилагается болѣе живого труда, производство становится болѣе интенсивнымъ, природныя силы зем-

ли использываются полнѣе, иначе говоря, возрастаетъ производительность земледѣлія. Отмѣтивъ здѣсь это явленіе, мы позднѣе остановимся на болѣе подробномъ освященіи его, что, однако, возможно будетъ сдѣлать по разсмотрѣніи условій, опредѣляющихъ системы земледѣлія, къ чему и перехожу теперь.

Примѣчаніе. О значеніи распредѣленія земли по угодьямъ см **Янсонъ**: „Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ". Т. II. С.-Пб., 1880 г. О фактическомъ распредѣленіи угодій въ Россіи см **„Сельское и лѣсное хозяйство Россіи"**. Изд. Деп. Землед., и **А. Фортунатовъ**: „Сельскохозяйственная статистика Европейской Россіи".

VII. Системы земледѣлія и формы хозяйства.

Распредѣленіе разныхъ способовъ обработки земли съ различнымъ сочетаніемъ труда и капитала, какъ по территоріи, такъ и по времени, имѣетъ свою законосообразность. Если мы разсмотримъ обрабатывающую промышленность въ ея послѣдовательномъ развитіи, то увидимъ разныя формы съ различнымъ приложеніемъ труда и капитала и различными результатами: ремесленную, мануфактурную и, наконецъ, машинную. Мы замѣчаемъ здѣсь извѣстную историческую послѣдовательность, переходъ отъ одной системы къ другой, въ связи съ увеличеніемъ населенія и развитіемъ знаній. Въ обрабатывающей промышленности вмѣстѣ съ этими условіями явилась возможность сосредоточенія въ одномъ мѣстѣ массы сырья, а отсюда и возможность широкаго раздѣленія труда и сосредоточенія орудій обработки—машинъ. Посмотримъ теперь, какъ развилось земледѣліе.

Различнымъ формамъ въ обрабатывающей промышленности соотвѣтствуютъ различныя системы въ земледѣліи. И здѣсь одна система отличается отъ другой различнымъ приложеніемъ труда, капитала и различною комбинаціей ихъ. Постепенно экстенсивныя системы земледѣлія, разсчитанныя главнымъ образомъ на большія пространства свободныхъ земель, съ ростомъ населенія замѣняются системами болѣе интенсивными, требующими при меньшей площади болѣе значительнаго приложенія труда и капитала. Такимъ образомъ, за извѣстными предѣлами густота населенія прямо вынуждаетъ переходъ къ высшей системѣ земледѣлія. Такова основная тенденція въ развитіи земледѣльческаго хозяйства, нарушаемая, однако, различными историческими условіями: такъ, съ одной стороны, переселенія, служа какъ бы противовѣсомъ естественному росту населенія, отдаляютъ моментъ перехода къ высшей системѣ земледѣлія; съ другой стороны, страны, въ которыхъ преобладаетъ крупное землевладѣніе, вынуждаются къ такому переходу раньше, чѣмъ страны съ преобладающимъ мелкимъ замлевладѣніемъ, при одинаковой, конечно, плотности населенія, такъ

какъ при этихъ условіяхъ значительная масса населенія лишена возможности непосредственно приложить свой трудъ къ землѣ, не находящейся въ ея пользованіи, и потому ранѣе, чѣмъ при свободномъ занятіи земли, должна сосредоточить свой трудъ на меньшемъ пространствѣ земли. Иными словами здѣсь искусственно, въ силу лишь данныхъ условій землевладѣнія, вызывается излишняя затрата труда на землю, происходитъ искуственное и преждевременное уплотненіе населенія, вызывающее переходъ къ болѣе интенсивной обработкѣ земли. При этомъ, конечно, такой переходъ и тутъ отдаляется, замедлятся, если есть возможность выселиться на свободныя еще земли или доступныя для пользованія на болѣе льготныхъ условіяхъ.

Вотъ, между прочимъ, почему независимо отъ стремленія къ расширенію рынковъ, стремясь къ удешевленію стоимости рабочей силы, просвѣщенный западно-европейскій капитализмъ не препятствуетъ теперь выселенію въ Америку и куда угодно, несмущаясь тѣмъ, что это задерживаетъ расцвѣтъ земледѣльческой культуры въ Европѣ, а въ Англіи такъ прямо ведетъ къ превращенію земли въ первобытное пастбище для скота на мѣстѣ выбывшихъ людей.

Переходъ къ высшей системѣ обыкновенно требуетъ бо́льшаго количества скота, усовершенствованныхъ орудій, бо́льшаго приложенія труда, такъ какъ приходится съ той же площади извлекать больше продукта, чѣмъ раньше. Дѣло въ томъ, что земля подъ вліяніемъ атмосферическихъ условій и разложенія неотдѣленныхъ отъ нея частей растеній накопляетъ почву, т.-е. тѣ составныя части, которыя необходимы для произрастанія зерна. Такой слой можетъ образоваться подъ вліяніемъ либо естественныхъ, либо искусственныхъ условій. Въ первомъ случаѣ требуется довольно продолжительное время. Когда земли много, распахивается сравнительно небольшая часть (распахиванье имѣетъ цѣлью привести въ соприкосновеніе съ атмосферой отдѣльныя частицы почвы). Распаханный участокъ подвергается обработкѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, послѣ чего переходятъ къ другому участку, оставляя первый въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ необработаннымъ, пока въ немъ снова накопится достаточное количество элементовъ, способныхъ питать посѣвы. По мѣрѣ сокращенія свободной земли, періоды возвращенія къ прежнимъ участкамъ сокращаются, но зато и урожаи становятся хуже, да и снимать хлѣбъ приходится уже не столько лѣтъ подъ рядъ, такъ какъ вслѣдствіе частаго распахиванья въ землѣ меньше возобновляются извлеченные изъ нея элементы.

Для возстановленія плодородія почвы при этой системѣ требуется обыкновенно отъ 15 до 20 лѣтъ; годною для обработки землю считаютъ, когда она поростетъ ковылью. Система эта распространена у насъ (хотя съ каждымъ годомъ сокращается) въ Уфимской, Оренбургской, Астраханской, восточной части Самарской губ., въ области Войска Донского, въ Кубанской области. а у частныхъ владѣльцевъ даже въ Таврической, Екате-

ринославской и Херсонской губ. Такова *залежная* система, встрѣчающаяся, главнымъ образомъ, какъ это видно изъ приведеннаго сейчасъ перечня, въ степяхъ, обильныхъ землей. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ этой системѣ соотвѣтствуетъ *лѣсопольная* или *подсѣчная* система, называемая также *огневой*. Система эта заключается въ томъ, что лѣсъ въ такихъ мѣстахъ выжигается, а выжженная такимъ образомъ площадь распахивается, при чемъ пепелъ представляетъ удобреніе. Но вслѣдствіе легкости и рыхлости почвы урожаи здѣсь ниже, нежели въ степныхъ мѣстахъ, да и снимать приходится ихъ меньше; затѣмъ такой участокъ забрасывается лѣтъ на 25 и обращаются къ другому. Невыгодную сторону этой системы нѣкоторые видятъ въ томъ, что при ней истребляются лѣса. Упрекъ этотъ, однако, основателенъ только для такихъ мѣстностей, гдѣ количество лѣса уже ограничено, гдѣ, наконецъ, вслѣдствіе этого такое пользованіе лѣсомъ и не представляетъ уже выгодъ, почему и можетъ встрѣчаться лишь какъ исключеніе. Въ мѣстахъ же обильныхъ лѣсомъ, каковъ, наприм., нашъ сѣверъ, система эта содѣйствуетъ какъ земледѣльческой, такъ и всякой другой культурѣ: истребляются звѣри, основываются поселенія, и непроходимые лѣса, даже не эксплоатировавшіеся человѣкомъ, обращаются въ болѣе культурныя мѣста. Обѣ отмѣченныя системы: залежная и подсѣчная или огневая носятъ общее названіе *переложной*. Примѣненіе ея допускается до тѣхъ поръ, пока это позволяютъ незначительная плотность населенія и большіе земельные участки. Но съ теченіемъ времени первая растетъ, а вторые относительно сокращаются. На извѣстной ступени этого процесса является необходимость въ сокращеніи періода возстановленія плодородія почвы на томъ же участкѣ, а это можетъ быть достигнуто только искусственнымъ путемъ: удобреніемъ и чередованіемъ посѣвовъ разныхъ растеній, предъявляющихъ, такъ сказать, спросъ не на одинаковыя составныя части почвы. Далѣе становится необходимымъ введеніе такихъ растеній, которыя даже обогащаютъ почву на счетъ подпочвенныхъ слоевъ. Однако ростъ населенія и сокращеніе участковъ совершаются не сразу, а потому и переходъ отъ залежной системы къ той интенсивной, о которой я только что упомянулъ, совершается довольно медленно, и между этими крайностями существуетъ рядъ переходовъ.

Переложная система смѣняется *двухпольной* и *трехпольной*, при которыхъ возобновленіе плодородія почвы все еще предоставляется естественнымъ условіямъ, хотя съ теченіемъ времени, какъ мы увидимъ, начинаетъ примѣняться здѣсь и удобреніе. При двухпольной системѣ—въ одномъ полѣ рожь, другое подъ паромъ; при трехпольной—въ одномъ—рожь, въ другомъ—яровое, а третье подъ паромъ. Двухпольная система существовала въ древней Греціи, существуетъ и до сихъ поръ во Франціи, встрѣчается мѣстами и у насъ. Наиболѣе распространенной у насъ является трехпольная система, при чемъ къ удобренію

прибѣгаютъ иногда даже въ черноземной полосѣ, гдѣ вообще условія для естественнаго возобновленія плодородія почвы болѣе благопріятны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и потому тамъ удобреніе начинаетъ примѣняться позднѣе, по мѣрѣ истощенія почвы.

Но и при трехпольной системѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ зависимости, конечно, отъ свойствъ почвы, время, которое земля остается подъ паромъ, оказывается недостаточнымъ, чтобы возстановить плодородіе почвы. Такое чрезмѣрное истощеніе послѣдней вызываетъ переходъ отъ трехпольной системы къ улучшенной *травопольной*, которая характеризуется травосѣяніемъ. Здѣсь участокъ дѣлится на 4—6 и часто на 8 полей, при чемъ наблюдается болѣе правильное чередованіе посѣвовъ: изъ семи, наприм., лѣтъ только два года поле находится подъ зерновыми хлѣбами, остальные подъ травами, большей частью — подъ клеверомъ. Послѣдній притѣняетъ землю широкими листьями, а корни уходятъ глубоко въ землю и не истощаютъ почву, а даже, наоборотъ, способствуютъ утолщенію слоя почвы путемъ превращенія подпочвеннаго слоя въ почву, и земля, такимъ образомъ, накопляетъ питательные элементы для зерновыхъ хлѣбовъ, причемъ происходитъ фиксація атмосфернаго азота при помощи дѣятельности низшихъ организмовъ.

Въ виду того, что въ настоящее время во многихъ губерніяхъ совершается въ крестьянскихъ общинахъ переходъ къ травосѣянію, здѣсь слѣдуетъ остановиться нѣсколько на этомъ явленіи и отмѣтить условія этого перехода. При этомъ, кстати, отмѣчу наблюдаемыя въ разныхъ мѣстахъ условія измѣненія системъ земледѣлія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, т.-е. перехода отъ одной системы къ другой—независимо отъ того, является ли это переходомъ къ травопольной или другимъ системамъ. Данныя этого рода всего лучше выяснятъ, какія обстоятельства вызываютъ эти измѣненія. «Изслѣдованіе состоянія сельскаго хозяйства Тобольской и Томской губерній показало, что различныя, встрѣчающіяся въ этихъ мѣстностяхъ, формы хозяйства и, въ частности системы полеводства представляютъ *послѣдовательный рядъ*, показывающій, какъ, *по мѣрѣ сокращенія* относительнаго количества *годныхъ для распашки* пустопорожнихъ *мѣстъ* и постепеннаго *истощенія почвы* распаханныхъ полей, *совершается переходъ отъ* весьма *экстенсивныхъ формъ* залежнаго *хозяйства* къ хозяйству, основанному на удобреніи земель» (Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губерніяхъ. Изд. Мин. Госуд. Имущ. С.-Пб. 1894 г., стр. 113). Въ наиболѣе *многоземельной* части изслѣдованнаго края господствуетъ исключительно залежно-паровая система. Въ округахъ, гдѣ земельный просторъ значительно меньше, залежно-паровая система мѣстами уже совершенно вытѣсняется, мѣстами еще только начинаетъ вытѣсняться другими системами—зерновою безъ удобренія; на сѣ-

верѣ же, гдѣ совершенно опредѣленно выражено малоземелье, происходитъ постепенное распространеніе и упроченіе удобренія (тамъ же, стр. 122—123). Въ Ишимскомъ округѣ, гдѣ различаются три полосы: южная, наиболѣе многоземельная, средняя, не богатая землей, но съ превосходной почвой и сѣверная съ плохой почвой, получаются слѣдующія отношенія паровой площади и пашни:

	Подъ посѣвомъ.	Подъ паромъ.	Въ залежѣ.
Въ южной . . .	47,2 %	21,9 %	30,2 %
» сѣверной . .	50,6	29,5	19,9
» средней . .	57,8	32,2	10,0

«Цифры эти бросаютъ свѣтъ на историческое развитіе формъ хозяйства въ Ишимскомъ округѣ: по *мѣрѣ сгущенія населенія*, постепенно сокращая количество пусто-лежащей земли и, взамѣнъ того, усиливая паровую обработку пашень, оно получило возможность непосредственно утилизировать значительно большую часть состоящей въ его пользованіи пашни (57,8% вмѣсто 47,2% общей площади пахатной земли); но затѣмъ, по мѣрѣ подвигавшагося впередъ истощенія пашенъ, не смотря на дальнѣйшее усиленіе паровой обработки, послѣдняя оказывается уже не въ силахъ поддерживать на достаточномъ уровнѣ производительность пашенъ; и вотъ, *не зная* для этого *другихъ способовъ*, населеніе сѣверныхъ селеній возвращается назадъ къ забрасыванію пашень въ залежъ» (тамъ же, стр. 125). «По мѣрѣ сгущенія населенія, сокращаются, пока это возможно, сроки отдыха земли, удлиняются періоды обработки, и залежь замѣняется учащеннымъ паромъ; когда и гдѣ это послѣднее средство, благодаря истощенію земли, оказывается недостаточнымъ, появляется и распространяется хозяйство съ удобреніемъ; соотвѣтственно этому съ теченіемъ времени измѣняется и относительное значеніе, въ залежно-паровыхъ сѣвооборотахъ, различныхъ хлѣбовъ» (тамъ же, стр. 133).

Приведенныя указанія, представляющія собою описанія тѣхъ процессовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, которые наблюдаются въ настоящее время на окраинахъ, ясно отмѣчаютъ, что въ переходѣ отъ одной системы земледѣлія къ другой играютъ существенную роль: густота населенія и сопровождающее ее наступленіе относительнаго малоземелья.

Переходя теперь къ центральнымъ мѣстностямъ, гдѣ примѣненіе удобренія и трехполье давно уже составляютъ обычное явленіе, мы наблюдаемъ переходъ уже къ травопольной системѣ—все при существованіи того же общиннаго землевладѣнія. И подобно тому, какъ на окраинахъ совершается переходъ къ трехполью, такъ сказать, самъ собою, безъ всякаго сознательнаго внѣшняго воздѣйствія или содѣйствія подъ вліяніемъ лишь измѣняющагося соотношенія между пространствомъ земли и количествомъ живущихъ на ней,—такъ точно самъ собою совершается переходъ къ травосѣянію. Впервые это явленіе

было наблюдено и отмѣчено въ Тверской губ., гдѣ травосѣяніе стало распространяться у крестьянъ на общинныхъ надѣльныхъ земляхъ, причемъ знакомство съ этой системой они получили путемъ случайныхъ наблюденій, а затѣмъ уже путемъ заимствованій другъ у друга. Какого-либо содѣйствія со стороны земства или кого-либо они при этомъ не имѣли. При такихъ же условіяхъ происходитъ распространеніе травосѣянія въ Смоленской губ., въ уѣздахъ Краснинскомъ, Бѣльскомъ, Дорогобужскомъ, Духовщинскомъ, Вяземскомъ. То же приходится сказать о Петербургской губ. По даннымъ статистическаго отдѣленія губернскаго земства, десять, пятнадцать лѣтъ назадъ травосѣяніе въ Петербургской губерніи было распространено слабо, встрѣчалось лишь въ трехъ уѣздахъ и въ нѣмецкихъ колоніяхъ, причемъ общая площадь крестьянской надѣльной земли подъ сѣянными травами не достигала одной тысячи десятинъ. «Въ настоящее же время нѣтъ ни одного уѣзда въ губерніи, гдѣ бы не было заведено у крестьянъ, въ той или другой волости, травосѣянія. Къ концу 1896 г. подъ посѣвами травъ насчитывалось уже 3.411 д. пахатной надѣльной крестьянской земли, причемъ посѣвы клевера производили у себя около 12 проц. общаго числа крестьянскихъ общинъ... Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ волостяхъ, наприм., въ Петербургскомъ у., занятая посѣвными травами площадь достигаетъ значительныхъ размѣровъ, такъ, наприм., доходитъ до 41% общей площади пашни, въ нѣкоторыхъ 30%, въ другихъ до 18%. Развитіе травосѣянія въ Петербургской губерніи, повидимому, идетъ такимъ же путемъ, какъ оно развивалось въ Московской, Смоленской и Вятской губерніяхъ: начиная съ посѣвовъ клевера на огородѣ, усадьбѣ, крестьянинъ постепенно переходитъ къ полевому травосѣянію. А вмѣстѣ съ этимъ онъ переходитъ къ какому-нибудь многопольному плодосмѣну. Но распространеніе травосѣянія среди крестьянъ Петербургской губ. имѣетъ особенность: оно совершается безъ всякаго участія и содѣйствія со стороны такихъ общественныхъ органовъ, какъ земство, сельскохозяйственныя общества... Петербургскій крестьянинъ самостоятельно, предоставленный собственнымъ силамъ, ищетъ новыхъ формъ для сельскохозяйственнаго промысла» («Вятская Газета» 1898 г., №№ 3 и 4).

Выше уже отмѣчено, что такимъ же путемъ, т.-е. безъ внѣшняго содѣйствія, распространяется травосѣяніе на крестьянскихъ общинныхъ земляхъ и въ другихъ губерніяхъ. И только въ Вятской и Московской мы встрѣчаемся съ содѣйствіемъ земства, которое, однако, вызывая во многихъ случаяхъ примѣненіе у крестьянъ травосѣянія, является, однако, вообще говоря, не самостоятельнымъ факторомъ, а лишь идетъ на-встрѣчу уже проявившейся у населенія потребности. Земство въ большинствѣ случаевъ приходитъ здѣсь на помощь населенію указаніемъ и облегчаетъ населенію переходъ къ новой, еще мало знакомой ему системѣ, избавляя его этимъ путемъ отъ излишнихъ по-

теръ во времени и въ результатахъ, которые могли бы происходить при незнакомствѣ съ нѣкоторыми техническими пріемами. Кромѣ того земство помогаетъ населенію пріобрѣтать доброкачественныя сѣмена, и безъ излишней переплаты на стоимости ихъ, подобно тому какъ оно этимъ же путемъ облегчаетъ распространеніе среди населенія улучшенныхъ орудій.

Въ Вятской губерн. въ настоящее время засѣяно травами у крестьянъ около 2 т. дес., тогда какъ въ 1892 г. было занято подъ сѣянными травами лишь 62 дес. Въ Московской губ. до 1891 г. клеверъ сѣялся лишь въ 49 сел.; начиная съ этого года число селеній съ травосѣяніемъ ежегодно увеличивается и въ 1898 г. ихъ было уже 184 съ общей площадью надѣльной земли свыше 62 т. дес., что даетъ около 6% всей надѣльной земли, колеблясь по уѣздамъ отъ 6,7% до 21,2%. По количеству же составленныхъ приговоровъ о выдачѣ въ ссуду сѣмянъ для травосѣянія надо ожидать (въ 9 уѣздахъ—въ 4 травосѣяніе еще не примѣняется), что въ 1898 г. оно будетъ примѣняться болѣе чѣмъ въ 260 селеніяхъ съ надѣломъ, составляющимъ по одному уѣзду (Волоколамскому) треть всей надѣльной земли въ уѣздѣ.

При этомъ надо однако имѣть въ виду, что та матеріальная необезпеченность, которою отличается по разнымъ причинамъ крестьянское хозяйство, не остается безъ вліянія на быстроту перехода отъ одной системы хозяйства къ другой. Такъ въ цитированномъ выше изслѣдованіи «Крестьянское землепользованіе и хозяйство въ Тобольской и Томской губерніяхъ» отмѣчается, что «только въ хозяйственной дѣятельности зажиточныхъ крестьянъ можно искать чего-либо похожаго на болѣе или менѣе опредѣленный планъ при переходѣ отъ одной системы къ другой. У маломѣстныхъ же дворовъ сѣвообороты характеризуются скорѣе отсутствіемъ всякой системы» (стр. 114). *).

По отношенію же къ Московской губ. на основаніи данныхъ о травосѣяніи, относящихся къ 1896 г., можно сдѣлать слѣдующее сопоставленіе для уѣздовъ, волостей и селеній съ травосѣяніемъ и безъ него.

Безъ травосѣянія.	На 1 домохоз. пах земли.	Скота: на 1 дворъ.	Скота: на 1 д. пара.	% двор безлошадныхъ.	Недоимки на 1 дв.	% дворовъ имѣющ плуги.
Въ уѣздахъ . .	3.6 д.	1,7	1.3	45.1	31,5 р.	5 2
» волостяхъ .	3 6 »	1,9	1.4	40,2	31 3 »	9.9
» селеніяхъ .	3,8 »	2	1,6	37,6	— »	17.4
Съ травосѣяніемъ.						
» уѣздахъ . .	4 5 »	2.6	1,7	26.8	28 5 »	37.6
» волостяхъ .	4.8 »	2,9	1.8	23,1	25.8 »	62.2
» селеніяхъ .	5,9 »	3,1	1.6	20 7	— »	87.8

*) Здѣсь рѣчь идетъ о такихъ моментахъ, когда происходитъ еще искание новой системы, причемъ, какъ отмѣчено тамъ же (стр. 113), община даетъ полный просторъ инициативѣ каждаго отдѣльнаго домохозяина; здѣсь слѣдовательно, та или другая система полеводства не вошла еще въ общинный сѣвооборотъ.

Что же мы видимъ? По всѣмъ признакамъ, опредѣляющимъ степень экономической достаточности, селенія, гдѣ уже примѣняется тровосѣяніе, стоятъ выше: у нихъ пахатной земли больше, скота больше, % безлошадныхъ дворовъ значительно ниже, недоимки меньше и, какъ слѣдствіе всего этого, и больше распространились плуги и завелось травосѣяніе. Это свидѣтельствуетъ, что и совершенно естественно, что какъ самое проявленіе иниціативы, извѣстной хозяйственной бодрости, такъ и самая возможность совершить .переходъ къ новой системѣ,— переходъ, сопряженный съ нѣкоторыми затратами, возможнѣе для лицъ стоящихъ не ниже извѣстнаго хозяйственнаго уровня. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что для такого перехода, который требуетъ раздѣленія полей не на три части какъ было до тѣхъ поръ, а на 4 или 8. приходится уменьшить часть, занятую посѣвомъ зерновыхъ хлѣбовъ, занявъ часть поля травой, что грозитъ сокращеніемъ сбора хлѣба. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ община крупнѣе надѣленная землей можетъ легче перейти къ травосѣянію, такъ какъ относительно меньше сокращаетъ свое поле, нежели такая, у которой оно и до такого переверстанія имѣетъ меньшіе размѣры, чѣмъ у первой получится можетъ быть послѣ установленія новой системы полеводства. Кромѣ того приходится уничтожить пастьбу скота на части поля и слѣдовательно надо имѣть лишнее противъ прежняго пастбище, что еще труднѣе для менѣе надѣленной общины. Наконецъ такой переходъ требуетъ вообще переверстанія всѣхъ полей, что, при незнакомствѣ еще съ результатами, представляется рискованнымъ. Община же, имѣющая больше земли, можетъ найти какую-нибудь «запольную» часть, не удобрявшуюся по отдаленности или недостатку удобренія, и, не переверстывая своихъ полей, начать на ней травосѣяніе, а затѣмъ вообще у такой общины болѣе силъ, способовъ и надеждъ на возможность справиться съ новымъ расходомъ и новыми условіями. Поэтому она скорѣе способна перейти къ чему-либо новому. И только затѣмъ уже, когда такой переходъ у общинъ лучше поставленныхъ уже совершился, когда гнетущія условія пребыванія при старой системѣ начинаютъ сказываться сильнѣе, когда не только такъ сказать теоретически, но и практически становится очевидной невозможность оставаться при прежней системѣ и когда новая система уже перестаетъ быть чѣмъ то новымъ, практически неизвѣданнымъ, тогда только она внѣдряется уже и тамъ, гдѣ крайность заставляла еще держаться рутины. Въ этомъ же направленіи дѣйствуютъ и такого рода явленія, съ которыми, наприм., населенію Московской губерніи пришлось считаться въ 1897 г. Крайне сухой, давшій населенію мало кормовыхъ средствъ для содержанія скота тамъ, гдѣ населеніе имѣло только естественныя луга, годъ этотъ показалъ, что тамъ, гдѣ было полевое травосѣяніе, недостатка въ кормовыхъ средствахъ не было, или онъ былъ не такъ ощутителенъ, даже цѣны на сѣно поднялись въ гораздо меньшей мѣрѣ. И вотъ

въ результатѣ къ 1898 г. появилось множество приговоровъ о введеніи травосѣянія на общинныхъ надѣльныхъ земляхъ. Такъ наприм. въ Звенигородскомъ у., гдѣ въ 1897 г. было лишь десять селеній съ травосѣяніемъ, къ веснѣ 1898 г. оно водится уже въ 70-ти селеніяхъ. Болѣе бѣдныя общины видятъ, что лучше задолжать, занять на посѣвъ травы и затѣмъ имѣть кормъ для скота, чѣмъ, откладывая этотъ засмъ, быть вынужденнымъ остаться безъ скота и должать по займамъ для покупки скота, для покупки хлѣба.

Но отсюда, изъ этихъ данныхъ и сопоставленій, получается и другое заключеніе. Приведенные факты удостовѣряютъ справедливость того логическаго заключенія, согласно которому, каждый переходъ къ улучшеніямъ легче для того, кто имѣетъ къ тому бо̀льшую матеріальную возможность по своей хозяйственной состоятельности. Слѣдовательно, при прочихъ равныхъ условіяхъ болѣе зажиточный скорѣе перейдетъ къ нимъ. А въ такомъ случаѣ разница въ его благосостояніи, его хозяйствѣ и въ благосостояніи менѣе зажиточнаго станетъ еще рѣзче, и вотъ совершается далеко не естественный подборъ, выбрасывающій на рынокъ труда всѣхъ запоздавшихъ въ переходѣ къ новой системѣ и создающій группу зажиточныхъ отдѣльныхъ единицъ, готовыхъ и способныхъ эксплуатировать выбитыхъ изъ хозяйственной колеи. Что же дѣлаетъ въ этомъ случаѣ общинное землевладѣніе?—Оно не позволяетъ отдѣльному домохозяину завести травосѣяніе на общинномъ полѣ, но оно не препятствуетъ ему заводить его на усадьбѣ. Но эти попытки, какъ уже указано не являются результатомъ отвлеченнаго умозаключенія, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ извѣстнаго уровня экономическихъ отношеній, извѣстнаго соотношенія густоты населенія и земельнаго простора. Слѣдовательно къ такому переходу близокъ каждый, но одинъ можетъ его осуществить по своей индивидуальной хозяйственной состоятельности, а другой нѣтъ, и вотъ при отсутствіи общины менѣе состоятельный долго еще топтался бы въ болотѣ рутины, сознавая даже его засасывающее вліяніе, а другой бы прогрессировалъ, въ общемъ же значительная часть полей оставалась бы въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ выработали уже отжившія условія, и сельскохозяйственная культура сильно отставала бы отъ требованій времени. Община устраняетъ это.

Разъ у значительной доли ея членовъ является сознаніе цѣлесообразности новой системы, является общественный приговоръ подѣлить поля такъ, чтобы устроить травосѣяніе, является покупка сѣмянъ всѣмъ обществомъ; тутъ состоятельный крестьянинъ является заинтересованнымъ въ томъ, чтобы на всей землѣ было введено травосѣяніе, иначе и ему нельзя ввести его и на своихъ полевыхъ полосахъ, и такимъ образомъ у всѣхъ хозяевъ данной общины, еще сохранившихъ свое земледѣльческое хозяйство является травосѣяніе. Община содѣйствуетъ этому и инымъ путемъ. Она отводитъ нерѣдко подъ

посѣвъ травы какой-либо запольный участокъ, который раньше почему-либо не подвергался обработкѣ, сразу создаетъ новое поле, въ которомъ каждый и получаетъ свою долю участія. Итакъ, опять-таки здѣсь хозяйственный интересъ каждаго находитъ болѣе широкую возможность своего удовлетворенія въ согласіи съ интересами общаго сельскохозяйственнаго развитія страны.

Перейдемъ теперь къ другимъ системамъ. Слѣдующій шагъ представляетъ *плодосмѣнная* система. Стараются чередовать растенія такъ, чтобы каждое извлекало изъ почвы то, что ему необходимо, не извлекая того, что необходимо другому растенію. Такъ, по мнѣнію извѣстнаго нѣмецкаго агронома Теэра, торгово-промышленныя растенія извлекаютъ изъ почвы необходимые для нихъ элементы, оставляя въ ней тѣ, которые необходимы для зерновыхъ хлѣбовъ. Посѣвы льна, наприм., могутъ не отражаться вредно на зерновыхъ растеніяхъ, а затѣмъ можно ввести въ сѣвооборотъ кормовыя травы, обогащающія почву. При такой системѣ нѣтъ надобности оставлять землю подъ паромъ. Плодосмѣнная система на томъ и основана, что вся земля находится подъ посѣвами: одна часть площади предназначена для производства пищевыхъ продуктовъ, другая — для торговопромышленныхъ растеній, третья, для кормовыхъ.—Но само собой разумѣется, что хотя каждый продуктъ извлекаетъ только тѣ элементы, которые для него необходимы. все же послѣ нѣкотораго чередованія посѣвовъ почва истощилась бы, еслибы взятое изъ нея не возвращалось ей искусственнымъ путемъ, такъ какъ при отсутствіи пара естественнаго возобновленія плодородія почвы здѣсь не можетъ быть. Поэтому при этой системѣ необходимость въ правильномъ удобреніи является болѣе настоятельной, чѣмъ при прежнихъ. Для этого уничтожаютъ выгоны, скотъ кормится въ стойлахъ, а это даетъ возможность сберегать удобреніе. Кромѣ естественнаго удобренія—навоза,—стали прибѣгать въ послѣднее время къ искусственному, которое, помимо прочихъ достоинствъ, можетъ повести къ устраненію одного, повидимому, неблагопріятнаго условія - содержанія скота въ стойлахъ круглый годъ: въ послѣдніе годы стали замѣчать развитіе легочныхъ болѣзней у скота, объясняемое тѣмъ, что скотъ вынужденъ круглый годъ оставаться въ стойлахъ. Какъ можно видѣть изъ сказаннаго, при этой системѣ, кромѣ большаго приложенія труда и капиталовъ, требуется и больше знаній для правильнаго чередованія растеній, въ зависимости отъ климатическихъ, почвенныхъ и другихъ условій. У насъ система эта встрѣчается въ Остзейскомъ краѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить *промышленную* систему, при которой производится нерѣдко одинъ какой-либо видъ растеній, и, *спекулятивную* или *вольную*, гдѣ прямо уже условіями рынка опредѣляются и въ зависимости отъ нихъ мѣняются роды культуръ. Рядомъ съ послѣдней стоитъ и *огородная* культура, распространяющаяся обыкновенно близъ городовъ; существованіе

ея обусловливается, съ одной стороны, предъявляемымъ горожанами спросомъ на овощи, съ другой—обиліемъ доставляемаго городомъ удобренія. Всѣ перечисленныя культуры имѣютъ то общее, что здѣсь въ основѣ всего хозяйства лежитъ наиболѣе интенсивное приложеніе капитала и труда, пересиливающее, такъ сказать, вліяніе природныхъ условій. Какъ на примѣръ *огородной и садовой* культуры, укажу на распространеніе ихъ въ трехъ подмосковныхъ волостяхъ на крестьянскихъ земляхъ.

Съ системами *земледѣлія* не слѣдуетъ смѣшивать системы *хозяйства*. Послѣднія могутъ быть различны, въ зависимости отъ разстоянія даннаго хозяйства отъ рынка, климатическихъ и разныхъ другихъ условій. Когда говорятъ о системѣ земледѣлія, то рѣчь идетъ не о всемъ строѣ хозяйства, а только о соотношеніи угодій, о различномъ назначеніи и различномъ пользованіи отдѣльными пространствами всей земельной площади имѣнія. При разныхъ системахъ хозяйства можетъ быть одна и та же система земледѣлія и, наоборотъ, при одной и той же системѣ земледѣлія могутъ быть разныя системы хозяйства, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ *способовъ извлеченія доходовъ*: въ зависимости отъ того, кладется ли въ основу хозяйства скотоводство, полевое хозяйство или отчужденіе переработанныхъ продуктовъ и т. д.

Кромѣ чисто-полевой системы хозяйства, на которой я подробнѣе останавливался, можно указать еще, наприм., на *лѣсную*, и др.

Въ краткихъ чертахъ я изобразилъ разныя системы въ ихъ исторической послѣдовательности и современномъ состояніи. Но раньше чѣмъ указанныя системы были сведены въ той послѣдовательности, въ которой я изобразилъ ихъ сейчасъ, нѣмецкій экономистъ Тюненъ представилъ схему, къ которой можно было свести всѣ системы. Надо замѣтить, что онъ имѣлъ въ виду выясненіе того, какъ измѣняется рента въ зависимости отъ разстоянія отъ рынка. Въ его сочиненіи «Уединенное Государство» предполагается, что разсматриваемое государство не находится въ сношеніяхъ съ другими государствами, обладаетъ на всемъ своемъ протяженіи одинаковой почвой и климатомъ въ центрѣ этого государства находится рынокъ. Затѣмъ онъ разсматриваетъ, какъ будутъ измѣняться системы хозяйства въ зависимости отъ разстоянія ихъ отъ рынка. Одинаковые климатъ и почва предположены для того, чтобы выяснить разницу въ системѣ хозяйства, въ зависимости не отъ климата и почвы, а только отъ разстоянія отъ рынка. Построивши государство такимъ образомъ, онъ намѣчаетъ, какія системы будутъ ближе и какія дальше отъ рынка, и какъ это отразится на рентѣ. Надо замѣтить еще, что государство круглой формы, и хозяйства расположены концентрическими кругами. Въ первомъ кругѣ этого государства—вольное хозяйство; оно даетъ продукты, которые не выдерживаютъ дальней перевязки и требуютъ обильнаго удобренія, доставляемаго изъ города; въ этомъ кругѣ мы находимъ

наприм., молочное хозяйство, продукты котораго не могутъ быть перевозимы на большихъ разстояніяхъ, причемъ надо помнить, что во времена Тюнена желѣзныя дороги не получили еще настоящаго развитія. Во второмъ кругѣ—лѣсное хозяйство: лѣсъ—не дорогой матеріалъ, но очень громоздкій. Въ дѣйствительности это расположеніе не оправдывается, ибо лѣсное хозяйство въ большинствѣ случаевъ находится въ отдаленныхъ отъ центра мѣстностяхъ, хотя это и не всегда бываетъ такъ. Тюненъ имѣлъ въ виду сухопутную перевозку, упустивъ совершенно водную. Далѣе идутъ различныя системы зернового хозяйства съ уменьшающейся степенью интенсивности по мѣрѣ удаленія отъ города, такъ что за плодоперемѣннымъ будетъ слѣдовать улучшенное зерновое, затѣмъ—трехпольное; здѣсь хотя и много поглощается перевозкой, но высокія цѣны даютъ все-таки возможность получать ренту. Въ слѣдующихъ затѣмъ кругахъ располагаются переложное хозяйство, скотоводство, но безъ молочнаго хозяйства, затѣмъ охота и рыболовство. Не трудно видѣть что въ основаніи предложенной Тюненомъ схемы лежитъ большее или меньшее разстояніе каждаго круга отъ центра. Но дѣло въ томъ, что широкое развитіе парового транспорта, достигнутое въ послѣднее время, въ очень сильной степени парализовало этотъ факторъ—разстояніе, а это подрываетъ и самое основаніе разсматриваемой схемы. Такъ, наприм., битое мясо (скотоводство въ одномъ изъ послѣднихъ круговъ у Тюнена) перевозится теперь на самыя дальнія разстоянія; сѣно прессуется, дѣлается менѣе громоздкимъ и также выдерживаетъ дальнюю перевозку и т. д.

Далѣе, если въ историческимъ развитіи различныхъ системъ замѣчается намѣченная Тюненомъ послѣдовательность отъ послѣднихъ круговъ къ центру, то въ настоящее время мы далеко не всегда наблюдаемъ такіе послѣдовательные переходы отъ одной системы къ слѣдующей. Такъ, на югѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ овцеводства, которое значительно сокращается, совершается переходъ непосредственно къ виноградству. Нельзя, однако, не указать на то, что до послѣдняго времени и въ значительной мѣрѣ еще и теперь расположеніе системъ земледѣлія въ Россіи во многомъ напоминаетъ схему Тюнена, хотя, конечно, съ отступленіями.

Прежде чѣмъ закончить этотъ отдѣлъ, въ которомъ до сихъ поръ изложена послѣдовательность въ смѣнѣ одной системы другою и дано обоснованіе этой послѣдовательности въ схемѣ Тюнена, необходимо еще дать теоретическое объясненіе отмѣченнымъ здѣсь явленіемъ и указать на ихъ особенности, характерныя для сельскаго хозяйства.

«Возможность различія въ хозяйственныхъ системахъ,—говоритъ А. И. Чупровъ, въ своей Политической Экономіи (Москва, 1892 г.) основывается на томъ, что почти каждый изъ факторовъ производства допускаетъ въ извѣстной степени замѣну дру-

гими». (Стр. 163). Далѣе онъ приводитъ примѣры замѣны дѣйствія, между прочимъ, даровыхъ силъ природы трудомъ, какъ наприм., естественнаго разведенія деревьевъ—искусственной посадкой; такихъ примѣровъ въ области сельскаго хозяйства можно привести множество. Всякая обработка земли, всякій посѣвъ представляютъ собою примѣненіе труда къ полученію извѣстныхъ продуктовъ, которые даетъ сама природа и безъ участія человѣка, но даетъ или не тамъ гдѣ человѣку нужно или не въ томъ количествѣ. Отсюда естественно, что съ ростомъ населенія на данной площади и съ связанной съ тѣмъ необходимостью добывать бо́льшее количество пищи и другихъ продуктовъ для переработки, растетъ и необходимость и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность прилагать больше труда для полученія необходимаго количества предметовъ для удовлетворенія потребностей.

Это именно и отмѣчаютъ приведенные выше факты объ условіяхъ перехода отъ одной системы земледѣлія къ другой. Этотъ же переходъ, т.-е. приложеніе бо́льшаго количества труда на той же площади земли и характеризуется болѣе усиленной обработкой земли или какъ переходъ къ болѣе интенсивной системѣ земледѣлія, а это ведетъ къ полученію съ того же пространства земли бо́льшаго количества продукта, т.-е. увеличиваетъ производительность земледѣлія. «Прочное повышеніе производительности земледѣлія требуетъ въ то же время повышенія его интенсивности *въ смыслѣ увеличенія затраты труда и капитала на единицу пространства*».(П. Б. Струве: «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. С.-Пб. 1894 г., стр. 209, курсивъ у автора).

Но мы знаемъ, что и въ обрабатывающей промышленности производительность, т.-е. увеличеніе количества производимыхъ предметовъ сопровождается усиленнымъ приложеніемъ капитала. Мало того, все развитіе обрабатывающей промышленности характеризуется все большимъ и большимъ приложеніемъ капитала. Извѣстно также, что вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и абсолютное количество рабочихъ. приводящихъ въ дѣйствіе этотъ капиталъ. Но въ то же время мы знаемъ, что тамъ увеличеніе постояннаго капитала (т.-е. машинъ, сооруженій и матеріаловъ для обработки) сопровождается относительнымъ сокращеніемъ перемѣннаго капитала или иначе говоря живого рабочаго труда. Необходимость такого относительнаго сокращенія вытекаетъ теоретически изъ условій развитія капиталистическаго производства и признается настолько прочнымъ фактомъ, что именно этимъ относительнымъ сокращеніемъ въ приложеніи живого труда, К. Марксъ объясняетъ всецѣло постепенное пониженіе процента прибыли на капиталъ, («Капит.» т. III), такъ какъ прибавочная цѣнность создается только той частью капитала, которая уплачивается рабочимъ, а эта часть съ развитіемъ производства уменьшается или что тоже уменьшается количество рабочихъ въ отношеніи ко всему капиталу, занятому въ производствѣ и слѣдовательно то же количество прибавочной стоимости относится

къ большему количеству капитала или же меньшее количество прибавочной цѣнности (при переходѣ части перемѣннаго капитала въ постоянный) относится къ тому же количеству капитала (но другого строенія); въ томъ и другомъ случаѣ получается меньшій *процентъ* прибыли.

Но что же однако изъ этого слѣдуетъ? Понижающійся процентъ прибыли, т.-е. уменьшеніе живой рабочей силы и капитала, затрачиваемаго на ея покупку *относительно* всего капитала, примѣняемаго къ производству, можетъ сопровождаться *абсолютнымъ* увеличеніемъ капитала, а слѣдовательно и абсолютнымъ увеличеніемъ живой рабочей силы, примѣняемой въ производствѣ; мало этого, оно *должно* сопровождаться такимъ увеличеніемъ, такъ какъ при капиталистическомъ производствѣ цѣль послѣдняго — созданіе прибавочной цѣнности, и, слѣдовательно, увеличеніе перемѣннаго капитала или что то же—примѣненіе бо́льшаго количества труда, что̀ достигается расширеніемъ размѣровъ производства, должно входить сознательно, какъ цѣль, въ задачу капиталиста въ видахъ препятствія пониженію процента или же и прямо стремленія повысить его. А въ такомъ случаѣ съ развитіемъ капиталистическаго производства и съ такимъ измѣненіемъ строенія капитала, которое ведетъ къ относительному уменьшенію его перемѣнной части, можетъ происходить абсолютное увеличеніе населенія, занятаго въ обрабатывающей промышленности, и въ то же время увеличеніе его относительно всего населенія.

Противъ этого послѣдняго предположенія говорятъ, однако, и факты и нѣкоторыя соображенія. «Чрезвычайное развитіе производства, вызванное примѣненіемъ машинъ... въ теченіе первой половины настоящаго столѣтія, несомнѣнно, повело къ увеличенію спроса на англійскій трудъ въ производствахъ, прямо или косвенно связанныхъ съ текстильной промышленностью. Но, во-первыхъ, это ...въ значительной мѣрѣ должно быть приписано расширенію въ площади потребленія — пріобрѣтенію обширныхъ новыхъ рынковъ... Во-вторыхъ, принимая, что *болѣе насущныя нужды болѣе широкой группы потребителей уже удовлетворены* машинными текстильными произведеніями, мы *не имѣемъ возможности предполагать, что* дальнѣйшее удешевленіе благъ... *будетъ* имѣть и *соотвѣтствующее вліяніе на потребленіе и спросъ на трудъ*. Еслибъ Англія была самоудовлетворяющейся страной, производящей только для своего собственнаго рынка, результатъ примѣненія машинъ къ текстильной промышленности, *безъ сомнѣнія, сопровождался бы чистымъ сокращеніемъ труда въ этой промышленности, сколько бы мы ни прибавляли на ростъ населенія и на увеличеніе внутренняго потребленія*.

«...Если мы обратимся къ отраслямъ промышленности, на которыя, вмѣстѣ съ транспортомъ, машины оказываютъ наиболѣе непосредственное вліяніе, мы найдемъ, что *совокупность мануфактуръ* обнаруживаетъ значительное повышеніе спроса на

трудъ до 1861 г. *), т.-е. въ періодъ, когда англійскіе товары еще удерживали за собой первенство, пріобрѣтенное ими на міровомъ рынкѣ, — но *съ 1861 г. обнаруживается положительное уменьшеніе части англійскаго населенія, занятаго въ обработывающей промышленности.*

«Процентныя отношенія до 1881 г. идутъ слѣдующимъ образомъ:

1841 г.	1851 г.	1861 г.	1871 г.	1881 г.
27,1%	*32,7%*	33,0%	*31,6%*	30,7%

«Если мы возьмемъ главныя отрасли обрабатывающей промышленности, дающія занятія *наиболѣе крупному числу рабочихъ*, мы увидимъ, что они по большей части показываютъ повышеніе спроса на трудъ до 1861 г. и *неподвижный или падающій спросъ, въ сравненіи съ населеніемъ*, послѣ этого года... Стале- и желѣзодѣлательная промышленность, которая до 1871 г. росла быстрѣе населенія, начинаетъ обнаруживать признаки паденія. Въ 1881 г. число рабочихъ на стале- и желѣзодѣлательныхъ заводахъ было 361.343, въ 1891 г. оно увеличилось до 380.183,—возрастаніе только на 5,3% сравнительно съ ростомъ населенія, равнявшимся 11,7%, и съ ростомъ числа рабочихъ вообще, равнявшимся 15,3%.

«...Волокнообрабатывающія и красильныя производства, ...обнаруживающія увеличеніе относительнаго количества рабочихъ до 1851 г.—времени, когда ткацкое производство было захвачено машинами,— начиная съ этого года, представляютъ *непрерывное и поразительное пониженіе въ долѣ занятаго труда.* Въ настоящее время въ этихъ отрасляхъ промышленности занята *значительно меньшая доля рабочихъ классовъ, чѣмъ въ 1841 г.* Производства, занятыя приготовленіемъ одежды, представляютъ тотъ же результатъ—*непрерывное уменьшеніе относительной доли рабочихъ съ 1851 г.*, хотя здѣсь цифры 1891 г. показываютъ снова слабое увеличеніе. Процентныя отношенія здѣсь представляются въ слѣдующемъ видѣ:

---

*) На это повышеніе, скажемъ мы отъ себя, кромѣ расширенія рынка путемъ сбыта англійскихъ произведеній въ болѣе далекихъ и вновь привлекаемыхъ странахъ, несомнѣнно, должно имѣть вліяніе и увеличивающееся отдѣленіе промышленности отъ земледѣлія, которое должно было вести къ сокращенію *домашняго* ткачества, и, слѣдовательно, это еще вопросъ: произошло ли увеличеніе занятыхъ въ обработывающей промышленности отъ того, что ею стало заниматься дѣйствительно большее число рукъ, или такое увеличеніе является только кажущимся и происходитъ отъ того, что не взято, — да и не могло быть взято,—въ разсчетъ все то количество рукъ, которое занималось тѣмъ же ранѣе въ свободное отъ земледѣлія зимнее время. Во всякомъ случаѣ, если имѣть это въ виду, — а упускать этого изъ виду никакъ не слѣдуетъ,—то необходимо признать, что процентъ занятыхъ обработывающей промышленностью росъ не такъ сильно, какъ то принимаютъ обыкновенно, забывая, что и раньше люди одѣвались и слѣдовательно и пряли и ткали, только эти ихъ занятія не регистровали отдѣльно, относя ихъ всѣ къ „сельскимъ“ (земледѣльческимъ) занятіямъ.

	1841 г.	1851 г.	1861 г.	1871 г.	1881 г.	1891 г.
Обработка волокна и красильн. производство	9,1%	*11,1%*	*10,2%*	9,3%	8,2%	7,6%
Одежда	7,8%	*10,3%*	*9,8%*	8,5%	*8,1%*	8,3%

«*Невозможность для спроса на трудъ итти параллельно въ своемъ ростъ съ ростомъ населенія въ главныхъ отрасляхъ прядильнаго и ткацкаго производства* выразительно отмѣчена Эллисономъ (Cotton Trade of Great Britain, стр. 74). Сравнивая 1850 съ 1878 г., онъ говоритъ: на прядильныхъ фабрикахъ произошло увеличеніе почти на *189%* въ числѣ веретенъ, но только на *63%* въ количествѣ рабочихъ рукъ, и на ткацкихъ фабрикахъ увеличеніе на *360%* въ числѣ станковъ и только на 253% въ числѣ рабочихъ. Это, несомнѣнно, показываетъ, что машины становятся все болѣе и болѣе автоматичными и саморегулирующимися, т.-е. нуждающимися въ наблюденіи за собой относительно меньшаго количества рабочихъ. Если присовокупить вспомогательныя отрасли волокнообрабатывающей промышленности, то указанные результаты въ томъ же направленіи окажутся еще болѣе рѣшительными:

	Число веретенъ.	Число ткацк. станковъ.	Число рабочихъ.
1850 . . .	20.977.817	249.627	330.924
1878 . . .	44.206.699	514.911	482.803 *).

«Болѣе новыя статистическія данныя показываютъ что *относительное уменьшеніе* количества рабочихъ въ волокнообрабатывающей промышленности, замѣтное съ 1851 г., *дѣлается абсолютнымъ уменьшеніемъ* послѣ 1871 г., хотя статистическія свѣдѣнія 1891 г. обнаруживаютъ опять нѣкоторое возрастаніе. (Въ 1841 г. 618.509, въ 1871 г. *970.000*, въ 1881 г. *962.000*, въ 1891 г. 1.016.100.—Это увеличеніе съ 1881 г. объясняется главнымъ образомъ *лихорадочнымъ* развитіемъ и *перепроизводствомъ* хлопчатобумажной промышленности).

«...Въ производствѣ обуви, гдѣ произошло значительное увеличеніе примѣненія машинъ, было *не только относительное, но и абсолютное пониженіе количества занятаго труда въ тридцатилѣтіе*, слѣдовавшее за 1861 г., хотя перепись 1891 г. снова даетъ *абсолютныя* числа рабочихъ, занятыхъ приготовленіемъ обуви нѣсколько выше уровня 1851 г.

«...Изъ вышеуказанныхъ фактовъ могутъ быть сдѣланы два заключенія относительно непосредственнаго вліянія машинъ. Первое, что, поскольку дѣло идетъ *о промышленности вообще*, прямымъ *послѣдствіемъ* увеличившагося примѣненія машинъ *не было побужденіе увеличивать спросъ на трудъ* въ этихъ

*) Какъ видимъ, увеличеніе въ числѣ рабочихъ менѣе значительно, чѣмъ въ числѣ орудій. въ послѣднихъ — слишкомъ вдвое, а рабочихъ менѣе чѣмъ на половину.

производствахъ соразмѣрно съ ростомъ рабочаго населенія. Второе, что увеличившееся пропорціонально количество мануфактурнаго населенія занимается или въ тѣхъ отрасляхъ крупныхъ производствъ, гдѣ менѣе всего употребляются машины, или въ болѣе мелкихъ производствахъ, которыя либо являются дополнительными къ болѣе крупнымъ производствамъ, либо занимаются изготовленіемъ разнообразныхъ предметовъ роскоши и комфорта.

«...Статистика Франціи за послѣднюю половину столѣтія обнаруживаетъ ту же самую тенденцію относительно количества занятаго труда, хотя эта тенденція и дѣйствуетъ здѣсь съ меньшею правильностью.

«Здѣсь имѣется ...тоже пропорціональное сокращеніе занятыхъ въ обработывающей промышленности... Слѣдующія процентныя отношенія указываютъ эти движенія во Франціи:

	1856 г.	1861 г	1866 г.	1872 г.	1876 г.	1881 г	1886 г.
Промышленные классы .	29,1%	27,4%	*28,8%*	24,1%	25,9%	25,6%	*25,2%*

«Эти факты и цифры, кажется, приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

«I. Что вмѣстѣ съ увеличеніемъ примѣненія машинъ къ волокнообрабатывающимъ и другимъ *главнѣйшимъ* видамъ промышленности въ этихъ отрасляхъ произошло *уменьшеніе занятаго труда сравнительно съ ростомъ рабочаго населенія*....

«Итакъ, поскольку статистика занятій дастъ правильную регистрацію вліянія машинъ на спросъ на рабочую силу мы пришли къ заключенію, что *непосредственное вліяніе машинъ выражается въ уменьшеніи рабочихъ* въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ прямо входятъ машины, и въ увеличеніи спроса въ тѣхъ отрасляхъ, на которыя машины дѣйствуютъ слабо или косвенно. Если это справедливо относительно Англіи, которая, первая выступивъ въ развитіи фабричной системы, въ большей мѣрѣ, чѣмъ какая-либо иная страна, спеціализировалась на обрабатывающей промышленности, то вѣроятно, что и во всемъ промышленномъ мірѣ непосредственное послѣдствіе машинъ для спроса на трудъ выразилось въ скопленіи большей части населенія въ тѣ отрасли промышленности, въ которыя еще не проникла прямо машина. Это общее заключеніе, однако, за отсутствіемъ точныхъ статистическихъ изслѣдованій, можетъ быть принято только за вѣроятное» (*Гобсонъ*: «Эволюція современнаго капитализма». Ярославль, 1898 г., стр. 273—283. Курсивъ вездѣ нашъ).

Какъ видимъ, авторъ очень остороженъ въ своихъ заключеніяхъ, хотя приводитъ рядъ цифръ, свидѣтельствующихъ не только объ относительномъ, но нерѣдко и абсолютномъ уменьшеніи рабочихъ въ *главнѣйшихъ* отрасляхъ обработывающей промышленности, а по отношенію къ Франціи ко всей промышленности въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Ниже мы приведемъ рядъ соображеній, которыя съ убѣдительностью говорятъ за необходимость при развивающейся капитализаціи относительнаго уменьшенія спроса на живую рабочую силу, а теперь приведемъ еще рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о результатахъ примѣненія машинъ, вызывающаго сокращеніе спроса на трудъ въ такихъ предѣлахъ, которые прямо-таки не допускаютъ дальнѣйшаго увеличенія этого спроса въ той же пропорціи, какъ растетъ населеніе, и потому неминуемо должно вести къ сокращенію относительнаго числа рабочихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы выше видѣли изъ данныхъ, приводимыхъ Гобсономъ. что въ обработкѣ волокна, т.-е. тканей, идущихъ главнымъ образомъ на одѣянія, и затѣмъ въ приготовленіи одежды произошло весьма замѣтное сокращеніе относительнаго числа рабочихъ (съ 11_{11},% до $7_{,6}$% и съ $10_{,3}$% до $8_{,3}$%); мало того, тотъ же Гобсонъ, какъ указано выше, отмѣчаетъ, что въ волокнообработывающей промышленности съ 1871 г. происходитъ не только относительное, но и *абсолютное* уменьшеніе рабочихъ, и абсолютное ихъ увеличеніе (но относительное уменьшеніе) къ 1891 году объясняется перепроизводствомъ, т.-е эта абсолютно (но не относительно) бо́льшая затрата труда тотчасъ же и сказалась излишкомъ произведенныхъ предметовъ, что́ конечно, не способствовало увеличенію прибыли и тѣмъ самымъ обнаружило несоотвѣтствіе интересамъ капитала этого увеличенія въ приложеніи живой рабочей силы. А между тѣмъ именно они, т.-е. интересы капитала, опредѣляютъ при капиталистическомъ способѣ производства и направленіе послѣдняго, и спросъ на рабочія силы.

Если мы вдумаемся теперь въ условія спроса на предметы одѣянія, то намъ станетъ понятнымъ, что примѣненіе машинъ именно къ производству предметовъ одѣянія должно отразиться *навсегда* выдѣленіемъ меньшей части рабочихъ на этотъ родъ занятій. Какъ бы ни удешевлялось пропзводство предметовъ одѣянія, какъ бы ни увеличивалась легкость пріобрѣтенія ихъ, люди не станутъ увеличивать количество предметовъ одѣянія далѣе извѣстныхъ—и довольно ограниченныхъ хотя бы уже въ силу требованій моды—предѣловъ. Поэтому понятно, что какъ скоро преобладаніе Англіи въ снабженіи этими предметами всемірнаго рынка пало, такъ наступилъ предѣлъ абсолютному увеличенію производства ихъ сверхъ потребностей населенія, оставшагося для ея рынка. Рядомъ съ этимъ (не говорю—одновременно) долженъ былъ наступить и другой предѣлъ: удешевленіе предметовъ одѣянія должно было, конечно, постепенно вести къ отмѣнѣ дѣдовскихъ обычаевъ, при которыхъ костюмы переходили по наслѣдству и нерѣдко облекали плечи не одного поколѣнія. Открылся просторъ слѣдованію за модой и перемѣнѣ костюма даже нѣсколько разъ въ годъ; пока шло распространеніе этого новаго обычая, былъ полный просторъ увеличенію и абсолютнаго и относительнаго числа занятыхъ изготовленіемъ

одежды рабочихъ; но затѣмъ, когда этотъ обычай уже распространился и сталъ всеобщимъ, — очевидно число рабочихъ для приготовленія одежды и предметовъ ея можетъ возрастать лишь параллельно съ ростомъ населенія и, слѣдовательно, увеличиваясь абсолютно, не увеличиваться относительно. Но примѣненіе машинъ, сокращающее сразу въ нѣсколько разъ потребность въ рабочихъ для изготовленія *того же* количества товара, конечно, при этихъ условіяхъ должно сократить и абсолютное и относительное число ихъ, и притомъ такъ, что относительное число ихъ никогда не поднимется до прежней цифры, и въ связи съ примѣненіемъ новыхъ усовершенствованій въ машинахъ должно сокращаться.

Насколько же продолжаютъ улучшенія въ машинахъ сокращать до настоящаго времени спросъ на рабочихъ, объ этомъ довольно ярко говорятъ факты, приводимые Шульце-Гевернитцемъ относительно именно хлопчатобумажной промышленности въ Англіи. «Прогрессъ сводился ...къ уменьшенію числа рабочихъ на каждую машину... Каждый работникъ имѣетъ подъ своимъ наблюденіемъ въ настоящее время *вдвое,* даже почти *втрое* больше машинъ, чѣмъ его отецъ; количество *машинъ* съ тѣхъ поръ болѣе чѣмъ *упятерилось,* число же *работниковъ не вполнѣ удвоилось*». («Крупное производство». Переводъ подъ ред. П. Б. Струве. С.-Пб. 1897 г., стр. 122. Курсивъ нашъ). «За періодъ съ 1856 по 1885 г. число веретенъ возросло на $58,_6{}^0/_0$, механическихъ станковъ на $87,_5{}^0/_0$, а число рабочихъ только на $32,_8{}^0/_0$» (тамъ же, стр. 123). Тамъ, гдѣ въ 30-хъ годахъ нужно было 653 работника, теперь только 163, т.-е. ровно вчетверо меньше (тамъ же, стр. 127). Еще сильнѣе говоритъ за сокращеніе спроса на трудъ съ примѣненіемъ улучшеній тотъ фактъ, что въ мѣстностяхъ Германіи съ болѣе отсталой промышленностью одинъ надсмотрщикъ приходится на 3—4.000 веретенъ, въ Англіи же на 60—80.000 веретенъ (тамъ же, стр. 133). Итакъ, здѣсь уже одно различіе въ примѣняемыхъ машинахъ требуетъ въ *20 разъ* меньше рабочихъ; сравнительно же съ ручнымъ трудомъ по меньшей мѣрѣ (предполагая ту же скорость, тогда какъ при машинѣ и послѣдня выше)— это дѣлаетъ разницу въ 80 т. разъ. Такъ можетъ ли возрасти во столько разъ потребность въ предметахъ одѣянія, а въ такомъ случаѣ несомнѣнно относительный спросъ на рабочихъ для этихъ занятій долженъ навсегда упасть! Но и въ ткацкомъ «*одинъ* ткачъ на механическомъ станкѣ производитъ столько же, сколько *40 хорошихъ* ручныхъ ткачей» (тамъ же, стр. 144—145). Еще лучше иллюстрируется это тѣмъ фактомъ, что въ 1819—21 гг. общая сумма производившихся въ Англіи хлопчатобумажныхъ тканей опредѣлялась въ 80 м. фунтовъ при 250 т. рабочихъ, а въ 1880—82 гг. въ $993^1/_2$ м. фунтовъ, т.-е. возросла почти въ 12 разъ, а число рабочихъ уменьшилось абсолютно: это количество фунтовъ производилось не бо́льшимъ, а меньшимъ числомъ рабочихъ—246 тысячами. Годовая производительность

1 рабочаго дня 1819—21 гг. опредѣлялась въ 322 фунта, а теперь въ 4.039 фунтовъ (тамъ же, стр. 152). Эти факты врядъ ли позволяютъ предположить, чтобы потребность въ тканяхъ могла возрастать при данномъ рынкѣ или что тоже у даннаго населенія въ такихъ предѣлахъ, чтобы для удовлетворенія ея могло потребоваться относительное увеличеніе рабочихъ при современныхъ техническихъ усовершенствованіяхъ, которыя мы, однако, не имѣемъ основаній считать законченными и не идущими впередъ.

Еще понятнѣе станетъ намъ необходимость относительно пониженія въ числѣ рабочихъ по нѣкоторымъ отраслямъ занятій, если имѣть въ виду то абсолютное сокращеніе въ запросѣ на нѣкоторые виды труда, которое не сопровождается и не можетъ сопровождаться такимъ же повышеніемъ на издѣлія этихъ видовъ труда. Тотъ же Гобсонъ, на котораго мы такъ много ссылались немного выше, указываетъ, что «въ производствѣ обуви *одинъ* человѣкъ можетъ совершить работу, для которой употреблялось *пять*» («Эволюція» и т. д. стр. 270). На этомъ фактѣ стóитъ тоже остановиться: Если имѣть въ виду, что такое усовершенствованіе, сокращающее впятеро трудъ, потребный на изготовленіе обуви, примѣняется въ странѣ, гдѣ лапти и т. п. обувь давно уже отошли въ область преданія и существуетъ всеобщее употребленіе кожаной обуви, то очевидно, что сокращеніе впятеро труда, потребнаго на изготовленіе ея, не можетъ повысить впятеро ея потребленіе, такъ какъ отъ этого обувь не станетъ быстрѣе изнашиваться; мода же и т. п. здѣсь не можетъ имѣть такого примѣненія, какъ въ одеждѣ, а потому здѣсь нѣтъ и этого условія для повышенія спроса, хотя бы временнаго. Такимъ образомъ, обычно приводимое соображеніе, что примѣненіе машинъ, удешевляя цѣны продуктовъ, вызываетъ расширенное потребленіе и слѣдовательно ведетъ затѣмъ къ увеличенному спросу на рабочую силу, не можетъ имѣть всеобщаго приложенія и кромѣ того этой тенденціи противодѣйствуютъ дальнѣйшія усовершенствованія, ведущія опять-таки къ сокращенію спроса на трудъ. Послѣднее соображеніе тѣмъ болѣе справедливо, что приведенные факты о сокращеніи труда относятся по преимуществу къ послѣднему времени и слѣдовательно характеризуютъ не то массовое сокращеніе труда, къ которому вели машины, при ихъ первоначальномъ введеніи. А между тѣмъ и теперь, какъ видимъ, отъ новыхъ усовершенствованій въ машинахъ сокращается спросъ на трудъ тоже не на единицы. «Въ производствѣ земледѣльческихъ орудій 600 человѣкъ дѣлаютъ теперь то дѣло, для котораго 15—20 л. тому назадъ требовалось 2.145, такъ что 1.515 сдѣлались излишними». «Доказано, что употребленіе парового молота сдѣлало не нужными *9* человѣкъ изъ 10 потребныхъ раньше, что съ помощью *новѣйшихъ* машинъ *одинъ* человѣкъ можетъ сдѣлать столько же бутылокъ, сколько раньше дѣлали 6 человѣкъ (Гобсонъ: «Эволюція» и т. д. стр. 270).

Что все это дѣйствительно должно вести къ сокращенію спроса на трудъ, рядомъ съ расширеніемъ въ такой же пропорціи предложенія труда, явствуетъ изъ того, что даже и то сокращеніе въ запросѣ на трудъ, которое характеризовано приведенными раньше статистическими данными, все-таки неспособно при этихъ усовершенствованіяхъ остановить перепроизводства. Отчетъ большинства англійской «Commission on the Depression of Trade and Industry» (Коммиссіи по поводу угнетеннаго состоянія (кризиса) торговли и промышленности) говоритъ: «перепроизводство было однимъ изъ *важнѣйшихъ* явленій въ ходѣ промышленности въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, и кризисъ, который мы теперь испытываемъ, можетъ быть отчасти объясненъ этимъ фактомъ». Меньшинство же коммиссіи указываетъ, что «*спросъ на товары не возрастаетъ въ томъ же размѣрѣ, какъ прежде*, и наша *способность къ производству* вслѣдствіе этого оказывается *выше* спроса нашей внутренней и внѣшней торговли, а между тѣмъ *она могла бы еще значительно увеличиться въ короткій срокъ* при полномъ употребленіи труда и средствъ производства, теперь отчасти *бездѣйствующихъ* (курсивъ нашъ). «Производство растетъ быстрѣе потребленія». «Этимъ путемъ (употребленіемъ машинъ) только и возможно объяснить,—говоритъ Д. Уэльсъ,—то обстоятельство, что предложеніе важнѣйшихъ предметовъ и орудій мірового потребленія и торговли увеличились за послѣднія 12 или 15 лѣтъ въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ одновременное увеличеніе народонаселенія міра или его непосредственной способности потребленія». «Не должно забывать—замѣчаетъ по этому поводу Гобсонъ,—что въ *послѣднее поколѣніе* было сдѣлано множество открытій почти во всѣхъ главныхъ отрасляхъ промышленной техники, вызвавшихъ чрезвычайный прогрессъ производительной силы». Во многихъ отрасляхъ (обои, мыло, кожа, оловянныя кружки т. д.) увеличеніе механической производительности передъ ручной составляло отъ 50 до 300% и болѣе, въ фабрикаціи машинъ отъ 25 до 40%, въ производствѣ металлическихъ издѣлій на 33⅓%, въ постройкѣ судовъ сокращеніе труда выражается въ отношеніи 4 или 5 къ 1 и т. д. (тамъ же, стр. 207—209).

Приведенные факты съ достаточной рельефностью говорятъ за то, что въ дѣйствительности происходитъ такое сокращеніе труда во многихъ отрасляхъ обрабатывающей промышленности, которое не можетъ возмѣщаться ростомъ спроса на трудъ въ зависимости отъ расширенія потребностей. Въ виду приведенныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, насколько машины сокращаютъ спросъ на трудъ или, что въ данномъ случаѣ то же, повышаютъ его производительность, приходится признать, что еслибы мы предположили, что потребности возросли вдвое или даже и втрое противъ существующихъ, то и тогда *при полномъ примѣненіи машинъ* послѣдовало бы не увеличеніе, а сокращеніе спроса на трудъ въ обрабатывающей промышленности. На основаніи тщательныхъ изслѣдованій G. Losch приходитъ

къ заключенію, что еслибы производство въ Германіи стояло повсюду на высотѣ своременной (только еще современной) техники, то можно было бы, не увеличивая количества труда, поднять его по крайней мѣрѣ на 29% («Nationale Producktion und nationale Berufsgliederung. Leipzig. 1892, 267).

При этомъ необходимо, однако, оговориться, что, приводя статистическія данныя, мы брали лишь рабочихъ, занятыхъ въ обрабатывающей промышленности. Если взять процентъ рабочихъ, занятыхъ въ торговлѣ и перевозкѣ, то получимъ вездѣ возрастающій процентъ. Но, въ виду концентраціи, происходящей въ сферѣ торговли, въ виду развитія средствъ сообщенія, ихъ быстроты, въ виду болѣе полной организаціи различныхъ средствъ сношенія, мы должны ожидать, что это увеличеніе представляетъ тамъ такой же временный процессъ, какое представляло и увеличеніе рабочихъ въ обработывающей промышленности въ Англіи до 1861 г. Въ данномъ случаѣ приходится сказать то же, что и относительно обрабатывающей промышленности, что тенденція капиталистическаго развитія должна выражаться въ сокращеніи спроса на трудъ, хотя фактически въ силу разныхъ условій дѣйствительности, эта тенденція въ томъ или другомъ случаѣ, въ то или другое время можетъ не проявиться, какъ это и видно было по отношенію къ Англіи, наприм., въ однихъ отрасляхъ производства до 1861 г., въ другихъ позднѣе, въ третьихъ съ различными колебаніями. Теоретически же, въ пользу такой тенденціи въ обработывающей промышленности, говоритъ цѣлый рядъ основаній, настолько не опровержимыхъ, что еслибы, въ подтвержденіе этого положенія, не было приведено ни одного фактическаго даннаго, то это говорило бы не противъ существованія такого закона, а лишь свидѣтельствовало бы о томъ, что противодѣйствующія теченія еще не побѣждены. Эти противодѣйствующія теченія отчасти уже намѣчены въ предыдущемъ, а затѣмъ мы ихъ отмѣтимъ ниже, послѣ изложенія теоретическихъ основаній въ пользу необходимости сокращенія труда въ обработывающей промышленности, на чемъ и остановимся теперь. Еще Ад. Смитъ сказалъ: «Тѣ же самыя причины, которыя ведутъ къ повышенію рабочей платы, именно приростъ капитала, способствуютъ повышенію производительной способности труда,—тому, что *меньшее количество труда* въ состояніи произвести большее количество продуктовъ». «Общественная степень производительности труда, говоритъ К. Марксъ, выражается въ относительномъ количествѣ средствъ производства, которыя рабочій въ данное время, при томъ же напряженіи рабочей силы, обращаетъ въ продуктъ. Возрастаніе производительности труда, слѣдовательно проявляется *въ уменьшеніи количества труда* сравнительно съ количествомъ средствъ производства»... «Законъ *прогрессивнаго возрастанія постояннаго капитала сравнительно съ перемѣннымъ* подтверждается на каждомъ шагу», а это только и можетъ означать, что съ увеличеніемъ капитализаціи долженъ падать спросъ на трудъ,

такъ какъ «техническое строеніе капитала постоянно измѣняется, причемъ перемѣнная его часть (т.-е. капиталъ предназначенный на оплату рабочей силы) сравнительно съ постоянной становится все меньше и меньше»... «И между тѣмъ какъ сосредоточиваніе усиливаетъ и ускоряетъ такимъ образомъ дѣйствіе накопленія, то и другое въ то же время расширяетъ и ускоряетъ преобразованіе техническаго строенія капитала, вслѣдствіе чего увеличивается постоянная его часть на счетъ перемѣнной, а потому *относительно уменьшается спросъ на трудъ*». Однако это ведетъ къ лишь уменьшенію спроса на трудъ относительно капитала, но самъ капиталъ увеличивается, а потому уменьшеніе спроса на трудъ относительно капитала можетъ сопровождаться увеличиваніемъ его относительно населенія. Нѣтъ и этого не происходитъ: «такъ какъ запросъ на трудъ опредѣляется *не* размѣромъ *всего* капитала, *а* размѣромъ его *перемѣнной* части, то, слѣдовательно, онъ *прогрессивно падаетъ* съ возрастаніемъ всего капитала, а не возрастаетъ, какъ предполагалось прежде. Онъ падаетъ сравнительно съ величиной капитала и притомъ *въ ускоренной прогрессіи* съ возрастаніемъ этой величины. Съ возрастаніемъ всего капитала хотя и увеличивается перемѣнная его частъ или соотвѣтствующая ей рабочая сила, но увеличивается *въ постоянно убывающемъ соотношеніи. Періоды,* въ теченіе которыхъ накопленіе дѣйствуетъ какъ простое расширеніе производства на данномъ техническомъ основаніи, *укорачиваются*. Мало того, что требуется ускореніе накопленія всего капитала въ возрастающей прогрессіи, для того, чтобы поглотить извѣстный приростъ числа рабочихъ, или даже для того, чтобы дать работу *уже имѣвшимъ ее прежде*, но потерявшимъ ее вслѣдствіе постояннаго преобразованія прежняго, уже дѣйствующаго капитала. Но это еще возрастаніе накопленія и сосредоточенія, въ свою очередь, обращается въ источникъ новаго измѣненія строенія капитала, новаго уменьшенія перемѣнной части, въ сравненіи съ постоянной... Само капиталистическое накопленіе постоянно производитъ, и притомъ пропорціонально своей собственной энергіи и своему размѣру, *относительный излишекъ рабочаго населенія* или излишекъ, въ сравненіи съ среднею степенью потребности самовозрастанія капитала,—словомъ производитъ перенаселеніе... Во всѣхъ отрасляхъ возрастаніе перемѣнной части капитала, а слѣдовательно и числа рабочихъ, имѣющихъ занятіе, всегда сопряжено съ сильными колебаніями и временнымъ *возникновеніемъ перенаселенія,* то въ видѣ бросающагося въ глаза *лишенія занятій работниковъ уже имѣющихъ его*, то въ менѣе замѣтной, но не менѣе дѣйствительной формѣ поглощенія добавочнаго рабочаго населенія его *обыкновенными отводными каналами*... Перепись въ Англіи и Уэльсѣ, между прочимъ, показываетъ... Всѣхъ лицъ въ шерстяномъ производствѣ—въ 1851 г. 102.714, въ 1861 г.—79.242. На шелковыхъ фабрикахъ въ 1851 г. 111.940, въ 1861 г. 101.678. На ситцепечатняхъ: въ 1851 г. работало 12.098, въ 1861 году—

12.556; такое ничтожное увеличеніе, несмотря на гигантское расширеніе дѣла, зависитъ отъ громаднаго *относительнаго уменьшенія* числа занимающихся работниковъ. Шляпочниковъ въ 1851 г. было 16.957, въ 1861 году—13.814 и т. д... Такимъ образомъ, производя накопленіе капитала, рабочее населеніе производитъ въ тоже время возрастающій относительный избытокъ самого себя». («Капиталъ», т. I гл. 23, «Общій законъ капиталистическаго накопленія»).

Это должно быть такъ даже и тогда, когда происходитъ приростъ перемѣннаго капитала, такъ какъ онъ не обозначаетъ непремѣнно и соотвѣтственное увеличеніе спроса на трудъ. «Приростъ перемѣннаго капитала становится показателемъ большаго труда, а не большаго числа работниковъ. Каждый капиталистъ имѣетъ положительную выгоду въ томъ, чтобы опредѣленное количество труда извлекалось изъ возможно меньшаго числа работниковъ, а не изъ большого, если издержки приблизительно одинаковы.... Средства производства, увеличиваясь въ своемъ размѣрѣ и силѣ, даютъ занятіе *меньшему* числу работниковъ; но и это *уменьшеніе усиливается* въ свою очередь вслѣдствіе того, что капиталъ, по мѣрѣ возрастанія производительной силы труда, быстрѣе увеличиваетъ свое предложеніе труда, чѣмъ свой запросъ на работниковъ... Освобождаются не только тѣ рабочіе, которыхъ непосредственно вытѣснила машина, но также и послѣдующіе ихъ замѣстители, *подрастающее поколѣніе,* равно какъ и тотъ добавочный контингентъ, который поглотился бы при обычайномъ расширеніи дѣла на *его прежнемъ техническомъ основаніи... Механизмъ капиталистическаго производства* уже самъ заботится о томъ, чтобъ абсолютный приростъ капитала *не сопровождался* соотвѣтствующимъ *общимъ повышеніемъ запроса на на трудъ*» (тамъ же).

Всѣ приведенныя теоретическія основанія для относительнаго уменьшенія спроса на трудъ съ развитіемъ обрабатывающей промышленности выясняютъ общій законъ капиталистическаго накопленія, который въ свою очередь есть видоизмѣненіе на капиталистической почвѣ того закона, «по которому постоянно возрастающее количество средствъ производства, благодаря развитію производительной силы общественнаго труда, можетъ быть приведено въ дѣйствіе прогрессивно уменьшающеюся тратой человѣческой рабочей силы» (тамъ же), къ чему, какъ извѣстно, и направлены всѣ техническія улучшенія и изъ чего бы должно было вытекать облегченіе и сокращеніе человѣческаго труда. На капиталистической же почвѣ, какъ извѣстно, это ведетъ къ отягощенію непосильной работой однихъ, что отражается еще меньшимъ спросомъ на количество рабочихъ рукъ, въ силу чего и происходитъ еще усиленное сокращеніе числа занятыхъ въ обрабатывающей промышленности. «То же самое развитіе производительной силы общественнаго труда, тѣ же самые законы, которые выражаются въ относительномъ уменьшеніи перемѣннаго капитала сравнительно со всѣмъ капиталомъ... то же

самое развитіе выражается, не зависимо отъ случайныхъ колебаній, *въ прогрессирующемъ* уменьшеніи *всей прилагаемой* рабочей силы... Соразмѣрно съ развитіемъ капиталистическаго производства развивается возможность появленія относительнаго излишняго рабочаго населенія, не потому, что *уменьшается* (курсивъ у автора) производительная сила общественнаго труда, но потому, что она *увеличивается* (курсивъ у автора), т.-е. не вслѣдствіе абсолютнаго несоотвѣтствія между трудомъ и средствами существованія или средствами производства этихъ средствъ существованія, а вслѣдствіе несоотвѣтствія, возникающаго изъ капиталистической эксплоатаціи труда,—несоотвѣтствія между прогрессивнымъ ростомъ капитала и *относительнымъ уменьшеніемъ его потребности въ возрастающемъ населеніи*» («Капиталъ», т. III, стр. 168 и 170).

Послѣ всего приведеннаго, думается намъ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ что съ ростомъ и развитіемъ капиталистическаго производства въ обработывающей промышленности должно происходить относительное уменьшеніе спроса на трудъ и количества занятаго въ обработывающей промышленности населенія. Это законъ возрастанія производительности труда,—возрастанія, совершающагося быстрѣе роста потребностей, а при капиталистической организаціи еще быстрѣе, вслѣдствіе какъ задержки въ ростѣ потребностей, такъ и вслѣдствіе заинтересованности капитала—въ увеличенномъ приложеніи труда, сопровождающемся уменьшеніемъ въ количествѣ рукъ, прилагающихъ этотъ трудъ.

Если же однако фактически еще не замѣчается такое сокращеніе и даже происходитъ возрастаніе населенія занятаго обработывающею промышленностью, то это происходитъ не въ силу отмѣченнаго закона, а вопреки его вліянію, вслѣдствіе еще продолжающагося пріобрѣтенія новыхъ рынковъ, вслѣдствіе болѣе быстраго образованія избыточнаго населенія, что ведетъ къ паденію цѣны рабочей силы—ниже ея стоимости, вслѣдствіе чего происходитъ задержка въ примѣненіи техническихъ усовершенствованій, сокращающихъ спросъ на трудъ *). Кромѣ того, какъ

*) „Машины служатъ до тѣхъ поръ средствомъ удешевленія продукта, пока на ихъ собственное производство тратится труда менѣе того, который вытѣсняется ихъ приложеніемъ. Для капиталиста же предѣлы эти еще болѣе ограничены: такъ какъ онъ оплачиваетъ не употребленный трудъ, а стоимость употребленной рабочей силы, то приложеніе машинъ для него ограничивается разницей между стоимостью машины и стоимостью замѣщаемой ею рабочей силы. Такъ какъ дѣленіе рабочаго дня на необходимый трудъ и прибавочный трудъ можетъ быть—въ различныхъ странахъ, или въ одной и той же странѣ въ различные періоды, или въ различныхъ отрасляхъ труда въ теченіе того же самаго періода—крайне различно; такъ какъ, далѣе, дѣйствительная заработная плата иногда понижается ниже стоимости рабочей силы, иногда же бываетъ выше ея,—то и разница между цѣной машины и цѣной рабочей силы, замѣщаемой ею, можетъ сильно колебаться даже въ томъ случаѣ, когда разница между количествомъ труда, необходимымъ для производства машины, и всѣмъ количествомъ замѣщаемаго ею труда—не измѣняется. (Поэтому въ общинномъ хозяйствѣ область приложенія машинъ несравненно шире, чѣмъ въ капитали-

это видно изъ послѣдняго примѣра въ только-что сдѣланномъ подстрочномъ примѣчаніи, тутъ можетъ вліять и законодательство. И несомнѣнно, что многія постановленія фабричнаго законодательства, ограничивающія ночной трудъ, примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда, ограничивающія прямо величину рабочаго дня или ведущія къ тому, если вліяютъ съ одной стороны на болѣе быстрое примѣненіе машинъ или введеніе тѣхъ или иныхъ усовершенствованій, что ведетъ къ сокращенію спроса на трудъ, въ то же время, уменьшая степень эксплоатаціи занятыхъ рабочихъ, вызываютъ увеличеніе спроса на трудъ и такимъ образомъ такъ же дѣйствуютъ въ направленіи противоположномъ дѣйствію закона возрастающей производительности труда. Всѣмъ этимъ и объясняется то обстоятельство, что не во всѣхъ отрасляхъ производства и не повсюду еще развитіе обрабатывающей промышленности сопровождается фактически сокращеніемъ числа лицъ занятыхъ ею, какъ то должно бы быть согласно основной тенденціи развитія производительныхъ силъ.

Имѣя въ виду дѣйствіе этой основной тенденціи, намъ должно быть совершенно понятнымъ, что въ Россіи въ крупной, фабричной обрабатывающей промышленности должно ожидать скорѣе сокращенія спроса на трудъ, нежели его расширенія. Съ одной стороны—наша крупная промышленность находится еще въ періодѣ ея скорѣе первоначальнаго развитія, поэтому надо ожидать, что подобно Англіи здѣсь долженъ происходить ростъ не только абсолютнаго, но и относительнаго числа рабочихъ; въ тоже время при описанной выше недостаточности надѣловъ при необходимости искать заработка для массы населенія, паденіе цѣны рабочей силы ниже ея стоимости должно бы казалось, представлять собою такое обычное явленіе, что согласно приведенному передъ симъ подстрочному примѣчанію, широкое примѣненіе машинъ является для капитала невыгоднымъ, а потому тоже не должно бы происходить сокращенія въ спросѣ на трудъ. Наконецъ, вліяніе покровительственнаго тарифа, не только ограничивающаго, но совершенно почти устраняющаго конкурренцію другихъ странъ также не составляетъ обстоятельства

стическомъ.) Для самого же капиталиста издержки производства товара опредѣляетъ только первая разница, и только она давленіемъ конкурренціи вліяетъ на его дѣйствія. Такъ, въ Англіи изобрѣтаются теперь машины, примѣнять которыя можетъ С. Америка. Самыя машины производятъ въ странахъ старой цивилизаціи своимъ примѣненіемъ къ какой-нибудь отрасли промышленности такой избытокъ труда въ другихъ отрасляхъ, что здѣсь паденіе рабочей платы ниже стоимости рабочей силы препятствуетъ употребленію машинъ и дѣлаетъ ихъ введеніе излишнимъ, часто даже невозможнымъ, съ точки зрѣнія капиталиста, прибыль котораго къ тому же возникаетъ не отъ прилагаемаго, а отъ оплачиваемаго труда... До запрещенія работы женщинъ и дѣтей моложе 10 лѣтъ въ рудникахъ капиталъ находилъ до такой степени согласнымъ съ своимъ нравственнымъ кодексомъ, а главное со своими бухгалтерскими книгами,—заставлять работать голыхъ женщинъ и дѣвочекъ, часто въ перемежку съ мужчинами, въ угольныхъ и другихъ копяхъ, что только послѣ запрещенія ихъ замѣнили, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, машины. („Капиталъ“, I, гл. 13, отд. 2).

благопріятствующаго особенно быстрому ходу въ примѣненіи техническихъ усовершенствованій. Все это вмѣстѣ взятое должно бы, казалось, при несомнѣнномъ идущемъ впередъ развитіи у насъ капитализма, вести къ такому увеличенію населенія, занятаго на фабрикахъ, которое должно бы идти быстрѣе прироста населенія. Но противъ справедливости такого предположенія говорятъ слѣдующіе факты. Мы не только не имѣемъ того преобладанія на всемірномъ рынкѣ, которое по словамъ Гобсона, обусловливало ростъ рабочихъ до 1861 г. въ Англіи, но должны даже защищать для нашего капитализма внутренній рынокъ отъ иностраннаго соперничества, слѣдовательно весьма далеки отъ того расширенія рынка, которое имѣла Англія. Во-вторыхъ—при крайне низкомъ уровнѣ потребностей нашего населенія, паденіе цѣны рабочей силы ниже ея обычной стоимости у насъ врядъ ли возможно; но кромѣ того, этому противодѣйствуетъ и широкая возможность для населенія при недостаточности надѣловъ арендовать землю, въ чемъ, какъ мы видѣли, ему такъ охотно способствуютъ крупные землевладѣльцы. Но въ то же время низкій уровень потребностей населенія и низкій уровень производительности его земледѣльческаго труда при отсутствіи возможности широкаго сбыта нашихъ товаровъ на иностранныхъ рынкахъ, не составляетъ благопріятной почвы и для особенно ходкаго расширенія внутренняго рынка. А при этихъ условіяхъ пріобрѣтаетъ особое значеніе и еще одно обстоятельство.

Чѣмъ ниже уровень потребностей населенія, тѣмъ легче достигнуть удовлетворенія ихъ даже весьма небольшой прибавкой труда, или же весьма ничтожнымъ повышеніемъ его производительности. Кромѣ того, мы знаемъ, что при первоначальномъ введеніи машины сокращаютъ сразу значительное количество труда и замѣщаютъ даже трудъ подростающихъ поколѣній. Если при этомъ потребности или рынокъ растутъ быстро, то можетъ произойти, несмотря на это первоначальное сокращеніе труда, затѣмъ быстрый ростъ его. Но если этого то быстраго роста потребностей нѣтъ, то и нельзя ожидать роста въ спросѣ на трудъ. Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду и того, что различнаго рода усовершенствованія въ странахъ, гдѣ капитализмъ получилъ начало своего развитія шли постепенно, а также и примѣненіе ихъ происходило не сразу и потому сперва примѣненіе машинъ къ извѣстной отрасли производства могло сократить спросъ на трудъ вдвое, затѣмъ вчетверо, потомъ въ пятеро и т. д. Но въ странѣ, которая вступила на путь промышленнаго капитализма, когда примѣнялись уже усовершенствованія сокращающія трудъ, наприм., впятеро, если не воспользовались, по неподготовленности населенія, этими послѣдними усовершенствованіями, то во всякомъ случаѣ начали и не съ первоначальныхъ, а наприм., съ такихъ, которые сократили трудъ сразу въ четверо, а не вдвое. Поэтому въ такой странѣ, даже если допустить въ ней одинаковую быстроту въ расширеніи рынковъ,

сокращеніе въ спросѣ на трудъ, вслѣдствіе болѣе значительнаго шага въ примѣненіи орудій, сокращающихъ его, можетъ при томъ же расширеніи рынка вести при абсолютномъ увеличеніи занятыхъ рабочихъ, къ болѣе сильному ихъ относительному уменьшенію. И если наши капиталисты обезпечены отъ иностранной конкурренціи, то существующая между ними конкурренція заставляетъ ихъ примѣнять все новыя и новыя усовершенствованія и притомъ такія, которыя для насъ при общемъ низкомъ уровнѣ техники составляютъ значительный шагъ впередъ и сразу могутъ поднять производительность труда на 50% напр. тогда какъ для германца, наприм., примѣненіе того же усовершенствованія подниметъ ее лишь на 25%, ибо техника стояла тамъ выше и до этого. А въ такомъ случаѣ, если мы сократимъ вдвое рабочихъ, онъ лишь на одну четвертую часть, а такъ какъ ему болѣе открытъ и иностранный рынокъ, то онъ фактически можетъ быть и увеличитъ число ихъ вдвое, а мы лишь на четвертую часть; въ результатѣ тамъ получится относительное возрастаніе, а у насъ уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ.

Всѣ эти условія, перечисленіе которыхъ далеко отъ исчерпывающаго характера, могутъ вести къ болѣе рельефному проявленію у насъ общаго закона возрастанія производительности труда, а именно къ сокращенію относительно населенія числа рабочихъ, занятыхъ въ обрабатывающей промышленности, что уже отмѣчено выше (стр. 12) и что подтверждаютъ и новѣйшія весьма обстоятельныя вычисленія проф. Карышева: «(Наша фабрично заводская промышленность въ половинѣ 90-хъ годовъ». Извѣст. Моск. С. Хоз. Инст. 1898 г. кн. 1 и «Русское Богатство» 1898 г. кн. 2 «Письмо по поводу доклада г. Туганъ-Барановскаго»).

Согласно этимъ вычисленіямъ въ 1866 г. фабрично-заводскіе рабочіе (безъ чернорабочихъ) составляли 1,11% населенія, въ 1891 г. 0,92%, а въ 189⁴/₅—0,89%, т.-е. при абсолютномъ увеличеніи числа фабрично-заводскихъ рабочихъ число ихъ относительно населенія падаетъ или иначе говоря: приростъ фабрично заводскихъ рабочихъ отстаетъ отъ прироста населенія.

Эти вычисленія подтверждаютъ, такимъ образомъ, то, что приведено было выше (стр. 12) согласно вычисленіямъ Н-она. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь мы не придаемъ безусловнаго значенія этимъ цифрамъ въ виду не полной точности данныхъ нашей фабрично-заводской статистики. Не можемъ, однако, не отмѣтить, что позднѣйшія данныя, какъ полученныя при болѣе развитыхъ способахъ статистическаго изслѣдованія, должны, конечно, отличаться большею точностью и слѣдовательно для 189⁴/₅ г. мы должны предположить менѣе пропусковъ, нежели для 1891 г. Если, однако, при этомъ получается относительное уменьшеніе рабочихъ противъ того времени, то это, въ особенности въ связи съ приведенными выше соображеніями, должно говорить за проявленіе на русской почвѣ тенденціи къ относительному уменьшенію числа фабричныхъ рабочихъ.

Такимъ образомъ и для русскихъ условій остается справедливымъ изложенный нами выше и прочно установленный законъ возрастанія производительности труда въ обрабатывающей промышленности, выражающійся въ уменьшеніи (относительномъ) спроса на трудъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что для опредѣленія этого берутъ обыкновенно число рабочихъ на фабрикахъ съ производствомъ свыше 1.000 р. Но размѣры и производительность такихъ фабрикъ растутъ, что признается всѣми; ихъ технико-экономическое преимущество передъ болѣе мелкими также внѣ спора; въ такомъ случаѣ ростъ крупныхъ фабрикъ долженъ уничтожать, поглощать мелкіе, и рабочіе съ послѣднихъ должны концентрироваться на болѣе крупныхъ, куда они переходятъ, вслѣдствіе уничтоженія мелкихъ. А въ такомъ случаѣ ростъ числа рабочихъ на крупныхъ фабрикахъ лишь свидѣтельствуетъ объ измѣненіи формъ производства и перераспредѣленіи соотвѣтственно тому рабочихъ и вовсе не доказываетъ *общаго* увеличенія относительнаго числа фабричныхъ рабочихъ, котораго и не можетъ быть коль-скоро крупныя фабрики могутъ поглощать мелкія, путемъ введенія улучшеній, предъявляющихъ меньшій спросъ на трудъ, особенно при томъ условіи, что у насъ еще очень ничтоженъ процентъ лицъ, являющихся исключительно фабричными рабочими, и еще менѣе такихъ, которые представляютъ собою искусныхъ рабочихъ въ англійскомъ смыслѣ этого слова (skilled labourer), не легко замѣщаемыхъ, что и вызываетъ необходимость вводить только такія улучшенія, которыя позволяютъ обходиться безъ увеличенія спроса на такихъ искусныхъ рабочихъ *).

Останавливаясь такъ долго на выясненіи этого закона и условій его проявленія, мы однако ни на минуту не забывали, что нашъ настоящій очеркъ посвященъ системамъ земледѣлія и потому касались здѣсь дѣйствія этого закона въ обрабатывающей промышленности лишь постольку, поскольку это намъ представлялось необходимымъ, чтобъ установить различіе во вліяніи роста производительности въ обрабатывающей промышленности и въ земледѣліи, а потому обращаемся теперь къ послѣднему.

Здѣсь, однако, съ самаго начала мы встрѣчаемся съ тѣмъ строго установленнымъ фактомъ, что во всѣхъ капиталистическихъ странахъ % населенія, занятаго земледѣліемъ уменьшается. Такъ,

*) Отмѣтимъ еще, что если сопоставить процентъ фабричныхъ рабочихъ у насъ съ процентомъ безлошадныхъ и безхозяйныхъ приведеннымъ выше (стр. 145), то получимъ и еще заключеніе, что нашъ развивающійся промышленный капитализмъ не поглощаетъ того населенія, которое выбрасывается на рынокъ неурядицами въ земледѣльческомъ производствѣ, слѣдовательно также образуется избыточное населеніе, которое не можетъ быть поглощено и эмиграціей. Съ другой стороны, если нашъ промышленный капитализмъ не можетъ поглотить этого населенія, то оно остается внѣ его „культурнаго“ воздѣйствія и потому возлагать надежды на уврачеваніе нашихъ экономическихъ золъ путемъ вліянія „культурной миссіи“ капитализма и его грядущаго развитія, нѣтъ никакихъ основаній.

не говоря уже объ Англіи, въ той же Франціи, гдѣ установлено уменьшеніе процента лицъ, занятыхъ въ промышленности, мы имѣемъ въ 1856 г. 52,9% занятыхъ земледѣліемъ; затѣмъ этотъ процентъ колеблется, то повышаясь, то падая до 1876 г., когда достигаетъ 53, а съ тѣхъ поръ продолжаетъ падать и въ 1886 г. составляетъ лишь 47,8%. Точно также въ Германіи, составляя въ 1882 г.—42,5%, число лицъ, занятыхъ въ земледѣліи къ 1895 г. составляетъ лишь 35,8%, т.-е. превышая въ 1882 г. процентъ занятыхъ въ индустріи (35,5%), теперь стало ниже его (39,1%) (G. Мауг. «Statistik und Gesellschaftslehre» 1897 г.). Такимъ образомъ по отношенію къ земледѣлію это проявляется повидимому еще рельефнѣе. Кромѣ того, если изъ занятыхъ земледѣліемъ начинаетъ выдѣляться классъ лицъ занятыхъ лишь обрабатывающею промышленностью, то какъ будто и вполнѣ естестественно, что число первыхъ должно уменьшаться. Наконецъ надо имѣть въ виду и то, что было выражено еще Ад. Смитомъ, а именно, что потребности человѣка въ пищѣ ограничены, тогда какъ во всемъ другомъ могутъ расти безпредѣльно; отсюда какъ будто бы вытекаетъ, что въ земледѣліи число рабочихъ и должно уменьшаться, а въ обрабатывающей промышленности расти въ силу роста новыхъ отраслей производства.

Однако всѣ эти соображенія не говорятъ еще за необходимость сокращенія въ числѣ силъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Выше (стр. 21) мы опредѣлили земледѣліе какъ добычу *сырья* при помощи обработки земли. Итакъ — сырья, а не пищевыхъ продуктовъ только, а въ такомъ случаѣ развитіе другихъ потребностей должно вызывать развитіе земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства и слѣдовательно увеличивать, а не уменьшать число лицъ занятыхъ въ немъ. И какъ разъ наоборотъ, чѣмъ болѣе будутъ расширяться потребности, чѣмъ болѣе будетъ расти обрабатывающая промышленность, чѣмъ болѣе будетъ расти тамъ производительность труда, тѣмъ болѣе будетъ возможно перерабатывать большее количество сыьря, тѣмъ, слѣдовательно, сильнѣе спросъ на него, а стало-быть и на рабочія силы, занятыя въ сельскомъ хозяйствѣ.

Что касается второго изъ приведенныхъ соображеній, то опять, таки не слѣдуетъ забывать, что и до промышленнаго капитализма и вообще до выдѣленія и спеціализаціи занятій, населеніе повсюду одѣвалось, питалось, имѣло предметы домашней утвари и т. д., но то же населеніе занималось и земледѣліемъ. Разъ часть его спеціально занялась обработывающей промышленностью, то конечно часть занятая земледѣліемъ уменьшилась. Но такъ какъ отъ этого потребность въ пищѣ не сократилась, также и въ остальномъ сырьѣ, или даже, согласно предшествующему выясненію должна была возрасти, то очевидно на оставшееся земледѣльческое населеніе пришлось больше труда по обработкѣ земли, такъ какъ потребность въ земледѣльческихъ продуктахъ не сократилась, и даже возросла. А такъ какъ въ то же время

ростъ производительности труда въ обработывающей промышленности ведетъ къ сокращенію тамъ приложенія труда, то рядомъ съ потребностью является и возможность прилагать въ земледѣліи увеличивающееся количество труда, т.-е. теперь уже путемъ увеличенія количества рукъ, прилагающихъ свой трудъ къ землѣ. Такимъ образомъ и второе соображеніе не объясняетъ намъ факта уменьшенія числа лицъ, занимающихся земледѣліемъ, а главное—не даетъ основаній для такого уменьшенія. Тѣмъ не менѣе фактъ остается тотъ, что земледѣльческое населеніе относительно сокращается во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, откуда и дѣлается заключеніе о неизбѣжности сокращенія его. При этомъ имѣютъ въ виду обыкновенно Англію, служащую по преимуществу объектомъ для выясненія условій капиталистическаго развитія. Дѣйствительно въ Англіи, ушедшей далѣе другихъ странъ по пути развитія капитализма, процентъ земледѣльческаго населенія, составлявшій въ 1851 г. 20,9% всего населенія, постепенно падая, дошелъ къ 1891 г. до 9,9%. Отсюда какъ будто предстоитъ и дальнѣйшее сокращеніе его какъ въ Англіи, такъ и другихъ странахъ, развивающихся по тому же типу.

Укажемъ, прежде всего, что по этому поводу такой осторожный и серьезный мыслитель, какъ Гобсонъ, говоритъ, что значительное уменьшеніе земледѣльческихъ рабочихъ *не* уравновѣшивается пропорціональнымъ увеличеніемъ какихъ-либо мануфактурныхъ рабочихъ; далѣе отмѣчая, что вліяніе машинъ на англійское земледѣліе осталось у него не разсмотрѣннымъ, вслѣдствіе сложности дѣйствовавшихъ здѣсь силъ, онъ замѣчаетъ: «Но не должно забывать, что гораздо болѣе важною причиной уменьшенія англійскаго земледѣльческаго труда является развитіе путей сообщенія, которое дало возможность произведеніямъ отдаленныхъ странъ непосредственно конкуррировать съ продуктами англійскаго земледѣлія» (Эволюція и т. д., стр. 282).

Гобсонъ здѣсь вводитъ такимъ образомъ, поправку въ обычное представленіе объ условіяхъ англійскаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, говоря объ Англіи, имѣютъ въ виду обыкновенно Англію и Шотландію, прибавляя иногда Ирландію, т.-е. ограничиваются Европейскими владѣніями Англіи, совершенно забывая, что она составляетъ *одно хозяйственное цѣлое вмѣстѣ съ своими колоніями*. Если имѣть это въ виду, то европейскія владѣнія Англіи представятъ собою лишь промышленный центръ одной обширной страны—вродѣ того, какъ центральная промышленная область Россіи по отношенію ко всей Россіи. Если, какъ это было развито въ 3-емъ очеркѣ, въ настоящее время нельзя говорить о хозяйствѣ отдѣльной страны, изолируя его отъ условій всемірнаго хозяйства, то тѣмъ менѣе возможно говорить въ настоящее время о хозяйствѣ Англіи, имѣя въ виду только островныя ея владѣнія въ Европѣ, внѣ связи со всѣми колоніальными владѣніями Англіи. Но тоже вѣрно по отношенію къ Франціи, Германіи и другимъ странамъ, которыя не довольству-

ются продуктами земледѣлія внутренняго производства. По отношенію къ нимъ для того, чтобъ опредѣлить вліяніе экономическаго развитія на измѣненіе въ количествѣ земледѣльческаго населенія, необходимо имѣть въ виду измѣненія въ составѣ его не только въ этихъ странахъ, но и въ тѣхъ, которыя стоятъ въ экономической связи съ ними по отношеніямъ ввоза и вывоза, т.-е., иначе говоря, при современныхъ условіяхъ приходится разсмотрѣть измѣненія въ составѣ населенія по занятіямъ по всѣмъ странамъ міра; только тогда можно что-либо сказать опредѣленное о томъ, что именно фактически происходитъ въ этомъ отношеніи.—Но для этого пока нѣтъ данныхъ. Безъ нихъ же такого сужденія имѣть нельзя, хотя фактъ тотъ, что какъ уменьшающееся въ числѣ земледѣльческое населеніе, такъ и вообще европейское населеніе съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе питается въ самой разнообразной формѣ продуктами расширяющагося земледѣлія другихъ странъ. Что же при этомъ по отношенію къ интересующему намъ вопросу можетъ доказывать фактъ уменьшенія земледѣльческаго населенія въ Европѣ?—ровно ничего.

Но если указанный нами фактъ допускаетъ такую постановку вопроса по отношенію къ странамъ, ввозящимъ хлѣбъ, то она не приложима къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, которыя вывозятъ разнообразные продукты сельскаго хозяйства и однако въ нихъ земледѣльческое населеніе не растетъ, а падаетъ. Здѣсь, конечно, нужно имѣть въ виду: 1) увеличивающееся относительно вывоза сельскохозяйственныхъ произведеній соперничество съ Америкой другихъ странъ, могущее вліять на уменьшеніе въ ней числа лицъ, занятыхъ земледѣліемъ; 2) нужно имѣть въ виду, что мы имѣемъ дѣло, при происходящемъ теперь участіи все большаго и большаго количества странъ во всемірной хлѣбной торговлѣ, съ обращеніемъ подъ обработку все новыхъ и новыхъ земель, требующихъ *меньшаго* количества труда. Иначе говоря этимъ захватомъ подъ обработку новыхъ странъ происходитъ переходъ не къ болѣе интенсивному земледѣлію, а наоборотъ—отъ интенсивнаго къ экстенсивному. Англія забросила свое земледѣліе подъ стѣнами Лондона и перенесла его въ степи Америки, Австраліи, Африки и т. д., слѣдовательно прямо совершила переходъ отъ самой интенсивной къ наиболѣе экстенсивной системѣ. То же происходитъ и въ Америкѣ. Но въ то же время это вызываетъ все большее и большее отдѣленіе земледѣлія отъ другихъ занятій, и потому продолжаетъ еще по мѣстамъ вызывать увеличеніе населенія, занятаго въ обработывающей промышленности. Но образующая это волна нисколько не колеблетъ того общаго направленія, по которому въ обработывающей промышленности развитіе совершается въ направленіи относительнаго сокращенія труда, а въ сельскомъ хозяйствѣ въ обратномъ, коль скоро происходитъ переходъ отъ экстенсивной системы къ интенсивной.

Въ самомъ дѣлѣ, «возрастаніе интенсивности земледѣлія, т.-е.

увеличеніе затратъ капитала на единицу площади, ведетъ обыкновенно не къ увеличенію основного или даже вообще постояннаго капитала, какъ въ фабричной промышленности при повышеніи интенсивности труда или вообще съ развитіемъ фабричной техники, а часто только къ увеличенію потребленія рабочей силы, или, по крайней мѣрѣ, потребность въ рабочей силѣ съ развитіемъ земледѣлія не уменьшается такъ рѣзко, какъ въ области обрабатывающей промышленности... Переходъ отъ трехполья къ такъ называемой плодосмѣнной системѣ, въ его наиболѣе рѣзко выраженной формѣ требуетъ уничтоженія выгона, пара, отчасти луговъ и замѣны выгоннаго кормленія скота стойловымъ. Что же все это означаетъ? Выгонное поле не требуетъ работы вовсе, луга и паръ требуютъ ея мало; $^1/_3$ пашни (паръ) при трехпольи пустуетъ, а значительная часть всей эксплуатируемой земледѣльцемъ площади (выгоны и луга) требуетъ мало работы. Выгоны и луга здѣсь составляютъ именно значительную часть площади, по вычисленію, наприм., Тюнена, при правильномъ трехпольи, до $64^0/_0$ всего пространства. Для плодосмѣннаго хозяйства характерно отсутствіе тѣхъ угодій, которыя требуютъ мало работы; взамѣнъ ихъ вводятся корнеплоды и травосѣяніе. Возрастаетъ, слѣдовательно, отчасти постоянный капиталъ, но не значительно, и не въ этомъ *характерная черта перехода,* а *въ увеличеніи въ весьма значительной степени перемѣннаго капитала* (курсивъ у *автора*)... Кормленіе и уходъ за скотомъ, равно какъ уборка вновь введенныхъ въ культуру растеній, требуютъ *массы живого труда.* Въ этомъ переходѣ особенно ярко обнаруживается, что *земледѣльческая промышленность,* по сложенію и развитію отдѣльныхъ частей капитала, *является прямою противоположностью фабричной промышленности* (въ двухъ послѣднихъ случаяхъ курсивъ нашъ); тамъ, въ фабрикаціи, увеличивается масса основного капитала и матеріаловъ, вообще постояннаго капитала, въ ущербъ перемѣнному; здѣсь, въ земледѣліи, наоборотъ, увеличивается перемѣнный капиталъ, масса живого труда, при незначительномъ только увеличеніи постояннаго капитала. Но, кромѣ того, характерная для земледѣлія часть постояннаго капитала, живой инвентарь, составляетъ продуктъ самого же хозяйства, т.-е. на первомъ мѣстѣ продуктъ приложеннаго въ хозяйствѣ живого труда. Культурные корнеплоды также требуютъ огромнаго количества именно ручной работы и весьма значительнаго количества работы скота, а главный расходъ на работу скота—заготовка корма и уходъ за нимъ—опять-таки выражается въ требованіи массы живого труда.

«Конечно, не всякое улучшеніе земледѣльческой техники вызываетъ возрастаніе потребленія живого труда *въ такой степени* (курсивъ нашъ), какъ это имѣло мѣсто при переходѣ отъ трехполья къ плодосмѣнному. Однако, въ общемъ, почти всякое увеличеніе интенсивности земледѣлія... ведетъ къ увеличенію приложенія живого труда, и если относительное (въ процентахъ капи-

тала) значеніе живого труда или перемѣннаго капитала и не возрастаетъ, а иногда, можетъ быть, и уменьшается, то во всякомъ случаѣ въ несравненно меньшемъ числѣ случаевъ доля живого труда въ цѣнности продукта упадаетъ... Во всякомъ случаѣ, слѣдовательно, можно сказать, что переходъ къ болѣе раціональному земледѣлію, съ переходомъ къ денежному хозяйству, сопровождается не уменьшеніемъ, а увеличеніемъ приложенія живого труда и въ первое время, вѣроятно, не только абсолютно или по отношенію къ единицѣ площади пользованія, но и отосительно постоянной части капитала» (А. Скворцовъ: «Основаніе политической экономіи». С.-Пб. 1898 г. стр. 218—221) *).

Не останавливаясь на изложенномъ, цитируемый нами авторъ разсматриваетъ, въ какомъ направленіи пойдетъ дальнѣйшая эволюція земледѣлія. «Разсчитывать на то,—говоритъ онъ,—что машины въ земледѣліи когда-либо будутъ имѣть большое значеніе, нельзя. Въ немъ характеръ приложенія ихъ иной, чѣмъ на фабрикахъ. Фабрикація имѣетъ дѣло съ мертвымъ матеріаломъ, который нужно только подать машинѣ. Земледѣлецъ же эксплоатируетъ силу природы, разсѣянную въ пространствѣ, его рабочая сила не сосредоточивается въ одномъ мѣстѣ. Кромѣ того, онъ имѣетъ дѣло съ организмами, съ которыми нужно обращаться осторожно; слѣдовательно, какъ бы ни было совершенно устройство машины,—во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы ею управляла разумная человѣческая воля» (тамъ же, стр. 221). Въ концѣ концовъ авторъ приходитъ къ заключенію, что «необходимость прилагать больше живого труда въ земледѣліи, чѣмъ при обработкѣ сырья на фабрикахъ, вытекаетъ изъ самой природы земледѣльческаго промысла, и потому она будетъ имѣть мѣсто всегда, какова бы ни была производительность земледѣльческаго и фабричнаго труда» (тамъ же, стр. 227) **).

---

*) Не слѣдуетъ смѣшивать съ П. Н. Скворцовымъ, на статьи котораго составленныя по матеріаламъ земской статистики мы ссылались выше (стр. 145). Статьи эти, не законченныя въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ за прекращеніемъ журнала, хотя и были потомъ напечатаны, но „матеріалы“ эти не стали доступными многочисленному кругу читателей.

**) Мы ссылаемся по выясняемому вопросу на трудъ А. Скворцова въ виду того, что одну изъ задачъ его книги составляетъ выясненіе значенія техники въ эволюціи земледѣлія, что, какъ онъ совершенно справедливо указываетъ въ предисловіи къ своему труду, до сихъ поръ „слишкомъ мало принято во вниманіе. Между тѣмъ автору, какъ агроному, эти факторы (техника и естественныя условія) общественно-экономической эволюціи представлялись чрезвычайно важными и потому онъ счелъ необходимымъ выдвинуть ихъ значеніе“ (предисл. стр. VIII—IX). Итакъ, въ данномъ вопросѣ указанія автора имѣютъ для насъ значеніе и въ силу того, что онъ агрономъ, т.-е. лице болѣе спеціально знакомое съ условіями земледѣлія. Въ силу этого, многія его указанія, касающіяся земледѣлія, на которыя намъ придется ссылаться и далѣе, имѣютъ значеніе, тѣмъ болѣе, что они не противорѣчатъ и цѣлому ряду другихъ указаній и притомъ другихъ авторовъ, на которыхъ тоже придется ссылаться. Не касаясь, такимъ образомъ, тѣхъ частей работы А. Скворцова, гдѣ онъ выступаетъ, какъ спеціалистъ-агрономъ и гдѣ, слѣдовательно, сказанное имъ, можетъ имѣть для насъ значеніе, какъ справка изъ другой отрасли науки—не спеціально экономической—мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, что во всемъ

Такимъ образомъ анализъ условій. отъ которыхъ зависитъ переходъ отъ одной системы земледѣлія къ другой, какъ то было указано выше въ этомъ же очеркѣ, и анализъ того, въ чемъ состоитъ переходъ, какія перемѣны вызываетъ онъ въ пріемахъ обработки земли, приводитъ къ заключенію, что повышеніе интенсивности земледѣлія ведетъ не къ уменьшенію, а къ увеличенію приложенія труда.

Но если это справедливо по отношенію къ условіямъ перехода къ улучшеннымъ системамъ земледѣлія и потому достаточно не столько объяснять это, сколько обратить на это вниманіе, то уже совершенно ясно для каждаго, что земледѣліе вообще занимаетъ и должно занимать относительно большее количество рабочихъ рукъ въ силу того, что въ немъ находится капиталъ строенія нисшаго сравнительно съ среднимъ капиталомъ въ странѣ. Иначе говоря, въ немъ постоянный капиталъ—въ видѣ орудій обработки и матеріаловъ—составляетъ относительно всего капитала занятаго въ земледѣліи меньшую долю, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности по отношенію ко всему капиталу занятому въ ней. Этимъ именно обстоятельствомъ, т.-е. преобладаніемъ въ земледѣліи перемѣннаго капитала, только которымъ и создается прибавочная цѣнность, объясняется возмож-

---

остальномъ, гдѣ А. Скворцовъ выступаетъ просто, какъ экономистъ, ко многимъ положеніямъ его книги слѣдуетъ относиться крайне осторожно, такъ какъ авторъ ея дѣлаетъ многія указанія не только голословно, но и совершенно невѣрно. Чтобы въ свою очередь не быть голословнымъ, приведемъ одно мѣсто, касающееся фабричнаго законодательства, о которомъ, кстати сказать, авторъ говоритъ, мимоходомъ въ главѣ о формахъ промышленности, слѣдующее. „Тѣ правительства, въ которыхъ единоличная власть правителя представляется болѣе сильною, часто могутъ обнаруживать лучшее пониманіе важности первостепеннаго значенія общественныхъ интересовъ, чѣмъ тѣ, гдѣ правительства зависятъ отъ выборовъ и являются точнымъ отраженіемъ колебанія общественнаго настроенія. Такъ, лучшее фабричное или, точнѣе, рабочее законодательство, безъ сомнѣнія, въ настоящее время принадлежитъ Германіи, странѣ съ монархическимъ правленіемъ—и довольно посредственной, съ точки зрѣнія народоправства, конституціей, хотя и основанной на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Второе мѣсто послѣ Германіи занимаетъ страна наиболѣе развитого капитализма, Англія, гдѣ монархическая власть правда, уже слабо проявляетъ свое вліяніе, но гдѣ за то до сихъ поръ избирательное право далеко не распространяется на всѣхъ. Наоборотъ, наименѣе развитое или одно изъ наименѣе развитыхъ фабричныхъ законодательствъ принадлежитъ республиканской Франціи рядомъ съ которой стоитъ и республиканская Швейцарія, а затѣмъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты“, (стр. 246). Это и все, что у автора сказано о фабричномъ законодательствѣ. Такимъ образомъ, Швейцарія, которая, по всеобщему признанію, по своему фабричному законодательству занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, оказывается у автора на предпослѣднемъ мѣстѣ, причемъ онъ совершенно умалчиваетъ, наприм., объ Австріи. Можно поэтому представить, какое правильное представленіе о фактическомъ положеніи дѣлъ получатъ читатели этого труда. Чтобы не впасть въ ошибку по поводу тѣхъ или другихъ его умозаключеній, у нихъ конечно имѣется оружіе въ формѣ собственнаго критическаго отношенія. Но когда онъ имъ даетъ указаніе на факты, то кто же имѣетъ право заподозрить ученаго профессора въ невѣрности такихъ указаній, и вотъ получается, что Швейцарія занимаетъ по состоянію въ ней фабричнаго законодательства предпослѣднее мѣсто. Между тѣмъ такія невѣрныя фактическія указанія встрѣчаются у автора и въ другихъ мѣстахъ его книги.

ность существованія абсолютной ренты («Капиталъ», III), которая не могла бы выплачиваться, еслибы здѣсь прибавочная цѣнность не была выше, чѣмъ въ обработывающей промышленности; еслибы она не была выше, то и не было бы того добавочного источника, изъ котораго только и можетъ уплачиваться абсолютная рента.

Чтобы сдѣлать еще болѣе понятнымъ, что въ земледѣліи долженъ перемѣнный капиталъ или соотвѣтствующій ему трудъ занимать относительно большую часть, чѣмъ въ индустріи, остается напомнить, что это не можетъ быть иначе уже потому, что въ немъ основнымъ элементомъ производства является земля, не составляющая капиталъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и въ то же время играющая роль и орудія производства и сырого матеріала, какъ то было отмѣчено во второмъ очеркѣ. Слѣдовательно уже въ силу этого въ немъ рабочая сила по отношенію къ капиталу въ собственномъ смыслѣ этого слова должна составлять относительно бо́льшую долю, нежели въ обработывающей промышленности. Такимъ образомъ, всѣ приведенныя данныя и соображенія ведутъ къ заключенію, что въ земледѣліи, въ противоположность тому, что представляетъ обработывающая промышленность, относительно большую роль играетъ живой трудъ, и затѣмъ самый переходъ къ повышенію производительности соединенъ не съ уменьшеніемъ, а съ увеличеніемъ приложенія живого труда *).

Мы сочли нужнымъ такъ долго остановиться на выясненіи этого, такъ какъ отсюда вытекаетъ нѣсколько весьма осущественныхъ послѣдствій, изъ коихъ остановимся здѣсь на одномъ.

Если переходъ къ интенсивнымъ системамъ земледѣлія ведетъ

*) Намъ не пришлось бы останавливаться такъ долго на выясненіи этого, еслибы мы допустили, признаваемое очень многими экономистами, положеніе, что при переходѣ къ интенсивнымъ системамъ издержки возрастаютъ въ болѣе быстрой прогрессіи, нежели валовой доходъ, такъ что каждая послѣдующая вспашка, наприм., увеличитъ валовой доходъ въ меньшей степени, нежели предыдущая. Но дѣло въ томъ, что это положеніе, представляющее собою въ сущности ученіе Мальтуса объ отношеніи между тенденціей роста населенія и роста производительности труда, намъ представляется не только не доказаннымъ, но и прямо невѣрнымъ. Совершенно вѣрно въ примѣрѣ, приводимомъ въ подтвержденіи разсматриваемаго положенія Людоговскимъ („Сельскохозяйственная Экономія“), что при сортировкѣ хлѣба пропускъ его черезъ машину въ первый разъ отдѣлитъ больше негодныхъ зеренъ, нежели во второй и т. д. Но вѣрно также и то, что первый пропускъ не дастъ еще чистаго зерна, т.-е. требуемаго продукта, и что при посѣвѣ, наприм., этимъ зерномъ мы получимъ сорныя травы, которыя увеличатъ трудъ на обработку, уменьшатъ высоту урожая и т. д., тогда какъ послѣдующія пропуски, вполнѣ очистившіе зерно, вполнѣ устранятъ эти послѣдствія. Допустить же положеніе объ уменьшеніи производительности послѣдующаго приложенія труда значитъ прямо отказаться отъ всякаго прогресса въ земледѣліи, т.-е. признать, что работа, наприм., 6 человѣкъ доставитъ питаніе на 6 человѣкъ, а работа 7-ми человѣкъ дастъ это питаніе въ уменьшенномъ количествѣ и т. д. Между тѣмъ до сихъ поръ, какъ ни медленно совершается прогрессъ земледѣлія, ходъ его вполнѣ противорѣчитъ такому положенію, которое надо признать во всякомъ случаѣ недоказаннымъ.

къ увеличенію приложенія живого труда, т.-е. иначе говоря къ сосредоточенію большого количества труда на меньшемъ пространствѣ, то отсюда вытекаетъ заключеніе, что измѣненіе системъ земледѣлія должно сопровождаться и измѣненіемъ въ величинѣ хозяйствъ, т. е. сокращеніемъ размѣровъ ихъ и стало быть съ прогрессомъ земледѣлія хозяйства должны принимать болѣе мелкую форму *). «И при наиболѣе благопріятныхъ для существующихъ крупныхъ хозяйствъ условіяхъ, съ увеличеніемъ интенсивности земледѣлія дѣлается обыкновенно необходимымъ сокращеніе площади каждаго отдѣльнаго хозяйства» (А. Скворцовъ Основанія и т. д. стр. 254). «Для земледѣлія не существуетъ вообще закона концентраціи; напротивъ господствующая тенденція состоитъ въ *уменьшеніи* (курсивъ у автора) крупнаго сельскохозяйственнаго производства.... Два обстоятельства больше всего ведутъ мало-помалу къ уменьшенію (сокращенію) крупнаго производства: увеличивающаяся интенсивность сельскаго хозяйства и возрастающій спросъ на трудъ. Чѣмъ необходимѣе становится извлекать изъ земли повышенный доходъ путемъ усиленнаго приложенія труда и чѣмъ выше заработная плата, тѣмъ неизбѣжнѣе сосредоточивать прилагаемый капиталъ и трудъ на уменьшенномъ пространствѣ земли... Увеличеніе средствъ производства и приложенія труда въ связи съ уменьшеніемъ пространства ихъ приложенія составляетъ прямо противоположный развитію индустріи *законъ развитія сельскаго хозяйства, который во всѣхъ вполнѣ населенныхъ странахъ ведетъ къ усиливающемуся сокращенію и численному увеличенію сельскохозяйственнаго производства* (курсивъ автора), по скольку величину послѣдняго опредѣляютъ технико-экономическія основанія. Этотъ экономическій законъ вызвалъ когда то возникновеніе колоната на римскихъ латифундіяхъ. Онъ же явствуетъ непосредственно изъ статистическихъ данныхъ объ американскомъ распредѣленіи землевладѣнія: средніе размѣры фермъ постепенно сокращаются съ запада на востокъ, т.-е. отъ штатовъ съ наименѣе развитой культурой къ болѣе развитой. Знаменитыя исполинскія фермы означаютъ тамъ не конечную цѣль, а, наоборотъ, первые начатки сельскохозяйственной культуры, они исчезаютъ съ ростомъ интенсивности производства... Опасности, которыя угрожаютъ среднему крестьянству вытекаютъ не изъ технико-экономической слабости этихъ хозяйствъ, а изъ обстоятельствъ, которыя *не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ хозяйственной цѣлесообразностью* (курсивъ автора) и наоборотъ противорѣчатъ ей въ высочайшей степени,» (M. Seering. Die lanwdirthschaftliche Konkurrenz Nordamerikas). Под-

*) Само собой разумѣется исторически это можетъ не оправдаться вслѣдствіе многоразличія вліяній, обусловливающихъ форму (размѣры) хозяйствъ, но несомнѣнно изученіе послѣдовательной смѣны системъ земледѣлія въ связи съ размѣрами хозяйствъ и условіями землевладѣнія представляетъ очень серьезную и обширную задачу, которая во всякомъ случаѣ должна привести къ немаловажнымъ заключеніямъ.

твержденіе сказанному здѣсь относительно исполинскихъ фермъ Америки мы находимъ и у другихъ писателей, интересовавшихся тѣмъ же предметомъ. Фермы эти, какъ оказывается, представляютъ типъ самаго экстенсивнаго хозяйства. Обработка, вспашка полей, хотя и производится машинами, но кое-какъ, удобреніе не примѣняется. Многія изъ этихъ фермъ уже обанкротились, другія скоро должны покончить свое существованіе (Meyer: Ueber Latifundien-Landwirthschaft in Nordamerika, въ Neue—Zait, 1892—3). «Сѣверные капиталисты, которые пытались завести земледѣльческія фабрики, горькимъ опытомъ убѣдились въ концѣ концовъ, что капиталистическіе пріемы не такъ легко прививаются къ сельскому хозяйству, какъ къ обрабатывающей промышленности» (Эд. Циммерманъ, Очерки Американскаго сельскаго хозяйства, Москва 1897). При такихъ условіяхъ естественно, что число мелкихъ фермъ растетъ. По статистикѣ сельскохозяйственнаго департамента соединенныхъ штатовъ тамъ средній размѣръ фермъ былъ:

въ 1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.
203 акра,	199 ак.	153 ак.	134 ак.	137 ак.

Послѣднее увеличеніе является слѣдствіемъ законодательнаго измѣненія. (Die wirthschaftliche Entwickelung R. E. May. Berlin 1896). То же разрастаніе мелкихъ фермъ подтверждается и ростомъ тамъ числа самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ. По цензу 1880 г. самостоятельныхъ фермеровъ значилось около 4.200.000, а сельскихъ рабочихъ 3.320.000, такъ что на 4 фермеровъ приходилось 3 наемныхъ рабочихъ, а въ 1890 г. уже на 5 тыс. фермеровъ приходимось 2.500.000 рабочихъ, т.-е уже 2 рабочихъ на 4 фермеровъ (Циммерманъ. Очерки и т. д. с. 117). Въ Германіи также число сельскохозяйственныхъ производствъ съ 3.040.168 въ 1882 г. возросло до 3.331.659 т.-е. почти на 300.000 къ 1895 г., т.-е. и здѣсь происходитъ уменьшеніе размѣровъ ихъ. (Die wirthschaftl. Entwickelung, 242).

Мы ограничиваемся этими немногими фактическими указаніями, такъ какъ ихъ совершенно достаточно для иллюстраціи того положенія, которое вытекаетъ изъ технико-экономическихъ основаній сельскохозяйственнаго производства, такъ что П. Б. Струве вполнѣ правъ, когда говоритъ: «Дѣло вовсе не въ томъ будутъ ли мелкія земледѣльческія предпріятія поглощены крупными—такого исхода экономической эволюціи врядъ ли можно ждать, а въ томъ метаморфозѣ, которому подвергается все народное хозяйство подъ вліяніемъ обмѣна» («Критическія замѣтки с. 113). Приводить большее количество данныхъ отнотительно этого нѣтъ основаній, такъ какъ самый процессъ измельчанія хозяйствъ является результатомъ сложныхъ причинъ и потому въ дѣйствительности могутъ встрѣчаться и отступленія, тѣмъ болѣе, что эволюція не идетъ по прямой линіи, а такъ сказать волнообразно, но въ тоже время въ одномъ опредѣленномъ направленіи. И вотъ въ то время какъ въ индустріи и теоретическія

основанія и фактическія данныя говорятъ за увеличеніе размѣровъ предпріятій съ ростомъ производительности, или, точнѣе говоря ростъ предпріятій увеличиваетъ въ ней производительность труда, а ростъ послѣдней съ свою очередь вызываетъ укрупнѣніе предпріятій, въ земледѣліи это происходитъ наоборотъ. Повышеніе его производительности должно сопровождаться измельчаніемъ предпріятій, въ силу необходимости приложить большее количество труда на томъ же пространствѣ, а уменьшеніе размѣровъ хозяйства даетъ возможность приложить къ обработкѣ земли болѣе труда. Напомнимъ при этомъ, что это обусловливается самой природой земледѣлія, т.-е. съ одной стороны тѣмъ, что приходится прилагать трудъ къ землѣ и слѣдовательно, сосредоточивъ его на меньшемъ пространствѣ, тѣмъ самымъ вложить его болѣе, чѣмъ при увеличенномъ участкѣ земли, а съ другой стороны климатическія условія заставляютъ расходовать трудъ въ предѣлахъ тѣсно опредѣленнаго времени и не позволяютъ растянуть его по произволу, а въ такомъ случаѣ опять-таки необходимость большей затраты труда тѣмъ сильнѣе заставляетъ сосредоточивать его на меньшемъ пространствѣ. Имѣя это въ виду, для насъ станетъ уже совершенно безспорнымъ, что развитіе земледѣлія въ направленіи его интенсивности должно вести не къ увеличенію, а къ сокращенію размѣровъ хозяйства *). На этомъ мы и покончимъ

*) Считаемъ не лишнимъ замѣтить при этомъ, что относительно обрабатывающей промышленности намъ ничто не даетъ права считать крупную форму ея послѣднимъ словомъ эволюціи, коль скоро мы стоимъ на этой послѣдней точкѣ зрѣнія и стало-быть прямо допускаемъ и послѣдующее развитіе. Точно также Гобсонъ, разсматривая современный городъ какъ продуктъ централизаціи, вызваннной машиннымъ производствомъ, въ концѣ концовъ говоритъ: „Но какъ бы ни были могучи эти централизующія силы за послѣднія $1^1/_2$ столѣтія, мы не имѣемъ права предполагать, что онѣ будутъ дѣйствовать съ возрастающей быстротой“, и затѣмъ онъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ экономическихъ силъ, какъ ростъ цѣнности городскихъ земель, развитіе и удешевленіе средствъ сообщенія (включая и велосипедъ) и т. п., какъ децентрализующія или противодѣйствующія централизаціи. Въ этомъ же направленіи, по его мнѣнію, должно дѣйствовать и сокращеніе рабочаго дня, позволяющее селиться на болѣе далекомъ разстояніи отъ фабричнаго центра. Въ связи съ этимъ онъ намѣчаетъ рядъ реформъ, которыхъ должно въ этихъ видахъ держаться городское управленіе. („Эволюція“, и т. д., гл. XIII). Какъ бы въ связи съ этимъ, но совершенно самостоятельно, другой авторъ, приводящій въ цѣломъ рядѣ очерковъ, снабженныхъ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, доказательства централизаціи происходящей въ обрабатывающей промышленности и въ обращеніи товаровъ, и внимательно отмѣчающій причины того, останавливается затѣмъ на сельскомъ хозяйствѣ и здѣсь опять на рядѣ фактовъ отмѣчаетъ происходящую въ немъ *децентрализацію* производства. Отсюда онъ приходитъ къ заключенію о существованіи тенденціи постепеннаго распредѣленія земли между наибольшимъ количествомъ населенія. Разсматривая далѣе вліяніе путей сообщенія, онъ видитъ въ нихъ, подобно Гобсону, средство разселенія и приходитъ къ заключенію, что это должно отразиться и на распредѣленіи занятій: „Тогда, говоритъ онъ, лѣтомъ будутъ обрабатывать землю, а зимою соединяться для индустріи въ центрахъ общенія, и такимъ образомъ разрѣшится вопросъ о безработныхъ въ зимнее время (см. нашъ 2-й очеркъ, стр. 27—28), представляющійся въ настоящее время наиболѣе затруднительнымъ“. Далѣе онъ фантазируетъ на тему о переходѣ такимъ образомъ къ чередованію занятій каждаго

этотъ и безъ того черезчуръ растянувшійся очеркъ. Съ другими послѣдствіями вытекающими, изъ всего изложеннаго въ немъ, намъ придется еще имѣть дѣло въ послѣдующихъ очеркахъ.

Примѣчаніе. Для знакомства съ системами земледѣлія и распредѣленіемъ ихъ въ Россіи нельзя рекомендовать ничего лучшаго какъ книгу А. С. Ермолова: „Организація полевого хозяйства“. Изд. 3-е. С.-Пб. 1894.

VIII. Мертвый и живой инвентарь.

Въ земледѣльческой, какъ и въ обрабатывающей промышленности, орудія обработки, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, *мертвый инвентарь*, имѣютъ значительное вліяніе какъ на технику производства, такъ черезъ это и на экономическое положеніе производителей. Далѣе, подобно тому, какъ въ обрабатывающей промышленности, точно также и въ земледѣльческой различныя измѣненія въ орудіяхъ обработки могутъ вызывать соотвѣтствующія измѣненія и въ самыхъ формахъ производства. Такъ наприм., переходъ отъ ручной молотьбы къ молотилкѣ требуетъ нерѣдко соединенія нѣсколькихъ мелкихъ хозяевъ, такъ какъ пріобрѣсть ее одному не подъ силу, да и использовать ее онъ не могъ бы по ограниченности своего хозяйства. Выгоды же отъ такого пріобрѣтенія, конечно, несомнѣнны: не только сберегается время, но и молотьба чище, чѣмъ ручная. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что и относительно вліянія техническихъ улучшеній на формы производства земледѣліе замѣтно отличается отъ обрабатывающей промышленности. Тутъ нѣтъ такого раздробленія занятій, нѣтъ слѣдовательно такого упрощенія отдѣльныхъ производительныхъ операцій, которое, какъ это было при мануфактурномъ періодѣ (см. объ этомъ „Капиталъ“, т. I), могло бы привести къ упрощенію самыхъ орудій и вызвать затѣмъ комбинацію ихъ посредствомъ машины и создать орудіе. замѣняющую человѣческую руку. Тутъ нѣтъ и не можетъ быть постоянства въ раздѣленіи труда между рабочими, и занятія послѣднихъ должны смѣняться по ходу работъ, опрдѣляемому климатическими условіями. Вотъ почему мы находимъ здѣсь наименьшее примѣненіе машинъ, да и оно въ свою очередь не ведетъ къ образованію крупнаго производства.

Изъ орудій наибольшее значеніе имѣютъ орудія обработки

лица: лѣтомъ земледѣліе — зимой обрабатывающая промышленность и вообще занятія, имѣющія городской характеръ. „Но, говоритъ онъ, развѣ такого рода грёзы не были когда-то дѣйствительностью“? (Die wirthschaftliche Entwickelung. K. E. May. Berlin, 1896 г., гл. XVIII, стр. 247—251). Намъ остается къ этому прибавить отъ себя, что само развитіе капитализма, вызывающее все большее и большее выселеніе изъ капиталистическихъ странъ и ведущее къ разселенію людей по земному шару, очевидно ведетъ въ концѣ концовъ тоже, если не къ полной децентрализаціи, то во всякомъ случаѣ къ сокращенію централизаціи и такимъ образомъ является вполнѣ правомѣрнымъ вопросъ: составляетъ ли и въ обрабатывающей промышленности крупное производство послѣднее слово технико-экономическаго и культурнаго развитія?

земли—соха и плугъ. Первая до сихъ поръ является у насъ болѣе распространенной, хотя постепенно вытѣсняется послѣднимъ. Общее вліяніе величины надѣла на хозяйство сказывается и здѣсь: гдѣ надѣлы больше, тамъ и плуги больше распространены. Въ Московской губ. свыше 20% всѣхъ домохозяевъ замѣнили сохи плугами, причемъ гдѣ надѣлы больше, тамъ и процентъ дворовъ съ плугами выше; въ общемъ же онъ изъ года въ годъ растетъ, и есть уже волости въ той же губерніи, гдѣ всѣ надѣлены плугами. Большую службу въ дѣлѣ распространенія плуговъ сослужили земства; замѣтивъ спросъ на плуги въ крестьянствѣ, земскія управы стали выписывать ихъ и продавать крестьянамъ на льготныхъ условіяхъ, т.-е. закупая ихъ по оптовой цѣнѣ, продавали по такой же съ небольшой надбавкой и допускали иногда разсрочку въ уплатѣ. А это повело къ тому, что и торговцы должны были сбавить цѣну на плуги и, кромѣ того, появилось кустарное производство послѣднихъ. Кромѣ Московской губ., еще въ Вятской и Пермской плуги составляютъ 20,2% къ общему числу хозяйствъ. Такой значительный процентъ въ сравнительно, конечно, короткое время составился, съ одной стороны, благодаря посредничеству земства, въ этомъ дѣлѣ, а съ другой—кустарное производство плуговъ значительно возросло вмѣстѣ со спросомъ на нихъ. Въ другихъ губерніяхъ процентъ этотъ ниже, хотя точныхъ данныхъ объ этомъ для всѣхъ мѣстъ не имѣется. Но во всякомъ случаѣ, имѣя въ виду и содѣйствіе земства, приходится и здѣсь констатировать, что земство идетъ въ этомъ случаѣ лишь на встрѣчу проявившейся уже въ самомъ населеніи потребности.—Такой фактъ какъ начинающееся распространеніе травосѣянія, плуговъ и т. п. какъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земство идетъ на встрѣчу этому, такъ и тамъ, гдѣ содѣйствіе земства въ этомъ отношеніи ничѣмъ не проявляется—служитъ прямымъ доказательствомъ, что само крестьянское населеніе, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ которыя поставлено крестьянское хозяйство, сознало необходимость подъема производительности своего земледѣльческаго труда. И не только сознало, но стремится къ тому и осуществляетъ переходъ къ инымъ формамъ хозяйства—вопреки всѣмъ препятствіямъ къ тому,—а это, въ согласіи со всѣмъ вышеприведеннымъ, свидѣтельствуетъ только, что именно мелкое крестьянское сельское хозяйство имѣетъ въ себѣ задатки развитія какъ по технико-экономическимъ основаніямъ, такъ и по другимъ условіямъ, въ которыя поставлено экономическое развитіе Россіи.

Другія усовершенствованныя орудія, помимо плуговъ, рѣже встрѣчаются въ крестьянскомъ хозяйствѣ, хотя и въ этомъ отношеніи съ каждымъ годомъ происходитъ замѣтное увеличеніе такого рода орудій и они существуютъ уже въ Самарской, Саратовской, Тульской, Орловской, Воронежской, Херсонской, Полтавской, Таврической губерніяхъ (см., между прочимъ—В. В. «Прогрессивныя теченія»). Существуютъ несомнѣнно и во многихъ другихъ мѣ-

стахъ, гдѣ это еще не было констатировано. Для характеристики распространенности ихъ укажу на то, что въ имѣніяхъ Фальцъ-Фейна (въ Таврической губ.) работало въ 1893 г. 1.100 сѣнокосилокъ, изъ которыхъ не болѣе ста принадлежали экономіи, а остальныя 1.000 составляли крестьянскія (кн. Н. Шаховской: „Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы". М. 1896., стр. 161). Тамъ же приводятся свѣдѣнія, что въ 1888 г. въ Ставропольской „мужичьей" губерніи насчитывалось усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій 3.420. Жатвенныхъ машинъ въ Таврической губ. насчитывалось въ 1893 г. до 40.000 и притомъ по преимуществу у крестьянъ. Такого рода орудія пріобрѣтаются нерѣдко цѣлыми обществами, которыя и пользуются ими сообща. Вызывается это: 1) стоимостью такихъ орудій, непосильной отдѣльному мелкому лицу, а 2) и непроизводительностью примѣненія ихъ къ отдѣльному мелкому хозяйству. Такимъ образомъ распространеніе такихъ машинъ, какъ жатвенныя, молотильныя и т. п., создаетъ *техническія* основанія для соединенія мелкихъ хозяйствъ въ одно цѣлое.

Въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ усовершенствованныя орудія встрѣчаются относительно чаще; къ этому, нерѣдко, вынуждаетъ ихъ недостатокъ рабочихъ рукъ въ такое время, когда требуются особенно спѣшныя работы, какъ, наприм., уборка хлѣба. Но приведенное обстоятельство еще не говоритъ объ общемъ состояніи частновладѣльческаго хозяйства: по отдѣльнымъ мѣстамъ мертвый инвентарь въ частныхъ хозяйствахъ значительно уступаетъ крестьянскому. Сказанное въ достаточной мѣрѣ подтверждается данными объ имѣніяхъ заложенныхъ въ Дворянскомъ банкѣ: изъ 8.000 заложенныхъ имѣній имѣютъ свой инвентарь въ черноземной полосѣ 51%, безъ инвентаря—49%; въ нечерноземной полосѣ: съ инвентаремъ—около 67%, остальные 33%—безъ инвентаря; а въ среднемъ для всей Россіи изъ 11.000 заложенныхъ имѣній имѣютъ свой инвентарь только 49%, слѣдовательно болѣе половины безъ инвентаря. («Вліяніе урожаевъ» и т. д., т. I). Какъ можетъ здѣсь вестись хозяйство, объ этомъ еще будетъ сказано въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ, а пока достаточно отмѣтить, что въ отношеніи мертваго инвентаря, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ цифръ, частновладѣльческое хозяйство является далеко не обезпеченнымъ.

Помимо мертвыхъ орудій, въ сельскомъ хозяйствѣ роль орудій играютъ еще животныя. Въ сельскомъ хозяйствѣ скотъ вообще играетъ довольно значительную и многоразличную роль: 1) доставляя удобреніе, 2) различнаго рода продукты—молоко, мясо, шерть, кожу, рогъ и т. д. и 3) наконецъ какъ *живой инвентарь*, т.-е. доставляя работу. Въ этомъ послѣднемъ значеніи мы и разсмотримъ скотъ. Къ живому инвентарю, слѣдовательно должны, быть отнесены: лошади, волы, верблюды, гдѣ они встрѣчаются; сюда не могутъ быть причислены у насъ коровы, хотя въ Германіи и онѣ служатъ для земледѣльческихъ работъ, при чемъ иногда впрягаютъ тамъ въ плугъ корову и лошадь вмѣстѣ. Говоря

о живомъ инвентарѣ по отношенію къ Россіи, пришлось бы остановиться на разсмотрѣніи значенія лошади и вола, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ воловья работа еще очень распространена и преобладаетъ надъ лошадиной. Такъ, наприм., въ Переяславскомъ у., Полтавской губерніи, на 19.270 рабочихъ лошадей приходится 25.550 воловъ; въ Кобелякскомъ еще болѣе: при 6.466 рабочихъ лошадяхъ числится 29.704 вола. Но свѣдѣній объ общемъ количествѣ воловъ по Россіи мы не имѣемъ и потому въ дальнѣйшемъ будемъ говорить лишь о лошадиной рабочей силѣ, что не можетъ повлять на выводы, такъ какъ то, что будетъ сказано нами объ одной лошади, примѣняется въ значеніи ея рабочей силы къ парѣ воловъ, которыхъ впрягаютъ въ плугъ для обработки пашни. Матеріаломъ для опредѣленія количества лошадей служатъ у насъ, съ одной стороны, конскія переписи, которыя производятся для опредѣленія количества годныхъ для войска лошадей, а съ другой — земско-статистическія изслѣдованія.

Конскою переписью 1882 года въ 48-ми губерніяхъ Европейской Россіи зарегистровано $18^1/_2$ милліоновъ лошадей, въ среднемъ на 100 чел.—26 лошадей, а если брать одно сельское населеніе, то на 100 чел. приходилось 28 лошадей. Городскія лошади составляли 2,3% общаго числа лошадей, крестьянскія—86,7% всего числа и въ 8 разъ больше владѣльческихъ, составлявшихъ только 11%. По областямъ въ средней части Россіи приходилось 2,35 лошад. на 1 лошадиный дворъ; значительно ниже это отношеніе на сѣверѣ, гдѣ мало распаханныхъ земель, и на югѣ, гдѣ распространены волы. Всего больше лошадей приходилось на югѣ-востокѣ—4 на 1 лошадиный дворъ, меньше въ промышленныхъ губерніяхъ—1,5 на дворъ. Процентъ безлошадныхъ дворовъ оказался весьма значительнымъ: въ 45 губерніяхъ—26,8%. Въ общемъ же замѣчалась обратная зависимость между величиной надѣла и % безлошадныхъ. По переписи 1888 года, въ 9-ти губерніяхъ число лошадей на дворъ увеличилось, въ 9-ти не измѣнилось и въ 10-ти уменьшилось (А. Фортунатовъ: «С.-хоз. стат.»). Процентъ безлошадныхъ въ общемъ уменьшился, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ увеличился.

Въ заключеніе этихъ данныхъ объ общемъ количествѣ лошадей, не лишнее замѣтить, что по количеству рабочаго скота на 100 человѣкъ населенія Россія значительно превосходитъ другія государства, хотя нельзя того же сказать о другомъ скотѣ. Только Соединенные Штаты Сѣв. Америки приближаются нѣсколько къ Россіи по количеству лошадей (22,1); во всѣхъ остальныхъ оно много менѣе, спускаясь до 4,9 въ Бельгіи. По количеству же рогатаго скота выше Россіи стоятъ почти всѣ страны, исключая Бельгіи и Великобританіи. Почти то же приходится сказать объ овцахъ и свиньяхъ. Не вдаваясь здѣсь въ объясненіе такой разницы въ количествѣ продуктивнаго скота, свидѣтельствующей во всякомъ случаѣ о незначительномъ потребленіи мяса въ Россіи, остановлюсь нѣсколько на фактѣ различія и

превосходства Россіи въ количествѣ рабочаго скота. Объясненіе этому заключается исключительно въ томъ фактѣ, что въ Россіи занятіе земледѣліемъ является рѣзко преобладающимъ и притомъ именно въ формѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства, которое, какъ увидимъ ниже, стремится снабдить каждую рабочую силу лошадью,—иного объясненія нельзя дать: 1) въ силу того, что и на Западѣ, какъ это опредѣленно извѣстно, обработка пашни при помощи пароваго плуга встрѣчается какъ весьма рѣдкое исключеніе, а потому нельзя меньшее количество лошадей тамъ объяснить распространеніемъ другихъ орудій обработки; 2) въ силу того, что большее сравнительно съ Россіей развитіе желѣзныхъ дорогъ и улучшенныхъ путей сообщенія до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не только не сокращаетъ, но увеличиваетъ потребность въ лошади, какъ орудіи передвиженія. Вотъ къ какимъ заключеніямъ приводятъ имѣющіяся относительно этого данныя: «высказывавшіяся прежде опасенія, что желѣзныя дороги убьютъ гужевую перевозку, не оправдались на опытѣ. Хотя количество рабочей силы, занятой на желѣзныхъ дорогахъ, возрастало очень быстро, но и гужевая перевозка увеличивалась почти въ такой же мѣрѣ.

		1841 г.	1851 г.	1861 г.	1871 г.	1881 г.	1891 г.
% лицъ занятыхъ перевозкой въ Англіи	по жел. дор.	0,03	0,3	0,5	0,8	1,2	1,4
	сухопутн.	0,7	0,9	1,1	1,2	1,5	2,8

«Данныя переписей въ Соединенныхъ Штатахъ ясно доказываютъ, что *телѣги и лошади не были вытѣснены желѣзными дорогами*, или, говоря болѣе точно, желѣзныя дороги вызвали больше гужевой перевозки, чѣмъ устранили. Въ 1850 г. производство телѣгъ и повозокъ занимало *15*.590 чел., въ 1870 г.—*54*.928. Въ этотъ же самый періодъ роста желѣзныхъ дорогъ число лошадей въ странѣ увеличилось съ *4*.336.717 до *7*.145.370. Въ дѣйствительности, тогда какъ населеніе увеличилось на 66%, количество людей, занятыхъ производствомъ телѣгъ и экипажей, несмотря на увеличившееся употребленіе сберегающихъ трудъ машинъ въ этомъ производствѣ, возросло болѣе чѣмъ на 200%» (Гобсонъ: «Эволюція» и т. д., стр. 278—279).

Мы считаемъ необходимымъ особо подчеркнуть это явленіе въ виду двухъ послѣдствій, вытекающихъ по отношенію къ Россіи изъ констатированія его: 1) Развитіе желѣзно-дорожной сѣти въ Россіи, облегчая развитіе сношеній и перевозки и тѣмъ самымъ способствуя скорѣйшему и болѣе широкому развитію мѣнового хозяйства не только не должно поколебать этимъ путемъ существованіе крестьянскаго хозяйства (разумѣя подъ такимъ мелкое сельскохозяйственное производство), но даже должно содѣйствовать устойчивости его, такъ какъ повсюду, гдѣ по близости пройдетъ желѣзная дорога, населеніе получитъ возможность использовать силу рабочей лошади въ теченіе зимы, подвозя и отвозя на ней товары, доставляемые желѣзной доро-

гой. Такимъ образомъ содержаніе лошади зимою не явится уже бременемъ, вызываемымъ необходимостью сохранить ее до лѣтнихъ полевыхъ работъ. А эта полнота использованія рабочихъ силъ лошади, какъ то понятно само собою и какъ то увидимъ нѣсколько ниже, составляетъ весьма важное условіе не только устойчивости, но и развитія крестьянскаго хозяйства. 2) Это же условіе, т.-е. болѣе усиленный спросъ на рабочую силу лошади не для полевыхъ только работъ, вызываетъ въ то же время и большій спросъ на телѣги, сани и вообще орудія перевозки. Между тѣмъ всѣ этого рода орудія, служащія въ крестьянскомъ обиходѣ, составляютъ предметъ кустарной промышленности. Послѣдняя же, какъ то было и отмѣчено отчасти выше (стр. 44), составляетъ важное условіе также для устойчивости и развитія крестьянскаго хозяйства, такъ какъ даетъ возможность уже самому крестьянину (конечно, не занятому перевозкой) утилизировать свое время, свободное отъ полевыхъ работъ, и такимъ образомъ не бросать своего земледѣльческаго хозяйства, не искать заработка на сторонѣ и въ то же время извлекать и зимой оборотныя средства для веденія своего земледѣльческаго промысла, который при этихъ условіяхъ можетъ служить прежде всего для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей самого крестьянина.

Перейдемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію значенія рабочей лошади въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Разсматривая раньше крестьянское хозяйство, я указывалъ на то, что отъ величины надѣла зависитъ способность каждаго хозяйства къ разнаго рода улучшеніямъ: гдѣ надѣлы больше, тамъ выше % хозяйствъ съ травосѣяніемъ, тамъ же выше и % плуговъ. Посмотримъ теперь, въ какой зависимости отъ величины надѣла стоитъ степень обезпеченности крестьянскаго хозяйства живымъ инвентаремъ, т.-е. главнымъ образомъ—лошадью. Для освѣщенія этого явленія воспользуюсь данными, заключающимися въ ст. П. А. Вихляева: «Рабочій скотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ» (журналъ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» 1895 г., № 8), гдѣ обработанъ матеріалъ земско-статистическихъ сборниковъ по 313 уѣздамъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что количество лошадей на дворъ стоитъ въ тѣсной связи съ размѣрами надѣла, т.-е. съ уменьшеніемъ послѣдняго уменьшается и число лошадей на дворъ. Такъ, при подраздѣленіи на 8 группъ, причемъ въ первой получается 17,39 д. надѣла и, при послѣдовательномъ уменьшеніи въ послѣдней—7,71 д. надѣла, лошадей на дворъ въ первой группѣ приходится 1,94, въ послѣдней—1,49. Но лошадь имѣетъ главнымъ образомъ значеніе для обработки пашни, поэтому для правильной характеристики значенія лошади въ хозяйствѣ надо сопоставить количество лошадей съ пространствомъ пашни. По отдѣльнымъ областямъ мы имѣемъ, что пространство пашни занимаетъ въ крестьянскомъ надѣлѣ отъ 50 до 75% всей надѣльной площади. По этимъ районамъ вмѣстѣ и по каждому изъ нихъ отдѣльно по-

лучается, что сокращеніе площади надѣла идетъ параллельно съ пониженіемъ площади удобной земли и пашни, приходящейся на одну лошадь, а это значитъ, что съ пониженіемъ надѣла, съ одной стороны, понижается количество кормовыхъ средствъ, которыя могутъ быть добыты для прокормленія скота, а съ другой — сокращается производительное примѣненіе силъ лошади, такъ какъ на долю ея приходится меньшее пространство обрабатываемой земли. То же получается и въ томъ случаѣ, если взять надѣльную землю вмѣстѣ съ арендованной, такъ что при надѣлѣ менѣе 5 д. на 1 лошадь приходится 2,93 дес. земли, а при надѣлѣ болѣе 25 д.—5,17 д.

Насколько степень обезпеченности крестьянскаго хозяйства скотомъ зависитъ отъ величины надѣла, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ о безлошадныхъ:

величина надѣловъ:	17 д.	14	12	11	10	9,74	9,22	7,71
% дворовъ безъ рабочаго скота:	12	16	18	20	21	20,97	23,70	26,23

Съ уменьшеніемъ надѣла, какъ видно изъ этихъ цифръ, правильно повышается % безлошадныхъ. Это и понятно. При небольшомъ надѣлѣ нѣтъ возможности использовать рабочую силу лошади; на нее идетъ больше, чѣмъ она производитъ. Держать ее круглый годъ невыгодно, приходится на зиму продавать. А при томъ экономическомъ положеніи, которое создается продажей лошади, въ случаѣ невозможности опять купить ее на лѣто, прекращается возможность арендовать землю. Такимъ образомъ, сокращается площадь, съ которой производителю приходится прокармливать себя. Продавши лошадь окончательно, крестьянинъ еще не сразу бросаетъ свое хозяйство. Онъ первое время еще пытается обработать свою землю при помощи найма лошади у сосѣдей. Но эта попытка большею частью оканчивается неудачей: естественно, что сосѣди уступаютъ ему лошадь только тогда, когда сами обработаютъ свою землю. А несвоевременность работъ въ земледѣліи роковымъ образомъ отражается на результатѣ: урожай у нашего крестьянина значительно меньше, и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ такихъ попытокъ онъ совершенно разоряется. Вѣрность этого предположенія подтверждается не только логическими соображеніями, но и цифровыми данными, гдѣ таковыя были собраны. И это совершенно понятно.

Дѣло въ томъ, что степень использованія рабочей силы лошади опредѣляется прежде всего размѣромъ надѣла, что опять-таки понятно, такъ какъ лошадь можетъ произвести опредѣленную работу, скажемъ, вспахать въ опредѣленное время опредѣленное число десятинъ. Если надѣлъ менѣе этого числа десятинъ, то часть рабочей силы лошади останется не использованной и тѣмъ большая, чѣмъ мельче надѣлъ. И дѣйствительно, при надѣлѣ:

	дес.
до 5 дес. обработ. на 1 лошадь.	1,39
5—15 д.	2,54
15—25 д.	3,32
б. 25 д.	4,20

Соотвѣтственно этому является стремленіе дополнить недостающій надѣлъ арендой и въ группахъ менѣе надѣленныхъ, но имѣющихъ одинаковое количество лошадей, арендуется, какъ мы то видѣли выше (стр. 140), больше земли.

Такъ въ Воронежской губ. арендуется.

при надѣлѣ: до	5 д.	5—15 д.	15—25 д.	б. 25 д.
на 1 лош. дес. —	1,54	0,85	0,78	0,97.

При этомъ однако получается, что на 1 лошадь арендованной и собственной земли приходится при меньшемъ надѣлѣ все-таки меньше. А именно

при надѣлѣ: до	5 д.	5—15 д.	15—25 д.	б. 25 д.
на 1 лош. дес. —	2,93	3,39	4,10	5,17.

Подобныя же соотношенія получаются и по другимъ уѣздамъ (Казанск., Тверск., Новгородск. губ.). Такія же соотношенія получаются и при обработкѣ пашни волами.

Такимъ образомъ когда лошадь крестьянина менѣе надѣленнаго обрабатываетъ 1,39 дес., болѣе надѣленный пользуется ея силой для обработки 4,20 д., т.-е. въ послѣднемъ случаѣ ея работа втрое производительнѣе. «Тамъ, гдѣ крестьянинъ съ надѣломъ нѣсколько выше 25 д. содержитъ для обработки своей земли *3—4* лошади, пятеро сосѣдей его съ надѣломъ по 5 десятинъ, для обработки того же пространства, земли содержатъ *9—12 лошадей*» (П. А. Вихляевъ) Содержаніе же одной рабочей лошади въ томъ и другомъ случаѣ должно быть почти одинаково, а добывается оно при очень различныхъ условіяхъ. «Въ результатѣ, трудъ, овеществленный въ продуктахъ содержанія рабочаго скота, распредѣляется неравномѣрно и переносится на тѣмъ большее количество продуктовъ пашни, чѣмъ крупнѣе размѣръ землевладѣнія: при надѣлѣ болѣе 25 дес. содержаніе рабочей лошади переносится на продукты 4,2 д., при наименьшемъ надѣлѣ на продукты 1,39 д., т.-е. производительность труда понижается по мѣрѣ сокращенія надѣла. . . . *По мѣрѣ сокращенія величны надѣла, содержаніе рабочей лошади поглощаетъ все большій и большій процентъ валового дохода хозяйства,* а такъ какъ съ меньшаго надѣла получается и меньшее количество продуктовъ, то мы можемъ придти къ заключенію, что чѣмъ меньше валовой доходъ крестьянскаго хозяйства, тѣмъ большій процентъ этого дохода поглощается содержаніемъ рабочаго скота *и тѣмъ меньшее количество продуктовъ остается въ рукахъ земледѣльца для удовлетворенія его собственныхъ потребностей*» (тамъ же). Отсюда понятно, что въ общинахъ съ меньшимъ земельнымъ надѣломъ должна

получиться меньшая возможность вести хозяйство, и «возникаетъ моментъ, когда содержаніе лошади становится непосильнымъ и является необходимость выбора между голодомъ и потерею рабочаго скота; наступленію этого момента, конечно, споспѣшествуетъ сокращающаяся величина надѣла» (тамъ же). Но хозяйство, не имѣющее лошади, уже лишено возможности арендовать землю, и потому въ мѣстностяхъ съ большимъ процентомъ безлошадныхъ дворовъ *средній* размѣръ надѣла на дворъ меньше, нежели въ мѣстностяхъ съ меньшимъ процентомъ безлошадныхъ, что и констатировано въ изслѣдованіи П. А. Карышева: «Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды». Тамъ указано, что по мѣрѣ увеличенія процента безлошадныхъ съ 15 до 41% уменьшается средній размѣръ арендуемаго на дворъ участка съ 4,9 д. до 0,2 д. Потеря лошади, лишая возможности арендовать землю, дѣлаетъ необходимымъ обработку надѣльной земли наймомъ, что, какъ уже отмѣчено, имѣетъ свои невыгоды, независимо отъ того, что рабочая сила лошади еще менѣе использована при сокращеніи обрабатываемой площади за отсутствіемъ арендованной земли.

И такъ, прежде всего прекращается аренда, лошадь продается, а надѣлъ обработывается нанятой у сосѣда лошадью; хозяйства безъ рабочаго скота увеличиваются, а обработка своимъ скотомъ падаетъ. Но на этомъ процессъ разоренія, конечно, не останавливается, онъ идетъ далѣе: среди безлошадныхъ процентъ бездомовыхъ составляетъ отъ 8 до 10,2%, тогда какъ у лошадныхъ только 0,3 — 0,4% бездомовыхъ. Здѣсь мы уже имѣемъ дѣло съ полнымъ и безповоротнымъ превращеніемъ крестьянина въ пролетарія.

Но что же сдѣлалось съ его землей? Быть-можетъ, она попала въ руки другого нуждающагося въ землѣ, и такимъ образомъ паденіе одного бѣдняка вывело до нѣкоторой степени изъ нужды другого. Но и этого нѣтъ.

Выше, гororя о землепользованіи, мы отмѣтили уже, что съ увеличеніемъ числа работниковъ въ семьѣ увеличивается арендованіе земли, такъ какъ соотвѣтственно этому увеличивается и количество рабочихъ лошадей. Это увеличеніе въ количествѣ рабочихъ лошадей при большемъ числѣ рабочихъ силъ объясняется тѣмъ, что каждый рабочій долженъ быть снабженъ лошадью, такъ какъ безъ того онъ и не можетъ приложить своихъ силъ къ землѣ. А въ такомъ случаѣ, при существующей нормѣ надѣла, должно являться въ такихъ многорабочихъ и много-лошадныхъ семьяхъ стремленіе арендовать столько земли, чтобы не оставить не использованными рабочія силы лошадей. Но такія многолошадныя семьи при всякихъ условіяхъ аренды, т.-е. какъ за деньги, такъ и за работу, поставлены въ болѣе легкую возможность арендовать, чѣмъ однолошадный (и въ то же время по преимуществу однорабочій) хозяинъ. Конкуррентами такимъ однолошаднымъ и являются многорабочія семьи.

Все это приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: величина

надѣла—главный факторъ, опредѣляющій отношеніе лошади къ землѣ. Съ уменьшеніемъ надѣла сокращается пространство земли на 1 лошадь; отсюда—стремленіе арендовать, которое тѣмъ болѣе осуществляется, чѣмъ больше лошадей приходится на дворъ. Количество работниковъ, въ свою очередь увеличивая надѣлъ двора и число лошадей, способствуетъ арендѣ въ большихъ размѣрахъ. При большомъ надѣлѣ возрастаетъ число лошадей, находящихъ работу на надѣльной землѣ; при маломъ—увеличеніе числа лошадей вызываетъ необходимость аренды, но эта необходимость существуетъ здѣсь въ болѣе сильной степени и при одной лошади. Отсюда—и низкія цѣны на хлѣбъ не уменьшаютъ аренды, ибо для увеличенія обработки не требуется увеличенія живого инвентаря, хотя въ то же время, чтобъ имѣть возможность больше арендовать, больше держится лошадей, но это и служитъ признакомъ обычнаго избытка рабочей силы лошади и влечетъ меньшую у насъ производительность труда и бѣдность. Для повышенія же производительности труда необходимо созданіе такихъ условій, при которыхъ рабочая сила утилизировалась бы сполна.

Что же однако показываетъ все это? Если намъ приходится здѣсь цѣлымъ рядомъ сопоставленій приходитъ къ выводу о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводитъ несоотвѣтствіе площади обрабатываемой земли — силамъ лошади, то крестьянину это отлично извѣстно практически и совершенно понятно безъ всякихъ статистическихъ выкладокъ. А въ такомъ случаѣ что же значитъ, что, несмотря на все это, онъ стремится снабдить лошадью каждую рабочую силу и такъ сказать обѣими руками держится за возможность арендовать землю и вообще за тотъ тяжелый и къ тому же неблагодарный трудъ, которымъ, при описанныхъ условіяхъ, оказывается земледѣліе? Не та ли это привязанность и любовь къ землѣ, которую нѣкогда такъ поэтически изобразилъ Мишле? Не отрицая возможности существованія такихъ чувствъ и страстей и предоставляя анализъ ихъ психологамъ, посмотримъ, не найдется ли объясненіе этому въ экономическихъ условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если довольно простой и нехитрый разсчетъ показываетъ, что при отмѣченныхъ условіяхъ веденіе хозяйства представляется невыгоднымъ и въ концѣ концовъ ведетъ къ обезлошаденью, но только путемъ долгой упорной борьбы и недоѣданья, то что же заставляетъ держаться за землю, вмѣсто того, чтобы искать другой работы? Одна только привычка къ этому труду и инертность ничего не объясняютъ, такъ какъ тотъ же крестьянинъ, не ограничиваясь земледѣліемъ, берется за всякую работу, ищетъ ее повсюду, не стѣсняясь для этого идти за сотню верстъ пѣшкомъ, питаясь нерѣдко подаяніемъ, оставляетъ совершенно свою деревню и бредетъ невѣдомыми ему путями искать такія мѣста, гдѣ бы земли было вволю. Если мы вспомнимъ отмѣченное въ предшествующемъ очеркѣ обстоятельство, что спросъ на трудъ въ обрабатывающей промышленности растетъ слабѣе населенія,

что развивающаяся фабрика не поглощаетъ всего количества лицъ, выбиваемыхъ изъ крестьянскаго строя малымъ надѣломъ и низкою при этихъ условіяхъ производительностью земледѣльческаго труда, то намъ станетъ такъ же понятно, какъ и крестьянину, знающему это по опыту, что, освободившись отъ земли, онъ не найдетъ болѣе благопріятныхъ условій для приложенія своего труда, а слѣдовательно и для своего пропитанія. Вотъ тѣ экономическія основанія, тѣ матеріальные интересы, которые заставляютъ его держаться за землю, которые, несмотря ни на что, даютъ устойчивость этому слою населенія и сохраняютъ его повсюду, гдѣ капитализмъ ушелъ много дальше нашего по пути своего развитія и гдѣ онъ успѣлъ вызвать наконецъ, какъ въ Германіи и Австріи, среди крестьянства стремленіе обезпечить свое существованіе не бѣгствомъ отъ земли, а иными путями. Отсюда понятно, что въ такой странѣ, какъ Россія, интересы этого класса населенія, какъ бы ихъ ни игнорировали, должны заявлять о себѣ все настойчивѣе и настойчивѣе и отражаться на всемъ строѣ нашихъ экономическихъ отношеній.

Но изъ всего сказаннаго въ этомъ очеркѣ понятно также и то, какое значеніе имѣютъ условія, отъ которыхъ зависитъ сохраненіе у крестьянъ живого инвентаря. Посмотримъ поэтому на нѣкоторыя условія измѣненія его.

Я раньше привелъ нѣкоторыя данныя о количествѣ лошадей въ крестьянскомъ хозяйствѣ до 1882 года. Съ этого времени и по 1888 годъ количество лошадей возросло на 5,47%, въ то же время понизился % безлошадныхъ, причемъ большее пониженіе произошло въ многонадѣльныхъ группахъ. Указанный благопріятный фактъ могъ произойти какъ въ зависимости отъ увеличенія населенія, такъ и отъ нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто въ періодъ съ 1882 по 1888 годъ, какъ, наприм., отмѣна подушной подати, пониженіе выкупныхъ платежей, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнилось нѣсколько неблагопріятное отношеніе платежей къ доходамъ. Если прибавить сюда, что съ 1882 по 1888 г. было нѣсколько урожайныхъ годовъ, то станетъ понятнымъ, почему за этотъ періодъ увеличилось количество лошадей въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но уже 1891 голодный годъ вызвалъ обратное явленіе: распродажу крестьянскаго скота въ большомъ количествѣ за безцѣнокъ, и не только въ губерніяхъ, постигнутыхъ голодомъ, гдѣ это, конечно, главнымъ образомъ наблюдалось, но и въ другихъ мѣстахъ, вслѣдствіе общей дороговизны хлѣба въ то время; такъ, по конской переписи 1894 года въ Тверской губ. количество лошадей съ 1888 года уменьшилось на 9.500 лош., т.-е. на 3,1%, и это даже при томъ условіи, что слѣдующіе за 1891 и 1892 урожайные годы, при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, дали возможность населенію не прибѣгать къ продажѣ своего скота.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что количество скота является очень чувствительнымъ ко всякимъ измѣненіямъ

въ условіяхъ хозяйства и потому отъ уменьшенія его даже въ цѣломъ рядѣ лѣтъ нельзя еще заключать о дальнѣйшемъ движеніи въ томъ же направленіи. Такъ, по даннымъ, относящимся къ Московской губ., гдѣ этотъ матеріалъ разработанъ за цѣлый рядъ лѣтъ, начиная съ 1869 г. ясно видно, что тутъ происходятъ колебанія въ ту и другую сторону. Такъ, относительно крупнаго рогатаго скота «за періодъ времени съ 1869 по 1883 г. констатируется *увеличеніе* количества скота на 9.018 головъ, въ слѣдующій затѣмъ періодъ съ 1883—1887 г. увеличеніе равняется 6.596 головъ, съ 1887—1889 г. достигаетъ 48062; съ этого времени начинается совершенно правильное *паденіе* цифръ, заканчивающееся 1892—голоднымъ годомъ, когда уменьшеніе достигаетъ 38.837 головъ; съ 1893 г. опять начинается *увеличеніе* количества скота на 5.289, а въ 1894 г. на 22185 головъ» (Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1895 г. «Данныя о размѣрахъ скотовладѣнія въ Московской губ.» С. Н. Павлушкова). Начавшееся съ 1893 г. увеличеніе имѣло мѣсто также и въ 1895 и въ 1896 годахъ; въ 1895 г. количество крупнаго рогатаго скота въ губерніи, по сравненію съ предшествующимъ годомъ, возросло на 15.581 гол. (6,3%), а въ 1896 г. на 34.257 гол. (13%) (Стат. Ежег. Моск. губ. за 1897 г.). Что касается лошадей, то за тѣ же годы увеличеніе въ ихъ числѣ отмѣчается лишь въ 1883 г. и затѣмъ въ 1893 г.; нѣкоторое уменьшеніе ихъ въ 1894 г. смѣняется увеличеніемъ въ 1895 г. и еще бо́льшимъ увеличеніемъ въ 1896 г. (тамъ же). При этомъ оказывается, что въ неурожайные годы населеніе въ большей мѣрѣ лишается крупнаго рогатаго скота, нежели лошадей, хотя затѣмъ возстановленіе рогатаго скота происходитъ быстрѣе уже въ силу того, что оно въ большей мѣрѣ происходитъ путемъ естественнаго выращиванія его въ своемъ хозяйствѣ. Отмѣтимъ еще, что для 1893 г., по сравненію съ 1883 г., произошло увеличеніе однолошадныхъ и сокращеніе въ числѣ имѣющихъ по 2 лошади и болѣе 2-хъ лошадей. Уменьшилось также и число дворовъ, не имѣющихъ лошадей.

Подобныя же измѣненія намѣчаются и по другимъ мѣстностямъ, гдѣ имѣются такого рода данныя за рядъ лѣтъ. Такъ, въ Петровскомъ у. Саратовской г. при сравнительной разработкѣ матеріала подворной переписи 1884 и 1894 гг. приведены свѣдѣнія о количествѣ лошадей за періодъ 1882—1896 г., причемъ оказывается, что съ 1882 г. оно росло до весны 1891 г., а затѣмъ послѣ неурожая значительно понизилось; къ веснѣ же 1893 г. стало опять возрастать вплоть до 1896 г., не достигнувъ, правда, цифры 1892 г. Что касается рогатаго скота, то по отношенію къ нему колебанія еще сильнѣе: съ 75 т. въ 1884 г. оно упало до 49,8 т. къ 1892 г., а затѣмъ, постепенно возрастая, дошло до 80,5 т. къ 1896 г., т.-е. здѣсь также отмѣчается по отношенію къ рогатому скоту: 1) болѣе быстрое сокращеніе его подъ вліяніемъ нужды и 2) болѣе быстрое возстановленіе его путемъ естественнаго выращиванія. При этомъ оказывается еще, что и

въ Петровскомъ у. въ результатѣ измѣненій, происходившихъ между 1884 и 1894 г., произошло увеличеніе процента дворовъ съ одной лошадью и уменьшеніе процента дворовъ съ 2 и болѣе лошадьми *), объясненіе чему и можно искать въ томъ, что одна лошадь, какъ минимальная величина, безъ которой уже нельзя вести хозяйство, по возможности не отчуждалась; вторая же, а тѣмъ болѣе третья по нуждѣ продавались, вслѣдствіе чего и получилось увеличеніе въ числѣ однолошадныхъ дворовъ. Но въ то же время насчетъ ихъ не происходило возвышеніе другихъ болѣе состоятельныхъ домохозяевъ, и неудачные въ хозяйственномъ отношеніи годы создаютъ не дифференціацію, а наоборотъ нивеллированіе, но на почвѣ пониженія общаго уровня благосостоянія, что, однако, опять измѣняется путемъ послѣдующаго увеличенія въ количествѣ скота.

Мы ограничиваемся приведеніемъ такого рода данныхъ по Петровскому у. и по Московской губерніи именно потому, что здѣсь они имѣются за цѣлый рядъ лѣтъ и это даетъ возможность видѣть, что измѣненія въ количествѣ скота не совершаются въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Напротивъ, чуть только являются сколько-нибудь благопріятныя условія, тотчасъ же количество скота начинаетъ увеличиваться, а это опять-таки свидѣтельствуетъ, что населеніе упорно держится за сельское хозяйство и будетъ держаться, и уже въ силу этого экономическія условія сельскаго хозяйства должны имѣть наибольшее значеніе въ общемъ строѣ нашихъ экономическихъ отношеній. Кромѣ того, приведенныя данныя объ измѣненіи въ распредѣленіи скота свидѣтельствуютъ, что, несмотря на происходящую дифференціацію въ средѣ крестьянскаго населенія и притомъ, скажемъ, прямо неизбѣжную съ развитіемъ экономическихъ отношеній, всякія заключенія о дальнѣйшемъ ходѣ ея, о неизбѣжности конечнаго разрушенія крестьянства, являются, при отсутствіи ряда наблюденій за цѣлый рядъ моментовъ, столь же мало обоснованными и скороспѣлыми, какъ въ свое время были преждевременны заключенія о полномъ крушеніи общинныхъ традицій, основывавшіяся только на отсутствія передѣловъ земли въ 70-хъ годахъ, что не помѣшало произойти такимъ передѣламъ въ 80-хъ годахъ. Если, такимъ образомъ, при описанныхъ выше неблагопріятныхъ условіяхъ не только для развитія, но даже и просто для существованія крестьянскаго хозяйства, замѣчается, однако, такая живучесть въ немъ, сопровождаемая, какъ отмѣчено ранѣе, измѣненіями въ техникѣ, въ орудіяхъ производства, по годамъ въ увеличеніи скота, то все это говоритъ за то, что того требуютъ экономическіе интересы массы, которые, конечно, и найдутъ въ такомъ случаѣ почву для своего проявленія.

Отмѣтимъ еще одно общее заключеніе, къ которому приводитъ какъ анализъ мертваго и живого инвентаря, такъ и анализъ

*) Н. Черненковъ. Сравн. данныя о скотоводствѣ крест. Петровск. у. по земск. переписямъ 1884 и 1894 гг. въ Саратовск. Земск. Недѣли 1897 г. № 7.

системъ земледѣлія. При послѣднемъ мы видѣли, что переходъ къ улучшенной системѣ начинается при бо̀льшемъ надѣлѣ. Изъ анализа живого и мертваго инвентаря мы видимъ, что здѣсь величина надѣла оказываетъ вліяніе въ томъ же направленіи: гдѣ надѣлы меньше, тамъ, какъ было отмѣчено, слабѣе распространяются плуги, меньше рабочаго скота и, наконецъ, меньше возможности использовать его. Недостаточность земельнаго надѣла обусловливаетъ, такимъ образомъ, и низкую степень производительности труда. Это еще разъ свидѣтельствуетъ, насколько здѣсь существенны условія, предоставляющія въ пользованіе населенія больше земли.

Что касается живого инвентаря въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, то точныхъ данныхъ объ этомъ не имѣется. Изъ данныхъ о заложенныхъ въ Дворянскомъ банкѣ имѣніяхъ можно видѣть, что болѣе 49% всѣхъ заложенныхъ имѣній не имѣютъ вовсе рабочаго скота. Слѣдовательно, что подтверждается и другими данными, во многихъ изъ нихъ, гдѣ ведется хозяйство, оно ведется крестьянскимъ инвентаремъ.

Примѣчаніе. Цифровыя данныя о живомъ и мертвомъ инвентарѣ можно найти въ указанномъ уже ранѣе трудѣ **А. Ф. Фортунатова**; болѣе же детальную разработку вопроса о значеніи лошади въ крестьянскомъ хозяйствѣ см. въ ст. **П. А. Вихляева**: „Рабочій скотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ“ (журналъ „Сельское хозяйство и лѣсоводство“, № 8, 1895 г.).

IX. Трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

До сихъ поръ я почти не останавливался на рабочей силѣ самого человѣка и касался лишь условій приложенія труда въ сельскомъ хозяйствѣ и ихъ отличій отъ условій приложенія рабочей силы въ обрабатывающей промышленности. Въ предыдущемъ выяснялось, что по климатическимъ условіямъ сельское хозяйство, выдѣленное въ особую отрасль занятій, за исключеніемъ немногихъ операцій, не можетъ занять всей рабочей силы человѣка, между тѣмъ по общественнымъ условіямъ для своего содержанія человѣкъ долженъ трудиться въ теченіе всего рабочаго года, превышающаго по количеству дней рабочій сельскохозяйственный годъ.

Далѣе опредѣлилось, что современныя условія обмѣна и выдѣленіе обрабатывающей промышленности, вызывая необходимость и для сельскаго хозяина приготовлять не только продуктъ потребленія, но и товаръ, не позволяютъ ему сосредоточиться на приготовленіи товара, производству котораго наиболѣе благопріятствуютъ мѣстныя условія и въ то же время ведутъ къ спеціализаціи хозяйства, отнимающей возможность добывать въ немъ продукты, годные для приготовленія въ собственномъ хозяйствѣ предметовъ личнаго потребленія въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время, а это создаетъ также избытокъ рабочаго времени сверхъ сельскохозяйственныхъ работъ. Условія

распредѣленія землевладѣнія и арендованія земли выяснили, что и въ теченіе сельскохозяйственнаго рабочаго сезона у земледѣльца не всегда бываетъ возможность использовать свою рабочую силу. То же вытекаетъ и изъ анализа условій пользованія живымъ инвентаремъ. Распредѣленіе угодій показало, что при всѣхъ этихъ условіяхъ, крестьянинъ по преимуществу стремится къ производству такого рода растеній, которыя, составляя предметъ его потребленія, въ то же время требуютъ для производства ихъ наибольшей обработки земли при данной системѣ земледѣлія. При изображеніи условій перехода отъ одной системы земледѣлія къ другой было отмѣчено, что переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ требуетъ приложенія бо́льшаго количества труда, но, въ свою очередь, осуществленіе этого перехода стоитъ въ тѣсной связи съ размѣромъ землепользованія, который при извѣстномъ минимальномъ предѣлѣ задерживаетъ такой переходъ. Слѣдовательно, и тутъ опять является условіе, оставляющее извѣстную долю труда свободной отъ приложенія къ сельскохозяйственному производству.

Вотъ въ краткихъ и общихъ чертахъ условія приложенія рабочей силы въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Отсюда вытекаетъ, съ одной стороны, неполнота использованія со стороны крестьянина своей рабочей силы въ своемъ собственномъ хозяйствѣ, неполнота, усугубляемая еще недостаткомъ знаній, не позволяющимъ утилизировать болѣе всесторонне окружающія силы природы, вслѣдствіе отсутствія полнаго знакомства съ свойствами этихъ силъ и законами ихъ проявленія. Съ другой стороны, существуетъ необходимость полной утилизаціи своихъ силъ, ради простого существованія и поддержанія своего хозяйства, слѣдовательно, необходимость отысканія другихъ сферъ, другихъ источниковъ ихъ приложенія. Отсюда развитіе мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ въ однѣхъ мѣстностяхъ, отхожихъ въ другихъ, извоза въ третьихъ, наконецъ, сельскохозяйственныхъ же работъ въ различныхъ мѣстахъ, внѣ своего земледѣльческаго хозяйства. При этомъ формы отчужденія труда отличаются въ нашемъ крестьянствѣ большимъ разнообразіемъ: здѣсь играетъ роль, отчуждаетъ ли крестьянинъ всю свою рабочую силу, порвавши совершенно съ собственнымъ хозяйствомъ, или же, сохраняя, хотя и не совсѣмъ въ чистомъ видѣ, типъ крестьянина, онъ продолжаетъ поддерживать свое хозяйство, но, имѣя недостатокъ въ средствахъ производства, вынужденъ отчуждать часть рабочей силы на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, диктуемыхъ экономическими особенностями каждой мѣстности.

Еще въ эпоху барщиннаго труда, при крѣпостномъ правѣ, помѣщики отводили своимъ крестьянамъ приблизительно столько земли, сколько необходимо было для приложенія трехдневнаго труда, находившагося въ распоряженіи крестьянъ, ибо въ остальные три дня рабочая сила крестьянина принадлежала помѣщику, какъ вознагражденіе за предоставленныя послѣднимъ первому средства производства. Такимъ образомъ, еще при бар-

щинной системѣ крестьянство было обезпечено средствами производства лишь настолько, что только половина рабочаго времени занята была въ собственномъ хозяйствѣ, другая половина отдавалась помѣщику. Съ теченіемъ времени это отношеніе измѣнилось, но не къ выгодѣ крестьянства. Во-первыхъ, надѣлы, отведенные крестьянамъ при отмѣнѣ крѣпостного права, оказались ниже тѣхъ нормъ, которыя приняты были при крѣпостномъ правѣ помѣщиками для обезпеченія трехдневнаго крестьянскаго труда, а во-вторыхъ, съ того времени, съ постепеннымъ ростомъ населенія, растетъ и земельная необезпеченность его. Понятно отсюда, что если раньше у крестьянина оставалось три дня свободныхъ, то теперь такого избыточнаго времени еще больше. Здѣсь мы и находимъ объясненіе тому сильному стремленію къ арендѣ земли, которое мы наблюдаемъ теперь у насъ. Но, чтобы арендовать землю, необходимо оплачивать наемъ, нужны деньги. А такъ какъ таковыхъ у нашего крестьянства большею частью не бываетъ, то и является необходимость отчуждать непосредственно рабочую силу въ видѣ различныхъ работъ въ постороннемъ хозяйствѣ. Частные владѣльцы. а также и наиболѣе состоятельные крестьяне получаютъ такимъ образомъ возможность пользоваться рабочими силами, необходимыми для ихъ хозяйства. Съ перваго взгляда здѣсь существуетъ даже какъ бы нѣкоторая гармонія: у однихъ земля, у другихъ рабочія силы и возможность безъ посредства денегъ, при помощи отчужденія рабочей силы въ пользу собственника, получать недостающую землю. Но стоитъ только ближе вглядѣться въ эти отношенія, чтобъ убѣдиться, настолько призрачна эта гармонія. Во-первыхъ, нашъ крестьянинъ-арендаторъ далеко не въ такія условія поставленъ, какъ англійскій фермеръ, который арендуетъ землю исключительно съ предпринимательскими цѣлями, чтобы получить % на свой капиталъ. Онъ скорѣе напоминаетъ ирландскаго фермера, который вынужденъ арендовать, чтобъ имѣть возможность существовать. Ясно, что аренда при такихъ условіяхъ не можетъ вести къ улучшеніямъ въ хозяйствѣ. Во-вторыхъ, крестьянину, вынужденному арендовать землю за отработки, приходится по необходимости соглашаться на такія условія, которыя даютъ ему возможность только поддерживать свое существованіе, такъ какъ здѣсь достигается взаимное соглашеніе при неодинаковомъ положеніи соглашающихся сторонъ. Одна изъ распространенныхъ формъ состоитъ въ томъ, что за извѣстный участокъ земли арендаторъ долженъ произвести рядъ работъ на остающейся свободной отъ аренды землѣ. Далѣе, кромѣ отмѣченной группы арендаторовъ-рабочихъ, не мало и такихъ крестьянъ, которые совсѣмъ забросили свое хозяйство, или не имѣютъ достаточно работъ на своей землѣ, либо по незначительности надѣла, либо вслѣдствіе большого состава семьи. При послѣднемъ условіи случается, что гдѣ даже хорошо ведется крестьянское хозяйство, нѣкоторая часть рабочихъ силъ ищетъ работы на сторонѣ.

Таковы условія, при которыхъ создается контингентъ рабочихъ для хозяйствъ, нуждающихся въ наемномъ трудѣ. Неодинаковыя климатическія условія, при крайне обширной территоріи Россіи, вызываютъ то, что сельскохозяйственныя работы производятся въ различныхъ мѣстахъ въ разное время и въ разныхъ размѣрахъ: на югѣ, наприм., посѣвы больше, колебаніе урожаевъ рѣзче, а потому и притокъ рабочихъ туда больше, чѣмъ на сѣверъ и въ центральныя губерніи, гдѣ распашки меньше и рабочихъ рукъ для обработки земли нужно меньше.

Способы отчужденія рабочей силы весьма разнообразны. Я уже упоминалъ объ одномъ видѣ такого отчужденія въ вознагражденіе за аренду. Крестьянинъ за аренду какого-нибудь участка обязуется явиться по требованію владѣльца въ его хозяйство и отработать тамъ опредѣленное число дней или произвести извѣстныя работы, часто даже со своимъ инвентаремъ. Вотъ почему мы встрѣчаемъ частновладѣльческія хозяйства, гдѣ нѣтъ ни живого, ни мертваго инвентаря: земля обрабатывается крестьянскимъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. Это аренда *за отработки*. Такая отработка, производимая обыкновенно изъ нужды (за муку, солому, кредитъ, проценты) не только отдѣльными лицами, но и цѣлыми товариществами и обществами крестьянъ, не можетъ вести къ улучшенію частновладѣльческаго хозяйства. *Зимняя наемка*—это тотъ же заемъ на уплату податей, въ задатокъ за аренду или на текущія потребности. Испытывая сильную нужду въ деньгахъ для удовлетворенія этихъ потребностей, крестьянинъ нанимается зимой на лѣто, при чемъ при наймѣ ему выдается задатокъ. Такая наемка обходится собственнику на 20 и больше % дешевле, но соотвѣтственно этому и самая работа ниже. Затѣмъ аренда изъ доли или *половничество*, что прежде было сильно распространено въ Западной Европѣ. Прежде крестьянинъ при такой арендѣ получалъ землю и сѣмена, иногда даже постройки и часть инвентаря, а продуктъ дѣлился пополамъ съ владѣльцемъ. Но съ теченіемъ времени это отношеніе мѣняется: вмѣсто $^1/_2$ урожая, напримѣръ, крестьянинъ оставляетъ себѣ только $^1/_3$. Иногда при половничествѣ ставится условіе, что за десятину арендуемой земли крестьянинъ обязуется обработать десятину на владѣльца земли. Недостатокъ этой формы аренды тотъ, что одинъ старается отдать меньше, другой работать меньше, и при этихъ условіяхъ трудно разсчитывать на улучшенія въ хозяйствѣ; къ тому же половничество у насъ не наслѣдственное, какъ это было на Западѣ, а обыкновенно на годъ, почему при немъ и нѣтъ у насъ выгодъ вводить многолѣтнюю культуру.

Далѣе, *батрацкое* хозяйство, гдѣ рабочіе нанимаются на годъ, на лѣто и поденно.

Районъ преимущественнаго распространенія обработки пашни у владѣльцевъ ихъ инвентаремъ и трудомъ *постоянныхъ* или *сроковыхъ* рабочихъ составляютъ вся западная, южная и частью юго-восточная окраина Европейской Россіи и двѣ губерніи про-

мышленной группы, гдѣ, однако, владѣльческихъ хозяйствъ относительно немного. Въ остальной большей части Европейской Россіи господствуетъ почти исключительно, или пользуется преимущественнымъ распространеніемъ обработка пашни *крестьянскими орудіями и скотомъ* и наемъ *издѣльный за деньги*, или въ формѣ *отработковъ*, или же отдача земли въ обработку *исполу*. (Вліяніе урожаевъ и т. д *Н. Ф. Анненскій.* Стоимость производства хлѣба въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ.)

Отсюда мы видимъ, что крестьянинъ отчуждаетъ не только свою рабочую силу, но исполняетъ работы и своимъ инвентаремъ въ большей части мѣстностей Европейской Россіи, такъ что характеръ сельскохозяйственныхъ предпріятій, ведомыхъ, хотя бы и на частновладѣльческихъ земляхъ и за счетъ частныхъ владѣльцевъ, опредѣляется по преимуществу строемъ, уровнемъ и условіями крестьянскаго хозяйства. Слѣдовательно, если мы раньше отмѣтили, что частновладѣльческія земли по преимуществу сдаются въ аренду крестьянамъ, которые и ведутъ на нихъ хозяйство за свой страхъ и рискъ, то теперь намъ приходится отмѣтить и другое, а именно, что тамъ, гдѣ хозяйство ведется за счетъ владѣльцевъ, не прилагающихъ личнаго труда къ обработкѣ земли, оно ведется по преимуществу, такъ сказать, тѣми же средствами, какъ и крестьянское. Слѣдовательно, состояніемъ именно крестьянскаго хозяйства опредѣляется у насъ и все развитіе сельскохозяйственной культуры.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство весьма существенное. Какъ видно изъ приведенной только-что передъ симъ выдержки изъ работы Н. Ф. Анненскаго, у насъ преобладаетъ натуральная форма оплаты труда, т.-е. не деньгами, а землей, которую крестьянинъ, берущій ее въ аренду, получаетъ какъ плату за трудъ, примѣняемый на остальной части владѣльческой земли, будетъ ли то работа исполу или отработочная система, при которомъ крестьянинъ, а иногда и цѣлое крестьянское общество обязуется за арендуемую землю исполнить рядъ опредѣленныхъ работъ. Это преобладаніе натуральной оплаты аренды съ одной стороны и работы съ другой объясняется, во-первыхъ тѣмъ, что населеніе, въ особенности наиболѣе обездоленное, предпочитаетъ уплатить за землю не деньгами, а трудомъ, такъ какъ деньги надо достать, что не всегда возможно, а трудъ свой надо прилагать и для добычи денегъ, а здѣсь готовая почва подъ руками для приложенія его; но если это отвѣчаетъ интересамъ крестьянъ въ данный моментъ или, точнѣе говоря, положенію ихъ, то возможность воплотить эти интересы въ такой формѣ обусловливается тѣмъ, что того требуютъ интересы землевладѣльцевъ: многими статистическими сборниками констатировано и въ только-что цитированной статьѣ Н. Ф. Анненскаго вполнѣ выяснено, что натуральная оплата труда для землевладѣльцевъ обходится дешевле, нежели денежная. По вычисленіямъ, произведеннымъ въ этой статьѣ, оказывается, что при натуральной формѣ найма хозяева гораздо

«менѣе зависятъ отъ колебанія рыночныхъ цѣнъ на хлѣбъ и на трудъ, нежели при хозяйствѣ чисто-денежномъ». Это одно обстоятельство заставляющее предпочитать натуральную оплату труда. Другое заключается въ томъ, что оплата эта бываетъ въ этомъ случаѣ обыкновенно дешевле. Во-первыхъ потому, что на нее соглашается болѣе нуждающійся крестьянинъ, который и готовъ взять поэтому за свой трудъ дешевле, а во-вторыхъ и менѣе нуждающійся больше отдастъ за землю трудомъ, нежели деньгами, ибо послѣднія надо тоже достать трудомъ, для приложенія котораго за деньги можетъ и не найтись благопріятныхъ условій, а трудъ все равно останется не использованнымъ. Къ этому присоединяется еще и то, что земля-то нужна, и именно данная, лежащая здѣсь по близости и, слѣдовательно, если землевладѣлецъ, соблюдая свою выгоду, не отдаетъ ее иначе, какъ за отработки и притомъ опредѣленные, то надо согласиться. Наконецъ, рабочій за деньги можетъ уйти всегда, а такой мѣстный готовъ во всякое время къ услугамъ. Къ тому же съ развитіемъ денежной наемки надо имѣть и свой инвентарь, а тутъ можно обойтись инвентаремъ крестьянина, не требующимъ денежнаго расхода. Деньги же, въ особенности съ развитіемъ тѣхъ условій международнаго обмѣна, которыя выяснялись въ 3-мъ очеркѣ, достаются невѣрно и ихъ можно и совсѣмъ не получить. Крестьянинъ же можетъ вести хозяйство за свой счетъ и при этихъ условіяхъ, такъ какъ для него имѣетъ главное значеніе возможность получить больше продуктовъ не для обмѣна, а для удовлетворенія своихъ потребностей, для содержанія своей рабочей силы, которая для этого не должна пропадать праздно, а непремѣнно расходоваться.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, хорошо это или дурно, попытаемся опредѣлить нѣкоторыя вытекающія отсюда слѣдствія.

Въ 3-мъ очеркѣ было выяснено, въ какое неустойчивое положеніе становится условіями современнаго международнаго рынка каждое хозяйство, ведущее производство на сбытъ. Въ очеркѣ о землепользованіи было пояснено, какія причины вызываютъ со стороны землевладѣльцевъ сдачу земли въ аренду. То и другое свидѣтельствуетъ о томъ какъ мало заинтересованы или вовсе незаинтересованы землевладѣльцы въ томъ, чтобы вести хозяйство за свой страхъ и рискъ. Теперь мы видимъ, что и тѣ изъ нихъ, которые ведутъ такое хозяйство, по преимуществу ставятъ дѣло такъ, чтобы не брать на себя денежнаго риска и расплачиваются за работу той же землей. При этихъ условіяхъ интересъ землевладѣльцевъ долженъ состоять въ томъ, чтобы потребность крестьянъ въ арендованіи земли не уменьшалась. А такъ какъ поднятіе производительности земледѣлія на крестьянскихъ земляхъ можетъ вести къ тому, что крестьянинъ съ того же пространства земли соберетъ больше продуктовъ, то это можетъ вести къ сокращенію спроса на аренду съ одной стороны и къ сокращенію натуральныхъ оплатъ за рабо-

ту съ другой, т.-е. къ переходу у землевладѣльцевъ хозяйствъ къ чисто-денежнымъ. Но это могло бы случиться въ томъ случаѣ, если-бы прекратилось или измѣнилось направленіе того вліянія, которое оказываетъ на сельское хозяйство развитіе международной хлѣбной торговли и обращеніе подъ обработку все новыхъ и новыхъ земель, еще не затронутыхъ культурой. Разсчитывать на это пока не приходится, а въ такомъ случаѣ, наоборотъ, землевладѣльцы, должны все болѣе и болѣе стремиться къ тому, чтобы, если не отдѣлаться (на выгодныхъ, разумѣется, условіяхъ) отъ своихъ земель, то развивать шире сдачу ихъ въ аренду. Но такъ какъ крестьянинъ, имѣя возможность обойтись безъ арендованія земли, вслѣдствіе увеличенія производительности его надѣла, получитъ этимъ возможность болѣе обезпеченнаго удовлетворенія своихъ потребностей, а это затѣмъ должно вызвать стремленіе къ болѣе полному и широкому ихъ удовлетворенію и вообще къ улучшенію своего благосостоянія, что опять вызоветъ спросъ на арендованіе или покупку земли, то, очевидно, такое увеличеніе производительности крестьянскаго земледѣльческаго труда, которое можетъ вести къ такому развитію аренды, должно отвѣчать интересамъ землевладѣльцевъ и въ то же время способствовать еще большему развитію и упроченію крестьянскаго хозяйства. Отсюда интересъ землевладѣльцевъ долженъ побудить ихъ содѣйствовать улучшенію земледѣлія на крестьянскихъ земляхъ, чѣмъ въ извѣстно мѣрѣ и объясняется все болѣе и болѣе распространяющееся среди земствъ, состоящихъ въ большинствѣ изъ землевладѣльцевъ, принятіе различныхъ мѣръ къ улучшенію крестьянскаго земледѣлія. Такое поднятіе производительности крестьянскаго земледѣлія тѣмъ болѣе должно отвѣчать интересамъ землевладѣльцевъ, что оно должно вести къ развитію въ крестьянскомъ хозяйствѣ на-ряду съ подъемомъ его потребительнаго значенія и мѣнового характера, а это дастъ возможность развить сдачу земли въ аренду за деньги, которыя, конечно, интерэснѣе получать, чѣмъ грязный мужицкій трудъ, изъ котораго еще неизвѣстно что выйдетъ въ окончательномъ результатѣ.

Неизвѣстность эта, какъ это было выяснено во 2-мъ очеркѣ, обусловливается тѣми неопредѣленными вліяніями, которыя въ сельскомъ хозяйствѣ имѣютъ климатическія условія и которыя, отражаясь на результатахъ труда, вліяютъ на положеніе послѣдняго, на отношеніе къ рабочимъ силамъ и создаютъ массу затрудненій, составляющихъ постоянный предметъ жалобъ сельскихъ хозяевъ,—жалобъ, которыя должны быть признаны небезосновательными въ томъ смыслѣ, что ставятъ землевладѣльца и предпринимателя въ области обрабатывающей промышленности не въ одинаковыя условія извлеченія прибыли. Каждая рабочая сила, нанятая на годъ или лѣто, въ случаѣ неблагопріятныхъ, напр., климатическихъ условій даннаго года, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени пропадаетъ для на-

нимателя даромъ. И на мелкомъ хозяйствѣ отражаются, конечно, тяжело неблагопріятныя климатическія условія, но крестьянинъ, не пользующійся трудомъ чужой рабочей силы, не терпитъ и прямыхъ убытковъ отъ бездѣйствія, такъ какъ не тратитъ наемной платы, а свою собственную рабочую силу онъ можетъ въ такое неблагопріятное время приложить въ нѣкоторыхъ случаяхъ и къ какому-нибудь другому занятію. Чѣмъ больше хозяйство, тѣмъ больше колебанія въ числѣ рукъ, необходимыхъ для разныхъ временъ года, и тѣмъ нелбагопріятнѣе это условіе. Если всегда держать только такое количество рукъ, которое найдетъ себѣ занятіе въ теченіе круглаго года, то опять-таки является неувѣренность, что онѣ будутъ найдены въ достаточномъ количествѣ въ горячую пору, когда работы должны быть произведены спѣшно и рабочихъ рукъ потребуется сразу большое количество. Опасенія эти не напрасны, такъ какъ несвоевременность работъ можетъ принести въ сельскомъ хозяйствѣ огромные убытки. Неблагопріятныя послѣдствія, вытекающія именно изъ этихъ неустойчивыхъ условій, не имѣютъ мѣста при отсутствіи товарнаго хозяйства, когда продукты производятся главнымъ образомъ для собственныхъ нуждъ.

Все это логически вытекаетъ изъ всего выясненнаго въ предшествующихъ очеркахъ; но это же подтверждается цѣлымъ рядомъ фактическихъ данныхъ, относящихся къ Франціи, Германіи, Англіи, причемъ заявляется, между прочимъ, что «чѣмъ больше будетъ возрастать сельско-хозяйственная культура, тѣмъ чувствительнѣе будетъ недостатокъ въ рабочихъ». (Н. Каблуковъ: „Вопросъ о рабочихъ“, стр. XVII). И это понятно, если имѣть въ виду то, что выяснялось нами выше въ очеркѣ «о системахъ земледѣлія». Тамъ было указано, что улучшеніе культуры, въ смыслѣ повышенія интенсивности земледѣлія должно требовать бо̀льшаго количества рукъ. Но измѣненіе системы земледѣлія, какъ было отмѣчено, вызывается опредѣленными, общими условіями и потому, начавшись въ однихъ хозяйствахъ, переходитъ въ другія; слѣдовательно, если предположимъ, что оно начнется въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, то оно должно будетъ вызвать тамъ усиленіе спроса на трудъ. Переходъ затѣмъ этихъ улучшеній въ крестьянскія хозяйства, требующій также большаго количества рукъ, долженъ вызвать ослабленіе предложенія ихъ какъ разъ въ такой моментъ, когда съ другой стороны долженъ усилиться спросъ на нихъ. А это само собой должно сдѣлать еще болѣе невыгоднымъ для крупныхъ сельскихъ хозяйствъ веденіе хозяйства за свой страхъ и рискъ и дать преимущества мелкимъ крестьянскимъ хозяйствамъ уже потому, что имъ не приходится искать рабочихъ рукъ, а нужны лишь условія для приложенія ихъ. Отсюда еще новый мотивъ, новое основаніе для того, чтобы крупные землевладѣльцы или вообще имѣющіе земли болѣе, чѣмъ рабочихъ силъ для обработки ея, предпочитали сдачу ея въ аренду, взамѣнъ собстен-

наго предпринимательскаго хозяйства *). И дѣйствительно «можно сказать, что нужда владѣльца и арендатора начинается тамъ, гдѣ рабочія силы его и его хозяйства недостаточны, а надо нанимать постороннихъ рабочихъ для обработки» (тамъ же: журналъ сельскаго общества въ Саксоніи за 1876 г.). «Крупное хозяйство становится невозможнымъ, вслѣдствіе рѣдкости и дороговизны рабочихъ рукъ» (тамъ же: „Отчетъ изслѣдов. о полож. сельск. хоз. во Франціи въ 1879 г.“).«Небольшія фермы можно разсматривать во многихъ случаяхъ какъ фермы, обладающія многими преимуществами, потому что онѣ сравнительно мало зависятъ отъ работы со стороны, стоимость которой въ урожайное время разрушительно высока» (тамъ же, ст. 175, Отчеты англійск. ком. по изслѣдованію причинъ упадка сельскаго хоз.). «Каждый мыслящій рабочій согласится, что онъ, при короткихъ дняхъ и часто плохой погодѣ, составляетъ сущую потерю для его хозяина», (оттуда же).

Мы ограничиваемся этими немногими примѣрами, которыхъ можно было бы привести цѣлые томы, чтобы только показать, что все сказанное о затрудненіяхъ съ рабочими является выводомъ изъ наблюденій надъ явленіями дѣйствительности,—выводомъ, который находитъ свое полное объясненіе въ общихъ условіяхъ сельскаго хозяйства. Неопредѣленность результатовъ пропзводства, нерегулярность въ приложеніи труда, почти полная невозможность примѣнить раздѣленіе труда въ производствѣ, ограниченное примѣненіе машинъ, не въ такой мѣрѣ, вдобавокъ, сокращающихъ спросъ на трудъ, какъ въ обрабатывающей промышленности, затруднительность надзора за рабочими.

---

*) Отмѣтимъ, между прочимъ, что повышеніе производительности земледѣльческаго труда путемъ примѣненія улучшенныхъ системъ земледѣлія, дѣлая необходимымъ, согласно тому, что выяснялось въ очеркѣ о системахъ земледѣлія, бо́льшую затрату труда въ земледѣліи и уменьшая, такимъ образомъ, для крестьянина необходимость искать условій для предложенія своего труда *внѣ земледѣлія*, должно сократить предложеніе рабочихъ рукъ на фабрики и вообще въ отрасли обрабатывающей промышленности и слѣдовательно съ одной стороны вызвать въ послѣднихъ стремленіе еще болѣе примѣнять улучшенія, сокращающія спросъ на рабочія силы,—иначе говоря—содѣйствовать еще болѣе развитію крупнаго производства въ обрабатывающей промышленности, а съ другой—это же сокращеніе предложенія рабочихъ рукъ со стороны занятыхъ въ земледѣліи, должно вести къ улучшенію положенія фабричныхъ рабочихъ—и съ этой точки зрѣнія улучшеніе, упроченіе и развитіе крестьянскаго хозяйства или, иначе говоря, улучшеніе условій населенія трудящагося въ земледѣліи должно вести и къ улучшенію положенія рабочихъ въ другихъ отрасляхъ производительнаго труда, что и выражаетъ собою солидарность интересовъ всего трудящагося населенія. „Какъ только капиталистическое производство овладѣваетъ земледѣліемъ или по мѣрѣ того какъ оно овладѣваетъ имъ... часть сельскаго населенія находится постоянно въ переходномъ состояніи превращенія въ городской или мануфактурный пролетаріатъ... Относительное перенаселеніе, во время періодовъ застоя и посредственнаго благосостоянія, оказываетъ давленіе на дѣйствующую рабочую армію и обуздываетъ ея требованія во время періодовъ перепроизводства и параксизмовъ“,(„Капиталъ“, I, стр. 23). Ясно отсюда, насколько положеніе фабричнаго рабочаго зависитъ отъ условій, упрочивающихъ развитіе крестьянскаго хозяйства.

въ силу разбросанности труда на большомъ пространствѣ, и отсутствіе примѣненія машинъ, регулирующихъ своимъ ходомъ трудъ рабочаго, наконецъ стремленіе самихъ рабочихъ предпочитать трудъ въ обрабатывающей промышленности сельскохозяйственному, вслѣдствіе большей правильности, постоянства его (отсутствіе зимней безработицы) и болѣе высокой оплаты и являющееся какъ послѣдствіе этого все большее и большее затрудненіе для сельскаго хозяина въ пріисканіи наемныхъ рабочихъ, въ особенности знакомыхъ съ мѣстными условіями, что въ сельскомъ хозяйствѣ имѣетъ особенно существенное значеніе,—все это ставитъ хозяйство съ наемнымъ трудомъ, ведущееся изъ-за прибыли, въ менѣе благопріятныя условія сравнительно съ ведущимся собственнымъ трудомъ при современныхъ условіяхъ мѣноваго хозяйства *). Съ другой стороны, и по отношенію къ самимъ рабочимъ послѣдствія развитія крупнаго предпринимательскаго хозяйства въ земледѣліи иныя, нежели въ обрабатывающей промышленности, такъ какъ, «разсѣяніе сельскихъ работниковъ на большихъ пространствахъ сламываетъ силу ихъ сопротивленія, между тѣмъ какъ скопленіе городскихъ рабочихъ увеличиваетъ ее», («Капиталъ» I, гл. XIII). Все это говоритъ за то, что, если разсматривать развитіе экономическихъ отношеній какъ совершающееся въ направленіи къ обобществленію производства, то въ сельскомъ хозяйствѣ путь этого обобществленія иной, нежели въ обрабатывающей промышленности, и во всякомъ случаѣ совершается не посредствомъ превращенія все большаго и большаго количества населенія въ сельскихъ рабочихъ; наоборотъ, число ихъ повсюду по мѣрѣ развитія капиталистическаго хозяйства сокращается не только относительно, но и *абсолютно*, и не въ силу успѣховъ земледѣльческой техники, а напротивъ въ силу упадка европейскаго земледѣлія, все болѣе и болѣе замѣщаемаго развитіемъ его въ заокеанскихъ странахъ, куда направляется потокъ выселяющихся изъ Европы.

На этомъ мы покончимъ съ положеніемъ и условіями наемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ и остановимся нѣсколько на выясненіи обстоятельствъ, вызывающихъ въ настоящее время въ Россіи отходъ крестьянскаго населенія для найма на сельскохозяйственныя работы. Въ общемъ они уже были отмѣчены въ началѣ очерка, при выясненіи условій, опредѣляющихъ избытокъ рабочихъ силъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Фактическія данныя вполнѣ подтверждаютъ это. Согласно этимъ

*) Я не останавливаюсь здѣсь на болѣе подробномъ освѣщеніи всѣхъ только-что перечисленныхъ условій приложенія наемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ и ихъ послѣдствіяхъ для сельскохозяйственныхъ предпріятій, ведущихся на капиталистическомъ началѣ, такъ какъ все это подробно изложено на основаніи множества фактическихъ данныхъ въ моемъ сочиненіи: „Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ“, спеціально посвященномъ этому предмету, гдѣ интересующіеся и могутъ ознакомиться съ тѣмъ, какъ проявляются въ дѣйствительности всѣ перечисленныя условія.

даннымъ, одной изъ причинъ, побуждающихъ уходить на заработки, является излишекъ рабочихъ силъ въ семьѣ, при невозможности приложить эти силы въ собственномъ хозяйствѣ. Такъ, земско-статистическія изслѣдованія нѣкоторыхъ уѣздовъ Воронежской губ. даютъ указанія на то, что средняя семья, изъ которой не отпускаются рабочіе, состоитъ изъ 6,9 человѣкъ, и лицъ въ рабочемъ возрастѣ на такую семью приходится 1,65; семьи же, выставляющія рабочихъ, состоятъ въ среднемъ изъ 6,6 человѣкъ, а лицъ въ рабочемъ возрастѣ въ такой семьѣ 1,78, т.-е. больше. (*С. Ф. Рудневъ* „Промыслы крестьянъ въ Европейской Россіи. Сельскохозяйственные рабочіе. Саратовск. земск. собр., 1894 г. № 9).

Въ то же время, при данныхъ условіяхъ землевладѣнія, уходъ на заработки не всегда долженъ разсматриваться какъ явленіе отрицательное; уходъ этотъ не всегда объясняется бѣдностью семьи, а иногда богатствомъ рабочихъ силъ, такъ какъ отношеніе числа лицъ въ рабочемъ возрастѣ къ общему числу лицъ въ семьѣ часто явленіе случайное. „Значительное число нанимающихся на земледѣльческія работы (въ Воронежской губ. 85%) выходятъ изъ хозяйствъ, держащихся за землю, и отхожій заработокъ помогаетъ имъ бороться за сохраненіе хозяйственной независимости“. (*А. Ф. Фортунатовъ*: „Сельскохозяйст. обозр. «Русск. Вѣд.» 1895 г., №12-го апрѣля). Я останавливаюсь на этомъ потому, что у насъ, безъ дальнѣйшаго анализа, распространено мнѣніе, что отхожіе промыслы явленіе печальное. Не стану отрицать, что въ большинствѣ случаевъ это дѣйствительно такъ. Понятно, еслибъ было больше земли, то не могло бы быть и рѣчи объ избыткѣ рабочихъ силъ, и рабочіе не уходили бы изъ своего хозяйства. Но при данныхъ условіяхъ землевладѣнія уходъ на заработки вызывается иногда желаніемъ приложить къ чему-нибудь лишнія рабочія силы, являясь средствомъ заработать больше и улучшить положеніе семьи, и такимъ образомъ совершается иногда и не изъ нужды. Отходъ на заработки имѣетъ и хорошія стороны, поскольку онъ способствуетъ знакомству уходящихъ съ условіями другихъ мѣстностей, расширенію ихъ умственнаго кругозора. Затѣмъ отходъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ кустарныхъ промысловъ, является часто выгоднымъ приложеніемъ рабочей силы въ свободное отъ земледѣльческихъ занятій время. Такъ, наприм., плотничій отходъ, по наблюденіямъ относительно образа жизни и хозяйства уходящихъ на мѣстахъ, откуда они уходятъ, свидѣтельствуютъ о сравнительной ихъ зажиточности. Но, кромѣ указанной причины—излишка рабочихъ силъ въ семьѣ, существуютъ и другія условія, побуждающія къ отходу. Если распредѣлить семьи по величинѣ надѣловъ, то наибольшій % уходитъ оттуда, гдѣ надѣлы меньше, и наоборотъ. Такъ по 9 уѣздамъ Воронежской губ., которые приведены раньше:

	Десятинъ земли на 1 хозяйство.	Арендующихъ землю: % ко всѣмъ хозяйствамъ.	Въ среднемъ на 1 хоз. аренд земли десятинъ.
Среднія по 9 уѣздамъ	11,4	43,6	5,6
У поставляющихъ батраковъ . .	9,7	28,4	3,5

(С. Ф. Рудневъ., указ. ст.).

Въ пяти уѣздахъ Орловской губ. среди безземельныхъ отходъ (въ общемъ итогѣ промысловъ) даетъ 66,3%, при надѣлѣ до 5 дес. 50,7%, отъ 5 до 15 д.—45%, свыше 15 д.—40,8%. Въ Пирятинскомъ уѣздѣ среди хозяйствъ безъ пашни 20% отпускаютъ своихъ членовъ на земледѣльческія работы, при надѣлѣ до 3 д. и отъ 3 до 6 дес. по 16%, при надѣлѣ 6—9 дес. 14,2%, болѣе 9 дес. 7,4% (А. Ф. Фортунатовъ, указ. ст.).

Очевидно, гдѣ надѣлы меньше, оттуда и батраковъ уходитъ больше.

Рядомъ съ земельной необезпеченностью здѣсь оказываетъ вліяніе и недостатокъ скота: процентъ не имѣющихъ его со всѣмъ или имѣющихъ его въ недостаточномъ количествѣ больше среди хозяйствъ, поставляющихъ батраковъ, чѣмъ среди непоставляющихъ, что подтверждается данными по тѣмъ же уѣздамъ Воронежской губ.

	Не обрабатывающихъ землю.	Не имѣющихъ рабочаго скота.	Безъ всякаго скота.
	Въ процентахъ ко всѣмъ хозяйствамъ.		
Въ среднемъ по 9 уѣздамъ. . .	9,4	2,8	11,2
У поставляющихъ батраковъ. .	14,8	3,5	21,1

(С. Ф. Рудневъ, указ. статья).

Въ двухъ уѣздахъ Орловской губ. безшалодные показываютъ 60% отхода, однолошадные 37,1 проц., двухлошадные 32,2 проц., а имѣющіе больше лошадей — 30,4 проц. (А. Ф. Фортунатовъ, указ. ст.).

Далѣе при недостаточныхъ надѣлахъ на отходъ оказываетъ вліяніе близость и величина частновладѣльческихъ имѣній, при чемъ не столько вліяетъ общее количество частновладѣльческой земли сколько пашни. Если взять по разнымъ районамъ процентъ уходящихъ въ наемъ на сельскохозяйственныя работы и сопоставить съ величиной надѣловъ и распаханной частновладѣльческой земли, то съ уменьшеніемъ надѣловъ и увеличеніемъ частновладѣльческой пашни увеличивается число батраковъ. Итакъ, количество батраковъ зависитъ отъ цѣлаго ряда условій: отъ величины надѣловъ, возможности арендованія земли, количества и близости частновладѣльческихъ хозяйствъ, способа веденія послѣднихъ, отъ развитія внѣземледѣльческихъ промысловъ и т. д. Но изъ всѣхъ этихъ причинъ величина надѣловъ и количество частновладѣльческихъ земель отражается все-таки болѣе замѣтно на количествѣ батраковъ, (С. Ф. Рудневъ, указ. статья).

Такимъ образомъ, недостаточность надѣла играетъ и здѣсь едва ли не первенствующую роль, что совершенно понятно. Отсюда ростъ населенія, создающій все меньшую и меньшую обезпеченность надѣломъ, долженъ бы былъ вести къ развитію батрацкаго хозяйства. Но это не уничтожаетъ другихъ условій, изображенныхъ уже раньше (главнымъ образомъ вліяніе мірового рынка), которыя дѣлаютъ невозможнымъ развитіе сельскаго хозяйства на этомъ началѣ и потому оставляютъ въ силѣ всѣ прежнія заключенія по этому предмету.

По поводу приведенныхъ фактовъ отмѣтимъ еще, что они говорятъ по преимуществу объ «отходѣ» сельскохозяйственныхъ рабочихъ, т.-е. отмѣчаютъ еще иную форму приложенія труда въ сельскомъ хозяйствѣ, сверхъ тѣхъ, которыя были отмѣчены раньше. Факты эти характеризуютъ главнымъ образомъ тотъ отходъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, который совершается по преимуществу на югъ, гдѣ производятся большіе зерновые посѣвы и гдѣ время жатвы и косовицы предъявляетъ большой спросъ на рабочихъ для даннаго времени, для критическихъ моментовъ сельскаго хозяйства, причемъ передвиженіе рабочихъ на югъ къ этому моменту является возможнымъ, отчасти вслѣдствіе несовпаденія времени жатвы на югѣ и въ другихъ мѣстахъ. По различнаго рода даннымъ потребность въ пришлыхъ рабочихъ въ 12 южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ и областяхъ опредѣляется въ 1 мил. съ небольшимъ человѣкъ, въ каковомъ приблизительно количествѣ и направляются туда рабочіе изъ губерній средней полосы. (*кн. Н. Шаховской*: „Сельскохозяйственные отхожіе промыслы“. М. 1896, стр. 39). При этомъ оказывается, что изъ этого числа ежегодно бываетъ до 30 проц. новичковъ, идущихъ на заработки первый разъ, что и свидѣтельствуетъ, что и въ этомъ родѣ заработка не образовался постоянный составъ рабочихъ. Это же подтверждается и тѣмъ, что среди рабочихъ мужчинъ холостые составляютъ около половины—47 проц., а среди женщинъ—дѣвицы—78,4 проц., причемъ среди мужчинъ молодежъ не старше 20 лѣтъ составляетъ около $^1/_2$. Наибольшая масса ихъ двигается въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ (64,4 проц.), поспѣшая къ уборкѣ травъ и хлѣба. Болѣе 70 проц. прибываютъ пѣшкомъ, за неимѣніемъ средствъ на проѣздъ. «Выяснились для хозяевъ или не выяснились виды на урожай, своевременная—ранняя или поздняя—оказывается весна, могутъ ли или не могутъ хозяева составить себѣ вѣрный разсчетъ, сколько имъ нужно рабочихъ для уборки травъ и хлѣбовъ, но они должны въ опредѣленное традиціей установленное время совершить на извѣстныхъ, зачастую весьма отъ нихъ отдаленныхъ ярмаркахъ наемъ сроковыхъ рабочихъ на все лѣто, иначе они рискуютъ вовсе остаться безъ рабочихъ» (тамъ же). Относительно условій вознагражденія такихъ рабочихъ приходится сказать, что плата колеблется чрезвычайно въ зависимости отъ отношенія спроса и предложенія рабочихъ, что въ свою очередь опредѣляется урожаемъ или неурожаемъ, а также

колебаніями погоды, особенно частыми и рѣзкими на югѣ, заставляющими нерѣдко крайне спѣшить съ уборкой хлѣбовъ. Эти то обстоятельства и вызываютъ особенно сильное распространеніе на югѣ жатвенныхъ машинъ, сокращающихъ на 80 проц. потребность въ косаряхъ. Это обстоятельство предвѣщаетъ, конечно, въ будущемъ значительное сокращеніе отхода, не уничтожая въ то же время неравномѣрность въ спросѣ на сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ различные моменты лѣтняго рабочаго сезона и тѣмъ болѣе рабочаго года. Такое сокращеніе въ требованіи на отхожихъ сельскихъ рабочихъ для жатвы должно вызвать тѣмъ болѣе сильное стремленіе со стороны крестьянъ: 1) къ введенію болѣе интенсивной системы земледѣлія на своихъ земляхъ, что позволитъ примѣнять на мѣстѣ болѣе труда, и 2) къ болѣе усиленному спросу на аренду земли, что дастъ еще побужденіе землевладѣльцамъ предпочесть этотъ способъ извлеченія дохода изъ земли обработкѣ ея за свой страхъ и рискъ.

Обращаюсь теперь къ *платѣ* за сельскохозяйственныя работы. Соотвѣтственно условіямъ найма на круглый годъ, на лѣто или поденно, и плата устанавливается годовая, лѣтняя или поденная. Послѣдняя выдерживаетъ вообще весьма значительныя колебанія, въ зависимости отъ условій года и даже момента сельскохозяйственныхъ работъ, не говоря уже, конечно, о вліяніи большаго или меньшаго притока рабочихъ. Большей опредѣленностью отличается плата годовая и лѣтняя. Наиболѣе точнымъ выраженіемъ высоты платы служила бы, конечно, денежная плата, но такъ какъ она не вездѣ у насъ распространена, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается плата частью деньгами, частью натурой, либо исключительно натурой, какъ, наприм., хлѣбомъ, либо уступкой земли въ арендное пользованіе въ разныхъ формахъ, то, въ добавленіе къ сказанному объ этомъ раньше, укажемъ нѣсколько детальнѣе, гдѣ и какой именно видъ платы преобладаетъ. Въ южныхъ степныхъ губерніяхъ преобладаетъ наемъ годовой, лѣтній или поденный пришлыхъ рабочихъ изъ центральныхъ губерній, не мѣстныхъ на хозяйскихъ харчахъ, а годовыхъ даже на хозяйской одеждѣ. Въ восточныхъ степныхъ губерніяхъ, за Волгой—плата издѣльная и часто прямо хлѣбомъ. Въ центральной черноземной полосѣ отъ Днѣпра до Волги и еще въ губерніяхъ Казанской и Нижегородской, гдѣ густое населеніе и избытокъ рабочихъ, а надѣлы малы,—распространена сдача земли въ аренду во всѣхъ формахъ: за деньги, исполу, за отработки, и, при отсутствіи промысловъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и большой нуждѣ, зимняя наемка, т.-е. когда нужда въ деньгахъ достигаетъ наибольшихъ размѣровъ, при условіи, что работа будетъ произведена крестьянскимъ инвентаремъ, причемъ заработная плата значительно дешевле, что отражается и на платѣ пришлымъ сюда рабочимъ. Въ привислянскихъ и прибалтійскихъ губерніяхъ много безземельныхъ и бездомовыхъ, поэтому тамъ нѣтъ найма крестьянъ

съ ихъ инвентаремъ, а нанимаются только батраки. Въ нечерноземныхъ губерніяхъ: Московской, Ярославской, Владимірской, Смоленской, Тверской, Новгородской и др., гдѣ частновладѣльческіе посѣвы малы, годовыхъ рабочихъ очень мало; существуютъ здѣсь лѣтніе рабочіе, причемъ распространена обработка крестьянскимъ же инвентаремъ, а затѣмъ самые разнообразные способы найма: поденный, издѣльный, зимняя наемка и пр.

Различныя экономическія условія всѣхъ названныхъ мѣстностей вызываютъ и различную плату сельскохозяйственнымъ рабочимъ. Наибольшая годовая и лѣтняя плата рабочимъ на крайнемъ югѣ, гдѣ запашки больше и большая часть года занята работами, рабочій здѣсь пришлый. Съ другой стороны, высокая заработная плата въ промышленныхъ губерніяхъ: промышленная жизнь вызываетъ здѣсь большой отливъ рабочихъ на фабрики и въ различные промыслы. Самая низкая земледѣльческая плата въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ много безземельныхъ и относительно малы площади пахотныхъ земель у частныхъ владѣльцевъ. Приведу нѣкоторыя цифры для характеристики сказаннаго:

Районы.	Плата годовымъ рабочимъ.	Плата лѣтнимъ рабочимъ.
	Въ рублях ъ.	
Южныя степныя губерніи . .	88,60 (отъ 50 до 120)	54,90 (отъ 35 до 95)
Прибалтійскія „	82 („ 60 „ 110)	53,33 („ 40 „ 65)
Сѣверозападныя „	77 („ 50 „ 120)	53,25 („ 35 „ 90)
Промышленныя „	64 („ 36 „ 90)	42,86 („ 25 „ 60)
Сѣверн. нечернозем. „	63 („ 40 „ 90)	46,66 („ 28 „ 70)
Восточн. и юговост. „	60,86 („ 35 „ 120)	38,16 („ 20 „ 80)
Средняя черноземн. „	60 („ 40 „ 80)	43,17 („ 30 „ 56)
Средне-волжскія „	58 („ 40 „ 90)	39,33 („ 30 „ 60)
Сѣверныя черноземн. „ (Курск., Пенз. и др.)	51,79 („ 35 „ 70)	36,79 („ 20 „ 55)
Западныя „	44 („ 25 „ 60)	32,75 („ 24 „ 50)
Юго западныя „	41,67 („ 20 „ 90)	37,50 („ 26 „ 50)
	Средняя.	
Для черноземной полосы	64	42,86
„ нечерноземной „	62,63	44,25

Цифры эти, взятыя изъ указанной выше ст. С. Ф. Руднева, незначительно разнятся отъ цифръ Н. Ф. Анненскаго въ его ст. въ книгѣ — „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“, какъ взятыхъ за другой періодъ, но нисколько не измѣняютъ относительныхъ колебаній платы по районамъ.

Средняя земледѣльческая плата для всей Россіи: лѣтняя 43,14, годовая 61,22 руб. Какъ можно видѣть изъ приведенной выше таблицы, въ большинствѣ случаевъ, кромѣ трехъ, годовая плата либо очень близка къ средней для всей Россіи, либо много ниже ея, а эта плата (61,22) не покрываетъ годовыхъ расходовъ на пищу семьи, если въ ней 3,2 человѣка безъ рабочаго (С. Ф. Рудневъ, гамъ же). Какъ видимъ, заработокъ, доставляемый крестьянамъ сельско-хозяйственнымъ отходомъ, далеко не таковъ, чтобы сельское батрачество могло отвлекать отъ занятія

земледѣліемъ въ собственномъ хозяйствѣ, а потому и понятно, что при первой возможности этотъ отходъ прекращается, почему и является такъ много новичковъ.

Не останавливаясь на данныхъ относительно поденной платы въ земледѣліи, отмѣтимъ, что по сопоставленіямъ, сдѣланнымъ А. Ф. Фортунатовымъ („Населеніе и хозяйство Австраліи". Рефератъ въ засѣд. Статист. Отд. Московск. Юрид. Общ. 28 марта 1898 г.), она растетъ съ ростомъ урожая; такъ во время ярового посѣва:

	Въ 1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.
Средн. поден. пл. въ нечерноз пол.	32 к.	35 к.	35,6 к.	37 к.
Въ черноземн. пол.	23 „	27 „	31 „	32 „
Урож. въ отнош. къ средн.....	73,7 „	85,9 „	106 „	122,6 „

Какъ видимъ, по мѣрѣ роста урожая средняя поденная плата также растетъ. Объясненіе этому заключается отчасти въ томъ, что при лучшемъ урожаѣ можетъ быть сильнѣе спросъ на рабочія руки, главное же—меньше предложеніе послѣднихъ, а если меньше ихъ предложеніе въ сельскомъ хозяйствѣ, то еще менѣе въ обрабатывающей промышленности и слѣдовательно и тамъ это должно вліять на подъемъ или задержку паденія заработной платы. Слѣдовательно и тутъ мы приходимъ къ заключенію, что улучшеніе положенія крестьянскаго хозяйства должно отзываться благопріятно и на положеніи рабочихъ, занятыхъ въ обрабатывающей промышленности.

X. Условія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ и задолженность землевладѣнія.

Въ предыдущемъ неоднократно былъ указанъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставлены земледѣльческія хозяйства, производящія на сбытъ,—условій, зависящихъ не отъ какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ, а заключающихся въ самомъ существѣ сельскохозяйственнаго производства, въ его особенностяхъ и отличіяхъ отъ другихъ отраслей производительной дѣятельности человѣка. Многія изъ этихъ особенностей связаны здѣсь, между прочимъ, съ самымъ объектомъ труда—съ землею и условіями землевладѣнія, что и отмѣчено было не разъ. Этотъ же предметъ труда—земля и условія производительности ея вызываютъ и особыя условія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ, а равно ведутъ къ задолженности землевладѣнія при развитіи товарнаго обращенія.

Цѣнность товаровъ, какъ извѣстно, опредѣляется количествомъ общественно-необходимаго рабочаго времени, затрачиваемаго на ихъ производство. Но земля, не являясь результатомъ человѣческаго труда, очевидно, не можетъ быть оцѣниваема по этому масштабу. Но въ то же время, разъ она становится товаромъ, то при продажѣ и покупкѣ ея къ ней должны прила-

гаться общія основанія, опредѣляющія условія обмѣна товаровъ. Съ точки зрѣнія капиталиста, владѣльца товаровъ, цѣнность послѣднихъ стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ затраченному на производство ихъ не труду, а капиталу, такъ какъ съ этой точки зрѣнія и самый трудъ есть ничто иное какъ извѣстная форма затраты капитала. Въ какой бы формѣ ни затрачивался капиталъ на производство, онъ долженъ приносить прибыль—въ этомъ задача капиталистическаго производства. Прибыль же должна стоять въ извѣстномъ опредѣленномъ отношеніи ко всей суммѣ затраченнаго капитала. Иначе говоря, если то или другое имущество можетъ приносить опредѣленный доходъ, то оно можетъ быть оцѣнено въ ту сумму денегъ, которая приноситъ такой же процентъ. Слѣдовательно, если извѣстный участокъ земли можетъ приносить въ годъ, наприм., 20 р. дохода (путемъ сдачи въ аренду), а обычный процентъ на капиталъ составляетъ 5%, то за такой участокъ можетъ быть заплачено 400 руб.,—этимъ и опредѣляется его рыночная цѣна. «Цѣна земли есть ничто иное, какъ капитализованная... рента» (Капиталъ, III, 668). Но «капиталъ, употребленный на покупку земли самимъ землевладѣльцемъ, для него представляетъ именно помѣщеніе капитала, которое приноситъ процентъ, но... онъ рѣшительно не имѣетъ никакого отношенія къ тому капиталу, который употребляется на самое земледѣліе... его также мало можно назвать «затратою» капитала на какую-нибудь отрасль производства, какъ то, что кѣмъ-нибудь затрачивается на биржѣ на покупку акцій или государственныхъ бумагъ, и что для него лично представляетъ помѣщеніе капитала... Покупатель земли какъ разъ выплачиваетъ капиталъ тому, кто продаетъ землю, и за это продавецъ отказывается отъ своихъ правъ собственности на нее. Слѣдовательно капиталъ этотъ уже перестаетъ быть капиталомъ для покупателя; у него его больше нѣтъ; онъ, слѣдовательно, не принадлежитъ къ тому капиталу, который онъ можетъ употребить на самую землю... Тотъ же самый капиталъ не имѣется вдвойнѣ, во-первыхъ, въ рукахъ продавца и, во-вторыхъ, въ рукахъ покупателя земли... У покупателя теперь нѣтъ капитала, а вмѣсто него есть участокъ земли... Для покупателя деньги, заплаченныя за землю, уже не могутъ играть роли капитала, какъ и всякія другія деньги, которыя онъ окончательно потратилъ... Онъ можетъ реализировать ихъ вновь какъ капиталъ, только продавъ купленное. Но въ такомъ случаѣ новый покупатель становится въ такія же отношенія, въ которыхъ находился прежній» (тамъ же).

Такимъ образомъ, покупка земли есть помѣщеніе капитала для полученія извѣстнаго процента. Но процентъ этотъ долженъ быть не ниже обычнаго, приносимаго въ данной странѣ въ данный моментъ капиталомъ. Между тѣмъ, въ силу того, что земля представляетъ собою такой товаръ, количество котораго не можетъ быть увеличено по произволу, въ силу того, что пространство ея ограничено и, представляя частную собственность, она

является предметомъ монополіи, спросъ же на нее съ ростомъ населенія и расширеніемъ культуры растетъ,—замѣчается общая тенденція роста цѣнъ на землю. Вслѣдствіе этого уплаченная сегодня сумма денегъ за землю или, иначе говоря, помѣщенный въ нее капиталъ—черезъ нѣкоторое время, при возрастаніи цѣны земли, представляетъ собою уже бо́льшую сумму. Сегодня десятина стоила сто рублей и я, затративъ ихъ на землю, разсчитываю, что буду получать не менѣе, скажемъ, 4% на этотъ капиталъ, но черезъ нѣкоторое время эта десятина стоитъ уже 120 р., и прежніе 4 р. дохода съ нея составляютъ менѣе 4%, слѣдовательно, чтобы помѣщенный теперь въ землю капиталъ въ 120 р. приносилъ 4%, надо, чтобы сумма дохода съ земли повысилась въ такомъ же отношеніи. Но этого-то, обыкновенно, не бываетъ. Такъ, напр., въ Александрійскомъ у., Херсонской губ., за послѣдніе 12 — 18 л. цѣны на землю возрастали такъ: въ 1880—85 г. средняя цѣна десятины 70 р., въ 1888 г.—83 р., въ 1890 г.—88 р., въ 1895 г.—118 р., въ 1896 г.—127 р., въ 1897 г.—136 р., и въ первой половинѣ 1898 г.—143 р., т.-е. съ 1880—85 г. по настоящее время цѣна земли возрасла слишкомъ вдвое (съ 70 до 143 р.). А между тѣмъ за тотъ же періодъ времени арендная плата за землю, выражающая собою ея доходность, хотя и возрасла, но значительно меньше, а именно съ 4 на 6 р., т.-е. не на 100%, какъ цѣна земли, а лишь на 50% и даже на 36% въ отдѣльныхъ видахъ аренды. То же самое, т.-е. болѣе сильный ростъ продажныхъ цѣнъ на землю, сравнительно съ ростомъ доходности земли, замѣчается почти повсюду—и не только въ Россіи. Это обстоятельство измѣняетъ, такимъ образомъ, выгоды помѣщенія капитала въ землю и должно вызывать стремленіе вынуть оттуда часть его, что и ведетъ къ залогу земли, пока не наступаетъ послѣдующій моментъ, ведущій уже прямо къ отчужденію земли, т.-е. къ изъятію изъ нея помѣщеннаго въ нея капитала, и это въ сущности неизбѣжно. Пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, собственники земли постоянно поднимаютъ цѣну ея, соотвѣтственно съ чѣмъ долженъ постоянно не въ меньшей мѣрѣ возрастать и доходъ земли. Но для того, чтобы земля доставляла доходъ,—нуженъ, помимо капитала, затраченнаго на покупку ея, еще другой капиталъ, затраченный на производство, если пріобрѣтатель земли самъ предполагаетъ вести земледѣльческое предпріятіе, или же онъ можетъ, не затрачивая новаго капитала на производство, извлекать доходъ путемъ сдачи земли въ аренду. Въ первомъ случаѣ (при собственномъ хозяйствѣ) величина его дохода будетъ зависѣть отъ результатовъ производства; во второмъ (при сдачѣ въ аренду) отъ высоты арендной платы за землю. Эта же высота арендной платы за землю, готовность ея дать, возможность ея уплатить зависитъ отъ результатовъ производства у арендатора. Слѣдовательно въ томъ и другомъ случаѣ степень доходности земли будетъ зависѣть (оставляя въ сторонѣ разную степень природной произво-

дительности участковъ земли или же предполагая ея одинаковой и продолжая наши разсужденія для участковъ земли съ одинаковой производительностью почвы) отъ результатовъ производства и отъ цѣны продуктовъ, созданныхъ приложеніемъ труда къ землѣ.

Но въ земледѣліи, какъ мы указывали раньше, все это крайне неопредѣленно и случайно. Въ обрабатывающей промышленности переработывается опредѣленное количество матеріала и выходъ продукта заранѣе опредѣленъ, заранѣе, слѣдовательно, можетъ быть опредѣлена и цѣнность продукта, а колебанія въ цѣну его вводитъ уже рынокъ, а не самыя условія производства. Иначе стоитъ дѣло въ сельскохозяйственномъ производствѣ: при одинаковыхъ затратахъ на производство, въ одномъ году могутъ получиться одни результаты, въ другомъ другіе, часто совсѣмъ неожиданные: можетъ получиться совершенно различное количество продукта; даже въ одномъ и томъ же году въ двухъ имѣніяхъ, при одинаковой почвѣ, но при различіи климатическихъ вліяній, получаются различные результаты, а слѣдовательно и цѣна, въ которую обойдется производство продуктовъ, будетъ разная. Стало-быть, уже въ стадіи производства создаются колебанія въ отношеніи произведенныхъ затратъ и ихъ результатовъ, а далѣе, само собой разумѣется, колебанія въ цѣнѣ, которыя производитъ рынокъ. Такимъ образомъ, если тревоги фабриканта начинаются только съ поступленіемъ продукта на рынокъ, то для сельскаго хозяина такое тревожное состояніе начинается гораздо раньше.

Если неблагопріятныя климатическія условія повторяются нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, то это значитъ, что при прежнихъ же затратахъ количество продуктовъ уменьшается, а нерѣдко и качество ихъ понижается, доходъ съ земли уменьшается, а соотвѣтственно этому падаетъ и цѣнность ея. Слѣдовательно, купившій землю въ годъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ въ случаѣ продажи земли при упадкѣ цѣнъ на земледѣльческіе продукты, явится владѣльцемъ меньшаго капитала, сравнительно съ тѣмъ, который онъ затратилъ на землю при покупкѣ ея. Но если бы даже не было этой неравномѣрности, невѣрности въ результатахъ земледѣльческаго производства, то все же, въ силу монопольнаго характера земельной собственности, цѣны на нее постоянно растутъ, а въ то же время цѣны продуктовъ падаютъ, вслѣдствіе обработки новыхъ земель, и собственникъ земли въ Европѣ, заплатившій за землю дорого, при условіяхъ, созданныхъ международной конкурренціей въ земледѣліи, не выручаетъ въ цѣнѣ продуктовъ процентовъ на капиталъ вложенный въ землю. Независимо отъ этой болѣе дорогой цѣны земли въ Европѣ, самыя издержки производства въ ней выше, нежели въ странахъ только еще пріобщаемыхъ къ земледѣльческой культурѣ. Нѣкоторыя изъ такихъ странъ даютъ возможность производить больше продуктовъ при меньшихъ затратахъ, чѣмъ въ странахъ старыхъ, и, наприм., англійское производство оказывается болѣе дорогимъ,

чѣмъ австралійское. Вслѣдствіе этого на международномъ рынкѣ цѣны на хлѣбъ падаютъ, падаетъ, слѣдовательно доходность земель, т.-е. вложенный въ нихъ капиталъ какъ бы уменьшается, такъ какъ приноситъ меньшій процентъ сравнительно съ другимъ помѣщеніемъ капитала. Иначе говоря, въ этомъ случаѣ падаетъ арендная плата за землю или же ограничивается спросъ на арендованіе земли. Соотвѣтственно съ этимъ, если уровень процента на капиталъ остается въ странѣ тотъ же, капиталъ, затраченный въ свое время на покупку земли, приноситъ меньшій процентъ. А между тѣмъ продажная-то цѣна земли можетъ не падать, а даже возрастать, такъ какъ собственники земли, *пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ* и тѣмъ, что для массы земля нужна именно тутъ, нисколько не склонны понижать на нее цѣну, а даже повышаютъ ее и такимъ образомъ она, представляя собою все большій и большій капиталъ, приноситъ все меньшій и меньшій (относительно) доходъ. Продать землю, чтобы вернуть капиталъ, въ такой моментъ, подъ давленіемъ нужды, не всегда бываетъ выгодно; продажа можетъ вернуть только такую часть капитала, которая будетъ приносить обычный процентъ, т. е. меньшую сравнительно съ заплаченной ранѣе и притомъ меньшую не въ соотвѣтствіи съ упадкомъ доходности земли, а въ большей степени, такъ какъ въ такіе моменты увеличивается предложеніе продаваемой земли, но падаетъ спросъ на нее. И падаетъ именно потому, что и затраты на веденіе дѣла не приносятъ прежняго дохода; у сельскаго хозяина нѣтъ средствъ на покупку земли. Напротивъ, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, сельскій хозяинъ, затрачивая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ капиталъ на веденіе хозяйства и не воспроизводя его въ количествѣ, достаточномъ для покрытія потребностей и дальнѣйшаго веденія дѣла, приходитъ къ той же необходимости, какая создается и для фабриканта неблагопріятными рыночными условіями: онъ вынужденъ обратиться къ кредиту, если у него нѣтъ достаточныхъ запасныхъ средствъ. Такимъ образомъ постоянный ростъ цѣнъ на землю дѣлаетъ невыгоднымъ помѣщеніе въ нее капитала при падающей или даже и ростущей доходности ея, но въ меньшей пропорціи сравнительно съ ростомъ цѣны на землю. Продажа же ея при такихъ условіяхъ равносильна иногда недовыручки въ самой суммѣ вложеннаго въ нее капитала или того капитала, какой представляетъ она по средней цѣнности земель въ данный моментъ, а въ то же время и ростъ цѣнъ на нее дѣлаетъ невыгоднымъ помѣщеніе въ нее капитала при относительно падающей доходности ея. Все это и вызываетъ у землевладѣльцевъ постоянную потребность въ кредитѣ.

Но здѣсь, въ сельскомъ хозяйствѣ, кредитъ имѣетъ иную форму и иное значеніе, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. Въ послѣдней онъ большей частью краткосроченъ и обезпечивается продуктами производства, а не самимъ имуществомъ, т.-е. не орудіями и средствами производства, а если бываетъ послѣднее, то это значитъ, что производство даннаго лица не

пользуется достаточнымъ довѣріемъ. Обыкновенно же кредитъ дается только подъ вексель, обезпечиваемый только тѣмъ, что въ данное время производится товаръ, который въ моментъ сбыта покроетъ заемъ. Иныя условія кредита въ сельскомъ хозяйствѣ: здѣсь нѣтъ увѣренности въ выходѣ продуктовъ, а потому послѣдніе и не могутъ служить надежнымъ обезпеченіемъ кредита. Вслѣдствіе этого онъ дается здѣсь въ большинствѣ случаевъ только подъ залогъ недвижимости, иначе говоря, самымъ распространеннымъ здѣсь является ипотечный кредитъ подъ залогъ самого имѣнія.

Но то же обстоятельство, которое вызываетъ необходимость ипотечнаго кредита, т.-е. подъ залогъ земли, обусловливаетъ и долгосрочность его, такъ какъ никогда нельзя предполагать, чтобы результаты сельско-хозяйственнаго года вернули всю сумму долга, лежащаго на землѣ, а потому и не мыслима единовременная уплата его.

Обыкновенно этой долгосрочности дается иное объясненіе, заключающееся въ томъ, что результаты сельскохозяйственныхъ улучшеній не возвращаются въ теченіе одного года, такъ какъ сами улучшенія дѣйствуютъ на рядъ лѣтъ. Но, при всей справедливости утвержденія, что цѣлый рядъ сельскохозяйственныхъ улучшеній (хотя бы даже простое примѣненіе удобренія), обнаруживаетъ свое вліяніе въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и потому затраты на эти улучшенія не возвращаются цѣликомъ въ одинъ годъ,—оно, это утвержденіе, все-таки не обосновываетъ еще необходимости разсрочки долга на рядъ лѣтъ. Дѣло въ томъ, что и въ обрабатывающей промышленности такія улучшенія, какъ, наприм., введеніе усовершенствованныхъ машинъ, также проявляютъ свое вліяніе въ рядѣ лѣтъ, однако это не обусловливаетъ тамъ долгосрочности кредита. Но, кромѣ того, указанная причина можетъ имѣть значеніе для меліоративнаго кредита, т.-е. кредита спеціально для сельскохозяйственныхъ улучшеній, но этотъ-то кредитъ, бывая долгосрочнымъ, не бываетъ обыкновенно кредитомъ подъ залогъ земли. Наконецъ это объясненіе не идетъ сюда, потому что на такихъ же условіяхъ выдается ссуда и подъ залогъ домовъ, гдѣ нѣтъ и рѣчи о затратѣ денегъ на улучшенія. Короче объясненіе долгосрочности ипотечнаго кредита долгосрочностью затратъ на улучшенія не пригодно, такъ какъ оно выводится изъ *техническихъ* основаній сельскохозяйственнаго производства, а между тѣмъ причины этой долгосрочности лежатъ въ *экономическихъ* условіяхъ. Если я отдаю домъ или землю въ залогъ, въ обезпеченіе извѣстной суммы ссужаемой мнѣ, то это равносильно отчужденію самого имущества, это все равно, что передача его въ другія руки, взамѣнъ полученнаго мною денежнаго капитала—это значитъ, что у меня не было капитала на покупку земли и я произвожу эту покупку по частямъ, уплачивая ежегодно опредѣленную сумму полной стоимости всего имѣнія. Необходимость этого обусловливается еще тѣмъ,

что цѣна земли все растетъ, а доходъ растетъ въ меньшей мѣрѣ и потому уплатить сразу всю цѣну земли, вложить въ нее весь капиталъ не выгодно, коль скоро даже состоящій уже собственникомъ земли подъ вліяніемъ того же роста цѣны на нее долженъ путемъ займа вынимать изъ нея часть вложеннаго въ нее капитала. И фактически, какъ увидимъ ниже ипотечный кредитъ вытекаетъ обыкновенно не изъ улучшеній земли, заемъ производится не съ этой послѣднею цѣлью, а именно для пріобрѣтенія имѣнія. При этомъ однако заемщикомъ предполагается, что стоимость имѣнія постепенно покроется изъ доходовъ отъ сельскохозяйственнаго производства въ имѣніи; кредиторъ же предполагаетъ, что это не есть гарантія, а потому обезпечиваетъ себя залогомъ самого имѣнія. И конечно кредиторъ правъ, такъ какъ капиталъ употребленный на покупку имѣнія не есть капиталъ употребленный на извлеченіе изъ него дохода; для этого нуженъ еще иной капиталъ; результаты производства должны дать обычный процентъ на этотъ послѣдній капиталъ. Но по невѣрности этихъ результатовъ, въ особенности при современныхъ рыночныхъ условіяхъ, что достаточно выяснено въ предыдущемъ, никогда не можетъ быть полной увѣренности въ томъ, что капиталъ, затраченный на производство дастъ обычную прибыль, тѣмъ менѣе гарантій, что прибыль эта будетъ настолько высока, что не только принесетъ обычный процентъ на капиталъ, затраченный въ производство, но еще выручитъ часть капитала, затраченнаго на покупку имѣнія. Отсюда вытекаетъ, что если мы допустимъ даже, что заемъ подъ залогъ имѣнія произведенъ для веденія самого производства, то и тогда положеніе заемщика является безвыходнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что подъ залогъ имѣнія взята извѣстная сумма и затрачена на веденіе сельскохозяйственнаго предпріятія. Результаты этого предпріятія должны слѣдовательно принести предпринимательную прибыль плюсъ вернуть часть самаго капитала для погашенія части займа плюсъ проценты на весь занятый и затраченный въ производство капиталъ. При этихъ условіяхъ малѣйшее пониженіе урожая противъ сдѣланнаго разсчета уже колеблетъ все и уничтожаетъ какую либо изъ перечисленныхъ частей дохода; если къ этому присоединяется еще невѣрность въ разсчетѣ по сбыту или въ цѣнѣ продукта, то положеніе становится совсѣмъ безвыходнымъ, не говоря уже о невозможности вести хозяйство на слѣдующій годъ, такъ какъ, чтобы не лишиться имѣнія, надо уплатить погашеніе части долга и проценты изъ той части дохода, которая представляетъ собою лишь возвратъ произведенныхъ затратъ. Слѣдовательно на будущій годъ надо или сократить размѣры производства (а слѣдовательно и ожидаемаго дохода) или прибѣгать снова къ кредиту на веденіе производства. Но мы сейчасъ увидимъ, на сколько даже только вторичнымъ займомъ осложняется затруднительное положеніе. Дѣло въ томъ, что подъ землю никогда не выдается полная ссуда, т.-е., эквивалентъ

стоимости земли, а выдаются только $^2/_3$ этой стоимости, именно въ виду того, что вслѣдствіе колебаній, о которыхъ я говорилъ раньше, цѣнность земли можетъ понизиться. Эта остающаяся $^1/_3$ даетъ землевладѣльцу возможность воспользоваться ссудой въ другой разъ, что онъ и дѣлаетъ, закладывая эту часть въ другія руки. Но эта часть представляетъ для кредитора меньше гарантій, соотвѣтственно чему и % за эту вторичную ссуду выше, чѣмъ при первомъ залогѣ. Если прежде на имѣніи лежалъ долгъ и оно не могло выполнить лежавшихъ на немъ обязательствъ, то теперь, съ повышеніемъ % и большей задолженностью, положеніе еще хуже. Если на землѣ 2 закладныя, то въ случаѣ необходимости новаго обращенія къ кредиту, приходится занимать уже подъ инвентарь. Послѣдній еще меньше обезпечиваетъ ссуду, а потому условія займа подъ него еще тяжелѣе.

Таково положеніе большей части частновладѣльческихъ хозяйствъ въ европейскихъ государствахъ, и чтобы выйти изъ этого положенія необходимо такое стеченіе самыхъ благопріятныхъ условій, какое обыкновенно не встрѣчается. Это обстоятельство подробно развито Лоренцомъ фонъ-Штейномъ въ его книгѣ «Die drei Fragen des Grundbesitzes». Его разсужденія по этому вопросу весьма поучительны, а потому я въ нѣсколькихъ словахъ приведу ихъ здѣсь. Земля, разсуждаетъ онъ, является въ современномъ обществѣ орудіемъ капитализаціи: сдавая ее въ аренду, владѣлецъ получаетъ возможность собирать капиталъ, не прилагая непосредственно своего труда, хотя самое хозяйство на арендуемой землѣ въ большинствѣ случаевъ ведется либо не на капиталистическихъ началахъ, если хозяйство мелкое, либо, если и на капиталистическихъ началахъ, то въ мелкой формѣ. Съ другой стороны въ томъ случаѣ, когда хозяйство ведется самимъ собственникомъ, земля, если на ней лежитъ долгъ, а это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, способствуетъ капитализаціи тѣхъ, кто даетъ подъ нее деньги. Въ результатѣ владѣльцемъ въ сущности, при такой задолженности, при обязательствѣ платить % за занятый капиталъ, является собственно не юридическій владѣлецъ, а тотъ, кому уплачиваются проценты. По мнѣнію Л. ф.-Штейна, три обстоятельства вызываютъ задолженность. Во-первыхъ, при наслѣдованіи дробится земля, а вмѣстѣ съ ней мертвый и живой инвентарь; часто это вызываетъ иной строй хозяйства, для чего новымъ владѣльцамъ приходится, въ случаѣ недостатка свободныхъ средствъ, прибѣгать къ займу. Если-же все имѣніе оставляетъ за собой одинъ изъ наслѣдниковъ, то для уплаты остальнымъ ихъ долей въ наслѣдствѣ опять-таки является необходимость въ займѣ. Другая причина — покупка земли съ переводомъ долга. Въ этомъ случаѣ для пріобрѣтенія требуется наличнаго капитала меньше, чѣмъ цѣнность пріобрѣтаемаго имущества, но за то послѣднее является уже съ самаго начала новаго владѣнія обремененнымъ долгомъ. Наконецъ, 3-я при-

чина та, что имѣніе съ увеличеніемъ интенсивности хозяйства, требуетъ различныхъ улучшеній. Если на это не хватаетъ средствъ, то приходится пользоваться кредитомъ. Но всякія улучшенія такого рода сказываются не тотчасъ-же, а въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, а потому и самый заемъ дѣлается на продолжительный срокъ и уплата процентовъ производится въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Такъ создается задолженность, которая постепенно растетъ еще потому, что послѣдняя причина имѣетъ мѣсто и въ первыхъ двухъ случаяхъ, т.-е. съ теченіемъ времени требуется переходъ къ болѣе интенсивной культурѣ, что нерѣдко ведетъ къ новой задолженности. А къ этому присоединяются еще затрудненія вызываемыя всемірнымъ хозяйствомъ.

Я уже говорилъ, что нужны весьма благопріятныя условія, чтобы владѣлецъ имѣнія, обремененнаго долгами, могъ выйти изъ такого затруднительнаго положенія. Но очевидно, если такія условія не наступили, несмотря на всѣ усилія владѣльца, то тяжесть долговъ увеличивается, такъ какъ съ каждымъ новымъ займомъ, имѣніе должно оплатить не только расходы и обычную прибыль, но и всѣ проценты по долгамъ, и, наконецъ, имѣніе послѣ нѣкоторыхъ стараній владѣльца удержать его въ своихъ рукахъ, поступаетъ въ продажу. Сильная мобилизація земли, наблюдаемая въ разныхъ Европейскихъ государствахъ, подтверждаетъ эти предположенія: въ среднемъ земля въ однѣхъ рукахъ остается отъ 12 лѣтъ въ Австріи до 16 лѣтъ въ Пруссіи: (Ерошевскій: «къ вопросу о поземельномъ кредитѣ»). Въ фабричной промышленности такой краткій срокъ владѣнія встрѣчается гораздо рѣже. Итакъ, въ однихъ странахъ, какъ Англія, земля для сельскохозяйственнаго пользованія находится въ рукахъ фермеровъ, слѣдовательно, уже въ силу самыхъ условій аренды, только временно. Въ другихъ, какъ Австрія и Пруссія, земля недолго остается въ однѣхъ рукахъ вслѣдствіе сильной мобилизаціи земельной собственности. Такое краткое пользованіе землей не можетъ въ достаточной степени способствовать развитію сельскаго хосяйства въ имѣніяхъ, построенныхъ на капиталистическихъ началахъ. Все сказанное мною указываетъ на нѣсколько иное положеніе капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ нежели въ обработывающей промышленности.

Выше было отмѣчено, что обыкновенно задолженность проистекаетъ изъ займа не для улучшенія хозяйства, а для самаго пріобрѣтенія земли. Точно также и Л. ф.-Штейнъ ставитъ на первый планъ причины, связанныя съ переходомъ земли изъ рукъ въ руки. Все это подтверждается фактическими данными, которыя въ тоже время указываютъ на ростъ задолженности съ теченіемъ времени. Такъ напр. въ Пруссіи гипотечная задолженность съ 133 мил. марокъ въ 1886—7 г. поднялась до 254 мил. мар., т.-е. почти вдвое къ 1894—5 г. Такого же рода данныя можно привести и для многихъ другихъ частей Германіи. Что касается причинъ задолженности, то для Ольденбурга напр.

88,4% всѣхъ долговъ падаетъ на доплаты за землю и наслѣдственные выдѣлы, т.-е. вытекаютъ изъ условій перехода земли и лишь 2,6% на меліораціи и покупку инвентаря; въ Баваріи изъ перехода земли вытекаетъ 84,3% всѣхъ гипотечныхъ долговъ, въ Баденѣ 68,4%. Тоже и по другимъ частямъ Германіи. Но кромѣ того всѣ изслѣдователи свидѣтельствуютъ, что крупное землевладѣніе страдаетъ отъ задолженности болѣе мелкаго (Соболевъ: Мобилизація и т. д. гл. III § 5). Это послѣднее обстоятельство, блистательно подтверждаемое такимъ знатокомъ аграрныхъ отношеній какъ проф. Конрадъ (Agrarkrisis in Deutschland въ Handwörterburch d. Staatswiss, erster supplem.)—также свидѣтельствуетъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ веденіе дѣла на капиталистическихъ началахъ встрѣчается съ иными условіями—нежели въ обрабатывающей промышленности.

Обращаюсь теперь къ разсмотрѣнію задолженности землевладѣнія въ Россіи. Но прежде укажу въ нѣсколькихъ словахъ на существующіе виды кредита въ сельскомъ хозяйствѣ. Здѣсь слѣдуетъ различить три вида. Во-первыхъ, кредитъ личный, а также подъ *движимое* имущество. Онъ обыкновенно дается на небольшіе сроки, но не менѣе года, такъ какъ полный оборотъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ совершается въ теченіе года. Въ Россіи этотъ видъ кредита почти не развитъ, если не считать ростовщичества въ деревняхъ; были попытки организовать для этого рода кредита ссудо-сберегательныя товарищества, но существенныхъ послѣдствій эти попытки у насъ въ Россіи не имѣли. Успѣшнѣе другихъ фукціонируютъ Рафэйзеновскія товарищества въ Германіи, названныя такъ по имени ихъ основателя; здѣсь кредитъ выдается за круговой порукой и на опредѣленныя нужды. Второй видъ кредита—*меліоративный*. Онъ дается для производства какихъ-либо прочныхъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, каторыя окупаются, а нерѣдко и производятся, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, почему и самый кредитъ дается на болѣе продолжительные сроки, чѣмъ первый видъ. Наконецъ, кредитъ подъ залогъ недвижимаго имѣнія—*ипотечный*, о которомъ я уже говорилъ раньше.

Изъ двухъ послѣднихъ видовъ кредита у насъ первымъ по времени является ипотечный. Онъ существовалъ у насъ еще въ то время, когда вся сила землевладѣнія лежала въ крестьянахъ, составлявшихъ вмѣстѣ съ землей собственность владѣльца. Первое поземельное кредитное учрежденіе, въ видѣ двухъ дворянскихъ банковъ, основано было при Елизаветѣ въ 1754 году. Ссуды выдавались въ началѣ на 2 года, но вслѣдствіе неисправности плательщиковъ уже въ 1761 году вмѣсто этихъ краткосрочныхъ ссудъ введены были ссуды долгосрочныя. При Екатеринѣ II въ 1786 году банки эти преобразованы были въ Государственный заемный банкъ, «дабы всякій хозяинъ могъ удержать свои земли». Выдавалось изъ этого банка по 40 руб. на каждую ревизскую душу, срокомъ на 20 лѣтъ. Тѣ же операціи по выдачѣ ссудъ совершали сохранная казна и при-

казы общественнаго призрѣнія. Но нужда въ кредитѣ росла и вызывала кредитныя учрежденія: въ 1802 году основанъ былъ Эстляндскій дворянскій банкъ, въ 1825 году такой же въ Привислянскихъ губерніяхъ, въ 1841 году—Нижегородскій дворянскій банкъ; изъ этого послѣдняго выдавалось по 60 руб. на ревизскую душу, срокомъ на 26 и 37 лѣтъ. Къ 1859 г. въ Государственныхъ учрежденіяхъ въ залогѣ состояло 39,5% всѣхъ имѣній и 65,5% всего крѣпостного населенія, причемъ на одно заложенное имѣніе приходилось 161 ревизск. душа, тогда какъ по всѣмъ имѣніямъ въ среднемъ приходилось на 1 имѣніе 95 рев. душъ. Это указываетъ, что и въ то время наиболѣе задолженными были болѣе крупныя имѣнія; кромѣ того наиболѣе задолженными въ то время были губерніи черноземныя, составлявшія въ то время «житницу» Россіи. Отмѣтимъ еще, что вся указанная задолженность землевладѣнія для того времени относилась къ дворянскому землевладѣнію. Но въ 1859 году Государственный заемный банкъ былъ уничтоженъ и до 1864 года не было организованнаго земельнаго кредита. Мы подошли, такимъ образомъ, къ моменту отмѣны крѣпостного права. Въ эпоху послѣдняго не было большой нужды въ капиталѣ для сельскохозяйственнаго производства: надобности въ наемномъ трудѣ не было; тамъ, гдѣ владѣльцы сами вели хозяйство, земля обрабатывалась крестьянскимъ инвентаремъ; гдѣ-же крестьяне были на оброкѣ, тамъ владѣльцы большей частью вовсе не вели своего хозяйства. Задолженность же, которую мы находимъ и при крѣпостномъ правѣ, объясняется отчасти тѣмъ, что большая часть землевладѣльцевъ того времени—дворяне, владѣвшіе крестьянами, являлись служилыми людьми и должны были нести разные расходы по службѣ въ формѣ денегъ, которыхъ они, при натуральномъ хозяйствѣ того времени, не могли получить въ требуемомъ количествѣ отъ своихъ имѣній. Были и другія причины, лежавшія во всемъ строѣ крѣпостной жизни, но во всякомъ случаѣ кредитъ не служилъ сельскохозяйственному производству. Таковъ характеръ задолженности землевладѣнія до реформы 1861 года.

Освобожденіе крестьянъ рѣзко выразило тѣ измѣненія, которыя происходили въ экономической жизни Россіи, соотвѣтственно съ чѣмъ вызвало измѣненія въ цѣломъ рядѣ отношеній и въ частности измѣнило и весь характеръ частновладѣльческаго хозяйства: потребовался наемный трудъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ владѣльцы стали обзаводиться мертвымъ и живымъ инвентаремъ. Для всего этого требовались деньги. Но деньги эти и были принесены самой реформой, которую вообще надо считать продуктомъ тѣхъ условій, которыя создавались наступающимъ развитіемъ капитализма въ Россіи. Реформа принесла землевладѣльцамъ выкупныя деньги, которыхъ и было уплачено въ 1862—66 г. 329½ м. рублей; въ 1867—71 г. 258½ м. рублей, а всего по 1 января 1894 г.—895.871.473 р. 83 к., изъ коихъ 315.804.883 р. 13 к. пошло на покрытіе дол-

говъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ. Несмотря, однако, на приливъ этихъ суммъ къ дворянскому землевладѣнію, потребность въ кредитѣ продолжала ощущаться. Въ отвѣтъ на эту потребность стали возникать разныя кредитныя учрежденія: въ 1864 году былъ основанъ первый частный земельный банкъ— Херсонскій, въ 1866 году основалось Общество взаимнаго поземельнаго кредита, съ 1872 г. стали открываться акціонерные банки. Съ 1886 года открылъ свои операціи Государственный дворянскій земельный банкъ: ссуды выдавались въ большихъ размѣрахъ и на льготныхъ условіяхъ. Къ этому времени выкупная операція была почти завершена и при помощи ея помѣстное дворянство получило свыше 856½ м. р.. или же, принимая во вниманіе условія реализаціи выкупныхъ бумагъ и уплату долга прежнимъ кредитнымъ учрежденіямъ, получимъ, что дворянами-землевладѣльцами ко времени учрежденія Государственнаго дворянскаго банка было получено на руки 429,1 мил. рублей; но кромѣ того къ 1886 г. дворянскія земли были обременены долгами банкамъ на сумму 447,9 мил. р. Въ общемъ же задолженность землевладѣнія съ 1872 г., когда начали открываться акціонерные земельные банки къ 1886 г. возрасла съ 134,3 мил. руб. до 539,6 м. руб., что указываетъ на весьма быстрый ростъ ея. Къ 1895 г. она уже составляетъ 1.028,7 м. р., изъ коихъ 351,5 мил. долга Гос. двор. банку, а остальное прочимъ земельнымъ банкамъ. Къ 1898 г. общая сумма земельной задолжности составляетъ уже 1,245,7 м. р., причемъ возрастаніе ея для послѣднихъ 11 л , составляетъ въ среднемъ болѣе 60 мил. р., въ годъ, причемъ за одинъ послѣдній 1897 г. задолженность въ общемъ (считая и городскую) возрасла на 126,6 м. р., («Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи»).

Болѣе чѣмъ тридцатилѣтній періодъ существованія пореформенныхъ кредитныхъ учрежденій даетъ нѣкоторыя данныя для характеристики современной задолженности частновладѣльческихъ имѣній въ Россіи. Въ 1896 году на этихъ имѣніяхъ лежалъ долгъ въ 1 милліардъ 237 милліона руб. съ лишнимъ. Изъ всей частновладѣльческой земли въ 66 губерніяхъ (около 116 миллионовъ десятинъ) въ залогѣ состояло 113.480 имѣній съ общимъ количествомъ земли свыше 48 милліоновъ дес., или 42% всей частновладѣльческой земли. Вся заложенная земля оцѣнена почти въ 2½ милліарда. По различнымъ мѣстностямъ % заложенной земли колеблется, составляя свыше 70% частновладѣльческой земли въ губ.: Эстляндской (90%), Лифляндской (86%) и Херсонской (71%), отъ 50% до 70% въ губ.: Екатеринославской, Подольской, Пензенской, Минской, Харьковской, Кіевской, Тамбовской, Курляндской, Казанской, Саратовской, Тульской, Уфимской, Гродненской, Симбирской, Полтавской, Бессарабской, Орловской, Калишской и Волынской (51%), всего въ 19-ти губерніяхъ, принадлежащихъ къ южной полосѣ, центральной земледѣльческой и частью Приволжскому району; отъ 40% до 50% въ 11-ти губерніяхъ степной и черноземной полосы, въ

томъ числѣ Витебская, Воронежская и Курская; отъ 30% до 40% въ 13-ти губерніяхъ, въ томъ числѣ: Черниговская, Самарская, Рязанская, Петербургская, Смоленская; отъ 20% до 30% въ 8 губерніяхъ, въ томъ числѣ: Псковская, Пермская. Московская и Костромская губ.; наименьшій % падаетъ на Елизаветпольскую губ. (1%) и на Вологодскую (2%). Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что наибольшая задолженность частновладѣльческихъ имѣній встрѣчается въ прибалтійскихъ губерніяхъ, центральныхъ земледѣльческихъ, южныхъ степныхъ и приволжскихъ, т.-е. по преимуществу земледѣльческихъ; наоборотъ, наименьшая, кромѣ Кавказа, въ губерніяхъ сѣверныхъ и промышленныхъ, т.-е. въ мѣстахъ, которыя имѣютъ наименѣе земледѣльческій характеръ. Нельзя не отмѣтить также довольно сильной задолженности въ губ. Привислянскихъ. Еще рѣзче выражается та же задолженность при разсмотрѣніи ея по уѣздамъ: оказывается, что изъ 572 уѣздовъ—въ 6 находится въ залогѣ почти вся частновладѣльческая земля, а именно отъ 90% до 98% ея, въ 5-ти—отъ 81% до 87%; въ 30-ти—отъ 70% до 79%; въ 56-ти—отъ 60% до 69%; въ 87-ми отъ 50% до 59%; въ остальныхъ менѣе 50%, причемъ въ 116 уѣздахъ менѣе 20%. При этомъ средній размѣръ заложенныхъ имѣній (427 дес.) свидѣтельствуетъ, что и у насъ наиболѣе задолженнымъ является крупное землевладѣніе, какъ то отмѣчено было и для Германіи. Если же имѣть въ виду еще сильное развитіе задолженности въ Прибалтійскихъ и Привислянскихъ губерніяхъ, гдѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ остальной Россіи развита постановка хозяйства на капиталистическомъ началѣ, то мы получимъ здѣсь явленіе вполнѣ отвѣчающее тому, что должно вытекать изъ всѣхъ отмѣченныхъ выше условій веденія сельскохозяйственныхъ предпріятій.

Всѣ эти долги образовались въ теченіе съ небольшимъ 30 лѣтъ, увеличиваясь въ среднемъ съ каждымъ годомъ на сумму свыше 40 милліоновъ рублей. Впрочемъ, надо замѣтить, что приведенныя цифры не даютъ еще полнаго представленія о размѣрахъ задолженности. Дѣло въ томъ, что эти данныя говорятъ только о размѣрахъ займовъ подъ первыя закладныя, но, какъ я уже говорилъ, подъ первую закладную выдается ссуда только въ размѣрѣ $^2/_3$ цѣнности земли; остальную $^1/_3$ можно заложить въ частныя руки подъ вторую закладную. Къ этому прибѣгаютъ нерѣдко и такихъ долговъ тоже довольно много. По исчисленію за 1888 г. такихъ займовъ было сдѣлано на сумму 36 милліоновъ рублей («Вліяніе урожаевъ» и т. д. ст. Д. И. Рихтера и «Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи»).

Таковы размѣры современной ипотечной задолженности частнаго землевладѣнія въ Россіи. Для характеристики степени быстроты и роста ея укажемъ еще, что къ 1 января 1870 г. все количество заложенной земли составляло 2,1 мил. дес. или 2,2% всей частновладѣльческой земли, а къ 1 января 1895 г. или черезъ 25 лѣтъ, какъ мы видѣли уже,—42%; при этомъ ростъ

ея быстрѣе роста цѣнъ на землю: за періодъ, когда цѣны на землю поднялись на 58%, задолженность возрасла на 108%, а это означаетъ, что съ теченіемъ времени «платежъ владѣльца заложеннаго имѣнія кредитнымъ учрежденіямъ все тяжелѣе ложится на чистую доходность, если принять, что послѣдняя растетъ пропорціонально продажной цѣнѣ земли». Если же примемъ арендную плату за доходность земли, то получимъ, что въ наиболѣе задолженныхъ губерніяхъ землевладѣлецъ долженъ отчислять ежегодно отъ 21% до 42% доходности въ пользу банка (тамъ же). Отмѣченное возрастаніе задолженности въ большей мѣрѣ, чѣмъ происходитъ ростъ цѣнъ на землю вполнѣ объясняется тѣмъ, что обычная тенденція цѣнъ земли къ возрастанію совпадаетъ еще съ усиливающимися подъ вліяніемъ международнаго рынка неустойчивостью, неопредѣленностью и упадкомъ доходности чисто товарнаго сельскаго хозяйства. Та и другая причины ведущія самостоятельно каждая къ усиленію задолженности, при совмѣщеніи ихъ вызываютъ тѣмъ болѣе рѣзкое усиленіе ея. Это явленіе выразилось бы, конечно, еще рѣзче, если бы не было того слоя земледѣльческаго населенія, который вынужденъ арендовать землю вслѣдствіе недостаточности надѣловъ и можетъ это дѣлать вслѣдствіе умѣнья лучше извлекать изъ нея доходъ, благодаря тому, что его хозяйство не чисто товарное. Отсюда вытекаетъ, между прочимъ, что положеніе крестьянскаго хозяйства далеко не безразлично для частнаго землевладѣнія, хотя тутъ же намѣчаются соотношеніе этихъ интересовъ и ихъ предѣлы.

Не трудно видѣть, что данныя по Россіи подтверждаютъ все то, что мною было сказано о задолженности вообще. Существуетъ попытка объяснить задолженность, между прочимъ, непроизводительнымъ употребленіемъ ссудъ. Объясненіе, конечно, недостаточное. Несомнѣнно, что еслибы хотя $^1/_2$ суммы долга приложена была къ земледѣльческому хозяйству, то оно имѣло бы иной видъ, сравнительно съ настоящимъ. Но, повторяю, одно только употребленіе полученныхъ ссудъ не по назначенію ихъ не даетъ еще достаточнаго объясненія разсматриваемому явленію, хотя бы уже потому, что явится совершенно правомѣрнымъ вопросъ: почему же такое примѣненіе находятъ именно ссуды подъ залогъ земель, почему иначе употребляется кредитъ связанный съ другими предпріятіями? Изъ всего же сказаннаго выше ясно, что такая задолженность есть слѣдствіе самаго владѣнія землею, какъ товаромъ. Товаръ этотъ не таковъ, чтобы могъ быть перемѣщаемъ съ одного рынка на другой; въ то же время товаръ этотъ не есть готовый продуктъ, а лишь сырой матеріалъ, условіе производства, но такого производства, которое связано съ опредѣленнымъ мѣстомъ и цѣлымъ рядомъ условій, измѣненіе которыхъ въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, внѣ власти человѣка. Вслѣдствіе этого устраненіе здѣсь неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ затруднительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, а то и совсѣмъ невозможно. Для европейскаго же земледѣлія, какъ

это уже указано, наступило теперь именно такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ, обѣщающее еще долгое продолженіе, а отсюда неизбѣжность связанныхъ съ землевладѣніемъ затрудненій и стремленіе вынуть изъ земли завязанный въ ней капиталъ, что и достигается при помощи залога земли. Правда, этому какъ бы противорѣчитъ съ одной стороны тотъ фактъ, что значительная доля долга образуется переводомъ его при покупкѣ земли; но не слѣдуетъ забывать, что это есть двусторонняя сдѣлка, такъ что покупка съ одной стороны предполагаетъ продажу съ другой, причемъ покупщикъ (при покупкѣ съ переводомъ долга) опять-таки вкладываетъ въ землю не весь капиталъ, который она представляетъ; при этомъ быстрота мобилизаціи опять-таки свидѣтельствуетъ, что этотъ капиталъ вкладывается не надолго.

Другое обстоятельство, стоящее какъ будто бы въ противорѣчіи съ нашимъ объясненіемъ, состоитъ въ томъ, что задолженность землевладѣнія существовала и не при современныхъ условіяхъ землевладѣнія, какъ, наприм., у насъ въ дореформенное время. Но тогда, конечно, поводы и условія образованія ея были иныя и лежали въ условіяхъ, вызывавшихъ требованіе въ деньгахъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ ихъ можно было получить путемъ веденія преобладавшаго тогда натуральнаго хозяйства; но все же и тогда самая форма задолженности обусловливалась тѣми свойствами земельныхъ имуществъ, которыя общи и для настоящаго времени. Условія же послѣдняго времени, дѣлая все менѣе и менѣе возможнымъ извлеченіе изъ земли дохода, соразмѣрнаго росту цѣнъ не нее, а также дѣлая этотъ доходъ и вообще все болѣе и болѣе неустойчивымъ и неопредѣленнымъ, вызываютъ все болѣе и болѣе быстрый ростъ задолженности землевладѣнія, показывающій именно стремленіе дать капиталу, какъ таковому, иное помѣщеніе. Что это именно такъ, доказательствомъ можетъ служить, по отношенію къ Россіи, созданіе такихъ учрежденій, которыя способствуютъ переходу земель изъ рукъ частныхъ землевладѣльцевъ, облегчаютъ для нихъ этотъ переходъ. Еслибъ это не было въ ихъ интересахъ, то, очевидно, созданіе такихъ учрежденій не могло бы осуществиться. Я говорю объ учрежденіи Крестьянскаго поземельнаго банка и связанной съ нимъ организаціи.

Это, повидимому, противорѣчитъ существующему взгляду и исторіи, мотивамъ учрежденія Крестьянскаго поземельнаго банка. Извѣстно, что потребность въ немъ выросла какъ разъ изъ недостаточности земельнаго обезпеченія крестьянъ, и слѣдовательно учрежденіе его отвѣчало ихъ интересамъ. Но если ихъ интересамъ отвѣчала возможность покупать землю, то, съ другой стороны, опять-таки должны были существовать продавцы, интересамъ которыхъ отвѣчала возможность продавать ее. Кто же представлялъ собою наиболѣе многочисленный классъ покупщиковъ?— конечно крестьяне, и потому очевидно, увеличивъ число покупщиковъ, т.-е. облегчивъ имъ возможность покупать, можно выгоднѣе

сбыть земли, тѣмъ болѣе, что здѣсь является возможность продавать мелкими участками, что опять-таки даетъ возможность продавать по болѣе высокой цѣнѣ. Такимъ образомъ, если на сторонѣ крестьянъ былъ не малый интересъ въ покупкѣ земли, то не въ противорѣчіи съ этимъ находился и интересъ владѣльцевъ земли, стремившихся отдѣлаться отъ нея, причемъ послѣднее стремленіе, повидимому, сильнѣе перваго, хотя бы судя по тому, что въ послѣднемъ отчетномъ году (1896) число заявленій землевладѣльцевъ о желаніи продать банку землю значительно превышало число заявленій о желаніи купить ее. Первыя поступили отъ 238 землевладѣльцевъ, на 365.510 дес. земли, заявленій же о желаніи купить было 45 на 50.343 дес. земли.

Но на учрежденіи Крестьянскаго поземельнаго банка дѣло не остановилось. Крестьяне все-таки не имѣли возможности поглотить покупкою такое количество земли, какое предлагалось на продажу; тогда наступаетъ преобразованіе крестьянскаго банка, которое, конечно, не могло бы осуществиться, если-бы не отвѣчало интересамъ предлагающихъ земли на продажу. Согласно этому преобразованію, банкъ можетъ пріобрѣтать земли за собственный счетъ. Что это преобразованіе дѣйствительно отвѣчало интересамъ землевладѣльцевъ, свидѣтельствуется тѣмъ, что они тотчасъ же и воспользовались такимъ преобразованіемъ для сбыта своихъ земель. «Въ настоящее время въ Таврической губерніи,—сообщаетъ *Крымскій Вѣстникъ*,—происходитъ «массовый переходъ» земли изъ рукъ частновладѣльцевъ въ руки крестьянъ. Какъ на одну изъ причинъ, обусловливающихъ этотъ процессъ, газета указываетъ на крестьянскій банкъ, дѣйствующій нынѣ по новому уставу. По словамъ названной выше газеты, въ настоящее время гг. Фальцъ-Фейнъ распродаютъ свыше двадцати тысячъ десятинъ изъ принадлежащихъ имъ владѣній, въ томъ числѣ огромную Александровскую дачу въ Днѣпровскомъ уѣздѣ (пріобрѣтенную три года тому назадъ по сто десяти рублей за десятину и раскупаемую нынѣ крестьянами по цѣнѣ отъ 125 до 150 рублей за десятину) и оба свои крымскія имѣнія. За ними слѣдуетъ г. Скадовскій, распродающій крестьянамъ пять тысячъ десятинъ изъ своихъ имѣній въ Днѣпровскомъ уѣздѣ. Р. Г. Родзянко почти, кажется, реализировалъ все свое громадное помѣстье въ двадцать съ лишнимъ тысячъ десятинъ». (Русск. Вѣд. 1896 г. № 307). То же подтверждается и отчетомъ Крестьянскаго земельнаго банка. Въ 1896 г. «согласно заключеній соединеннаго присутствія совѣтовъ Крестьянскаго и Дворянскаго банковъ, г. министромъ финансовъ разрѣшена покупка 38 имѣній, въ количествѣ 80.970$_{8}$ дес., на сумму 5.915.724 р.» Куплено же банкомъ въ 1896 г. 15 имѣній съ 49.911$_{8}$ дес. При этомъ легко видѣть, что предложены были банку для покупки далеко не мелкія имѣнія, такъ какъ средній размѣръ утвержденныхъ къ покупкѣ имѣній—свыше 2.000 дес., а купленныхъ уже—3.327 дес. Я говорю: предложенныхъ къ покупкѣ,

такъ какъ изъ отчета видно, что только 3 изъ купленныхъ имѣній были пріобрѣтены съ торговъ; остальные же куплены по предложенію продавцовъ и наиболѣе мелкое изъ нихъ имѣетъ 262 дес. (Гончаровыхъ, Рязанской губ. за 35.587 р.), наиболѣе же крупное 41.894$_{4}$ дес. (гр. Воронцова-Дашкова, въ Саратовской губ., за 3.500.000 р.), (Отчетъ Крестьянскаго поземельнаго банка за 1896 г., Спб., 1896). При этомъ нельзя сказать, чтобы продажи эти были безвыгодны для продавцовъ. Такъ за періодъ 1888—96 гг. банкъ продалъ изъ состоявшей въ его собственности земли—въ предѣлахъ Саратовской губ. 5.448 дес. (4 имѣнія) за 197.600 р., т.-е. по 36 р. 27 к. за десятину (тамъ же, стр. 278 прилож.). Въ той же губерніи въ 1896 г. по ссудамъ, *разрѣшеннымъ* банкомъ, пріобрѣтается 13.984,$_{2}$ дес. земли за 818.475 р. (всего 20 сдѣлокъ), т.-е. по 58 р. 53 к. за десятину. Тамъ же по ссудамъ уже выданнымъ въ 1896 г. пріобрѣтено 5-ю сельскими обществами 5.379 дес. за 308.802 р., т.-е. по 57 р. 22 к. за десятину, и 9-ю товариществами 6.659 дес. за 348.001 р., т.-е. по 52 р. 24 к. Какъ видимъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, несмотря на сравнительно не крупный размѣръ пріобрѣтавшихся участковъ, когда цѣна обыкновенно бываетъ выше, продажная цѣна ни въ одномъ случаѣ не достигаетъ 60 р. за десятину — и это при продажѣ земли крестьянамъ со стороны частныхъ лицъ, лишь при содѣйствіи банка; самъ же банкъ продавалъ землю въ той же Саратовской губ. даже по 36 р. 27 к. за десятину, т.-е. еще дешевле. Уже это послѣднее сопоставленіе указываетъ, что продажа земли крестьянамъ при посредствѣ банка представляетъ вовсе не безвыгодную сдѣлку. И еще выгоднѣе продажа земли прямо банку, какъ это видно изъ того, что въ той же Саратовской губ., въ томъ же 1896 г. имѣніе гр. Воронцова-Дашкова въ 41.894,$_{4}$ дес. продано за 3.500.000 р., т.-е. по 83 р. 54 к. съ лишкомъ за десятину—и это при продажѣ его въ полномъ составѣ, когда цѣна обыкновенно бываетъ ниже, чѣмъ за мелкіе участки. (Всѣ приведен. примѣры см. тотъ же отчетъ прилож., стр. 25 и 34.)

Если имѣть въ виду указанное раньше возрастаніе цѣнъ на землю, превышающее ростъ дохода съ нея, то очевидно долженъ наступить моментъ, когда такое помѣщеніе капитала становится крайне невыгоднымъ и вотъ должно явиться стремленіе вернуть его, отдѣлаться отъ земли, что, наоборотъ, очень выгодно при возросшей цѣнѣ ея; соотвѣтственно съ этимъ возникаютъ организованныя сообразно тому учрежденія, благо есть такой классъ населенія, который и при этихъ условіяхъ умѣетъ обращаться съ землей и извлекать изъ нея необходимыя ему средства существованія. И это такъ не въ Россіи только, конечно; этимъ съ одной стороны объясняются и попытки Германіи поддержать крестьянское хозяйство и расширить крестьянское землевладѣніе путемъ скупки имѣній черезъ посредство колонизаціонныхъ коммиссій. Не даромъ извѣстный юристъ Мункель въ засѣданіи прусской палаты въ январѣ 1898 г. говорилъ: «министръ долженъ знать,

что и въ Силезіи и въ Бранденбургѣ многіе разорившіеся землевладѣльцы не прочь были бы продать свои земли по такимъ выгоднымъ цѣнамъ, какъ тѣ, которыя платитъ колонизаціонная коммиссія; правительство хорошо дѣлаетъ, что помогаетъ крестьянамъ пріобрѣтать землю, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы за имѣнія слѣдовало платить безумныя цѣны». Отсюда видно, что развитіе крестьянскаго землевладѣнія совершается, для даннаго момента, не въ ущербъ интересамъ крупнаго.

Изъ всего этого самъ собою вытекаетъ тотъ выводъ, что экономическія отношенія складываются такимъ образомъ, что сами частные землевладѣльцы являются заинтересованными въ переходѣ ихъ земель въ пользованіе крестьянамъ, для чего уже и существуетъ соотвѣтствующая организація. Правда, организація эта является недостаточно выдержанной, такъ какъ съ одной стороны она способствуетъ переходу земель въ руки то отдѣльныхъ крестьянъ, то цѣлыхъ сельскихъ обществъ, а кромѣ того имѣетъ въ виду сосредоточеніе земли въ управленіи банка, который, опять-таки, то продаетъ ее, то отдаетъ въ долгосрочное пользованіе, то въ краткосрочное, но опять-таки по преимуществу крестьянамъ. Такъ изъ 422 имѣній, оставшихся за банкомъ въ количествѣ 117.576 дес. земли, 12,7% ихъ въ 1896 г. по разнымъ причинамъ оставались безъ эксплуатаціи, а изъ остальныхъ 371 (102.788 дес. з.)—49,5% имѣній и 51,9% земли сдавались въ *погодную* подесятинную аренду, 1,2% имѣній были на *издольномъ* пользованіи; 37,2% имѣній или 32,4% земли сданы были въ аренду въ полномъ составѣ. При этомъ изъ числа 371 имѣнія—356, или 96% ихъ и 92,8% всей земли были въ пользованіи крестьянскихъ обществъ, товариществъ и отдѣльныхъ крестьянъ (тамъ же, стр. 138—140 текста). Итакъ, мы видимъ, что въ чьихъ бы рукахъ земля ни находилась, какъ бы ни было организовано управленіе ею, главная часть ея все-таки попадаетъ въ руки крестьянъ, т.-е. того населенія, которое непосредственно прилагаетъ къ ней свой трудъ за свой страхъ и рискъ, не имѣя для того никакихъ капиталовъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Уже одно это достаточно говоритъ за непригодность эксплуатаціи земли при помощи капитала и за коренное отличіе земельной собственности, а равно земледѣльческаго производства, его эволюціи, а равно и эволюціи землевладѣнія отъ условій и перемѣнъ происходящихъ въ сферѣ обрабатывающей промышленности и промышленнаго капитала.

Но отсюда же вытекаетъ и другое: цѣна на землю можетъ расти, по тому что на нее есть спросъ въ лицѣ крестьянскаго населенія, которое не могло бы пріобрѣтать этой земли по такой цѣнѣ, еслибы вело чисто-товарное хозяйство. Но и при этихъ условіяхъ покупка земли, помѣщеніе въ нее капитала, представляетъ собою невыгодное условіе для крестьянскаго хозяйства, такъ какъ покупка земли требуетъ средствъ и на это и на проценты на капиталъ, затраченный на пріобрѣтеніе земли,

тогда какъ, не имѣя надобность покупать землю, крестьянство могло бы вкладывать, затраченныя на покупку земли деньги на самое производство, что повышало бы производительность сельскаго хозяйства и слѣдовательно было бы въ интересахъ развитія послѣдняго. При этихъ условіяхъ общинное владѣніе землею, отстраняя необходимость затраты на покупку земли. является, слѣдовательно, условіемъ благопріятствующимъ повышенію производительности земледѣлія. Соотвѣтственно съ этимъ и всякая организація, отнимающая необходимость затратъ на покупку земли, ведетъ къ тому же; къ тому же ведетъ и развивающаяся задолженность землевладѣнія, способствующая переходу земли въ руки государства, которое является заинтересованнымъ въ этомъ, поскольку оно представляетъ собою интересы массы населенія.

Изъ всѣхъ данныхъ, приведенныхъ въ этой главѣ, мы видимъ, что въ сущности собственники земли являются таковыми лишь по названію, такъ какъ при хозяйственной эксплуатаціи земли крестьянами, она, какъ собственность, сосредоточивается все болѣе и болѣе въ такихъ учрежденіяхъ, имѣющихъ общественный характеръ и по составу ихъ капитала и по управленію, какъ банки. Отсюда, вполнѣ оправдываются тѣ заключенія Л. ф.-Штейна, которыя я приводилъ раньше. Логически неизбѣжно частное землевладѣніе, съ тѣхъ поръ, какъ земля стала товаромъ, становится въ подчиненное положеніе къ денежному капиталу и большая часть землевладѣльцевъ становятся данниками капиталистовъ. Землевладѣлецъ извлекаетъ доходы изъ земли, чтобы уплачивать проценты капиталисту, и фактически земля становится собственностью тѣхъ лицъ, которыя ссужаютъ капиталы, а землевладѣльцы какъ бы управляютъ ихъ землей. Слѣдовательно, самостоятельность землевладѣльцевъ при такихъ условіяхъ есть ни что иное какъ фикція. Но такъ какъ земля—товаръ, который не можетъ быть воспроизведенъ, подобно другимъ товарамъ, въ любомъ количествѣ, составляя территорію государства и обусловливая складъ экономическихъ отношеній въ странѣ, то, разъ собственники земли только юридически числятся ими, будучи на дѣлѣ не больше какъ данниками капиталистовъ, нѣтъ и основаній для того, чтобъ это фиктивное положеніе продолжало оставаться и на будущее время. Отсюда, по мнѣнію Штейна и Родбертуса, неизбѣжнымъ является переходъ земли въ собственность государства съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ землей къ государству перешли и долги, лежащіе на ней, а собственники, и теперь уже переставшіе фактически быть ими, превратились во временныхъ владѣльцевъ, платящихъ извѣстный процентъ государству за пользованіе землею; разъ они перестаютъ пользоваться землей для собственной обработки, прекращаются основанія ихъ фактическаго владѣнія и земля передается тому, кто въ ней нуждается. Положеніе это сходно съ тѣмъ, какое существовало у насъ по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ въ дореформенное

время: они не были собственниками земли, а только пользовались ею, платя за это государству извѣстную оброчную подать.

И нужно замѣтить, что намѣчаемый переходъ совершается, повидимому, путемъ измѣненій, происходящихъ при посредствѣ того же развитія капитализма. Такъ одинъ изъ нѣмецкихъ писателей указываетъ на то, что въ сберегательныхъ кассахъ Германіи все болѣе и болѣе сосредоточиваются мелкія сбереженія рабочихъ, такъ какъ въ среднемъ одна книжка сберегательной кассы приходится на каждаго пятаго жителя; въ Пруссіи же средняя величина семейства состоитъ изъ 4,7 челов.; отсюда въ среднемъ приходится по одной книжкѣ на семью, и если имѣть въ виду, что классы населенія «высшіе», достаточные обыкновенно не кладутъ своихъ «сбереженій» въ сберегательныя кассы, то приходится сдѣлать выводъ, что деньги сберегательныхъ кассъ принадлежатъ рабочимъ. Вся сумма вкладовъ въ сберегательныя кассы въ Германіи составляла въ 1892 г. 5.560.516.000 марокъ; сумма же всѣхъ вкладовъ въ нѣмецкіе банки въ то же время составляла 2.081.700.000 марокъ, т.-е. нѣсколько болѣе $^1/_3$ вкладовъ въ сберегательныя кассы. Не останавливаясь на этомъ, онъ идетъ далѣе и выясняетъ, что въ Пруссіи въ 1893 г. 56,3% (свыше 2,2 милліард. марокъ) всѣхъ суммъ сберегательныхъ кассъ вкладывались въ ипотеки, т.-е. ссужались подъ залогъ сельской и городской недвижимой собственности, причемъ идетъ постепенное возрастаніе вкладовъ суммъ сберегательныхъ кассъ въ ипотечные банки; въ 1889 г. только 52,4% ихъ находилось въ ипотекахъ, а въ 1893 г. уже 56,3%. А такъ какъ, согласно изложенному выше, главные вкладчики сберегательныхъ кассъ—рабочіе, то отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что «землевладѣльцы сдѣлались должниками рабочихъ и становятся ими все болѣе и болѣе» (R. E. May. Die wirthschaftliche Entwickelung. Berlin, 1896., гл. VI и IX). Но если такъ, то, согласно съ вышеприведеннымъ, земля уже становится общественной собственностью, такъ какъ управленіе ею принадлежитъ тѣмъ, кто ссужаетъ подъ нее деньги и отъ ихъ отношенія къ землѣ зависятъ дальнѣйшія судьбы землевладѣнія.

Но, съ другой стороны, если земля находится въ такомъ подчиненіи капиталу, въ чьихъ бы рукахъ онъ ни находился, то каждый пользующійся ею въ качествѣ ли арендатора или числящійся собственникомъ, но въ то же время и обрабатывающій ее самолично, находится въ такомъ же отношеніи къ капиталу какъ и рабочій, работающій въ какой-либо отрасли обработывающей промышленности, откуда и вытекаетъ солидарность интересовъ тѣхъ и другихъ работниковъ, причемъ обрабатывающій землю заинтересованъ не въ томъ, чтобы земля состояла въ его собственности или числилась таковою, а въ томъ, чтобы ему было гарантировано пользованіе ею, пока онъ прилагаетъ къ ней свой трудъ. Эта же гарантія полнѣе всего дается по отношенію ко всей массѣ трудящагося населенія не

личной собственностью на землю, а общественной или же и общинной, почему общинное землевладѣніе и представляетъ собою болѣе близкую ступень къ той послѣдующей формѣ землевладѣнія, которая вырисовывается изъ намѣченной здѣсь эволюціи землевладѣнія.

Примѣчаніе. По вопросу о кредитѣ см указанныя раньше: „Землевладѣніе и сельское хозяйство“ и „Сельское и лѣсное хозяйство Россіи“.

XI. Товарищества въ сельскомъ хозяйствѣ и ихъ значеніе.

Данныя предшествующаго очерка свидѣтельствуютъ о томъ, что при существованіи крупнаго землевладѣнія развивается задолженность послѣдняго и стремленіе отдѣлаться отъ земли, что отвѣчаетъ и интересамъ капитала, давая ему возможность присвоивать доходъ, извлекаемый изъ земли. Но обратно этому стремленію крупнаго землевладѣнія отдѣлаться отъ обработки земли за свой страхъ и рискъ, а затѣмъ и совсѣмъ отъ нея (на выгодныхъ, конечно, условіяхъ, по скольку это не вызывается неотразимой необходимостью), у крестьянскаго населенія, непосредственно прилагающаго свой трудъ къ землѣ, замѣтно противоположное стремленіе: удержать во что бы то ни стало землю въ своихъ рукахъ и даже расширить свое землевладѣніе. Благодаря только этому стремленію и является возможность отчуждать землю тѣмъ, кто этого желаетъ или вынужденъ къ тому, и только въ силу этого возможна и ссуда капитала подъ землю, ведущая къ задолженности землевладѣнія.

Въ предыдущемъ было дано не мало указаній на причины, обусловливающія при крупномъ землевладѣніи отсутствіе развитія сельскохозяйственнаго производства за свой страхъ и рискъ; было указано также и на условія, вызывающія со стороны массы населенія, въ особенности въ Россіи—необходимость приложенія своего труда къ землѣ и невозможность перехода всего населенія или даже и значительной части его въ разрядъ фабричныхъ рабочихъ или вообще рабочихъ по найму въ сельскомъ хозяйствѣ, которое не только не развивается въ крупной формѣ, но, въ силу особенностей земледѣльческаго производства, должно проявлять тенденцію къ переходу въ болѣе мелкія формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ было отмѣчено, однако, что и мелкое крестьянское хозяйство не носитъ въ себѣ чертъ того блестящаго развитія, которымъ отличается крупная обрабатывающая промышленность. Но какъ указано было выше, по словамъ одного нѣмецкаго писателя (Зеринга, стр. 192), всѣ эти причины лежатъ не въ технико-экономическихъ условіяхъ мелкаго сельскохозяйственнаго производства. «При petite culture,—говоритъ другой писатель,—цѣна земли, форма и слѣдствіе частной земельной собственности ставятъ предѣлы самому производству... вмѣсто сознательной раціональной культуры земли, какъ обще-

ственной вѣчной собственности, неотъемлемаго условія существованія и воспроизведенія ряда смѣняющихся человѣческихъ поколѣній, выступаютъ эксплуатація и расточеніе почвенныхъ силъ... При мелкой собственности это происходитъ вслѣдствіе недостатка средствъ и знаній для приложенія общественной производительной силы труда» («Капиталъ», III, 671—672). Здѣсь такимъ образомъ отмѣчаются тоже не техническія условія мелкаго производства въ земледѣліи, препятствующія развитію его производительныхъ силъ.

Но такъ какъ при всемъ этомъ земледѣліе представляетъ собою такого рода производство, безъ котораго человѣчество обходиться не можетъ, безъ котораго немыслимо и существованіе матеріала для обрабатывающей промышленности, съ развитіемъ котораго связаны и интересы капитала, живущаго прибылью, то, очевидно, въ нѣдрахъ экономической жизни должны вырабатываться условія, поддерживающія не только жизнеспособность земледѣлія, но содѣйствующія его дальнѣйшему развитію. При этомъ, если по техническимъ условіямъ въ земледѣліи преимущество находится на сторонѣ мелкаго производства, то очевидно, что и остальныя условія будутъ вырабатываться въ томъ направленіи, которое способствуетъ укрѣпленію и развитію этой формы его. Въ экономическомъ отношеніи, какъ мы видѣли, мелкое земледѣліе также имѣетъ два несомнѣнныхъ преимущества передъ крупнымъ,—это 1) неизмѣримо меньшую зависимость отъ рынка; это послѣднее обстоятельство обусловливается не какими-либо временными причинами, а прямо-таки самыми свойствами продуктовъ земледѣлія, многія изъ которыхъ въ ихъ сыромъ видѣ могутъ служить для удовлетворенія даже самыхъ изощренныхъ потребностей питанія. А такъ какъ расходъ на продукты питанія для массы населенія составляетъ наиболѣе крупную часть всѣхъ ея расходовъ, то, очевидно, это занятіе, въ силу уже этого, должно привлекать къ себѣ наибольшую часть населенія, такъ какъ гарантируетъ ему удовлетвореніе потребностей, требующихъ наибольшей затраты силъ, а во-вторыхъ, мелкое земледѣліе такимъ образомъ носитъ въ себѣ всегда преимущество сравнительно съ крупнымъ въ устойчивости хозяйства, поскольку эта устойчивость колеблется измѣнчивостью рыночныхъ условій. 2) Постоянство и соотвѣтствіе рабочихъ силъ условіямъ земледѣльческаго производства, чего нѣтъ въ крупномъ хозяйствѣ, имѣющимъ дѣло съ постоянно измѣняющемся въ теченіи рабочаго сезона запросомъ на эти силы.

Несмотря, однако, на это, мелкое земледѣльческое хозяйство, при развивающемся капитализмѣ, не стоитъ и не можетъ стоять внѣ зависимости отъ рыночныхъ условій,—и въ этомъ лежитъ одно изъ основныхъ условій его дальнѣйшаго прогрессивнаго развитія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ третьемъ очеркѣ было проведено то положеніе, что усовершенствованіе путей сообщенія, ведущее за собою развитіе международнаго обмѣна, вырабатываетъ тѣсную

неразрывную экономическую связь не только между отдѣльными хозяйствами одной страны, но и между хозяйствами разныхъ странъ,—создаетъ всемірное хозяйство. Обмѣнъ, рынокъ, является, такимъ образомъ, тѣмъ аппаратомъ капиталистическаго строя, при посредствѣ котораго ни одно хозяйство не является довлѣющимъ само себѣ. не остается уединеннымъ и, слѣдовательно, превращается въ одну изъ составныхъ частей цѣлаго общественнаго хозяйства, а только при этомъ условіи и возможно развитіе общественной производительной силы труда и, такъ сказать, оплодотвореніе каждаго отдѣльнаго хозяйства этой общественной производительной силой труда. Слѣдовательно, благодаря связи съ рынкомъ отдѣльное хозяйство волей-неволей воспринимаетъ то, что при изолированіи его ему было бы недоступно. Производительныя силы его такимъ образомъ растутъ, а слѣдовательно растетъ возможность «богатства и развитія воспроизводства, равно какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ условій, а потому также и условій раціональной культуры». А въ такомъ случаѣ уничтожается тотъ «недостатокъ средствъ и знанія для приложенія общественной производительной силы труда», который, какъ отмѣчено выше, составляетъ слабую сторону мелкаго землевладѣнія и связаннаго съ тѣмъ мелкаго хозяйства.

Въ крупномъ земледѣльческомъ производствѣ, гдѣ задача его—извлеченіе прибыли, эта связь съ рынкомъ дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ и мѣшаетъ развитію раціональнаго земледѣлія, подчиняя послѣднее не тѣмъ законамъ и условіямъ, которыя даются окружающей природой, а тѣмъ, которыя нерѣдко, вопреки окружающимъ природнымъ условіямъ, создаются рыночными колебаніями. Въ мелкомъ же основная задача производства — удовлетвореніе потребностей земледѣльца; это одно условіе, ограничивающее вліяніе рынка въ смыслѣ его разрушительности, другое же заключается въ томъ, что здѣсь не можетъ быть того непроизводительнаго расхода капитала на рабочія силы, который создаетъ опять-таки неблагопріятное положеніе на рынкѣ, тогда какъ въ мелкомъ производствѣ этого условія нѣтъ и не можетъ быть, потому что нѣтъ и расходуемаго на это капитала, отсутствіе прибыли на который съ капиталистической точки зрѣнія составляетъ уже убытокъ.

Какимъ же, однако, путемъ современная экономическая дѣйствительность пріобщаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ «общественную производительную силу труда» къ мелкому земледѣлію?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, отмѣтимъ, въ какомъ отношеніи мелкое сельскохозяйственное производство не отвѣчаетъ тѣмъ условіямъ, которыя окружаютъ его при современномъ развитіи рыночныхъ отношеній.

Если имѣть въ виду эти послѣднія, т.-е. рыночныя условія, то несомнѣнно мелкое крестьянское хозяйство поставлено неблагопріятно прежде всего относительно сбыта продуктовъ. Отчужденіе по мелочамъ вызываетъ цѣлую массу лишнихъ издер-

жекъ и непроизводительной затраты времени, во избѣжаніе чего нерѣдко приходится или сбывать не тамъ, гдѣ это наиболѣе выгодно по цѣнамъ, а тамъ, гдѣ это требуетъ меньшей потери времени, или же и прямо скупщикамъ, вполнѣ подчиняясь диктуемымъ ими условіямъ. Къ этому же ведетъ и недостатокъ средствъ, вынуждающій сбывать не тогда, когда цѣны наиболѣе высоки, а тогда, когда нужны деньги. Это же обстоятельство, замѣтимъ между прочимъ, отзывается невыгодно и на сбытѣ крупныхъ землевладѣльцевъ у насъ, такъ какъ осенью, когда хлѣбъ только-что обмолоченъ, рынки наводняются у насъ крестьянскимъ дешевымъ хлѣбомъ, что вліяетъ на пониженіе цѣнъ и къ выгодѣ торговаго капитала бьетъ какъ по крестьянамъ, такъ и по землевладѣльцамъ, вслѣдствіе усиленнаго предложенія и создаваемой тѣмъ конкурренціи.

Но если крестьянство поставлено такъ неблагопріятно относительно сбыта многихъ продуктовъ своего хозяйства, то не менѣе неблагопріятно оно поставлено и относительно пріобрѣтенія на рынкѣ какъ сѣмянъ, такъ и другихъ предметовъ, необходимыхъ какъ для сельскохозяйственнаго производства (земледѣльческія орудія), такъ и для удовлетворенія различныхъ потребностей.

Въ той раздробленности и обособленности, которое характеризуетъ крестьянское хозяйство, заключается несоотвѣтствіе его условіямъ, создаваемымъ складывающимися въ настоящее время экономическими отношеніями. Слѣдовательно, если мелкое крестьянское хозяйство носитъ въ себѣ элементы живучести, если, по техническимъ условіямъ, эта форма болѣе соотвѣтствуетъ развитію сельскохозяйственнаго производства, то въ соотвѣтствіи съ этимъ въ ней должны вырабатываться формы сбыта, отвѣчающія современнымъ требованіямъ. Это и происходитъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты, относящіеся по преимуществу къ Германіи.

Но, прежде чѣмъ привести ихъ, отмѣтимъ, что въ Германіи цѣлый рядъ писателей на основаніи многочисленныхъ данныхъ указываетъ именно на живучесть и преимущество мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ. Такъ, въ Пруссіи и Баваріи округа съ меньшей средней величиной хозяйствъ обнаруживаютъ болѣе высокую урожайность, нежели округа съ преобладаніемъ болѣе крупныхъ хозяйствъ, а именно въ Пруссіи:

При средн. велич. земледѣльч. хоз.	Урожайн. оз. ржи на 1 гектаръ.	Урожайность овса въ тоннахъ.
менѣе 4,35 гект. *)	1,27	1,34
отъ 4,35 до 8,70	1,05	1,15
» 8,70 » 13,05	0,96	1,05
св. 13,05 гект.	0,83	0,80

Аналогичныя данныя существуютъ для Баваріи, гдѣ при средней велич. хоз. менѣе 4,2 гект. урожайность ржи 1,57 т. съ

*) 1 гектаръ=2 196 кв. саж., т.-е. менѣе десятины.

гектара; овса 1,55 т., картофеля 10,56 т.; затѣмъ, по мѣрѣ роста среднихъ размѣровъ хозяйствъ, средняя урожайность (за 1884—93 гг.) понижается и при владѣніяхъ свыше 12,6 гект. составляетъ для ржи 1,36, овса—1,15, картофеля—8,67 т. съ гектара. Для различныхъ округовъ Бадена, гдѣ существуютъ еще болѣе мелкія подраздѣленія хозяйствъ (отъ 2,2 гект. до 6,1 гект.) точно также съ ростомъ размѣровъ хозяйства получается пониженіе урожайности уже для 4 видовъ посѣвовъ съ 13,52 (въ 100 килограм. на 1 гект.) до 9,16 для ржи, съ 14,68 до 9,37 для полбы, съ 14,01 до 9,23 для овса и съ 82,85 до 62,96 для картофеля.

По даннымъ поземельнаго кадастра въ Ольденбургѣ въ 1885 г. приходилось чистаго дохода для земельныхъ владѣній менѣе $^1/_2$ гект. 42,6 мар., затѣмъ по мѣрѣ роста земельныхъ участковъ величина чистаго дохода понижается, хотя и не всегда правильно, и для участковъ свыше 200 гект. падаетъ до 6,4 мар.

Совершенно аналогичныя данныя получаются и для средняго дохода съ экра въ Англіи, гдѣ доходъ съ уч. въ 10—50 экр. выражается 3,87 ф. стер., а затѣмъ постепенно падаетъ, спускаясь до 0,15 ф. с. для владѣній свыше 100.000 экр.

Въ Ганноверѣ въ хозяйствѣ въ 4,6 гект. чистый доходъ составляетъ 642 марки на гектаръ, а въ хозяйствѣ въ 25,5 гект.—206 марокъ. По другому изслѣдованію, въ четырехъ различныхъ мѣстностяхъ Германіи мелкое крестьянское имѣніе въ 11 гект. приноситъ чистаго дохода съ сельскохозяйственной площади 52,20 мар., среднее крестьянское (21 гект.)—50,12 мар. и крупное имѣніе (1.033 гект.)—36,72 мар. Подобныя же данныя получаются и въ другихъ мѣстностяхъ (М. Соболевъ: «Мобилизація» и т. д., гл. X).

Если имѣть въ виду все сказанное раньше объ условіяхъ сельскохозяйственнаго производства, если, въ особенности, обратить вниманіе на первенствующее здѣсь значеніе природныхъ условій, на важность точнаго знакомства съ ними въ данной мѣстности, именно въ той, въ которой ведется хозяйство и знакомство не теоретическое, а пріобрѣтаемое путемъ непосредственныхъ личныхъ наблюденій, если далѣе принять во вниманіе, что въ сельскомъ хозяйствѣ приходится имѣть дѣло прежде всего съ живыми силами природы, то приведенные результаты мелкихъ и крупныхъ хозяйствъ найдутъ свое полное объясненіе. Чѣмъ мельче хозяйство (до извѣстнаго, разумѣется, предѣла), тѣмъ болѣе могутъ быть изучены всѣ особенности почвы, склона, географическаго положенія и т. д. участка, тѣмъ точнѣе можетъ быть опредѣлено значеніе всего этого, тѣмъ полнѣе могутъ быть использованы всѣ эти свойства и тѣмъ лучше будетъ результатъ. Но въ то же время ясно, что все это требуетъ продолжительнаго наблюденія и изученія изъ года въ годъ, требуетъ, такъ сказать, чтобы хозяинъ выросъ въ этихъ условіяхъ, а не былъ только временнымъ пришельцемъ со стороны. Но мелкое хозяйство и есть такое, которое обрабатывается руками са-

мого хозяина, живущаго здѣсь, а не временно пришедшаго батрака, не знакомаго съ мѣстными условіями, не говоря уже объ его индифферентности къ результатамъ хозяйства. Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе и возможность большаго приложенія живой рабочей силы при меньшемъ размѣрѣ участка, значеніе чего отмѣчено было въ VII очеркѣ настоящаго труда.

Итакъ, все это говоритъ за технико-экономическія преимущества мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Но въ то же время въ VIII очеркъ были отмѣчены и предѣлы, ниже которыхъ не могутъ спускаться размѣры хозяйства при данной системѣ: оно не должно быть меньше того, что предъявляетъ запросъ на полное расходованіе живыхъ рабочихъ средствъ даннаго хозяйства. А въ этомъ отношеніи рабочія силы человѣка не совпадаютъ съ тѣми рабочими средствами, которыя онъ имѣетъ въ видѣ рабочаго скота. То стремленіе снабдить каждаго работника лошадью, которое вполнѣ естественно при раздробленности и обособленности крестьянскаго хозяйства, не вполнѣ отвѣчаетъ техническимъ условіямъ производства. Отсюда вытекаетъ, что мелкое обособленное хозяйство страдаетъ не только отъ несоотвѣтствія его рыночнымъ отношеніямъ, но и отъ нѣкоторыхъ сторонъ организаціи производства, соотвѣтственно съ чѣмъ, и въ этомъ отношеніи должны наступить опредѣленныя измѣненія, которыя несомнѣнно и наступятъ при томъ условіи, что крупныя, капиталистическія земледѣльческія хозяйства, какъ то слѣдуетъ изъ всего предыдущаго, не несутъ въ себѣ условій дальнѣйшаго развитія; мелкія же, наоборотъ, отвѣчаютъ всѣмъ особенностямъ сельскохозяйственнаго производства.

Приведемъ теперь данныя о тѣхъ способахъ, какими мелкія земледѣльческія хозяйства пользуются, чтобы поставить себя въ соотвѣтствіе съ требованіями создаваемыми, современнымъ развитіемъ экономическихъ отношеній. Способы эти заключаются въ соединеніи въ разные союзы, товарищества какъ съ цѣлью организаціи кредита для сельскохозяйственныхъ цѣлей, такъ совмѣстнаго сбыта и закупки продуктовъ, а иногда и для совмѣстнаго производства. О развитіи этихъ товариществъ можно судить по тому, что въ Германіи наприм. число устраиваемыхъ товариществъ съ каждымъ годомъ растетъ. Если брать въ отношеніи къ населенію и пространству площади, находящейся въ сельскохозяйственномъ пользованіи, то не трудно замѣтить, что наибольшее ихъ число приходится на тѣ мѣстности Германіи, гдѣ преобладаетъ мелкое землевладѣніе и мелкое хозяйство. Такъ въ Гессенѣ въ 1896 г. приходилось одно товарищество на 1.765 жителей (въ 1894 г. на 2.156 ж.), въ Вюртембергѣ на 2.598 (въ 1894 на 2.835), тогда какъ въ Пруссіи на 7.022 (въ 1894 г. на 12.156). То же и относительно сельскохозяйственной площади: въ Гессенѣ приходится одно товарищество на 836 гект. (въ 1894 г. на 1.022), въ Пруссіи на 5.094 (въ 1894 г. на 8.819). Изслѣдователь, приводящій эти данныя, прямо отмѣчаетъ, что „товарищества густо засѣли въ странахъ съ преобладающимъ среднимъ и мелкимъ землевла-

дѣніемъ, гдѣ развитіе товариществъ существуетъ уже съ давняго времени". По даннымъ приведеннымъ въ брошюрѣ д-ра Крюгера о товариществахъ для сбыта хлѣба («Volkswirthschaftliche Zeitfragen», Heft 136. Berlin, 1896) въ 1894 г. въ Германіи насчитывали 240 товариществъ для покупки орудій (преимущественно для пріобрѣтенія и отдачи во временное пользованіе сельскохозяйственныхъ машинъ), 1.067 товариществъ для покупки сырья, сѣмянъ, удобренія, кормовыхъ продуктовъ, 1.458 производительныхъ товариществъ (въ томъ числѣ 1.366 товариществъ для сбыта молочныхъ продуктовъ), наконецъ около 4.000 мелкихъ кредитныхъ товариществъ и сельскихъ ссудныхъ кассъ. Кромѣ того, въ 2.800 кредитныхъ товариществахъ, организованныхъ для другихъ классовъ: ремесленниковъ, торговцевъ, вообще городскихъ классовъ, насчитывается около 300.000 сельскихъ хозяевъ. Такимъ образомъ въ 7.000 сельскохозяйственныхъ товариществахъ различнаго рода и въ 2.800 кредитныхъ товариществахъ, организованныхъ не для сельскохозяйственныхъ цѣлей, насчитывается болѣе милліона *самостоятельныхъ* сельскихъ хозяевъ. При этомъ группы мелкихъ провиціальныхъ товариществъ-хозяевъ соединяются въ одинъ союзъ, а такого рода союзы опять въ одинъ болѣе крупный союзъ товариществъ.

Но такого же рода союзы и товарищества существуютъ не въ одной Германіи, а почти во всѣхъ странахъ, гдѣ имѣются крестьянское землевладѣніе и хозяйство. Въ Галиціи существуетъ до 600 товариществъ, имѣющихъ характеръ потребительныхъ. Въ Венгріи центральный союзъ такихъ товариществъ насчитываетъ свыше 63 т. членовъ. Въ Швейцаріи число сельскохозяйственныхъ товариществъ, въ томъ числѣ и производительныхъ, достигаетъ до 2.500 и въ составъ ихъ входятъ по преимуществу мелкіе крестьяне. (Handwörterbuch d. Staats. 2—er. supl. Band.)

Особенно характерно развитіе земледѣльческихъ синдикатовъ во Франціи. Здѣсь синдикаты надо разумѣть не въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣются картели предпринимателей. Это — союзы мелкихъ землевладѣльцевъ, образовавшіеся за послѣднія 14 лѣтъ. Во Франціи давно существовали разные профессіональные синдикаты какъ хозяевъ, такъ и рабочихъ, для рѣшенія разныхъ вопросовъ, между прочимъ, даже и не экономическаго характера. Съ цѣлью урегулировать эти синдикаты внесенъ былъ въ 1884 году проэктъ закона, статья 3-я котораго гласила, что профессіональные синдикаты имѣютъ цѣлью изученіе и защиту интересовъ промышленныхъ и торговыхъ. При обсужденіи этого проекта внесена была поправка: въ концѣ этой статьи прибавлено было: „и земледѣльческихъ". Поправка была принята, очевидно, не по идейнымъ только соображеніямъ, а въ силу наличныхъ условій, такъ какъ синдикаты земледѣльческіе стали съ изданія этого закона развиваться очень быстро. Къ 1896 году ихъ было во Франціи уже до 1.500, число членовъ доходило до 600.000. Синдикаты по организаціи таковы, что могутъ включать нѣсколько товариществъ: потребительныхъ, производитель-

ныхъ и др. Синдикаты могутъ устраивать профессіональные курсы, опытныя и демонстративныя поля, древесные питомники, выставки; могутъ организовать кредитъ, совмѣстную покупку и продажу продуктовъ, сношенія съ правительствомъ, кассы взаимопомощи, посредничество при отысканіи занятій, страхованіе скота и пр. Цѣлая масса интересовъ, которые соприкасаются съ сельскимъ хозяйствомъ и даже только вообще съ интересами самихъ хозяевъ, могутъ входить въ кругъ вѣдѣнія синдикатовъ. Фактически, какъ видно изъ уставовъ, синдикаты рѣдко преслѣдуютъ только одну какую-нибудь цѣль, хотя есть синдикаты исключительно для страхованія скота, для борьбы съ филоксерой и т. п. Но въ большинствѣ случаевъ они преслѣдуютъ нѣсколько различныхъ цѣлей. Составъ синдикатовъ довольно разнообразенъ: существуютъ синдикаты землевладѣльцевъ, рабочихъ и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. По капиталу допускается участіе лицъ, даже почти совсѣмъ неимущихъ, такъ какъ взносы бываютъ отъ 1 франка въ годъ. Главныя условія, вызывающія возникновеніе синдикатовъ, это — рыночныя условія: главной своей цѣлью синдикаты имѣютъ совмѣстную закупку орудій производства, сѣмянъ, скота и совмѣстный сбытъ продуктовъ. Но, помимо чисто-экономическихъ цѣлей, нѣкоторые синдикаты включаютъ цѣлый рядъ задачъ, заключающихъ въ себѣ элементы и нравственнаго характера. Такъ, наприм., въ случаѣ болѣзни одного изъ членовъ, синдикатъ беретъ на себя обязанность обработать его участокъ, причемъ предусматривается, сколько дней долженъ каждый потратить на обработку такого участка, какое пространство долженъ обработать и т. д.

При такой постановкѣ вопроса вполнѣ понятно возникновеніе производительныхъ кооперацій. Для примѣра можно указать на молочныя кооперації, какъ наиболѣе простыя и доступныя. Въ Германіи, Шлезвигъ- Голштиніи, Даніи имѣли наибольшее распространеніе до послѣдняго времени именно такія товарищества для переработки молочныхъ продуктовъ. Понятно, почему именно въ этой отрасли раньше развились товарищества: существующія теперь въ этой отрасли производства орудія слишкомъ дороги для отдѣльныхъ хозяевъ, и, во-вторыхъ, для переработки требуется большее количество молока. Поэтому отдѣльныя мелкія хозяйства стали соединяться въ товарищества, гдѣ все хозяйство до полученія продукта — молока—велось врозь, и только молоко соединялось вмѣстѣ для переработки, а сбытъ окончательнаго продукта производства снова производился врозь каждымъ хозяйствомъ. Такія условія сбыта вызывали сильную конкурренцію между хозяевами, что въ послѣднее время заставило ихъ соединяться въ союзы для сбыта.

Такіе же союзы стали съ недавнихъ поръ возникать и для сбыта зерновыхъ продуктовъ. Здѣсь практика показала, что гораздо выгоднѣе отчужденіе муки, а не зерна, такъ какъ, во 1-хъ, всѣ отбросы остаются въ имѣніи для разныхъ хозяйственныхъ надобностей, и во 2-хъ, перевозка муки дешевле, нежели пере-

возка зерна. А разъ возникаетъ товарищество для сбыта муки, то естественнымъ далѣе является устройство общей мельницы, а это далѣе повело за собой устройство на товарищескихъ началахъ хлѣбопекаренъ и булочныхъ (Die wirthschafl. Entwickel. R. E. Мау. B. 1896). Здѣсь такимъ образомъ происходитъ соединеніе въ одномъ предпріятіи такихъ, какъ земледѣліе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и хлѣбопекаренъ, что уже смѣло можно отнести къ области обрабатывающей промышленности, что можетъ вести къ соединенію и въ другихъ сферахъ переработки сельскохозяйственныхъ матеріаловъ, а стало-быть къ такого рода измѣненіямъ, которыя сдѣлаютъ доступнымъ для однихъ и тѣхъ же лицъ чередованіе земледѣлія лѣтомъ съ обрабатывающей промышленностью зимой и тѣмъ возстановятъ то нарушеніе равновѣсія между требованіемъ на рабочія силы, которое какъ мы видѣли въ II очеркѣ настоящаго труда, совершается совершеннымъ отдѣленіемъ земледѣлія отъ другихъ сферъ хозяйственной дѣятельности. Тогда, можетъ быть, тѣ мечтанія, которыя отмѣчены выше въ примѣчаніи на стр. 194—5, можетъ быть будутъ не такъ далеки отъ дѣйствительности.

Чтобы дать понятіе объ операціяхъ товариществъ, приведемъ нѣкоторыя данныя. Такъ всеобщій союзъ товариществъ въ Нейвидѣ (въ Германіи) купилъ въ 1895 и 1896 гг. вмѣстѣ $1^1/_2$ мил. центеровъ удобрительныхъ средствъ, 710 т. центн. кормовыхъ средствъ и 17 т. центнеровъ сѣмянъ, всего на сумму 7,8 мил. марокъ. Вестфальскій союзъ крестьянъ, пріобрѣтшій въ 1890—91 гг. машинъ и сельскохозяйственныхъ орудій—на 20 т. мар. въ первой половинѣ 1895—96 гг. пріобрѣлъ ихъ уже на 62700 мар. Если имѣть въ виду, что при такой товарищеской закупкѣ она производится обыкновенно изъ первыхъ рукъ и при этомъ дѣлается $10^0/_0$ уступки, то легко представить себѣ выгоды, получаемыя путемъ такихъ соединеній, ставящія при этомъ мелкаго земледѣльца, относительно пріобрѣтенія нужныхъ ему предметовъ, въ положеніе ничѣмъ не уступающее крупному, и слѣдовательно преимущество крупныхъ хозяйствъ въ этомъ отношеніи вполнѣ отпадаетъ, что и представляетъ для странъ, гдѣ такія соединенія развились, уже совершившійся фактъ. Но въ подобныя же соединенія мелкіе сельскіе хозяева вступаютъ и по сбыту своихъ произведеній. Таково, наприм., австрійское товарищество по продажѣ рогатаго скота; подобное же товарищество существуетъ въ Германіи, что и вызвало затѣмъ устройство товарищескихъ боенъ, что уже нельзя разсматривать иначе, какъ переходъ къ совмѣстному дѣйствію не только по сбыту, но и въ производствѣ. Подобныя же соединенія существуютъ для сбыта масла. Существуютъ также товарищества для сбыта полевыхъ произведеній, причемъ заслуживаетъ вниманія организація по сбыту сѣмянъ, такъ какъ она указываетъ 1) какъ при помощи товариществъ организуется болѣе раціональная постановка культуры и 2) совершается также переходъ къ совмѣстному производству. Дѣло именно организовано такимъ образомъ, что опре-

дѣленные сорта произрастаній, которые наиболѣе отвѣчаютъ условіямъ данной мѣстности, культивируются членами товарищества по опредѣленнымъ и точнымъ предписаніямъ относительно выбора сѣмянъ, удобренія, ухода и очистки и затѣмъ сбываются въ общей массѣ, но съ опредѣленной маркой. Здѣсь получается такимъ образомъ въ очень существенныхъ сторонахъ производства общее управленіе и завѣдываніе основными условіями для цѣлаго ряда отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ то же время получается не только пользованіе научными средствами и указаніями и приложеніе ихъ къ дѣлу, что для обособленнаго мелкаго хозяйства было бы затруднительно, но въ то же время достигается та степень приспособленія производства къ тѣмъ частичнымъ особенностямъ данной мѣстности или положенія даннаго участка, которыя имѣютъ крупное значеніе въ сельскохозяйственномъ производствѣ. Все это ставитъ послѣднее въ такія условія, которыя опредѣляются имѣющими въ сельскомъ хозяйствѣ такое значеніе природными свойствами, и создаетъ въ земледѣліи ту степень правильности и раціональности, которая для крупнаго сельскаго хозяйства, ведомаго единоличнымъ предпринимателемъ, является неосуществимой или же осуществимой съ бо̀льшими издержками и меньшимъ успѣхомъ. Одно такое товарищество въ Германіи, существующее съ 1894 г., имѣетъ 1.230 сочленовъ и имѣло въ 1895 г. сбыта на 500 т. мар., а въ 1896 г. 600$_{3}$ т. мар. Въ отчетѣ сельскозяйственнаго союза Пфальца говорится: „Гдѣ существуетъ хорошо руководимое товарищество, обыкновенно состояніе полевой культуры и обнаруживаетъ хорошее послѣдствіе его дѣятельности, тогда какъ въ общинахъ и округахъ, гдѣ отсутствуютъ потребительныя товарищества, урожай и доходы не находятся обыкновенно соотвѣтствіи съ качествомъ почвы» («Sociale Praxis.» 1896 г., № 48). Въ послѣднее время все болѣе и болѣе проникаетъ въ жизнь устройство общихъ зернохранилищъ, чему у насъ въ Россіи могли бы отвѣчать существующія во многихъ мѣстахъ продовольственные магазины, при соотвѣтствующихъ, конечно, измѣненіяхъ въ нихъ. Зернохранилища эти во многихъ частяхъ Германіи устраиваются съ содѣйствіемъ государства (Handwörterbuch der Staatswissench, 2-er suppl.).

Толчокъ къ наиболѣе успѣшному развитію различнаго рода ассоціацій можетъ дать постановленіе международнаго конгресса ассоціацій, имѣвшаго мѣсто въ Лондонѣ въ августѣ 1895 г.: на конгрессѣ рѣшено было войти въ сношеніе съ товариществами для сбыта въ другихъ странахъ. При этомъ оказалось, что нѣкоторыя англійскія товарищества уже раньше стояли въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми германскими потребительными товариществами («Sociale Praxis.» 1896 г., № 17). Очевидно, что по задачамъ конгресса имѣлось въ виду установить непосредственныя сношенія между товариществами разныхъ странъ, чтобы такимъ путемъ открыть для нихъ сбытъ не только внутренній, но и внѣшній. Изъ этого краткаго обзора можно видѣть, что необходи-

мость измѣненія условій сбыта служитъ причиной возникновенія производительныхъ товариществъ, а имъ навстрѣчу идутъ товарищества потребительныя.

Другимъ условіемъ, вызывающимъ возникновеніе производительныхъ товариществъ, является необходимость примѣненія усовершенствованныхъ орудій, какъ наприм. въ молочномъ хозяйствѣ, и требованія рынка, чтобы доставляемые продукты были извѣстнаго качества. Поясню на примѣрѣ значеніе послѣдняго условія, такъ какъ первое понятно и безъ всякихъ объясненій. Въ Кенигсбергѣ, наприм., существуетъ особое учрежденіе, гдѣ зерно сортируется, и тамошніе торговцы продаютъ его по опредѣленнымъ образцамъ. Понятно, что для производителей болѣе выгоднымъ является продавать уже сортированное зерно. Пріобрѣтеніе необходимыхъ для этого сортировочныхъ машинъ и содержаніе складовъ непосильно для мелкихъ хозяевъ и ведетъ къ образованію товариществъ для этихъ цѣлей. У насъ въ Россіи, какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, замѣчаются такія явленія въ крестьянскомъ хозяйствѣ: отдѣльныя товарищества, а иногда цѣлыя общины пріобрѣтаютъ на общій счетъ молотилки. А эти условія могутъ вызвать дальнѣйшее развитіе производительныхъ кооперацій; при общей молотилкѣ требуется общее гумно, а это можетъ повести и къ общей обработкѣ.

Когда я говорилъ о живомъ инвентарѣ, я указывалъ на то, какое значеніе имѣетъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ лошадь: чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ труднѣе использовать ея силу. Но причины этого лежатъ не только въ незначительности надѣловъ, а въ томъ еще обстоятельствѣ, что при условіи отдѣльнаго хозяйства является стремленіе снабдить каждый дворъ, каждаго рабочаго члена лошадью. При современной постановкѣ хозяйства это является вполнѣ естественнымъ. Но это ведетъ къ тому, что мелкій дворъ поставленъ въ худшія условія, такъ какъ онъ не можетъ использовать всю свою рабочую силу лошади не только зимой, но даже и лѣтомъ. Все это создаетъ матеріальную почву для такихъ артелей, въ которыхъ нѣсколько хозяевъ соединялись бы для пріобрѣтенія лошадей и совмѣстнаго пользованія ихъ рабочей силой. Въ Малороссіи существуетъ такое соединеніе рабочихъ силъ, хотя и не въ видѣ артелей, а въ видѣ зачаточной формы ихъ—обработки «супрягой»: глубокая вспашка плугомъ требуетъ здѣсь пары воловъ, поэтому тѣ хозяева, которые имѣютъ по одному волу, соединяютъ ихъ для означенной цѣли вмѣстѣ; иногда соединяются для этого даже три и болѣе хозяйствъ. Въ Херсонской губерніи такихъ хозяйствъ считается до 50%. Можетъ быть это обстоятельсто является благопріятнымъ для развитія артелей, которое теперь тамъ наблюдается. Мысль объ этихъ артеляхъ возникла однако не изъ наблюденія существующей «супряги», а изъ желанія доставить возможность заниматься хозяйствомъ тѣмъ крестьянамъ, у которыхъ существуетъ недостатокъ въ средствахъ производства. Разъ выдаются деньги въ ссуду подъ условіемъ, что хозяева должны соеди-

ниться въ артели, то это побуждаетъ ихъ къ такому соединенію. Существуютъ у насъ земледѣльческія артели еще въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Въ 1891 году, когда процентъ безлошадныхъ дошелъ до 38%, уѣздная земская управа пришла къ мысли выдавать ссуды на покупку лошади тѣмъ хозяевамъ, которые соединятся въ артели. Многіе изъ такихъ артелей представляютъ только временное явленіе. нѣкоторые хозяева, оправившись, выходятъ и начинаютъ вести самостоятельное хозяйство; но бывали случаи, что и зажиточные крестьяне вступали въ такія артели. Большей частью артели состоятъ здѣсь изъ 6 домохозяевъ со старостой, имѣютъ не менѣе 7 десятинъ подъ посѣвами Полученный урожай, какъ и орудія производства, сѣмена и инвентарь составляютъ собственность всей артели. Изъ урожая отдѣляется часть подъ посѣвы, другая на продажу для погашенія ссуды, затѣмъ на разные платежи и, наконецъ, часть въ запасъ на случай неурожая Начавшись въ Шадринскомъ уѣздѣ, такія артели стали возникать и въ другихъ уѣздахъ Пермской губерніи. Такимъ образомъ, мы и въ Россіи встрѣчаемъ производительныя артели: онѣ вызваны матеріальными условіями, тѣми хозяйственными выгодами, которыя даетъ соединеніе въ артели, а это можетъ служитъ основаніемъ для ихъ развитія при благопріятныхъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ сказать, что развитіе ассоціацій изъ мелкихъ хозяйствъ имѣетъ въ сельскомъ хозяйствѣ больше шансовъ, чѣмъ въ обработывающей промышленности, такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ соединяющіеся въ артели хозяева имѣютъ, кромѣ собственной рабочей силы, составляющей единственное достояніе рабочихъ въ обрабатывающей промышленности, еще землю и орудія производства, хотя часто въ недостаточномъ количествѣ, но иногда въ такомъ именно, которое, являясь недостаточнымъ для отдѣльнаго хозяйства, оказывается уже достаточнымъ для сельскохозяйственныхъ работъ при соединеніи хозяйствъ, какъ, наприм., въ случаѣ соединенія рабочаго скота. Кромѣ того надо имѣть въ виду и еще одно обстоятельство. Когда въ Петербургскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ происходили пренія по поводу артелей, устраиваемыхъ Н. В. Левитскимъ, то П. Б. Струве совершенно справедливо замѣтилъ, что «земледѣльческія артели могутъ ставить своею цѣлью непосредственное снабженіе своихъ членовъ предметами потребленія, т.-е. вести натуральное хозяйство. Вотъ въ чемъ заключается огромное преимущество земледѣльческихъ артелей предъ промышленными». (Земледѣльческія артели Херсонской губ. С.-ПБ., 1896 г., стр. 71). Въ самомъ дѣлѣ, при возможности, почти неизбѣжно существующей въ сельскомъ хозяйствѣ пользоваться непосредственно для потребленія предметами своего производства, нѣтъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ какія становятся промышленныя артели. Въ послѣднихъ. чтобы удовлетворить потребностямъ своихъ членовъ, надо прежде сбыть произведенный товаръ, обмѣнять его на деньги, безъ

этого нельзя даже вести дальше дѣло, нельзя и существовать; въ сельскохозяйственномъ же производствѣ артель, производящая предметы прямо годные для потребленія, получающая сѣмена, прямо идущія на посѣвъ, т.-е. для дальнѣйшаго производства, не несетъ того риска, который непремѣнно существуетъ для промышленной артели и вытекаетъ изъ тѣсной, безусловной ея зависимости отъ рынка. Такимъ образомъ и съ этой стороны существуетъ много данныхъ въ пользу возможности успѣшнаго развитія земледѣльческихъ артелей.

Независимо отъ такихъ соединеній, въ центральной, наприм., Россіи (Московской губ.) встрѣчается не мало случаевъ совмѣстнаго пользованія нѣсколькими дворами—однимъ овиномъ, хотя при этомъ каждый высушиваетъ и обмолачиваетъ свой хлѣбъ отдѣльно; нерѣдки также случаи соединенія нѣсколькихъ дворовъ для производства какой-либо работы „складомъ“, когда у каждаго двора недостаточно рабочихъ силъ для такой работы (молотьбы наприм., гдѣ требуется при молотьбѣ цѣпами не менѣе 4-хъ человѣкъ). Случаи найма земли подъ покосъ товариществами нѣсколькихъ домохозяевъ представляютъ прямо явленіе обычное, все болѣе и болѣе развивающееся, съ мельчаніемъ семей. Извѣстенъ намъ также случай покупки цѣлымъ обществомъ нѣсколькихъ плуговъ и пользованіе ими по-череду, пока наконецъ всѣ домохозяева не обзавелись плугами. Конечно, первые примѣры (совмѣстное пользованіе овиномъ), а равно и послѣдній (покупка обществомъ 2—3-хъ плуговъ на 20 дворовъ) свидѣтельствуютъ о недостаточности средствъ такихъ домохозяевъ. Но вѣдь мы именно и говоримъ о товариществахъ, какъ возмѣстителяхъ недостатковъ, свойственныхъ обособленнымъ хозяйствамъ мелкаго размѣра, а приведенные примѣры и указываютъ, что соединеніе силъ устраняетъ здѣсь эти недостатки и притомъ не только безъ вреда для правильнаго хода производства (какъ напр. въ пользованіи сообща овиномъ), но даже въ интересахъ усиленія производительности затратъ, такъ какъ въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній въ существованіи для каждаго двора по овину, когда совершенно достаточно по количеству обмалачиваемаго хлѣба одного овина на 3, а можетъ быть и большее число дворовъ. Приведенные же примѣры указываютъ, что русскому крестьянству не чужда не только мысль, но и практика соединенія своихъ силъ въ сельскохозяйственомъ дѣлѣ, и притомъ не на почвѣ традиціоннаго и нерѣдко принудительнаго характера, обусловленнаго общиннымъ землевладѣніемъ, но совершенно свободнаго, по собственному индивидуальному почину, причемъ для такихъ соединеній почва дается условіями и требованіями сельскохозяйственнаго производства.

Все это говоритъ за то, что и тѣ артели, которые возникли по иниціативѣ Н. В. Левитскаго въ Херсонской губ., имѣютъ свои корни въ дѣйствительности и стало-быть прочную почву для дальнѣйшаго развитія. Еслибы даже это было не такъ, то

и тогда всякія попытки артельныхъ начинаній имѣютъ крупное значеніе въ силу того, что онѣ способствуютъ соединенію труда, вырабатываютъ навыкъ, привычку къ организаціи; индивидуальное хозяйство, несоотвѣтствіе котораго съ современными рыночными условіями было указано мною, при артеляхъ пріобрѣтаетъ уже на сознательной почвѣ тотъ общественный характеръ, къ которому идетъ оно и въ силу техническихъ условій и въ силу того болѣе тѣснаго общенія людей, къ какому ведетъ и развитіе путей сообщенія, какъ это было отмѣчено уже не разъ на протяженіи настоящихъ очерковъ.

Но дѣло въ томъ, что артели то эти, повидимому, развиваются, какъ это доказываетъ цифровыя данныя. Первоначально мысль о нихъ возникла болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, во время ряда неурожайныхъ лѣтъ. Но первая артель учредилась лишь въ 1894 г. въ Александрійскомъ у., Херсонской губ.

Немаловажнымъ, конечно, обстоятельствомъ обусловливающимъ учрежденіе ихъ служитъ то, что учрежденіе артели даетъ возможность безлошаднымъ и безхозяйнымъ дворамъ получить ссуду на обзаведеніе и тѣмъ получить возможность вести хозяйство. Что при этомъ артели такія обладаютъ жизнеспособностью, видно изъ того, что 83 артели, положеніе которыхъ было изслѣдовано за 3 года, прогрессировали слѣдующимъ образомъ. Въ 1895 г. они имѣли въ посѣвѣ 660 дес., въ 1896 г.—1.000 д., а въ 1897 г.1. 300 дес. («Р. В.» № 320 за 1897 г.) .По послѣднимъ же даннымъ, любезно сообщеннымъ мнѣ Н. В. Левитскимъ, къ 1898 г. было 118 артелей, въ составъ которыхъ входило 524 семьи съ 2.900 душъ обоего пола; получили эти артели всего 22.408 р. ссудъ, т.-е. около 190 р. на артель. Общая сумма стоимости живого и мертваго инвентаря членовъ артелей до образованія послѣднихъ составляла $13^1/_2$ т. р., а теперь доходитъ до 50 т. рубл. Недоимки за членами артелей числилось до $4^1/_2$ т. р., а теперь лишь 841 р.; подъ посѣвомъ до артели у нихъ было 1.331 д., а теперь 2.769 д. Всей же земли въ изъ пользованіи теперь 3775 д., вмѣсто 2.488 д., бывшихъ до соединенія въ артель. Существуетъ артельная мельница. Наконецъ въ послѣднее время артели соединились въ одно братство для покупки оптомъ товаровъ и необходимыхъ предметовъ изъ первыхъ рукъ (Сельскохоз. хроника Херсонской губ. за ноябрь 1897 г.).

Итакъ, мы видимъ, что и въ условіяхъ русской жизни имѣются основанія для такихъ соединеній, которыя развиваются съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе на Западѣ.

Приведемъ еще примѣръ весьма широкаго соединенія съ цѣлью совмѣстной закупки и сбыта; такое соединеніе образовалось въ Сибири, въ видѣ склада. Образовался этотъ складъ въ обширной Сѣдельниковской волости, Тарскаго округа, съ 15-ю тысячами жителей, представляющей собою какъ бы живой этнографическій музей; тутъ и переселенцы изъ Вятской губерніи и Юго-западнаго края, и малороссы, и зыряне, и латыши, и нѣмецкіе колонисты изъ Волынской губерніи. До 1895 года вся эта этно-

графическая смѣсь находилась въ рукахъ мѣстныхъ кулаковъ, снабжавшихъ переселенцевъ необходимыми для нихъ орудіями и вообще предметами первой необходимости за баснословныя цѣны или въ кредитъ за еще болѣе баснословные проценты. Постановленіе волостного схода въ концѣ 1895 года объ открытіи собственнаго склада товаровъ явилось такимъ образомъ первымъ шагомъ къ освобожденію населенія отъ кулацкаго ига. Но первоначально средства этого склада были очень незначительны. Всего было собрано 230 р. 24 коп., съ которыми и приступили къ операціямъ. На первыхъ же порахъ, благодаря открытому нѣкоторыми крупными торговцами кредиту, выписано было на 1.500 рублей разныхъ товаровъ, преимущественно косъ, серповъ, сабановъ и другихъ орудій. Этотъ первый опытъ самостоятельной выписки товаровъ сразу же показалъ всю его выгодность: напримѣръ, сабаны, за которые приходилось платить по 7 руб., оказалось возможнымъ продавать по 5 р. 25 коп., а впослѣдствіи и еще дешевле. Убѣдившись въ той большой пользѣ, которую сталъ приносить сѣдельниковскій складъ, сосѣднія волости, Логиновская и Корсинская, также примкнули къ нему, давъ такимъ образомъ возможность расширить операціи склада и образовать одно общее предпріятіе, подъ названіемъ „Тарскаго волостного товарищества“. Былъ выработанъ уставъ, назначены особые уполномоченные, и новое товарищество кромѣ своей прямой задачи—удешевленія товаровъ первой необходимости—взяло на себя и удачно разрѣшило еще другую задачу, а именно организацію сбыта произведеній мѣстныхъ кустарей.

Товарищество не остается въ убыткѣ и, расширяя свои операціи, получаетъ хорошій доходъ. Начавъ въ концѣ 1895 г. съ 230 р., оно къ 1-му января 1897 года успѣло развить свои обороты до 20 тыс. рублей и получило 12% прибыли. Въ послѣднее время товарищество стало выдавать и ссуды своимъ членамъ. Открываемый имъ кредитъ носитъ преимущественно меліоративный характеръ (Руск. Вѣд. 1897 г. № 328).

А вотъ и другой примѣръ уже болѣе полнаго соединенія. Переселившіяся въ 1897 г. въ Самарскую губ. на участокъ Краснокрасскій крестьянскія семьи изъ Рославльскаго у., Смоленской губ., Корсиковской вол. составили приговоръ объ общемъ землепользованіи. Приговоръ этотъ засвидѣтельствованъ въ волостномъ правленіи. Сущность сводится къ слѣдующему: вся земля, за исключеніемъ усадебной, должна находиться въ артельномъ пользованіи, не будучи разбиваема на участки; обработка полей, уборка хлѣба, молотьба, косьба луговъ, уборка сѣна и проч. должны производиться наличными работниками и работницами поселка, причемъ на работы должны всѣ являться одновременно, а равно и кончать ихъ: за этимъ должны наблюдать отдѣльныя, выбранныя для того лица, пользующіяся наибольшимъ довѣріемъ и отличающіяся честностью; по какимъ-либо причинамъ неявившіяся на общественную работу лица заносятся въ общественную книгу, причемъ дѣлается отмѣтка о

причинѣ ихъ неявки. По окончаніи молотьбы и уборки сѣна, производится дѣлежъ хлѣба и сѣна, а равно и другихъ продуктовъ, сообразно числу работавшихъ и числу рабочихъ дней, при этомъ неявка на работу кого-либо по болѣзни или другой уважительной причинѣ не уменьшаетъ числа рабочихъ дней его. Въ поселкѣ должна быть школа, которую посѣщать должны всѣ дѣти учебнаго возраста, обоего пола; съ теченіемъ времени, когда средства поселянъ будутъ для того достаточны, должна быть устроена больница. Въ поселкѣ не должно быть открываемо питейнаго заведенія, какого бы типа оно ни было, а равно запрещается всякая карточная игра; для препровожденія свободнаго времени со временемъ должна быть устроена чайная, а при ней библіотека, пользованіе книгами и газетами которой должно быть безплатное. (Вятская Газета 1898 г., № 10).

Таковы примѣры, свидѣтельствующіе проявленіе въ этомъ отношеніи не малой иниціативы со стороны самого населенія. Но кромѣ того, русская жизнь даетъ не мало свидѣтельствъ различнаго рода организацій со стороны земскихъ учрежденій для содѣйствія развитію сельскаго хозяйства среди крестьянъ, организацій такого рода, которыя восполняютъ тѣ недостатки, какіе связаны съ особенностью мелкаго хозяйства и могутъ вести къ тому, что вызовутъ среди населенія сознаніе о значеніи такихъ соединеній, что и ведетъ къ преобразованіямъ, упрочивающимъ развитіе крестьянскаго хозяйства въ направленіи, соотвѣтствующемъ складывающимся экономическимъ отношеніемъ. Такъ мы знаемъ примѣры многихъ земствъ, учредившихъ склады сельскохозяйственныхъ орудій, въ результатѣ чего крестьянинъ не только получаетъ лучшія сравнительно съ прежними и притомъ за болѣе дешевую цѣну орудія, но и начинаетъ вводить новыя, болѣе усовершенствованныя. Мы знаемъ, что одно, наприм., Московское земство на десятки тысячъ въ годъ доставляетъ крестьянамъ сѣмянъ для посѣва клевера. Мы знаемъ земскія организаціи ссудъ подъ зерновой хлѣбъ (Новгородск., Тверск. и др.) и организацію чрезъ посредство этого удовлетворительнаго и болѣе выгоднаго для населенія сбыта и покупка, продуктовъ сельскаго хозяйства. Слѣдуетъ указать также на дѣятельность Вятскаго, Симбирскаго и др. земствъ по снабженію населенія рабочимъ скотомъ. Все это представляетъ собою точно также организованное соединеніе общественныхъ силъ, отстраняющее тѣ недостатки, которые связаны съ мелкимъ обособленнымъ производствомъ, хотя эти соединенія и основаны на иномъ началѣ, нежели товарищескія.

Во всѣхъ этихъ земскихъ организаціяхъ можетъ-быть наиболѣе характерную черту представляетъ то, что онѣ именно земскія. Въ самомъ дѣлѣ земства представляютъ собою такого рода учрежденія, гдѣ соединяется представительство самыхъ разнородныхъ интересовъ, причемъ, какъ извѣстно представительство крестьянскихъ интересовъ по составу и числу непосредственныхъ ихъ представителей—далеко не преобладаетъ, и тѣмъ

не менѣе мы видимъ, что многія земства считаютъ необходимымъ принимать мѣры въ интересахъ крестьянскаго хозяйства и притомъ такія, которыя соотвѣтствуютъ тому, что необходимо для упроченія и развитія ихъ, разумѣется, въ предѣлахъ земской компетенціи и средствъ. А въ такомъ случаѣ это говоритъ за то, что сила крестьянскихъ интересовъ такова, что не позволяетъ игнорировать ихъ. Причемъ опять таки и здѣсь приходится отмѣтить, что, несмотря на «идейность» многихъ земскихъ начинаній, въ основѣ-то своей они диктуются тѣмъ, что проведеніе таковаго рода начинаній отвѣчаетъ интересамъ классовъ населенія наиболѣе представленныхъ въ земствѣ, отвѣчая въ то же время интересамъ крестьянъ и ведя въ концѣ концовъ къ упроченію крестьянскаго хозяйства. Что это дѣйствительно такъ, т.-е. вызывается интересами самихъ землевладѣльцевъ, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго: постановленіемъ елецкаго уѣзднаго земскаго собранія отъ 13-го октября 1890 года принятъ докладъ управы объ организаціи ссыпки мелкихъ партій крестьянскаго хлѣба на элеваторы и выдачѣ ссудъ подъ этотъ хлѣбъ изъ суммъ, принадлежащихъ земству. «Основаніемъ къ такому постановленію земскаго собранія,—какъ узнаемъ изъ доклада С. М. Серебровскаго всероссійскому съѣзду сельскихъ хозяевъ, бывшему въ декабрѣ 1895 года,—послужило то обстоятельство, что большія количества крестьянскаго хлѣба, поступающія на рынокъ, начиная съ конца іюля, гнетущимъ образомъ дѣйствуютъ на мѣстныя хлѣбныя цѣны. Крестьяне, побуждаемые въ началѣ этого періода, необходимостью добывать деньги для выкупа копенъ, поставленныхъ ими на снятой въ наемъ землѣ, вынуждены бываютъ продавать свой хлѣбъ по какой бы то ни было цѣнѣ. Вслѣдъ за этимъ періодомъ наступаетъ время усиленнаго взысканія податей, вслѣдствіе чего привозъ крестьянскаго хлѣба на мѣстный рынокъ не уменьшается, и мѣстныя цѣны на хлѣбъ не только поддерживаются на томъ же низкомъ уровнѣ, сравнительно съ портовыми, но даже иногда еще болѣе понижаются».

Точно также можно указать, что и другого рода мѣропріятія въ томъ же направленіи, отвѣчая интересамъ частнаго землевладѣнія, идутъ вмѣстѣ съ тѣмъ на встрѣчу потребностямъ самого населенія. Проходитъ въ жизнь именно то, что отвѣчаетъ этимъ потребностямъ, сознаніе которыхъ достаточно уже назрѣло среди самихъ крестьянъ. Что это дѣйствительно такъ, живой примѣръ тому представляетъ хотя бы слѣдующее.

Въ Можайскомъ у., Московской губ., уѣздное земское собраніе постановило въ очередной сессіи 1897 г. уничтожить агрономическую организацію, причемъ мотивы такого постановленія остались невыясненными. Имѣя, однако, въ виду, что такое постановленіе сдѣлано было собраніемъ вопреки предложенію управы, имѣвшей на рукахъ до 30 приговоровъ крестьянскихъ обществъ о желаніи ввести травосѣяніе, для чего необходимо было и содѣйствіе агронома и закупка земствомъ сѣмянъ,—надо

признать, что постановленіе это въ данномъ случаѣ сдѣлано вопреки ясно проявленнымъ интересамъ крестьянъ. Будь такая организація вызвана не живыми требованіями крестьянской жизни, то, конечно, уничтоженіе ея повело бы къ тому, что общества, представившія приговоры, остановились бы съ введеніемъ травосѣянія. На самомъ же дѣлѣ многія изъ этихъ обществъ не остановились отсутствіемъ земской помощи и ввели у себя травосѣяніе въ 1898 г., несмотря на то, что, вслѣдствіе сухой погоды въ 1897 г., почти повсемѣстно посѣвы клевера не взошли. Намъ извѣстно, что одно общество, въ виду отсутствія помощи отъ земства, продало часть лѣса на срубъ, для того чтобы на вырученныя деньги купить сѣмена клевера, что и исполнило, другое заняло съ этой цѣлью 100 руб. у частнаго лица и т. д. Такимъ образомъ, если въ данномъ случаѣ интересы крестьянства не имѣли достаточно силы, чтобы получить свое надлежащее выраженіе въ земствѣ, то сила ихъ проявилась въ другой формѣ, что и заставляетъ думать, что во всѣхъ другихъ случаяхъ земскія организаціи для развитія сельскаго хозяйства у крестьянъ совершаются подъ вліяніемъ болѣе яснаго или стойкаго проявленія этихъ послѣднихъ интересовъ.

Итакъ, суммируя все приведенное въ этомъ очеркѣ, мы можемъ сказать, что мелкія хозяйства поставлены невыгодно: а) относительно сбыта продуктовъ, такъ какъ при крупномъ капиталистическомъ производствѣ въ обрабатывающей промышленности, при скопленіи городскаго населенія—создается обширный рынокъ и торговля принимаетъ такой характеръ, что требуется сбытъ сырыхъ матеріаловъ и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства въ большихъ массахъ, а не въ томъ раздробленномъ видѣ, какъ это можетъ предложить мелкій земледѣлецъ; соотвѣтсвенно съ этимъ организована и закупка товаровъ, которая является болѣе выгодной и удобной въ оптовомъ видѣ, что опять-таки недоступно отдѣльному мелкому хозяину, б) мелкое обособленное хозяйство поставлено менѣе выгодно относительно производства тамъ, гдѣ тѣ или другія усовершенствованія сопряжены съ затратой и приложеніемъ капитала, въ особенности, когда эти усовершенствованія такого рода, что допускаютъ примѣненіе ихъ лишь на обширномъ пространствѣ, равномъ площади нѣсколькихъ мелкихъ хозяйствъ; в) при маломъ составѣ рабочихъ членовъ хозяйства и соотвѣтственно тому маломъ количествѣ живого инвентаря, устойчивость такого хозяйства и самое существованіе его находятся въ зависимости отъ любой случайности, могущей лишить его одной штуки скота; г) многія операціи по веденію дѣла, по управленію хозяйствомъ, по отысканію мѣстъ сбыта и т. п. требуютъ одинаковаго времени при хозяйствѣ маломъ и сравнительно крупномъ; точно также полное использованіе живого и мертваго инвентаря возможно лишь при хозяйствѣ не ниже извѣстнаго размѣра.

Но, съ другой стороны, мелкое хозяйство, не нуждающееся въ наймѣ постороннихъ рабочихъ силъ, соразмѣрно которымъ по-

ставлено оно, не можетъ испытывать неудобствъ отъ колебанія въ ихъ числѣ и недостаткѣ ихъ; притомъ эти постоянныя силы отвѣчаютъ столь важному въ сельскомъ хозяйствѣ условію, какъ знакомство съ мѣстными природными силами и особенностями; затѣмъ мелкое хозяйство не находится въ исключительной зависимости отъ рынка и потому, происходящія на немъ колебанія, не подвергаютъ риску самое существованіе его; наконецъ, требованіе съ развитіемъ культуры приложенія бо́льшаго живого труда—дѣлается выполнимымъ только при мелкомъ хозяйствѣ. Вотъ эти-то стороны мелкаго хозяйства, это соотвѣтствіе ихъ основнымъ требованіямъ сельскохозяйственнаго производства даютъ мелкому земледѣлію такое преимущество передъ крупнымъ, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ которыя поставлено у насъ крестьянское хозяйство, оно не только продолжаетъ существовать въ массѣ населенія, но, несмотря на отсутствіе у крестьянства не капиталовъ,—нѣтъ, а просто сколько-нибудь свободныхъ средствъ, несмотря на отсутствіе знаній, несмотря на полную необезпеченность скотомъ, несмотря на нерѣдкую, если не постоянную необходимость отрываться въ горячую рабочую пору на чужую работу и т. д. и т. д.,—несмотря на все это, крестьянское хозяйство у насъ развивается, его земледѣліе прогрессируетъ, вводятся новыя орудія, новыя сѣмена, новыя культуры, измѣняется система земледѣлія. Все это указываетъ на то, что крестьянство не просто отстаиваетъ свое существованіе но исполняетъ такъ сказать историческую миссію, усиливая производительность земледѣльческаго труда, вводя болѣе раціональную культуру и кладя начало переходу къ объединенному, а не разрозненному земледѣльческому производству. Не доказываетъ ли все это полную справедливость словъ: «раціональное земледѣліе требуетъ рукъ или самостоятельно работающихъ мелкихъ крестьянъ или контроля объединившихся производителей» («Капиталъ», III, 83). Такъ говоритъ великій ученый теоретикъ. Другой ученый, сельскій хозяинъ практикъ выражается, спеціально по отношенію къ русскому сельскому хозяйству еще категоричнѣе, но совершенно однородно: «Я, какъ хозяинъ, не вижу никакой возможности поднять наше хозяйство, пока земли не перейдутъ въ руки земледѣльцевъ.... Чтобы быть хозяиномъ, нужно любить землю, любить хозяйство... То не пахарь, что хорошо пашетъ, а вотъ то пахарь, который *любуется* на свою пашню»... Будущее принадлежитъ хозяйствамъ тѣхъ людей, которые будутъ *сами обрабатывать* свою землю и вести хозяйство не единично, каждый самъ по себѣ, *но сообща*... Даже при теперешнихъ неблагопріятныхъ для мужика условіяхъ, при недостаткѣ земли, при обремененіи ея огромными налогами, при крайне не экономическомъ отношеніи къ мужику начальниковъ, заставляющихъ его безполезно тратить массу силъ, многосемейный домъ, въ которомъ нѣсколько молодцовъ работниковъ и хорошій хозяинъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не раздѣлился, *пока всѣ живутъ въ союзѣ, пока работаютъ сообща*—все-таки поль-

зуются извѣстнымъ благосостояніемъ и зажиточностью... Хозяйство можетъ *истинно прогрессировать* только тогда, *когда земля находится въ общемъ пользованіи и обрабатывается сообща.* Раціональность въ агрономіи состоитъ не въ томъ, что у хозяина посѣяно здѣсь немного рѣпки, тамъ немного клеверку, тамъ немножко рапсу, не въ томъ, что корова стоитъ у него цѣлое лѣто на привязи и кормится накошенной травой (величайшій абсурдъ въ скотоводствѣ), не въ томъ, что онъ ходитъ за плугомъ въ сѣромъ полуфрачкѣ и читаетъ по вечерамъ «Gartenlaube»,— нѣтъ, раціональность состоитъ въ томъ, чтобы, истративъ меньшее количество силы пудофутовъ работы, извлечь наибольшее количество силы изъ солнечнаго луча на общую пользу. А это возможно только тогда, когда земля находится въ общемъ пользованіи и обрабатывается сообща. Когда люди, обрабатывающіе землю собственнымъ трудомъ, додумаются, что имъ выгоднѣе вести хозяйство сообща, то и земля и все хозяйство неминуемо перейдутъ въ ихъ руки» («Изъ деревни» А. Н. Энгельгардтъ, С.-Пб., 1882. Курсивъ вездѣ у автора).

Какъ видно, изъ всего, что приведено въ этомъ очеркѣ относительно соединеній мелкихъ хозяевъ, «люди, обрабатывающіе землю собственнымъ трудомъ", додумываются до этого и тѣмъ отстраняютъ тѣ недостатки, съ которыми связано мелкое хозяйство. Связанныя съ крупнымъ хозяйствомъ выгоды оптовой закупки и сбыта продуктовъ—вполнѣ достигаются; это ведетъ и къ совмѣстному веденію дѣла во многихъ отношеніяхъ и къ замѣнѣ труда заболѣвшаго члена трудомъ другихъ; стало-быть устраняетъ дѣйствіе такихъ случайностей. Что касается средствъ, капиталовъ, то нужно имѣть въ виду, что капиталъ — всегда капиталъ и въ качествѣ такового интересуется только прибылью, а стало-быть и направляется туда, гдѣ можно ее получить; слѣдовательно, если мелкія соединенныя хозяйства даютъ гарантію полученія обычнаго процента на капиталъ, то за послѣднимъ дѣло не станетъ. Пора уже отнести къ области преданій то положеніе, что крупныя хозяйства обладаютъ капиталомъ, а мелкія нѣтъ. Даже въ области обрабатывающей промышленности крупныя хозяйства имѣютъ перевѣсъ передъ мелкими не потому что для нихъ доступнѣе пользованіе капиталами, а потому, что тамъ — въ области обрабатывающей промышленности—крупное хозяйство имѣетъ при настоящемъ состояніи техники, техническія преимущества. Капиталъ же въ настоящее время принадлежитъ не тѣмъ, кто его пускаетъ въ дѣло, да и не тѣмъ, кто его ссужаетъ: «Ни заимодавецъ, ни тотъ, кто употребляетъ капиталъ въ дѣло, не есть ни собственникъ, ни производитель его» («Капиталъ», III, 500). И мы имѣли примѣръ, который даетъ поводъ думать, что кредиторами германскихъ землевладѣльцевъ являются рабочіе.

Такимъ образомъ въ сельскомъ хозяйствѣ всѣ преимущества крупнаго свойственны объединенымъ мелкимъ хозяйствамъ при отсутствіи возможности придать свойства этихъ послѣднихъ еди-

ноличнымъ крупнымъ предпріятіямъ. Но этимъ дѣло не ограничивается. Мы видѣли тѣ неудобства, ту неустойчивость, которымъ подвергается сельское хозяйство при подчиненіи рыночнымъ отношеніямъ. Но мы же отмѣтили, что развитіе рыночныхъ отношеній составляетъ одно изъ основныхъ условій для прогресса мелкаго земледѣлія. Мы отмѣтили, какъ подъ вліяніемъ требованій современнаго рынка создаются соединенія мелкихъ хозяйствъ въ объединенныя товарищества по сбыту и закупкѣ, какъ эти объединенныя товарищества складываются въ одинъ общій союзъ, какъ затѣмъ потребительныя товарищества, въ свою очередь объединяясь, входятъ въ непосредственныя отношенія обмѣна съ союзомъ товариществъ по сбыту продуктовъ. Устанавливаются, такимъ путемъ, новыя отношенія въ экономической области. Современный рынокъ, съ его неточнымъ указаніемъ спроса и предложенія, замѣняется точнымъ опредѣленіемъ спроса со стороны союза потребительныхъ товариществъ и соотвѣтствующаго предложенія со стороны объединившихся товариществъ сельскихъ хозяевъ. Слѣдовательно на мѣсто безпорядочныхъ рыночныхъ отношеній, свойственныхъ капиталистическому хозяйству, наступаетъ союзъ объединившихся производителей и ихъ прямыя отношенія съ потребителями. Такая эволюція этихъ отношеній является естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ причинъ, которыя вызвали объединеніе сельскихъ хозяевъ съ цѣлью противодѣйствовать неблагопріятнымъ рыночнымъ условіямъ. Въ сущности говоря если это и не составляетъ натуральнаго хозяйства, то знаменуетъ переходъ къ нему — къ потребленію производимаго въ самомъ производящемъ хозяйствѣ, причемъ однако не только объемъ, но и внутренный составъ членовъ такой хозяйственной единицы измѣняется и расширяется: она получаетъ значеніе международной, основанной на соединеніи разнородныхъ производствъ и для удовлетворенія потребностей членовъ такого объединенія, живущихъ въ разныхъ странахъ, но имѣющихъ однородныя потребности. Иначе говоря, въ данномъ случаѣ сельскіе хозяева, а равно союзъ потребительныхъ товариществъ, заинтересованные въ томъ, чтобы устранить неблагопріятныя вліянія капитализма, выработали такую форму, которая замѣняетъ капиталистическія отношенія—иными, въ основу которыхъ положена солидарность интересовъ производителей и потребителей. «Въ безсознательно одобрительныхъ приговорахъ общественнаго мнѣнія и общественнаго темперамента всему, что прямо или косвенно вытекаетъ изъ равенства или простой кооперації труда, высказывается въ сущности тотъ фактъ, что этотъ видъ соединенія работъ представляетъ самую универсальную форму общественной организаціи, отъ которой человѣчество уклоняется лишь временно, съ цѣлью отысканія путей къ возстановленію ея въ новыхъ и сложнѣйшихъ формахъ» (Н. И. Зиберъ: Очерки первобытной экономической культуры. М. 1883, стр. 6). «Всякое сколько-нибудь значительное усложненіе въ дѣленіи труда необходимо и неизбѣжно сопровождается соотвѣт-

ствующими усложненіями въ соединеніи труда. Назначеніе простой кооперації есть собираніе, сліяніе въ одно цѣлое разъединенныхъ и разбросанныхъ предыдущимъ процессомъ дѣленія труда частей экономическаго механизма. Подобное объединеніе или, что то же, интеграція работъ, вопреки утвержденіямъ Спенсера и его послѣдователей, играетъ въ генетическомъ развитіи общественнаго производства гораздо болѣе значительную и рѣшительную роль, чѣмъ ихъ спеціализація. Превращеніе всей совокупности общественныхъ занятій въ различныя по качеству жизненныя отправленія отдѣльныхъ лицъ есть дѣло временной необходимости, не больше. Оно напоминаетъ собою охоту или рекогносцировку, — необходимость разойтись по сторонамъ, но непремѣнно съ тою цѣлью, чтобы сойтись современемъ опять и снова двинуться впередъ совмѣстно. Преобладаніе въ обществѣ кооперації сложной надъ простою равнозначительно съ потерей равновѣсія, съ утратой прочности организаціи. Въ основаніи тенденціи общества настойчиво и неизмѣнно возвращаться къ мѣсту сбора и находить въ объединеніи утраченный центръ тяжести,—лежитъ тотъ совершенно простой фактъ, что коренное свойство человѣческихъ потребностей и функцій всегда въ послѣднемъ счетѣ одерживаетъ верхъ надъ ихъ разнообразіемъ. Всѣ однородные признаки людей запечатлѣны характеромъ постоянства, всѣ разнородные—характеромъ случайности. Говоря нѣсколько иначе, никакое спеціализированіе занятій не въ состояніи окончательно стереть и уничтожить аттрибуты *человѣка*, никакое различіе между банкиромъ, сапожникомъ, учителемъ, солдатомъ не въ состояніи упразднить ихъ принадлежности къ одной великой человѣческой семьѣ. Вотъ почему дробленіе занятій между отдѣльными людьми должно считаться явленіемъ *сравнительно* недолговѣчнымъ, тогда какъ соединеніе труда продлится столько времени, сколько просуществуетъ родъ людской» (Н. И. Зиберъ: Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ С.-Пб. 1885, стр. 483—84. Курсивъ у автора).

Заключеніе.

Почти съ самаго момента освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, какъ наша періодическая литература, такъ и обстоятельныя статистическія изслѣдованія экономическаго положенія крестьянъ даютъ массу безспорнаго фактическаго матеріала, свидѣтельствующаго о плохомъ положеніи крестьянскаго хозяйства, о недостаточности земельныхъ надѣловъ, о тяжелыхъ условіяхъ арендованія земли, о значительномъ количествѣ безхозяиныхъ дворовъ, объ увеличеніи числа безлошадныхъ и т. д. и т. д.—Все это—факты, свидѣтельствующіе нетолько объ отсутствіи тѣни процвѣтанія крестьянскаго хозяйства, но прямо объ

упадкѣ его, что впрочемъ одно и тоже, такъ какъ въ сферѣ экономическихъ явленій, какъ и вообще въ жизни, что не прогрессируетъ, то умираетъ. Но съ другой стороны та же литература, по крайней мѣрѣ за послѣднія десять лѣтъ, даетъ не мало фактическаго матеріала, свидѣтельствующаго, что въ сферѣ крестьянскаго хозяйства и притомъ не въ единичныхъ дворахъ или селеніяхъ, и не въ одной какой либо мѣстности, а въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ нашего отечества совершаются такія измѣненія, которыя свидѣтельствуютъ о его прогрессивномъ развитіи: измѣняются системы земледѣлія, вводятся посѣвы новыхъ растеній, распространяются улучшенныя орудія, короче происходитъ цѣлый рядъ измѣненій въ техникѣ крестьянскаго земледѣлія и притомъ не рѣдко безъ всякаго видимаго воздѣйствія и содѣйствія извнѣ — и все это при только что указанныхъ безспорно неблагопріятныхъ условіяхъ для веденія сколько нибудь правильнаго хозяйства и для образованія какихъ либо сбереженій, необходимыхъ для введенія улучшеній.

Факты послѣдняго рода, т.-е. факты, свидѣтельствующіе объ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ при наличности данныхъ, свидѣтельствующихъ о тяжести тѣхъ условій, при которыхъ происходятъ эти улучшенія—невольно вызываютъ представленіе о живучести крестьянскаго хозяйства въ Россіи, о присутствіи въ условіяхъ русской экономической дѣйствительности чего то такого, что, несмотря на наличность цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій, все же не только поддерживаетъ, но и упрочиваетъ, развиваетъ эту форму приложенія народнаго труда. Чтобы провѣрить справедливость этого предположенія необходимо выяснить—составляютъ ли здѣсь факты прогрессивнаго характера что либо мѣстное, случайное, или данныя для существованія ихъ лежатъ въ общихъ экономическихъ условіяхъ сельско-хозяйственнаго производства и въ общихъ условіяхъ развитія экономическихъ отношеній въ Россіи.

Чтобы подойти къ выясненію этого вопроса нужно, говоря словами Гобсона, постараться „въ особенности избѣжать ошибки *неправильнаго упрощенія* дѣла; именно этимъ *грѣшатъ* лица, *полагающія*, что всѣ виды промышленности одинаково подчинены *однимъ и тѣмъ же экономическимъ законамъ* и одинаково подвержены однимъ и тѣмъ же опасностямъ и недостаткамъ“, нужно „показать, что *лишь изученіемъ природы каждаго изъ отдѣльныхъ видовъ промышленной дѣятельности* мы можемъ прійти къ *правильному опредѣленію роста промышленнаго* и связаннаго съ нимъ торговаго *дѣла*, и что для этого мы должны излѣдовать какъ *природу* обрабатываемаго *матеріала*, такъ и механическія и торговыя *условія* разсматриваемаго рода промышленности, *характеръ спроса* на различные продукты и въ концѣ концовъ *взаимодѣйствіе* этихъ различныхъ характеризующихъ факторовъ.

„Только послѣ изученія подобнаго рода мы получаемъ возможность узнать различные виды и формы, которые могутъ при-

нимать различныя отрасли промышленности и можемъ научиться (что представляется дѣломъ *первостепенной соціальной важности*) отличать тѣ отрасли промышленности, которыя, концентрируясь болѣе и болѣе, стремятся въ концѣ концовъ къ частной или общественной монополіи, отъ тѣхъ, которыя стремятся сохраниться въ большомъ количествѣ конкурирующихъ формъ, и наконецъ отличать между послѣдними тѣ, въ которыхъ конкуренція можетъ развиться въ форму оздоровляющаго соперничества— стимула къ совершенству въ производствѣ отъ тѣхъ, въ которыхъ конкуренція вполнѣ и въ большей части приводитъ лишь къ соціальной растратѣ силы" (*Гобсонъ*. Эволюція современнаго капитализма, Спб. 1898. Предисловіе автора къ русскому изданію О. Н. Поповой. Курсивъ вездѣ мой).

Согласно съ только что приведенными словами, необходимо выяснить природу сельско-хозяйственнаго производства и остановиться прежде всего на основныхъ условіяхъ его.

При этомъ выясняется, что одно изъ основныхъ условій, отличающихъ сельско-хозяйственное производство отъ обрабатывающей промышленности состоитъ въ томъ, что производство это привязано къ опредѣленному мѣсту, подчинено опредѣленнымъ природнымъ условіямъ въ такой формѣ, которая не дозволяетъ человѣку свободно располагать ни временемъ производства, ни временемъ оборота его, ни временемъ сбыта, ограничиваетъ даже его въ разсчетахъ на опредѣленное количество продукта при приложеніи даннаго количества труда. Все это обусловливаетъ совершенно иное приложеніе капитала къ земледѣлію и создаетъ совсѣмъ особыя условія извлеченія прибыли, которая составляетъ конечную цѣль капиталистическаго производства. Климатическія условія создаютъ такое положеніе, что вести земледѣльческое хозяйство круглый годъ представляется невозможнымъ, а потому приложеніе капитала, въ видѣ машинъ и дорогихъ орудій, не всегда представляется выгоднымъ, такъ какъ капиталъ этотъ невозможно эксплоатировать цѣлый годъ. Если бы всѣ страны производили въ одинаковыхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, сельскіе хозяева могли бы вводить въ цѣну сельскохозяйственнаго продукта ту потерю, которую несутъ сравнительно съ обрабатывающей промышленностью. Но этому препятствуютъ, съ одной стороны, различныя въ разныхъ странахъ климатическія условія, неравная продолжительность рабочаго періода въ земледѣліи, почвенныя условія, а съ другой—условія снабженія рынка, поставленныя теперь не такъ, какъ раньше, при отсутствіи современныхъ путей сообщенія. Раньше сбытъ на рынокъ пріурочивался къ концу жатвы. Теперь же нѣтъ мѣсяца на международномъ рынкѣ, когда не было бы жатвы. Поэтому въ этомъ отношеніи международный рынокъ для сельскохозяйственнаго производства поставленъ въ такія же условія, какъ и для обработывающей промышленности. Это выгодно для потребителей, такъ какъ нѣтъ такихъ колебаній въ цѣнахъ вслѣдствіе предыдущаго урожая или неурожая въ той или другой

странѣ. Но это не выгодно для капиталиста сельскаго хозяина, такъ какъ теперь онъ не можетъ установить цѣну, которая была бы монопольной по отношенію къ продуктамъ обрабатывающей промышленности.

Тѣ же природныя условія вызываютъ и еще одно обстоятельство: это—невозможность держать круглый годъ такое количество рабочихъ, какое требуется въ горячую пору.—Если же ихъ держать въ такомъ количествѣ, чтобы обезпечить себя ими и на болѣе критическіе моменты, то у нихъ будетъ много времени проходить праздно въ остальные моменты. Конечно такія чередованія въ затратѣ силъ существуютъ и у крестьянина, но, если у него и выпадутъ моменты, когда ему въ своемъ хозяйствѣ дѣлать нечего и некуда примѣнить свою трудовую энергію, то онъ можетъ въ эти моменты «нагуливать силу», что даже и съ экономической точки зрѣнія выгодно, такъ какъ онъ потомъ интенсивнѣе приложитъ эту силу въ своемъ же хозяйствѣ. Въ частно-владѣльческомъ же или фермерскомъ хозяйствѣ эти моменты нагуливанія силы рабочимъ, составятъ для предпринимателя чистый убытокъ, такъ какъ потомъ эти силы будутъ прилагаться хотя тоже интенсивнѣе, но не въ томъ же хозяйствѣ, а весьма возможно — у другого нанимателя — слѣдовательно, допуская такое «нагуливаніе силы» предприниматель дѣйствуетъ въ пользу своего конкурента, подобно тому какъ Англія, допуская эмиграцію въ Америку населенія, выросшаго и пріобрѣтшаго себѣ силы въ предѣлахъ Англіи, тѣмъ самымъ создала сама себѣ конкурентовъ. Если же не обезпечить себя рабочими силами заблаговременно, то въ горячій моментъ не всегда возможно добыть ихъ въ необходимомъ количествѣ, такъ какъ, не находя себѣ постоянныхъ занятій въ земледѣліи, они уходятъ въ обрабатывающую промышленность. Отсюда—жалобы хозяевъ на недостатокъ и дороговизну рабочихъ, хотя земледѣльческій трудъ оплачивается дешевле, чѣмъ фабричный.

Таковы послѣдствія непостоянства въ *количествѣ* рабочихъ рукъ, требуемыхъ земледѣліемъ непостоянства, существующаго въ силу тѣсной зависимости земледѣлія отъ *мѣстныхъ* природныхъ условій. Но та же зависимость отражается и на *составѣ* рабочихъ рукъ. Въ силу только что отмѣченнаго значенія *мѣстныхъ* природныхъ условій, успѣхъ земледѣльческаго производства въ сильной степени зависитъ отъ точнаго знакомства съ этими мѣстными условіями, знакомства доступнаго лишь населенію постоянно живущему здѣсь, а не являющемуся временнымъ гостемъ, незаинтересованнымъ притомъ нисколько въ конечномъ результатѣ производства. При этомъ, опять таки въ силу тѣхъ же особенностей сельскаго хозяйства, тотъ стимулъ къ тщательному и интенсивному приложенію труда, котораго недостаетъ при отсутствіи личной заинтересованности въ результатахъ дѣла и который въ обрабатывающей промышленности, создается путемъ назначенія сдѣльной платы и примѣненія автоматически дѣйствующихъ машинъ—здѣсь не можетъ быть со-

зданъ этимъ путемъ въ такой же мѣрѣ, въ силу тѣхъ же особенностей производства, а это опять таки обусловливаетъ невозможность извлеченія изъ рабочаго добавочнаго труда въ такой же мѣрѣ, какъ въ обработывающей промышленности.

Такъ представляется дѣло, если смотрѣть съ капиталистической точки зрѣнія. Но вѣдь капитализмъ какъ и, всякое явленіе общественной жизни, долженъ имѣть свой общественный смыслъ и значеніе, которыми, такъ сказать, какъ бы оправдывается его существованіе. Ставя рабочаго въ такое положеніе, которое заставляетъ послѣдняго ради себя и семьи выжимать какъ изъ самого себя, такъ и изъ своихъ дѣтей всѣ жизненные соки, капитализмъ тѣмъ самымъ повышаетъ общественную производительную силу труда и ведетъ стало быть къ возможности для будущаго человѣчества полнѣе и всестороннѣе удовлетворять не только свои матеріальныя, но и духовныя потребности, такъ какъ удовлетвореніе первыхъ при повышенной столь грандіозными средствами производительности труда—потребуетъ уже немного времени, вслѣдстіе чего его и останется много больше на духовное, умственное и нравственное совершенствованіе.

Въ этомъ усматриваютъ общественный смыслъ тѣхъ человѣческихъ жертвоприношеній, которыя вызываются развитіемъ капитализма. Но въ земледѣліи то, какъ оказывается, капитализмъ и этого общественнаго значенія не имѣетъ. Не обладая тѣми же средствами заставить рабочаго повысить свою производительную силу, какими онъ (т.-е. капиталпзмъ) располагаетъ въ обработывающей промышленности, онъ слѣдовательно и не повышаетъ здѣсь общественной производительной силы труда. Наоборотъ, приложеніе труда въ мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ, въ результатахъ котораго здѣсь производитель непосредственно заинтересованъ,—и является именно средствомъ повышенія производительности земледѣльческаго труда.

И если вся экономическая обстановка, создаваемая условіями развитія капиталистическихъ отношеній и заставляетъ крестьянина—земледѣльца работать съ тѣмъ же истощеніемъ силъ какъ и фабричнаго рабочаго, то она не ведетъ къ повышенію производительности земледѣльческаго труда, потому что отрываетъ крестьянина отъ послѣдняго въ необходимое для того время, истощаетъ его средства приложенія труда и не даетъ того объединенія рабочихъ силъ, которое создается въ обрабатывающей промышленности.

Такова печать, налагаемая природными условіями на сельскохозяйственное производство. Но вліяніе тѣхъ же природныхъ условій продолжаетъ сказываться и на сбытѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ при современныхъ условіяхъ, созданныхъ и создаваемыхъ въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ развитія капитализма въ примѣненіи къ обработывающей промышленности. Слѣдуя своему основному мотиву—производству ради прибыли, капитализмъ безконечно расширяетъ и увеличиваетъ производство товаровъ, при чемъ для реализаціи прибыли тре-

будетъ расширенія сбыта, постоянно увеличивающагося рынка, а такъ какъ подъ вліяніемъ этого стремленія, съ одной стороны, и создаваемой имъ безпощадной затраты трудовыхъ человѣческихъ силъ, съ ограниченіемъ поддержанія ихъ лишь самымъ необходимымъ, производство растетъ гораздо быстрѣе роста потребностей массы населенія, то въ результатѣ является неотстранимая потребность въ отысканіи новыхъ рынковъ, въ проникновеніи товаровъ капиталистическаго производства туда, гдѣ ихъ доселѣ не было, въ созданіи новыхъ потребностей у населенія, еще незнакомаго съ благами капиталистическаго производства, для чего такое населеніе, еще занятое земледѣліемъ въ соединеніи съ промышленностью, забрасываетъ послѣднюю, расширяя первое; къ тому же ведетъ и создаваемая ростомъ капитализма въ обработывающей промышленности эмиграція населенія въ новыя страны, вызывающая опять таки тамъ занятіе подъ культуры еще нетронутыхъ земель—на счетъ запущенія обработанныхъ уже и впитавшихъ въ себя не мало человѣческаго пота и капиталовъ—европейскихъ земель.

Чтобы дать нѣкоторое представленіе о значеніи и размѣрахъ этого отысканія новыхъ рынковъ, укажемъ, что по разсчетамъ, приведеннымъ въ газетѣ «Times» въ 1896 г., всѣ колоніи Франціи составляли въ 1884 г.—665 т. кв. миль; къ 1896 г., т. е. за 12 послѣднихъ лѣтъ пространство ея колоніальныхъ владѣній увеличилось на 2.726.000 кв. миль и стало въ 5 разъ больше, чѣмъ въ 1884 г. Колоніальныя владѣнія Англіи составляли въ 1884 г. 8,4 м. кв. миль, а къ 1896 г. увеличились на 2,6 м. кв. миль и составляли къ тому времени 11 мил. кв. миль. Германія до 1884 г. не имѣла за предѣлами своихъ береговъ ни одной пяди земли, менѣе чѣмъ черезъ годъ она имѣла уже 1 м. кв. миль колоніальныхъ земель, т.-е. территорію въ пять разъ превосходящую площадь метрополіи. Точно также Бельгія въ 1884 г. пріобрѣла около 1 мил. кв. миль колоніальныхъ владѣній. Италія такъ же свыше 500 т. кв. м. Россія съ 1884 г. по 1896 г. пріобрѣла путемъ международныхъ соглашеній и разграниченій до 30 т. кв. миль. Если взять всю площадь территорій принадлежащихъ различнымъ державамъ, включая площадь метрополіи, то при сравненіи 1896 г. съ 1884 г. окажется, что за 12 лѣтъ владѣнія Франціи увеличились въ $3^1/_5$ раза, Англіи—въ $1^1/_3$, Германіи—въ 6, Бельгіи—въ 89, Италіи—въ $5^1/_2$ разъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, почти всѣ европейскія державы сдѣлали колоніальныя пріобрѣтенія главнымъ образомъ на счетъ Китая. Въ послѣднее же время та же погоня за рынками вызвала войну между Испаніей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.

Какія же послѣдствія этого для сельскаго хозяйства? Пріобрѣтеніе колоніальныхъ территорій даетъ не только новые рынки для сбыта продуктовъ обработывающей промышленности, но при современномъ развитіи путей сообщенія, допускающемъ перевозку на дальнее разстояніе громоздкихъ сельско-хозяйственныхъ продук-

товъ—доставляетъ болѣе дешевую пищу для массы населенія, что понижаетъ средства содержанія рабочихъ и тѣмъ повышаетъ относительную прибавочную стоимость, а стало-быть создаетъ новый стимулъ къ развитію колоній, въ цѣляхъ повышевія прибыли, которыя въ силу примѣненія техническихъ усовершенствованій, увеличенія постояннаго капитала проявляетъ тенденцію падать. Путемъ увеличенія колоніальныхъ владѣній создаются новыя условія сбыта продуктовъ сельскаго-хозяйства, которыя все болѣе и болѣе уравновѣшиваются для разныхъ странъ, поскольку различіе въ этомъ отношеніи лежало реньше въ разницѣ разстояній и природныхъ условій. Сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства подчиняетъ каждую страну общимъ условіямъ международнаго рынка. Это обстоятельство ставитъ сельское хозайство каждой страны въ положеніе несравненно болѣе неустойчивое, чѣмъ обработывающую промышленность. Послѣдняя вылилась въ нѣчто грандіозное, она стоитъ въ такомъ положеніи, что побѣждаетъ та страна, которая можетъ производить дешевле. То же, конечно, и для сельскаго хозяйства: кто производитъ дешевле, тотъ сильнѣе и тотъ прочнѣе стоитъ на международномъ рынкѣ. Но на этомъ и кончается сходство. Самыя же условія, при которыхъ достигается болѣе дешевое производство, различны въ обработывающей промышленности и въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ первой, т.-е. въ обработывающей промышенности, кто умѣлъ лучше примѣнить машинное производство, тотъ въ единицу времени выработаетъ больше и выйдетъ побѣдителемъ своихъ конкурентовъ, не умѣвшихъ воспользоваться такой удачной комбинаціей въ производствѣ. Иначе въ сельскомъ хозяйствѣ: здѣсь дешевле обходится продуктъ въ странахъ наиболѣе молодыхъ, гдѣ трудъ дешевле, а почва богаче. На международномъ рынкѣ появляются продукты разныхъ странъ: какъ тѣхъ, гдѣ требуется интензивная культура, съ значительнымъ приложеніемъ труда и капитала, такъ и тѣхъ, гдѣ хорошій урожай получается при сравнительно небольшой затратѣ того и другого. Пока не было удобныхъ и дешевыхъ путей сообщенія, предполагалось, что каждая страна должна стремиться обезпечить себѣ продукты сельско-хозяйственнаго производства своими собственными средствами, и всякая необходимость ввоза извнѣ хлѣба считалась нежелательной, такъ какъ полученіе такихъ продуктовъ изъ другихъ странъ, гдѣ они даже дешево стоили, обходилось дорого вслѣдствіе большихъ расходовъ по перевозкѣ. Но съ развитіемъ парового транспорта, полученіе продуктовъ, не выдерживавшихъ раньше перевозки, стало обходиться значительно дешевле. Это обстоятельство сдѣлало для странъ, съ крупной капиталистической промышленностью, съ извѣстной плотностью населенія невыгоднымъ приложеніе капитала къ обработкѣ земли, вслѣдствіе чего получается здѣсь упадокъ земледѣльческаго хозяйства, построеннаго всецѣло на капиталистическомъ началѣ. Но при этомъ замѣчается тотъ фактъ, что въ такой странѣ

какъ Англія, на сельскомъ хозяйствѣ которой всего сильнѣе отразилось неблагопріятное вліяніе международнаго рынка, число желающихъ арендовать землю не уменьшилось. (Royal Commission on Agriculture 1894. Показанія 1312—17, 2386—90; 2737; 4050—51; 5039—48; 5429—33 и др.). Объясненіе этому заключается въ томъ, что, хотя въ настоящее время фермерство въ Англіи «не приноситъ обычной предпринимательской прибыли и процента на капиталъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно не можетъ прокормить земледѣльца даже при платежѣ довольно высокой цѣны за аренду земли. Напротивъ, въ трудахъ коммиссіи (Royal Commission on Agriculture. 1894. Цитирую по указанной уже ранѣе ст. А. М. въ Р. В. 1894 г. № 292) можно найти данныя, показывающія что съ этой стороны занятіе сельскимъ хозяйствомъ продолжало приносить выгоду, т.-е. кормило того, кто имъ занимался. Въ отчетѣ о гр. Нортумберландъ приведены подробные балансы фермера, арендующаго 494 акра съ 1883 г. и занимающагося преимущественно скотоводствомъ. Если не считать процента на затраченный капиталъ и вознагражденія за управленіе, этотъ фермеръ въ среднемъ получалъ ежегодно чистый доходъ въ 126 ф. ст. (около 1.200 р.), но если прибавить къ расходамъ 4% на затраченный капиталъ и $2^1/_2$ ш. съ акра за управленіе, то получится убытокъ въ 57 ф. ежегодно. Такой фермеръ, разумѣется, находится въ затруднительномъ положеніи, какъ капиталистъ, и, если онъ оперируетъ на занятыя деньги, то его положеніе можетъ быть даже критическимъ. Примѣръ этого нортумберландскаго фермера примѣнимъ къ очень многимъ хозяевамъ въ Англіи, жалующимся на кризисъ; жалобы ихъ сводятся главнымъ образомъ къ тому, что капиталъ, затраченный на хозяйство въ прежніе годы, не приноситъ прибыли или приноситъ недостаточную прибыль. Такъ, напр., одинъ крупный фермеръ въ Ланкаширѣ выражалъ свои сѣтованія въ слѣдующей формѣ: «Я вложилъ въ землю 2.000 ф. ст., а мы (у него 4 взрослыхъ сына и 3 дочери) могли только прокормить и одѣть себя». Такія же заявленія были сдѣланы и другими крупными фермерами.

«Эти свидѣтельства указываютъ на то, что затрудненія, переживаемыя англійскими фермерами, связаны преимущественно съ капиталистическимъ характеромъ ихъ хозяйства; капиталъ, вкладываемый въ землю, не приноситъ теперь обычнаго процента, и это обстоятельство заставляетъ крупнаго фермера по возможности воздержаться отъ затратъ и обращаться отъ земледѣнія къ другимъ болѣе выгоднымъ предпріятіямъ. Описанныя явленія приводятъ къ тому заключенію, что если земельная культура ведется болѣе или менѣе крупными предпринимателями, зависящими отъ рынка, то естественно, что паденіе цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства разрушаетъ успѣхи этой культуры и вызываетъ затрудненія даже тогда, когда земля приноситъ обычное количество пищевыхъ средствъ. Сельско-хозяйственный кризисъ, существующій въ настоящее время въ Ан-

гліи, является по преимуществу кризисомъ капиталистическаго фермерства (показанія 5900—3).

Въ связи съ этимъ находится и объясненіе не уменьшающемуся арендованію землю. «Опытъ послѣдняго десятилѣтія показалъ, что мелкое фермерство, приближающееся къ крестьянскому хозяйству, лучше выдерживало кризисъ, чѣмъ крупное, и что мелкій фермеръ съ успѣхомъ хозяйничалъ въ то время, когда крупный терпѣлъ крушеніе (показанія 4020, 4218—29); причина этого явленія заключается въ томъ, что мелкій фермеръ меньше зависитъ отъ рыночныхъ цѣнъ и меньше расходуетъ на наемный трудъ. Поэтому, несмотря на убыточность хозяйства для капиталистовъ-предпринимателей, мелкіе хозяева продолжаютъ стремиться къ найму земли. Многіе свидѣтели показали, что трудно сдать крупныя фермы (показанія 763; 3,940; 3,950), но спросъ на небольшіе участки такъ великъ, что земельные собственники дробятъ свои имѣнія, если это возможно, и сдаютъ ихъ мелкимъ съемщикамъ. По словамъ одного свидѣтеля изъ Нотингама, гораздо легче сдать три фермы по 200 акровъ, чѣмъ одну въ 600; поэтому собственники не останавливаются предъ расходами, сопряженными съ дробленіемъ, и находятъ выгоднымъ раздѣлять большія фермы. Къ этому пріему прибѣгаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ Англіи (см., напримѣръ, показанія 1001—1019; 3546; 4226—29; 4421—25).

«Данныя, собранныя коммиссіей, вполнѣ подтверждаютъ фактъ, отмѣченный однимъ изъ свидѣтелей, лордомъ Вантэджемъ, именно, что въ настоящее время происходитъ коренное измѣненіе въ характерѣ англійскаго фермерства: *земля переходитъ въ руки съемщика рабочаго*. Отмѣчая это явленіе, извѣстный политическій дѣятель Гиксъ-Бичъ высказалъ слѣдующее соображеніе: «Въ послѣднія 50 лѣтъ, до сравнительно недавняго времени, всѣ лица, писавшія или говорившія объ улучшеніи земельной собственности, единодушно рекомендовали собственникамъ земли соединять фермы въ крупные участки для того, чтобы сдавать ихъ арендаторамъ, обладающимъ большимъ капиталомъ, и такимъ путемъ достигнуть болѣе совершенной земельной культуры. Я не думаю, чтобы результатъ этого опыта оказался успѣшнымъ въ финансовомъ отношеніи, и я вполнѣ увѣренъ, что такой образъ дѣйствій много содѣйствовалъ установленію дурныхъ отношеній между фермерами и ихъ рабочими». Такое заявленіе, основанное на фактахъ, о которыхъ было упомянуто выше, должно навести на серьезныя размышленія сторонниковъ крупнаго хозяйства. Современное положеніе Англіи показываетъ, что, при существующихъ въ настоящее время затрудненіяхъ, конечная причина которыхъ заключается въ состояніи мірового рынка, въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ находится мелкое хозяйство. Ходъ его развитія наименѣе уклоняется отъ обычнаго теченія, и поэтому благосостояніе, основанное на этомъ базисѣ, и успѣхи земельной культуры, совершающіеся при такихъ условіяхъ, оказываются наиболѣе прочными».

Такимъ образомъ условія, создаваемыя международнымъ рынкомъ, отзываются неблагопріятно главнымъ образомъ на крупнокапиталистическомъ хозяйствѣ, которое непремѣнно должно считаться съ условіями рынка, такъ какъ все крупное производство разсчитано на рынокъ. Но, кромѣ этого, положеніе крупнаго сельскаго хозяйства на рынкѣ является крайне неустойчивымъ потому еще, что крайне неустойчивы цѣны на хлѣбъ, и за послѣднія 10 лѣтъ замѣчается тенденція къ пониженію этихъ цѣнъ. Много странъ, не участвовавшихъ раньше въ качествѣ производителей на международномъ рынкѣ, теперь появляются здѣсь оттуда, гдѣ хорошій урожай получается при сравнительно незначительной затратѣ труда и капитала. Къ этимъ колебаніямъ въ цѣнахъ, происходящимъ отъ появленія на международномъ рынкѣ новыхъ конкуррентовъ, присоединяются еще колебанія, совершающіяся въ каждой странѣ, въ зависимости отъ климатическихъ и другихъ, неустойчивыхъ въ земледѣліи условій. Все это дѣлаетъ непостоянной прибыль въ земледѣліи.

Но при всѣхъ этихъ условіяхъ положеніе мелкаго хозяйства является болѣе устойчивымъ, такъ какъ оно не стоитъ въ такой тѣсной зависимости отъ рынка. Въ мелкомъ хозяйствѣ производство разсчитано по преимуществу на удовлетвореніе собственныхъ потребностей, почему рыночныя цѣны для него не имѣютъ такого огромнаго значенія; болѣе важна для него не цѣна, а количество продуктовъ, продолжительность времени, на которое ихъ хватитъ. Но такая независимость отъ условій рынка и для мелкаго хозяйства не можетъ считаться абсолютной: въ извѣстномъ отношеніи рынокъ и на него дѣйствуетъ, такъ какъ бо́льшую или меньшую часть продуктовъ и ему приходится отчуждать. Но при этомъ мелкое хозяйство не считается съ цѣлымъ рядомъ затрудненій, которыя сопряжены съ веденіемъ крупнаго хозяйства въ земледѣліи въ сферѣ самого производства и притомъ являются тамъ до настоящаго времени совершенно неустранимыми.

Вотъ тѣ основныя условія, въ силу которыхъ крупная капиталистическая форма сельскохозяйственнаго производства не имѣетъ благопріятной почвы для ея развитія, не имѣетъ ихъ уже въ силу природы самого производства, въ силу естественныхъ законовъ произрастанія растеній, а затѣмъ само развитіе капитализма въ обрабатывающей промышленности еще усиливаетъ тѣ стороны, которыя дѣлаютъ неприложимымъ капиталистическій способъ производства въ земледѣліи.

Но и другія стороны производства, съ которыми связано развитіе капитализма въ обработывающей промышленности и которыя ведутъ къ образованію тамъ крупной промышленности и даютъ ей преимущество передъ мелкой, не существуютъ въ земледѣліи. Въ обрабатывающей промышленности техническія условія производства вызываютъ собою развитіе крупной и каждый шагъ въ усовершенствованіи техники, до настоящаго времени, ведетъ къ тому; въ земледѣліи же этого нѣтъ; напротивъ, при-

мѣненіе усовершенствованій требуетъ сосредоточенія бо́льшаго количества труда на маломъ пространствѣ, соотвѣтственно съ чѣмъ преимущество въ смыслѣ усиленія производительности труда получается на сторонѣ мелкаго хозяйства.

Если все это, однако, справедливо, то еще изъ этого не слѣдуютъ непремѣнное упроченіе и развитіе крестьянскаго хозяйства. Все это можетъ лишь указывать на извѣстную тенденцію въ развитіи земледѣлія. Но чтобы эта тенденція проявилась, необходимы извѣстныя условія, извѣстное соотношеніе силъ, которое давало бы перевѣсъ мелкому земледѣлію.

Если же этого нѣтъ, то фактически можетъ падать не только мелкое крестьянское хозяйство, но и само земледѣліе, примѣръ чему мы и видимъ въ Англіи. Мало того, ограничиваясь разсмотрѣніемъ только нѣкоторыхъ сторонъ въ ходѣ развитія капитализма, можно утверждать, что это такъ и должно быть. Въ подтвержденіе этого можно даже привести, въ противоположеніе цитированнымъ мною неоднократно мѣстамъ изъ «Капитала», подтверждающимъ многія изъ развиваемыхъ мною положеній, совершенно недвусмысленное и неоднократное утвержденіе К. Маркса, что развитіе капитализма ведетъ къ все большему и большему сокращенію земледѣльческаго населенія, къ отвлеченію все большей и большей части его къ обрабатывающей промышленности. Къ тому, что мною было сказано по этому поводу въ своемъ мѣстѣ, слѣдуетъ добавить, что это послѣдниеприведенное положеніе К. Маркса имѣетъ несомнѣнно тѣсно обограниченное значеніе. К. Марксъ изображаетъ передъ нами процессъ развитія капиталистическихъ отношеній въ Англіи на основаніи фактовъ и явленій англійской жизни и при тѣхъ условіяхъ, при какихъ капитализмъ развивался тамъ. При этомъ онъ указываетъ, что, дойдя до извѣстныхъ предѣловъ, процессъ этотъ долженъ отразиться на континентѣ и изображаетъ ту общую схему, ту основную тенденцію, которая должна сказываться въ развитіи его повсюду. Но въ то же время К. Марксъ стоитъ всюду на строго исторической почвѣ и нигдѣ ни единымъ словомъ не говоритъ о томъ, чтобы всюду должно было происходить именно такъ, какъ происходило въ Англіи; напротивъ, у него можно найти не мало мѣстъ, свидѣтельствующихъ, что онъ не допускаетъ тожества и какъ истинный ученый постоянно имѣетъ въ виду *данное* соотношеніе общественныхъ силъ, сложившееся исторически и притомъ въ каждой странѣ болѣе или менѣе своеобразно, въ особенности для даннаго историческаго момента, не повторяющагося и не могущаго повториться въ томъ же содержаніи и въ тѣхъ же формахъ.

Если имѣть это въ виду, если далѣе видѣть въ земледѣліи, производящемъ пищу для людей и сырые матеріалы для обрабатывающей промышленности, занятіе, при помощи которою не только удовлетворяется неустранимая потребность человѣка въ пищѣ, но и постоянно возрастающая съ развитіемъ обрабатывающей промышленности потребность въ сырьѣ, то можно ли умо-

заключать такимъ образомъ, что развитіе капитализма ведетъ къ все большему и большему сокращенію земледѣльческаго населенія, пока наконецъ вся масса населенія превратится въ одинъ рабочій классъ, занятый на фабрикахъ. Допускать общій ходъ такого развитія капитализма именно въ этой формѣ повсюду—значитъ допускать возможность чуть-чуть что не полнаго уничтоженія земледѣлія. Авторъ «Капитала» былъ настолько выдающійся ученый и геніальный мыслитель, что нѣтъ никакой возможности приписывать ему такое мнѣніе или допускать, чтобы онъ не предусматривалъ логической неизбѣжности такого вывода изъ его положенія о растущемъ уменьшеніи земледѣльческаго населенія, коль скоро придавать этому положенію всеобщее значеніе. А въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать это положеніе лишь выраженіемъ того, что происходило въ Англіи, при томъ условіи, что земледѣліе изъ нѣдръ ея переносилось въ колоніи; затѣмъ процессъ капитализаціи, отразившись на континентѣ, вызвалъ и тамъ такой же переносъ земледѣлія въ колоніи. Но дальше-то, переходя наконецъ на эти послѣднія, процессъ капитализаціи долженъ же своимъ собственнымъ расширеніемъ прекратить переносъ земледѣлія въ другія мѣста, ибо такихъ свободныхъ отъ вліянія капитализаціи мѣстъ не останется. Въ то же время сами требованія растущаго капитализма требуютъ развитія земледѣлія ради полученія сырого матеріала для обработки, и такимъ образомъ процессъ сокращенія земледѣльческаго населенія долженъ пріостановиться. А къ этому присоединяется еще и то, что переходъ къ болѣе интензивнымъ системамъ—въ земледѣліи долженъ вызвать увеличенное приложеніе живого труда, какъ то указано выше въ гл. VII настоящаго труда.

Вотъ, слѣдовательно, каковъ долженъ быть общій ходъ дальнѣйшаго развитія капитализма и его вліянія на измѣненіе въ количествѣ и составѣ земледѣльческаго населенія, если исходить только изъ свойственной капиталистическому производству тенденціи—извлекать наибольшую прибыль и если имѣть въ виду, что первоначально для успѣшнаго развитія капитализма необходимо было создать рабочую армію, зависимую въ своемъ существованіи только отъ капитала. Но если эта послѣдняя тенденція, вызвавшая въ Англіи почти полное обезземеленіе населенія, получила тамъ такое проявленіе, то это происходило при тѣхъ историческихъ условіяхъ, когда Англія занимала почти монопольное положеніе на международномъ рынкѣ и въ этомъ имѣла такое условіе для бепрепятственнаго расширенія производства, которое затѣмъ не повторялось и не можетъ повториться *). И если, какъ указываютъ данныя, приведенныя въ 1-й гл. (см. примѣч. на стр. 9 настоящаго труда), доля участія Англіи въ

*) Это различіе въ развитіи экономическихъ отношеній въ Англіи и въ другихъ странахъ довольно наглядно представлено между прочимъ въ трудѣ W. Sombart: Socialismus und sociale Bewegungen im 19 Jahrhundert. Jena, 1896. Касающіяся этого главы, да и вообще большая часть этого труда напечатаны въ русскомъ переводѣ въ журн. „Новое Слово“, октябрь и ноябрь 1897 г.

международномъ обмѣнѣ падаетъ, то тѣмъ болѣе—эта доля участія, возрастая для всѣхъ странъ *вмѣстѣ*,—и съ дальнѣйшимъ развитіемъ капитализма все для большаго и большаго числа ихъ—должна умаляться для каждой *отдѣльной* страны. Правда, это будетъ означать ростъ и развитіе производительныхъ силъ, а это, создавая болѣе легкое удовлетвореніе потребностей, должно вызывать подъемъ уровня ихъ и слѣдовательно увеличеніе рынка этимъ путемъ. Но дѣло въ томъ, что уровень потребностей не можетъ расти (какъ это отчасти было показано въ гл. VII настоящихъ очерковъ) такъ быстро, какъ подъемъ производительности при примѣненіи техническихъ усовершенствованій, а потому необходимость расширенія рынка, помимо естественнаго роста потребностей, путемъ другихъ мѣръ, должна существовать. Разъ этому расширенію путемъ созданія новыхъ рынковъ въ новыхъ географическихъ районахъ полагается предѣлъ или ограниченіе, то, очевидно, такой усиленный рынокъ долженъ создаваться инымъ путемъ, а въ то же время увеличеніе безземельнаго населенія перестаетъ уже быть той потребностью капитала, которая такъ сильно даетъ себя знать въ эпоху первоначальнаго развитія капитализма. Тѣмъ менѣе это можетъ отвѣчать требованіямъ капитализма въ Россіи въ настоящее время, когда развитіе его путемъ географическаго расширенія рынковъ наталкивается на значительныя препятствія различнаго свойства, и когда, какъ это видно изъ приведенныхъ нѣсколько выше данныхъ, Россія пріобрѣла за послѣднія 12 лѣтъ, сравнительно съ другими странами, слишкомъ ничтожную часть колоніальныхъ владѣній, что и служитъ выраженіемъ того, что въ ней капитализмъ, не пренебрегая для своего развитія расширеніемъ внѣшнихъ рынковъ, ищетъ однако иныхъ путей для расширенія сбыта произведеній обрабатывающей промышленности, въ которой онъ прочно привился.

«Судить о томъ, насколько вѣроятно, что промышленное развитіе одной страны можетъ быть подобнымъ промышленному развитію другой—дѣло не легкое. Существуетъ, пожалуй, общее стремленіе преувеличивать неизмѣнность и общепримѣнимость законовъ, по которымъ промышленность развивается изъ небольшихъ, простыхъ однородныхъ формъ въ широкія чрезвычайно сложныя разнородныя формы. Все же можно предположить, что страна, которая, подобно Россіи, лишь недавно вступила въ форму развитія машинной промышленности, и обширныя области которой до сихъ поръ соединены лишь несовершенными и медленнодѣйствующими путями сообщенія, можетъ многому научиться, пользуясь въ качествѣ примѣра, въ качествѣ предостереженія, опытомъ странъ въ родѣ Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ, въ которыхъ развитіе промышленности и зашло дальше и шло быстрѣе...

«По мѣрѣ того, какъ растетъ международное общеніе, промышленность въ различныхъ странахъ будетъ, вѣроятно, стремиться принять одинаковыя формы, и уже во всякомъ случаѣ

этого можно ожидать въ широкой области машинной промышленности. Тѣ же сырые продукты, та же двигательная сила, тѣ же механическіе и торговые пріемы все болѣе и болѣе дѣлаются одинаково примѣнимыми въ разныхъ странахъ; а такъ какъ общность природы людей вызываетъ и общность потребностей, то эта общность стремится болѣе близко уподобить потребленіе различныхъ націй тамъ, гдѣ расовыя, климатическія и другія физическія и соціальныя условія болѣе схожи другъ съ другомъ, и менѣе близко тамъ, гдѣ они различны.

«Указывая на это подобіе въ развитіи, слѣдуетъ однако рѣшительно высказаться противъ *извѣстной фаталистической интерпретаціи*, которую часто придаютъ *эволюціи*. Развитіе новыхъ промышленныхъ методовъ въ Россіи можетъ, пожалуй, и должно слѣдовать въ главныхъ чертахъ тѣмъ же основнымъ путемъ, какъ и въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Но отсюда *вовсе не слѣдуетъ*, что каждый шагъ долженъ быть сдѣланъ *въ томъ же направленіи, съ тою же скоростью* **и тѣмъ же способомъ**. Уже одинъ тотъ фактъ, что такое движеніе въ другой странѣ уже относится къ области прошедшаго, исключаетъ необходимость точнаго слѣдованія... Уроки, преподанные развитіемъ капитализма въ Англіи и другихъ странахъ, бывшихъ піонерами въ развитіи «крупной промышленности», могутъ помочь въ Россіи *сократить много ступеней этого развитія*, или даже совершенно *опустить* ихъ, или пройти ихъ *иначе*. Такимъ образомъ, хотя общій путь и будетъ тотъ же самый, все же въ случаѣ обращенія къ капитализму можно будетъ замѣнить болѣе *сознательнымъ*, а, слѣдовательно, и болѣе раціональнымъ *направленіемъ экономическихъ силъ* тѣ грубые безсознательные процессы, согласно которымъ эти силы дѣйствовали въ прошломъ. Въ частности ясное пониманіе опыта другихъ народовъ можетъ помочь Россіи *избѣжать тѣхъ безполезныхъ растратъ энергіи и жизни*, которыми сопровождался ростъ промышленности въ другихъ странахъ, или, *въ крайнемъ случаѣ*, ослабить ихъ. Я имѣю здѣсь главнымъ образомъ въ виду тѣ извѣстныя специфическія болѣзни, сопровождающія современное машинное производство, то тираническое господство, которое машина распространила на жизнь рабочей массы, заставивши рабочаго тратить свою энергію на узкіе рутинные процессы, заставивъ его разстаться съ *болѣе здоровыми и устойчивыми условіями деревенской жизни* и заставивъ населеніе скопляться въ большихъ городахъ, какъ мѣстахъ экономической дѣятельности, а не какъ мѣстахъ, наиболѣе пригодныхъ для постоянной жизни человѣка» *). (Гобсонъ. Эволюція и т. д. Предисл. къ русск. изд. О. Н. Поповой. Курсивъ вездѣ мой).

*) Не могу не напомнить по этому поводу нерѣдко высказывавшагося покойнымъ Н. И. Зиберомъ мнѣнія, что города не представляютъ собою такихъ мѣстъ скопленія людей, которыя имѣли бы шансы на упроченіе и развитіе въ будущемъ. „Это просто временное соединеніе, чтобы столковаться“, обыкновенно говорилъ онъ, имѣя въ виду послѣдующую эволюцію экономическихъ отношеній.

Вотъ тотъ рядъ основаній, въ силу которыхъ ходъ экономическаго развитія Россіи и въ частности ходъ развитія въ ней земледѣлія и измѣненій въ крестьянскомъ хозяйствѣ не можетъ быть таковъ же какъ въ другихъ странахъ. И если въ Англіи развитіе капитализма въ земледѣліи привело къ уничтоженію крестьянства, то въ Россіи оно, при современныхъ хозяйственно-историческихъ условіяхъ и при той роли, которую играетъ земледѣліе, развитіе котораго направляется теперь иными условіями нежели тѣ, подъ которыми оно развивалось въ Англіи,—въ Россіи въ силу всего этого должно прямымъ путемъ происходить то, къ чему Англія приходитъ окольной дорогой. Тамъ, какъ увидимъ, развитіе начинаетъ поворачивать въ сторону возрожденія крестьянства, въ Россіи оно должно идти въ томъ направленіи, чтобы выработать въ крестьянствѣ такого рода измѣненія, которыя, соотвѣтствуя требованіямъ современныхъ хозяйственныхъ условій, въ то же время сохраняютъ мелкую форму земледѣльческаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли изъ цѣлаго ряда разнообразныхъ данныхъ, что въ земледѣліи крупное хозяйство не только не имѣетъ *техническихъ* преимуществъ, а наоборотъ уступаетъ въ этомъ отношеніи мелкому; съ другой стороны, *экономическія* преимущества крупнаго хозяйства вполнѣ усваиваются мелкими при извѣстной организаціи. все болѣе и болѣе воспринимаемой ими, въ видахъ приспособленія къ требованіямъ товарнаго хозяйства; при этомъ за ними остается еще то преимущество, что существованіе ихъ не всецѣло поставлено въ зависимость отъ рынка, такъ какъ значительную долю своихъ продуктовъ они потребляютъ въ натурѣ. При такихъ условіяхъ весь ходъ дальнѣйшаго развитія земледѣлія зависитъ отъ условій обладанія основнымъ элементомъ земледѣльческаго производства—землею. Въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, Россія поставлена значительно благопріятнѣе другихъ странъ, такъ какъ въ ней главная масса земли сосредоточена въ рукахъ обрабатывающаго ее населенія и затѣмъ государства, при чемъ со стороны населенія это землевладѣніе поставлено такъ, что земля не является товаромъ, переходящемъ изъ рукъ въ руки и слѣдовательно пользованіе ею не обременяется необходимостью покупки ея, что, при постоянномъ ростѣ цѣнъ на землю, разрушительно дѣйствуетъ на хозяйство. Эта разрушительность всего сильнѣе выражается въ той задолженности, которой подвержено частное замлевладѣніе. Но и здѣсь сказывается преимущество мелкаго хозяйства, такъ какъ по даннымъ, касающимся Пруссіи, напр., среди крупнаго землевладѣнія задолженность достигаетъ свыше 50% стоимости земли, а среди мелкаго не превышаетъ 17%. Изъ этихъ условій, создающихъ при современныхъ отношеніяхъ невыгодность веденія сельскаго хозяйства въ крупныхъ размѣрахъ, ростъ земельныхъ цѣнъ и задолженности въ большей мѣрѣ, чѣмъ ростъ арендныхъ платъ,— вытекаетъ не только стремленіе землевладѣльцевъ не вести самимъ хозяйства, а предоставлять землю въ пользованіе населенію,

сдавать ее въ аренду, но и стремленіе прямо отдѣлаться отъ земли, сдать тяжесть владѣнія ею—государству. Отсюда вытекаетъ мало-по-малу измѣненіе въ отношеніи интересовъ двухъ классовъ населенія. Раньше «интересы владѣльцевъ земли и владѣльцевъ рабочихъ рукъ, какъ таковыхъ, т.-е. разсматриваемыхъ, какъ *двухъ общественныхъ классовъ*, представлялись противоположными и потому, *съ этой точки зрѣнія*, весьма естественнымъ представлялось со стороны владѣльцевъ стремленіе поставить себя въ независимое положеніе отъ рабочихъ рукъ, или, иначе говоря, поставить послѣднія въ положеніе, вынуждающее ихъ работать на земляхъ частныхъ владѣльцевъ для чего. на первый разъ, представляется достаточнымъ лишить ихъ собственной земли или ограничить ее предѣлами, недостаточными для приложенія всего труда, находящагося въ обладаніи рабочихъ рукъ». (Н. Каблуковъ: Вопросъ о рабочихъ въ сельск. хоз. М. 1884, стр. XIV). Теперь же, при все большей и большей неустойчивости собственнаго сельскаго хозяйства — начинаетъ сказываться другое стремленіе (хотя и первое еще не замерло, какъ то видно изъ постоянныхъ работъ по регулированію отношеній съ сельскими рабочими)—отдѣлаться отъ земли путемъ ли сдачи ее въ аренду, или же и совершенной передачи государству, или крестьянамъ на выгодныхъ, разумѣется, условіяхъ. И это, какъ мы видѣли, происходитъ не въ одной Россіи.

Съ этой точки зрѣнія землевладѣльцы, какъ классъ, конечно, заинтересованы въ упроченіи и развитіи крестьянской массы и ея хозяйства, такъ какъ въ лицѣ ея являются постоянные и надежные арендаторы, способные уплачивать болѣе высокую арендную плату при снятіи земли у землевладѣльцевъ, что въ свою очередь даетъ возможность продать землю за болѣе высокую цѣну въ случаѣ желанія совсѣмъ отдѣлаться отъ нея. Этимъ и объясняется, что въ послѣдніе годы повсюду обнаруживается стремленіе упрочить положеніе крестьянства. Англія, какъ мы видѣли, регулируетъ арендованіе земель и какъ будто бы не въ интересахъ землевладѣльцевъ, тогда какъ въ дѣйствительности это ведетъ лишь къ упроченію возможности извлекать доходъ изъ земли путемъ сдачи ея въ аренду прочному классу мелкихъ арендаторовъ. Недовольствуясь этимъ, законъ 1888 г. создалъ совѣты графствъ, избираемые на три года всѣми плательщиками налоговъ, при чемъ передалъ имъ значительную долю функцій мировыхъ судей по административнымъ дѣламъ съ правомъ устанавливать налоги и заключать займы. Въ частности совѣтамъ графствъ предоставлено право *пріобрѣтать земли и продавать ихъ мелкими участками, съ цѣлью создать классъ крестьянъ-собственниковъ*. Законъ 1894 г. создаетъ въ каждомъ приходѣ съ населеніемъ въ 300 чел. особый приходскій совѣтъ, избираемый плательщиками податей. Въ немъ англійскіе крестьяне впервые получаютъ самостоятельный органъ для завѣдыванія мѣстными дѣлами чрезъ посредство ими самими избираемыхъ уполномоченныхъ. Та и другая реформа очевидно свидѣтельству-

ютъ, что въ классической странѣ земельной аристократіи возымѣли вдругъ силу тенденціи, упрочивающія крестьянство въ такое время, когда его почти совсѣмъ уже тамъ не существуетъ. Если не считать это результатомъ стремленій чисто идейныхъ, то надо признать, что того требуютъ складывающіяся тамъ экономическія отношенія.

Точно также въ Венгріи, гдѣ развито крупное землепользованіе съ сельскимъ батрачествомъ, въ 1893 г. былъ внесенъ въ венгерскую палату законопроектъ о разселеніи крестьянъ на казенныхъ земляхъ или на участкахъ, пріобрѣтенныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ; въ случаѣ отчужденія отдѣльнаго хозяйства, государство и колонизирующія общины сохраняютъ за собою право пріобрѣтенія въ продолженіе 20 лѣтъ. Въ Австріи точно также принимаются мѣры къ поднятію крестьянскаго хозяйства, увеличиваются расходы на земледѣльческія училища, на меліораціи, на организаціи сельско-хозяйственныхъ товариществъ; кромѣ мѣстныхъ школъ, тамъ дѣйствуютъ переходящіе учителя и т. д.; короче, обращается большое вниманіе на поднятіе техники крестьянскаго хозяйства. Въ Пруссіи, какъ извѣстно, также въ послѣднее время все болѣе и болѣе обращается вниманіе на упроченіе и развитіе крестьянскаго хозяйства, и путемъ устройства поселенческихъ и рентныхъ имѣній расширяется крестьянское землевладѣніе. (См. объ этомъ кн. М. Соболева: Мобилизація и т. д.).

Все это факты, свидѣтельствующіе, что существуютъ какія-то общественныя теченія въ Западной Европѣ, которыя ведутъ къ упроченію крестьянскаго владѣнія, стало-быть, признаютъ за нимъ будущность. Правда, есть свидѣтельства, что этимъ путемъ думаютъ создать твердыя опоры консерватизма, противодѣйствующія стремленіямъ, идущимъ рука объ руку съ измѣненіями, вызываемыми общимъ ходомъ развитія экономическихъ отношеній. Но, несомнѣнно, въ подкладкѣ всего этого лежитъ нѣчто другое, такъ какъ крестьянскія поселенія представляютъ собою никакъ не болѣе прочную опору консерватизма, чѣмъ сельскія рабочія. Послѣднія при ихъ разбросанности по странѣ, при условіяхъ, дѣлающихъ неблагопріятнымъ сплоченіе ихъ, представляютъ собой элементъ далеко неспособный оказывать какое-либо сопротивленіе всякому давленію. Имѣвшее мѣсто въ 70-хъ и 80-хъ годахъ объединеніе сельскихъ рабочихъ Англіи подъ вліяніемъ энергичнаго вліянія Ж. Арча, какъ извѣстно, кончилось почти полнымъ распаденіемъ союза сельскихъ рабочихъ (см. объ этомъ Рузье: Профессіональные рабочіе союзы въ Англіи. Спб. 1898), несмотря на то, что въ общемъ положеніе ихъ, въ особенности подъ вліяніемъ современнаго сельскохозяйственнаго кризиса, не улучшилось. Чтобы судить о томъ насколько дѣйствительно положеніе сельскаго батрака не можетъ внушать никакихъ опасеній имущимъ надъ нимъ власть, достаточно привести слѣдующее указаніе: «Трудящійся человѣкъ, желающій имѣть занятіе въ приходѣ, долженъ получить работу

на землѣ графа, у одного изъ фермеровъ графа, который водворитъ его въ одной изъ графскихъ хижинъ и станетъ вычитать плату за помѣщеніе изъ его недѣльнаго заработка. Дѣтей своихъ онъ станетъ посылать въ такъ называемую національную школу, но состоящую подъ вѣдѣніемъ фермеровъ графа (землевладѣльца); по воскресеньямъ будетъ посѣщать церковь и, подъ наблюденіемъ двухъ церковныхъ старостъ (опять таки графскихъ фермеровъ), будетъ слушать проповѣди священника, содержимаго приходомъ (т.-е. землевладѣльцемъ). Подъ старость, когда онъ будетъ уже не въ силахъ работать, или же по какой-нибудь несчастной случайности впадетъ въ крайнюю нищету, ему придется прибѣгнуть къ тѣмъ же вѣчнымъ двумъ фермерамъ для полученія пособія по установленной для бѣдныхъ таксѣ. Если же, несмотря на всѣ заботы о его жизненныхъ удобствахъ, онъ все-таки будетъ недоволенъ своей участью, то не найдется ни одного дома, ни даже помѣщенія въ школѣ, содержимой однако налогами, гдѣ бы онъ могъ сойтись и побесѣдовать съ своими товарищами, если только онъ не заручился заранѣе разрѣшеніемъ на это отъ тѣхъ же фермеровъ...

«Предположите,—прибавляетъ авторъ цитируемаго отчета,—что приходъ этотъ ничто иное, какъ рабовладѣльческая колонія, принадлежащая графу и управляемая двумя служащими у него надсмотрщиками; и въ такомъ даже случаѣ было бы трудно поставить ея обитателей въ болѣе безвыходное рабство сравнительно съ ихъ настоящимъ положеніемъ...

«Деревенскій рабочій оказывается въ большей зависимости отъ сквайра или фермера, чѣмъ рабочій фабричный отъ своего хозяина. Ничто, кромѣ собственной совѣсти, не препятствуетъ первымъ всевозможными способами стѣснять labourer'а; для примѣра стоитъ только перечислить эти стѣсненія: насиліе надъ свободою совѣсти и мнѣнія; изгнаніе собственниками англиканскаго вѣроисповѣданія диссидентскихъ миссіонеровъ и пресвитеріанцами—миссіонеровъ англиканскихъ; отказъ политическимъ ораторамъ въ помѣщеніи и въ разрѣшеніи созывать митинги; подача голоса подъ руководствомъ фермера или пастора; стѣсненіе свободы передвиженія; бывали случаи, когда арендатору угрожали выселеніемъ за устройство около своего дома мѣста для стрѣльбы въ цѣль или для игры въ мячъ». (А. Метенъ: Соціализмъ въ Англіи. СПБ. 1898 г. гл. V).

Таково положеніе сельскаго рабочаго въ Англіи; таково же оно и въ Германіи, да и всюду, гдѣ развита система батрачества. При такихъ условіяхъ, очевидно, со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ не можетъ быть опасеній о групповомъ проявленіи со стороны сельскихъ рабочихъ чего-либо, что могло бы колебать установившійся порядокъ. Между тѣмъ крестьянское населеніе, живущее по преимуществу цѣлыми поселками, связанное болѣе или менѣе одновременнымъ производствомъ работъ на своихъ земляхъ безъ всякихъ надсмотрщиковъ—конечно имѣетъ болѣе способовъ и средствъ для противодѣйствія тому, что, по его представленію, не отвѣ-

чаетъ его интересамъ, и исторія представляетъ не мало примѣровъ совмѣстнаго, продолжительнаго и сильнаго противодѣйствія со стороны крестьянъ. Таковы крестьянскія войны въ Германіи, таковы массовыя протесты со стороны крестьянъ во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка, при чемъ, извѣстно какую крупную роль въ великой французской революціи играли провинціальные депутаты. Насколько вообще крестьяне мало способны пассивно подчиняться производимому на нихъ давленію, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ Россіи при Екатеринѣ II правительство нашло нужнымъ воспретить пріемъ отъ крестьянъ жалобъ на ихъ помѣщиковъ, что однако не остановило посылки со стороны крестьянъ—ходоковъ, подобно тому какъ это дѣлали и фабричные рабочіе того времени. Напомнимъ, наконецъ, недавнія волненія крестьянъ въ Галиціи, сумѣвшихъ добиться и нѣкоторыхъ политическихъ правъ; образованіе затѣмъ въ послѣднее время крестьянскихъ партій во многихъ мѣстахъ Германіи. Если имѣть все это виду, т.-е., съ одной стороны, опредѣляемое самыми условіями сельскохозяйственнаго производства отсутствіе объединенія для сельскихъ батраковъ, сламывающее силу ихъ сопротивленія, а, съ другой стороны, то обстоятельство, что крестьяне представляютъ въ этомъ отношеніи менѣе надежный оплотъ консерватизма, въ особенности при современныхъ условіяхъ, когда они такъ или иначе вовлечены въ водоворотъ капиталистическихъ отношеній и слѣдовательно не могутъ оставаться въ неподвижности и застоѣ—если взять все это въ расчетъ и не предполагать полной политической близорукости землевладѣльческихъ классовъ въ Европѣ, то, конечно, стремленіе насадить и упрочить крестьянство надо объяснить не стремленіемъ создать опору консерватизму, а другимъ, именно экономической потребностью имѣть классъ населенія, который бы представлялъ собою прочныхъ арендаторовъ земли, которую эксплоатировать за свой страхъ невыгодно, и вмѣстѣ съ тѣмъ создать условія, при которыхъ возможно утратить право собственности на землю съ наибольшей выгодой.

Таковы интересы европейскаго землевладѣнія, вызывающіе упроченіе крестьянства. Но при современныхъ западно-европейскихъ условіяхъ одними интересами землевладѣльцевъ нельзя еще объяснить явленій, которыя имѣютъ болѣе или менѣе крупное общественное значеніе. Эти интересы всегда соприкасаются такъ или иначе съ интересами другихъ классовъ населенія, при чемъ, конечно, интересы капиталистовъ, имѣющихъ силу, должны также отражаться на окончательномъ результатѣ, который и представляетъ собою соотношеніе экономическихъ силъ въ данный моментъ. При такихъ условіяхъ необходимо коснуться того, какое же все это имѣетъ отношеніе къ интересамъ капитала.

Необходимо прежде всего остановить вниманіе на томъ, что при современныхъ экономическихъ условіяхъ землевладѣніе не представляетъ собою чего либо совершенно отрѣзаннаго отъ капи-

тала. Врядъ ли даже найдется много крупныхъ землевладѣльцевъ, которые бы въ то же время не были въ той или другой формѣ участниками какихъ-либо промышленныхъ капиталистическихъ предпріятій и вообще не были бы заинтересованы въ той прибыли, которую приноситъ капиталъ, свободный отъ земли, но занятый въ промышленности. А въ такомъ случаѣ ихъ интересъ, какъ землевладѣльцевъ и въ то же время капиталистовъ, раздвояется, и они не могутъ въ качествѣ первыхъ содѣйствовать такимъ мѣрамъ, которыя наносятъ имъ ущербъ, какъ капиталистамъ. Очевидно, они должны проявлять наибольшую энергію въ проведеніи такихъ мѣръ, которыя не противорѣчатъ въ то же время ихъ интересамъ какъ капиталистовъ и потому могутъ содѣйствовать или не противодѣйствовать упроченію крестьянства лишь при условіи, что это не наноситъ ущерба капиталу. И въ томъ случаѣ, когда подъ вліяніемъ болѣе крупнаго интереса землевладѣнія, эта послѣдняя сторона упускается изъ виду—ее выдвигаютъ на сцену интересы капитала. Слѣдовательно, если проводятся тѣ или иныя мѣры, какъ бы ни были онѣ незначительны, для упроченія крестьянства или для подъема уровня крестьянскаго хозяйства, то надо искать, какимъ интересамъ землевладѣнія и капитала отвѣчаетъ или по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ это. Намѣтивъ, чѣмъ отвѣчаетъ это интересамъ землевладѣнія, попробуемъ указать, въ какомъ отношеніи стоитъ это къ интересамъ капитала.

Если имѣть въ виду приведенныя выше (стр. 246, 247) указанія, что въ мелкихъ владѣніяхъ получается большій валовой и чистый доходъ, т.-е. производительность труда въ сельскомъ хозяйствѣ выше при мелкой формѣ его, затѣмъ имѣть въ виду тѣ условія, которыя дѣлаютъ невыгоднымъ веденіе крупнаго сельскаго хозяйства, то получимъ, что различнаго рода продукты сельскаго хозяйства будутъ имѣть меньшую стоимость, коль скоро они будутъ производиться въ крестьянскихъ хозяйствахъ и, слѣдовательно, въ этомъ послѣднемъ случаѣ стоимость содержанія рабочей силы, складывающаяся въ своей наиболѣе крупной части изъ стоимости продовольствія—будетъ обходиться капиталисту дешевле, хотя въ тоже время и рабочій заинтересованъ въ удешевленіи стоимости своего содержанія. Слѣдовательно, вотъ первое, что какъ для капиталиста, такъ и для рабочаго создаетъ заинтересованность въ упроченіи и поднятіи уровня крестьянскаго хозяйства постольку, конечно, поскольку это касается такихъ рыночныхъ продуктовъ, производство которыхъ при современныхъ условіяхъ мірового рынка выгоднѣе вести въ Европѣ. А въ этомъ отношеніи многое, что бы оказалось не выгоднымъ при крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, можетъ съ выгодою производиться въ мелкомъ (выращиваніе скота, производство масла, птицеводство и многое другое). Конечно, можно предположить, что приложеніе капитала къ земледѣлію могло бы привести къ достиженію тѣхъ же цѣлей. Но изъ всего, что было выяснено въ предшествующихъ очеркахъ, ясно, что капиталъ не

имѣетъ тѣхъ условій для извлеченія прибыли въ земледѣліи, какія существуютъ въ обработывающей промышленности, и потому онъ пользуется иной формой для присвоенія прибавочной цѣнности создаваемой въ земледѣльческомъ производствѣ. Капиталъ направляется здѣсь не на самое производство, а на основное орудіе его—землю и извлекаетъ прибыль не столько путемъ присвоенія земли, сколько превращеніемъ собственниковъ земли въ своихъ данниковъ. Съ этой точки зрѣнія капиталъ заинтересованъ лишь въ увеличеніи задолженности землевладѣнія, дающей ему хорошую прибыль, а это и ведетъ къ уничтоженію собственности на землю. «Земельная собственность отличается отъ остальныхъ родовъ собственности тѣмъ, что на извѣстной степени развитія, она оказывается излишней и вредной даже съ точки зрѣнія капиталистическаго способа производства». (Капиталъ, III, 513).

Но это не должно, конечно, вести къ уничтоженію земледѣльческаго производства, такъ какъ тогда теряются и условія извлеченія прибыли. А въ такомъ случаѣ и съ капиталистической точки зрѣнія важно существованіе класса лицъ, обработывающихъ землю и при томъ при условіяхъ наибольшей производительности земледѣльческаго труда. Итакъ, съ этой стороны капиталисты заинтересованы въ подъемѣ производительности земледѣлія, какъ возможности выгоднаго помѣщенія капитала подъ обезпеченіе землею. Это такъ, пока еще продолжаетъ существовать собственность на землю. Но, запутываясь все болѣе и болѣе въ сѣтяхъ задолженности, земля, какъ мы видѣли—этимъ способомъ воздѣйствія на нее капитала, все болѣе и болѣе перестаетъ носить характеръ частной собственности, превращается въ общественную, сперва сохраняя видъ частной собственности, а затѣмъ и прямо поступаетъ въ руки государства, изъемлется до извѣстной степени изъ товарнаго обращенія, такъ какъ собственность на нее оказывается «излишней и вредной», ибо цѣны-то на нее все растутъ, она становится слишкомъ дорогимъ товаромъ *), чтобы можно было съ выгодой прилагать къ ней капиталъ. Становясь же общественной собственностью, земля можетъ поступать въ руки обработывающихъ ея на условіяхъ, не мѣшающихъ доставлять прибыль капиталу и въ то же время дающихъ возможность вести на ней земледѣльческую культуру болѣе соотвѣтственно требованіямъ сущности этого производства.

Чтобы правильно оцѣнить это обстоятельство, нужно имѣть въ виду все то, что говорилось раньше объ условіяхъ, вызывающихъ задолженность землевладѣнія и ростъ цѣнъ на землю, при чемъ затрата средствъ на покупку земли, обезсиливаетъ

---

*) Не потому ли движеніе въ пользу націонализаціи земли всего сильнѣе въ Англіи и С. Ам. Соединен. Штатахъ—странахъ наиболѣе капиталистически развитыхъ, но находящихся при совершенно различныхъ условіяхъ землевладѣнія?

собственника въ приложеніи ихъ къ обработкѣ ея. Уничтоженіе же товарнаго характера земли можетъ вызвать болѣе усиленное товарное хозяйство въ самомъ земледѣліи, но съ сохраненіемъ за нимъ тѣхъ сторонъ, которыя свойственны мелкому земледѣлію. Въ послѣднемъ земледѣлецъ не можетъ отрѣшиться отъ производства предметовъ, служащихъ для удовлетворенія его потребностей, такъ какъ онъ разсматриваетъ землю лишь какъ средство приложенія своего труда для своего пропитанія. Но въ то же время общее измѣненіе экономическихъ условій вызываетъ необходимость и производства продуктовъ для сбыта, соотвѣтственно съ чѣмъ могутъ выработаться такіе плодосмѣны, при которыхъ происходитъ чередованіе продуктовъ непосредственнаго потребленія и торговыхъ. При этомъ, однако, выступаетъ надобность въ правильно организованномъ кредитѣ, значительно отличающемся во многомъ отъ кредита ростовщическаго, свойственнаго докапиталистической эпохѣ. И такой процессъ измѣненія дѣйствительно происходитъ въ настоящее время. Въ трудахъ германскаго «союза соціалъ-политиковъ» выяснено, что развитіе мелкихъ кредитныхъ товариществъ въ Германіи сопровождается совершеннымъ уничтоженіемъ ростовщичества, еще недавно игравшаго тамъ громадную роль въ селеніяхъ. Что же это означаетъ?—Это означаетъ, что тѣ отношенія, при которыхъ возможно было существованіе ростовщичества, разрушаются. Оно, т.-е. ростовщичество, сыграло свою роль и не потому, что создались мелкія кредитныя учрежденія, а, наоборотъ, послѣднія создались потому, что выработались новыя условія, требующія правильно организованнаго кредита, а ростовщичество вымираетъ вслѣдъ за разрушеніемъ условій, дѣлавшихъ его необходимымъ. «Эксплуатація мелкихъ производителей ростовщичествомъ ведетъ къ образованію и сосредоточенію крупныхъ денежныхъ капиталовъ. Но насколько такой процессъ разрушаетъ старые способы производства, какъ это происходило въ новѣйшее время въ Европѣ, и ставитъ ли онъ на его мѣсто капиталистическій способъ производства, это находится *въ полной зависимости* отъ степени *историческаго развитія* и отъ *порождаемыхъ имъ условій*» (Капиталъ, III, 489). Порождаемыя же историческимъ развитіемъ условія настоящаго времени таковы, что не способствуютъ капиталистическому *способу производства* въ земледѣліи и лишь ведутъ (какъ это указано въ очеркѣ «о товариществахъ») къ обобществленію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ производства и сбыта у мелкихъ земледѣльцевъ, не уничтожая ни мелкой формы производства въ земледѣліи, ни самостоятельнаго участія мелкихъ земледѣльцевъ въ веденіи предпріятія. Въ этомъ отношеніи въ земледѣліи кредитъ повидимому, играетъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ производства, ту роль, которая предрѣкается ему въ будущемъ. «Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что кредитная система будетъ служить могущественнымъ рычагомъ во время перехода отъ капиталистическаго способа производства къ способу производства объединившихся

рабочихъ, но только какъ одинъ изъ элементовъ, въ связи съ другими великими преобразованіями самого способа производства» (тамъ же, стр. 500). А въ земледѣліи, какъ уже было указано въ послѣднемъ очеркѣ, такія преобразованія и происходятъ, но инымъ путемъ, нежели въ обработывающей промышленности, при чемъ характерное отличіе заключается въ томъ, что, при современныхъ условіяхъ, производители не разобщаются въ земледѣліи ни отъ средствъ производства, ни отъ самостоятельной роли въ веденіи послѣдняго. А при этомъ условіи они нуждаются въ правильно организованномъ кредитѣ. Это послѣднее обстоятельство расширяя сферу приложенія капитала, и даетъ послѣднему возможность извлекать этимъ путемъ прибыль изъ земледѣльческихъ предпріятій. Для послѣднихъ же, при современныхъ условіяхъ, правильно организованный кредитъ является необходимостью, чѣмъ и объясняется такое широкое развитіе его въ Германіи въ послѣднее время. Въ то же время это развитіе кредита способствуетъ не только поддержанію, но и дальнѣйшему развитію крестьянскаго хозяйства, такъ какъ помогаетъ ему, оставаясь крестьянскимъ, приспособляться къ современнымъ хозяйственнымъ требованіямъ и измѣняться соотвѣтственно имъ, что̀ въ свою очередь даетъ прочную основу дальнѣйшему развитію кредита. А такъ какъ этимъ путемъ капиталъ также приноситъ проценты и такъ какъ для него безразличны способы извлеченія прибыли, лишь бы получалась послѣдняя, то и съ этой стороны развитіе крестьянскаго хозяйства не противорѣчитъ современнымъ условіямъ развитія капитализма.

Но помимо этого—не смотря на все развитіе внѣшнихъ рынковъ—все же съ каждымъ годомъ на нихъ сталкиваются произведенія все большаго и большаго числа государствъ, по мѣрѣ того какъ сѣть капиталистическаго производства разстилается на все большее и большее пространство. Вслѣдствіе этого приходится удѣлять большее вниманіе и внутреннему рынку, подумать объ увеличеніи рынковъ не только путемъ присвоенія и освоенія внѣшнихъ, но и, такъ сказать, углубленія внутреннихъ. Достигнуто же это можетъ быть лишь путемъ поднятія уровня потребностей въ самомъ населеніи и созданія такого класса населенія, которое само бы способствовало оживленію обмѣна товаровъ. А въ такомъ случаѣ сильное своей производительностью крестьянство даетъ такой рынокъ, и именно крестьянство, какъ масса, а не просто подъемъ производительности сельскаго хозяйства, такъ какъ спросъ-то на товары предъявляютъ люди, а не земля и не капиталы. А это значитъ, что масса потребителей, хотя бы каждый предъявлялъ, и не большой спросъ, имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ небольшая группа потребителей, изъ которыхъ каждый можетъ предъявить запросъ въ большемъ размѣрѣ сравнительно съ отдѣльнымъ мелкимъ потребителемъ, но всѣ, вмѣстѣ въ суммѣ, дадутъ меньше массы мелкихъ. Государственные финансисты давно усвоили

эту истину и потому облагаютъ косвенными налогами по преимуществу предметы, потребляемые массою бѣдняковъ, а не сравнительно ничтожной группой богачей. Несомнѣнно это понимаютъ и капиталисты, хотя это еще и требуетъ напоминанія. Доказательствомъ послѣдняго служитъ то, что во время преній въ Германскомъ рейхстагѣ о «Zukunftsstaat'ѣ» (31 янв.—7 февраля 1893 г.) депутатъ А. Бебель долженъ былъ выяснить это на примѣрахъ, которые мы и приведемъ, чтобы дать наглядную картину значенія, такъ сказать, мелочного потребленія массъ. «Отчего спрашиваетъ онъ, происходятъ кризисы? не потому, что много потребляется, а потому, что мало. И если предлагаете рабочимъ сберегать, потреблять еще менѣе, чѣмъ теперь, то кризисы будутъ еще острѣе. Откуда получаются крупныя суммы косвенныхъ налоговъ? Главнымъ образомъ, отъ рабочихъ! Почему облагаются косвенными налогами по преимуществу предметы потребленія большихъ массъ? Потому что это приноситъ больше всего. Вся расточительность богатыхъ классовъ далеко не въ состояніи удержать въ хорошемъ положеніи наше производство или обезпечить намъ крупныя суммы, собираемыя косвенными налогами,—это зависитъ существеннымъ образомъ отъ того, что потребляютъ низшіе классы. Приведомъ маленькій числовой примѣръ. Легче всего, конечно, рабочій можетъ сберечь на куреніи табаку; это вѣдь не необходимость, а удовольствіе. Допустимъ, что 6 мил. рабочихъ экономятъ каждую недѣлю по 2 сигары за 4 пфенига, это составитъ 48 мил. пфениговъ въ недѣлю или 24.960000 марокъ въ годъ. Но если въ годъ будетъ издержано на 24 мил. мар. (около 12 мил. рубл.) менѣе на сигары, то убавится опредѣленное количество фабрикъ. Допустимъ, что каждая фабрика имѣетъ сбытъ на 200000 мар.—это уже большая фабрика—тогда по этому разсчету должно уничтожиться около 120 фабрикъ. Рабочіе останутся безъ хлѣба и всѣ существованія связанныя съ этой фабрикой. Торговцы, купцы, ящечники и т. д.—всѣ останутся безъ средствъ существованія. Таково будетъ слѣдствіе системы сбереженія. Возьмемъ еще примѣръ: пиво; пиво также не есть необходимость и возможно и на немъ сбереженіе; 6 мил. рабочихъ сберегаютъ каждый въ недѣлю на двухъ кружкахъ пива — 20 пф. Это составитъ въ годъ $62^1/_2$ мил. марокъ; на эту сумму будетъ менѣе выпито пива и это сдѣлаетъ сотни пивоваренъ неспособными къ существованію и оставитъ рабочихъ безъ хлѣба. Въ первомъ случаѣ рабочій сбережетъ въ годъ 4,16 марки, во-второмъ 10,4 мар.—сумму ничтожную. Пойдемъ далѣе: водка излишня; 6 мил. рабочихъ, сберегая по 3 пфен. въ рабочій день на водкѣ или по 18 въ недѣлю, сдѣлаютъ сбереженія на 56 мил. мар. Сколько же винокуренныхъ заводовъ и связанныхъ съ ними производствъ должно тогда уничтожиться. Далѣе жалуются на стремленіе къ нарядамъ со стороны работницъ. Если четыре мил. работницъ, прислуги и т. д. сберегутъ на этомъ 30 пф. въ недѣлю, то это составитъ въ годъ $62^1/_2$ м. мар. Сколько же фаб-

рикъ и торговыхъ предпріятій должно уничтожиться *)! (Nach. dem offiziellen stengraphischen Bericht. Berlin. 1893, стр. 90). Послѣ этихъ расчетовъ, кажется, совершенно ясно, насколько въ интересахъ капиталистовъ важно существованіе такого массоваго рынка, какой можетъ представить крестьянство съ высоко развитымъ сельскимъ хозяйствомъ, представляющее спросъ на самые разнообразные продукты капиталистической обработывающей промышленности. Предъявляемый имъ спросъ долженъ быть разнообразнѣе спроса, предъявляемаго фабричнымъ рабочимъ, которому нужны только предметы потребленія, тогда какъ крестьянину, кромѣ того, орудія и предметы производства непосредственно; тутъ само сельское хозяйство даетъ рынокъ. Вотъ потому-то такой чисто буржуазный писатель какъ Шульце-Гевернитцъ говоритъ: «съ полнымъ основаніемъ нѣмецкіе фабриканты, спрошенные имперской комиссіей, видятъ *въ малой потребительной силѣ* нѣмецкаго рабочаго *слабую сторону*, сравнительно съ Англіей... Если бы массы въ Германіи обладали тою же потребительной силой, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ или въ Англіи, то она *могла бы сбывать у себя дома* болѣе чѣмъ двойное количество теперешняго своего вывоза текстильныхъ товаровъ... *Крестьянинъ* не имѣетъ еще того сбыта для продуктовъ интенсивной садовой и огородной культуры, сбыта, который ему самому далъ бы возможность *стать серьезнымъ покупателемъ произведеній крупной промышленности... Чѣмъ болѣе* законодательство *покровительствуетъ мелкому землевладѣнію*, какъ напр., нынѣ въ Ирландіи, *тѣмъ болѣе расширяется* и тутъ новый внутренній *рынокъ для англійской крупной промышленности*». («Крупное производства», пер. подъ ред. П. Б. Струве. Спб. 1897, стр. 197, 198 и 196. Курсивъ вездѣ нашъ).

Итакъ вотъ какое значеніе имѣетъ для обработывающей промышленности, для дѣйствующаго въ ней капитала — упроченіе и развитіе крестьянскаго хозяйства. Но если это представляетъ такой интересъ для капитала, какъ такового, то не меньшее значеніе представляетъ для развитія производительныхъ силъ обработывающей промышленности и для интересовъ занятыхъ тамъ рабочихъ — удержаніе значительной части населенія при земледѣльческихъ занятіяхъ. Говоря о законѣ наклонности прибыли къ пониженію. К. Марксъ говоритъ, что слѣдуетъ поставить вопросъ не о томъ, «почему существуетъ наклонность прибыли къ пониженію, а наоборотъ почему такое пониженіе не значительнѣе и не быстрѣе. Должны быть какія-нибудь противодѣйствующія вліянія, которыя препятствуютъ дѣйствію общаго закона и уничтожаютъ его». Отмѣчая наиболѣе общія изъ этихъ причинъ, онъ, между прочимъ, указываетъ на относительное перенаселеніе,

---

*) Эти и подобные примѣры и разсчеты всего лучше говорятъ, на сколько далеки отъ истины тѣ умозаключенія, согласно которымъ капиталистическое производство само себя питаетъ, создавая само для себя рынокъ и потому не нуждается въ потребителяхъ.

дѣйствіе котораго выражается въ томъ, что такое преобладаніе живого труда даетъ возможность не переходить во многихъ отрасляхъ производства къ примѣненію машинъ по дешевизнѣ рабочихъ, вслѣдствіе того, что тутъ рабочая плата стоитъ ниже средней, а потому и норма прибавочной стоимости и количество ея въ этихъ отрасляхъ высоки, что и отражается на общей нормѣ прибыли. (Капиталъ, т. III. гл. 14, въ особ. стр. 182). Что же изъ этого слѣдуетъ? А то, что чѣмъ производительнѣе крестьянское земледѣліе, чѣмъ выше уровень его, тѣмъ меньшая часть населенія бросаетъ это занятіе и ищетъ другого—фабричнаго труда, тѣмъ меньше относительное перенаселеніе въ этомъ смыслѣ, тѣмъ необходимѣе въ обработывающей промышленности переходъ къ формѣ ея интензивной капиталомъ, а не трудомъ, тѣмъ, слѣдовательно, шире и глубже приложеніе техническихъ усовершенствованій, тѣмъ, стало быть, выше производительная сила труда, тѣмъ быстрѣе то развитіе промышленности, которое характеризуетъ болѣе высокую форму ея; вмѣстѣ съ этимъ, тѣмъ выше уровень заработной платы у рабочихъ въ обработывающей промышленности и, стало быть, тѣмъ выше ихъ жизненное положеніе, уровень ихъ требованій, ихъ вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ выражается отношеніе интересовъ крестьянства къ интересамъ другихъ рабочихъ классовъ. И для этого дается основаніе самымъ ходомъ развитія капиталистическаго производства. Въ главѣ о системахъ земледѣлія было подробно указано на основаніи цѣлаго ряда теоретическихъ положеній и фактическихъ данныхъ, что объединяющее дѣйствіе капитала въ обрабатывающей промышленности должно охватывать собою относительно все меньшую и меньшую часть населенія и, слѣдовательно, капитализмъ въ этой формѣ его воздѣйствія не представляетъ такого средства, котораго одного достаточно для объединенія производителей, такъ какъ этимъ путемъ онъ захватываетъ слишкомъ ничтожную часть всего трудящагося населенія и притомъ все меньшую и меньшую (относительно). Въ такомъ случаѣ эта сторона проявленія капитализма не представляетъ собою чего-либо всеобъемлющаго и, отмѣчая ее, К. Марксъ нигдѣ не выражаетъ того, чтобъ это былъ единственный путь, ведущій къ объединенію всѣхъ производителей. И дѣйствительно, въ области сельскаго хозяйства капиталъ не производитъ объединяющаго дѣйствія на производителей, не вліяетъ и на усовершенствованіе земледѣлія. Напротивъ, «разсѣяніе сельскихъ работниковъ на большихъ пространствахъ сламываетъ силу ихъ сопротивленія». «Всякій прогрессъ капиталистическаго земледѣлія есть не только прогрессъ въ искусствѣ эксплуатировать работника, но въ то же время и въ искусствѣ истощать почву» (Капиталъ, I, гл. XIII). Далѣе, какъ на одно изъ слѣдствій переворота въ земледѣліи въ Англіи, гдѣ оно приняло капиталистическую форму, указывается на превращеніе пахоти въ пастбище, что даетъ возможность крайне экономить

въ пользованіи трудомъ. А это въ свою очередь приводитъ къ тому, что «въ Ирландіи лица, вынужденныя перекочевывать въ города, *производя давленіе на заработную плату въ городахъ*, остаются земледѣльческими рабочими и постоянно отсылаются обратно въ сельскіе округа, въ поиски за работою» (тамъ же, гл. 23). Это обстоятельство тоже не говоритъ за объединяющую роль капиталистическаго земледѣлія. «Мораль этой исторіи (чередованія урожаевъ и неурожаевъ), которую мы также можемъ извлечь, изслѣдуя земледѣліе съ иной точки зрѣнія,—заключается въ томъ, что капиталистическая система противодѣйствуетъ раціональному земледѣлію, или что раціональное земледѣліе несовмѣстимо съ капиталистической системой (хотя послѣдняя и способствуетъ техническому его развитію) и требуетъ рукъ или самостоятельно работающихъ мелкихъ крестьянъ, или контроля объединившихся производителей» (тамъ же, III, 83). Итакъ, эти цитаты въ согласіи со всѣмъ развитымъ нами въ предшествующихъ очеркахъ свидѣтельствуетъ, что капитализмъ въ земледѣліи не играетъ ни въ отношеніи увеличенія общественной производительной силы, ни въ отношеніи объединенія производителей той роли, какая ему приписывается въ обрабатывающей промышленности. А въ такомъ случаѣ, если ходъ развитія экономическихъ отношеній дѣйствительно ведетъ къ объединенію производителей, къ обобществленію производства, то какъ въ области сельскаго хозяйства, такъ и въ области всей производственной дѣятельности это обобществленіе (имѣя въ виду объединеніе въ обрабатывающей промышленности все меньшей и меньшей части населенія) должно производиться иными путями, независимо отъ тѣхъ, которые даются фабрикой. Слѣдовательно въ сельскомъ хозяйствѣ оно можетъ быть достигнуто лишь объединеніемъ разрозненныхъ мелкихъ производителей не подъ главенствомъ капитала, а соотвѣтственно условіямъ и требованіямъ сельскохозяйственнаго производства и съ сохраненіемъ индивидуальной самостоятельности производителей. А это равносильно сохраненію крестьянскаго хозяйства. Отсюда—и тотъ поворотъ въ отношеніи къ крестьянскому хозяйству, который вызывается всѣмъ ходомъ развитія современныхъ экономическихъ условій и тѣми измѣненіями въ направленіи къ объединенію производителей со многихъ сторонъ. которые происходятъ въ самомъ крестьянствѣ и создаютъ изъ него во многихъ отношеніяхъ—одно экономически цѣлое. Но это же ведетъ и къ повышенію, къ росту его производительныхъ силъ и, вмѣстѣ съ ростомъ его экономическаго значенія, усиливаетъ и его общественное значеніе, что обезпечиваетъ ему большее вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ. Это большее вліяніе тѣмъ сильнѣе должно расти, что подъемъ крестьянскаго хозяйства сопровождается упадкомъ значенія крупнаго землевладѣнія и относительнымъ уменьшеніемъ фабричнаго населенія. А въ такомъ случаѣ ходъ экономическаго развитія долженъ сопровождаться еще большимъ укрѣпленіемъ и развитіемъ того, что

должно вести къ развитію производительныхъ силъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и къ усиленію его экономической и общественной роли.

Таково значеніе, таковы современныя условія упроченія и развитія крестьянства въ западно-европейскихъ странахъ. А если это такъ тамъ, если тамъ различные классы заинтересованы съ разныхъ сторонъ въ поддержаніи крестьянства, если тамъ экономическія отношенія складываются такъ, что не позволяютъ игнорировать интересы крестьянства и послѣдніе выдвигаются все болѣе и болѣе, то не должно ли все это имѣть еще большее значеніе по отношенію къ Россіи? Не является ли наше частное землевладѣніе, такъ мало снабженное собственнымъ инвентаремъ, еще болѣе заинтересованнымъ въ томъ, чтобы крестьянство имѣло хорошій рабочій скотъ, рабочій инвентарь? Это въ томъ случаѣ, конечно, если землевладѣльцы удерживаютъ собственное хозяйство. Здѣсь, конечно, можно допустить предположеніе, что потому-то наше частное землевладѣніе и вынуждено прибѣгать къ крестьянской обработкѣ, что оно испытываетъ конкуренцію со стороны крестьянъ, затрудняющую веденіе собственнаго хозяйства и слѣдовательно съ этой стороны не заинтересовано въ сохраненіи крестьянства. Но все вышеприведенное говоритъ за то, что и независимо отъ этой возможной причины, въ силу цѣлаго рода выясненныхъ выше условій, веденіе сельскаго хозяйства на предпринимательскомъ началѣ не имѣетъ данныхъ для своего развитія и успѣха; по этой причинѣ въ Англіи падаетъ фермерское хозяйство, а у насъ не развивается. Казалось бы, при описанныхъ выше условіяхъ положенія нашего крестьянскаго хозяйства — не трудно выдѣлиться изъ среды крестьянъ же такому слою, который могъ бы собрать вокругъ себя землю и вести на ней батрацкое хозяйство, пользуясь своими же односельчанами, какъ батраками. И однако такого общаго явленія нѣтъ и обыкновенно такіе выдвинувшіеся богатѣи изъ крестьянъ во-первыхъ, и выдвигаются-то не вслѣдствіе своихъ сельско-хозяйственныхъ успѣховъ, а во-вторыхъ, и пользуются своимъ положеніемъ, и поддерживаютъ его не на почвѣ сельскохозяйственнаго производства, а торговли, скупщичества, ростовщичества и т. п. Въ смыслѣ же сельскохозяйственномъ—въ общемъ стоятъ даже ниже средняго уровня (см. ст. А. В. Пѣшехонова: «Къ вопросу о роли собирателей земли» Русское Богатство 1897 г.). Характернымъ между прочимъ свидѣтельствомъ, насколько русскія условія представляютъ мало данныхъ для развитія фермерскаго хозяйства, можетъ служить то обстоятельство, что вотъ уже болѣе 20 лѣтъ у насъ существуетъ премія гр. Орлова-Давыдова въ 10 т. р. за сочиненіе о способахъ и условіяхъ введенія въ Россіи фермерскаго хозяйства, и до сихъ поръ не было даже повода для сужденія о назначеніи этой преміи. Оно и совершенно понятно, такъ какъ до крайности очевидно, что способовъ этихъ не можетъ быть. Если зажиточный крестьянинъ лучше крупнаго землевладѣльца сумѣ-

етъ обойти всѣ трудности, сопряженныя съ введеніемъ сельскаго хозяйства на предпринимательскомъ началѣ, то онъ еще лучше видитъ и понимаетъ всѣ послѣдствія такого хозяйства и всю невыгоду рисковать для этого своими средствами, когда имѣетъ цѣлую массу другихъ болѣе выгодныхъ и болѣе вѣрныхъ способовъ извлекать выгоду изъ своихъ средствъ и своего положенія.

Итакъ, въ этомъ отношеніи условія складываются не въ пользу веденія самостоятельнаго предпринимательскаго хозяйства, и потому громадное большинство землевладѣльцевъ ведетъ его при помощи крестьянскаго инвентаря, гдѣ оно не теряетъ на праздно-лежащемъ капиталѣ и на понапрасну оплачиваемомъ трудѣ батрака, когда этотъ трудъ нельзя примѣнить къ дѣлу. А такъ какъ интересы каждаго класса опредѣляются окружающими экономическими условіями, и такъ какъ крестьянское хозяйство у насъ представляетъ собою подавляющую массу хозяйствъ, то интересы частнаго землевладѣнія крупнаго складываются такимъ образомъ, чтобы крестьянство обладало болѣе высокими производительными силами. Для той же группы землевладѣльцевъ, которая своего хозяйства совершенно не имѣетъ или имѣя его въ то же время сдаетъ часть земель въ аренду—опять-таки интересъ выражается въ томъ, чтобы имѣть арендаторовъ болѣе надежныхъ и способныхъ дать болѣе высокую арендную плату, а это возможно лишь при болѣе высокомъ уровнѣ крестьянскаго хозяйства. Наконецъ, и для тѣхъ, которые желали бы отдѣлаться отъ своихъ земель по сходной цѣнѣ — опять-таки интересъ состоитъ въ томъ, чтобы имѣть болѣе покупщиковъ и притомъ такихъ, которые въ состояніи дать болѣе высокую цѣну, чему опять-таки отвѣчаетъ масса крестьянства съ болѣе высокимъ уровнемъ производства.

Но если съ этихъ сторонъ является заинтересованнымъ въ упроченіи и развитіи крестьянства частное землевладѣніе, то и капитализмъ нашъ, болѣе нуждающійся во внутреннемъ рынкѣ, чѣмъ въ западно-европейскихъ государствахъ, очевидно также заинтересованъ въ сохраненіи крестьянства, коль скоро онъ имѣетъ въ томъ интересъ въ Германіи и даже Англіи; создать же такой прочный, обширный рынокъ можетъ только масса крестьянства съ широко развитыми потребностями, что тѣсно связано съ поднятіемъ уровня производительности крестьянскаго хозяйства, но именно, какъ то видно изъ вышеприводившихся разсчетовъ А. Бебеля, коль скоро этотъ подъемъ уровня хозяйства распространится на *массу* крестьянскихъ хозяйствъ, а не на отдѣльныя выдающіяся единицы.

Вотъ тѣ условія русской дѣйствительности, то сочетаніе экономическихъ силъ, которое ведетъ у насъ къ упроченію и развитію крестьянскаго хозяйства, независимо отъ того, хотимъ мы этого или нѣтъ, нравится намъ это или нѣтъ. Данное выше объясненіе причинъ, ведущихъ къ этому, можетъ-быть, и не во всѣхъ своихъ частяхъ вполнѣ вѣрно и точно, сочетаніе

интересовъ, можетъ-быть, выражается и не совсѣмъ такъ, хотя всѣ приведенныя данныя говорятъ за то, но фактъ тотъ, что интересы крестьянства продолжаютъ занимать собою общественное вниманіе, хотя и не во всей силѣ того значенія, какое имѣютъ. Иначе, какъ тѣмъ, что они имѣютъ жизненное значеніе, имѣютъ силу—иначе, какъ этимъ, нельзя объяснить того, что то положеніе крестьянства, въ какое оно поставлено было тѣмъ сочетаніемъ интересовъ, какое сложилось при отмѣнѣ крѣпостнаго права, несмотря на все разстройство, причиненное тѣмъ крестьянскому хозяйству, не привело все-таки къ упадку его, къ полному разрушенію, а вызываетъ послѣ тяжелаго кризиса или цѣлаго ряда кризисовъ, переживаемыхъ крестьянскимъ хозяйствомъ, такой переломъ въ немъ, который свидѣтельствуетъ о наступающихъ въ немъ прогрессивныхъ улучшеніяхъ, способствующихъ его упроченію и развитію, хотя проявленія этого пока еще далеко не повсемѣстны. Иначе опять-таки, какъ силою и жизнеспособностью крестьянскаго хозяйства и его подавляющимъ значеніемъ, нельзя объяснить того, что наши земства съ самаго начала и до послѣднихъ дней, несмотря на усиленное въ нихъ представительство землевладѣльческаго класса—большинство своихъ мѣропріятій сводятъ къ такимъ, которыя отвѣчаютъ интересамъ крестьянъ. И если первоначально въ этомъ отношеніи главная дѣятельность сводилась на распространеніе грамотности, на организацію медицинской помощи, то это потому, что тутъ громко вопіяли о себѣ самыя элементарныя условія человѣческаго существованія. И какъ разъ въ послѣдніе годы, когда землевладѣльческое представительство въ земствахъ усилено въ ущербъ крестьянству — обращается все болѣе и болѣе вниманія на мѣры для поднятія уровня крестьянскаго хозяйства, учреждаются агрономическія организаціи, организуются мѣры по снабженію крестьянъ рабочими лошадьми. (Въ Вятской губ., почти исключительно крестьянской, Симбирской—съ довольно распространеннымъ крупнымъ землевладѣніемъ, Казанской, Тверской, Саратовской, Псковской), по организаціи ссудъ подъ залогъ хлѣба (Новгородск., Тверск. и др.), по ссудѣ сѣменами и т. д. Можно даже сказать, что въ этомъ отношеніи многія земства дѣлаютъ какъ разъ то, что исполняется въ Германіи, напр.— товариществами сельскихъ хозяевъ, при чемъ всѣ сельско-хозяйственныя и экономическія мѣропріятія земствъ имѣютъ въ виду, можно сказать, исключительно крестьянскія хозяйства. И если вѣрно, что экономическія отношенія опредѣляютъ сознаніе людей, то эта сознательная дѣятельность земства въ цѣляхъ экономическаго и техническаго прогресса крестьянскаго хозяйства должна свидѣтельствовать, что наши экономическія отношенія и условія, распространенность у насъ крестьянскаго хозяйства и его значеніе при настоящихъ, исторически сложившихся условіяхъ таковы, что опредѣляютъ общественное сознаніе въ такомъ направленіи, что оно проявляется въ поддержаніи и развитіи крестьянскаго хозяйства, а это говоритъ за жизненность его, за то, что всякое

игнорированіе его, всякое стремленіе идти наперекоръ этому будетъ равносильно стремленію поворотить назадъ колесо исторіи.

Такъ заставляетъ заключать вышеприведенное по отношенію не только къ Россіи, гдѣ крестьянство сохранило преобладаніе и гдѣ *особенности того историческаго момента*, когда Россія вплелась въ группу государствъ съ капиталистическимъ развитіемъ, придаютъ выдѣляющееся значеніе упроченію и развитію крестьянства,—но такъ заставляетъ заключать все приведенное и по отношенію къ западно-европейскимъ государствамъ—и не почему-либо иному, а опять-таки по тому историческому моменту, по той фазѣ, въ которой находится теперь развитіе капитализма.

Это, конечно, не означаетъ еще, чтобы у насъ или гдѣ бы то ни было интересы капитализма были тѣсно связаны съ интересами крестьянства, съ его развитіемъ. Это справедливо по отношенію къ данному моменту; съ теченіемъ же времени это можетъ и измѣниться въ зависимости отъ измѣненія другихъ условій, при чемъ эти интересы могутъ прямо разойтись. Можно даже предположить, что они навѣрное разойдутся, такъ какъ интересы крестьянства, какъ трудящейся части населенія, солидарны съ интересами всей рабочей массы. На эту связь, пункты ея соприкосновенія и выраженія и вообще на взаимное отношеніе интересовъ работающихъ въ обработывающей промышленности и въ земледѣліи я неоднократно указывалъ и потому здѣсь въ заключеніи лишь напоминаю объ этомъ и коснусь другого пункта, касающагося этого, который какъ бы допускаетъ возможность противоположности интересовъ въ виду того, что крестьянинъ является собственникомъ земли. Но, во-первыхъ, это можетъ быть справедливо лишь по отношенію дѣйствительно къ собственнику, тогда какъ у насъ большинство крестьянъ владѣютъ землей на общинномъ началѣ, что вырабатываетъ иное отношеніе къ землѣ, нежели у собственника. При этомъ, конечно, возникаетъ вопросъ, есть ли у насъ почва для существованія общиннаго землевладѣнія. Мы знаемъ, что институтъ этотъ существовалъ и въ другихъ странахъ и исчезалъ тамъ отчасти естественно, отчасти, какъ, наприм., въ Англіи, насильственно. Но условія существованія общиннаго землевладѣнія у насъ не тѣ же, что на Западѣ, и при томъ не въ силу какихъ-то *особенностей общиннаго духа*, который существовалъ и у другихъ народовъ, пока у нихъ существовала община, а въ силу *особенностей хозяйственно-историческаго момента*, при которомъ она теперь существуетъ у насъ. Правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эти особенности не благопріятствуютъ ея сохраненію. Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что существованіе ея—въ интересахъ массы населенія и въ интересахъ правильнаго развитія земледѣлія, которому, какъ это теперь выяснилось, не благопріятствуетъ крупное землевладѣніе не на общинномъ началѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что цѣлыя общины переходятъ отъ одной системы земледѣлія къ другой. А разъ переходъ совершается не только *при* общин-

номъ землевладѣніи, но даже *при помощи* его, то, слѣдовательно, существуютъ основанія, дѣлающія эту форму жизнеспособной и въ смыслѣ успѣховъ земледѣлія, не говоря уже о способности ея переходить въ иныя болѣе совершенныя формы, что очень существенно. Матеріальныя условія, которыя вели къ разложенію общиннаго землевладѣнія въ другихъ странахъ, въ Россіи встрѣчаются не въ такой мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что при тѣхъ условіяхъ, при какихъ развивалась капиталистическая промышленность на Западѣ, необходимо было обезземеленіе *массы* населенія, чтобы получить достаточное количество рабочихъ рукъ для этой промышленности.

Теперь же, какъ мы видѣли, и тамъ моментъ другой, не требующій этого, при чемъ и тамъ начинаетъ измѣняться отношеніе къ общинному землевладѣнію и не предусматривается непремѣнная гибель его. «Существуетъ возможность перейти этой общественной формѣ въ высшую, коль скоро она сохранится до тѣхъ поръ, что обстоятельства созрѣютъ къ тому и коль скоро она проявитъ способность къ развитію въ томъ направленіи, что крестьяне станутъ обрабатывать землю не раздѣльно, а соединивъ поля; слѣдовательно, если она перейдетъ къ этой формѣ, безъ того, чтобы русскіе крестьяне пережили промежуточную ступень буржуазной парцелярной собственности» (Fr. Engels: Sociales aus Russland. Leipzig. 1875 стр. 14). Между тѣмъ, мы видимъ, что въ этомъ отношеніи проявляются попытки артельнаго хозяйства, къ этому же ведетъ начавшееся уже примѣненіе техническихъ усовершенствованій въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Даже тамъ, гдѣ эта форма не сохранилась, приходятъ къ идеѣ возстановленія ея, хоть въ другомъ видѣ. Такъ, на конгрессѣ рабочихъ, въ Марсели въ 1893 г. былъ сдѣланъ въ этомъ смыслѣ рядъ постановленій (см. Programme Agricole du partie ouvriere. Lille. 1893). А разъ въ настоящее время экономическіе интересы складываются въ направленіи упроченія крестьянства, что возможно лишь при сохраненіи въ его пользованіи земли, и разъ этому сохраненію содѣйствуетъ общинное землевладѣніе, то очевидно отсутствуютъ внѣшнія причины, ведущія къ его разрушенію; разъ, съ другой стороны, примѣненіе техническихъ усовершенствованій легче и быстрѣе совершается при общинномъ землевладѣніи и въ то же время многія изъ нихъ ведутъ къ соединенной обработкѣ земли, рыночныя же условія въ свою очередь вызываютъ товарищескую организацію, которая также способствуетъ къ соединенному веденію многихъ отраслей хозяйства, то существуютъ внутреннія причины къ переходу общиннаго владѣнія землею въ высшую форму, минуя промежуточную и въ то же время падаютъ внутреннія причины разрушенія ея.

Но даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ ходъ развитія капитализма отражается, какъ мы видѣли, на землѣ въ томъ смыслѣ, что націонализируетъ ее, изъемлетъ ее изъ товарнаго обращенія и, стало-быть, ставитъ обработывающаго ее въ положеніи не

владѣльца ея, а лишь работника, подобно тому какъ и фабричный рабочій не владѣлецъ, а лишь работникъ. Но такъ какъ процессъ капиталистическаго производства ведетъ къ тому, что въ каждомъ капиталистическомъ предпріятіи дѣйствуетъ общественный, а не единоличный капиталъ, то это сближаетъ отношеніе къ окружающимъ экономическихъ явленіямъ того и другого класса населенія. При этомъ, однако, какъ будто бы существенное различіе остается въ томъ, что условія капиталистическаго производства въ обрабатывающей промышленности самымъ процессомъ производства ведутъ къ объединенію рабочихъ и выработкѣ въ нихъ классоваго самосознанія. Но развѣ не то же самое наблюдается въ земледѣліи именно при веденіи его не сельскими батраками въ крупныхъ помѣстьяхъ, а крестьянами, сожительствующими нерѣдко деревнями въ нѣсколько тысячъ душъ и объединенныхъ однимъ общимъ сознаніемъ по отношенію къ экономической обстановкѣ ихъ труда? Въ томъ мѣстѣ I т. Капитала, которое служитъ основаніемъ для заключеній объ объединяющемъ дѣйствіи капиталистическаго производства,—нѣтъ ни слова, изъ котораго можно было бы вывести заключеніе, что это отличаетъ его отъ земледѣльческаго производства. Тамъ указывается на это лишь какъ на путь какимъ, не смотря на то подавляющее вліяніе, какое производитъ капитализмъ на личность, онъ же вырабатываетъ и условія классоваго самосознанія. Если этому и противопоставляется крестьянство, то въ другомъ мѣстѣ и притомъ то буржуазное крестьянство, которое разъединено отдѣльной собственностью и притомъ при тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя измѣнились теперь и для него. По отношенію же къ русскому крестьянству, кто же изъ знакомыхъ сколько-нибудь съ условіями его существованія найдетъ основаніе примѣнить понятіе о буржуазіи. Ни въ складѣ жизни, ни въ ходѣ общинныхъ дѣлъ, ни въ условіяхъ работъ, требующихъ уже по климатическимъ условіямъ и по роду посѣвовъ одновременности и общности, ни въ цѣлой массѣ производительныхъ операцій, одновременной вывозки навоза, уборки хлѣба, косьбы луговъ и т. п. нѣтъ условій для разъединенной работы, а напротивъ создаются объединяющія начала. Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду и развитіе путей сообщенія, и товарнаго хозяйства, создающихъ все болѣе и болѣе тѣсныя объединяющія экономическія связи населенія.

Всѣ эти выводы и заключенія, однако, какъ будто противорѣчатъ явленіямъ, происходящимъ въ русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ и свидѣтельствующимъ о происходящей въ немъ дифференціаціи. Можно даже допустить, что мы позабыли о доказывающихъ это фактахъ, неоднократно отмѣченныхъ нами выше, и увлеклись явленіями противоположнаго порядка, придавъ имъ слишкомъ широкое значеніе. Но такое предположеніе будетъ невѣрно. Мы отмѣтили явленія дифференціаціи въ самомъ началѣ заключенія и затѣмъ отмѣтили рядъ общихъ положеній и отдѣльныхъ явленій, свидѣтельствующихъ, что такая дифферен-

ціація не можетъ быть явленіемъ безконечно развивающимся. Обращаясь теперь къ фактамъ, свидѣтельствующимъ о существованіи ея, отмѣтимъ предварительно первоначальный источникъ ея.

Въ своемъ мѣстѣ была указана та борьба интересовъ, которая должна была предшествовать отмѣнѣ крѣпостного права и отразиться на условіяхъ этой отмѣны. Было указано и на то, что ходъ экономическаго развитія, требовавшій подъема производительныхъ силъ, связаннаго съ развитіемъ капитализма, долженъ былъ привести къ освобожденію труда. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что отмѣной крѣпостного права наиболѣе затрогивались интересы владѣльцевъ крестьянъ и потому на выработку условій освобожденія всего сильнѣе должны были вліять эти интересы, которые къ тому же и представлены были наиболѣе сильно. Отсюда понятно, что то недостаточное надѣленіе землею, которое произошло при этомъ, совершилось главнымъ образомъ въ интересахъ землевладѣльцевъ и отсюда естественнымъ образомъ долженъ вытекать отливъ части земледѣльческаго населенія, не имѣющаго условій для приложенія своего труда къ землѣ, что, конечно, давало и для капитализма болѣе дешевыя рабочія руки, которыхъ, однако, и безъ того было достаточно въ видѣ класса бывшихъ дворовыхъ, мѣщанъ и той части крестьянскаго населенія, которая при всякихъ условіяхъ предпочитаетъ земледѣлію другое занятіе. Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что и при крѣпостномъ правѣ были фабрики, были крестьяне отбывавшіе не барщину, а оброкъ, и всѣ они представляли собою достаточный контингентъ рабочихъ. Если имѣть все это въ виду, то тѣмъ яснѣе будетъ, что первоначальный источникъ дифференціаціи вытекаетъ изъ недостаточнаго надѣленія землею, совершеннаго не въ интересахъ капитализма, а землевладѣнія. Подтвержденіемъ этому служитъ и то (что отмѣчено было и выше), что нашъ капитализмъ не поглощаетъ и не можетъ поглотить всей той массы, которая раскрестьянилась, и въ то же время не можетъ нуждаться въ такой большой массѣ въ качествѣ резервной арміи рабочихъ,—слишкомъ ужъ это роскошно по объему его развитія. Наоборотъ, это невыгодно для него, такъ какъ отнимаетъ отъ рынка слишкомъ большую массу потребителей.

Далѣе, можно ли считать происходящее разложеніе крестьянства явленіемъ безпрерывно растущимъ? Несомнѣнно, оно росло, пока населеніе распредѣлялось по занятіямъ такъ, чтобы для обработки земли, при прежней системѣ земледѣлія, осталось требуемое количество рукъ; оно растетъ и продолжаетъ расти тамъ, гдѣ еще не происходитъ перемѣнъ въ системѣ земледѣлія, и будетъ расти, пока такой переходъ не совершится, пока обработка земли не потребуетъ больше рукъ. Несомнѣнно, оно и прежде увеличивало путемъ аренды площадь своего землепользованія. Но, при постепенномъ ростѣ аренды, слабѣйшая часть продолжала отпадать. Но вотъ арендная плата достигла такой высоты, что стало расчетливѣе, выгоднѣе, вмѣсто уплаты ея, перейти

къ другой системѣ земледѣлія. Переходъ этотъ еще начинается, далеко еще не повсемѣстенъ и потому не можетъ еще отразиться на сокращеніи дифференціаціи въ массѣ всего крестьянства, но вліяніе его несомнѣнно должно сказаться. И весьма вѣроятно, что то уменьшеніе безлошадныхъ, которое было отмѣчено въ Клинскомъ у., напримѣръ (на что указано было въ своемъ мѣстѣ), является отчасти результатомъ начинавшагося тогда уже поворота въ измѣненіи системъ земледѣлія и орудій обработки. По этому поводу надо еще замѣтить, что, подобно тому, какъ измѣненіе въ количествѣ скота не идетъ въ одномъ направленіи, а колеблется въ ту и другую сторону, какъ то тоже было отмѣчено, такъ точно и увеличеніе безхозяйныхъ можетъ колебаться и всякія заключенія о непрерывномъ ростѣ его еще преждевременны, за недостаткомъ текущихъ или повторяющихся наблюденій въ этомъ отношеніи. Напротивъ, изъ тѣхъ же данныхъ объ измѣненіяхъ въ количествѣ скота (по Московской губ. и Петровскому у.) видно, что происходитъ не дифференціація, а приведеніе трехъ и двухъ лошадныхъ дворовъ къ однолошаднымъ, что и было мною отмѣчено какъ общее пониженіе уровня благосостоянія. Но возможно, что это послѣднее заключеніе не совсѣмъ правильно. Явленіе это, какъ убѣждаютъ нѣкоторыя позднѣйшія наблюденія, представляется болѣе сложнымъ, чѣмъ оно кажется съ перваго раза, и стоитъ между прочимъ въ связи съ большей или меньшей величиной двора, что въ свою очередь зависитъ отъ раздѣловъ, стоящихъ также въ связи съ развитіемъ самосознанія личности. Если имѣть все это въ виду, то уменьшеніе дворовъ съ тремя, наприм., лошадьми не означаетъ еще того, что дворъ лишился третьей лошади, а можетъ быть слѣдствіемъ того, что изъ одного двора стало два или три—съ одной лошадью каждый.

Нельзя дѣлать выводы о предстоящемъ и далѣе сокращеніи крестьянскаго населенія и на основаніи того, что классъ земледѣльцевъ уменьшается въ Европѣ и Америкѣ, а слѣдовательно долженъ уменьшаться и у насъ. Къ тому, что было сказано по этому поводу въ своемъ мѣстѣ, прибавимъ здѣсь слѣдующее: 1) было отмѣчено, что и тамъ (въ Англіи) число мелкихъ фермъ (крестьянскаго типа) и арендованій не уменьшается и вообще совершается поворотъ къ созданію крестьянства, хотя бы въ формѣ мелкихъ арендаторовъ (въ Ирландіи); 2) уменьшеніе земледѣльческаго населенія въ Англіи собственно въ настоящее время есть естественный результатъ того, что тамъ происходитъ переходъ отъ интенсивной системы, требующей большаго количества рукъ, къ такой какъ пастбищная, въ которой все сводится къ экономіи въ требованіи на рабочихъ, но не въ связи съ поднятіемъ производительныхъ силъ земледѣлія, а обратно—съ превращеніемъ пашенъ въ пастбища, что можетъ быть даетъ болѣе высокую прибыль, но не характеризуетъ подъема и усовершенствованія земледѣлія. Подобныя же явленія происходятъ и въ крупномъ землевладѣніи и другихъ европейскихъ странъ,

гдѣ вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ играетъ не меньшую роль, почему и появляется стремленіе создать крестьянство, которое могло бы дать прибыль землевладѣльцу уже инымъ путемъ. Что касается Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, то тамъ сокращеніе населенія, занятаго земледѣліемъ, естественно должно происходить подъ вліяніемъ продолжающагося занятія подъ обработку новыхъ земель, требующихъ болѣе экстенсивнаго земледѣлія и потому меньшаго количества рабочихъ рукъ. При этомъ возможно, конечно, что при продолжающемся захватѣ новыхъ земель подъ обработку и при отливѣ на эту обработку европейскихъ же переселенцевъ изъ числа земледѣльцевъ—число ихъ, уменьшаясь въ Европѣ, не увеличивается и вообще; но это до тѣхъ поръ, пока не потребуется переходъ къ болѣе интенсивной системѣ, взамѣнъ переживаемаго теперь въ міровомъ хозяйствѣ обратнаго перехода. Такимъ образомъ и по отношенію къ Европѣ еще нельзя заключать, что земледѣльческое населеніе въ ней будетъ прогрессивно уменьшаться. Наоборотъ, согласно развитому въ главѣ о системахъ земледѣлія, долженъ произойти поворотъ къ увеличенію его. Итакъ, первоначальный источникъ дифференціаціи крестьянства вызванъ не требованіями капитализма,—данныхъ, которыя позволяли бы заключить, что разложеніе крестьянства должно представлять собою непрерывный ростъ, не имѣется, напротивъ есть данныя, частію указывающія на начинающійся въ этомъ отношеніи поворотъ, частію говорящія за необходимость его, причемъ увеличеніе числа однолошадныхъ дворовъ на счетъ многолошадныхъ еще не доказываетъ непремѣнно обѣднѣнія, но можетъ свидѣтельствовать объ уравненіи дворовъ по рабочимъ силамъ, что можетъ только содѣйствовать различнаго рода соединеніямъ для обработки земли, такъ какъ съ одной стороны дѣлаетъ ихъ болѣе необходимыми, а съ другой—и болѣе возможными при равенствѣ экономическихъ силъ соединяющихся. Далѣе, ни откуда не слѣдуетъ, что то выдѣленіе массы крестьянства, которое происходило до сихъ поръ, составляло условіе развитія капитализма у насъ или отвѣчало его интересамъ. Напротивъ, ясно, что первоначальный источникъ этого вытекалъ изъ такого сочетанія борьбы разныхъ интересовъ, которое дало перевѣсъ землевладѣльческимъ интересамъ. Эти же послѣдніе интересы, конечно, обусловливали собою и то отсутствіе мѣръ по урегулированію переселеній, которое, само собою понятно, составляло немаловажный тормазъ для нихъ. Но подобно тому, какъ въ Англіи, въ концѣ концовъ, интересы капитализма взяли перевѣсъ и способствовали безпрепятственному выселенію въ колоніи, что̀ дало возможность удешевить содержаніе рабочей арміи и тѣмъ задержать паденіе прибыли по наклонной плоскости, подобно этому и у насъ съ теченіемъ времени переселенія все болѣе и болѣе становятся предметомъ государственнаго вниманія. Мѣста переселенія у насъ играютъ ту же роль, что колоніи для Запада Европы, и само собою разумѣется облегченіе пере-

селеній, отмежеваніе земель, предоставленіе въ Сибири земель не крупнымъ землевладѣльцамъ, а подъ переселенія крестьянъ-землепашцевъ—совершается не въ интересахъ землевладѣнія, а въ интересахъ и подъ вліяніемъ растущаго капитализма. Но вѣдь интересъ его въ этомъ случаѣ заключается не въ томъ только, что такимъ путемъ достигается удешевленіе средствъ содержанія рабочей силы. Капитализмъ въ Европѣ, допуская отливъ населенія въ колоніи и создавая тамъ ростъ земледѣльческаго производства, въ то же время создаетъ этимъ путемъ себѣ тамъ рынокъ. Но то же самое и у насъ, только создается это не путемъ отлива населенія въ колоніи, а во внутреннія незанятыя пространства, подобно тому, какъ такимъ же путемъ расширяли свой внутренній рынокъ и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, развившіе свой капитализмъ на почвѣ внутренняго рынка.

Но тамъ, помимо указанной причины, внутренній рынокъ росъ еще подъ вліяніемъ постояннаго притока населенія извнѣ, изъ Европы. По отношенію къ Россіи дѣло стоитъ, какъ видимъ, иначе; на притокъ населенія извнѣ разсчитывать не приходится, слѣдовательно ростъ внутренняго рынка можетъ происходить лишь путемъ роста потребностей у массы населенія, а этотъ ростъ потребностей находится въ тѣсной зависимости отъ подъема производительныхъ силъ населенія и при очерченныхъ выше условіяхъ именно крестьянскаго населенія. Вотъ то основаніе, въ силу котораго въ настоящій моментъ нашъ капитализмъ заинтересованъ въ развитіи крестьянства, и вотъ тѣ условія, въ силу которыхъ происходившая до сихъ поръ и происходящая еще дифференціація крестьянства не можетъ разсматриваться какъ нѣчто подлежащее непрерывному росту. Напротивъ, настоящій моментъ развитія и тѣ явленія прогрессивнаго характера въ крестьянствѣ, которымъ въ этомъ заключеніи отведено такъ много мѣста, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этомъ отношеніи начинается поворотъ въ другую сторону,—поворотъ, который надо разсматривать какъ результатъ той борьбы интересовъ, которая съ отмѣной крѣпостного права должна была проявиться вовнѣ, и той борьбы за существованіе, которое ведетъ крестьянство и которая выводитъ его, наконецъ, съ пути надеждъ на содѣйствіе извнѣ на путь активной экономической дѣятельности, выражающейся въ стремленіи поднять производительный уровень своего земледѣльческаго труда. При этихъ условіяхъ опять-таки сохраненіе до настоящаго момента общиннаго землевладѣнія гарантируетъ какъ дальнѣйшее упроченіе его, такъ и возможность болѣе быстраго подъема производительныхъ силъ земледѣлія. Мы уже отмѣтили выше, какое оно значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи, хотя бы уже потому, что отнимаетъ у земли характеръ товара и слѣдовательно уничтожаетъ одно изъ обстоятельствъ, отражающихся такъ невыгодно на сельскомъ хозяйствѣ. Но надо имѣть въ виду и другое.

При господствѣ товарнаго хозяйства, каждое предпріятіе служитъ не интересамъ только лица, ведущаго его, оно служитъ удовлетворенію потребностей общества, имѣетъ общественное значеніе, а при такомъ условіи имѣетъ значеніе прочность его, непрерывность и правильность его дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія имѣетъ значеніе все то, что способствуетъ прочности предпріятій, гарантирующей правильность удовлетворенія общественныхъ потребностей, слѣдовательно все то, что превращаетъ ихъ изъ единичныхъ въ имѣющія общественную организацію. Въ этомъ, между прочимъ, *общественное* значеніе акціонерныхъ предпріятій. Общинное владѣніе имѣетъ подобное же значеніе: оно способствуетъ добровольно или принудительно тѣмъ соединеніямъ въ земледѣліи, которыя являются результатомъ современныхъ требованій, предъявляемыхъ къ земледѣлію при внѣдреніи въ него товарнаго хозяйства; оно гарантируетъ, что съ упадкомъ одного хозяйства земля не останется безъ обработки, а будетъ передана другому или взята въ міръ,—въ этомъ его общественный смыслъ и значеніе. Это въ то же время свидѣтельствуетъ, что развитіе товарнаго хозяйства не есть въ то же время непремѣнное условіе разрушенія общиннаго землевладѣнія. Напротивъ, послѣднее еще болѣе способствуетъ развитію производительныхъ силъ земледѣлія и упроченію крестьянства.

Какъ же согласовать, однако, все это съ тѣмъ представленіемъ объ эволюціи экономическихъ отношеній, которое вытекаетъ изъ всего ученія о капитализмѣ? Если объединяющій процессъ капиталистическаго производства охватываетъ все меньшую и меньшую относительно часть населенія, а съ другой стороны происходитъ упроченіе и развитіе такого класса рабочаго населенія, какъ крестьянство, не разобщенное со средствами своего производства, то, очевидно, обычное представленіе о дальнѣйшей эволюціи экономическихъ отношеній измѣняется. Это однако не стоитъ въ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что лежитъ въ основѣ ученія о капитализмѣ и что изъ него вытекаетъ. Направленіе въ развитіи экономическихъ отношеній опредѣляется не тѣмъ, что развивается капитализмъ, который самъ есть явленіе производное, а не первоначальное и опредѣляющее, а тѣмъ, что развиваются и растутъ производительныя силы труда и соотвѣтственно съ тѣмъ умножаются средства удовлетворенія потребностей. Это, а не что-либо другое, составляетъ основной факторъ; это, а не капитализмъ съ господствомъ наемнаго труда, ведетъ къ поднятію уровня благосостоянія, къ поднятію уровня потребностей и самосознанія рабочаго; это же, а не что-либо другое, ведетъ къ увеличенію сбереженій рабочихъ въ сберегательныхъ кассахъ; это же, при современной общественной роли кредита, дѣлаетъ рабочихъ участниками въ капиталистическихъ предпріятіяхъ не только своимъ трудомъ, но и сбереженіями—капиталами; это же создаетъ изъ нихъ кредиторовъ землевладѣльцевъ,—но все это сближаетъ такимъ путемъ положеніе рабочаго съ положеніемъ крестьянина. Послѣдній, не

разобщаясь съ землей и средствами производства, продолжаетъ оставаться рабочимъ. Фабричный же рабочій, сдѣлавшійся такимъ по разобщеніи со средствами производства, дѣлается участникомъ предпріятій, по мѣрѣ того, какъ они принимаютъ общественный характеръ и растетъ общественная производительная сила труда. При такихъ условіяхъ, при такомъ намѣчающемся пути развитія экономическихъ отношеній—оно идетъ въ направленіи образованія одного класса населенія съ одними интересами, въ силу одинаковости способовъ обезпеченія своего существованія путемъ приложенія своего труда къ созданію предметовъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Измѣненіе производственныхъ процессовъ и отношеній въ сферѣ обработывающей промышленности и земледѣлія ведетъ двумя различными путями соотвѣтственно различію въ условіяхъ того и другого рода хозяйственной дѣятельности человѣка къ одному и тому же результату. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Такимъ образомъ производство становится общественнымъ не только по участію въ немъ общественной производительной силы труда, но и общественнаго капитала и средствъ производства. Но это не можетъ совершиться во всемъ производствѣ путемъ превращенія всего населенія въ классъ работающаго въ обработывающей промышленности въ силу уже того, что земледѣліе не можетъ запустѣть и въ то же время не можетъ принять форму капиталистическаго производства по типу его въ обработывающей промышленности. Если это не можетъ такъ быть въ эволюціи капитализма и земледѣлія вообще, при все большей и большей замѣнѣ перемѣннаго капитала постояннымъ, то тѣмъ менѣе это можетъ быть въ Россіи, гдѣ, какъ мы видѣли, населеніе, занятое въ обработывающей промышленности, составляя вообще ничтожный процентъ, относительно уменьшается и не можетъ не уменьшаться въ развитіемъ капиталистическаго производства, вынужденнаго примѣнять все болѣе и болѣе усовершенствованныя орудія, при которыхъ спросъ на живыя рабочія силы въ обработывающей промышленности сокращается. А въ такомъ случаѣ значитъ и съ этой стороны измѣненіе экономическихъ отношеній можетъ происходить въ опредѣленномъ направленіи и не итти наперекоръ развивающимся историческимъ теченіямъ, а пользуясь ими, только въ томъ случаѣ, если будетъ подниматься уровень производительности крестьянскаго, земледѣльческаго хозяйства, такъ какъ именно въ этомъ уровнѣ производительности, въ подъемѣ его и лежитъ залогъ лучшаго будущаго.

Можетъ ли, однако, подъемъ производительности крестьянскаго земледѣлія поднять и упрочить положеніе крестьянства? Развитіе товарнаго хозяйства, усиленіи производства на сбытъ, увеличеніе отчужденія продуктовъ крестьянскаго труда—поведетъ лишь, въ концѣ концовъ, къ паденію цѣны этихъ продуктовъ соотвѣтственно уменьшившемуся общественно-необходимому времени на ихъ производство и въ массѣ крестьянство останется тѣмъ же. Очевидно, однако, что это не такъ.

По мѣрѣ того, какъ будетъ совершаться подъемъ производительности крестьянскаго земледѣлія, а слѣдовательно и увеличиваться средства удовлетворенія потребностей, будутъ развиваться послѣднія, тѣмъ болѣе, что часть продуктовъ усиленнаго въ своей производительности земледѣлія будетъ потребляться крестьяниномъ въ натурѣ, т.-е. итти непосредственно на лучшее удовлетвореніе его потребностей. Подъемъ же уровня потребностей вызоветъ еще болѣе сильное стремленіе къ ихъ удовлетворенію, бо́льшую силу сознавать свои интересы и дѣйствовать сообразно съ ними, бо́льшую способность къ тому, вообще бо́льшую устойчивость въ борьбѣ за существованіе и болѣе развитое самосознаніе, а въ этомъ-то и лежитъ источникъ умѣнья пользоваться окружающими условіями для дальнѣйшаго развитія экономическихъ отношеній соотвѣтственно интересамъ даннаго класса.

Въ предыдущемъ неоднократно указывалось на то, какое отношеніе имѣетъ развитіе капитализма къ развитію крестьянства, и каждый разъ отмѣчалось, что въ извѣстномъ отношеніи первый заинтересованъ въ развитіи послѣдняго. Отсюда какъ будто бы получается выводъ, что развитіе капитализма должно отвѣчать развитію крестьянства, откуда, пожалуй, не долго сдѣлать и другой, что, способствуя развитію капитализма, можно способствовать развитію крестьянства. По этому поводу надо, однако, отмѣтить, что интересы капитализма соприкасаются съ интересами крестьянства лишь въ одномъ отношеніи, и, само собою разумѣется, не въ интересахъ капитализма такое упроченіе крестьянства, которое бы вовсе уничтожило отливъ оттуда населенія на фабрики, что повело бы къ подъему заработной платы фабричныхъ рабочихъ. Отсюда видно, что интересы фабричныхъ рабочихъ ближе соприкасаются съ интересами крестьянства, нежели интересы капиталистовъ, и потому уже нельзя дѣлать вышеприведеннаго вывода. Къ этому не мѣшаетъ еще замѣтить, что, конечно, то или иное отношеніе къ капитализму со стороны отдѣльныхъ единицъ не можетъ имѣть основнаго значенія для конечныхъ результатовъ экономической эволюціи и не можетъ измѣнить общаго направленія въ развитіи капитализма или крестьянскаго хозяйства, но можетъ, конечно, отозваться на скопленіи въ обществѣ большей или меньшей суммы зла, на причиненіи большихъ или меньшихъ страданій большей или меньшей массѣ населенія въ настоящемъ и въ то же время отзовется на чувствѣ нравственнаго самоудовлетворенія тѣхъ, которые, принявъ ошибочно отрицательныя стороны общаго прогрессивнаго развитія будутъ посвящать свое время, силы, знанія на служеніе тому, что имѣетъ въ основѣ не интересы массъ, хотя и не можетъ помѣшать послѣднимъ пользоваться крохами, падающими со стола богатаго Лазаря.

Наконецъ, прежде чѣмъ опредѣлить свое отношеніе къ капитализму и къ развитію его, нужно выяснить себѣ въ чемъ заключается та основная причина, которая даетъ ему силу и

перевѣсъ, что вызываетъ при немъ развитіе производительной силы, чѣмъ онъ пользуется для этого. Въ 1 т. Капитала есть не мало мѣстъ, въ которыхъ говорится, что капитализмъ пользуется научными пріобрѣтеніями даромъ, при чемъ, такъ какъ рабочіе являются хотя бы и невольными, но участниками развитія капитализма, то, конечно, и на ихъ долю перепадаетъ кой-что, а можетъ-быть, и очень многое отъ этого пользованія наукою, но, конечно, капитализмъ, если и заинтересованъ въ этомъ, то въ очень ограниченномъ и опредѣленномъ смыслѣ. и, если рабочіе пользуются этими пріобрѣтеніями науки въ своихъ интересахъ, то не потому, чтобы это составляло задачу капиталистическихъ отношеній, а несмотря на то, что это не составляетъ задачи этихъ отношеній и вопреки интересамъ упроченія капитализма. Но самъ то капитализмъ всѣмъ своимъ успѣхомъ обязанъ научному развитію: «Рука объ руку съ сосредоточеніемъ или эксплуатаціей многихъ капиталистовъ немногими развивается все въ бо́льшихъ и бо́льшихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочаго процесса, *сознательное техническое приложеніе науки...*» (Капиталъ, I, гл. 24, отд. 7). При машинномъ производствѣ «задача наивыгоднѣйшаго соединенія работъ... разрѣшается посредствомъ техническаго приложенія *механики, химіи* и т. д.»... «Крупная промышленность должна необыкновенно сильно увеличивать производительную силу труда, прилагая громадныя силы природы и *естествознаніе* къ процессу производства...» (тамъ же, гл. 13). «Развитіе производительной силы труда въ одной отрасли производства, которое частью можетъ находиться въ зависимости отъ прогресса въ области умственнаго производства, именно, отъ прогресса естественныхъ наукъ и ихъ приложенія, является условіемъ уменьшенія стоимости, а потому расходовъ на средства производства въ другой области промышленности... Для экономіи постояннаго капитала, возникающей вслѣдствіе прогрессивнаго развитія промышленности, особенно характерно то, что при этомъ повышеніе нормы прибыли въ одной отрасли промышленности обусловливается развитіемъ производительной силы труда въ другой. То, что при этомъ идетъ въ пользу капиталиста, представляетъ опять-таки выгоду, которая есть результатъ общественнаго труда... Такое развитіе производительной силы, *въ концѣ концовъ, всегда сводится къ общественному характеру совершающагося труда, къ развитію умственнаго* труда, въ особенности естественныхъ наукъ» (Капиталъ т. III, стр. 48—49. Курсивъ нашъ). «Эдиссонъ и Сименсъ являются духовными отцами Беллами и Бебеля» (Цитир. выше соч. Зомбарта, стр. 12). Итакъ, вотъ въ чемъ сила. Конечно, это все указываетъ, что проведеніе ея въ жизнь прошло черезъ капитализмъ. Но кто же можетъ сказать, что это единственный путь. Наоборотъ согласно всему развитому выше, развитіе какъ капитализма, такъ и вообще экономическихъ отношеній при настоящихъ условіяхъ даже не можетъ совершаться тѣмъ путемъ, какимъ оно шло ранѣе, такъ какъ

вся историческая обстановка дальнѣйшаго развитія иная, хотя бы она измѣнилась и подъ вліяніемъ капитализма. А разъ она измѣнилась отъ чего бы то ни было, то измѣнились и дальнѣйшія пути, хотя бы они вели къ тому же конечному пункту. Для иного пути достаточно уже того, что измѣнилось самосознаніе массъ, которое является во всякомъ случаѣ однимъ изъ опредѣляющихъ факторовъ. «Въ Англіи процессъ преобразованія очевиденъ до осязательности. Дойдя до извѣстной высоты развитія, онъ долженъ отразиться на континентѣ. Въ какихъ формахъ проявится онъ тамъ, въ грубыхъ или гуманныхъ — это совершенно зависитъ отъ степени развитія самихъ работниковъ» (Предисл. къ 1-му изд. 1 т. Капитала). «Зависитъ отъ степени развитія», а въ такомъ случаѣ, слѣдовательно, и сознаніе опредѣляетъ многое. Это сознаніе выяснило условія измѣненія экономическихъ отношеній и вызвало сознательное воздѣйствіе на нихъ для пользованія въ интересахъ массы положительными сторонами совершающейся эволюціи и для устраненія или смягченія отрицательныхъ сторонъ ея, при чемъ это сознаніе ранѣе всего созрѣло въ той части населенія, которая, вслѣдствіе развитія капитализма въ обработывающей промышленности, наиболѣе испытала на себѣ воздѣйствіе его. Но разъ это сознаніе проникло въ массу, разъ «общество напало на слѣдъ своего развитія», то сознаніе это дѣлается уже общимъ достояніемъ, и слѣдовательно, крестьянство, поставленное въ подчиненную зависимость капитализму, равнымъ образомъ заинтересовано въ выработкѣ своего самосознанія и въ воздѣйствіи на ходъ измѣненія экономическихъ отношеній въ томъ же направленіи, которое дѣлаетъ общественнымъ достояніемъ пріобрѣтенія, совершенныя въ эпоху капитализма; такимъ образомъ, упроченіе и развитіе крестьянства вытекаетъ изъ условій современныхъ экономическихъ отношеній и не противорѣчитъ прогрессивному развитію ихъ, которое можетъ совершаться лишь путемъ поднятія производительныхъ силъ населенія и его сознательнаго отношенія къ совершающимся перемѣнамъ. *Прямымъ* же средствомъ для этого служитъ не капитализмъ, а широкое проведеніе въ массу населенія профессіональныхъ знаній и общаго образованія.

Таковы тѣ условія, которыя съ одной стороны обезпечиваютъ развитіе крестьянскаго хозяйства въ Россіи, и слѣдовательно, волей-неволей, заставляютъ съ нимъ считаться, брать его въ расчетъ, съ другой стороны заставляютъ смотрѣть на него не какъ на явленіе, мѣшающее прогрессивному ходу развитія экономическихъ отношеній, а напротивъ, какъ на содѣйствующее ему и совершающееся въ томъ же направленіи. Чтобы уяснить это, необходимо имѣть въ виду, что, говоря словами Гобсона въ цитированномъ уже выше предисловіи его къ русскому изданію, «болѣе широкія тенденціи въ промышленной жизни могутъ имѣть всеобщее значеніе въ ея эволюціи, между тѣмъ какъ мѣстное примѣненіе общихъ законовъ легко обнаруживается

всякому, не боящемуся труда внимательнаго изученія вопроса». Въ этомъ-то внимательномъ изученіи вопроса въ связи съ условіями дѣйствительности и состоитъ задача каждаго, желающаго уяснить себѣ значеніе, ходъ и направленіе перемѣнъ, совершающихся въ хозяйственной жизни разныхъ народовъ *).

Резюмируя еще разъ вкратцѣ все сказанное здѣсь, мы должны установить слѣдующее: Крупная обрабатывающая промышленность въ дальнѣйшемъ ростѣ своемъ ведетъ къ объединенію при посредствѣ ея все меньшей и меньшей (относительно) части населенія и потому, если развитіе экономическихъ отношеній совершается въ направленіи все большаго и большаго объединенія общественныхъ силъ, то оно не можетъ быть достигнуто только развитіемъ крупной обрабатывающей промышленности. Не можетъ быть достигнуто и развитіемъ крупной капиталистической формы въ земледѣліи, такъ какъ послѣднее пред-

*) Болѣе подробную мотивировку необходимости „внимательнаго изученія вопроса для *мѣстнаго* примѣненія общихъ законовъ“ даетъ извѣстное письмо К. Маркса, которое мы и помѣщаемъ здѣсь въ примѣчаніи съ нѣкоторыми изъ тѣхъ примѣчаній къ нему, которыя были сдѣланы при первоначальномъ его печатаніи нами въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ въ октябрѣ 1888 г. Мы помѣщаемъ его цѣликомъ, чтобы привести мотивы автора его же собственными словами. Вотъ содержаніе этого письма, раздѣленнаго на 2 части:

I.

„Авторъ статьи „Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго“ человѣкъ очевидно умный, и найди онъ въ моемъ изложеніи „первоначальнаго накопленія“, хотя что нибудь, подтверждающее его выводы, онъ, конечно, привелъ бы такое мѣсто. За неимѣніемъ чего-либо подобнаго онъ былъ вынужденъ удовольствоваться небольшой вставкой (hors d'oeuvre), полемической выходкой противъ русскаго „беллетриста“, помѣщенной въ примѣчаніи къ первому нѣмецкому изданію „Капитала“ **). Въ чемъ же я упрекаю этого писателя? — Въ томъ, что онъ сдѣлалъ открытіе „русскаго коммунизма“ не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго регирунгсрата Гакстгаузена, и что въ его рукахъ русская община служитъ только доводомъ для доказательства того, что гнилая старуха Европа должна быть возрождена побѣдой панславизма. Моя оцѣнка этого писателя можетъ быть справедливою, можетъ быть и ложною, но ни въ какомъ случаѣ она не даетъ ключа къ моимъ воззрѣніямъ на усилія „русскихъ людей найти для своего отечества путь развитія, отличный отъ того, которымъ шла и идетъ Западная Европа“.

„Въ послѣсловіи ко второму нѣмецкому изданію „Капитала“ я говорю о „великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ“ съ тѣмъ высокимъ уваженіемъ, какого онъ заслуживаетъ (стр. 817). Ученый этотъ въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ изслѣдовалъ вопросъ, должна ли Россія, чтобы перейти къ капиталистическому строю, начать съ уничтоженія поземельной общины, какъ того добиваются либеральные экономисты, или же, наоборотъ, она можетъ, не претерпѣвая всѣхъ мученій этого строя, усвоить всѣ плоды его, развивая собственныя историческія данныя. Онъ высказывается въ смыслѣ послѣдняго рѣшенія. И мой почтенный критикъ имѣлъ, по меньшей мѣрѣ, столько же основанія изъ моего уваженія къ этому „великому русскому ученому и критику“, вывести заключеніе, что я раздѣляю взгляды послѣдняго на этотъ вопросъ, какъ, и, наоборотъ, изъ моей полемической выходки противъ русскаго „беллетриста“ и панслависта сдѣлать выводъ, что я ихъ отвергаю. Наконецъ такъ

**) Во второмъ нѣмецкомъ изданіи примѣчаніе, заключающее эту полемическую выходку,—выпущено авторомъ. (Н. К.)

ставляетъ, частію по условіямъ своего производства, частію по условіямъ, создаваемымъ развитіемъ капитализма въ обрабатывающей промышленности, сильныя препятствія примѣненію капиталистической формы производства. Независимо отъ этого—капиталистическое производство въ земледѣліи не ведетъ къ развитію въ послѣднемъ общественной производительной силы и созданію объединяющихъ началъ. Все это обусловливаетъ иной ходъ развитія земледѣлія и вызываетъ въ немъ упроченіе и развитіе мелкаго хозяйства съ видоизмѣненіемъ въ сторону объединенія производителей на иномъ—товарищескомъ началѣ и не подъ главенствомъ капитала, какъ то происходитъ въ обрабатывающей промышленности. Эти внутреннія условія и особенности сочетанія производительныхъ силъ въ земледѣліи влія-

---

я не люблю оставлять „quelque chose à deviner", то выскажусь безъ обиняковъ. Чтобы имѣть возможность судить съ знаніемъ дѣла объ экономическомъ развитіи современной Россіи, я выучился по-русски и затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ изучалъ оффиціальныя и другія изданія, имѣющія отношеніе къ этому предмету. Я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому она шла съ 1861 года, то она лишится самаго прекраснаго случая, который когда-либо представляла народу исторія, чтобъ избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя.

II.

„Въ главѣ о „первоначальномъ накопленіи" я только имѣлъ намѣреніе прослѣдить тотъ путь, которымъ въ *Западной Европѣ* экономическій капиталистическій строй вышелъ изъ нѣдръ экономическаго феодальнаго строя. А путь этотъ велъ къ тому, чтобы разъединить производителя отъ его средствъ производства, обращая перваго въ наемника (пролетарія въ современномъ смыслѣ этого слова), а послѣднія въ капиталъ. Въ этой исторіи „составляетъ эпоху всякій переворотъ, который служитъ средствомъ подвинуть впередъ формированіе капиталистическаго класса... Но основою всего процесса служитъ экспропріація землевладѣльцевъ" *). Въ концѣ главы я разсматриваю исто-

---

*) Гл. 24-я I-го т. Къ цитированному мѣсту у автора слѣдуетъ примѣчаніе гласящее: „Въ Италіи, гдѣ капиталистическое производство развилось раньше всѣхъ другихъ странъ, и уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній совершилось также раньше всѣхъ. Крѣпостной освобождался здѣсь прежде, чѣмъ успѣвалъ обезпечитъ давностью право на землю. Поэтому, освобожденіе обратило его тотчасъ въ пролетарія свободнаго какъ птица; къ тому же онъ нашелъ себѣ новыхъ господъ въ городахъ, большая часть которыхъ была построена еще во времена римлянъ". Въ такомъ видѣ это примѣчаніе помѣщено въ 1-мъ русскомъ и первыхъ двухъ нѣмецкихъ изданіяхъ „Капитала". Въ третьемъ же нѣмецкомъ и французскомъ изданіи, вышедшемъ въ 1875 г., К. Марксъ, какъ бы предусматривая то недоразумѣніе которое можетъ возбудить его историко-философская теорія, послѣ приведенныхъ словъ добавляетъ; „Когда крупные перевороты, наступившіе съ конца 15 столѣтія въ всемірномъ рынкѣ, лишили Сѣверную Италію ея торговаго преобладанія и привели къ упадку ея мануфактуры, произошло движеніе въ обратномъ направленіи. Городскіе рабочіе массами возвращались въ деревни, гдѣ съ тѣхъ поръ мелкая культура, въ томъ видѣ какъ ведется садоводство получила никогда не виданное развитіе". Такимъ образомъ это дополненіе, указывающее какъ и ниже приводимый примѣръ римскихъ пролетаріевъ, что разобщеніе рабочаго отъ средствъ производства имѣетъ при различныхъ историческихъ условіяхъ различныя послѣдствія, какъ бы служитъ отвѣтомъ на вопросъ, насколько и при какихъ условіяхъ обязателенъ для каждой страны тотъ ходъ развитія, который изображенъ въ главѣ „о первоначальномъ накопленіи". (Н. К.)

ютъ на развитіе его въ томъ же направленіи, въ какомъ вліяетъ на него и развитіе капитализма въ обрабатывающей промышленности: по мѣрѣ развитія послѣдняго во всѣхъ странахъ, ограничивается для каждой изъ нихъ сфера расширенія внѣшняго рынка, а это вызываетъ потребность углубленія внутренняго рынка путемъ подъема и развитія земледѣлія внутри страны; для этого, соотвѣтственно условіямъ земледѣльческаго производства, необходимо развитіе и упроченіе крестьянскаго хозяйства. Этимъ, а не стремленіемъ упрочить консервативное начало, объясняется поворотъ въ пользу упроченія и развитія крестьянства въ Германіи, напр., гдѣ прусскимъ землевладѣльцамъ очень хорошо извѣстно, что такія крестьянскія страны, какъ Швейцарія, Швеція, Норвегія, обладающія относительно слабымъ развитіемъ обрабатывающей промышленности, имѣютъ такія широкія полити-

---

рическое направленіе (tendance) капиталистическаго накопленія и утверждаю, что его постѣднее слово — это преобразованіе капиталистической собственности въ общественную Въ этомъ мѣстѣ я не приводилъ никакихъ доказательствъ этого положенія, по той простой причинѣ, что само это положеніе есть не болѣе какъ краткое резюме длиннаго ряда данныхъ уже разобранныхъ въ главѣ о капиталистическомъ производствѣ.

„Теперь спрашивается, какое же приложеніе къ Россіи можетъ извлечь мой критикъ изъ моего краткаго историческаго очерка? Только слѣдующее: если Россія стремится стать націей капиталистической по образцу западно-европейскихъ націй,—а въ теченіи послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда,—она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно *доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ*; а послѣ этого, приведенная разъ на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть не умолимыхъ законовъ, какъ и всякая другая не посвященная (profane) нація. Вотъ и все! Но этого слишкомъ мало для моего критика. Ему непремѣнно надо преобразовать мой очеркъ происхожденія капитализма въ Западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія, въ теорію, *которой фатально должны подчиниться всѣ народы, каковы бы ни были историческія условія, въ которыхъ они находятся*, чтобы въ концѣ концовъ придти къ такому экономическому строю, который обезпечиваетъ наибольшую свободу проявленія производительныхъ способностей общественнаго труда и всестороннее развитіе человѣка. Но прошу у него извиненія. Это значитъ дѣлать мнѣ много чести и въ то же время много безчестія (honte) Возьмемъ примѣръ. Въ различныхъ мѣстахъ „Капитала“ я дѣлаю намеки на судьбу плебеевъ древняго Рима. Въ началѣ это были свободные крестьяне, обработывавшіе для себя свои собственные участки земли. Въ теченіе римской исторіи они были экспропріированы. То же движеніе, которое разъединило связь ихъ съ принадлежавшими имъ средствами производства и существованія, предполагаетъ не только образованіе крупной поземельной собственности, но также и крупныхъ денежныхъ капиталовъ. И такъ, въ одно прекрасное утро появились съ одной стороны свободные люди, лишенные всего, кромѣ ихъ рабочей силы, а съ другой—для эксплоатаціи этого труда – владѣльцы всѣхъ пріобрѣтенныхъ богатствъ. Что же произошло? Римскіе пролетаріи стали не наемными рабочими, но праздношатающейся чернью, „*tob*“, болѣе низкою, чѣмъ бывшіе „poor whites“ южныхъ штатовъ, и вмѣстѣ съ ними развился не капиталистическій способъ производства, а рабскій. Слѣдовательно, событія *поразительно аналогичныя*, но происходящія въ средѣ *исторически различной* приводятъ къ *результатамъ совершенно несходнымъ*. Изучая каждую изъ этихъ эволюцій въ отдѣльности и затѣмъ сравнивая ихъ, легко найти ключъ къ этимъ явленіямъ, но никогда нельзя придти къ пониманію ихъ, имѣя въ рукахъ passe par tout историко-философской теоріи, высшее достоинство которой состоитъ въ томъ, чтобы быть наи-историческою (supra historique)“. (Курсивъ вездѣ мой. Н К.).

ческія учрежденія, такую свободу въ выраженіи мнѣнія и проявленіи общественныхъ силъ, которыя уже ни въ какомъ случаѣ не уступаютъ Германіи. Разсчитывать при этихъ условіяхъ на упроченіе консерватизма путемъ созданія крестьянства, значитъ не видѣть того, что происходитъ рядомъ, а объяснять этимъ поворотъ въ пользу крестьянства, значитъ для освѣщенія экономическихъ явленій довольствоваться не экономическими факторами. Тѣми же экономическими факторами объясняется и поворотъ замѣчаемый въ этомъ отношеніи въ Англіи, и развитіе не крупнаго землевладѣнія, а насажденіе крестьянства въ Сибири. Въ связи со всѣмъ этимъ происходитъ и ростъ самосознанія самого крестьянства, стремленіе его поднять производительность своего земледѣльческаго труда и придать ему форму того соединенія общественныхъ производительныхъ силъ, которое ведетъ здѣсь, но уже инымъ путемъ, нежели въ обрабатывающей промышленности, къ развитію общественнаго производства, которое въ земледѣліи, обратно съ индустріей, должно охватывать относительно не уменьшающуюся, а увеличивающуюся часть населенія, и такимъ образомъ, уничтожается то послѣдствіе, которое вытекаетъ въ этомъ отношеніи изъ развитія крупнаго производства въ обработывающей промышленности.

БИБЛІОТЕКА
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.